
LIBRARY OF CONGRESS
0 006 116 561 7

Marchenko, A.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

РОМАНЪ

Marchenko

А. МАРЧЕНКО.

Brama assaï, poco spéra e nulla chiède.

Часть I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданiе А. Смирдина (сына) и Комп.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 4 Декабря 1857 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

ДРУЖЕСКІЕ СОВѢТЫ.

(Предисловіе.)

— Заглавіе этого романа, одно его заглавіе—даетъ пищу остроумію рецензентовъ, а въ тридцати или болѣе листахъ, въ которыхъ заключается вашъ романъ, вѣроятно найдется какое-нибудь выраженіе, какое-нибудь слово,—оно поможетъ этому остроумію развиться и, ссылаясь на заглавіе, наговорить тысячу забавныхъ вещей насчетъ вашего романа и можетъ-быть насчетъ васъ собственно! Вѣдь бываютъ же случаи, что безнаказанно называютъ автора по имени, обращаются прямо къ нему, хотя бы онъ и прикрылъ себя псевдонимомъ.

— Помилуйте, какъ это можно! произведенія подлежатъ суду критика, а личность автора для него посторонняя вещь. Мы вѣдь имѣемъ свои права...

— И вы вѣрите до такой степени въ ненарушимость своихъ правъ, что смѣло ставите грудь вашу противъ пера всѣхъ рецензентовъ?....

горячее участіе въ авторѣ человѣку пришлось замолчать и отойти.

Читатель! все тотъ же туристъ передъ вами, невольный путешественникъ, прилежный наблюдатель: его ли вина, что на пути своемъ онъ встрѣтилъ одни мыльные пузыри!..

—

ГЛАВА I.

— Вотъ тебѣ и *свячельникъ*!—говорилъ сѣдой буфетчикъ двумъ другимъ лакеямъ помоложе, сидя на своемъ постоянномъ мѣстѣ.—Филька давно свѣчи подалъ, а баринъ все ходитъ да ходитъ по залѣ; не знаешь какъ и подойти, какъ спрашивать! а самъ тоже не придумаешь—одинъ приборъ ставить, или на троихъ накрывать!..

— Да что же они не ѣдутъ-то, Евстафій Тимоѳеевичъ? спросилъ Филька.

— Что? загуляли, должно быть. Имъ развѣ дѣло какое есть до старика? въ деревню на праздники ѣхать скучно, въ городѣ лучше гулять! произнесъ съ видимымъ неудовольствіемъ буфетчикъ.

— А вотъ пріѣдутъ! отозвался казачокъ, стоя надъ печкой и заложивъ руки въ свои пространные карманы.

— Какъ бы не такъ! вотъ жди ихъ до этакаго часу: и отецъ ходитъ носъ повѣсимши—хорошъ ему свячельникъ будетъ! охъ, охъ, охъ, молодые теперь не очень о старикахъ заботятся!

Очевидно, что Евстафію Тимоѳеевичу хотѣлось кушать самому, а какъ извѣстно было, что людямъ велѣно собираться послѣ барскаго стола въ этотъ день, то ожидать терпѣливо пріѣзда двухъ молодыхъ людей, которые запоздали на сочельникъ, становилось для него невыносимо. Впрочемъ Евстафій Тимоѳеевичъ довольно любилъ своего молодаго барина, Александра Юрьевича Улимова, но ждать его на праздникъ, и въ самый сочельникъ ждать—это ни мало не входило въ расчетъ буфетчика.

— Нѣтъ, Евстафій Тимоѳеевичъ, грѣхъ про Александра Юрьевича сказать; онъ очень добрый и стараго барина любитъ, отозвался Филька.

— Еще скажи, что и Павелъ Михайловичъ добрый! воркливо произнесъ старый буфетчикъ.

— Ну, этотъ....сказалъ Филька.

— Этотъ крѣпко ученый, подхватилъ казачокъ и засвисталъ потихонку плясовую.

— Ты! что ты это? прикрикнулъ на него буфетчикъ.

— Да проголодался крѣпко, Евстафій Тимоѳеевичъ, отвѣчалъ покорно казачокъ.

— Эй! кто тамъ! Филька! раздался въ это время голосъ Улимова; Филька встрепенулся, и опрометью бросился въ залу.

Остальные притихли.

— Не пріѣхали-ль? спросилъ казачокъ, поднявъ голову.

— Какое пріѣхали, это въ двадцатый разъ, а можетъ и въ сотый сегодня Юрій Петровичъ Фильку посылаетъ смотрѣть, отвѣчалъ буфетчикъ.

Но въ это время въ самомъ дѣлѣ что-то шерохнуло за окномъ и на крыльцѣ послышался шумъ.

— Ей Богу пріѣхали! крикнулъ казачокъ, и прежде нежели отворилъ дверь на крыльцо, влетѣлъ въ залу и съ раскраснѣвшимся лицомъ остановился передъ Юріемъ Петровичемъ — ей Богу, сейчасъ только пріѣхали! повторилъ онъ.

И точно, черезъ минуту двое молодыхъ людей, обвязанныхъ шарфами, съ поднятыми выше ушей мѣховыми воротниками шинелей, съ измокшими отъ снѣгу волосами и въ огромныхъ теплыхъ сапогахъ, вошли въ комнату.

Буфетчикъ очутился изъ первыхъ передъ ожидаемыми гостьми, изъ первыхъ поцѣловалъ руку у Александра Улимова и потомъ, съ изъявленьемъ радости и почтенія, подошелъ къ Пленчанинову.

Юрій Петровичъ стоялъ въ дверяхъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, говорилъ онъ, обнимая сына и племянника: что это вы такъ замѣшкались? я ужъ было думалъ, что кутью придется ѣсть одному.

— Какъ можно, дядюшка, помилуйте, воскликнулъ Пленчаниновъ—да я ни за что въ мірѣ не лишилъ бы себя счастія быть съ вами въ этотъ день; мнѣ, сирому, одинокому, дороги ласки родныхъ.

— Дорога не хороша, сказалъ Александръ, и воспользовавшись минутой, въ которую отвернулся отецъ, укорительно покачалъ Пленчанинову головой, но тотъ ему сдѣлалъ гримасу и подошелъ къ Юрію Петровичу.

— Что жъ вы, дядюшка—продолжалъ онъ, цѣлуя у него руки,—приготовились поразить меня и разбить окончательно на шахматной доскѣ? У насъ тамъ понаѣхало артистовъ разныхъ къ празднику и веселиться очень сбирались, но я не могъ себѣ

представить, что вамъ на праздникъ и въ шахматы будетъ не съ кѣмъ поиграть!

И опять молодой человѣкъ началъ обнимать дядю, цѣловалъ его въ плечо, припадалъ къ груди, а Юрій Петровичъ совершенно разнѣжился отъ ласкъ племянника.

— Спасибо тебѣ, Павлуша, ты всегда помнишь о другихъ, всегда готовъ принесть себя въ жертву удовольствіямъ другихъ и забыть о себѣ.

— Для другихъ? нѣтъ, дядюшка, для другихъ я этого не сдѣлаю; но для васъ, конечно, готовъ сдѣлаться совершеннымъ нулемъ, что̀ касается до плановъ моихъ и предпріятій. Вы у меня благодѣтель, отецъ второй....говорилъ Пленчаниновъ.

— И ты у меня второй сынъ, сказалъ Юрій Петровичъ. А Саша, я думаю, лучше бы въ городѣ остался?

— Полагаю, что пріѣздъ мой отвѣчаетъ вамъ на этотъ вопросъ, сказалъ Александръ серьезно.

— Да ужъ это такъ; онъ тебя уговорилъ, признайся!

— Онъ? возразилъ Александръ. Вы были такъ добры, что предоставили намъ полное право выбрать гдѣ проводить праздники, ѣхать ли къ вамъ или оставаться въ городѣ. Я буду говорить правду: какъ пріѣхали тамъ пѣвицы какія-то, да віоленчелистъ, да дѣвушка-скрипачъ, какъ стали тоже всѣ говорить о маскарадахъ, да и о балахъ, я было поколебался, но желаніе видѣть васъ превозмогло. Я не стану говорить вамъ, какъ Поль, что предпочитаю играть съ вами въ шахматы, что надѣюсь провести время въ нашей Александровкѣ веселѣе, нежели тамъ; но я готовъ охотно заплатить въ теченіе дня нѣсколькими минутами скуки, которыя,

какъ хотите, непремѣнно здѣсь у насъ будутъ тоже, за удовольствіе васъ видѣть.

Отецъ его выслушалъ молча.

— Мы здѣсь съ дядюшкой и потому ужъ скучать не можемъ, сказалъ льстиво Пленчаниновъ.—Я, съ своей стороны, предпочту сидѣть за шахматной доской, нежели болтать въ вашихъ гостиныхъ, слушать невѣжественныхъ пустомелей и чопорныхъ, имѣющихъ только видъ нѣкотораго образованія, женщинъ.

Разговоръ этотъ происходилъ уже въ залѣ, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и столовой въ домѣ Юрія Петровича.

— Представьте, mon oncle, что за смѣшная жизнь у насъ и что именно называютъ тамъ люди удовольствіемъ! Катаются напримѣръ въ саняхъ безъ снѣгу, и это ползкомъ двигается все по одной улицѣ; являются на балъ, не потому чтобы явилось желаніе веселиться, а потому, что балъ даетъ графъ такой-то, княгиня такая-то. Вѣчная игра мелкихъ самолюбій, въ вѣчномъ волненіи мелкія тщеславія! Соберутся-ль молодые люди на холостой вечеръ къ кому-нибудь—слова путнаго не скажутъ; за столы засядутъ, карты въ руки—и пошла потѣха! А я, конечно я тоже, и бываю вездѣ, и играть иногда сажусь, но это, чтобы не прослыть святошей; только во всемъ этомъ не нахожу вкусу.

— И Саша тоже? спросилъ Улимовъ.

— Нѣтъ, папа, я не такой примѣрный, какъ Поль! иногда съ удовольствіемъ играю, отвѣчалъ съ легкой ироніей Александръ

— Кушать готово-съ! произнесъ буфетчикъ, окончивъ возню свою съ приборами, и вытянулся за

стуломъ Юрія Петровича, а Филька сталъ напротивъ, неподвижно, съ тарелкой подъ рукой.

— Милости просимъ—проговорилъ Юрій Петровичъ, садясь за столъ.

Четвертый приборъ былъ поставленъ для управителя, приглашеннаго къ столу по случаю сочельника; за нимъ усѣлся подобострастно человѣкъ молодой еще, съ свѣжимъ рябоватымъ лицомъ, и устремилъ взоръ своихъ маленькихъ, быстрыхъ глазъ прямехонько въ тарелку: казалось, онъ ничего не слышитъ и не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ томъ, что говорится подлѣ него.

Молодые люди, не смотря на одинаковые студентскіе сюртуки, вовсе не походили другъ на друга, хотя оба были высокаго роста и имѣли свѣтлорусые волосы. Александръ Улимовъ имѣлъ волосы впрочемъ гораздо темнѣе, нежели Пленчаниновъ, почти каштановаго цвѣта; черты у него были правильны, довольно мелки, лице худощаво, щеки нѣсколько впалыя. Глаза темно-сѣрые, глубокіе, выразительные, подъ длинными завитыми рѣсницами, были полны мысли и нѣсколько задумчиваго выраженья; странные глаза: они не смѣялись, какому бы порыву веселости ни предавался Александръ, зато постоянно въ нихъ были какіе-то лучи, удивительно озаряющіе собой все миловидное и благородное лицо молодаго человѣка. Прямодушіе и чувство внутренняго достоинства выражались въ каждомъ словѣ, въ каждомъ его движеньи. Не смотря на свои двадцать лѣтъ, Александръ не имѣлъ еще и признака усовъ, или бакенбардъ; рука худощавая, длинная, но бѣлая и нѣжная какъ у женщины, обращала на себя вниманіе наблюдателя своей чрезвычайной гибкостью.

Пленчаниновъ былъ одного роста съ Александромъ, а можетъ быть и чуть-чуть пониже; волосы совершенно свѣтлые и густые также нѣсколько длинно были отрощены, близорукіе голубые глаза смотрѣли сквозь синіе очки, съ прекрасно заученнымъ выраженіемъ глубокомысленности. Черты были гораздо грубѣе и лишены той правильности и пріятности, которою отличалось лицо Александра. Густые бакенбарды и нѣсколько жесткіе усы были отращены имъ нарочно къ празднику, на время пребыванія въ деревнѣ. Онъ говорилъ густымъ басомъ, разсказывалъ всегда кучу забавныхъ анекдотовъ, умѣлъ занимать и смѣшить дядю. Фигура его была лишена граціозности, отличавшей каждое движенье Александра, пріемы всѣ были торопливы и неловки; но Пленчаниновъ думалъ, что танцуетъ превосходно, ссылаясь въ этомъ случаѣ на свидѣтельство своего танцовальнаго учителя, только потому, что тотъ никогда не могъ упрекнуть его въ нестарательности и невниманіи. Также точно онъ ссылался на отзывы своего учителя музыки и на то, что нразу въ дѣтствѣ не былъ наказанъ за музыку, чтобы доказать всѣмъ, что онъ хорошій музыкантъ хоть по знанію музыки, если не по исполненію ея, и съ успѣхомъ выдавалъ себя за знатока въ этомъ дѣлѣ. Что касается до пѣнія, то онъ былъ самъ увѣренъ и всегда съ величайшимъ убѣжденіемъ говорилъ всѣмъ, что у него громадный басъ и что если бы его учили пѣть во время, то онъ бы съ успѣхомъ могъ замѣнять Лаблаша. По словамъ его, онъ былъ силенъ какъ Раппо, ловокъ и проворенъ какъ Боско, и въ подтвержденіе этихъ словъ Пленчанинову ровно ничего не значило, въ присутствіи самой многочисленной публики, принимать

позы Раппо, эскамотировать, подражая Боско, и пѣть аріи, которыя написаны для Лаблаша; хотя именно этими отважными пробами публика менѣе всего убѣждалась въ его изумительныхъ способностяхъ. Пленчаниновъ продолжалъ всегда съ одинаковой охотой давать образчики своего умѣнія, по слову каждаго, едва знакомаго человѣка.

Пленчаниновъ слылъ удивительнымъ оригиналомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умомъ, обогащеннымъ многочисленными способностями. Но что бы онъ ни дѣлалъ, все лишено было граціи, все лишено было души.

Онъ росъ въ домѣ Улимова, двоюроднаго дяди и опекуна своего, и въ глазахъ его всегда старался слыть примѣрнымъ; привезенный къ Юрію Петровичу двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ тотчасъ захотѣлъ прибрать къ рукамъ Александра, которому было тогда десять лѣтъ. Но Александръ росъ одиноко до той поры и не привыкъ, чтобы имъ управляли; мальчики не поладили, пошли у нихъ ссоры, при разборѣ которыхъ всегда Александръ оставался виноватымъ, потому-что Пленчаниновъ умѣлъ представляться покорнымъ и даже какъ-будто готовымъ принять всю отвѣтственность на одного себя. Александръ былъ способенъ увлекаться и высказываться искренно, онъ съ одинаковой горячностью говорилъ о ненависти своей и о любви. Отецъ любилъ его особенно нѣжнымъ чувствомъ, по печальному воспоминанью и по еще болѣе печальному предчувствію, и однако не могъ онъ не ставить ему постоянно въ примѣръ Пленчанинова, и это озлобляло Александра тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ о Пленчаниновѣ совсѣмъ иное понятіе и только по гордости своей не высказывалъ его. По характеру

Александръ не выдалъ бы преступника, если бы этотъ преступникъ не прятался отъ него;—по гордости онъ не могъ указать на недостатки человѣка, котораго ему постоянно ставили въ примѣръ, чтобы не навести на себя подозрѣніе въ зависти, чувствѣ, котораго особенно чуждалась и которымъ особенно брезгала его душа. На похвалы, какими осыпалъ Юрій Петровичъ всегда Пленчанинова, на желанья, чтобы сынъ походилъ на племянника, постоянно имъ изъявляемыя, Александръ отвѣчалъ только также постоянно: «я хочу быть самимъ собою и не походить ни на кого!»

Отецъ осуждалъ его за такую гордость вслухъ, хотя внутренно любилъ въ сынѣ это чувство. Однако онъ прибавлялъ всегда, что на Пленчанинова не мѣшало бы во многомъ походить; короче, Пленчаниновъ умѣлъ овладѣть совершенно довѣріемъ дяди, а благодаря отзывамъ учителей, рѣшительно получилъ права на названіе *примѣрнаго*. Когда обоихъ мальчиковъ отдалъ Юрій Петровичъ въ гимназію, куда поступили они въ старшіе классы, характеръ двухъ юношей выразился въ выборѣ товарищей: Пленчаниновъ сошелся тотчасъ съ тѣми, которые были на золотой доскѣ, Александру же больше нравились рѣзвые характеры. Отъ матери, видно, перешла въ жилы его малороссійская кровь, и какъ чистый малороссіянинъ, онъ инстинктивно искалъ всего того, что можетъ поддерживать огонь души. Какъ малороссіянинъ, онъ любилъ наслажденія, способенъ былъ ихъ находить и даже создавать для себя во всемъ, хотя также точно былъ одаренъ южнорусскою способностью предаваться порой безотчетной тоскѣ, поэтической грусти. Малороссіяне изумительно богаты фантазіей;

оттого быть можетъ у нихъ, какъ и у восточныхъ народовъ, такъ медленны движенья: они боятся распугать легкія созданья своего воображенія и, не шевелясь, сидятъ нерѣдко по цѣлымъ часамъ.

Мать Александра была малороссіянка, небо Украйны улыбалось ей съ самой колыбели, и сыну въ наслѣдство оставила она свои большіе, темные, сіяющіе самыми разнообразными лучами глаза, и вообще много, много южнорусскаго перешло къ нему отъ нея. А между-тѣмъ онъ матери не зналъ, въ пеленкахъ еще остался безъ нея.

Юрій Петровичъ любилъ сына печальнымъ воспоминаніемъ навѣкъ утраченныхъ радостей, печальнымъ предчувствіемъ будущихъ горестей. Страшная угроза всей будущности Александра тяготѣла надъ нимъ. У Юрія Петровича осталось двое дѣтей послѣ смерти жены: дочь одиннадцати лѣтъ и сынъ годовой — кого изъ двухъ выберетъ фатализмъ, на кого изъ двухъ падетъ ужасный жребій наслѣдственнаго сумашествія? вотъ мысль, съ которой остался Юрій Петровичъ, и подъ гнетомъ ея схоронилъ онъ всѣ надежды на счастіе; у жены была родная тетка, которая не миновала такого назначенія; изъ рода въ родъ, съ незапамятныхъ временъ, переходило это страшное наслѣдство въ несчастномъ семействѣ.

Улимовъ женился по страстной любви и былъ счастливъ, такъ счастливъ, что думали, рука ужасной судьбы остановится, не поразитъ его, остановится передъ достоинствами этой прелестной женщины. Она была не одна въ своемъ семействѣ, выборъ могъ пасть не на нее. Въ самомъ дѣлѣ, для нихъ прошелъ не одинъ годъ мирнаго счастья и Юрій Петровичъ повѣрилъ въ

вѣчность своего счастья. Рожденье дочери дополнило для нихъ міръ семейной жизни, они соединили свои попеченія и свои надежды надъ головой этого дитяти. Прошло десять лѣтъ, сынъ родился,—страшное ожиданье давно заснуло въ обоихъ; казалось, счастье ихъ могло только увеличиваться, а не разрушаться; но черезъ нѣсколько времени, Дунечка, наблюдательная и любопытная какъ всѣ дѣти, стала замѣчать, что мать часто задумывается надъ колыбелью Саши, что плачетъ иногда, крупныя слезы катятся по ея прекрасному лицу. Это были первые приступы меланхоліи, преддверіе помѣшательства, — зло наконецъ заронилось и стало быстро распространяться.

Разсказъ Дунечки, наблюденія самого Юрія Петровича скоро привели его къ открытію ужасной истины; онъ чуть самъ не сошелъ съ ума отъ отчаянья, чувство отцовскаго долга спасло его. И между-тѣмъ, когда смерть изъ сожалѣнья прекратила страданья несчастной женщины, съ какой ужасной мыслью остался онъ на всю жизнь!...Улимовъ часто глядѣлъ на своихъ дѣтей и думалъ: надъ которой же изъ этихъ двухъ головъ опустится рука страшнаго назначенья? Если бы онъ могъ знать и предвидѣть, онъ бы старался меньше любить.... Нѣтъ, тогда чувствомъ состраданья онъ можетъ-быть еще бы нѣжнѣе любилъ того изъ двухъ, кто обреченъ былъ на жертву! Онъ сталъ думать о средствахъ предотвратить такое несчастіе, но средствъ не было: однако онъ хотѣлъ удалить отъ дѣтей впечатлѣніе смерти и причинъ смерти ихъ матери, но и это было невозможно. Дунечка все знала; послѣднее время она была предоставлена себѣ, и ребенокъ, бѣгая по всѣмъ угламъ, наслу-

шался толковъ, зналъ болѣе подробностей, нежели самъ Юрій Петровичъ, и бо́льшее число потрясающихъ картинъ сохранило въ памяти своей дѣтское воображенье. Какую-то горькую отраду находила эта дѣвочка въ безконечномъ повтореніи ужасныхъ словъ: «добрая наша и красивая мама умерла сумасшедшая!..» Часто, часто она повторяла эти слова печальнымъ голосомъ надъ колыбелью своего барта, или играя съ нимъ, когда онъ сталъ ползать и говорить; она чуть-чуть не выучила его произносить эти слова прежде всего, но ему трудно было выговаривать такую длинную фразу, и однако впечатлѣніе ея привилось къ его образовывающимся понятіямъ.

Когда ребенку минуло четыре года, Дунечка была ужъ почти взрослой дѣвицей: она перестала повторять надъ ухомъ маленькаго брата печальныя слова безотраднаго воспоминанья. Но когда разъ она взяла его на руки и, отдернувъ бѣлый крепъ, которымъ обыкновенно былъ завѣшенъ портретъ матери, сказала ему:—Саша, посмотри, это наша красивая мама! ребенокъ добавилъ: наша добрая, красивая мама, которая умерла сумасшедшей? дай же мнѣ долго смотрѣть на нее, Дунечка!

Въ самомъ дѣлѣ онъ смотрѣлъ долго, такъ долго, что его насильно почти пришлось отвесть отъ портрета, и выраженіе большихъ, темныхъ глазъ было полно самой глубокой печали.

Въ ту пору, когда начинается нашъ разсказъ, Дунечка была уже замужемъ, а Александръ учился въ Одесскомъ Лицеѣ, вмѣстѣ съ Пленчаниновымъ, и оба готовились окончить курсъ наукъ въ этомъ году. Они пріѣхали въ Александровку, имѣніе, доставшееся Юрію Петровичу частью въ

приданое за женой, частью перекупленное имъ у братьевъ жены; они пріѣхали на праздники, за триста или почти за четыреста верстъ, въ Кіевскую губернію, Какъ теперь вижу Александровку, и надъ ней небо благословенной Украйны. Напрасно спорятъ нѣкоторые, что Кіевскую губернію не слѣдуетъ называть Украйной, забывая, что если Черниговская имѣетъ Батуринъ, то Кіевская Чигиринъ, и что подъ именемъ Украйны надо подразумѣвать не теперешнія губерніи, а именно земли, ознаменованныя дѣйствіемъ Украинцовъ. Но не станемъ вдаваться въ историческія разсужденія: дѣло въ томъ, что мѣста, въ которыхъ находилась Александровка, были все мѣста историческія, и характеръ окрестной природы, нравы жителей, обычаи края, все носило на себѣ печать настоящей Украйны.

Въ пяти верстахъ былъ уѣздный городъ съ цѣлымъ штатомъ уѣздныхъ чиновниковъ, лицъ типическихъ, чрезвычайнно интересныхъ той вѣтхостью умовъ, которую можно встрѣтить только въ уѣздномъ городѣ. Замѣчательно было ужъ и то, что шесть главныхъ, правительственнныхъ лицъ этого города носили фамилію Крыжановскихъ: казначей Крыжановскій, становой приставъ Крыжановскій, исправникъ Крыжановскій и стряпчій Крыжановскій, такъ что когда кто собирался въ гости къ одному изъ этихъ господъ, то называлъ его непремѣнно по имени и отчеству, неиначе. Одного звали Тихономъ Матвѣичемъ, другаго Илларіономъ Данилычемъ, третьяго Петромъ Максимычемъ, и только капитана инвалидной команды всѣ называли Крыжановскимъ просто, какъ будто другіе назывались не Крыжановскими а какъ иначе;

но это потому собственно дѣлалось, что статскимъ чинамъ приличнѣе называться по имени, а капитану, какъ человѣку военному, прилично было называться просто по фамиліи. Замѣчательно еще, что всѣ они, Крыжановскіе, жили очень дружно, хотя никакого родства и свойства между ними не было, и вообще ничего общаго, кромѣ имени, невѣжественныхъ понятій и умѣнья покушать вкусно и много: для этой цѣли собственно они собирались, поочереди, другъ къ другу, и жены ихъ одна передъ другой старались выказать себя хозяйками. Бѣда, если пригоритъ что-нибудь, вареники расползутся, сметана горьковата или жидка, блины не допеклись, жаркое не зарумянилось, толченники жестки! а по части соленіи и вареній, по части наливокъ разнаго сорта, развѣ мало можетъ встрѣтиться неудачъ? Шипучка, напримѣръ, составляла предметъ особенныхъ заботъ для каждой изъ хозяекъ. Сколько слезъ горячихъ стоили не одной изъ нихъ приготовленья къ Свѣтлому Празднику, печеніе куличей, называемыхъ у насъ пасхами, бабы, пляцки и мазурки, по рецептамъ, занесеннымъ въ Малороссію изъ Польши. Такія душевныя потрясенья кончались нерѣдко довольно опасными болѣзнями у этихъ дамъ; но уѣзднаго доктора онѣ не призывали въ подобныхъ случаяхъ, собственно для того, чтобы докторша не узнала бы правды какъ-нибудь и не восторжествовала бы надъ ними.

У доктора было семеро дѣтей и очень мало практики: Крыжановскіе всѣ пользовались прекраснымъ здоровьемъ и были отъявленными врагами всякихъ лекарствъ, даже ромашки; докторъ былъ въ отчаяньи и бранилъ все народонаселеніе

своего города за то, что оно пользовалось такимъ ненарушимымъ здоровьемъ. Тамъ, въ этомъ уѣздномъ городѣ, играли еще въ пикетъ и въ марьяжъ, и играли въ эти двѣ игры съ удивительнымъ одушевленiемъ!

По воскресеньямъ бывали ярмарки въ городкѣ; вотъ когда хорошо было гулять по большой дорогѣ возлѣ Александровской усадьбы. Чего только не вели и не везли на ярмарку! и воловъ, и худую кляченку, и новыя колеса, и яйца, и горшки, расписанные въ красные и зеленые узоры, уложенные огромной пирамидой на возу; но больше всего шло народу изъ разныхъ мѣстъ: бабъ, дѣвокъ въ длинныхъ лентахъ, мужиковъ въ синихъ кафтанахъ и въ высокихъ бараньихъ шапкахъ. Постукивая подковами красныхъ сапоговъ, шла весело молодежь, ожидая отъ ярмарки какого-то особеннаго веселья. Иногда изъ какой-нибудь подвижной группы неслись звуки свирѣли, звуки малороссiйской сопилки; заунывные и свѣтлые неслись они издали, и далеко были слышны. Слѣпой *лирникъ* тоже шелъ на ярмарку со своей лирой, съ запасомъ псалмовъ и историческихъ народныхъ пѣсень, съ запасомъ также веселыхъ трепаковъ и казачковъ, всегда готовыхъ для того казака или парубка, который заплатитъ *за танецъ*. Попъ съ своей попадьей проѣзжали тоже постоянно въ одноколкѣ мимо господскаго дома; на попадьѣ была всегда голубая шляпа—и все это двигалось, проѣзжало, проходило мимо Александровки. Отчего гораздо прiятнѣе смотрѣть на всѣхъ ихъ въ субботу вечеромъ, когда они ѣдутъ на ярмарку, чѣмъ въ воскресенье днемъ, когда возвращаются съ ярмарки? оттого, что ѣдучи туда, всякое лицо

имѣетъ веселыя краски пріятнаго ожиданья,—какъ хорошо пріятное ожиданье!..

Сама Александровка была большое и доходное имѣніе; деревни не было видно съ большой дороги, она тянулась гдѣ-то далеко отъ усадьбы, а усадьба была очень оригинальна. Представьте на полугорѣ домъ большой, съ оригинальнымъ мезониномъ и съ круглой башней, прилѣпленной неизвѣстно зачѣмъ съ одной стороны дома. Придумывая, какое употребленіе сдѣлать изъ выстроенной башни, архитекторъ провелъ въ ней лѣстницу на мезонинъ. Дворъ былъ огромный и обнесенъ по-просту высокимъ плетнемъ; неизвѣстно также, почему внутри онъ былъ окопанъ довольно-глубокимъ рвомъ, на разстояніи трехъ, четырехъ аршинъ отъ плетня. Подъѣздъ тоже былъ странно устроенъ: надо было проѣхать мимо всего фасада, возлѣ самыхъ оконъ, и тогда остановиться у крыльца, подъ башней. Тогда взгляду открывался еще одинъ домъ, длинный и низенькій, соединенный длиннымъ коридоромъ съ большимъ домомъ. Въ чистенькомъ, свѣтленькомъ домикѣ напротивъ помѣщалась контора, потомъ кухня и булочная нѣсколько задвинулись за старый домъ, и тутъ снова шелъ плетень, но пониже того, которымъ обнесена была вся усадьба; за этимъ низкимъ плетнемъ большой конюшенный дворъ, обстроенный весь нѣсколькими конюшнями и сараями. Тамъ гоняли молодыхъ лошадей, тамъ водили упряжныхъ, усталыхъ, послѣ поѣздки куда-нибудь, хоть-бы въ городъ къ одному изъ Крыжановскихъ, или на ярмарку, или такъ просто послѣ катанья. А тамъ, за сараями еще было нѣсколько домиковъ; въ одномъ жилъ управитель, въ другомъ конторщикъ,

въ третьемъ тоже какое-то должностное лицо Александровки.

Къ дому примыкалъ садъ съ цвѣтникомъ, въ которомъ впрочемъ не было очень рѣдкихъ растеній; но хороша была сирень, ея густые кусты по веснѣ врывались въ окна; хороша была кленовая бесѣдка, съ двумя простыми деревянными скамьями; хороша была дорожка, прямая, прямая, ведущая къ огромному, прекрасному пруду. Хороши тоже были террасы надъ прудомъ, усаженныя молодыми деревьями, выложенныя дерномъ; тамъ стояла группа старыхъ грушъ, здѣсь кривая яблонь гнула вѣтви, облитыя молочнымъ цвѣтомъ, или дубъ вѣковой стоялъ одиноко. Крутой берегъ обсаженъ вербами, и цѣлый строй душистой калины тянется по одному направленію съ ними. На дремлющихъ водахъ пруда стояли кой-гдѣ недвижно челноки съ неопредѣленной человѣческой фигурой, закинувшей уду на красноперaго окуня и сѣраго ерша. А если шагнуть за калитку сада и пойти прямо, все прямо по берегу, что̀ за гармоническій шелестъ высокой осоки и густой лозы, поросшей дальше и дальше вдоль берега! Тутъ-то, поднявъ голову, увидишь на горѣ крыши хатъ, тутъ только видишь, что по этому направленію тянется вся деревня, но неясно видна она, трубы да крыши гдѣ-не-гдѣ пестрѣютъ, да возъ иногда невидимо на горѣ проскрипитъ, отзовется громко *гей, гей, цобе!* или отрывокъ пѣсни затянетъ далекій голосъ и не кончитъ, и снова начнетъ, чтобы снова остановится на томъ же самомъ мѣстѣ. Если изъ оконъ большаго дома взоръ потянется къ горизонту, то въ одной сторонѣ онъ увидитъ гору, по которой

ползетъ сѣрой лентой дорога въ уѣздный городъ, а въ другой сторонѣ на горизонтѣ четыре мельницы, четыре неуклюжихъ великана, съ длинными, тяжелыми крыльями.

Вотъ и Александровка, вся, какой она кажетъ себя проѣзжимъ! только прибавить остается большую корчму, опрятную и хорошо отстроенную на большой дорогѣ, дубовую рощу черезъ дорогу подъ горой, да широкій оврагъ съ мостикомъ. Но не передать мнѣ того теплаго, синяго неба, тѣхъ яркихъ красокъ, той изумительно полной жизни каждаго растенья, того ароматнаго дыханья безчисленныхъ душистыхъ травъ, всего, чѣмъ богата Украйна, чѣмъ даритъ она глаза, нѣжитъ чувства, чѣмъ мила она памяти нашей.

Комнаты барскаго дома въ Александровкѣ были далеки пышнаго убранства; мебель могла бы быть покрасивѣй, да и не такъ симетрически разставлена. Комнаты были все большія и свѣтлыя, но больше и свѣтлѣй всѣхъ была огромная зала. Когда-то Юрій Петровичъ затѣялъ было паркетъ въ ней сдѣлать, но затѣи эти не пришли тотчасъ къ исполненію, тамъ время затянулось, и прекрасно отстроенная зала осталась безъ паркета, съ плохо выбѣленными стѣнами. Архитекторъ обчелся, и потому домъ сстался безъ столовой; пришлось въ залу поставить обѣденный столъ къ сторонкѣ, а дальше надъ всѣми стѣнами тянулись стулья. Справедливость требуетъ сказать, что мебель тоже могла-бы быть поизящнѣй, но и тутъ выразилась отчасти безпечность хозяевъ, отчасти привиллегія деревенской жизни, позволяющей въ домахъ помѣщиковъ нерѣдко чрезвычайную простоту. Подлѣ глухой стѣны

стоялъ диванъ, небольшой круглый столъ и въ недальнемъ сосѣдствѣ отъ дивана висѣли стѣнные часы. Словомъ, внутренность дома именно красноречиво напоминала гостю, что онъ гдѣ-то въ глуши, въ деревнѣ.

— Вотъ скоро, скоро вы ужъ не гостьми пріѣдете сюда, говорилъ Улимовъ, глядя на сына и племянника и наливая имъ вино.

— Какже? вѣдь служить мнѣ надо! воскликнулъ Александръ.

— Дядюшка говоритъ только, что мы курсъ скоро кончимъ, вмѣшался Пленчаниновъ.

— Куда же вы дѣнетесь, какъ не въ Александровку! служить тоже можно, мало ли здѣсь полковъ, замѣтилъ Улимовъ. Ты, Павлуша, гдѣ думаешь служить?

— Я, дядюшка? Позвольте спросить васъ, много ли у насъ людей, которые понимаютъ важность самаго этого слова—служба?... Служба, да это посвященіе силъ и мыслей своихъ, всего существа одному дѣлу, одной какой-нибудь формѣ полезности. Надобно же приготовить себя достойно къ подобному назначенію, къ такому употребленію жизни, сдѣлать себя способнымъ обнимать вполнѣ идею той службы, которую изберешь — вотъ какъ я гляжу на эти вещи! Прежде нежели мнѣ служить, придется еще хорошенько просвѣтить свой умъ, образовать душу, чтобы потомъ явиться на поприще избранной дѣятельности съ истинными понятіями объ обязанностяхъ, принимаемыхъ нами добровольно. Я хочу начать служить, по какой-бы отрасли ни было, ужъ человѣкомъ вполнѣ, и принести назначенью своему возможную просвѣщенность ума.

— Что же это значитъ въ переводѣ? спросилъ Юрій Петровичъ улыбаясь.

— Въ переводѣ это значитъ, сказалъ Александръ, что ему хочется по окончаніи курса уѣхать заграницу.

— Вотъ что!

— Да, дяденька, я бы хотѣлъ непремѣнно поѣхать въ Германію, въ университетъ Гейдельбергскій, Лейпцигскій, Берлинскій, пока есть еще Шеллингъ, этотъ мудрецъ, этотъ пророкъ возможной человѣческой мудрости: я буду скитаться за нимъ всюду, отыщу слѣды его, а если можно, пойду современемъ по слѣдамъ его, возвращусь въ Россію, получу каѳедру философіи;—тогда-то вы увидите вашего Павлушу совершенно на свойственномъ и вполнѣ доступномъ ему поприщѣ!

— Такъ ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь сдѣлаться философомъ?

— Философомъ, mon cher oncle, нельзя сдѣлаться: философомъ надо родиться, надо носить въ душѣ это призваніе, какъ призваніе поэта. Но и поэтъ и философъ по призванію могутъ себя развить, усовершенствовать, укрѣпить, такъ сказать, духъ свой, воспитать себя для поэзіи или для философіи. Я держусь того мнѣнія, что человѣкъ по всѣмъ другимъ отраслямъ воспитываетъ себя для общества только; что путемъ медицинскихъ наукъ человѣкъ воспитываетъ себя для человѣчества, для его физическаго устройства; но что философъ и поэтъ одни воспитываютъ себя для науки, для этой вѣчной науки, вѣчной пищи всего человѣчества, для его внутренней жизни.

Пшенчаниновъ говорилъ восторженно и басъ его

гремѣлъ въ большой залѣ съ такой силой, какъ будто ему предстояло убѣдить и увлечь цѣлыя толпы слушателей.

— Лекцію свою ты началъ очень блистательно, замѣтилъ Александръ.

— Хорошо, все это хорошо, сказалъ Юрій Петровичъ, выслушавъ племянника, но не обративъ ни малѣйшаго вниманія на замѣчаніе сына. Но подумалъ ли ты о вещественномъ? Пока ты будешь *воспитывать* себя для философіи, чѣмъ будешь ты *питатися?* вѣдь за границу ѣхать, это легко сказать, легко говорить объ этомъ, сидя за деревенскимъ обѣдомъ.

— Да, самая бѣдственная жизнь... началъ Плевчаниновъ.

— Зачѣмъ же подвергать себя бѣдственной жизни? возразилъ Юрій Петровичъ—оставайся лучше въ Россіи; воспитанъ ты хорошо, какъ прилично русскому дворянину, который по всѣмъ правамъ своимъ можетъ жить въ лучшемъ обществѣ, служи—вотъ и будетъ польза другимъ, и ты не подвергнешь себя бѣдственной жизни. Зачѣмъ расширять нашъ кругъ дѣйствій, смотрѣть вдаль и тѣмъ оправдывать себя, что не видимъ что̀ дѣлается у насъ подъ носомъ? Я, любезный другъ, держусь того мнѣнія, что тѣ, которые говорятъ—я теперь этого не дѣлаю, потому-что черезъ годъ сдѣлаю нѣчто вдвое лучшее — не сдѣлаютъ никогда ничего. Это ужъ, извини, мое мнѣніе; просто оно приросло къ моему мозгу! Лучше послушайся моего совѣта—пріѣзжайте оба отдохнуть въ Александровку, а потомъ на службу ступайте. Александръ будетъ военный, а ты статскій, или хоть ученый — мнѣ-то до этого дѣла нѣтъ. А ѣздить за

границу, да еще для того, чтобы тамъ бѣдствовать, скитаться за Шеллингомъ, потомъ искать каѳедры философіи у насъ, когда можетъ быть ея ужъ не будетъ, воспитывать себя для философіи — все это вздоръ, все это мыльные пузыри!

— Философія вѣчна какъ жизнь... началъ было Пленчаниновъ.

— Да употребленіе-то ея не вѣчно, сказалъ Юрій Петровичъ.

— Вы хотите отклонить меня! воскликнулъ Пленчаниновъ.

— А ты хочешь уговорить меня! Впрочемъ я не изъ числа несговорчивыхъ, и если вижу, что кто-нибудь рвется что есть силы, даю ему волю. Такъ и тебѣ, Павлуша, не стану противиться силой! изъ предпріятія твоего ты вынесешь если не богатство философіи, то богатство опыта. Только запасись стоицизмомъ на случай неисполненія всѣхъ твоихъ блистательныхъ надеждъ,—хоть какую-нибудь тогда пользу тебѣ принесетъ твоя философія, за всѣ жертвы, которыя ты ей готовишь.

Лучъ радости блеснулъ на лицѣ Пленчанинова; онъ схватилъ руку Юрія Петровича и съ жаромъ поцѣловалъ.

— Мнѣ больно, дяденька, только, что человѣкъ съ такимъ просвѣщеннымъ умомъ не хочетъ понять моей идеи! Да невозможно, чтобы вы были противъ пользы философіи!

— Я не противъ пользы философіи, а противъ предпріятій твоихъ, разсматривая ихъ относительно тебя, твоихъ средствъ и твоего положенія. Пожалуй, я буду тебѣ высылать твои триста рублей серебромъ въ годъ, и отъ себя иной разъ помогу немного, но съ этимъ не очень-то будешь весело

жить. Вотъ вы въ Одессѣ живете, а и то, мало-ль я за обоихъ долговъ переплатилъ?

— Да вѣдь это у насъ, въ Россіи; что здѣсь за деньги триста рублей? а тамъ, это 1200 франковъ: не у всякаго студента водятся такія деньги!

— Тѣ студенты у себя дома, а ты пріѣдешь издалека, да еще изъ Россіи; найдутся пріятели скоро; самолюбіе не позволитъ экономничать — и начнешь писать: дядюшка, вышлите мнѣ денегъ! крайняя нужда, чрезвычайная необходимость, рѣшительно невозможно существовать этой суммой! и прочее.

— Нѣтъ, я не таковъ. Я не рабъ пустаго самолюбія, и тамъ, съ Нѣмцами, буду экономенъ какъ Нѣмецъ. Тамъ что? кружка пива, колбаса съ хлѣбомъ—вотъ и сытъ на цѣлый день, а вечеромъ, для роскоши, русскій чай; да и гостей своихъ однимъ чаемъ поить буду, никогда ничѣмъ другимъ.

— Ну, поздравляю тебя, сказалъ Александръ:— такая жизнь за-границей куда-какъ пахнетъ философіей въ самомъ дѣлѣ! Я ужъ, если бы ѣхалъ за границу, то для того, чтобы все тамъ посмотрѣть, все видѣть, на Парижъ поглядѣть, въ Италіи побывать, пожить и въ лучшихъ городахъ Германіи, посмотрѣть, что дѣлается на водахъ, успокоилъ бы свое любопытство и возвратился въ Россію. Поѣхалъ бы довольный, возвратился счастливый и менѣе всего за-границей искалъ бы фоліантовъ.

— Такъ, Александръ, такъ,—сказалъ Юрій Петровичъ: вотъ это по моему! кто молодъ не бывалъ?— любопытство всякаго тянетъ, если есть средства, почему не заплатить ему дань? Но пускаться на-авось въ туманные края философіи и видѣть въ перспективѣ колбасу нѣмецкую — не совсѣмъ вкусительно для воображенія молодаго человѣка.

— Говорятъ, дядюшка, что на вкусъ товарища нѣтъ; меня, положимъ, колбаса тянетъ, такъ, какъ другихъ ананасы, отвѣчалъ Пленчаниновъ. Впрочемъ еще менѣе товарищей для цѣли, нежели для вкуса: Александръ бы поѣхалъ искать для себя наслажденій, а я ѣду отыскивать свою собственную полезность.

— Видно, она затерялась у тебя, замѣтилъ Александръ.

— Не затерялась ничуть; я только-что набрелъ на золотую жилу, и хочу ее разработывать.

— Врядъ ли это золотая жила!

— А золото вѣдь понадобится, чтобы начать пріиски, сказалъ Юрій Петровичъ.

— Кто ничѣмъ не рискуетъ, тотъ ничего не выиграетъ, возразилъ Пленчаниновъ.

— Знаю, знаю; Французы сочинили эту поговорку, но она сложена для аферистовъ, да и тѣ, благодаря ей, страшно обрываются.

— Потому, дядюшка, что они рискуютъ деньгами противъ денегъ, а я ставлю деньги противъ познаній, и если одно потеряю, то другое пріобрѣту.

— Охъ, пріобрѣтешь ты познаніе, что у тебя были мыльные пузыри, которые, какъ водится, лопнули.

— Что-жъ, это будетъ опытъ, сказалъ Александръ.

— Да за такимъ богатствомъ не для чего такъ далеко ѣздить, за тридевять земель, въ тридесятое царство! воскликнулъ Юрій Петровичъ.

— Подумайте только, вѣдь я увижу тридевять земель прежде, нежели туда доѣду! сказалъ радостно Пленчаниновъ.

— Ну, не такъ еще много, не тридевять, извини, отозвался Александръ.

Въ это время Пленчаниновъ толкнулъ его ногой подъ столомъ; онъ улыбнулся и замолчалъ.

— Дядюшка, какой вы, право! заговорилъ опять Пленчаниновъ,—вѣдь вы сами видали свѣтъ не только изъ окошка вашей Александровки, были вы и въ чужихъ краяхъ....

— Былъ, такъ что-жъ изъ этого?

— Про Парижъ, помните, что вы намъ разсказывали.

— Былъ и тамъ, правда. Поѣхалъ, посмотрѣлъ-пока были деньги повеселился, и безъ малѣйшаго сожалѣнія возвратился на родину. Вотъ, признаюсь, никогда не могъ я понять тѣхъ баръ, которые готовы тамъ сидѣть и во вѣкъ къ себѣ не возвращаться.

— Кто же вамъ говоритъ, что я не возвращусь! Вы все отдаляетесь отъ главнаго предмета; я ѣду туда не изъ пристрастія къ иностранному, а за пріобрѣтеніемъ познаній, въ которыхъ я чувствую недостатокъ: я ѣду къ источнику знаній, а не за-границу.

— Ищи знанія у насъ, развѣ не найдется тутъ источниковъ?

— Дайте мнѣ другаго Шеллинга, и я останусь, подписку дамъ, что изъ Александровки не выѣду.

— Дался тебѣ этотъ Шеллингъ! сказалъ Юрій Петровичъ, вставая изъ-за стола.

Примѣру его послѣдовали остальные; управитель отвѣсилъ поклонъ и тотчасъ ушелъ; молодые люди остались съ Юріемъ Петровичемъ, и разговоръ о поѣздкѣ за-границу продолжался все въ томъ же тонѣ; Пленчаниновъ старался увлечь дядю своими доводами, говорилъ тономъ искренняго эн-

тузіазма и, казалось, былъ полонъ самой чистѣйшей, самой горячей любви къ наукѣ.

Вечеромъ, когда два студента пришли въ комнату, приготовленную для нихъ, Пленчаниновъ сѣлъ и крѣпко задумался.

Изъ этого раздумья вывелъ его голосъ Улимова, который раздѣлся очень быстро, бросился въ постель и, закутываясь въ одѣяло, воскликнулъ: то-то я засну теперь!

— А ужъ ты хорошъ, право, сказалъ Пленчаниновъ: вѣчно впутаешься! тебѣ что такое?...

— Что же я сказалъ?

— Такъ или иначе, я поѣду за-границу, только зачѣмъ мнѣ съ твоимъ отцомъ ссориться?

— Кто же васъ ссоритъ?

— Ему не очень нравятся мои планы, а я такъ и ждалъ, что ты съ чѣмъ-нибудь выѣдешь.

— Вольно же тебѣ говорить все о философіи, да о философіи. Отецъ понимаетъ, что ты молодъ, что тебѣ хочется свѣтъ посмотрѣть, ужъ лучше правду сказать.

— Какую же я неправду сказалъ? я учиться буду, я Шеллинга слушать буду....

— Да вѣдь ты видишь, что отецъ больше противъ философіи, нежели противъ твоей поѣздки.

— Эхъ, ты ничего не понимаешь и совсѣмъ не знаешь, какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ. Когда хочешь выиграть, то представь уму, который тебѣ нужно побѣдить, ту идею, впечатлѣніе которой оставалось бы постоянно въ одинаковомъ размѣрѣ, безъ всякаго расширенія и безъ всѣхъ варьянтовъ. Вотъ теперь, отецъ твой слышалъ, что я имѣю цѣлью философію, въ умѣ его и составилась вѣроятность одной бѣды—всего, что

мой тощій карманъ еще немного пообнищаетъ; а скажи я ему, что такъ ѣду, хочу видѣть иные края, иныхъ людей, иные нравы, хочу имѣть понятіе ясное, опредѣленное о всемъ томъ, что знаемъ мы только по разсказамъ—вотъ и пойдетъ потѣха! Сначала-то эта идея не поразитъ его; но какъ начнетъ онъ пораздумывать о ней на свободѣ, то и полѣзутъ разные страхи. Первое впечатлѣніе получитъ такія видоизмѣненія и столько разныхъ бѣдъ почудится ему, когда онъ пораздумаетъ побольше, что потомъ его ничѣмъ не уломаешь. Нѣтъ, Александръ, ты никуда не годишься; еще тебя спасаетъ благородство характера, молчишь ты, боясь выдать, а пусти тебя только разговориться, такъ наваришь такой каши, что и не расхлебать.

— Не умѣю притворяться и быть вѣчно настороже, да обдумывать всякое слово, всякій шагъ— проговорилъ Улимовъ, потягиваясь и зѣвая.

— Пожалуйста, завтра ты мнѣ чего-нибудь не напутай.

— Нѣтъ, нѣтъ, скажу, что ты одной колбасой будешь питаться, а Нѣмцевъ однимъ чаемъ поить. Впрочемъ, на послѣднее ты способенъ.

— Какъ, способенъ? а развѣ у насъ худо бывало, какъ сойдутся студенты! Гдѣ лучше нашего принимали гостей?...

— Это знаешь.... знаешь, ты Бога не гнѣви, ужъ если коснулся этого предмета, такъ вспомни какъ бывало! Александръ, дай денегъ, надо за табакомъ послать; Александръ, надо шампанскаго; Александръ, я проигрался, есть еще тамъ что-нибудь у тебя? Александръ, закуску надо велѣть составить какую-нибудь, въ лавочку пошли! Александръ, возьми сегодня рысака покататься! Александръ, за-городъ

поѣдемъ,—а черезъ нѣсколько времени, смотришь, у Александра долговъ опять куча, отъ кредиторовъ покою нѣтъ, — приходится писать къ отцу; ты же самъ письмо составишь, просишь такъ краснорѣчиво, чтобы онъ простилъ меня, разсказываешь такъ красно о моей молодости, о живости моего характера. Вотъ и опять побранятъ меня, побранятъ, напишутъ проповѣдь престрашную, просто громовую, и деньги вышлютъ заплатить долги — а ты всегда въ сторонѣ. Умѣешь жить, нечего сказать!

— Вольно же тебѣ не умѣть!

— Я не изобрѣтателенъ, да и прикидываться святошей не могу. Ты всегда ханжилъ передъ отцомъ, такъ тебѣ и продолжать кстати.

— Чтожъ, развѣ я проигралъ до сихъ поръ? отецъ твой умнѣйшій человѣкъ и любитъ тебя, души не слышитъ, а все же повѣритъ мнѣ всегда больше.

Тутъ Пленчаниновъ, который давно ужъ сталъ раздѣваться, не знаю для чего повязалъ себѣ голову носовымъ платкомъ, и укладываясь тоже на своемъ мѣстѣ, самодовольно улыбнулся.

— Я тебя, Саша, потѣшать буду разными повѣствованіями. Вотъ воображаю, чего только со мной тамъ не будетъ, заговорилъ Пленчаниновъ тономъ самоувѣренности. Ужъ однѣ женщины—въ Германіи, Кетхенъ, Лотхенъ, Гретхенъ; въ Италіи тамъ какая-нибудь Лукреція, Джильда, Джюльетта, Эльвира; въ Парижѣ—Серизеты, Минеты, Фретильоны... воображаю, какъ все это занимательно! Исторіи, исторіи! сцены разлуки, страданья, слезы, записочки, ревность, измѣна и обманы. Но ты не подумай, что я собственно за этимъ ѣду, это толь-

ко такъ будетъ между дѣломъ и бездѣльемъ, а больше для изученія нравовъ.

— Смотри, не привези какой-нибудь сентиментальной Нѣмки, ревнивой Итальянки или вѣтреной Француженки мнѣ въ кузины! сказалъ Александръ.

— Что ты, mon cher; вѣдь тамъ все безденежный народъ!

— Да философія тебя выучитъ не искать денегъ, а взять безприданницу.

— Нѣтъ, этой глупости не сдѣлаю, я не такъ созданъ.

— А я, вообрази, думаю, что я именно созданъ для того, чтобы не искать приданаго, и очень можетъ быть, что угорѣвъ хорошенько отъ первой же любви, женюсь.

— Прозаично, любезный другъ, прозаично!

— Прозаично, когда это дѣлается хладнокровно; но я тебѣ говорю, что для подобнаго поступка надо угорѣть.

— И угоришь, и угоришь непремѣнно.

— Не желаю.

— Силки на тебя будутъ маменьки разставлять, это ужъ такъ; ты готовься—женишекъ видный. Дунечка свое взяла, и вся Александровка тебѣ, незаложенное, доходное и безъ гроша долгу имѣнье. Счастливый ты человѣкъ! и Пленчаниновъ вздохнулъ.

— Постой, я еще сначала юнкеромъ буду.

— Куда же ты?

— Разумѣется, въ уланы; здѣшняя дивизія прекрасная... Помнишь, мы многихъ видали. Конечно, въ семьѣ не безъ урода, прибавилъ Улимовъ,— ну да....

— Такъ ты въ снигири записываешься, дѣло!

деньги есть, пріятели будутъ, по своему будешь доволенъ жизнью, будешь веселиться: если угоришь на смерть, женишься скоро; а если въ карты обыграютъ, таъ есть шансъ на богатой жениться—снигирямъ вѣдь и это удается. Впрочемъ, тебя раньше женятъ. не дадутъ проиграться въ пухъ, дочки да маменьки—хитрый народъ! Однако, знаешь ли, грустно быть любимымъ изъ-за денегъ, грустно думать, что прежде, нежели тебя увидѣли, видятъ уже твой карманъ. То ли дѣло, бѣднякъ, какъ я, съ нами это не случится!

— Много у меня грустнаго, кромѣ этого положенія, сказалъ Улимовъ съ невольнымъ вздохомъ. У меня есть страшное будущее.

— Вздоръ! пусть лучше это будущее упадетъ на твою будущую жену.

— Конечно. лучше!

Оба разсмѣялись. Однако черезъ минуту, Улимовъ задумался.

— А если я ее любить буду? спросилъ онъ.

— Все же не больше какъ себя, надѣюсь,—возразилъ Пленчаниновъ.

— А если больше?

— Не бываетъ этого, любезный другъ, не бываетъ!

— Но, однако...

— Полно, спать хочу!

— Но, если...

— Не слышу ничего и сплю.

— Ты спишь, а я цѣлую ночь не буду спать отъ одной мысли, что твое заклятье исполнится, а я буду больше себя гораздо любить жену.

— Спокойной ночи!

Пленчаниновъ закрылъ одѣяломъ голову. Улимовъ поднялся на постели, сѣлъ и сталъ кричать ему:

— Что, если жена моя....

Видя, что Пленчаниновъ не двигался, онъ перебрался на его постель и сѣлъ въ ногахъ.

— Что, если жену я свою... закричалъ онъ на ухо Пленчанинову.

— Да отстань ты, я сплю, говорятъ тебѣ, сплю!

— Такъ вотъ же! И Улимовъ сильнымъ движеньемъ рукъ вытащилъ всѣ подушки изъ-подъ головы Пленчанинова.—Вотъ тебѣ, не желай зла моей будущей женѣ!..

Послѣ этой продѣлки, Александръ однимъ прыжкомъ очутился на своей постели и какъ безумный хохоталъ, глядя на Пленчанинова, который, съ носовымъ платкомъ на головѣ, вынужденъ былъ лазить по полу, подбирая подушки.

Александровка съ пріѣздомъ молодыхъ людей оживилась. Пленчаниновъ былъ особенно изобрѣтателенъ и придумывалъ всевозможныя увеселенія, но только надо замѣтить, что все было такъ придумано, чтобы онъ вездѣ игралъ самую видную роль и чтобы общее вниманіе сосредоточено было на немъ. Главная же задача его состояла въ томъ, чтобы прослыть оригиналомъ, только не смѣшнымъ оригиналомъ, а такимъ, о которомъ бы ходили самые забавные, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самые возбуждающіе интересъ слухи. Точно, онъ морочилъ искусно всѣхъ своей ученостью и несъ часто самую высокопарную дичь на удивленіе слушателямъ, которые увлечены были его ораторскимъ тономъ. Александръ охотился, танцовалъ, слегка влюблялся, и не заботясь вовсе объ эфектахъ, нравился гораздо болѣе Пленчанинова.

Когда праздники кончились и молодые люди уѣхали, чтобы въ маѣ мѣсяцѣ возвратиться въ Александровку ужъ послѣ окончательнаго экзамена, Юрій Петровичъ остался одинъ; снова его мѣрные шаги одиноко звучали въ залѣ, снова трубка не выходила изъ рукъ, снова хозяйничалъ онъ и читалъ, а иногда, отданный воспоминаньямъ прошлаго, поднималъ бѣлый флеръ надъ портретомъ жены и грустно глядѣлъ на блѣдное и грустное лицо. Невольная дрожь пробѣгала по немъ, когда вставали въ памяти подробности послѣднихъ дней, и вспоминалъ онъ, какъ безуміе исказило это милое лицо, какъ страшны и дики бывали глаза, и какія возмутительныя сцены потрясали его, безмолвнаго, но слишкомъ неравнодушнаго зрителя.

Юрій Петровичъ былъ уважаемъ и любимъ во всемъ околодкѣ, честность его и благородство вошли въ пословицу, и потому онъ мало по малу сдѣлался общимъ опекуномъ, душеприкащикомъ и судьей въ семейныхъ ссорахъ. Скучная роль, хлопотливая роль,—но не избѣжалъ ея Юрій Петровичъ; часто, часто изъ глубокаго уединенья его вызывали въ омутъ самыхъ непріятныхъ дѣлъ, и нѣкоторое время онъ вынужденъ былъ кружиться въ этомъ омутѣ. Особенно родственники не давали ему покоя; и не только его родственники, но даже самые дальніе родственники покойной жены писали къ нему письма, въ которыхъ непремѣнно были слова: «Вы нашъ отецъ, нашъ благодѣтель, на васъ вся моя надежда, и прочее...» Конечно никто бы изъ нихъ лишняго шагу не сдѣлалъ для этого отца и благодѣтеля, да къ счастью Юрія Петровича, ему не приходилось никогда попросить ихъ о самой легчайшей услугѣ.

Однако между ними были тоже сердца благодарныя, именно это были сердца тѣхъ людей, для которыхъ Юрій Петровичъ мало что сдѣлалъ въ жизнь свою вещественнымъ образомъ, хоть потому, что случая къ тому не представилось, и только оказывалъ имъ постоянно родственное вниманіе. Такова была, напримѣръ, Катерина Андреевна Кулеченко, дальняя родственница жены, удивительная хозяйка и женщина, одаренная здравымъ умомъ и чрезвычайно дѣятельнымъ характеромъ. У ней всего состоянья былъ хуторъ, но пріятно смотрѣть, какъ все хорошо у Катерины Андреевны, какая она хлѣбосолка, и когда въ церковь, въ городъ пріѣдетъ, то видишь, что и колясочка двумѣстная, хоть не совсѣмъ новаго фасона, есть; и пара лошадокъ хорошо выкормлены; двѣнадцатилѣтній мальчикъ какъ куколка одѣтъ лакеемъ, въ толстое сукно, правда, и нѣсколько неуклюжаго покроя сюртукъ, но чистоты неукоризненной, качается на запяткахъ; кучеръ тоже, какъ слѣдуетъ, хоть обыкновенное занятіе его не сидѣть на козлахъ, а копать гряды, подчищать деревья, полоть огородъ и въ досужее время шить башмаки для барыни и для всей дворни. Сама Катерина Андреевна стоитъ возлѣ праваго клироса и, Боже мой, какъ усердно молится! съ той пламенной набожностью, съ какой молятся въ Малороссіи старушки; на ней холстинковая сѣрая шляпа на косточкахъ и изъ-подъ шляпы выглядываютъ крахмальныя оборки бѣлаго какъ снѣгъ чепца; черный платокъ, съ широкой турецкой каймой, подражаніе турецкимъ шалямъ, неизмѣнно покрываетъ плеча Катерины Андреевны; въ рукахъ синій бархатный ридикюль съ бронзовой цѣпочкой и замочкомъ, и въ немъ ключи отъ дома, погреба,

кладовой и мучнаго амбара, тяжелый ридикюль, и оттого Катерина Андреевна, если может найти только мѣсто на клиросѣ, непремѣнно положитъ его. На ней самой тоже всегда холстинковый капотъ въ мелкую клѣточку, коричневаго или другаго какого-либо темнаго цвѣта, небольшой бѣлый воротничокъ лежитъ на турецкомъ платкѣ, или накрахмаленная, широкая, тюлевая фрезка торчитъ, собранная въ мелкія складки вокругъ шеи Катерины Андреевны. Входя въ церковь, она раскланивалась съ приличной важностью направо и налѣво, ходила всегда тихо и говорила нѣсколько протяжно; впрочемъ, говорить протяжно она стала когда въ лѣта уже вошла, потому-что въ молодости и она любила пощебетать, какъ это водится у нашихъ панночекъ. Малороссію называли когда-то Заднѣпровской Италіей, а извѣстно, что Итальянцы и Итальянки говорятъ съ удивительной бѣглостью, такъ же какъ и Гречанки. Говорить скоро и звонко не есть принадлежность провинціи, а преимущественно южныхъ народовъ. Такъ и Катерина Андреевна въ молодости говорила скоро и звонко; но вступивъ въ почтенныя лѣта, стала нѣсколько растягивать свои рѣчи и въ самомъ голосѣ сохранять нѣкоторую протяжность.

Было время, когда въ церкви подлѣ Катерины Андреевны становилась маленькая дѣвочка, тоже въ холстинковой, но только розовой шляпкѣ, въ коротенькомъ бѣломъ платьицѣ, съ темными локонами вокругъ всей головы. Эта бровь, эти рѣсницы, украинскія настоящія, большіе темные глаза со смѣлымъ и глубокимъ взоромъ, смуглое небольшое лицо, съ довольно крупными однако чертами, и яркій цвѣтъ влажныхъ губъ привлекали внима-

ніе на внучку Катерины Андреевны; маленькая хуторянка нимало не обѣщала осуществить собой современемъ идеалъ истинной красоты. Дѣвочку звали Юлинькой; безъ отца и матери росла она на хуторѣ бабушки своей и цѣлые дни бѣгала безъ шляпки и перчатокъ; то принималась полоть траву, то чистить дорожки, и снова бросала; у пряхъ брала веретено; когда пекли хлѣбъ, хотѣлось и ей мѣсить тѣсто вмѣстѣ съ булочницей; къ лошадямъ она ходила въ стойло кормить ихъ хлѣбомъ и сахаромъ, а собаки со всего хутора сбѣгались при ея появленіи. Но истиннымъ наслажденіемъ веселой дѣвочки было ходить въ пасѣку, и тамъ между полевыми цвѣтами лежать на травѣ, слушать жужжанье перелетающихъ пчелъ и думать о всѣхъ тѣхъ сказкахъ, которыя старая Матрена - ткачиха разсказывала, сидя за станкомъ и выдѣлывая узоры большаго пестраго ковра.

Читать Юлиньку выучила какая-то барышня, прогостившая на хуторѣ Катерины Андреевны цѣлое лѣто; но Юлинька читала такъ плохо, что сама мало понимала, что̀ она читаетъ, а Катерина Андреевна была неграмотная дама, по той самой причинѣ, по которой встрѣчаются еще до сихъ поръ во многихъ углахъ Россіи неграмотныя старушки. Барышня, учившая Юлиньку читать, осенью уѣхала къ какой-то своей родственницѣ, книгъ доставать было не откуда, и оттого маленькая хуторянка предпочитала смотрѣть на пчелъ и слушать ихъ жужжанье, вмѣсто того, чтобы сидѣть съ книгой.

Хуторъ Катерины Андреевны былъ недалеко отъ имѣнія Юрія Петровича, въ двухъ верстахъ всего. Какъ будто нарочно, по оврагу, на днѣ котораго вилась маленькая мутная рѣчка, отъ самой

опушки большаго лѣса, раскидало нѣсколько деревьевъ. То были все дубы да липы, брошенные рукой прихотливой природы по краямъ этого оврага на протяженіи полуверсты, и снова составляли они густую группу прекрасныхъ деревьевъ, маленькій лѣсокъ, которымъ начинались владѣнья Катерины Андреевны. Подъ самымъ лѣскомъ прижалась водяная мельница; воды въ мутной рѣчкѣ было довольно, чтобы вертѣть ея небольшое колесо. Тутъ черезъ плотину вилась узкая дорога, и за дорогой стояли двѣ хаты, въ которыхъ жили единственныя двѣ семьи крестьянъ Катерины Андреевны. Потомъ вился плетень, за плетнемъ стоялъ низенькій домикъ съ двумя трубами, съ прекраснымъ фруктовымъ садомъ, съ разными службами, выстроенными очень удобно, но въ самомъ миніатюрномъ видѣ. Но и лѣсъ, въ которомъ заведена была пасѣка, и мельница, и всѣ эти постройки съ садомъ принадлежали Катеринѣ Андреевнѣ и составляли ея хуторъ.

Въ этомъ хуторѣ Юлинька быть можетъ осталась бы на всю жизнь; но Юрій Петровичъ сталъ говорить Катеринѣ Андреевнѣ о пользѣ воспитанія, о необходимости его. Катерина Андреевна увѣряла долгое время, что Юлинька дитя еще молодое, но мнѣнія Юрія Петровича одержали побѣду надъ ея упорствомъ, и она рѣшилась отвезти Юлиньку въ пансіонъ, только ужъ, разумѣется, куда-нибудь въ хорошій пансіонъ. Мысль, что въ Одессѣ сынъ и племянникъ Юрія Петровича, заставила ее предпочесть Одессу другимъ городамъ; нигдѣ родство не уважается до такой степени, какъ въ Малороссіи; вѣря въ святость родственныхъ отношеній, Катерина Андреевна была убѣж-

дена, что Юлиньку тамъ не покинутъ и ходить къ ней будутъ Александръ и Пленчаниновъ. Точно, когда она уѣхала, Александръ въ первое же воскресенье купилъ конфектъ и отправился въ пансіонъ. Онъ вызвалъ Юлиньку, спросилъ, довольна ли она своей жизнью, не скучаетъ ли за бабушкой, хорошо ли съ ней обращаются, добра ли содержательница пансіона, снисходительны ли классныя дамы, получилъ на каждый вопросъ или да, или нѣтъ, потомъ раскланялся, обѣщалъ навѣщать ее и ушелъ. Пропустивъ нѣсколько воскресеній, онъ опять купилъ конфектъ, но въ этотъ разъ не понесъ ихъ самъ, а послалъ и приказалъ только узнать о здоровьѣ. Катерина Андреевна на него плохо надѣялась, гораздо больше она надѣялась на Пленчанинова, который разсыпался, по обыкновенію, передъ ней, какъ и передъ всѣми, въ самыхъ краснорѣчивыхъ увѣреніяхъ и обѣщаніяхъ; онъ чуть-чуть не со слезами говорилъ о святости родственныхъ отношеній, о печали ребенка, котораго оставляютъ въ пансіонѣ, и такъ распространялся, съ такимъ чувствомъ говорилъ, что Катерина Андреевна на-взрыдъ плакала и уже хотѣла взять обратно изъ пансіона свою Юлиньку. Но Александръ вмѣшался въ это дѣло, образумилъ старуху, и Катерина Андреевна уѣхала въ полномъ убѣжденіи, что этотъ рѣдкій молодой человѣкъ, Пленчаниновъ, не оставитъ Юлиньку и будетъ навѣщать ее часто.

Пленчаниновъ, всегда вѣрный своему характеру, не только не пошелъ ни разу въ пансіонъ, но даже на предложеніе Александра пойти вмѣстѣ, отвѣчалъ, что онъ терпѣть не можетъ бѣгать по пансіонамъ и навѣщать маленькихъ дѣвочекъ.

Молодые люди, пріѣзжая въ Александровку, бы-

вали всякій разъ у Катерины Андреевны и всякій разъ говорили, что видѣли внучку, что она растетъ и хорошѣетъ; въ сердечной простотѣ своей, Катерина Андреевна не подозрѣвала обмана, ей и въ голову не приходило, что года два или три какъ никто изъ нихъ не заглядывалъ въ пансіонъ. Наконецъ, окончивъ курсъ наукъ, Пленчаниновъ и Улимовъ оба пріѣхали къ Юрію Петровичу, пожить въ деревнѣ, отдохнуть и потомъ Пленчанинову предстояло пуститься въ путь, а Улимову пуститься въ свѣтъ, облекшись сначала въ пріятную его воображенію форму улана. По обыкновенію никто изъ нихъ, уѣзжая, не вспомнилъ объ Юлинькѣ.

Они застали Юрія Петровича весьма озабоченнаго новыми хлопотами: Катерина Андреевна умерла, назначивъ его опекуномъ Юлиньки, въ самый день пріѣзда Александра и Пленчанинова. Что дѣлать? надо извѣстить дѣвушку, и всѣ это случилось, какъ на бѣду, за нѣсколько дней до ея выпуска. Юрій Петровичъ написалъ къ содержательницѣ пансіона и къ Юлинькѣ, сообщая горестное извѣстіе и предлагая пріѣхать прямо къ нему. Отвѣтъ ея былъ исполненъ благородной печали и признательности; Юлинька просила позволенія остаться въ пансіонѣ учительницей музыки, мѣсто, которое ей тамъ предлагали.

Юрій Петровичъ одобрилъ вполнѣ это намѣреніе, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время какой-то пронырливый аферистъ умѣлъ оттягать мельницу у Катерины Андреевны и уничтожилъ такимъ образомъ главный доходъ хутора. Жить совершенной сиротой въ глуши на хуторѣ было бы невыносимо для молодой дѣвушки и могло имѣть даже нехо-

рошее вліяніе на ея будущность; Юрій Петровичъ нашелъ, что она избрала для себя на первое время лучшее положеніе изъ всѣхъ, которыя ей представлялись. Юлія Михайловна осталась въ пансіонѣ.

Нуженъ былъ необыкновенный тактъ для того, чтобы въ пансіонѣ, въ которомъ Юлія Михайловна росла и воспитывалась, она могла вдругъ изъ пансіонерки стать на степень учительницы и внушить ученицамъ должное уваженіе къ своему званію, ограждать себя отъ безцеремоннаго выраженія какой-нибудь досады классныхъ дамъ и наконецъ отъ самой содержательницы пансіона получать то вниманіе, котораго вправѣ требовать всякій, имѣющій нѣкоторый голосъ въ управленіи этого отдѣльнаго міра. Конечно бывали у Юліи Михайловны свои горькія минуты, но мимолетныя, скоропроходящія. Живость характера и совершенное отсутствіе способности заниматься мелочами, дрязгами, спасали Юлію Михайловну отъ грустнаго самоуглубленія, отъ тоскливаго состоянія духа, отъ тайнаго неудовольствія ко всѣмъ и въ особенности къ жизненнымъ обстоятельствамъ.

Поступая въ пансіонъ, она была далека мысли, что останется въ немъ послѣ выпуска, а еще дальше отъ мысли, что вмѣсто независимой, свободной жизни со старухой-бабушкой, добровольно почти отдастъ себя зависимости, что доходы прекратятся, что на хуторѣ окажутся долги, вѣроятно уплаченные Катериной Андреевной; но по безпечности своей, по довѣрію къ людямъ, или по незнанію порядковъ въ такихъ дѣлахъ, старушка не позаботилась сохранить доказательства правоты

своей. Юрій Петровичъ ясно видѣлъ, что безпомощностью бѣдной сироты рѣшилась воспользоваться жадность людская, онъ старался защищать права Юліи Михайловны, но сообразивъ потомъ все хорошенько, увидѣлъ ясно, что тяжбы затѣвать невозможно, и къ тому онъ былъ отъявленный врагъ всѣхъ тяжбъ.

Улимовъ увѣдомилъ Юлію Михайловну, что надо продать хуторъ; послѣ смерти Катерины Андреевны это былъ самый тяжелый ударъ для бѣдной дѣвушки. Въ минуту мелькнули передъ нею двѣ избушки, и плетень, и скромный, чистенькій домикъ, мельница, съ своимъ шумливымъ колесомъ, прохладный лѣсокъ, укрывающій въ тѣни своей ея милую пасѣку—ей сдѣлалось невыносимо тяжело, она сжала въ рукѣ письмо опекуна и сидѣла молча, повернувъ лицо къ пансіонскому саду. Классная была пуста; въ столовой шумѣли за ужиномъ—но Юлія Михайловна никогда не ужинала, а въ этотъ разъ она рада была этой минутѣ совершеннаго одиночества и, воспользовавшись ею, прочла въ четвертый разъ письмо Юрія Петровича и задумалась.

Быть можетъ она бы до утра просидѣла такъ, но дверь съ шумомъ отворилась, показались дежурныя съ подсвѣчниками, а за ними весь пансіонъ попарно вошелъ въ классную; шествіе замыкали классныя дамы съ вѣчнымъ, неизмѣннымъ и никогда неумолкаемымъ mes demoiselles, silence, que faites-vous là? à vos places mes demoiselles. Но тишина водворилась только тогда, какъ за другими дверьми послышалось шарканье госпожи Тюрго, и вслѣдъ затѣмъ показалась ея фигура, въ длинной теплой кацавейкѣ обшитой бѣличьимъ мѣхомъ. Эта дама, чрезвычай-

но пріятной и почтенной наружности, съ выраженіемъ добродушія во взорѣ, входила важно и бросала на всѣ стороны взглядъ чрезвычайнаго вниманія. Потомъ она становилась на колѣни передъ одной изъ учебныхъ скамей, ставила свѣчу передъ собой и начиналась вечерняя молитва. Семьдесятъ дѣтс ихъ голосовъ вдругъ произносили согласное— «Господи помилуй!» семьдесятъ молодыхъ существъ преклоняли въ одно и то же время колѣни. Классныя дамы тоже молились колѣнопреклоненныя, и сквозь отворенныя о на въ садъ видны были тысячи звѣздъ, дрожащихъ, разсыпанныхъ по синему небу, да слышно было, какъ шевелились листья на деревьяхъ.

Торжественный и пре расный часъ вечерней пансіонской молитвы навелъ болѣе обы новѣннаго умиленіе на печальную душу Юліи Михайловны, крупныя слезы лились по ея щекамъ. И молитва кончилась, госпожа Тюрго поднялась съ колѣнъ, пансіонерки встали.

— Желаемъ вамъ спокойной ночи, Madame Turgot, произнесли онѣ въ одинъ голосъ и дѣлая въ одно время глубокій реверансъ.

Потомъ стали подходтить тѣ, которыя были посмѣлѣе или считали себя болѣе любимыми; на онецъ и классныя дамы подошли, а вмѣстѣ съ ними Юлія Михайловна.

— Что это съ вами, дитя мое? спросила госпожа Тюрго: у васъ глаза красны, вы плакали, не огорчилъ ли кто-нибудь васъ?

— Это такъ, минута слабости,—отвѣчала Юлія Михайловна.

—Она получила непріятное письмо,—сказала одна изъ классныхъ дамъ.

— Она теряетъ все свое состояніе,—произнесла другая.

— Бѣдняжка! сказала госпожа Тюрго, цѣлуя Юлію Михайловну.

— Нѣтъ, если бы состоянье мое было въ ломбардномъ билетѣ, я бы вѣрно не плакала, а то.... представьте, я тамъ выросла, и если бы вы знали, какъ тамъ хорошо!... У насъ въ Украйнѣ хуторъ, это не здѣшніе хутора! Теперь я никогда, никогда не увижу Украйны, не возвращусь туда—причинъ къ возврату нѣтъ.

— Что-жъ, оставайтесь навсегда съ нами, здѣсь всѣ васъ любятъ, и для насъ лучше, что не грозитъ разлука съ вами.

—Благодарю васъ, вы очень добры, но.... Впрочемъ, я васъ увѣряю,—это минута слабости, больше ничего. Я поддалась ей невольно.

— Полноте же, не плачьте!

Но именно отъ того, что ей сказали не плачьте, опять безмолвныя двѣ слезы выкатились изъ глазъ.

Оставивъ госпожу Тюрго, она застала весь дортуаръ въ суматохѣ, пансіонер и укладывались и, увидя Юлію Михайловну, окружили ее.

— Фи, какая вы злая! Вы плачете оттого, что съ нами дольше будете! кричали онѣ ей.

— Adorable, ange! пищали приверженныя.

— Détestable, ахъ ma chère, не-правда-ли! восклицала партія противная.

Раздалось опять неизмѣнное silence, mes demoiselles à vos places! и дѣти разбѣжались по своимъ кроватямъ, и Юлія Михайловна могла наконецъ отворить дверь въ свою комнату.

На окнѣ ея уже стояло шесть погашенныхъ свѣчей, и классныя дамы всѣ собрались по обык-

новенію къ Юліи Михайловнѣ: каждая, входя, тушила свою свѣчу и ставила ее на окно. Начались разсужденія болѣе или менѣе утѣшительныя для Юліи Михайловны, но всѣ онѣ говорили съ цѣлью утѣшить ее. Надо отдать справедливость искренности и дружеству, соединявшимъ въ этомъ пансіонѣ всѣхъ лицъ; Юлія Михайловна была особенно всѣми любима, нравъ у ней былъ такой веселый, пріятный, умъ острый, воображеніе живое.

Разсказы ея, разсказы бывалыхъ и небывалыхъ вовсе вещей и умѣнье подмѣтить и передать комическую сторону всякаго предмета, дѣлали ея присутствіе необходимостью въ пансіонскомъ мірѣ. Къ тому же, какъ учительница музыки, она имѣла право выходить и выѣзжать хоть всякій день, послѣ окончанія своихъ уроковъ, и потому могла найти о чемъ поразсказать и чѣмъ посмѣшить все общество за чаемъ, или за ужиномъ.

Нѣсколько пансіонерокъ изъ ея выпуска остались въ городѣ, гдѣ имѣли родныхъ довольно богатыхъ; такимъ образомъ у Юліи Михайловны составился довольно обширный кругъ знакомства; она даже очень веселилась и наконецъ, попавъ въ лучшее общество, являлась съ матерью какой-нибудь изъ бывшихъ подругъ на большіе балы.

Юлія Михайловна имѣла успѣхъ, ее находили очень миленькой, очень умненькой, очень граціозной; она полюбила свѣтъ за его удовольствія.

И между-тѣмъ какъ бы поздно ни возвратилась она съ бала, какъ бы сильно ни болѣла у ней голова, и какъ бы ни клонило ее ко сну, она въ положенные семь часовъ входила въ столовую и, садясь рядомъ съ другими за столъ, снявъ крышку съ своей огромной фаянсовой чашки, принималась пить чай,

слегка словами своими бросая пищу общему любопытству. На Юліи Михайловнѣ постоянно была черная шерстяная блуза, перехваченная узенькимъ кушакомъ съ стальной пряжкой, бѣлый гладкій воротничекъ, и за поясомъ всегда свѣжій цвѣтокъ—дары пансіонскаго сада. Смѣясь и посматривая на часы, огромную серебряную луковицу, которая лежала подлѣ нея, вмѣстѣ съ карандашемъ и спискомъ ученицъ, поставленныхъ по порядку, такая въ такой день именно должна была приходить на урокъ, Юлія Михайловна, казалось, не создана была для грусти; классныя дамы, поглядывая на нее съ нѣкоторой завистью, восклицали—вотъ счастливый характеръ!...

Такъ и теперь, этотъ счастливый характеръ преодолѣлъ скоро первое тяжкое впечатлѣніе непріятнаго извѣстія. Опять по прежнему, съ невозмутимымъ спокойствіемъ просиживала она четыре часа за стуломъ ученицъ, смѣнявшихъ одна другую, всякія двадцать минутъ.

Читатель, знаете - ли вы муки учителя, а еще болѣе учительницы музыки? Увѣряю васъ, что этимъ мукамъ можно бы дать маленькое мѣстечко въ средѣ тѣхъ, зрителемъ которыхъ былъ Данте, водимый Виргиліемъ. Женскій инстинктъ, страхъ показаться смѣшной, не понравиться, удерживаетъ еще дѣвочку отъ тѣхъ гримасъ, которыми она награждаетъ учительницу, тогда, какъ ей приходится имѣть дѣло съ учителемъ. Но учительница,—какое дѣло, что подумаетъ она,—лишь-бы надосадить ей до-нельзя!

Ученица развертываетъ нотную тетрадь съ неохотой.

— Что съ вами?

— Ничего, отвѣчаетъ она сухо.

Потомъ начинаетъ усаживаться, подвигаетъ стулъ, отодвигаетъ, поправляетъ платье, разсматриваетъ свои ру авчи и.

— Начинаите!

Раздаются зву и, но Боже, что за зву и! что именно такое, нельзя разобрать. Маршъ не маршъ, мазурка не мазурка, и не вальсъ, и не этюдъ, и рѣшительно нельзя понять, что это так е. А впечатлѣніе вчерашняго дня еще свѣжо у васъ, и помните вы, что вчера эта самая пьеса была играна порядочно той же самой ру ой. Вы начинаете терять терпѣніе.

— Что вы играете!

— Маршъ.

— Да я не понимаю.

— Отчего же вы не понимаете!

— Оттого, что вы играете безъ такта, что нѣтъ смысла въ сыгранной вами страницѣ.

— Я не знаю какъ играть—при этомъ ученица складываетъ руки; рояль умолкаетъ.

— Я покажу вамъ, если хотите.

И учительница беретъ аккорды, проигрываетъ всю страницу! въ это время ученица разсматриваетъ свои рукавчики, или глядитъ въ окно, или разсматриваетъ картины на стѣнахъ.

— Играйте снова!

Она садится, но слухъ едва можетъ разобрать звуки, до того вяло играетъ она.

— Играйте сильнѣе.

Она пожимаетъ плечами и ударяетъ съ размаха по клавишамъ; клавиши издаютъ жалобный и фальшивый звукъ, отъ котораго невольно вы подпрыгнули на стулѣ.

— Что вы дѣлаете, какая фальшь ужасная!

— Гдѣ?

— Вотъ въ этомъ аккордѣ.

За это на васъ глядятъ какъ на помѣшанную, и вы снова вынуждены взять сами этотъ аккордъ.

— Я тоже такъ взяла, говоритъ ученица.

— Нѣтъ, вы брали иначе; здѣсь нуженъ фа-діэзъ.

— Я тоже брала фа-діэзъ.

Черезъ минуту раздается аккордъ еще пронзительнѣе, еще оглушительнѣе перваго.

— Боже мой! если вы расположены сегодня брать фальшивыя ноты, то хотъ не стучите такъ.

Начинается снова прежняя вялая игра.

— Держите круглѣе руку, пальцы у васъ будутъ тогда сильнѣе.

Ученица начинаетъ стучать ногтями; отъ этой методы играть, нервы ваши приходятъ въ изнеможеніе.

— Зачѣмъ же вы стучите ногтями?

Вмѣсто отвѣта, пальцы вытягиваются, во всю длину ложатся по клавишамъ и ученица играетъ почти вторыми суставами; терпѣніе ваше истощено.

— Нѣтъ, знаете ли! вы, какъ вижу, не расположены сегодня играть, позовите слѣдующую и ступайте въ классъ.

Отъ этихъ словъ раздается громкое всхлипыванье, обильные потоки слезъ текутъ по щекамъ. Вы ждете, ждете—слезамъ конца нѣтъ.

— Что же вы плачете?

— Я не могу, когда на меня кричатъ, отвѣчаетъ ученица всхлипывая.

— Кто же на васъ кричалъ?

— Вы на меня кричали.

— Стыдно вамъ, право. Я скажу директриссѣ, какъ дурно вы себя ведете въ отношеніи ко мнѣ; вотъ время вашего урока прошло, а вы ничего не сдѣлали.

— Я скажу директриссѣ, что не могу играть, когда на меня кричатъ, повторяетъ со злостью ученица.

— Ступайте, ступайте; присылайте другую, да скажите ей, чтобы хоть она свои капризы за дверью оставила.

Послѣ этого слѣдуетъ положенный реверансъ, но Боже мой, съ какимъ видомъ онъ сдѣланъ!..

Такихъ сценъ придется вытерпѣть не одну въ теченіе четырехъ часовъ, какое же веселье не угаснетъ подъ впечатлѣніемъ ихъ? и между тѣмъ, Юлія Михайловна оставалась постоянно веселой, нравъ ея все выдерживалъ. Терпѣніе оставляло ее въ минуту самой сцены, но впечатлѣнія на ней самая сцена никакого не оставляла, потому-что Юлія Михайловна была выше всѣхъ мелочей и дрязгъ. За урокомъ она была серьезна и взыскательна, но послѣ урока, въ саду она рѣзвилась съ пансіонерками, бѣгала и прыгала больше ихъ; иногда исчезала на сосѣдній хуторъ и уводила съ собой двухъ, трехъ старшихъ пансіонеровъ—ей все сходило съ рукъ. Это было балованное дитя пансіона и общій коммисіонеръ. Кому что нужно купить, отправляется къ Юліи Михайловнѣ, и она послѣ уроковъ летитъ въ городъ, скитается по магазинамъ, и едва живая отъ усталости, возвращается въ пансіонъ. На встрѣчу ей бѣгутъ, летятъ и давшія ей порученія, и просто любопытныя: шумъ, волненіе

долго не могутъ утихнуть, опять дежурная классная дама кричитъ—по мѣстамъ, по мѣстамъ!

Величайшимъ даромъ счастія для нея было то, что въ пансіонѣ всѣ классныя дамы на ту пору были молоды, всѣ получили хорошее образованіе и вынесли какое-нибудь испытаніе, слѣдовательно ни мелкой зависти, ни мелкой злости, ни всѣхъ смѣшныхъ и горькихъ сценъ,—вѣчной принадлежности всякаго женскаго управленія тамъ не было. Жили всѣ дружно и никто не искалъ попасть въ особенную милость къ госпожѣ Тюрго; замѣчательнѣе всего, что между классными дамами не было ни одной иностранки; славянская гордость быть можетъ держала пансіонъ на самой благородной ногѣ.

Юлія Михайловна свыклась съ своимъ бытомъ и была имъ довольна. Ей даже нравился тотъ гулъ, шумъ, жужжанье всѣхъ семидесяти голосовъ вдругъ, но въ полугромкомъ тонѣ, которое происходило въ классной всякій вечеръ при повтореніи уроковъ и приготовленіи ихъ на-завтра. Юлія Михайловна приходила туда съ книгой и пыталась читать, чтобы пріучить себя ко всему рѣшительно, ко всѣмъ неудобствамъ, которыя могли еще ее встрѣтить при перемѣнѣ мѣста. Итакъ, она была довольна, но слишкомъ молоды были еще силы ея, онѣ стали измѣнять; Юлія Михайловна стала иногда хворать, похудѣла, и даже веселье прежнее смѣнилось усталостью.

Однако прошло два года, какъ она была учительницей музыки въ пансіонѣ госпожи Тюрго.

Въ эти два года Александръ Улимовъ уже надѣлъ серебряные кованные эполеты, а Пленчаниновъ успѣлъ уже послушать Шеллинга. Каждый изъ

двухъ молодыхъ людей исполнилъ свое намѣреніе, и по окончаніи курса, отдохнувъ въ Александровкѣ, у Юрія Петровича, Пленчаниновъ пустился въ дальній путь, а Улимовъ опредѣлился юнкеромъ въ сосѣднюю уланскую дивизію. Неизвѣстно, точно ли питался Пленчаниновъ нѣмецкой колбасой, а пилъ толь о русскій чай и слушалъ Шеллинга, но предсказаніе Юрія Петровича стало по-немногу сбываться, — Пленчаниновъ попросилъ прибавить ему денегъ, попросилъ уменьшить его тощій капиталъ, положенный давно Юріемъ Петровичемъ въ банкъ, для приращенія, и выслать ему вмѣсто трехъ сотъ шестьсотъ рублей серебромъ.

Юрій Петровичъ покачалъ головой, написалъ ему длинное письмо, наполненное самыми отеческими наставленіями и предостереженьями,—и приложилъ къ нему требуемую сумму.

Александръ служилъ какъ водится: черезъ шесть мѣсяцевъ надѣлъ офицерскіе эполеты, былъ любимъ товарищами, ласкаемъ маменьками, обворожаемъ дочками; жизнь его шла пріятно; любовь въ немъ просыпалась и гасла; что мѣсяцъ, то новый предметъ любви былъ у него и цѣлый рядъ неоконченныхъ повѣстей могло насчитать его юношеское воображеніе. Онъ часто пріѣзжалъ въ Александровку и привозилъ съ собой всегда цѣлую толпу товарищей. Они охотились, устроивали скач и, сельскіе праздники. Юрій Петровичъ не мѣшалъ имъ; казалось, чужое веселье заражало его тоже: онъ радъ былъ, что изрѣдка нарушалось однообразіе его жизни.

Иногда пріѣзжала на мѣсяцъ къ нему дочь и во время ея пребыванія Юрій Петровичъ давалъ всегда великолѣпный балъ, на который съѣзжалась

половина губерніи. Дунечка была хозяйкой бала и выполняла роль свою съ чрезвычайной любезностью. Дунечка была умна, получила блистательное образованье, въ ней постоянно и всюду была видна женщина хорошаго тона; сердце и характеръ были гораздо лучше у Александра, и оттого гораздо больше нѣжности со стороны отца падало на его долю. Впрочемъ Александръ былъ очень счастливъ; онъ нравился каждому съ перваго взгляда; выраженье простодушнаго веселья внушало довѣріе къ нему и привлекало всѣхъ. Юрію Петровичу всѣ постоянно твердили, что онъ счастливый отецъ — онъ не смѣлъ произнесть въ отвѣтъ на это грустнаго слова — *покуда*, а оно между-тѣмъ откликалось всякій разъ въ его душѣ.

Пленчаниновъ не исполнилъ обѣщанія, даннаго Александру; онъ не сообщилъ ему до-сихъ-поръ ни одной романической исторіи и не только не описывалъ Лотхенъ, Кетхенъ или Гретхенъ, но даже не писалъ вовсе, и въ рѣдкихъ письмахъ своихъ къ Юрію Петровичу ограничивался тѣмъ, что обѣщалъ непремѣнно написать къ Александру *съ слѣдующей почтой*.

Юрій Петровичъ пріѣхалъ въ Одессу продавать пшеницу; годъ былъ прекрасный для торговыхъ оборотовъ. Окончивъ сдѣлку, уладивъ все какъ слѣдуетъ и видя, что ему остается пробыть дня три всего, онъ отправился къ госпожѣ Тюрго. Къ нему вышла Юлія Михайловна блѣдная, значительно измѣнившаяся: онъ посмотрѣлъ на нее внимательно.

— Что это вы такъ похудѣли, Юлинька? спросилъ онъ съ участіемъ.

— Больна часто бываю, Юрій Петровичъ—отвѣчала она.

— Отчего же вы мнѣ постоянно писали, что вамъ здѣсь хорошо?

— Да, мнѣ жить здѣсь очень даже хорошо.

— Такъ что же вы худѣете?

— Грудь немного болитъ. Весной крѣпко болѣла, теперь меньше.

— А придетъ осень—замѣтилъ Юрій Петровичъ—такъ станетъ такъ болѣть, что можетъ все кончиться весьма нехорошей штукой. Вамъ нельзя тутъ оставаться.

— Какъ это, Юрій Петровичъ?

— Вы стали слишкомъ рано заниматься; много работаете, вѣрно не по силамъ; вы слишкомъ молоды для такого прилежнаго труда, да и климатъ здѣшній можетъ быть для васъ вреденъ.

— Куда же я дѣнусь? Здѣсь по-крайней-мѣрѣ со мной всѣ ласковы, меня любятъ....

— Найдутся люди и внѣ вашего пансіона, которые васъ любятъ и съумѣютъ цѣнить васъ и беречь.

— Видите-ли, Юрій Петровичъ, тутъ ужъ я привыкла и ко мнѣ привыкли; меня тоже берегутъ по возможности, ко мнѣ очень снисходительны. Если бы даже уцѣлѣло мое состояніе, то и тогда представьте жизнь мою на хуторѣ, безъ бабушки: вѣдь бабушка умерла, когда мнѣ не было семнадцати лѣтъ.

— А вы знаете, что бабушка ваша, умирая, поручила мнѣ васъ?

— Знаю, Юрій Петровичъ, произнесла она тихо.

— Такъ вотъ видите-ли, что я имѣю полное право разсчитывать, хоть изрѣдка, на ваше послушаніе. Вы исполните то, о чемъ я васъ попрошу?

— Постараюсь.

— Я хочу, чтобы вы уѣхали отсюда. Я васъ возьму съ собой, вы поживете у меня немного, а если соскучитесь слишкомъ, я васъ отвезу къ Дунечкѣ. Вы помните мою дочь?

— Да-съ, я помню Авдотью Юрьевну.

— Ну вотъ, будете зимой выѣзжать вмѣстѣ съ ней. Мнѣ удалось еще сберечь для васъ остатки вашего разграбленнаго состоянья, вамъ станетъ на туалетъ, а вы отдохнете, поправитесь! Тамъ замужъ васъ выдадимъ, пріищемъ вамъ достойнаго, хорошаго жениха.

— Я вамъ очень благодарна, проговорила Юлія Михайловна: только я, право, останусь здѣсь въ пансіонѣ, если позволите.

— Нѣтъ, не позволю; ваше здоровье въ очень дурномъ состояніи, и если вы, по неопытности, не понимаете этого, то я обязанъ войти въ ваше положеніе и спасти васъ вопреки вашей волѣ.

— Спасти! да развѣ въ самомъ дѣлѣ я такъ больна?

— Вы готовитесь заболѣть очень сильно, но я не допущу до этого, потому что увезу васъ въ Александровку. Если вы захотите посѣтить бывшій хуторъ вашъ, это очень легко; вообще вы увидите мѣста, въ которыхъ родились; конечно, родина имѣетъ цѣну для вашего сердца?

— О да, большую!

Юрій Петровичъ помолчалъ минуту.

— Можетъ быть вы думаете, что вамъ будетъ худо у меня? Домъ въ Александровкѣ большой, найдется уголокъ по вашему вкусу; вы должны думать, что вы тамъ у себя, у вашей бабушки, и помогать мнѣ хозяйничать и скучать. Надѣюсь, что вы домъ мой не считаете для себя чужимъ

домомъ! Мы вѣдь родные, я васъ нянчилъ не разъ, носилъ на рукахъ,—наконецъ бабушкѣ вашей угодно было ввѣрить васъ мнѣ, сдѣлавъ меня вашимъ опекуномъ.

Юлія Михайловна почувствовала всю доброту и благородство сердца этого человѣка, но она думала о пансіонѣ, о томъ, какъ здѣсь она была не одна, какъ любили ее, она пожалѣла безмятежность своихъ дней и отдѣльный міръ, съ которымъ сжилась до нельзя силой привычки. Темное предчувствіе сжимало ея сердце. Однако она вынуждена была сказать себѣ, что вѣдь вѣчно жить въ пансіонѣ госпожи Тюрго невозможно, что именно ей грозитъ болѣзнь неминучая, если она не поддержитъ теперь своихъ разстроенныхъ силъ, а также, что пансіонъ не можетъ оставаться безъ учительницы музыки, другая заступитъ ея мѣсто, и тогда положеніе ея станетъ весьма страннымъ, тѣмъ болѣе, что мало по малу гостепріимство госпожи Тюрго можетъ утомиться, да и она сама будетъ чувствовать себя безполезной, ненужной въ пансіонѣ,—а это тяжело для души.

— Вы скоро располагаете ѣхать, Юрій Петровичъ? спросила она, вздохнувъ глубоко.

— Какъ скоро можете вы собраться? Въ концѣ этой недѣли я кончу всѣ свои дѣла. Благодарю васъ, что вы мнѣ довѣряете себя: я постараюсь не обмануть вашего довѣрія.

— Я только объ одномъ хотѣла просить васъ, Юрій Петровичъ...Она была глубоко взволнована.

— Извольте, извольте, приказывайте!

— Когда силы мои укрѣпятся, вы убѣдитесь, что я здорова, не препятствуйте мнѣ возвратиться сюда!

— Помилуйте, я вовсе не думаю стѣснять вашей воли. Мнѣ можно будетъ переговорить сейчасъ съ госпожей Тюрго?

— Я узнаю... впрочемъ можно, она теперь у себя.

Они вмѣстѣ вошли. Послѣ небольшаго предисловія, Юрій Петровичъ объявилъ госпожѣ Тюрго о причинѣ своего посѣщенія; госпожа Тюрго сначала возразила, что Юлія Михайловна совершенно здорова, но потомъ, выслушавъ все, что высказалъ ей Юрій Петровичъ, и восхищенная выраженьями его признательности и лестными отзывами, на которые теперь вполнѣ надѣялась и заглаза, разсчитывая безошибочно, что его отзывы увеличатъ число пансіонерокъ, она расчувствовалась и пролила нѣсколько слезъ при мысли о разлукѣ съ Юліей Михайловной.

Еще сильнѣйшее дѣйствіе произвело это извѣстіе въ классной. Классныя дамы пригорюнились слегка, сначала безъ эгоизма, а потомъ очень сильно, по эгоистическому обращенію мыслей каждой къ себѣ самой. «Вотъ счастливая, произнесли онѣ вслухъ – у ней есть кому взять ее, а тутъ живи, живи, трудись, трудись, никто не вздохнетъ даже о тебѣ, не только не подумаетъ облегчить твою участь. Какова-то *гусь* еще будетъ у насъ теперь, послѣ Жюли? Очень жаль, mesdames, неправда-ли? Можетъ быть будетъ какая-нибудь съ фанобepіей, насъ поднимать станетъ... А что, вы напишете къ намъ?

— Непремѣнно писать буду, отвѣчала Юлія Михайловна.

— Пожалуйста пишите, ma chere, какъ вамъ тамъ

въ свѣтѣ. Ахъ, я воображаю, какое впечатлѣніе! вѣдь вашъ опекунъ очень богатъ?

— Да, и его очень уважаютъ кромѣ того.

— Поздравляю васъ! Воображаю, какъ вамъ будетъ хорошо, онъ вѣрно васъ выдастъ замужъ и приданое сдѣлаетъ.

— Нѣтъ, я замужъ не пойду. Я поживу немного съ нимъ, отдохну, да и къ вамъ возвращусь опять.

— Возвращайтесь, возвращайтесь. Но нѣтъ, вы забудете, вы даже писать къ намъ не будете; mesdames, я предчувствую...

Между-тѣмъ пансіонерки, окруживъ Юлію Михайловну, перебивали классныхъ дамъ и пищали: Ахъ, ange, adorable, зачѣмъ вы уѣзжаете! мы такъ *миленько* играли у васъ, старались, теперь мы не хотимъ ни у кого играть больше. Зачѣмъ намъ новенькая, мы не хотимъ новенькой! ахъ, противная m-me Тюрго, это вѣрно она виновата, что вы не остаетесь, она монстръ такой, право!

— Совсѣмъ нѣтъ, вы ошибаетесь. Меня мой опекунъ беретъ къ себѣ въ деревню. M-me Тюрго не виновата, она не хотѣла, она даже плакала.

— Она плакала! Ахъ mesdames, какой ange, madame Тюрго; imaginez, она плакала, ахъ, ахъ, въ самомъ дѣлѣ, это очень благородно! теперь стоитъ любить m-me Тюрго, такой ange!

— Перестаньте шумѣть, по мѣстамъ! раздался голосъ дежурной классной дамы, но въ этотъ разъ онъ рѣшительно не произвелъ никакого впечатлѣнія и не могъ унять взволновавшіеся умы.

Цѣлую недѣлю не было другихъ разговоровъ какъ про опекуна, про Юлію Михайловну, двадцать разъ ее спрашивали, какъ далеко Александ-

ровка отъ Одессы, толковали, говорили, перебирали всѣ вѣроятности, всѣ возможности и на основанiи ихъ строили разные воздушные замки.

Наконецъ насталъ горестный день разлуки. Юрiй Петровичъ прислалъ фаэтонъ за Юлiей Михайловной, не желая стѣснять своимъ присутствiемъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой сцены разставанья. Были слезы, крики, вздохи; наконецъ Юлiю Михайловну весь пансiонъ проводилъ пѣшкомъ до воротъ. Даже кухарка и прачка, выскочивъ изъ дверей, стояли въ бѣлыхъ передникахъ, съ засученными рукавами на толстыхъ рукахъ, и кричали: «прощайте барышня, счастливая вамъ дорога!»

Юлiя Михайловна бросилась въ фаэтонъ. Черезъ нѣсколько времени она оглянулась, еще нѣсколько платковъ махали ей изъ воротъ; въ отвѣтъ она тоже махнула платкомъ, бросила прощальный взглядъ на странную архитектуру пансiона, всего въ башенькахъ, въ шпиляхъ, въ какихъ-то разнохарактерныхъ трубахъ, и съ грустью подумала, что возвратъ и подъ эту кровлю затруднителенъ, почти невозможенъ.

Дорожная карета Юрiя Петровича стояла запряженная; небольшой чемоданчикъ Юлiи Михайловны привязали назади въ минуту, потомъ дверцы отворились и умчали почтовыя нашихъ путешественниковъ. Юрiй Петровичъ избѣгалъ всѣхъ вопросовъ, которые-бы могли возбудить въ его спутницѣ не успокоившуюся еще чувствительность.

По дорогѣ они заѣхали къ Дунечкѣ и прогостили у ней недѣлю: она очень обласкала моло-

дую дѣвушку и представила ея воображенью самыя пріятныя картины будущаго.

Но вотъ и Александровка! Что-то знакомое встало въ памяти Юліи Михайловны, пронеслись передъ ней легкія, воздушныя видѣнья ея дѣтства: Вотъ домъ, крыльцо безъ ступеней, башня, дворъ большой и разныя постройки, раскинутыя тамъ и здѣсь. Они входятъ въ переднюю, минуютъ дверь кабинета, идутъ по залѣ. Какой огромной казалась ей эта зала, когда ребенкомъ ее привозила сюда Катерина Андреевна, какъ боялась она оставаться здѣсь одна въ сумерки! дѣтскій шагъ, звуча въ пустотѣ, пугалъ ея слухъ, тревожилъ воображенье, и всѣ сказки Матрены-ткачихи приходили тогда на умъ Особенно ей казалось, что вѣдьма сейчасъ запоетъ подъ окномъ: «Ивась, Ивась, Ивасечку, сварю тебѣ кулешечку»!..и проч....То вдругъ ждала она, что застучитъ тяжелая поступь и запоетъ хриплый голосъ «Гуси спятъ, утки спятъ, кума мою руку варитъ!..» Тогда ребенокъ, напуганный своими собственными представленіями невиданныхъ вещей, бросался со всѣхъ ногъ отыскивать бабушку и Юрія Петровича, которые спокойно разсуждали о кортофелѣ, о льнѣ, о домашнихъ лекарствахъ, или о тяжбахъ, этой оставшейся еще, хотя и значительно уменьшенной уже язвѣ Малороссіи.

Юрій Петровичъ провелъ свою гостью по всѣмъ комнатамъ и предоставилъ ей выборъ кельи: она выбрала небольшую комнату съ однимъ окномъ всего, обращеннымъ въ садъ. Дыханье резеды, душистаго горошку и ночныхъ фіалокъ было заманчиво; а по-веснѣ сирень врывалась лиловыми, ароматными кистями въ самое окно и соловьи

пѣли надъ прудомъ; трель ихъ доносилась чисто, безъ потери единаго звука въ комнату, выбранную Юліей Михайловной.

На другой день она съ восходомъ солнца была уже въ саду, дошла до пруда; вотъ террасы, казавшіяся ей прежде такими широкими, огромными; по дерну, которымъ онѣ выложены, въ былое время любило скатываться рѣзвое дитя.

Пока она гуляла, въ комнатѣ ея произошли перемѣны, или скорѣе дополненія къ ея убранству: внесли маленькій стеклянный шкафъ съ книгами, пустые пяльцы и устроили ей письменный столъ. Она понимала, что о ней заботятся самымъ тонкимъ, нѣжнымъ образомъ; у ней было отнято право чувствовать одиночество свое, сиротство. Прошло нѣкоторое время, и окружавшее ея довольство, роскошь почти, стали входить въ ея привычки незамѣтно. Здоровье возвратилось къ ней совершенно, молодыхъ силъ истрачивать было не на что: онѣ снова собрались вмѣстѣ и составили ея собственное богатство. Юлія Михайловна похорошѣла, разцвѣла всѣмъ блескомъ молодости.

Между-тѣмъ время корпуснаго компамента прошло, войска возвращались на свои постоянныя квартиры; Юрій Петровичъ ждалъ Александра, который по обыкновенію пріѣзжалъ къ отцу послѣ компамента. Точно, онъ пріѣхалъ, и въ этотъ разъ пріѣхалъ одинъ; онъ простудился во время маневровъ и захотѣлъ полечиться и отдохнуть въ деревнѣ. Непринужденно привѣтствовалъ онъ Юлію Михайловну, нашелъ, что она совсѣмъ не та, припомнилъ ей свое посѣщеніе и вечеромъ перваго же дня разсказалъ, съ свойственной ему

искренностью, какъ онъ лгалъ передъ Катериной Андреевной, что посѣщаетъ ея внучку, и какъ у него никогда не отыскивалось времени, чтобы пойти въ пансіонъ. Пленчанинова она помнила очень смутно, то есть лица его не помнила, а помнила только, что онъ пѣлъ, танцовалъ характеристическіе танцы и переодѣвался въ чепецъ и платье бабушки, когда приходилъ къ нимъ на хуторъ. Между этими воспоминаніями дѣтства и возобновленіемъ прерваннаго знакомства и родственныхъ отношеній, незамѣтно прошло время; короче сказать, съ первой же встрѣчи они сблизились и перестали церемониться другъ съ другомъ.

Въ гостиной стоялъ старый рояль, на которомъ училась когда-то играть Дунечка; его кое-какъ подстроили, и то Юрій Петровичъ, то Александръ покою не давали Юліи Михайловнѣ, заставляя ее играть безпрестанно. Александръ давалъ ей уроки верховой ѣзды, и потомъ почти цѣлый день просиживалъ въ комнатѣ Юліи Михайловны, когда она работала за пяльцами; то читалъ ей, то такъ разсказывалъ тысячи происшествій изъ своей едва начавшейся жизни. Отъ Пленчанинова были письма — каждое съ требованьемъ денегъ. Невольное, устроенное обстоятельствами сближеніе Александра съ Юліей Михайловной имѣло для молодаго человѣка невыразимую прелесть; онъ въ первый разъ встрѣчалъ дѣвушку, съ которой, проводя всѣ дни съ глазу на глазъ, ни разу еще не пожелалъ, чтобы порядокъ дней этихъ нарушился. Онъ даже сталъ бояться пріѣзда постороннихъ лицъ. Ему вовсе не нужно было другаго общества кромѣ общества Юліи Михайловны; онъ самъ не понималъ, какъ

незамѣтно, какъ искусно каждымъ словомъ своимъ она умѣла пробуждать въ немъ новыя мысли, занимать его воображенье, употреблять въ дѣло до сихъ поръ спавшую въ немъ дѣятельность мозга.

Наружность Юліи Михайловны была изъ тѣхъ, которыя никогда не приглядятся: лицо отражало каждое движенье мысли или чувства. Александръ находилъ, что она лучше всѣхъ тамошнихъ красавицъ, короче,—въ немъ родилась и развилась быстро истинная и сильная любовь. До сихъ поръ ужъ онъ не разъ влюблялся, не разъ глаза его ослѣплялись блескомъ женской красоты, женскаго ума, воображенье увлекалось, но именно это увлеченіе дѣйствовало въ немъ какъ угаръ—холодное дыханье разлуки лишь только пахнетъ на угорѣвшаго воображеньемъ человѣка, то все проходитъ, опять возвращается на мигъ утраченное спокойствіе. Бываютъ случаи, когда волненье принимается вмѣсто чувствъ; но волненье стихнетъ и тогда напрасно бы сталъ кто искать своего чувства, — его нѣтъ, потому-что его и не было. Заблужденье молодости, жажда любви, совершенное еще незнаніе своихъ силъ обманываютъ юношу призракомъ чувства. Лучшее указаніе зрѣлости ума и выработанности души въ молодомъ человѣкѣ, это когда онъ сознаетъ, что цѣль его добиться отъ любимой женщины не только ласки, улыбки, взгляда, а пониманія его чувствъ, раздѣла его мыслей и мнѣній, отвѣта на голосъ души его; когда величайшей бы гордостью его была дружба и довѣріе этого избраннаго существа, и кромѣ взаимности любви, кромѣ минутъ любви собственно, понимаетъ онъ, что есть много милыхъ, прекрасныхъ минутъ, когда чувствуетъ онъ, что

отсутствіе этого существа оставляетъ для сердца ничѣмъ не наполнимую пустыню, когда пріятно казать глазамъ его душу свою не въ одномъ только праздничномъ нарядѣ. Такого рода состояніе можно назвать ужъ не влюбленностью, а любовью.

Улимовъ не могъ рѣшиться выѣхать изъ Александровки; онъ не могъ себѣ представить, въ какомъ порядкѣ пройдутъ часы того дня, который ему придется провесть безъ Юліи Михайловны. Рядомъ съ ея живой и всегда занимательной бесѣдой, онъ ставилъ шумные разговоры товарищей, пустые по содержанію, наполненные только внѣшностями жизни, отзывающіеся иногда маленькой готовностью посплетничать, способностью говорить предположенія съ убѣжденьемъ, не оставляющіе никакого слѣда по себѣ, не пробуждающіе ни одной мысли. Тотъ былъ на охотѣ, а этотъ танцовалъ на званомъ вечерѣ, одни играли въ карты двѣ, три ночи кряду, другіе смотрѣли на нихъ,—и вотъ сойдутся. скажутъ нѣсколько хвастливыхъ по большей части словъ, кто-нибудь постарается уловить разсказчика въ хвастливости, и окажется, что черезъ нѣсколько времени говорить уже рѣшительно не о чемъ. Улимовъ помнилъ еще сходки студентовъ; онѣ болѣе удовлетворяли его вкусамъ и искренности его пылкой натуры; здѣсь всѣ какъ-будто боялись проговориться и одинъ другому старались только пустить пыль въ глаза. Иные старались прослыть въ глазахъ товарищей записными волокитами, людьми богатыми успѣхами собственнно на этомъ поприщѣ; то были молодые люди, кружащіе постоянно въ вихрѣ свѣта, и какъ Улимовъ принадлежалъ къ числу ихъ, то

чуть-чуть было не впалъ по общему примѣру въ этотъ смѣшной недостатокъ. Онъ созналь гораздо яснѣе ничтожество, въ которое начиналъ обращаться его внутренній міръ, съ тѣхъ поръ, какъ сблизился съ Юліей Михайловной. Какъ женщина, она ему нравилась, какъ натура, богатая зрѣлищемъ своего нравственнаго богатства, она пробудила въ немъ стремленіе ко всему прекрасному.

Онъ полюбилъ ее истинно, глубоко, сильно.

Юлія Михайловна нашла, что Александръ достоинъ дружбы; она привязалась къ нему, но мысль о любви не приходила ей на умъ. Быть можетъ она любила безсознательно, или составивъ себѣ полупансіонерскую идею, что любовь должна соединять блаженство рая съ муками ада, и не видя себя въ такомъ состояніи, она ошиблась, не поняла своего чувства. Повѣривъ на слово всѣмъ прочитаннымъ ею до сихъ поръ романамъ, она подвергла анализу свое чувство къ Александру и пришла къ заключенью, что въ ней только дружба, не любовь. Впрочемъ, заря чувства въ женщинѣ совсѣмъ не похожа на его полдень. Неправильно думаютъ, что можно любить только разъ въ жизни: для женщины это такъ же невозможно, какъ и для мужчины, но ни въ той, ни въ другомъ не должно приписывать этой способности непостоянству вкуса, или перемѣнчивости убѣжденій. Въ мужчинѣ быть-можетъ дѣйствуетъ болѣе всего жажда насладиться удовлетвореннымъ самолюбіемъ, въ иныхъ женщинахъ та же причина побуждаетъ искать послѣ первой любви опять новаго чувства, но оригинальный умъ одного прихотливаго философа представляетъ намъ совсѣмъ другія причины такого стремленія, говоря: «что

сердце, прежде нежели полюбитъ, должно себя испробовать на нѣсколькихъ сердцахъ. Слѣдовательно, не смотря на неистощимое краснорѣчіе разныхъ поэтовъ и романистовъ, описавшихъ и описывающихъ всегда такъ увлекательно первую любовь, должно смотрѣть на нее какъ на прекрасную прелюдію, написанную для той пьесы, которая современемъ выльется изъ души музыканта. Особенно женщина, одаренная сильной душой, какъ алхимикъ не можетъ остановиться по волѣ своей въ отыскиваньи не найденаго еще ею философскаго камня—чувства равносильнаго ея способности чувствовать. Упрямое сердце всякій разъ думаетъ, что оно въ двухъ шагахъ отъ сокровища, которое такъ постоянно отыскиваетъ. Опрокиньте жаровню, разлейте расплавленный составъ, который кипѣлъ и переваривался столько разъ на глазахъ ея, она завтра же примется съ новой силой за свои алхимическія изслѣдованья, въ полной надеждѣ, что достигнетъ наконецъ желаемаго. Оттого послѣдующее чувство всегда какъ будто сильнѣе предъидущаго.

Хотя женскій инстинктъ говорилъ Юліи Михайловнѣ, что она любима, но въ себѣ самой не подозрѣвала она любви къ Александру; съ удивительнымъ спокойствіемъ думала о прекрасныхъ качествахъ молодаго человѣка, гордилась его вниманіемъ и самой живой дружбой платила ему за его чувство. Ей скучно бы было безъ Улимова и она радехонька была, что Александръ со дня на день откладываетъ свой отъѣздъ. У него часто вырывались слова ласки и нѣжности, выраженія любви, для которыхъ не могла она оставаться глухой и нечувствительной. Міръ ея наполнялся,

но воображеніе не заносило въ края несбыточныхъ надеждъ и все та же идея возврата въ пансіонъ, къ труду, къ ежедневнымъ, какъ часы идущимъ акуратно занятіямъ, къ тиши пансіонской жизни, не покидала ее. Юлія Михаиловна смотрѣла на себя постоянно какъ на временную гостью въ домѣ Юрія Петровича; она говорила объ этомъ всегда съ той искренностью и непринужденностью, которыя были ея отличительными свойствами.

Но Юрій Петровичъ былъ искуснымъ наблюдателемъ и въ глубинѣ души своей положилъ совсѣмъ иную развязку маленькому роману, начавшемуся неожиданно на глазахъ его. Александръ былъ молодъ для женитьбы, но если бы онъ вздумалъ жениться на Юліи Михайловнѣ, Юрій Петровичъ рѣшилъ ему позволить, радуясь выбору его и любя съ самаго ея дѣтства свою будущую невѣстку. Но Александръ не вдругъ проникъ намѣреніе своего отца и предположилъ въ немъ совсѣмъ другой взглядъ на эти вещи, взглядъ стариковскій и угрюмый, не допускающій счастія иначе, какъ по системамъ, а потому, скрылъ свои чувства какъ нельзя тщательнѣе. Въ глухой досадѣ, которую въ немъ возбудило предполагаемое сопротивленіе отца лучшимъ планамъ его, самымъ дорогимъ надеждамъ, самымъ сильнымъ стремленіямъ, Александръ не могъ воздерживаться отъ разныхъ презабавныхъ выходокъ противъ взглядовъ и вычисленій всѣхъ стариковъ, сравнивалъ ихъ съ вычисленіями календаря, и вообще готовъ былъ ссориться со всѣми и какъ будто искалъ только предлога къ ссорѣ. Юрій Петровичъ понималъ какъ нельзя лучше его со-

стояніе и самъ съ собой смѣялся надъ нерѣшимостью и ошибочными предположеньями сына.

Случайность, которая играетъ такую важную роль всюду, вздумала и въ этотъ разъ вмѣшаться въ дѣла сердечныя Александра Улимова. Поѣздка верхомъ на бывшій хуторъ Катерины Андреевны расположила его и Юлію Михайловну къ мечтательности, и подъ вліяньемъ такого настроенья Александръ сталъ рисовать картины возможнаго счастья вдвоемъ, доступнаго именно для нихъ двоихъ, говорилъ съ такой любовью, съ такимъ убѣжденьемъ, что Юлія Михайловна была увлечена, очарована. Она слушала Улимова и заслушивалась невольно его рѣчей, отвѣчая тихой лаской на его ласку и словами любви на его жаркую любовь.

Вдругъ, именно видъ этого хутора напомнилъ Юліи Михайловнѣ ея положеніе, ея безотрадность, сиротство, она почувствовала себя безхарактерной въ эту минуту, неосторожной, ей стало досадно на себя, и голосомъ спокойствія и твердости она сказала Улимову:

— Надѣюсь вы завтра, послѣ завтра уѣдете?

— Это зачѣмъ? спросилъ онъ, цѣлуя у ней руку. Нѣтъ, я думаю пожить еще нѣкоторое время; быть вдали отъ васъ, особенно послѣ сегодняшняго дня, это умирать двадцатью родами смертей вдругъ. Я и то оставался, а теперь и подавно останусь.

— Ну, такъ я уѣду, сказала она.

— Куда же вы, къ Дунечкѣ?

— Нѣтъ, въ пансіонъ.

— Нѣтъ, этого не будетъ; отецъ не пуститъ васъ ни за что.

— Я теперь здорова и нѣтъ причины Юрію Петровичу меня дольше удерживать въ вашей Александровкѣ.

— Чѣмъ же это наша Александровка такъ вамъ не нравится?

— Она мнѣ очень нравится, и Юрій Петровичъ очень добръ, но вотъ именно потому, что онъ такъ добръ, я должна скорѣе уѣхать; вы способны надѣлать пустяковъ, а онъ подумаетъ, что я васъ завлекала. Въ его разсчетъ никакъ не можетъ входить ваша любовь ко мнѣ, а онъ вамъ готовитъ въ будущемъ блистательную партію, на которую вы имѣете всѣ права. Разлука со мной образумитъ васъ, влюбленность ваша пройдетъ, Юрій Петровичъ никогда не упрекнетъ меня въ непризнательности, въ лукавствѣ, въ тщеславіи.

— Въ переводѣ это значитъ, что вы меня не юбите, сказалъ съ упрекомъ Александръ.

— Это значитъ только, что я небезразсудна и что сохраняю въ себѣ чувство долга; у меня есть долгъ признательности въ отношеніи Юрія Петровича; къ-тому же все достояніе мое—это доброе мнѣніе его; мнѣ тяжело будетъ его лишиться. Если бы вы молчали, какъ прежде, я бы еще могла оставаться съ вами на прежнемъ основаніи, но теперь намъ необходимо разстаться.

— Но если я не могу разстаться съ вами!

— Что же,—сказала она, невольно вздохнувъ—и мнѣ будетъ тоже скучно. грустно безъ васъ, но я постараюсь вооружиться необходимой твердостью. Сознаніе моего положенія придастъ мнѣ ее. До сихъ поръ я считала, что кромѣ тихой дружбы точно нѣтъ ничего въ душѣ моей на долю вашу; теперь я вижу, что готово проснуться

чувство, которому не должно быть мѣста между нами.

— Грустно слушать, право, что до такой степени вы полны странныхъ предразсудковъ, воскликнулъ Улимовъ.

— У меня есть грустный опытъ, вынесенный не изъ жизни еще, это правда, но изъ общественныхъ взглядовъ на различныя положенія и отношенія; я прислушалась къ нимъ и не могу побѣдить ихъ впечатлѣнья. Хотите-ли знать, какой будетъ взглядъ на взаимность во мнѣ чувства въ отвѣтъ на чувство ваше? Хотите-ли знать, что скажутъ обо мнѣ? бѣдная дѣвушка, учительница музыки въ какомъ-то пансіонѣ, взята своимъ опекуномъ въ деревню отдохнуть отъ труда, на который обречена она судьбой. Трудиться не легко и несовсѣмъ пріятно, и вотъ, смѣкнувъ это, она воспользовалась пріѣздомъ въ деревню сына своего опекуна, богатаго молодаго человѣка, и находя, что лучше пристроить себя выгодно, нежели возвратиться въ пансіонъ, рѣшилась вскружить ему голову, завлекла его, и проч.... Вотъ отзывы, которые раздадутся обо мнѣ. И скажите, отчего всегда про насъ говорятъ, что мы завлекли, мы завлекли! А насъ когда стараются увлечь и успѣютъ— это ни-почемъ? Нѣтъ, Александръ, я васъ прошу, не говорите со мной больше ни слова, если вы сколько-нибудь меня уважаете. Поѣдемте отсюда, пора домой!...

Она подошла къ своей лошади.

— Нѣтъ, это не можетъ такъ оставаться, произнесъ Улимовъ сквозь зубы, помогая ей сѣсть на лошадь.

Юрій Петровичъ встрѣтился имъ у воротъ.

Блѣдность сына не скрылась отъ его проницательнаго взгляда, причину ея онъ почти угадывалъ. Весь вечеръ Юрій Петровичъ былъ удивительно нѣженъ съ Юліей Михайловной и окружалъ ее самымъ заботливымъ вниманьемъ, съ сыномъ же почти не говорилъ и даже принималъ видъ нѣсколько строгій, когда обращался къ нему, желая наказать его за недовѣріе, не допустивъ слишкомъ легко до затруднительнаго для молодаго человѣка объясненья. Александръ хотѣлъ было остаться съ нимъ наединѣ послѣ ужина, но Юрій Петровичъ искусно спровадилъ его, въ то самое время, какъ Юлія Михайловна желала ему спокойной ночи.

Утромъ однако Юрій Петровичъ очень рано сошелъ въ садъ, зная, что Юлія Михайловна имѣла привычку гулять надъ прудомъ по утрамъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ засталъ ее подлѣ калиновой бесѣдки и самъ началъ говорить о чувствахъ Александра, на которыя смотрѣлъ не только снисходительно, но даже съ радостью. Юрію Петровичу гораздо легче было побѣдить предразсудки и принятыя въ этомъ отношеніи молодой дѣвушкой правила. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ и маленькихъ преній, онъ смѣло назвалъ ее своей дочерью; только ему ужасно хотѣлось помучить еще немного Александра, для искренняго и пылкаго характера котораго притворство и даже молчанье было не-вмоготу.

Александръ въ-теченіе обѣда позволилъ себѣ нѣсколько колкихъ выходокъ противъ разныхъ предразсудковъ, ложныхъ взглядовъ, кривыхъ понятій. Онъ рѣшительно не могъ долѣе выдержать и прочелъ очень краснорѣчивую лекцію, заглавіе бы которой Пленчаниновъ придумалъ

легко, если бы былъ на ту пору въ Александровкѣ. Именно лекція эта могла имѣть для заглавія: «о томъ, что такое разныя общественныя положенія, и о респективныхъ отношеніяхъ этихъ положеній между собою«. Юрій Петровичъ изъ всего этого видѣлъ только, что Юлія Михайловна сдержала данное ему обѣщаніе, и чтобы довершить возрастающее раздраженіе Александра, повелъ рѣчь о скоромъ отъѣздѣ Юліи Михайловны въ Одессу, въ пансіонъ опять. Досталось же по этому случаю Одессѣ отъ Улимова! онъ раскритиковалъ ее впухъ, во всѣхъ отношеніяхъ; съ ужасной запальчивостью говорилъ о ея улицахъ, о ея жителяхъ, особенно же набросилъ онъ съ удивительной живостью каррикатуру госпожи Тюрго, въ которой видѣлъ теперь своего личнаго врага, и словомъ, «ничего во всей Одессѣ благословитя онъ не хотѣлъ.»

Онъ увлекся до того, что сталъ говорить о томъ, что скоро выйдетъ въ отставку и уѣдетъ за-границу отыскивать Пленчанинова, да соберетъ съ собой тоже нѣсколько удалыхъ товарищеи и они всѣ поселятся въ Парижѣ, чтобы извѣдать вмѣстѣ съ нимъ вдоль и поперегъ парижскую жизнь. Видя, что и это не производитъ особеннаго впечатлѣнья, онъ впадалъ въ сильный пароксизмъ ребяческой досады и, чувствуя себя смѣшнымъ. досадовалъ еще болѣе. Словомъ, день былъ для него до чрезвычайности бурный. Юрій Петровичъ сжалился: оставшись съ нимъ съ глазу на глазъ, онъ прочиталъ тоже лекцію, болѣе простаго содержанія, о томъ, что заранѣе волноваться и отчаяваться не слѣдуетъ, потомъ обнялъ его, благословилъ на счатье новой, избираемой имъ жизни

и на другой день Александръ проснулся баснословно счастливый.

Александровская дворня пришла въ неописанный восторгъ при извѣстіи, что Александръ Юрьевичъ женится, да еще на барышнѣ, которую всѣ любили.

— То-то добрая у насъ будетъ барыня, говорили между собой дворовые.

— Знаемъ мы этихъ добрыхъ, отзывался буфетчикъ сквозь зубы, вѣрный привычкѣ своей предвидѣть во всемъ новомъ, въ каждой перемѣнѣ, въ прибытіи новаго лица всегда что-нибудь дурное.

— Ей Богу, предобрѣющая она, возразилъ Филька.

— Бываетъ такъ, что изъ добрѣющихъ да потомъ не такія становятся, продолжалъ недовольный и никогда ничего не одобряющій Евстафій; знаемъ мы что знаемъ, прожили довольно! Признаться, она совсѣмъ не пара молодому барину, вѣдь гроша, поди ты, своего нѣтъ.

— Ну, не бѣда, Евстафій Тимоѳеевичъ, лишъ-бы у него было.

— А чтожъ, хоть и будетъ, думаешь поживишься тогда чѣмъ-нибудь отъ нея! своего не имѣла, такъ чужое хорошенько въ руки приберетъ,—злобно ворчалъ неугомонный буфетчикъ.

Въ это время его позвали.

— Что, Филька, онъ правду сказалъ, что-ли? спросила жирная булочница, которая все время молчала, подпирая печку и выставивъ напоказъ присутствующимъ свой толстый локоть.

— Какая у него правда, онъ никогда не знался съ правдой, все неправдами только живетъ! Пер-

вый будетъ, какъ завсегда, къ рукѣ подходить, отвѣчалъ Филька.

— Звѣстно! сказалъ казачекъ, — онъ скажетъ еще, что на вербѣ груши, а вы повѣрите.

— Правда, правда. Что это за чудной человѣкъ! раздались еще какіе-то голоса:—хорошо, право очень хорошо.

— Ивась сказалъ, что на вербѣ груши, скоро Евстафій скажетъ, звѣстно, такой человѣкъ ужъ!.. Все неправдами живетъ.

Свадьба Юліи Михайловны была назначена срокомъ черезъ три мѣсяца. Это время прошло для всѣхъ незамѣтно. Слухъ о партіи, которую дѣлаетъ бѣдная дѣвушка, достигъ пансіона госпожи Тюрго, и Юлія Михайловна получила множество поздравленій на русскомъ и французскомъ языкѣ, написанныхъ на хорошенькихъ, нарядныхъ бумажкахъ.

Только обращеніе одного лица сдѣлалось съ ней холоднымъ и сухимъ—это обращеніе Дунечки, которая пріѣхала въ Александровку ко дню свадьбы и хотя занималась немного приданымъ будущей невѣстки, но не совсѣмъ могла побѣдить непріятное впечатлѣніе, произведенное на нее ранней женитьбой брата и выборомъ его, остановившимся на дѣвушкѣ безъ связей и безъ приданаго. Зато Юрій Петровичъ казался вполнѣ счастливымъ; старикъ совершенно былъ обвороженъ умомъ и характеромъ Юліи Михайловны, не зналъ какъ угодить ей, чѣмъ потѣшить: нѣжная душа придумала самый лучшій, самый пріятный свадебный подарокъ: онъ купилъ хуторъ Катерины Андреевны у бывшаго владѣльца, и купчую принесъ Юліи Михайловнѣ. Все улыбалось ей, все

прежнее воскресло, все небывалое и неизвѣстное для нея создалось: семья, вниманіе родныхъ, угодливость молодаго мужа, его любовь, его ласки, пробуждающія и въ ея душѣ любовь и блаженство тихой ласки, наконецъ жизнь роскошная, средства удовлетворять всѣмъ прихотямъ воображенія, всѣмъ затѣямъ вкуса.

Казалось ей, что волшебница дотронулась до нея могущественнымъ жезломъ своимъ и съ ней произошло чудное превращеніе. Та-ли это бѣдная дѣвуш а, хуторянка, потомъ забытая всѣми воспитанница пансіона, потомъ трудолюбивая учительница музыки? Щегольской экипажъ, запряженный породистыми, выхоленными надиво лошадьми, уноситъ ее веселую и нарядную, какъ беззаботная бабочка, къ сосѣдямъ, или въ городъ, или въ свѣжесть густаго лѣса; въ глазахъ ея веселье, на выразительное лицо легли крас и счастливой жизни, краски, которыхъ поддѣлать нельзя и невозможно замѣнить никакими румянами, краски, которыя не могутъ обмануть ни глазъ, ни сердце. Съ каждымъ днемъ хорошѣетъ Юлія Михайловна, въ ней развивается женщина замѣчательная по всему, и всегда съ нею, всюду подлѣ нея прекрасный молодой человѣкъ, любовь котораго создала для нея счастливую жизнь, человѣкъ, приблизившійся къ ней для того, чтобы взять за руку и ввести за собой въ тотъ кругъ жизненныхъ радостей, на который сама природа, казалось, дала ей всѣ права. И онъ улыбался ей отъ полноты блаженства, только большіе задумчивые глаза никогда не смѣялись.

Черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Улимовъ увезъ свою жену въ полкъ, потому-что положено было

ему еще прослужить нѣкоторое время. Эскадронъ, въ которомъ онъ числился, былъ въ пятнадцати верстахъ отъ Александровки, а жизнь въ военномъ поселеніи, жизнь дамы въ особенности, имѣетъ свою оригинальную прелесть, которую напрасно бы кто старался отнять у нея.

Улимовъ называлъ жену свою—моя хозяйка, и въ самомъ дѣлѣ она сдѣлалась настоящей хозяйкой маленькаго кружка полковыхъ товарищей, собранныхъ вмѣстѣ въ одной деревнѣ, гдѣ, кромѣ ея, была одна только дама всего, жена эскадроннаго командира, молодая, миленькая, живая по характеру своему, и кромѣ того, отважная наѣздница, какъ это и прилично женѣ кавалериста.

Все общество собиралось вмѣстѣ по большой части къ Улимову по вечерамъ. Читали, спорили, разсказывали; Юлія Михайловна играла на фортепьяно; потомъ, развеселясь, всѣ пѣли хоромъ, часто составлялись прогулки, кавалькады, присутствіе двухъ хорошо-образованныхъ и милаго нрава женщинъ преобразовало молодыхъ людей. Карты были почти забыты, заглушенное образованіе и хорошій тонъ снова появились наружу, а всѣ воспитанные, какъ говорится, на мѣдный грошъ, стали довольно искусно подражать всему хорошему, пріобрѣли нѣкоторый лоскъ и довоспитали себя хоть наружнымъ образомъ. Присутствіе хорошо воспитанной, умной женщины гораздо необходимѣе въ такомъ кругу, нежели въ большомъ свѣтѣ; тамъ она полезна частію себѣ собственно, здѣсь же вліяніе ея благодѣтельно дѣйствуетъ на другихъ. Улимовъ не безъ причины гордился своей женой, которая въ короткое время

пріобрѣла любовь, уваженіе и удивленіе всѣхъ его товарищей.

Съ наступленіемъ охотничьей поры, Александровка оживилась пріѣздомъ молодыхъ хозяевъ и съ ними многочисленныхъ гостей. Юлія Михайловна восхищалась тѣмъ, что незамѣтно какъ будто воскресла въ Александровкѣ жизнь средневѣковыхъ зàмковъ: отважная молодежь гнала безвинныхъ зайцевъ, хищныхъ волковъ и иногда дикихъ козъ; нерѣдко Улимова сама и еще двѣ, три неустрашимыя наѣздницы присутствовали на охотѣ, а вечеромъ все общество соединялось снова, много хорошенькихъ женщинъ мелькало въ залѣ и гостиной, веселые танцы обыкновенно составлялись безъ труда и шли съ такимъ одушевленіемъ, какое не оживляло никогда ни одног нaряднаго бала окрестныхъ помѣщиковъ.

ГЛАВА II.

На желѣзной дорогѣ изъ Брюсселя въ Парижъ въ одинъ изъ вагоновъ торопливо сѣла молодая женщина, испуганная звонкомъ, который далъ сигналъ когда экипажъ ея только подъѣзжалъ къ воксалу. Зная по опыту, какой толпой всѣ брасаются изъ дверей залы къ вагонамъ, и какъ всегда тѣснятся въ дверяхъ, путешественница встревожилась замѣтно тѣмъ, что запоздала, и бросивъ два франка кучеру фіакра, шибко пошла къ залѣ, оглянувшись раза два на молодаго человѣка, который пріѣхалъ съ ней вмѣстѣ, но съ поникнутой головой шелъ въ глубокой задумчивости. Толпа ихъ раздѣлила въ минуту, вагонъ захлопнули; она только тогда увидѣла, что одна въ вагонѣ, и отъ безпокойства чуть-чуть не высунулась изъ окна, тѣмъ болѣе, что спутникъ ея въ это время показался въ толпѣ, и увлекаемый ею, пошелъ разсѣянно сѣсть въ одинъ изъ переднихъ вагоновъ. Позвать его громко по имени было не прилично, странно,—путешественница опомнилась и быстро отклонившись

во внутренность вагона, окинула невольнымъ взглядомъ общество, заключенное съ нею вмѣстѣ на нѣсколько часовъ.

— Дамы обыкновенно очень неосторожны — замѣтилъ, улыбнувшись ей съ чрезвычайной любезностью, господинъ, занимавшій мѣсто напротивъ.

Путешественница не отвѣтила ни слова и притворилась, что не предполагаетъ вовсе, чтобы эти слова относились къ ней.

— Да, бываютъ иногда случаи—проговорилъ ближайшій сосѣдъ, поглядѣвъ на нее внимательно.

Разумѣется, общимъ разговорнымъ языкомъ былъ французскій, все общество состояло изъ мужчинъ и потому вниманіе сосредоточилось на ней одной. Она была очень блѣдна и худощава, выраженіе истомы и страданія положило свою неизгладимую печать на благородное лицо молодой женщины, и хотя въ теченіе трехъ лѣтъ она очень измѣнилась, однако легко было узнать въ ней Юлію Михайловну Улимову.

Какъ! куда же дѣлось это счастіе жизни, эти радости, это существованіе баснословно-прекрасное, въ неизмѣняемость котораго она такъ горячо повѣрила? Что сталось съ ней, чѣмъ смѣнилась картина благополучія, какой злой геній разрушилъ ея веселье? На этотъ вопросъ никто не могъ отвѣчать. Даже мѣстные толки, которые шли о видимой грусти Улимовой, или правильнѣе сказать, Улимовыхъ, потому-что Александръ тоже замѣтно сталъ задумываться и тосковать. Улимова стала худѣть, болѣзненный видъ мало по малу смѣнилъ блестящій видъ ея молодости, силъ и здоровья; Улимовъ подалъ въ отставку. Тогда они оставили совершенно военное поселеніе для Александровки

и отдали свою хорошенькую квартиру двумъ молодымъ офицерамъ. Посѣтители Александровки, привыкнувъ встрѣчать привѣтъ, гостепріимство, веселье, привыкнувъ къ любезности хозяевъ и къ умѣнью одушевлять собравшееся у нихъ общество, очень изумились, когда встрѣтили въ Александровкѣ принужденность, безмолвіе, холодность и явное желаніе избѣжать постороннихъ зрителей. Всякій гость почувствовалъ себя до-крайности лишнимъ въ прежде гостепріимной Александровкѣ, и мало по малу, посѣщенія стали рѣже.

Что сдѣлалось съ Улимовыми? спрашивали всѣ другъ друга. Самыя невозможныя предположенія давали пищу самымъ безтолковымъ разговорамъ, но истина оставалась для всѣхъ закрытой. Юрій Петровичъ яснѣе всѣхъ видѣлъ происшедшую перемѣну, но не смѣлъ предложитъ нескромнаго вопроса. Тяжело и лѣниво ползли дни тоскливой жизни, и больно было смотрѣть, какъ въ минуты, когда сходились вмѣстѣ всѣ обитатели Александровки, каждый старался по-очереди обмануть прочихъ принужденнымъ весельемъ и беззаботностью. Но какъ притворство невыносимо для искреннихъ натуръ и какъ каждый изъ этихъ трехъ людей имѣлъ въ основаніи своего характера искренность, то они предпочитали избѣгать другъ друга по возможности.

Тягостное безмолвіе оледенило жизнь Александровки, безмолвіе ненарушимое, какъ безмолвіе могилы, и какой еще могилы! той, въ которой человѣкъ схоронилъ свои радости.

Юрій Петровичъ не могъ не обратить вниманія на разстроенное здоровье своей невѣстки, онъ часто въ разговорахъ съ сыномъ и ею касался

этого предмета: тогда Александръ вздрагивалъ, мѣнялся въ лицѣ и устремлялъ на жену испуганный взоръ. Но на лицѣ ея, кромѣ спокойствія и глубокой тоски, ничего нельзя было прочитать, неясный вздохъ бывалъ отвѣтомъ на заботливые вопросы Юрія Петровича. Она одна пыталась иногда пробудить въ душѣ своей угаснувшее веселье и, если можно, то хоть призракомъ его обмануть мужа и отца. Въ первые дни ея замужства прекрасный Эраръ смѣнилъ прежній старый рояль, и сколько милыхъ минутъ провела она съ этимъ другомъ, милыхъ для себя, пріятныхъ для другихъ, а теперь звуки вызывали воспоминанья, воспоминанья вызывали слезы. Призванный докторъ нашелъ, что у Юліи Михайловны нервы разстроены и грудь слаба, намекнулъ, что чахотка грозитъ, и не смотря на осторожность, съ какою онъ повелъ рѣчь свою, на запутанность фразъ, послѣ его визита всѣмъ стало еше тяжелѣе. Какая-то холодность, осторожность, взаимныя наблюденія, боязнь выдать себя, дать проникнуть въ глубь души проявлялись въ мужѣ и женѣ въ одинаковой степени. Состоянье было страшное, невыносимое, и Юрій Петровичъ, чтобы прекратить его, рѣшилъ отправить Улимовыхъ за-границу, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья Юліи Михайловны. Онъ надѣялся, что нравственную причину болѣзни уничтожитъ отвлеченіе мысли, перемѣна мѣста, новость впечатлѣній.

Проектъ его не встрѣтилъ сопротивленья ни въ одномъ изъ лицъ, отъ которыхъ исполненье его зависѣло, но не возбудилъ въ нихъ ни малѣйшей радости. Пришелъ паспортъ, его ждали и не ждали, то есть забыли вовсе, что онъ долженъ прійдти, въ

дорогу собирались какъ въ какомъ-то смутномъ снѣ.

И вотъ наши путешественники за границей, пересаживаются изъ вагона въ вагонъ, проносятся съ быстротой молніи черезъ земли и мимо земель, осматриваютъ города и достопримѣчательности, ничего не удерживая въ памяти. Все такъ же гнететъ и мучитъ ихъ мысль неотвязная, но о чемъ эта грустная мысль? того не рѣшитъ ни одинъ прозорливый, всезнающій наблюдатель. На лицахъ обоихъ была печать болѣзни, снѣдающей жизнь, но была-ль то болѣзнь физическая, или болѣзнь души и ума—кто въ состояніи былъ разгадать?... Когда на Брюссельской дорогѣ они потеряли другъ друга и сѣли по разнымъ вагонамъ, безпокойство Улимовой возрасло до высочайшей степени и она едва могла кое-какъ скрыть его проявленіе. Улимовъ тоже опомнился, выведенный изъ своего самоуглубленія пронзительнымъ свистомъ машины, замѣтилъ, что жены нѣтъ въ вагонѣ, и сдѣлалъ движеніе къ дверцамъ, хотя поѣздъ несся уже съ чрезвычайной быстротой.

— Не вздумайте прыгать, что за сумасшествіе! воскликнулъ испуганный его движеньемъ сосѣдъ, по-французски.

При словѣ сумасшествіе—Улимовъ страшно поблѣднѣлъ и укоритально посмотрѣлъ на заботливаго сосѣда, хотѣлъ что-то сказать, но потомъ только горько улыбнулся, и сталъ глядѣть въ окно. По временамъ на щеки его выступали легкія краски и гасли тотчасъ.

Между-тѣмъ въ вагонѣ Юліи Михайловны происходила совсѣмъ-другая сцена; ея визави, заговорившій съ ней косвеннымъ образомъ, не спу-

скалъ съ нея глазъ, и этотъ взглядъ до того стѣснялъ путешественницу, что она безпрестано искала точки, въ которую бы могла упереть свои глаза и не видѣть взора, устремленнаго на нее съ такой неотвязчивостью. Безпрестано отворачиваясь отъ докучливаго сосѣда, котораго судьба какъ на зло помѣстила у ней напротивъ, Улимова остановила взоръ свой на старикѣ, украшенномъ красной ленточкой Почетнаго Легіона. Онъ заговорилъ съ ней.

— Вы, конечно, ѣдете въ Парижъ? сказалъ онъ.

— Да, въ Парижъ, отвѣчала она.

— Прелестный городъ! кто увидитъ Парижъ, тому уже ничего не останется смотрѣть.

— Вы говорите какъ Французъ.

— И какъ Парижанинъ; я именно горжусъ тѣмъ, что я Парижанинъ, я никогда никуда не ѣзжу. Теперь меня въ Брюссель заставили прокатиться дѣла моего кармана. Я путешествую очень много, то есть никогда не сижу дома, но надо сказать вамъ, что всѣ путешествія совершаю въ самомъ Парижѣ; впрочемъ иногда, съ друзьями, я позволяю себѣ прогуляться въ Версаль, въ Фонтенебло, или въ Пасси, въ Виль-д'Авре, въ Анверъ—не считая Булонскаго Лѣса.

— Глядя на бантикъ, который у васъ въ петлицѣ, сказала Улимова, я предполагала, что ваши путешествія совершались въ болѣе отдаленныхъ странахъ.

— Ваша правда, но тогда мы шли, а не путешествовали—отвѣчалъ старикъ, улыбнувшись самодовольно, и взглянулъ гордо на свою ленточку.

— Я воображаю Парижъ! воскликнулъ господинъ, преслѣдовавшій Улимову своими взглядами, съ очевиднымъ желаніемъ вмѣшаться въ разговоръ.

Воображаю, какъ вамъ тоже будетъ пріятно увидѣть Парижъ! онъ обращался прямо къ Улимовой.

— Я не Парижанка и не Француженка вовсе— произнесла она холодно и опустила глаза, чтобы не видѣть взгляда небольшихъ, свѣтло-голубыхъ глазъ, сверкавшихъ лукавствомъ сквозь синіе очки.

Онъ былъ одѣтъ весь въ сѣрые цвѣта: жилетъ, все платье, даже легкій сюртукъ были какъ-будто сшиты изъ одного куска сѣрой шерстяной въ мелкую клѣтку матеріи; бѣлый воротничекъ отложенъ на голубой галстукъ, а на рукахъ натянуты плотно сѣрыя перчатки. Бѣлокурые волосы были отрощены ниже плечъ; завитые толстыми локонами, они падали вокругъ всей головы и шеи по клѣтчатому сюртуку; что касается до лица и до выраженія его, то рѣшительно ничего нельзя сказать о немъ, потому-что синіе очки скрывали нѣсколько взглядъ и цвѣтъ глазъ, а великолѣпная русая борода, спускавшаяся до половины груди этого страннаго господина и покоившаяся на его ослѣпительной манишкѣ, довершала маскарадъ лица. Замѣтно было однако, что и длинные локоны и длинная борода пользуются въ одинаковой степени любовью того, кому они принадлежатъ. Вообще онъ, повидимому, былъ собой очень доволенъ и считалъ себя до крайности опаснымъ для спокойствія женскихъ сердецъ. Видя, съ какимъ упорствомъ путешественница избѣгаетъ его взоровъ и старается не говорить съ нимъ, онъ былъ убѣжденъ, что произвелъ на нее глубочайшее впечатлѣніе и что она трепещетъ его могущества.

— Какъ, вы не Француженка? воскликнулъ онъ— вотъ чего я вовсе не ожидалъ!

— Въ самомъ дѣлѣ вы прекрасно говорите на

нашемъ языкѣ—замѣтилъ Парижанинъ. Надѣюсь, что вы не Нѣмка?

— Вы отгадали, я точно не Нѣмка — отвѣчала Улимова.

— Не мудрено отгадать, Нѣмки отвратительно говорятъ по-французски, сказалъ Парижанинъ.

— Напрасно вы такъ думаете—отозвался господинъ въ локонахъ—я долго жилъ въ Германіи и въ высшемъ кругу много мнѣ случалось встрѣчать женщинъ, которыя очень хорошо знаютъ этотъ языкъ.

— Можетъ-быть знаютъ, но должно быть не имѣютъ его въ частомъ употребленіи, сказалъ Французъ—и не удивительно:—женщины, которыя вяжутъ чулки, не умѣютъ говорить. У насъ вышиваютъ, шьютъ, а низшій классъ чинитъ; у насъ все стремится къ обновленію, и однѣ только старыя привратницы позволяютъ себѣ иногда вязать чулки, какъ отдыхъ послѣ работы метлой и языкомъ, который неутомимо ругался и сплетничалъ цѣлое утро. А Нѣмка безъ чулка — это не полное созданье, ей чего-то не достаетъ, она не знаетъ куда дѣть свои глаза и потому отыскиваетъ вѣчно что-нибудь на потолкѣ.

— Такъ вотъ въ чемъ вы нашли причину этого постояннаго обращенія взоровъ къ небу, воскликнулъ путешественникъ съ локонами и бородой. Я однако беру смѣлость совѣтовать всѣмъ женщинамъ, которыя не знаютъ, куда дѣвать свои хорошенькіе глазки, останавливать ихъ на тѣхъ глазахъ, которые особенно часто къ нимъ обращаются.

Проговоривъ послѣднюю фразу, онъ значительно поглядѣлъ на Улимову, и легкое движеніе велико-

лѣпной бороды показало, что онъ въ это время улыбнулся.

Разумѣется такое направленіе, принятое разговоромъ, очень не понравилось Юліи Михайловнѣ, тонъ и фразы о Нѣмкахъ страннаго господина заставили ее вспыхнуть отъ негодованія, и она рѣшилась не говоритъ болѣе съ своими спутниками.

— Пять минутъ! прокричалъ кондукторъ, отворивъ дверь вагона, и поѣздъ остановился.

— Здѣсь мы будемъ стоятъ пятъ минутъ—сказалъ старикъ съ орденомъ Почетнаго Легіона въ петлицѣ. Вы не выйдете? спросилъ онъ Улимову.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

Сосѣдъ ея былъ въ нерѣшимости, остаться или выйти; онъ боялся, что займутъ его мѣсто; однако видя, что всѣ выходятъ, выскочилъ и онъ, чтобы дать мѣсто старику, который зашевелился вставать.

— Кажется, этому молодому человѣку очень хотѣлось остаться съвами на-единѣ—проговорилъ онъ, когда пододвинулся къ Улимовой.

— Мнѣ очень жаль, что вы не занимаете его мѣста—отвѣчала она.

— А что, развѣ онъ стѣсняетъ васъ?

— У него очень странныя манеры; эти локоны, борода и очки не располагаютъ вовсе въ его пользу.

— Чтожъ, мы устроимъ такъ, что помѣняемся мѣстами, положитесь на меня; во всякомъ случаѣ не онъ будетъ въ выигрышѣ!

И Французъ выпрыгнулъ съ удивительной легкостью изъ вагона.

Пять минутъ прошли быстро. Путешественники возвращались и усаживались, съ фруктами или

остатками пирожнаго въ рукахъ. Обладатель локоновъ и бороды бросилъ недокуренную папиросу, хотѣлъ было садиться, но вдругъ увидѣлъ, что Парижанинъ еще не сѣлъ, и сталъ всюду искать его глазами.

— Старикъ нашъ замѣшкался—сказалъ одинъ изъ пассажировъ.

— Мы его вѣрно здѣсь оставимъ, прибавилъ другой.

— По мѣстамъ, господа, садитесь! раздался голосъ кондуктора.

Путешественникъ прыгнулъ въ вагонъ и не успѣлъ занять своего мѣста, какъ Парижанинъ тоже занесъ ногу на ступеньку.

— Займите мое мѣсто, а я ваше, пожалуйста безъ церемоній, теперь не время! произнесъ онъ бѣлокурымъ локонамъ, и незамѣтно подмигнулъ Улимовой.

Нечего дѣлать, пришлось повиноваться, старику досталось мѣсто напротивъ Улимовой, вслѣдъ за тѣмъ раздался свистъ машины и поѣздъ понесся съ страшной быстротой.

Однако путешественникъ никакъ не могъ успокоиться, и чрезъ головы другихъ пассажировъ устремлялъ глаза, вооруженные очками, на Юлію Михайловну. Это становилось для нея невыносимо; напрасно старался онъ съ ней заговаривать, она или притворялась, что вовсе не слышитъ, или отвѣчала такъ сухо и отрывисто, что ему приходилось молчать.

— Вы путешествуете однѣ? спросилъ ее Парижанинъ.

— Нѣтъ, я съ мужемъ ѣду, но насъ разлучила толпа и мы очутились въ двухъ разныхъ вагонахъ.

Парижанинъ посмотрѣлъ на свои часы.

— Я могу вамъ сказать, черезъ сколько времени именно вы увидитесь съ своимъ мужемъ: въ четверть перваго мы остановимся на двадцать пять минутъ; обыкновенно это дѣлаютъ, чтобы пассажирамъ дать время пообѣдать. Невозможно не встрѣтиться вамъ.

Улимова обрадовалась замѣтно.

— Можетъ-быть въ его вагонѣ не всѣ мѣста заняты, произнесла она съ живостью.

— Вы насъ считаете за рѣшительныхъ невѣжъ, возразилъ старый Парижанинъ: неужели вы думаете, что мы допустимъ васъ перемѣститься въ другой вагонъ? какъ ни тяжело лишить себя вашего общества, но смѣю увѣрить, каждый охотно обмѣняется мѣстомъ съ вашимъ мужемъ, и доставить ему счастіе быть съ вами—не правда ли, господа?

— Разумѣется, воскликнули всѣ, кромѣ головы въ локонахъ.

Улимова слегка поклонилась.

— Вотъ, вотъ, минута вашего счастія приближается и скоро наступитъ! продолжалъ Французъ, поглядывая на часы. Черезъ четверть часа мы у пристани, вы легко отыщете вашего мужа.

— Да, если только онъ замѣтитъ, что поѣздъ остановился, отвѣчала она—но мужъ мой такъ разсѣянъ!..

— Ха, ха, ха! захохоталъ Французъ—онъ вѣрно старъ?

— Нѣтъ, сказала Улимова грустно—онъ очень боленъ, онъ старѣе меня всего тремя годами.

— А! сказалъ Французъ и потомъ замолчалъ.

Въ это время сильный толчокъ далъ знать, что

достигли станціи, и голосъ кондуктора громко прокричалъ: двадцать пять минутъ!

Дверцы отворились и первый выпрыгнулъ очень ловко, не смотря на свои лѣта, Парижанинъ; онъ помогъ выйти Улимовой.

— Позвольте вамъ предложить руку, сказалъ онъ ей.

Улимова подала руку старику, къ видимому неудовольствію пассажира въ локонахъ, который старался не терять ихъ изъ вида ни на минуту.

Пассажиры все болѣе и болѣе наполняли залу, гдѣ накрыто было нѣсколько столовъ. По одну сторону ея, во всю длину, тянулся длинный прилавокъ, уставленный тарелками съ пирожнымъ, порціями телятины и бифстека, фруктами, сыромъ, бутылками ликеру и вина, и посреди этой всякой всячины возвышались мѣдные небольшіе вѣски, а за прилавкомъ суетилась страшно немолодая женщина въ чепцѣ и бѣломъ передникѣ; два молодыхъ мальчика, тоже въ длинныхъ бѣлыхъ передникахъ, помогали ей удовлетворять требованьямъ пассажировъ.

Всякій бралъ тарелку съ чѣмъ попало и, поднявъ ее, повторялъ иногда нѣсколько разъ безъ успѣха: le prix madame, s'il vous plait!

Нерѣдко, не получивъ отвѣта, принимались ѣсть, и опорожнивъ тарелку, расплачивались коекакъ; сумотоха была невыносимая.

Александръ стоялъ прислонясь спиной къ стѣнѣ и разсѣянно держалъ въ рукахъ пустую тарелку.

— Вотъ онъ, вотъ мой мужъ—сказала Улимова своему спутнику.

— Этотъ прелестный молодой человѣкъ! воскли-

кнулъ Парижанинъ—теперь я не удивляюсь, что вы предпочитаете его общество всякому другому.

Улимова ужъ выдернула руку свою изъ-подъ руки старика.

— Александръ, пойдемъ обѣдать—сказала она, по-русски—ты вѣрно очень безпокоился?

Онъ очнулся.

— А ты? спросилъ онъ заботливо.—Я боялся, что ты встревожишься, а при твоемъ болѣзненномъ состояніи это сдѣлаетъ тебѣ величайшій вредъ.

— Нѣтъ, грудь у меня меньше болитъ теперь..

— Грудь, грудь....повторялъ онъ грустно и, вздохнувъ, повернулся въ другую сторону; вдругъ въ это время цѣпкія объятія охватили его и бѣлокурые локоны, длинная борода, синіе очки очутились близко подлѣ лица Александра.

— Возможно ли, Саша, это ты! куда? зачѣмъ? какими судьбами? восклицалъ странный путешественникъ по-русски, осыпая звонкими поцѣлуями Улимова.

Александръ отступилъ невольно отъ него и несколько секундъ глядѣлъ въ недоумѣньи, но мало по малу онъ собралъ свои воспоминанья и съ глубочайшимъ изумленіемъ произнесъ:

— Какъ, Пленчаниновъ, это ты? что значитъ твой маскарадъ?...

— Какой маскарадъ? спросилъ Пленчаниновъ въ недоумѣньи.

— Да вотъ, твои кудри, борода, очки... къ чему все это?..

— Нельзя безъ этого, у насъ всѣ такъ, то есть всѣ тѣ, что порядочнѣе—непремѣнно такъ носятъ.

— Смѣшно!... Улимовъ на мгновенье оживился.-

Это у васъ отличаетъ порядочныхъ отъ непорядочныхъ? Куда же ты стремишься?

— Въ Парижъ, любезный другъ, въ царство Фретитольонъ и Серизетъ, прямо изъ заоблакъ шеллинговской философіи;—я курсъ дослушалъ.

— Наконецъ! А я въ это время женился, какъ ты знаешь, былъ очень счастливъ, баснословно счастливъ!... Тутъ онъ оглянулся и замѣтилъ жену— теперь везу жену въ Парижъ лечиться,—она сильно больна,—прибавилъ онъ слегка понизивъ голосъ.

— Покажи же мнѣ ее, сказалъ Пленчаниновъ.

Въ это время Юлія Михайловна, вмѣшавшаяся сначала въ толпу, подошла къ мужу и, услышавъ послѣднія слова Пленчанинова, улыбнулась невольно.

— Неужели вы меня еще недовольно разглядѣли? спросила она, протягивая ему руку, съ легкой насмѣшкой.

Пленчаниновъ вспыхнулъ такъ сильно, что этого нельзя было не замѣтить.

— Представьте, какое предчувствіе!-воскликнулъ онъ—я тотчасъ чувствовалъ симпатію, и глядя на васъ, вспоминалъ, что васъ гдѣ-то видѣлъ. Вообрази, Александръ, я просто глазъ не сводилъ съ Юліи Михайловны. А помните ли, кузина, какъ мы приходили къ вамъ въ пансіонъ навѣщать васъ? Какая почтенная, прелестная старушка была бабушка ваша, какъ я любилъ бабушку! я собственно для того ходилъ къ вамъ, чтобы ей хоть чѣмъ-нибудь угодить.

Его смѣлость, его отважная ложь поразила Улимову.

— Развѣ вы посѣщали меня? спросила она смѣясь.

— Неужели я этого не дѣлалъ? не можетъ быть!...впрочемъ, какъ рѣшить, кто изъ насъ двухъ правъ? Представьте, я въ полномъ убѣжденіи, что всякое воскресенье ходилъ къ вамъ за это время, потому-что всякое воскресенье я сбирался.

Пленчаниновъ говорилъ такимъ голосомъ истины и такъ мало смущался тѣмъ, что его уличаетъ память другихъ, что Улимовъ не выдержалъ и захохоталъ.

— Ты все тотъ же, что и былъ, Пленчаниновъ— сказалъ онъ—даже философія не измѣнила.

— Однако мы не обѣдаемъ—сказала Юлія Михайловна—пойдемъ, вотъ мѣсто подлѣ одного премилаго старика, съ которымъ я познакомилась; я хочу тебя познакомить непремѣнно.

— Ахъ, вашъ покровитель! воскликнулъ Пленчаниновъ.

Она подошла къ столу.

— Васъ не оставляютъ и здѣсь въ покоѣ—сказалъ старикъ Улимовой—но я васъ видѣлъ съ мужемъ и былъ спокоенъ: представьте меня ему.

— Вообразите, какое открытіе, это кузенъ моего мужа—отвѣчала Улимова, и потомъ обращаясь къ Александру, сказала громко,—Александръ, съ тобой желаетъ познакомиться господинъ....

— Вильбуа - добавилъ старикъ.-Я забылъ сказать вамъ свое имя. Впрочемъ вы были такъ таинственны, такъ осторожны въ отношеніи къ намъ, что не сказали даже откуда вы, гдѣ ваше отечество.

— Позвольте вамъ отвѣчать вмѣсто жены на этотъ вопросъ—сказалъ Александръ, вѣжливо протянувъ Парижанину руку—мы Русскіе, фамилія моя Улимовъ.

— Какъ это я не догадался! воскликнулъ Вильбуа: надо быть Русскимъ, чтобы говоритъ такъ прекрасно по-французски, или родиться Парижаниномъ. Къ тому же эта вѣжливость, исполненная достоинства, рѣшительно отличительное качество русскихъ дамъ. Нѣмка слишкомъ сообщительна и готова съ перваго слова предложить вамъ сентиментальную дружбу, Испанка надменна и недовѣрчива, Англичанки всѣ черезчуръ васъ разсматриваютъ, а Француженки наши не умѣютъ быть вѣжливыми; только онѣ ужъ слишкомъ любезны, и всякое знакомство съ ними съ двухъ, трехъ словъ принимаетъ значеніе предпріятія волокитства съ одной стороны и неугомоннаго кокетства съ другой. Только русскія дамы умѣютъ быть вѣжливыми, во всей обширности холоднаго смысла этого слова; я не сказалъ ни слова объ Итальянкахъ; я ихъ не знаю, потому-что онѣ рѣже прочихъ посѣщаютъ нашъ Парижъ, а я изъ Парижа ни шагу и учу нравы всѣхъ народовъ по образчикамъ, которые они къ намъ посылаютъ.

— Такъ вы наблюдатель!—воскликнулъ Пленчаниновъ.

— Иногда очень несносный, какъ это вы сами испытали,—отвѣчалъ старикъ насмѣшливо; но Пленчанинова не легко было сконфузить, онъ погладилъ рукой бороду и сталъ разсѣянно глядѣть на общее движенье, на страшную суету, происходившую вокругъ. Парижанинъ однако чувствовалъ къ нему очевидную антипатію и не хотѣлъ оставить его въ покоѣ.

— Скажите, какая изумительная вещь родство!—воскликнулъ онъ, глядя на Пленчанинова неотвязчиво.—Вы садитесь въ вагонъ, и тамъ видите

даму, начинаете преслѣдовать ее неутомимымъ вниманіемъ и взглядами вашими. Если только вы это дѣлаете, нѣтъ сомнѣнья, что это кузина ваша, хотя бы она прямо пріѣхала изъ Индіи. Послѣ сегоднишняго случая съ вами я утвреждаюсь еще болѣе въ мысли, что голосъ сердца достоинъ чрезвычайнаго довѣрія и потому не долженъ быть отвергаемъ никогда.

— Кузина, не пора ли вамъ? всего три минуты, а вы такъ боитесь толпы,—заговорилъ Пленчаниновъ, стараясь заглушить слова Вильбуа.

— Въ самомъ дѣлѣ пойдемте, сказала Улимова вставая.

— Позвольте проститься съ вами,—сказалъ Вильбуа—я уступаю мѣсто свое напротивъ васъ....Не правда ли, славное, завидное мѣсто?—отнесся онъ къ Пленчанинову, и послѣ продолжалъ: мѣсто напротивъ васъ я уступаю вашему мужу и переселяюсь на его мѣсто въ другой вагонъ.

— Вы очень добры, сказалъ ему Улимовъ, очень, очень благодаренъ вамъ.

— Я соединилъ людей разлученныхъ неумолимой судьбой—прибавилъ Вильбуа,—это доброе дѣло, оно много принесетъ счастія. Прощайте!—И улыбающееся лицо старика исчезло; путешественники наши сѣли въ вагонъ, они летятъ снова.

Встрѣча съ Пленчаниновымъ оживила Александра, онъ осыпалъ его вопросами. Юлія Михайловна благословила эту встрѣчу, видя ея благодѣтельное вліяніе.

— Что же дядюшка? разсказывай мнѣ пожалуйста,—говорилъ Пленчаниновъ—очень онъ сердится, что я повыбралъ почти весь свой капиталецъ?

— Онъ жалѣетъ о тебѣ.

— Ничего, пусть не жалѣетъ. У него, извини, mon cher, стариковскій взглядъ, нѣсколько отсталый уже, а я иду путемъ прогресса и потому конечно мы въ мнѣніяхъ своихъ никогда теперь бы не сошлись.

Невозможно представить, съ какимъ забавнымъ любопытствомъ прислушивались остальные пассажиры къ звукамъ чужаго, незнакомаго имъ вовсе языка. Юлія Михайловна тоже участвовала въ разговорѣ Пленчанинова съ Александромъ, и потому на нее смотрѣли теперь съ чрезвычайнымъ изумленіемъ.

— Скажи, пожалуй, это Русскіе, прошепталъ тихо кто-то почти на ухо своему сосѣду? смотри, вѣдь они одѣты какъ и мы съ тобой, это просто удивительно!...

— И видъ-то у нихъ не очень такой.... отвѣчалъ тотъ. Развѣ вотъ этотъ въ локонахъ только немножко похожъ на Гунновъ, помнишь въ оперѣ «Аттила», которую мы съ тобой видѣли.

— Да, правда, подтвердилъ первый.

— Чтожъ ты о Шеллингѣ не разсказываешь? спросилъ Улимовъ.

— Шеллингъ, mon cher, что и говоритъ, вѣдь это геній! И вотъ надо было видѣть, какой ему пріемъ въ Лейпцигѣ сдѣлали, студенты на колѣняхъ стояли во время лекціи, то есть тѣ, которые были поближе къ ступенямъ каѳедры. А я-то, я-то что за счастливецъ, какъ подумаешь! представьте, кузина,— онъ обратился къ Юліи Михайловнѣ,—представьте, я шелъ одинъ разъ съ этимъ великимъ человѣкомъ подъ зонтикомъ, вотъ блаженство!... Можно представить, какой вѣсъ мнѣ это придало: на другой же день разнесся слухъ между студентами, а я и такъ уже унихъ былъ на хорошемъ счету, во первыхъ

какъ Русскій, потому что это имѣетъ своего роду цѣну, вѣдь Россію бранятъ только въ книгахъ у нихъ, и Русскимъ тамъ почетъ. Представьте какое счастіе, что пошелъ въ то время дождь! Насъ нѣсколько шло за Шеллингомъ, провожали мы его съ лекціи, онъ разумѣется говорилъ, а мы всѣ слушали; я иду ближе всѣхъ. Вдругъ пошелъ дождь, Шеллингъ раскладываетъ огромный зонтъ: мнѣ разумѣется не до дождя, я иду подлѣ и слушаю. Вдругъ онъ мнѣ говоритъ: Herr Пленчаниновъ, не хотите ли укрыться отъ дождя? Каково, представьте, мое положеніе! Нѣтъ скажите только, вы можете себѣ представить меня съ Шеллингомъ, идущаго въ дождь подъ зонтикомъ?

Улимовъ вѣрно очень живо себѣ представилъ эту фигуру, потому-что расхохотался отъ души.

— Вотъ вы смѣетесь, вы мнѣ не вѣрите, а весь Лейпцигъ это видѣлъ, меня съ Шеллингомъ подъ однимъ зонтикомъ!... Это имѣетъ глубокое значеніе.

— Скажите, ваша прическа вѣрно имѣетъ тоже свое значеніе? спросилъ Улимовъ смѣясь.

— Представьте, всѣ меня называли Rafaelkopf; право! находили, что эти локоны придавали лицу моему *рофаэлевское* выраженіе.

— А борода? спросилъ Улимовъ.

— Какой ты, Саша! бороду носилъ Леонардо Винчи, а не Рафаель; впрочемъ вѣдь она у меня выросла такая густая, длинная; я прежде было безъ всякой мысли запустилъ, а потомъ уже такъ осталась.

— Развѣ вы художникъ? спросила Юлія Михайловна. Александръ мнѣ не сказалъ, что вы были заграницей въ качествѣ живописца.

— Нѣтъ, кузина, я карандаша въ руки не беру, я прежде было отростилъ себѣ бороду, чтобы похо-

дить на старцевъ, мудрецовъ Грецiи, вѣдь я учился философiи, я отдалъ себя всего ей, и искалъ себѣ образцовъ между философами древнихъ временъ.

— Даже для бороды? сказала Улимова.

— Кантъ носилъ косу, а ты локоны,—замѣтилъ Александръ,—это маленькiя верьяцiи на ту же тэму.

— Не смотря на все мое уваженiе къ Канту, я косы носить не стану; я было отпустилъ только немного волосы, но какъ стали восхищаться ихъ цвѣтомъ, я сталъ ихъ носить все длиннѣе, длиннѣе. Всѣ у насъ кричали, что это великолѣпiе просто имѣть такiе волосы. Увѣряю васъ, что всѣ называли меня Rafaelkopf.

— А очки въ чье же воспоминанье ты носилъ? кто носилъ ихъ? спросилъ Улимовъ насмѣшливо.

— Ну это.... я всегда вѣдь былъ близорукъ, отвѣчалъ Пленчаниновъ. Возьми у меня очки, я ничего не увижу.

— Славу Богу, что хоть они надѣты по болѣе уважительной причинѣ, сказалъ Улимовъ.

Улимова такъ была счастлива, что мужъ говорилъ съ нѣкоторымъ одушевленiемъ, шутилъ и смѣялся, что за это одно готова была принять Пленчанинова подъ свое покровительство, и посмѣявшись немного на его счетъ въ отмщенiе за то невыносимое преслѣдованье, которымъ онъ ей надоѣдалъ въ первые часы встрѣчи съ нею, какъ съ незнакомой, она стала брать его сторону.

— Отчего же не носить ему длинныхъ волосъ и бороды, — сказала она обращаясь къ мужу,—особенно если это нравится?

— Увѣряю васъ, что это очень нравилось женщинамъ! воскликнулъ Пленчаниновъ.

— Которой же болѣе, Гретхенъ или Кетхенъ? спросилъ Улимовъ.

— Ха, ха, ха! захохоталъ Пленчаниновъ. Вспомнилъ же ты нашъ разговоръ, скажи пожалуйста! Мало ли чего мы не говорили тогда! Напримѣръ я жену твою обрекалъ страшному несчастію, никогда не предполагая, что у меня будетъ такая прелестная кузина.

Улимовъ содрогнулся и смотрѣлъ во всѣ глаза на него.

— Прекрасно! воскликнула Юлія Михайловна, а нельзя ли узнать, какому бѣдствію, какимъ несчастьямъ обрекли вы меня?

— Что вспоминать эти глупости! произнесъ Улимовъ въ чрезвычайномъ испугѣ; я ихъ забылъ, забылъ совершенно, забылъ все.... а ты въ Россію? когда же ты въ Россію?...

Онъ былъ блѣденъ, нервная дрожь замѣтнымъ образомъ имъ овладѣла, и лице приняло выраженіе испуга и мольбы. Пленчаниновъ видѣлъ эту перемѣну и не понималъ причины.

— Когда же ты въ Россію? продолжалъ спрашивать Улимовъ.

— Я еще Францію хочу посмотрѣть, то есть Парижъ. А тамъ можетъ быть въ Швейцаріи буду, въ Женевѣ у меня есть одинъ пріятель, вмѣстѣ мы слушали Шеллинга и одинъ разъ были приглашены къ нему вечеромъ. Представьте, я былъ приглашенъ великимъ Шеллингомъ на вечернюю бесѣду, и представьте, кружокъ весь состоялъ изъ десяти человѣкъ. Нѣтъ, скажите, вы это себѣ представляете?

— Совершенно, какъ нельзя лучше.

Однако Улимова не спускала глазъ съ мужа

и Пленчаниновъ, тоже пораженный его блѣдностью и невольной задумчивостью, не выдержалъ.

— Да что съ тобою вдругъ сдѣлалось? спросилъ онъ.

— Мнѣ холодно.

Въ самомъ дѣлѣ зубы его стучали. Такъ ты разлюбилъ Россію? проговорилъ онъ разсѣянно, стараясь отвлечь вниманіе Пленчанинова отъ себя.

— Какое разлюбилъ! я былъ извѣстенъ своимъ потріотизмомъ; это было на второй годъ моего пріѣзда въ Берлинъ, я сидѣлъ въ кофейной, вдругъ входитъ молодой человѣкъ прелестной наружности, брюнетъ, смуглый такой. Взялъ онъ газету, я тоже читаю. Потомъ достаетъ портфель расплачиваться и изъ портфеля падаетъ письмо къ ногамъ моимъ— адресъ на немъ по нѣмецки и по русски, представьте по Русски! я внѣ себя вскакиваю, бросаюсь ему на шею, вскрикиваю—вы Русскій, я Русскій, и мы обнимаемся. Потомъ разумѣется познакомились, даже сошлись: я въ немъ нашелъ очень порядочнаго человѣка. Конечно теперь, съ годами энтузіазмъ въ человѣкѣ гаснетъ, проявленія его чувствъ не такъ порывисты, наконецъ согласитесь, почему же мнѣ и не посмотрѣть еще другіе края?

— А что дядюшка? очень старъ?... спросилъ Пленчаниновъ.

— Насилу ты спросилъ о старикѣ.

— Отецъ самъ хотѣлъ, чтобы мы поѣхали за границу, сказала Юлія Михайловна, я стражду грудью, боятся всѣ чахотки....

— Возможно ли! воскликнулъ Пленчаниновъ.

— Да грудью, грудью... подтвердилъ Улимовъ. Жена моя очень сильно больна, она конечно еще не опасна.. но впослѣдствіи времени, вотъ это и

не хорошо, что время въ этомъ случаѣ только увеличиваетъ и развиваетъ.... Сначала, все это незамѣтно, знаешь! но мало по малу проявленіе чаще, сильнѣе, и окружающіе всѣ уже ничинаютъ замѣчать.

Онъ говорилъ какъ бы самъ съ собою, совершенно углубленный въ свои мысли.

— Какія проявленія?

— Проявленія? проявленія страшной болѣзни, конецъ самый ужасный.

— Мой другъ, ты говоришь съ такимъ отчаяніемъ, что я въ самомъ дѣлѣ вообразу себя на краю гроба,— замѣтила Улимова, усиливаясь улыбнуться и вообще казаться спокойной.

— Я еще ничего особеннаго не вижу въ кузинѣ,— прибавилъ Пленчаниновъ,—вотъ ты самъ каковъ, посмотри на себя: блѣденъ какъ привидѣнье и ужасно худъ. Я считалъ тебя счастливымъ вполнѣ и считаю до-сихъ-поръ: страхъ твой пройдетъ.

— Ты правильно выразился, сказавъ: страхъ! точно, это ужасное чувство, оно въ состояніи отравить самое лучшее, самое полное счастье, — говорилъ Улимовъ задумчиво.

— Мнѣ гораздо лучше и ты право напрасно безпокоишься, — сказала Улимова, грустно слѣдя взоромъ за каждымъ движеніемъ мужа.

— Точно, сегодня тебѣ нѣсколько лучше было, но развѣ я убѣжденъ, что докторъ съ перваго взгляда составитъ себѣ правильное понятіе о твоей болѣзни безъ всякаго посторонняго вліянія, а иначе все это никуда негодится.

Юлія Михайловна пристально поглядѣла на него и на Пленчанинова.

— Теперь я все понимаю,—сказала она—вѣрно вы предсказали Александру, что онъ рано овдовѣетъ, и

вотъ источникъ его отчаянія. Какъ ты суевѣренъ!

— Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ Улимовъ, совсѣмъ не то!

— Нѣтъ, кузина, я совсѣмъ нѣчто другое предсказалъ его женѣ, отвѣчалъ Пленчаниновъ смѣясь.

— Но тебѣ этого не зачѣмъ знать! воскликнулъ въ испугѣ Улимовъ.

— Ради Бога, удержись, Александръ, вѣдь мы не одни здѣсь, зрителей множество, произнесла Улимова.

И въ самомъ дѣлѣ всѣ пассажиры стали посматривать на него съ удивленіемъ.

Онъ видимымъ образомъ смутился, вздохнулъ и сталъ глядѣть изъ окна вагона.

— Не говори, не говори, слышишь! пробормоталъ онъ, ужъ не глядя на жену и на Пленчанинова, это можетъ имѣть самыя дурныя послѣдствія....

Однако Пленчаниновъ, считая эти странныя выходки пустымъ, сущимъ ребячествомъ, хотѣлъ непремѣнно разсказать Юліи Ммхайловнѣ все, не смотря на запрещеніе, но она его остановила. Очевидно было, что состояніе мужа ее обезпокоило глубоко и что она боялась привесть его еще въ большее раздраженіе. Пленчаниновъ хотѣлъ было пуститься въ объясненіе, но она опять не позволила, а стала разсказывать подробности жизни своей въ Александровкѣ, хотя замѣтно было, что все это ей стоило большихъ усилій. Улимовъ молчалъ и все таже блѣдность и видъ совершеннаго, грустнаго самоуглубленія не оставляли его.

— А ты давно въ отставкѣ, Александръ? спросилъ Пленчаниновъ.

— Мѣсяцевъ семь, восемь. Болѣзнь жены, ея

состоянie заставили меня оставить службу раньше, нежели я думалъ.

— Право, ты слишкомъ занимаешься состояньемъ Юлiи Михайловны; она гораздо мужественнѣе тебя.

— Больной никогда не понимаетъ истиннаго своего положенiя, оно со стороны виднѣе, и окружающiе мучатся обыкновенно болѣе, нежели онъ самъ. Онъ такъ слабъ и постоянно грустенъ, разсѣянъ; ты долженъ наконецъ понять, что мы не изъ прихоти забрались такъ далеко.

— Вотъ странно! воскликнулъ Пленчаниновъ, вы оба жалуетесь на разсѣянность другъ друга, и Богъ знаетъ, кто въ самомъ дѣлѣ изъ васъ разсѣянный.

— Кому же это она жаловалась? спросилъ вздрогнувъ Улимовъ: кому ты на меня жаловалась, Боже, Боже, все одна и та же идея.... прибавилъ онъ шепотомъ. Нѣтъ это не можетъ такъ продолжаться!

Онъ послѣднiя слова говорилъ какъ будто про себя и не глядя на жену.

— Помилуй, Александръ, я вовсе не жаловалась на твою разсѣянность, сказала Улимова; только Вильбуа, тотъ Французъ, что познакомился съ нами и уступилъ тебѣ свое мѣсто, сказалъ, что ты меня увидишь тотчасъ въ обѣденной залѣ, а я прибавила: увидитъ, если онъ не будетъ разсѣянъ.

— Но къ чему сохранять постоянную идею? сказалъ съ нѣкоторой досадой Улимовъ,—къ чему, скажи мнѣ, когда я тебя просилъ? ты не можешь представить, до какой степени это вредно для тебя. Эта постоянная идея, idea fixa самая опасная вещь, и для меня нѣтъ ничего хуже какъ видѣть ее въ тебѣ.

— Полно, Александръ, вѣдь мы не одни, ты обращаешь на себя общее вниманье, замѣтила опять

ему Юлія Михайловна и потомъ сказала Пленчанинову громко по-французски:

— Мой мужъ не можетъ разсуждать хладнокровно о моей болѣзни,—тутъ она заставила себя улыбнуться.

Одинъ изъ пассажировъ рѣшился отнестись къ ней съ вопросомъ:

— Позвольте—сказалъ онъ—позвольте спросить, есть ли у васъ рекомендательное письмо къ кому-нибудь и вообще указанъ ли вамъ докторъ? Всѣ эти цари науки имѣютъ свою спеціальность каждый: одинъ лечитъ преимущественно чахотку, другой нервныя болѣзни, третій ревматизмы, и такъ далѣе. Вамъ опредѣлятъ болѣзнь вашу и отправятъ васъ къ тому, который занимается той болѣзнью по преимуществу. Какъ хорошо, что эти господа не полагаются на универсальность своихъ познаній!

— Помоему это странно и не хорошо, возразилъ Пленчаниновъ.

— А я нахожу, что это прекрасно—сказала Улимова.

Послѣ того начался легкій споръ, въ которомъ приняли участіе почти всѣ пассажиры, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ остановокъ на пять, на три, на семь и десять минутъ, поѣздъ остановился совершенно и раздались восклицанія: мы пріѣхали, мы въ Парижѣ!

Посмотрѣли паспорты; потомъ таможенные принялись за свое дѣло, съ скрытымъ, глухимъ бѣшенствомъ осматривая чемоданы тѣхъ, которые прямо ѣхали изъ Бельгіи, а не черезъ Бельгію только.

Старичекъ Вильбуа отыскалъ Улимову и подошелъ къ ней.

— Долгъ платежемъ красенъ—сказалъ онъ, улы-

баясь—въ Бельгіи такъ же точно поступаютъ съ нами, когда мы ѣдемъ изъ Франціи. А у васъ нѣтъ контрабанды? объявите лучше, а то плохо будетъ, если откроютъ ее сами.

— У насъ всего контрабанды русскій чай; вы правы, надо поскорѣе объявить его, а то еще отнимутъ, и тогда бѣда намъ будетъ, мы будемъ осуждены на чай здѣшняго привоза, который нѣтъ средствъ пить.

— Я привыкъ видѣть Русскихъ—отвѣчалъ Вильбуа—и признаюсь, удивлялся имъ; они съ такимъ наслажденіемъ глотаютъ чай: что за охота вѣчно лечиться! у насъ чай вѣдь пьютъ только больные.

— Слѣдовательно я, какъ больная, даже и у васъ имѣю право пить чай вмѣсто шеколада.

— Разумѣется. А чѣмъ вы больны въ самомъ дѣлѣ? презанимательно, право, двое молодыхъ людей, мужъ и жена, и оба больные!...

— У меня болитъ грудь.

— Бѣдненькая! позвольте мнѣ дать вамъ адресъ моего доктора, мнѣ страшно за васъ, вы можете попасть на какого-нибудь шарлатана, а въ этомъ человѣкѣ вы встрѣтите обширныя познанія и самую свѣтлую душу. Къ тому же онъ старѣе меня гораздо, одинъ видъ его уже внушаетъ довѣріе. Я полагаю, что для путешественниковъ, для больнаго, пріѣхавшаго издалека лечиться къ намъ, очень утѣшительно встрѣтить въ своемъ докторѣ сердечную теплоту, сочувствіе, а мой знакомый именно извѣстенъ тѣмъ состраданіемъ, участіемъ, которое онъ принимаетъ въ паціентахъ.

— Благодарю васъ очень.

— Вы можете говорить съ нимъ обо всемъ, повѣрять ему ваши горести, совѣтоваться, это ан-

гельская доброта! въ немъ всегда пробуждаются отеческія чувства къ паціентамъ.

Улимова слушала внимательно.

— Именно мнѣ это необходимо, сказала она.

— Я угадалъ; женщины всегда нуждаются въ сочувствіи.—Говоря это, Вильбуа досталъ визитную свою карточку и написалъ карандашемъ подъ именемъ Шарль Вильбуа слова: «проситъ доктора Луи Дюваля, живущаго въ улицѣ Сентъ-Оноре № 123, позаботиться о скорѣйшемъ выздоровленіи г-жи Улимовой.» Вы отдадите ему эту карточку, прибавилъ онъ.

— Благодарю васъ. Улимова пожала руку старику. Мы остановимся въ улицѣ Риволи, въ отелѣ Міерисъ, пока не пріищемъ себѣ квартиры; надѣюсь, вы доставите намъ удовольствіе и когда-нибудь посѣтите насъ. Оставляя отель, я дамъ свой адресъ швейцару, на всякій случай.

— Непремѣнно, непремѣнно воспользуюсь вашимъ приглашеніемъ, я не встрѣчалъ молодой женщины, которая бы болѣе васъ могла внушить уваженіе и участіе съ перваго взгляда. Прощайте. А гдѣ вашъ мужъ? Да, вотъ онъ, разговариваетъ съ вашимъ кузеномъ, который будетъ у насъ производить фуроръ наравнѣ съ англійскими туристами. Чемоданъ готовъ и они также застегиваютъ свои чемоданы; прощайте, будьте здоровы; я вполнѣ надѣюсь на Дюваля.—Мосье Улимовъ, прощайте; ваша жена остается одна совершенно — прокричалъ онъ Александру и, кивнувъ ему съ живостью головой, исчезъ въ толпѣ.

Иного совсѣмъ содержанія разговоръ происходилъ между Улимовымъ и Пленчаниновымъ, пока осматривали ихъ чемоданы. Пленчаниновъ все при-

ставалъ съ вопросами о причинѣ страшной грусти пускался въ разныя догадки, на которыя Улимовъ отвѣчалъ отрывистыми фразами, ничѣмъ не удовлетворявшими любопытству Пленчанинова, и онъ вопреки своей привычкѣ заниматься всѣми, кромѣ себя, только мимоходомъ продолжалъ настойчиво:

— Нѣтъ братъ, Саша, воля твоя, я ожидалъ тебя встрѣтить посчастливѣе.

— Развѣ несчастіе мое написано у меня на лицѣ такими яркими буквами? спросилъ Улимовъ съ тревогой.

— Развѣ ты счастливъ?

— Нѣтъ, я конечно очень несчастливъ, глубоко несчастливъ.

— Неужели жена!...

— Именно.... но ради Бога никогда, никому, отцу я не сказалъ ни слова.

— Представь, я не ожидалъ вовсе этого отъ нея. На лицѣ ея именно печать той серьезной осторожности и того вниманія къ себѣ самой, которое уничтожаетъ рѣшительно всѣ подобныя подозрѣнія. Ты пожертвовалъ для нея будущностью, блистательными партіями, на которыя могъ всегда смѣло разсчитывать—и вотъ благодарность!

Улимовъ остолбенѣлъ отъ изумленія и не могъ выговорить ни слова.

— Не говори мнѣ, Саша, что женщина жертвуетъ собой—продолжалъ ораторскимъ тономъ Пленчаниновъ, — вся будущность женщины въ любви ея, и она рѣшительно ничего, кромѣ своего чувства, не приноситъ мужу, или вообще тому человѣку, котораго любитъ. А мужчина — свободу, будущность, карьеру, возможность пріобрѣтенія различныхъ даровъ фортуны! ужъ самое ежедневное

распредѣленіе его часовъ и то измѣняется. Я не говорю о женатыхъ только, я говорю о каждомъ, кто беретъ себѣ на шею любовь женщины: разница вся въ томъ, что женясь, онъ отступается отъ себя самого на всю жизнь, а не женясь отступается на нѣкоторое время; потому что вѣдь я держусь того мнѣнія, что мужчина могъ бы и не любить, а женщина не любить не можетъ, слѣдовательно если не тебѣ, то другому отдастъ свою любовь. Онѣ не дѣлаютъ никакихъ пожертвованій, и потому не въ состояніи оцѣнить нашихъ жертвъ — ты именно долженъ утѣшить себя этой мыслью и, если можно, развлечься, а ее предоставить судьбѣ. А я былъ прекраснѣйшаго мнѣнія о твоей женѣ, знаешь, я въ ней находилъ именно то, что Нѣмцы называютъ....

И Пленчаниновъ хотѣлъ-было сказать какое-то нѣмецкое выраженіе, самое опредѣлительное изъ всѣхъ нѣмецкихъ выраженій, но въ ту самую минуту Вильбуа обратился къ Улимову, объявляя, что Юлія Михайловна остается одна въ толпѣ, и напоминая тѣмъ, что онъ обязанъ заботиться о ней.

— Ну, что это такое! воскликнулъ Пленчаниновъ. Да ты невольникъ, просто, на цѣпи прикованъ что-ли къ ней?... не ходи, Саша, она найдетъ себѣ поклонниковъ, а мы съ тобой лучше кутнемъ здѣсь въ Парижѣ хорошенько.

Улимовъ пришелъ въ себя и грустно улыбнулся.

— Ты въ заблужденіи, въ ужасномъ заблужденіи, сказалъ онъ Пленчанинову:—жена моя достойна именно общаго уваженія. Знаешь ли, ужъ лучше бы твои догадки были справедливы, тогда я одинъ былъ бы несчастливъ, а теперь оба, оба мы.... Ты мнѣ подалъ странную мысль.... тогда можетъ

быть презрѣніе одолѣло бы силу моей привязанности, я не любилъ бы ее, и меньше мучился. Нѣтъ, наше несчастье выше этого печальнаго и нерѣдкаго случая общественной жизни, наше несчастье выше всего, что ты можешь только себѣ представить, и если ты его еще не замѣтилъ, то тѣмъ лучше.... Да, тѣмъ лучше, не знай его, не замѣчай его; я употребляю всѣ усилія, чтобы скрывать отъ всѣхъ, ты понимаешь? Смотри же, Пленчаниновъ, ни слова! Никогда ей ни намекай, это все такъ у меня вырвалось. Смотри, ни слова....

И онъ отошелъ, бросивъ ему умоляющій взглядъ.

Рѣшительно объясненіе такого рода ничего не объяснило Пленчанинову и произвело въ умѣ его окончательную суматоху. Однако надо было собрать свой багажъ и отправиться по мѣстамъ; занятый самыми мелочными заботами о себѣ и своихъ вещахъ, онъ скоро забылъ впечатлѣніе, произведенное всѣми выходками Александра, перестал утомлять умъ свой разгадкой его тайны, и подошелъ спросить гдѣ остановятся Улимовы.

— Въ отелѣ Миліусъ въ улицѣ Риволи, отвѣчала Юлія Михайловна.

— Тамъ дорого, говорятъ, тамъ всегда Англичане останавливаются—нѣтъ, я буду искать подешевлее; мнѣ деньги пригодятся на многое въ Парижѣ; впрочемъ вы и я больная разница. Однако пойдемте вмѣстѣ; фіакра ни одного....надо сѣсть въ омнибусъ, говорятъ, что это гораздо выгоднѣе; конечно вы не для выгодъ, но фіакра нѣтъ.

— Напротивъ того, я не менѣе васъ разсчетлива и потому мы не долго пробудемъ въ отелѣ, я тотчасъ стану искать квартиру. Милости просимъ къ намъ, всегда, въ какое хотите время;—за столомъ у насъ

всегда будетъ одинъ лишній приборъ для васъ на всякій случай, когда вы не расположены будете обѣдать въ ресторанѣ.

— Благодарю васъ, кузиночка, это по русски, рѣшительно по-русски! - произнесъ Пленчаниновъ, зная по опыту какъ слѣдуетъ цѣнить подобное предложеніе заграницей.-Дай Богъ, чтобы васъ здѣсь не испортили въ этомъ отношеніи, а мнѣ пріятно имѣть убѣжденіе, что я буду видѣться съ вами ежедневно. Александръ и я вѣдь росли вмѣстѣ, воспитывались, и конечно имѣли нѣкоторое вліяніе на взаимное образованіе, такъ что между нами очень много общаго. Я надѣюсь, кузина, что мы уже съ вами подружимся....

И много, много все въ такомъ родѣ наговорилъ Пленчаниновъ Юліи Михайловнѣ, а между тѣмъ вещи ихъ давно взвалили на омнибусъ, ихъ самихъ помѣстили въ средину, и хлопнулъ громко огромный бичъ, загремѣли колеса по ужасной, тряской мостовой. Черезъ нѣсколько времени отель Миліуса принялъ нашихъ путешественниковъ.

Безспорно улица Риволи самая пріятная изъ всѣхъ улицъ Парижа. Прекрасныя деревья тюльерійскаго сада и его рѣшетки гораздо болѣе нравятся взору, нежели рядъ довольно мрачной наружности высокихъ домовъ, который обыкновенно возвышается съ обѣихъ сторонъ каждой другой улицы. Воздухъ здѣсь чище, и небо хотя довольно пасмурно и за-частую почти сѣраго цвѣта, но видно довольно большое пространство его изъ оконъ отеля. Подъ аркадами шумитъ неумолкая, неуменьшающаяся никогда толпа и, неотходя отъ окна, болѣе чѣмъ гдѣ либо можно слѣдить здѣсь за всегдашней уличной жизнью парижанъ. Сцены сви-

данья, моленія разлуки, угрозы ревности, упреки въ измѣнѣ, но все это сказано на лету, все это брошенно въ толпѣ, и другія лица быстро смѣняютъ первыхъ; а первыя гдѣ? того не откроетъ взоръ вашъ, не прослѣдитъ, не подмѣтитъ, потому что новое впечатлѣніе смѣнило впечатлѣніе предъидущее. Чрезвычайно хороши англичане подъ руку съ своими длинноногими миссъ—вотъ типъ, для котораго нѣтъ средствъ скрыться въ толпѣ! какими костюмами, какими прическами надѣлилъ ихъ Парижъ, вѣчно осмѣивающій всегда и всюду своихъ заморскихъ гостей, и въ сценахъ, представляемыхъ въ ипподромѣ, и на всѣхъ водевильныхъ театрахъ, и въ театрѣ маріонетокъ, даже, и очень часто, подъ деревьями Елисейскихъ полей въ кукольной или такъ называемой собачьей комедіи, гдѣ собака, одѣтая жокеемъ, ведетъ другую взнузданную собаку вмѣсто лошади, для обезьяны, одѣтой въ презанимательный плащъ съ двадцатью воротничками и въ лакированый картузъ съ огромнымъ козыркомъ, въ сапожкахъ съ кисточьками, въ узенькихъ панталонахъ въ огромную клѣтку и безъ штрипокъ. Но насмѣшки, но умѣнье придать карикатурнымъ ихъ фигурамъ еще бо́льшую карикатурность, не уменьшаютъ вѣры туристовъ въ портныхъ, парикмахеровъ и модистокъ Парижа, и нигдѣ англичане не могутъ быть такъ смѣшны какъ въ Парижѣ, потому что и на нихъ находитъ здѣсь духъ подражанія, но самое продражаніе имъ неудается.

Въ первый же вечеръ Улимовы пошли въ Тюльери; воздухъ былъ душистъ отъ цвѣтовъ и апельсинныхъ деревьевъ, каштаны готовились цвѣсти, деревья густы, огромны и превосходно содержаны,

статуй довольно, бассейны съ соннымъ лебедемъ и съ водой, потемнѣвшей отъ ночной тѣни, знакомыя звѣзды на этомъ еще незнакомомъ небѣ и густѣющее постепенно покрывало мрака—все было по душѣ покамѣсть утомленной путешественницѣ. Александръ сидѣлъ молча подлѣ жены на скамеечкѣ и думалъ о Дювалѣ, котораго адресъ далъ Вильбуа, а почему его такъ занимало все переданное ему женой о свойствахъ этого доктора, все слышанное имъ отъ Вильбуа, почему онъ такъ заботился о характерѣ доктора и въ-особенности оба умѣньи молчать, рѣшать послѣдствія. Онъ рѣшился на другой же день идти отыскивать Дюваля.

Бьетъ половина одиннадцатаго и черезъ тюльерійскій садъ проходятъ съ барабаномъ и музыкой; рѣшетку запрутъ тотчасъ послѣ этого обхода и потому толпа спѣшитъ изъ сада и разсыпается по улицѣ Риволи подъ аркадами. Улимовы возвратитились въ отель; но шумъ подъ окномъ не утихаетъ, а хлопанье бича и стукъ тяжелыхъ колесъ омнибуса долго, долго еще прерываетъ едва установившуюся тишину.

На другой день Улимовъ отыскалъ Дюваля безъ труда. Едва онъ показалъ ему карточку Вильбуа, Дюваль самымъ дружескимъ образомъ протянулъ руку, спросилъ, когда онъ можетъ видѣть больную, гдѣ они остановились, на долго ли пріѣхали. Потомъ извинился и пошелъ выслушивать своихъ паціентовъ, которые густой толпой ждали его въ огромной передней.

Возвратясь, Улимовъ передалъ женѣ свой разговоръ съ Дювалемъ и объявилъ, что завтра онъ будетъ въ двѣнадцать часовъ ровно.

— Онъ тебѣ понравится, прибавилъ Александръ.

Когда пришелъ Дюваль, Улимова была пріятно поражена его милой, п чтенной наружностью. Человѣкъ этотъ нравился съ перваго взгляда и внушалъ неограниченное довѣріе. Поговоривъ нѣсколько о Вильбуа, Дюваль приступилъ къ болѣе важному предмету, къ болѣзни собственно. Онъ разспрашивалъ Юлію Михайловну съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, и она ему отвѣчала съ удивительной точностью и опредѣлительностью, а между тѣмъ Улимовъ съ безпокойствомъ прислушивался къ каждому ея слову и нерѣдко вопросительно глядѣлъ на Дюваля. Когда старикъ заговорилъ о нравственныхъ причинахъ болѣзней вообще и намекнулъ слегка, что постоянная грусть, постоянное безпокойство могутъ произвесть судорожное состояніе легкихъ и такимъ образомъ помогать развитію грудныхъ болѣзней, Улимовъ очевидно ждалъ не совсѣмъ спокойно, что скажетъ на это жена. Она однако ничего не отвѣчала, и косвенный вопросъ доктора остался неудовлетвореннымъ. Дюваль обѣщалъ наблюдать ее и потомъ лѣчить, сказалъ, что будетъ бывать ежедневно, за тѣмъ раскланялся. Улимовъ пошелъ провожать.

— Послушайте,—сказалъ ему Дюваль на лѣстницѣ.—У вашей жены чахотки нѣтъ, но вы себя очень странно ведете, сколько я могъ замѣтить. Вы въ постоянномъ испугѣ, какъ это можно! Въ мужчинѣ подобная слабость непростительна; вы должны ободрять больную, а не отнимать у нея мужества. Покамѣстъ я ничего особеннаго не вижу, но буду наблюдать....

— Наблюдайте, докторъ, наблюдайте прилежно. Быть можетъ вы откроете со временемъ ужасную истину; но я съ своей стороны ни слова, я не хо-

чу, чтобы мнѣніе медика было составлено подъ моимъ вліяніемъ.

— Вы прекрасно дѣлаете. Догадки лицъ, непонимающихъ медицины, ихъ заключенія, почти всегда ошибочны.

— Если бы я могъ ошибаться! сказалъ Улимовъ.

— Полно, полно, будьте убѣждены, что вы ошибаетесь, умѣйте сохранить спокойствіе вашей жены, не внушайте ей тревожныхъ мыслей,—сказалъ Дюваль.

— Но когда она ужъ какъ остановится на одной мысли, такъ не сходитъ съ нея ни за что, это можетъ имѣть очень дурныя послѣдствія, не правда ли, докторъ?

— Самыя вредныя.

Съ этими словами Дюваль ушелъ, а Улимовъ возвратился къ женѣ:

— Душа моя, сказалъ онъ—Дюваль находитъ, что для тебя очень вредно привязываться все къ одной и той же мысли, эта idea xixa есть самая ужаснѣйшая вещь въ твоемъ состояніи. Тебѣ нужны развлеченія! гулять будемъ ходить, кататься, въ театры, словомъ все, что хочешь, лишь бы тебя занимало и ты не отдавалась постоянной мысли, *что я разсѣянъ*. Знаешь, это такъ странно, что тебѣ подобныя пустяки пришли въ голову и ты на нихъ остановилась! Я тебѣ приведу сегодня Пленчанинова, хочешь?

— Хочу—произнесла она печально, выслушавъ мужа.

— Иду за нимъ, а ты развеселись. Жюли прошу тебя! Завтра Дюваль придетъ, такъ разскажу ему все, если слушать не будешь меня.

Улимовъ повидимому былъ обновленъ, ожи-

вленъ нѣсколько отдаленной надеждой; ему казалось, что Дюваль съ перваго взгляда началъ понимать, въ какомъ состояніи находилась Юлія Михайловна, что онъ понимаетъ безъ словъ его мысли, и что такимъ образомъ быть можетъ еще найдется средство къ спасенію. Онъ ушелъ съ нѣсколько разъяснившимся лицомъ отыскивать Пленчанинова,—и Юлія Михайловна осталась одна.

Съ минуту сидѣла она безмолвная, не шевелясь, потомъ заломила руки—Боже мой, Боже мой! произнесла она громко.—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, мой бѣдный разсудокъ не выдержитъ. Всякій день у меня меньше упованія, и страшная истина ярче становится передъ моими глазами. Я вижу разрушеніе моего счастія, слѣжу его часъ за часомъ, минута за минутой. Если Дюваль пойметъ все, быть можетъ онъ еще найдетъ средства къ спасенію, но если онъ ничего не замѣтитъ? какъ произнести такое обвиненіе на человѣка, который мнѣ дороже всего въ мірѣ? ужасно, ужасно: сдѣлать его предметомъ сожалѣнія и страха для всѣхъ, уничтожить его бытіе, сказать всѣмъ, что онъ превратился въ ничто. Боже, дай силы страдать молча и отдалить отъ каждаго открытіе этой страшной истины! Да, конечно, Дюваль докторъ, но мнѣ надо испытать его сначала какъ человѣка, чтобы рѣшиться сказать. Да, я ему со временемъ скажу:—помогите, если можете, а если вы безсильны спасти, то не безславьте, умѣйте молчать,—и тогда я все разскажу съ самаго начала. Неужели, все для меня кончено? лучше не знать вовсе радостей жизни, чѣмъ повѣрить имъ и видѣть, что это мыльные пузыри. Чего мнѣ не доставало къ моему счастію? я выучилась любить, и это чувство

любви, первое въ душѣ моей, зародилось отъ сознанія нравственныхъ достоинствъ человѣка, къ которому судьба приблизила меня и потомъ связала на вѣки; началомъ любви моей была признательность, я прежде стала любить его умъ и душу, нежели его молодость и красоту, и что же вижу я? вижу, какъ постепенно распадается именно этотъ высокій внутренній міръ въ человѣкѣ любимомъ, и нѣтъ средства поддержать его! Но что всего ужаснѣе, это что онъ, кажется, сознаетъ свое положеніе, что у него часты еще минуты просвѣтленія разсудка, и что постоянно его преслѣдуетъ идея скрыть отъ меня истину. Если я замѣчу только, что онъ разсѣянъ, ужъ несчастный самъ не свой. Неужели онъ думаетъ, что его я оставлю, что для меня онъ можетъ сдѣлаться предметомъ ужаса и отвращенія—нѣтъ, никогда, никогда! Счастье, которое я имѣла, мнѣ было дано его рукой, и какой бы цѣной ни пришлось мнѣ его оплачивать, я дамъ эту цѣну.

Такъ проходили дни этихъ двухъ существъ, взаимно дорогихъ другъ другу. Но Юлія Михайловна заблуждалась, думая, что Александръ сознаетъ свое положеніе и что страхъ внушить ей ужасъ, оттолкнуть отъ себя ее зрѣлищемъ своего несчастія одинъ причиной его страннаго обращенія съ женой и того внимательнаго выслѣживанья каждаго ея поступка, каждаго слова. Совсѣмъ не то управляло всѣми его дѣйствіями, совсѣмъ не та идея преслѣдовала его, раздражала, не давала ему ни минуты спокойствія, или отраднаго забытья.

Визиты Дюваля продолжались нѣкоторое время ежедневно. Точно въ этомъ великомъ представителѣ лучшей изъ наукъ была великая душа, со-

чувствіе, которое никогда не ослабѣвало, никогда не гасло. Вильбуа забѣгалъ иногда навѣстить *своихъ Русскихъ*, какъ онъ называлъ Улимовыхъ; Пленчаниновъ обѣдалъ у нихъ всякій день. Каждый изъ этихъ лицъ понималъ, чувствовалъ, что между Улимовыми есть какая-то тайна, тайна всей жизни ихъ можетъ быть, но что̀ именно — никто отгадать не могъ. Въ немъ подмѣчали многія странности, но приписывали ихъ излишней заботливости о здоровьи жены; въ ней видѣли усилія бороться противъ глубокой печали, сокрушившей все существо, но въ чемъ былъ источникъ этой печали, того рѣшительно не проникъ еще никто, и напрасно проникнуть бы старался. Вильбуа приходилъ къ заключенію, что эта женщина любитъ другаго, но старается остаться вѣрной своему долгу, что она рѣшилась разлукой вылѣчить себя отъ запретнаго чувства, и для того сама уговорила мужа уѣхать за-границу, но что чувство ея сильнѣе, нежели она предполагала, и вотъ борьба съ воспоминаньями, тоска по человѣкѣ любимомъ и произвольно покинутомъ томитъ ее. Какъ Французъ, онъ сочинилъ въ минуту ткань одного изъ новѣйшихъ романовъ, и бросивъ его въ пищу собственному своему любопытству, пересталъ болѣе путаться въ догадкахъ, твердо убѣжденный, что аріаднина нить найдена имъ для лабиринта жизни Улимовыхъ.

Дюваль, наблюдатель болѣе глубокій и ближе другихъ разсмотрѣвшій взаимныя отношенія своей паціентки къ мужу и мужа къ ней, видя между ними равносильную, только иначе проявляющуюся любовь, представилъ себѣ, что одинъ изъ нихъ имѣетъ упрекъ на совѣсти, что одного травитъ

воспоминанье вины его, а другаго воспоминанье разрушеннаго довѣрія; что между ними былъ раздоръ, окончившійся примиреніемъ, что нѣжнѣе и заботливѣе прежняго любятъ теперь они другъ друга, но что впечатлѣніе прошлаго гнететъ еще и мучитъ. Дюваль надѣялся на силу времени, а между тѣмъ, такъ какъ точно здоровье Юліи Михайловны находилось въ самомъ дурномъ состояньи, онъ лечилъ ее прилежно. Иногда болѣзненный видъ и блуждающій взглядъ самого Улимова поражали его, онъ готовъ былъ подвергнуть его допросу, хотѣлъ обратить вниманіе на его собственное состояніе и предложить ему медицинскія пособія; но мудрено было увѣрять человѣка, который ни на что не жаловался, что онъ боленъ, и заставлять его насильно лѣчиться. Дюваль отлагалъ всякій разъ свое намѣреніе до слѣдующаго раза. Вникая поневолѣ все болѣе и болѣе въ душу этихъ двухъ людей, сближаясь съ ними постепенно, Дюваль сдѣлался ихъ истиннымъ другомъ, и съ паціенткой своей обращался съ такой отеческой любовью и заботливостью, что Юлія Михайловна ждала его какъ единственную отраду, единственнаго утѣшителя своего. И все еще что-то непостижимое удерживало ее отъ совершенной откровенности. Видя тоску ея, Дюваль предписывалъ развлеченія, возможныя удовольствія, иногда и самъ участвовалъ въ какихъ-нибудь увеселеніяхъ, составляемыхъ и придумываемыхъ всегда Пленчаниновымъ, но леченіе его до-сихъ-поръ оказывало очень мало успѣховъ.

Пленчаниновъ узналъ Парижъ вдоль и поперегъ; онъ изучалъ жизнь города, и былъ въ восторгѣ отъ этой жизни. Онъ забѣгалъ пообѣдать къ Ули-

мовымъ, иногда бывалъ съ ними въ театрѣ и устроивалъ загородныя гулянья, но жизнью ихъ, здоровьемъ, грустью пересталъ заниматься и даже не замѣчалъ ихъ вовсе. Онъ разсказывалъ множество анекдотическихъ приключеній, бывшихъ съ нимъ въ это короткое время, этюды разныхъ нравовъ, а чаще всего о томъ, какъ онъ Фретильонѣ толковалъ нѣмецкую философію и спрашивалъ, знакома ли она съ господами Кантомъ и Фихте? какъ нарядилъ потомъ двухъ знакомыхъ своихъ Швейцарцевъ, соучениковъ его по Берлинскому университету, въ пудренные парики съ косой и повелъ ихъ знакомить съ Фретильоной. Словомъ, Пленчаниновъ занимался собой и новостью того міра, въ который онъ переселился прямо съ лекцій Шеллинга.

Фретильона была обитательницей Латинскаго квартала, и никто лучше ея не пѣвалъ пѣсень гризетки, никто неутомимѣй ея не посѣщалъ всѣхъ баловъ, начиная отъ Монъ-парнасса и до баловъ отца Логира; Фретильоны, Серизеты, Риголетты неизмѣнны, вѣчны, съ тою только разницею что теперь онѣ посѣщаютъ балы, начиная отъ Ранелагъ, показываются постоянно въ Мабиль и царствуютъ въ знаменитой Шомьеръ. Пленчаниновъ былъ въ восторгѣ отъ Фретильоны, отъ ея наивностей, совершеннаго непониманія нѣмецкой философіи и отъ постоянныхъ вопросовъ о здоровьѣ господина Канта. Онъ забавлялъ Юлію Михайловну анекдотами изъ своей парижской жизни, а Александра училъ какимъ-то особеннымъ выраженіямъ, особенному языку и старался увлечь его въ вихрь тѣхъ самыхъ удовольствій, которымъ предавался. Разъ впрочемъ Улимовъ безсознательно далъ себя привести на

одинъ изъ баловъ; Пленчаниновъ указалъ ему стулъ за рѣшеткой, на который онъ опустился машинально. Танцовали въ саду, подъ открытымъ небомъ; воздухъ былъ напоенъ ароматами цвѣтовъ и растеній, освѣщеніе великолѣпное, оркестръ громкій, живой, стройный, все это точно имѣло видъ праздничный и прелестный. Но вмѣстѣ съ первыми звуками оркестра на площадку, обнесенную рѣшеткой, бросилась толпа женщинъ и мужчинъ: мужчины были большею частью студенты, молодые адвокаты, вообще служащіе по разнымъ отраслямъ, молодые негоціанты и иностранцы. Женщины всѣ были въ платьяхъ съ высокими лифами и въ шляпкахъ, всѣ обуты превосходно.

Пленчаниновъ отыскалъ Фретильону немедленно, и явился съ ней въ толпѣ танцующихъ; на ней было сѣренькое платьице и голубая шляпка. Большинство говорило другъ другу *ты* какъ въ маскарадѣ. Вся толпа двигалась безумно, съ совершеннымъ отсутствіемъ граціозности въ позахъ и движеньяхъ. Тогда все праздничное въ видѣ этого праздника изчезло. Пленчаниновъ, его борода, его локоны, его очки, мигали безпрестанно передъ глазами Улимова. Оркестръ, свѣчи, воздухъ, напоенный ароматомъ растеній, и непрестанное движеніе толпы держали нервы Александра въ напряженномъ состояніи. И вдругъ ему показалось, что вокругъ него все канатные плясуны съ измученными лицами, что онъ попалъ на какое то странное, непонятное зрѣлище, безъ смысла, безъ идеи какого бы то ни было представленія; тяжкая грусть охватила его сердце, и впечатлѣніе всего происходившаго вокругъ такъ невыносимо становилось для него, что онъ вдругъ рванулся со стула и поша-

тываясь, съ блуждающими дико глазами, пошелъ къ выходу, оставивъ Пленчанинова веселиться вмѣстѣ съ толпой.

— Посмотри, посмотри, вотъ и еще одинъ пьяный, произнесъ какой-то голосъ подлѣ; но онъ шелъ, не оглядываясь больше, и за рѣшеткой сада крикнулъ хриплымъ голосомъ: фіакръ, фіакръ!..

Улимовъ бросился въ подъѣхавшій фіакръ и на вопросъ куда ѣхать, отвѣчалъ: въ Булоньскій лѣсъ.

Кучеръ поглядѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Ступай, тебѣ заплатятъ, проговорилъ онъ, увидѣвъ этотъ вопрошающій взглядъ.

— А, это другое дѣло! отвѣчалъ хладнокровно кучеръ фіакра и хлопнулъ бичемъ по своимъ неуклюжимъ лошадямъ.

Улимовъ возвратился домой поздно, но засталъ жену еще на ногахъ: она ждала его и замѣтно тревожилась продолжительнымъ отсутствіемъ. Однако она не спросила, гдѣ онъ былъ, отчего замѣшкался, не сказала, что ждала его. Онъ подошелъ, поцѣловалъ ее въ лобъ и потомъ долгимъ наблюдательнымъ взглядомъ посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Ты скучала? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не слишкомъ.

— Это Пленчаниновъ виноватъ, что я тебя оставилъ одну, впередъ не стану слушать его глупыхъ совѣтовъ. Завтра пойдемъ въ театръ, хочешь?

— Нѣтъ, завтра Дюваль приглашалъ къ себѣ вечеромъ, дочь его имянинница, но я безъ тебя не могла обѣщать.

— А ты хочешь, ты не боишься за себя?

— Вѣдь я выхожу по вечерамъ.

— Да, это правда—сказалъ онъ задумчиво—но

я говорю въ другомъ отношеньи.... ты не боишься?... тебя не смущаетъ, что ты будешь въ большомъ обществѣ? И онъ пристально глядѣлъ на нее.

— Отчего же, Александръ, это должно смущать меня? вѣдь мы когда-то жили весело, открыто, принимали у себя многочисленное общество—отвѣчала Юлія Михайловна съ усиліемъ.

— Да, все это было когда-то.... когда-то, прежде, могло это быть, другія обстоятельства, другое положеніе—пробормоталъ онъ, поникнувъ головой. Потомъ онъ какъ бы превозмогъ себя и прибавилъ:—мы можемъ быть завтра у Дюваля, если ты хочешь!

На этомъ вечерѣ у Дюваля Улимовъ, котораго нервы были возбуждены, равно какъ и болѣзненная дѣятельность мозга, зрѣлищемъ, доставленнымъ ему наканунѣ Пленчаниновымъ, обнаружилъ въ себѣ болѣе странностей, нежели когда либо, и Дюваль съ трудомъ могъ оправдать его выходки оригинальностью характера, эксцентричностью идей. Онъ впадалъ поперемѣнно то въ тоску, то въ тревогу, прислушивался съ безпокойствомъ къ словамъ жены, слѣдилъ за нею, за каждымъ движеніемъ; Улимова вынесла страшную пытку и рада, рада была, когда кто-то изъ гостей сталъ раскланиваться.

На другой день она была очень слаба и сильно кашляла; Дюваль предложилъ ей не выходить изъ комнаты нѣсколько дней. Улимовъ отъ одной тревожной мысли перешелъ къ другой, онъ сидѣлъ подлѣ жены и съ глубокимъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на ея блѣдное лицо; въ комнатѣ сторы были опущены и глубочайшее молчаніе царствовало во весь первый день, такъ что Пленчаниновъ, по обыкно-

венію вбѣжавъ съ ужаснымъ шумомъ, остановился пораженный, посидѣлъ пять минутъ, прикинулся очень озабоченнымъ, встревоженнымъ, обѣщалъ зайти вечеромъ и, чтобы выказать свою заботливость, принялся бранить Дюваля, находить его дурнымъ докторомъ, а леченіе его ошибочнымъ. Никто его не прерывалъ; поговоривъ немного, онъ ушелъ, давъ внутренно себѣ слово не возвращаться въ этотъ скучный домъ, пока Юлія Михайловна не станетъ снова выѣзжать. Такимъ образомъ Пленчаниновъ затерялся на нѣкоторое время въ шумѣ парижской жизни.

Прошло три дня. Юліи Михайловнѣ Дюваль позволилъ прокатиться немного въ Булоньскій лѣсъ. Послѣ этой небольшой прогулки она сидѣла въ глубокомъ креслѣ, а подлѣ нея на скамеечкѣ сидѣлъ Улимовъ, опустивъ голову на руки. Онъ сидѣлъ такимъ образомъ ужъ нѣсколько минутъ въ совершенномъ молчаніи, и до того былъ жалокъ Юліи Михайловнѣ, что она не выдержала, положила руку ему на голову.

— Что съ тобой, Александръ? спросила она тихо.

Онъ задрожалъ весь, отвелъ ея руку и проговорилъ: — не тронь меня, не прикасайся, я долженъ тебѣ быть ненавистенъ, потому-что я причина твоихъ несчастій.

Улимова вздохнула, она собралась съ силами и рѣшилась говорить въ этотъ разъ смѣлѣе.

— Напротивъ того, воспоминаніе счастія такъ живо во мнѣ, что ничто не въ силахъ заслонить его. Вспомни, Александръ, чѣмъ была я, когда мы встрѣтились? бездомная, безпріютная сирота, а ты создалъ для меня семью, друзей, общественное по-

ложеніе, утѣхи жизни — все это создала для меня любовь твоя. Міръ мой былъ прекрасенъ! если ему суждено разрушиться, неужели я въ минуту такого страшнаго испытанія позволю себѣ роптать? у меня ничего не было до тебя, и всѣ чувства мои слиты съ тобою. Полную чашу счастья ты хотѣлъ опрокинуть на мою поникшую голову: ты думаешь, что я этого не понимала, что свѣтлое чувство любви, основанное на глубокой признательности, на полномъ сознаніи всѣхъ достоинствъ души твоей, можетъ угаснуть, ослабѣть, явиться недостаточнымъ въ ту минуту, когда нужны пожертвованія?

Голосъ ея звучалъ, полный глубокаго чувства.

— Не говори со мной такъ, вообще не говори! я зналъ, я могъ предвидѣть, что ты погибнешь я обрекъ тебя несчастью вмѣсто счастія.

— Что же дѣлать, Александръ! ты надѣялся, и потому ты не могъ предвидѣть....

— Отчего же Пленчаниновъ предвидѣлъ такъ давно, отчего онъ зналъ!... тогда я считалъ эту мысль невозможной, несбыточной, — она сбылась! и если не вполнѣ сбылась, то сбывается постепенно; зло съ каждымъ днемъ больше, предѣлы его шире, и между-тѣмъ еще теперь есть границы, я вижу ихъ, чувствую, сознаю самъ. Напримѣръ, въ эту минуту самый опытный наблюдатель обманулся бы. Но какъ меня удивляетъ, что Дюваль до сихъ поръ не замѣтилъ. Скажи, правильно ли мы поступаемъ, что молчимъ? Въ подобныхъ случаяхъ, быть можетъ, молчать не должно, говорить слѣдуетъ: вѣдь оба мы сознаемъ всю огромность своего несчастія, оба видимъ его, и ни въ комъ нѣтъ рѣшимости сказать Дювалю. Тяжело говорить, страшно молчать!...

— Выслушай меня—сказала Юлія Михайловна, приклонивъ голову его къ себѣ—искусство доктора въ подобныхъ случаяхъ менѣе окажетъ успѣха, нежели дѣйствіе собственной воли; волей надо одолѣть себя; пока можно, минуты сознанія, просвѣтленія надо длить въ себѣ какъ можно болѣе, не правда ли, мой другъ?...

— Правда, ты прекрасно это понимаешь. Зачѣмъ же я навлекъ на тебя это бѣдствіе? Я думалъ, что судьба пощадитъ тебя, но пощады нѣтъ, а я виновникъ всему, вижу твою борьбу, твои мученія, которыхъ ты могла бы не знать, если бы не попала въ нашу несчастную семью. Впрочемъ, о такихъ случаяхъ я никогда не слышалъ, это ужасно!...

Опять наступило молчаніе тягостное, полное нѣмой, невыразимой печали. Если бы сердце могло разорваться у людей, не подверженныхъ аневризму, оно бы разорвалось у обоихъ въ эту минуту тяжкаго молчанія: говорятъ, впрочемъ, что сердце никогда не можетъ лопнуть, а только жилы, какъ слишкомъ натянутыя струны, рвутся, и тогда останавливается бѣдное сердце навсегда.

— Какъ бы ни было очевидно бѣдствіе, идущее къ намъ, въ насъ всегда есть еще надежда, что оно насъ минуетъ, проговорила Юлія Михайловна.

— Я ужасный, ужасный человѣкъ! воскликнулъ Улимовъ, отодвигаясь отъ нея,—я смотрю на себя какъ на преступника, съ тѣхъ поръ какъ нѣкоторыя проявленія возбудили мое вниманіе. Неужели спасенія нѣтъ? позволь мнѣ поговорить съ Дювалемъ, или поговори съ нимъ сама. Боже, Боже, за-

чѣмъ такъ рѣдки минуты совершеннаго просвѣтлѣнія!...

Онъ ходилъ огромными шагами и звукъ шаговъ его въ сгущающемся постепенно вокругъ нихъ мракѣ былъ невыносимъ.

— Неправда ли, Александръ, прежде всего были приступы меланхоліи? спросила Улимова, стараясь собрать всѣ воспоминанія, всѣ впечатлѣнія, для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ, по желанію мужа, поговорить съ Дювалемъ. Съ другой же стороны, какъ ни былъ тягостенъ для нея подобный разговоръ, въ умѣ блеснула утѣшительная мысль, что повѣряя себя, Александръ можетъ быть возвратится полнѣе на дорогу разсудка и удержится на ней.

— Да, приступы глубокой меланхоліи—отвѣчалъ онъ. — Иногда слезы, помнишь?...

— Потомъ разсѣянность, какъ будто отсутствіе мысли? продолжала она спрашивать.

— Удивительная разсѣянность, — отвѣчалъ онъ, не переставая ходить.

— Иногда же какъ будто самоуглубленіе какое-то, не правда ли?

— Очевидное самоуглубленіе, замѣтное для каждаго посторонняго даже взгляда, — подтвердилъ онъ.

— Черныя мысли, упреки себѣ въ какихъ-то непостижимыхъ преступленіяхъ, въ винахъ, въ проступкахъ?... продолжала она.

— Разумѣется, это вѣроятнѣе всего; состояніе меланхоліи имѣетъ всегда своими спутниками подобныя вещи; свѣтъ становится не милъ, люди въ тягость — говорилъ Улимовъ въ печальномъ раздумьи.

— А знаешь ли, отчего? потому что каждый человѣкъ въ глазахъ нашихъ имѣетъ тогда вѣсъ и значеніе свидѣтельствующаго противъ насъ; мы боимся быть разгаданы, потому что боимся быть осуждены. Тревожное состоянье развиваетъ ужасную болѣзнь; нужно величайшее душевное спокойствіе; человѣкъ это чувствуетъ инстинктивно и потому ищетъ уединенія, но въ уединеніи засѣлъ на него другой врагъ — тоска. Отъ преслѣдованій этого врага силы начинаютъ ослабѣвать, и человѣкъ, отданный чувству развивающагося въ немъ недуга, худѣетъ, блѣднѣетъ....

— Удивительно, какъ измѣняется лицо, какое клеймо кладетъ на него печаль!—перебилъ ее задумчиво Улимовъ. — Голова постоянно почти склоняется къ груди, этого видѣть равнодушно невозможно.—И онъ содрогнулся, и бросившись въ кресло, закрылъ лицо руками. Сквозь похудѣвшіе, тонкіе пальцы его, закапали безмолвныя слезы.

— Александръ, пока бываютъ минуты сознанія, не все еще погибло, не все разрушилось,—сказала Юлія Михайловна, стараясь влить въ душу его отраду, которой сама была далека, неподозрѣвая вовсе истинной причины его горькихъ слезъ.

Мучительный разговоръ былъ прерванъ неожиданнымъ появленіемъ Пленчанинова; онъ вбѣжалъ и, прежде нежели поздоровался, досталъ сѣрныя спички изъ кармана и освѣтилъ комнату, въ которую до сихъ поръ позабыли спросить свѣчей. Онъ зажегъ свѣчи, стоявшія на мраморномъ каминѣ и проговорилъ:

— Извините, пожалуйста, что я распоряжаюсь, но у васъ такъ темно, а мнѣ хочется на прощаньи поглядѣть на васъ.

— Ты ѣдешь? спросилъ Улимовъ.

— Да, завтра же въ Женеву, а оттуда куда глаза глядятъ. Что это вы оба такъ блѣдны, на мертвецовъ похожи! хочется мнѣ побѣгать по швейцарскимъ ледникамъ, какъ вы думаете?

Тутъ только Юлія Михайловна замѣтила, что Пленчаниновъ былъ остриженъ довольно коротко, и изъ всего страннаго своего волосянаго убора сохранилъ бороду, и то подстриженную.

Пленчаниновъ подстерегъ взглядъ удивленія.

— Какъ вы меня находите, кузина? спросилъ онъ.

— Гораздо лучше, нежели прежде, жаль только, что вы оставили бороду.

— Невозможно безъ всего, слишкомъ рѣзкій переходъ; этакъ меня вовсе бы не узнавали мои знакомые! Въ Женевѣ обрѣю бороду и въ Италію пріѣду въ очкахъ только. Вы понимаете, что очковъ я не носить не могу, потому что ничего не вижу. Вотъ потомъ сюда опять возвращусь, тогда привезу себя въ новомъ видѣ и увлеку опять всѣхъ новостью впечатлѣнья, не правда ли, кузиночка?

— Вы прекрасно разсчитали.

— О, я дорожу вниманіемъ женщинъ и всячески стараюсь пріобрѣсть его, для этого я не пренебрегаю никакими средствами. Но здѣсь женщины препотѣшныя, и что за милыя!... это онѣ отчасти причиной, что я простился съ своими германскими локонами, съ студентческою эксцентричностью Нѣмцевъ и прочими глупостями.

— Въ томъ числѣ и съ философіей — добавилъ Улимовъ, находя необходимымъ что-нибудь сказать.

— Нѣтъ, философія мнѣ пригодится. Я возвращусь къ себѣ и буду искать каѳедры; тогда вы увидите человѣка серьезнаго, истиннаго философа, глубоко вчитавшагося во всѣ страницы жизни. Теперь я наслаждаюсь и добиваю послѣднюю копѣйку; я имѣлъ такъ мало, что беречь, право, было лишнее. Передо мной трудъ, и вы увидите какъ достойно, какъ примѣрно я буду трудиться. Именно я теперь собираю матеріалы для того человѣка, котораго надо будетъ изъ себя построить со временемъ.

— Разскажите же мнѣ исторію прощанія вашего съ эксцентричной прической, вынесенной вами изъ Германіи — спросила Улимова, невольно улыбнувшись, не смотря на свою печаль.

— Вы понимаете, что она въ связи съ прощаніемъ моимъ съ Фретильоной и прочими миленькими моими знакомками, слѣдовательно исторія очень проста. Это злодѣйки, вы не можете представить, какія злодѣйки! одна схватила ножницы, и прежде нежели я успѣлъ оглянуться, половина локоновъ была у ней въ рукѣ, и представьте, онѣ смѣясь и ни мало не обинуясь, изволили дѣлиться ими въ глазахъ моихъ! Я поднялъ крикъ; онѣ увѣряютъ, что нельзя не взять волосъ на память; представьте себѣ этакое приключенье! прелесть что за милашки, и ужасныя злодѣйки. Разумѣется, пришлось просить, чтобы онѣ ужъ остригли мнѣ всю голову, я безъ локоновъ, а онѣ, какъ вы думаете, ихъ тутъ же на полъ при мнѣ побросали! но все это такъ наивно и неожиданно, что право сердиться невозможно.

Какъ ни было грустно Улимовымъ, но разсказъ Плевчанинова разсмѣшилъ и Юлію Михайловну,

и Александра. Живо представился онъ имъ съ своей уморительной фигурой, окруженный веселыми гризетками, подъ ножницами которыхъ падаютъ безжалостно его великолѣпные локоны.

— Когда же вы ѣдете? спросила его Улимова.

— Завтра, завтра, кузиночка, я забѣжалъ только къ вамъ проститься, поблагодарить за вашу русскую хлѣбъ-соль; сегодня мнѣ еще предстоитъ многое, очень многое. Разумѣется, я увожу съ собой своихъ пріятелей, господина Канта и господина Фихте, съ которыми Фретильона прощалась чуть не со слезами, — это мои два пріятеля, Швейцарца. Нѣтъ нужды вамъ говорить, что больше я ужъ не рядилъ ихъ въ парики, и Фретильона была въ восторгѣ, что такіе ученые люди приняли тоже парижскую моду, да, разумѣется, не хуже меня плясали у Лагира. Прощайте же, желаю вамъ быть здоровыми, а тебѣ Александръ получить вновь твой затерявшійся неизвѣстно гдѣ цвѣтъ лица и блескъ глазъ. Гдѣ нибудь увидимся. Когда въ Россію возвращусь, то пріѣду къ вамъ въ Александровку, если дядюшка мнѣ головы не сниметъ. Addio, addio — я непремѣнно выучусь по-итальянски, буду въ Венеціи и съ ума сведу какую-нибудь Венеціанку. Ахъ! хотѣлось было мнѣ посмотрѣть Испанію, да изучить тоже нравы Испанокъ; я уже было началъ и по-испански учиться, но путешествіе въ Испанію не состоялось. Что дѣлать, мнѣ во многомъ неудача, и не будь я такъ счастливъ въ любви женщинъ.... Кузина, вашу ручку! Прощай, братъ Александръ, ты что-то хандришь; не хандри! прощайте.

Онъ вылетѣлъ за дверь и воротился.

— Да! вашему Вильбуа и доктору кланяйтесь!

вы бы перемѣнили доктора, кузина: онъ ничего не смыслитъ, и не смотря на свою репутацію, можетъ надѣлать бѣдъ. Онъ, впрочемъ, хорошій человѣкъ, и Вильбуа тоже хорошій, только пустой острякъ. Будьте здоровы!

Опять онъ расцѣловался, и въ этотъ разъ ушелъ совсѣмъ, унося глубокое убѣжденіе, что совершенно исполнилъ долгъ признательности и родственныхъ чувствъ въ отношеніи къ Улимовымъ. Всегда довольный собой, онъ стремился вдаль съ безпечностью всѣхъ праздношатающихся, съ беззаботливостью одаренныхъ пустымъ сердцемъ и не знающихъ ни привязанностей, ни друзей, ни даже самаго чувства любви. Но послушайте этихъ господъ, когда дѣло коснется чувствъ! какъ много, какъ красно говорятъ они! съ какой высокой точки зрѣнія разсматриваютъ каждое чувство, съ какимъ глубокимъ пренебреженіемъ говорятъ о неспособности всѣхъ прочихъ, обыкновенныхъ людей, глубоко чувствовать и понимать что-либо. Пленчаниновъ, къ сожалѣнію, типъ многихъ юныхъ соотчичей нашихъ, стремящихся какъ будто довоспитывать или перевоспитывать себя, а кончающихъ совсѣмъ иначе. Слова ихъ, обѣщанія, стремленія, толки объ источникѣ познаній — все это мыльные пузыри: сначала они сами еще вѣрятъ, хоть нѣсколько, проповѣдуемымъ вслухъ ими же идеямъ, послѣ удаляются отъ нихъ постепенно, входятъ въ общую колею и изъ всѣхъ тщеславій избираютъ самое пустѣйшее, самое жалкое. Не смотря на блистательныя проповѣди свои о сохраненіи достоинства своего, о необходимости благородной гордости, о стремленіи къ общей пользѣ, о служеніи человѣчеству, объ отысканіи своей по-

лезности, эти люди зачастую кончаютъ тѣмъ, что берутъ на себя въ послѣдствіи времени печальную, жалкую роль паразита, и если не выведетъ ихъ изъ нея женитьба на богатой старухѣ, то они остаются навсегда паразитами. Не правъ ли тотъ, кто назоветъ всѣхъ Пленчаниновыхъ мыльными пузырями?...

Вздохъ невольной зависти счастливому состоянію совершенной беззаботности и пустоты сердечной Пленчанинова вырвался у обоихъ Улимовыхъ.

Чрезъ нѣсколько времени на театрѣ Жимназъ давали новую пьесу. Этотъ театръ особенно нравился Юліи Михайловнѣ, и потому она его обыкновенно посѣщала; о пьесѣ говорили, авторъ былъ извѣстенъ, публика ждала ея появленія съ нетерпѣніемъ. Дюваль возвѣстилъ о ней Улимовымъ, и Юлія Михайловна, взявъ ложу, пригласила Дюваля и вмѣстѣ съ нимъ и мужемъ отправилась въ театръ.

Занавѣсъ поднялся, ждали веселой, комической пьесы, всѣ лица прояснились улыбкой ожиданія чего-то забавнаго, смѣшнаго, но ожиданье было обмануто, что̀ нерѣдко случается съ публикой театра Жимназъ. Пьеса напротивъ того оказалась самаго печальнаго содержанія и была вся отъ перваго до послѣдняго монолога написана языкомъ глубоко-трогательнымъ, простаго и естественнаго чувства. Заглавіе пьесы забыто, но содержаніе ея имѣло вліяніе на лицъ этого романа, содержаніе было очень близко къ ихъ положенію и потому произвело на обоихъ чрезвычайное впечатлѣніе. То была печальная исторія сумасшествія молодой дѣвушки, взятой изъ деревенской глуши и бро-

шенной въ жертву всѣмъ обманамъ великосвѣтской, роскошной жизни, испытавшей много различныхъ потрясеній, заплатившей потомъ спокойствіемъ совѣсти за всю окружавшую ея пышность. Картина самаго сумасшествія была поразительно вѣрна; особенно, какъ бы нарочно, странной игрой случая, автору пришла идея написать краснорѣчивую сцену, когда помѣшанная, не понимая своего состоянія, не сознаетъ его и подозрѣваетъ всѣхъ другихъ въ помѣшательствѣ. Такъ много сходственнаго было въ драматическомъ положеніи героини этой трогательной пьесы съ положеніемъ Улимовыхъ, что Юлія Михайловна нагнула голову какъ нельзя ниже, чтобы скрыть ежеминутно возраставшее волненіе. Она боялась взглянуть на мужа въ эту минуту, чтобы онъ не прочелъ въ ея глазахъ, что живѣе чѣмъ когда-либо представилось ей его печальное состояніе, во вторыхъ она боялась того впечатлѣнія, которое на него должна была произвесть потрясающая сцена этого несознательнаго, печальнаго положенія, когда утрачивается постепенно лучшій даръ, данный Богомъ человѣку. Ее душила кровь, сердце билось, на щекахъ запекся яркій румянецъ; но весь театръ плакалъ, всѣ подносили носовые платки къ глазамъ — безмолвныя, крупныя слезы заструились тоже изъ ея глазъ и канули на афишу.

Дюваль оглянулся, посмотрѣлъ на нее съ участіемъ. Вдругъ движеніе, сдѣланное Улимовымъ въ ложѣ, движеніе быстрое и неожиданное, привлекло вниманіе Дюваля и Юліи Михайловны на него. Онъ потянулся судорожно на своемъ стулѣ, ударилъ себя рукой по лбу, зубы его застучали какъ въ лихорадкѣ. Ничто не сравнится съ блѣдностью

его побѣлѣвшаго лица и губъ, съ безжизненностью взора.

Взглядъ Дюваля, остановившійся на немъ, заставилъ его нѣсколько опомниться.

— Вотъ пьеса, которую полиція должна бы запретить, не правда ли, докторъ? спросилъ онъ его съ усиліемъ, и помутившіеся глаза забѣгали по театру.

— Пьеса очень хороша — отвѣчалъ Дюваль съ величайшимъ спокойствіемъ.

Но Улимовъ уже не слышалъ, онъ опять смотрѣлъ на актеровъ, и они все еще продолжали поразившую его сцену. Рука Юліи Михайловны невольно схватила руку Дюваля и сжала ее съ силой, глубокій вздохъ поднялъ ея грудь, но не сорвался съ губъ; съ твердостью героя-мученика сидѣла она, не шевелясь.

Между тѣмъ слова помѣшанной терзали душу, актриса умѣла передать это состояніе съ страшнымъ искусствомъ, со всей мучительной истиной.

— Уведите жену, докторъ, уведите мою жену, ради Бога! воскликнулъ вдругъ Улимовъ—не спрашивайте.... развѣ вы не видите, что съ ней!

Говоря это, онъ всталъ со стула, и его высокій ростъ, блѣдное лицо, выраженіе страданія и испуга поразили не одного Дюваля, но и многихъ изъ сидѣвшихъ въ партерѣ.

Юлія Михайловна молча готовилась оставить ложу, но Дюваль въ этотъ разъ внимательно наблюдалъ обоихъ и, удерживая ее, сказалъ тономъ принужденной шутки:

— Вы слишкомъ послушны, дитя мое, тиранизмъ мужниной власти не долженъ такъ далеко простираться, мы съ вами останемся!

Юлія Михайловна поняла, что у Дюваля была своя идея, и что онъ недаромъ такъ дѣйствовалъ, она остановилась въ нерѣшимости.

— Нѣтъ, докторъ, нѣтъ! — продолжалъ Улимовъ, не сводя дикаго взора со сцены, — развѣ вы не понимаете, что это убьетъ ее!...

— Ничего, — отвѣчалъ Дюваль, упорствуя въ своемъ насильномъ спокойствіи — эта минутно возбужденная чувствительность не сдѣлаетъ никакого вреда вашей женѣ; женщины плакать мастерицы, и способны плакать при каждомъ удобномъ случаѣ, имъ это не вредитъ.

— Вы не знаете, не знаете.... докторъ, уведите мою жену отсюда! завтра, завтра—и онъ нагнулся къ уху Дюваля—я вамъ открою завтра страшную, поразительную истину, отъ которой ваши сѣдые волосы встанутъ дыбомъ.

Потомъ онъ снова бросилъ взглядъ на сцену и снова повторилъ съ большей силой:—уведите мою жену!

— Нечего дѣлать, надо было повиноваться. Юлія Михайловна вышла, опираясь на руку Дюваля; за дверью ложи она остановилась.

— Докторъ,—спросила она,—это ничего, что онъ остается одинъ теперь?

— Ничего, онъ дождется конца пьесы и придетъ посмотрѣть, каково вамъ. Впрочемъ, я отвезу васъ и возвращусь въ театръ.

Они сѣли въ экипажъ Дюваля. Юлія Михайловна, прислонясь въ уголъ, плакала.

— Бѣдное дитя мое,—сказалъ докторъ—объясните ли вы мнѣ наконецъ, что все это значитъ? Вы плачете, вы несчастны. Я давно уже понялъ, что мои пособія ничтожны, что надо возстановить ва-

ши нравственныя силы, но чѣмъ? я докторъ, я не смѣю врываться въ область, которая не подчинена моей наукѣ и гдѣ бы я былъ незваннымъ и, можетъ быть, тягостнымъ гостемъ только. Мужъ вашъ очень страненъ...

— Мы оба несчастны, проговорила Юлія Михайловна.

— Онъ обѣщалъ мнѣ завтра все разсказать, разскажите мнѣ лучше сегодня, сейчасъ; мнѣ хочется васъ прежде послушать.

— Нѣтъ, если онъ самъ рѣшился, то пусть онъ вамъ говоритъ; я съ вами поговорю послѣ,— отвѣчала Улимова. — Ахъ, докторъ, если бы вы могли спасти насъ!...

— Можетъ быть, не унывайте только. Богъ дастъ мнѣ средства помочь вашему несчастью, вашему горю. Никто изъ моихъ паціентовъ мнѣ не внушалъ такого глубокаго участія, какъ вы. Я часто васъ видѣлъ съ глазами, покраснѣвшими отъ слезъ, задумчивую, углубленную въ печальныя мысли, я приписывалъ такое состояніе мнительности, и досадовалъ на мужа вашего за то, что онъ, повидимому, теряетъ голову, раздумывая надъ вашей болѣзнью. Но онъ васъ такъ сильно любитъ, что я ему прощаю недостатокъ мужества; кромѣ того онъ человѣкъ болѣзненный, у него нервы какъ у разслабленной женщины; заставьте его лечиться. Мнѣ иногда приходили въ голову самыя странныя предположенія, но, признаюсь вамъ, я ихъ съ ужасомъ отталкивалъ; съ величайшимъ нетерпѣніемъ буду ждать завтра вашего мужа.

— Да, онъ вамъ разскажетъ—повторила грустно Улимова.

Въ это время экипажъ остановился въ улицѣ Ри-

воли, подлѣ квартиры Улимовыхъ, Дюваль вышелъ и подалъ руку Юліи Михайловнѣ.

— Благодарю васъ, докторъ, пожалуйста возвратитесь въ театръ, успокойте Александра.

Но не успѣла она договорить этихъ словъ, какъ тяжелый фіакръ остановился тоже у воротъ, и Улимовъ выскочилъ изъ него; онъ смотрѣлъ на жену и Дюваля, не говоря ни слова.

— Видно пьеса кончилась, сказалъ Дюваль.

— Да, докторъ; благодарю васъ за вашу дружбу, извините меня. Тамъ идетъ еще какая-то пьеса, вы можетъ быть возвратитесь! я самъ останусь при нашей больной.... Будьте спокойны, я постараюсь успокоить ее. Потомъ, наклонясь къ самому уху доктора, онъ опять повторилъ: — о, завтра, завтра вы все узнаете, я у васъ буду.... это не можетъ такъ продолжаться. Прощайте, добрѣйшій, милый докторъ, прибавилъ онъ громко и выразительно.

По звонку отворились тяжелыя ворота для Улимовыхъ и снова заперлись за ними.

Въ глубочайшемъ молчаніи они всходили по лѣстницѣ; горничная отворила имъ дверь, зажгла свѣчи и вышла. Улимовы глядѣли другъ на друга въ безмолвіи; лица ихъ были блѣдны, безжизненны; печать изнуренія, глубокой печали, истомы, совершенной безотрадности, лежала на обоихъ лицахъ. Что могли они сказать другъ другу? Будущее грозило страшными испытаніями, настоящее было невыносимо, а вспоминать прошедшее—еще невыносимѣй для того, кто въ волнахъ этого прошедшаго похоронилъ всю радость своей жизни. Можно было слышать, какъ бьются ихъ сердца, какъ неровное дыханье поднимаетъ стѣсненную

грудь, и если бы можно было читать въ глазахъ, если бы эти глаза не были опущены у обоихъ, то по выраженью ихъ можно было прослѣдить полетъ мыслей въ головѣ каждаго. Или, не оттого ли были такъ опущены глаза, что мысль, окованная представленіемъ самаго горькаго настоящаго, недвижная и свинцовая, налегла на бѣдную голову? Бываютъ минуты, когда слово уничтожается совершенно передъ силой безотрадной мысли.

Наконецъ Улимовъ произнесъ: спокойной ночи! и не поднимая глазъ, не взглянувъ на жену, пошелъ въ свою комнату.

— Спокойной ночи! произнесла она тоже, но не шевелясь, стояла на своемъ мѣстѣ.

Каждый изъ двухъ зналъ, что ночь совсѣмъ будетъ не спокойна, что будетъ она отдана самымъ тревожнымъ мыслямъ, самымъ невыносимымъ представленіямъ, что картины одна другой страшнѣе будутъ грезиться обоимъ во всю длинную ночь и замѣнятъ собою сновидѣнья. Юлія Михайловна стала молиться, и забылась на колѣняхъ передъ иконой; она призывала взоръ божественнаго милосердія на свое скорбное сердце.

Давно ужъ ночь сошла на улицы Парижа и уняла ихъ шумливый говоръ, но не спали Улимовы; она забылась на колѣняхъ въ нѣмой молитвѣ, а Александръ забылся въ креслѣ, на которое сѣлъ машинально и, не раздѣваясь, не шевелясь, просидѣлъ до утра. Къ счастью утро было раннее, заря занялась скоро, улицы опять оживились, захлопалъ бичъ, возвѣщая появленіе омнибусовъ, раздались крики продавцовъ стараго платья, фруктовъ, трубокъ и тросточекъ, онъ окинулъ взоромъ

себя, всю комнату, раздѣлся по привычкѣ и, задувъ догорѣвшую свѣчу, бросился въ постель.

Отправивъ всѣхъ своихъ паціентовъ, Дюваль ждалъ Улимова съ нетерпѣніемъ. Вчерашній день произвелъ на него неизгладимое впечатлѣніе и заставилъ думать о многомъ, утверждаться въ тѣхъ предположеніяхъ, о которыхъ онъ намекнулъ своей паціенткѣ и которыя всегда съ ужасомъ отвергалъ.

Вошелъ Улимовъ, походка его была нерѣшительна, онъ осторожно оглядѣлся вокругъ и плотно заперъ за собою двери.

— Я ждалъ васъ — сказалъ Дюваль, протягивая ему руку.

— Мнѣ тяжело было сегодня оставить мою бѣдную жену, докторъ, неужели вы ее не спасете! я именно прихожу говорить съ вами о ней.

— Послушайте, мой другъ, вы себя мучите призраками! увѣряю васъ честью, жена ваша не имѣетъ чахотки; но вы сами отчасти причиной ея болѣзни, вы ей не даете выздоровѣть, потому что поступками вашими, тревогами, оригинальными выходками, вы держите нервы ея въ постоянномъ напряженіи.

— Я не могу свыкнуться съ ужасной мыслію этого постепеннаго разрушенія—проговорилъ Улимовъ. Я любилъ ее, я люблю ее и теперь: представьте, что я долженъ чувствовать, представьте мое положеніе!

— Будьте мужественнѣе хоть сколько нибудь, увѣряю васъ, я употреблю всѣ усилія, чтобы возвратить вамъ жену вашу надолго.

Улимовъ съ чувствомъ сжалъ его руку.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, докторъ.

— Извольте, — отвѣчаетъ Дюваль.

— Вы поняли болѣзнь жены? — И лицо его приняло мрачное выраженіе.—Знаете ли вы, что вы обѣщаете мнѣ въ эту минуту?

Дюваль понюхалъ табаку.

— У жены вашей болитъ грудь, — началъ онъ.

— О это только дополнительная болѣзнь. А *главную*, докторъ, вы замѣтили, вы проникли?...

— Главную?

— Ну да, главную, ту, которая составляетъ несчастіе моей жизни, которая убиваетъ меня, ее, разрушивъ наше счастіе?...

— Что же это такое? спросилъ Дюваль, глядя на него съ величайшимъ любопытствомъ.

— Неужели вы ничего не замѣтили?

— Ничего, право ничего особеннаго.

— О, докторъ, вѣдь я васъ нарочно оставлялъ часто на-единѣ съ женой! — сказалъ онъ съ упрекомъ.

— Она мнѣ ничего не говорила.

— Она, не говоря вамъ ничего, могла высказаться.

— Не понимаю.

— Какъ, докторъ, вы не отгадываете ужасной истины?...

— Между вами семейное несчастіе?... раздоръ?... спросилъ Дюваль не смѣло. — Простите меня, я предлагаю вамъ странный вопросъ; какъ докторъ, я не имѣю права вамъ его сдѣлать, но вы обратились ко мнѣ какъ къ другу. Если вы имѣли силу забыть, не терзайте ни себя, ни ея воспоминаніями прошедшаго.

Улимовъ горько улыбнулся.

— Вы жестоко ошиблись, докторъ!—сказалъ онъ. Въ этомъ дѣлѣ къ вамъ именно должно обращаться какъ къ доктору, а не только какъ къ человѣку; я не знаю какъ вамъ объяснить.... Если позволите, я разскажу вамъ нѣсколько нашу исторію, наше прошлое, тогда быть можетъ вы поймете скорѣе.

— Разсказывайте и вѣрьте, что все сказанное вами умретъ здѣсь же, не выйдетъ никогда изъ этой комнаты—сказалъ Дюваль, взявъ ласково его руку.

Улимовъ задумался, онъ старался собраться съ мыслями, но по мѣрѣ того какъ онѣ сбирались въ головѣ его, лицо становилось мрачнѣе, онъ блѣднѣлъ, вздыхалъ и готовился къ разсказу съ такимъ грустнымъ волненіемъ, съ какимъ преступникъ готовится къ исповѣди.

— Мы были очень счастливы—началъ онъ—и теперь еще мы бы могли быть счастливы, но иначе суждено было. Я служилъ въ военной службѣ; вообразите, у меня была хорошенькая жена, и какая умная.... Увѣряю васъ, ея умъ приводилъ въ восторгъ всякаго, и я справедливо ею гордился.... Мы богаты, у меня есть отецъ, очень хорошій старикъ, всѣми уважаемый. Знаете ли, какая прекрасная жизнь была у насъ, къ намъ въ деревню пріѣзжали веселиться. Вообразите, что жена моя была всегда изумительно весела, ея присутствіе оживляло всѣхъ, ее обожали, на рукахъ носили, и, увѣряю васъ, въ эту счастливую пору нашей жизни вы бы удивились до какой степени у меня былъ нравъ веселый, ровный.... И вдругъ веселье жены моей стало гаснуть безъ всякой видимой причины.... Вы понимаете, докторъ?

— Что же дѣлать,—сказалъ Дюваль,—женщины слабы, не надо осуждать ихъ съ такой неумолимой строгостью; онѣ впадаютъ въ заблужденія, но когда очнутся, страждутъ болѣе тѣхъ даже, которыхъ сдѣлали несчастными, коль скоро одарены душою неиспорченною, сердцемъ не безнравственнымъ, умомъ свѣтлымъ. Я убѣжденъ, что она страдала и страждетъ теперь еще болѣе васъ.

— Вы меня опять не поняли! Видите ли, сначала приступы грусти, потомъ все яснѣе, все очевиднѣе ея печаль.... иногда глаза полные слезъ глядятъ на меня, иногда глаза застану отъ слезъ красными... Потомъ разсѣянность удивительная, какъ будто совершенное отсутствіе мысли,—замѣчайте, докторъ!

— Она сама бѣдняжка мучилась.

— Да, она видимо страдала, стараясь скрыть отъ всѣхъ свое положеніе—это ужасное состояніе. Минутами это была ужъ не разсѣянность, а самоуглубленіе, замѣтное для каждаго посторонняго взгляда. Представьте, каково мнѣ было. Я все замѣчалъ, и слѣдилъ конечно съ тревогой. Недавно ей вздумалось вспоминать все, и она сама говорила, что чувствовала какъ бы упреки совѣсти въ какихъ-то проступкахъ, приступы самыхъ черныхъ мыслей.... И вотъ, докторъ, посмотрите во что она превратилась! Эта блѣдность, этотъ видъ постоянной печали, голова постоянно склоняется къ груди... невозможно видѣть всего равнодушно! Въ театрѣ я испугался, чтобы ей не напомнили, чтобы эти раздирающія душу сцены не потрясли ее слишкомъ сильно. Она, кажется, плакала?

— Да, плакала.

— Я этого тоже боялся. Когда мы остались одни я

посмотрѣлъ на нее, она была блѣдна какъ полотно. Но что̀ могу я ей сказать въ утѣшеніе!...

Дюваль смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Ну чтожъ, вы теперь знаете все, скажите мнѣ: есть спасеніе? Я понимаю, что это только начало, можетъ быть вы найдете еще средство.

— Средство, отъ чего?

— Вы не хотите понять!...

— Я благодарю васъ за довѣріе, но не понимаю, какія здѣсь можно бы употребить средства.

— Неужели никакихъ!—Улимовъ заломалъ руки. Никакихъ, докторъ? нѣтъ, не можетъ быть, ищите, прошу васъ, вѣдь это ужасъ, ужасъ!...

— Я самъ находилъ, что вчерашняя пьеса слишкомъ потрясающая для такихъ слабыхъ, разстроенныхъ нервовъ, сказалъ Дюваль.—Однако вы оказали лишнюю тревогу и болѣе повредили этимъ женѣ вашей, потому что потрясли ея нервы болѣе, нежели самое положеніе героини пьесы: вѣдь оно далеко отъ положенія вашей жены; не забывайте, что героиня помѣшанная и она именно трогательна своимъ помѣшательствомъ....

— Ну, вы поняли? такъ каково же было моей бѣдной женѣ смотрѣть на все это?

— Что же тутъ такое?

— Что такое, что такое!—воскликнулъ Улимовъ съ отчаяньемъ—Жюли помѣшана!....

Дюваль содрогнулся.

— Что вы говорите! воскликнулъ онъ въ невольномъ ужасѣ.

— Это правда—отвѣчалъ Улимовъ, закрывъ лицо руками.

— Не можетъ быть, я бы это непремѣнно за-

мѣтилъ—сказалъ Дюваль, нѣсколько успокоенный своими размышленіями.

— Да она вамъ сама разскажетъ, какъ начались у ней приступы меланхоліи.

— Такъ вотъ ваша тайна? спросилъ Дюваль.

— Ужасная тайна, неправда ли?—произнесъ содрогаясь Улимовъ.

Озаренный вдругъ какой-то мыслью, Дюваль пристально вглядывался въ своего собесѣдника, и слушалъ его съ чрезвычайнымъ вниманіемъ.

— Давно ли вы все это замѣтили? спросилъ онъ Улимова очень серьезно.

— Право не помню. Но разумѣется замѣтивъ, я немедленно взялъ отставку, поселился въ деревнѣ, люди мнѣ стали ненавистны, появленіе каждаго новаго лица нестерпимо, я былъ радъ уѣхать въ Китай, въ Америку, куда нибудь. Не замѣтили ли вы сами, какъ она бѣдная угнетена своимъ несчастіемъ, какъ старается скрыть его и боится, чтобы оно не обнаружилось?

— Да, да, я замѣчалъ — подтвердилъ Дюваль, всматриваясь въ него.

— Со мной она очень мало говоритъ. Иногда станетъ молиться, задумается, и такъ цѣлый часъ стоитъ на колѣняхъ: какъ вы находите?

— Очень странно—сказалъ Дюваль.

— А что всего ужаснѣе и что показываетъ, что несчастная болѣзнь въ ней стала развиваться—это способность ума ея прилѣпляться къ какой нибудь одной идеѣ и преслѣдовать ее до безконечности; это такъ называемая докторами, не правда ли, idéa fixa; я читалъ, до какой степени это вредно въ ея положеніи. Вообразилось ей, что я разсѣянъ, и она все преслѣдуетъ эту идею. Неправда ли, какое стран-

ное заблужденіе больнаго ума, приписывать свои свойства другому? вы теперь понимаете, почему я такъ боялся для нея впечатлѣнія вчерашней пьесы. Что, если бъ она поняла вдругъ, что такое она теперь? вѣдь это одно могло бы убить ее, какъ вы думаете?

Дюваль глубоко вздохнулъ.

— Къ несчастью или къ счастью, не знаю какъ правильно должно это выразить — сказалъ онъ грустно — люди съ разрушающимся разсудкомъ впадаютъ часто въ подобныя заблужденія, и никогда не поймутъ своего состоянія. Въ самомъ началѣ болѣзни они чувствуютъ тоску и имѣютъ нѣкоторое сознаніе, что лишаются какого-то своего достоинства, перестаютъ быть тѣмъ человѣкомъ, какимъ были до сихъ поръ—вотъ источникъ ихъ грусти и одичалости; потомъ это сознаніе утрачивается, и тогда ничто не въ силахъ открыть имъ глаза насчетъ ихъ положенія. Признаюсь, вѣкъ живи вѣкъ учись, вчера еще въ театрѣ я думалъ, что трогательный сценой одного изъ самыхъ печальныхъ фазисовъ безумія я обязанъ только фантазіи автора; сегодня я убѣдился въ противномъ—авторъ писалъ съ натуры!

— Да, съ натуры!—повторилъ Улимовъ—бѣдная жена, она готова принять скорѣе меня за помѣшаннаго, чѣмъ сознаться, что она помѣшана! Она ведетъ кажется свой журналъ, по крайней мѣрѣ пишетъ что-то очень часто въ какой-то тетради. Я имѣю привычку записывать тоже свои мысли и всегда ихъ пишу по французски, а у этихъ несчастныхъ развитъ духъ подражанія, такъ она вѣрно изъ подражанія затѣяла писать свой днев-

никъ! Быть можетъ тамъ не знаетъ ли она себя нѣсколько?...

Дюваль задумался.

— Не можете ли вы мнѣ его доставить? спросилъ онъ.

— Постараюсь. Самъ я читать не буду, это было бы неблагородно съ моей стороны, но вамъ, какъ доктору, необходимо отыскать дорогу въ лабиринтѣ ея мыслей, и потому вы должны прочитать; дневникъ ея тоже написанъ по французски.

— Не можете ли вы также дать мнѣ вашъ дневникъ?

Улимовъ смутился.

— Это зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Конечно не для удовлетворенія моего любопытства, отвѣчалъ Дюваль—но въ вашемъ дневникѣ вѣроятно есть указанія на многія положенія, есть нѣкоторыя подробности, которыя вовсе не будутъ лишними для моихъ медицинскихъ соображеній. Мнѣ необходимо имѣть оба дневника.

— Нѣтъ, видите ли, я никогда не дѣлюсь ни съ кѣмъ своими мыслями—замѣтилъ Улимовъ гордо.

— Я не смѣю требовать отъ васъ такого доказательства вашего довѣрія—возразилъ Дюваль спокойно. Какъ человѣкъ, я ничто для вас, и голосъ мой совершенно ничтоженъ въ этомъ дѣлѣ, но какъ докторъ, я имѣю нѣкоторыя права. Впрочемъ, какъ хотите—прибавилъ онъ съ прекрасно сыграннымъ оскорбленіемъ чувствъ и съ притворной холодностью.

Улимовъ крѣпко задумался.

— Докторъ, вы отъ меня слишкомъ много требуете, проговорилъ онъ съ усиліемъ, но быть по вашему, вы будете имѣть оба дневника,—дневники двухъ несчастныхъ, и если ихъ несчастіе вамъ

покажется смѣшно.... прибавилъ онъ съ нѣкоторой угрозой.

— Вы очень дурно меня разумѣете, видно, сказалъ строго Дюваль.

Улимовъ затрепеталъ тотчасъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я такъ только—произнесъ онъ съ робостью перепуганнаго животнаго.

Это тоже не ускользнуло отъ наблюдательности Дюваля, и онъ продолжалъ дѣлать вопросы Улимову.

— Что именно полагаете вы причиной болѣзни вашей жены? не дало-ль что повода къ безумію?

— Причиной? развѣ вы не знаете? причина наслѣдственное сумасшествіе.

— А! сказалъ Дюваль, это перемѣняетъ нѣсколько мое воззрѣніе на предметъ.—Отчего же вы мнѣ тотчасъ не сказали?

— Какая ужасная вещь наслѣдственное сумасшествіе!... произнесъ Улимовъ, преданный своимъ мыслямъ.

— Кто же былъ помѣшаннымъ въ семействѣ жены вашей? спросилъ Дюваль—отецъ или мать ея? это тоже вопросъ довольно важный для моихъ медицинскихъ соображеній.

— У ней? сказалъ Улимовъ—у ней, я не знаю... кажется никого.

— Но вы говорите о наслѣдственномъ сумасшествіи.

— Да. У меня была мать, прелестная женщина, я знаю ее только по портрету, она погибла жертвой наслѣдственнаго сумасшествія. На портретѣ удивительные глаза, такіе грустные; голова наклонилась къ груди, видѣть равнодушно этого невозможно!

Дюваль сдѣлалъ невольное движеніе.

— И вы полагаете.... произнесъ онъ, не спуская глазъ съ Улимова.

— Я не полагаю, это вѣрно.... Улимовъ понизилъ голосъ и говорилъ почти шепотомъ:—наслѣдственное сумашествіе вмѣсто меня перешло къ ней, понимаете, отразилось на ней! мнѣ не слѣдовало вводить ее въ наше несчастное семейство. Скажите, извѣстны-ли подобные случаи въ медицинѣ?

— Если вы хотите знать истину и можете принять ее.... сказалъ Дюваль, взявъ его за руку.

— Ну!...

— Я бы счелъ ваши слова за неестественныя представленія больнаго мозга, потому что сумасшествіе не можетъ перейти на человѣка, взятаго изъ здороваго семейства.

— Ха-ха-ха-ха-ха! —залился дикимъ смѣхомъ Улимовъ. Прощайте, докторъ, мнѣ съ вами говорить, вижу, не о чемъ, слѣдовало бы прежде догадаться и не начинать вовсе! Вы ужъ переговорили обо всемъ съ женой моей заблаговременно, и она вложила вамъ въ голову идеи и представленія своего разстроеннаго ума.

— Что вы, что вы! Какія представленія?... говорилъ Дюваль, стараясь удержать его.

— Представленіе ея, идею ея, безумную, дикую, полную страданія идею, что другіе помѣшаны, а она здорова. Развѣ вы не видѣли вчера въ этой пьесѣ! ну вотъ, тотъ же самый случай, то же самое положеніе! И вдругъ вы говорите, что у меня больной мозгъ, больная голова! очевидно, что жена передала вамъ свою несчастную идею, а вы ее приняли. Вы близоруки, докторъ, и не замѣтили помѣшательства вашей паціентки, потому что это

помѣшательство тихое, безъ порывовъ покамѣсть и со всѣми проявленіями обыкновенной меланхоліи.

— Я точно былъ очень близорукъ—сказалъ Дюваль, глубоко вздохнувъ и вперивъ въ него испытующій взоръ.

— А, наконецъ вы сознаетесь!—Улимовъ сѣлъ на стулъ.

Видя, что единственное средство пріобрѣсть его довѣріе—это потакать бреду, который овладѣлъ разстроеннымъ мозгомъ, Дюваль пересталъ съ нимъ спорить.

— Я буду искать средствъ вылечить вашу жену—сказалъ онъ—но мнѣ очень жаль, что глаза мои такъ поздно открылись.

— Поздно, неужели поздно!—произнесъ Улимовъ съ отчаяніемъ.

— Нѣтъ, я не теряю надежды—возразилъ Дюваль,—но надо хорошенько изучить *это наслѣдственное сумасшествіе*, его родъ,—и тогда придумать средства.

Улимовъ потеръ рукой лобъ.

— У меня былъ на примѣтѣ одинъ человѣкъ, который бы могъ намъ быть очень полезенъ,—сказалъ онъ, но теперь его уже здѣсь нѣтъ. А я убѣжденъ, что онъ одинъ въ состояніи вылечить сумасшествіе нашей больной. Не могу простить себѣ, что упустилъ время; но я не могъ рѣшиться говорить: открытіе подобной тайны не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ тому, на чью скромность можно вполнѣ положиться. Вѣдь это клеймо безславія на имя, на семью, какъ вы думаете?—И Улимовъ начиналъ уже дрожать и блѣднѣть какъ всегда во время своего припадка.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Дюваль—это несчастіе пре-

выше всѣхъ несчастій, оно должно внушать каждому самое сильное участіе. Но скажите мнѣ, пожалуйста, кого вы хотѣли дать мнѣ въ консультанты?

— Вы не догадываетесь?—И Улимовъ значительно улыбнулся.

— Право нѣтъ.

— Вы его видѣли у насъ....

— Не понимаю.

Улимовъ нагнулся къ Дювалю и сталъ шептать на ухо:—это удивительный человѣкъ, съ ужасными способностями къ медицинѣ, онъ бы васъ всѣхъ за поясъ заткнулъ, вотъ что! Обстоятельства семейныя и другія, вы понимаете.... онъ пошелъ не по той дорогѣ, по которой ему слѣдовало идти.... не можетъ быть, чтобы вы не догадывались, не понимали—это Пленчаниновъ.

— Какъ? вашъ родственникъ! воскликнулъ Дюваль.

— Да, вы не смотрите, что онъ теперь такъ страненъ! онъ, знаете, повелъ жизнь нѣсколько вѣтренную, разсѣянную, оттого-то я не довѣрилъ ему нашей тайны теперь, но это былъ бы великій геній медицины! Стеченіе обстоятельствъ, разные случаи жизни.... и вотъ онъ отдался философіи, а его дорога была медицина. Вы видите сами, вы состарѣлись, васъ называютъ царемъ науки, имя ваше гремитъ всюду, а вы не слышали, чтобы наслѣдственное сумасшествіе переходило изъ рода мужа въ родъ жены и изъ рода жены въ родъ мужа, а онъ дѣлалъ розысканія по этому предмету и открылъ возможность подобнаго факта. Мало того, онъ давно открылъ—мы еще оба были студентами, я жениться вовсе не думалъ.... не прав-

да ли, это удивительно, докторъ? Конечно, теперь вамъ остается жалѣть только, что вы не сблизились съ Пленчаниновымъ; его инстинктъ обогатилъ бы ваши познанія, открывъ для нихъ новую дорогу. Очень жаль, что онъ не сдѣлался медикомъ, очень жаль, что теперь онъ повелъ себя такъ странно, такъ вѣтренно запропастилъ себя. Вы и не подозрѣвали въ Пленчаниновѣ такихъ изумительныхъ способностей?...

Давно уже старику-доктору не бывало такъ грустно, давно зрѣлище человѣческихъ страданій и недуговъ не поражало такъ болѣзненно его свѣтлой, доброй души. Съ глубокимъ участіемъ думалъ онъ въ эту минуту о Юліи Михайловнѣ, переносясь къ ея мучительному уединенію, къ ея безъисходному состоянію страшной, постоянной тоски, и сердце его разрывалось отъ мысли о молодости, о цѣлой жизни счастія, едва пробудившейся и разрушенной навсегда. Что касается до Улимова, то онъ его меньше жалѣлъ, понимая, что ближе съ каждымъ днемъ къ нему тотъ часъ, въ который послѣдніе проблески полусознанія угаснутъ, и что тогда меньше станетъ страдать онъ; а у ней была еще цѣлая вѣчность страданій, неисчерпаемый запасъ муки, боль все глубже и глубже должна врѣзываться въ памяти души ея.

— Если бы возможно было удалить ее! думалъ Дюваль: — несчастная женщина не вынесетъ, потому что этого нельзя вынесть и съ бо̀льшими силами.

Улимовъ прервалъ его задумчивость.

— Такъ какъ вы думаете о Пленчаниновѣ, докторъ?

— Мнѣ очень жаль, что онъ уѣхалъ — сказалъ Дюваль. — А батюшка вашъ живъ?

— Да, онъ живъ. Несчастный старикъ перенесъ такое же горе, какъ я, онъ знаетъ всю страшную, поразительную глубину его, и потому я не въ-силахъ сообщить ему эту вѣсть: я пересталъ писать.

— Но жена ваша пишетъ?

— Пишетъ, бѣдная; пока еще искры мыслей держатся въ головѣ, я ей не мѣшаю. Можетъ быть и къ лучшему; отецъ постепенно самъ замѣтитъ— это не такъ поразитъ его, не убьетъ! Она всегда приходитъ спрашивать, прикажу ли отцу кланяться.

И Улимовъ грустно улыбнулся.

— А гдѣ живетъ вашъ отецъ?

— Въ Кіевской губерніи, я вамъ адресъ покажу.

— Пожалуйста, не забудьте также мнѣ показать дневники ваши.

— Да, да, непремѣнно. Только, докторъ, помните, что объ этомъ знаютъ Богъ, я, да вы....

— Будьте спокойны. Вы понимаете, что я не изъ пустаго любопытства, и мы теперь съ вами будемъ дѣйствовать заодно.

— Вотъ это хорошо! — воскликнулъ Улимовъ—я свято буду во всемъ исполнять вашу волю. — Онъ всталъ.

— Не забудьте этого обѣщанія ни въ какомъ случаѣ; чего бы я отъ васъ ни потребовалъ, вы должны исполнить безпрекословно. Въ такомъ случаѣ я могу надѣяться, что наши дѣла пойдутъ хорошо.

Дюваль протянулъ руку помѣшанному.

— Какъ я счастливъ, что мы наконецъ поняли другъ друга! какъ вы думаете, сказать женѣ, что мы вмѣстѣ занимаемся ея выздоровленіемъ?

— Я бы считалъ лучшимъ не передавать ей нашего разговора: больные такого рода очень боятся докторовъ и стараются всячески обмануть ихъ; а я хочу подвергнуть ее еще нѣкоторымъ наблюденіямъ, сказалъ Дюваль.

— Прекрасно, докторъ, я вамъ очень благодаренъ. Пожалуйста не теряйте изъ виду ни одного ея слова, ни одного движенія, я ужасно усталъ слѣдить за нею; такъ страшно, чтобы другіе незамѣтили.

— Вотъ это напрасно вы дѣлали. Оставьте теперь ее въ покоѣ.

— Хорошо, до свиданья. А могу я ей сказать, что я нахожу, что ей лучше, что она почти совсѣмъ здорова, какъ вы думаете? вѣдь это ее ободритъ?

— Какъ хотите, лучше бы вовсе не говорить, не касаться этого предмета.

— Нѣтъ, я скажу; вѣдь она бѣдная въ отчаяніи, потому что къ ней приходитъ темное сознаніе ея стостоянія. Я ей скажу:—милый другъ, ты совершенно здорова, господинъ Дюваль говоритъ, что ты совершенно здорова! Такъ вы пожалуйста не выдайте меня, если спроситъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Принесите же ваши дневники.

— И свой, и дневникъ жены, постараюсь оба вмѣстѣ.

Улимовъ вышелъ, довольный результатомъ своихъ совѣщаній съ докторомъ.

— Несчастный человѣкъ!—проговорилъ Дюваль ему вслѣдъ, съ глубокой печалью.

Когда Дюваль посѣтилъ свою паціентку, между ними не было произнесено ни одного слова, которое бы выразило, чѣмъ была занята мысль обоихъ; но Дюваль взялъ ея исхудалую руку и, молча, поцѣловалъ съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, какое внушаетъ намъ несчастіе, превосходящее мѣру обыкновенныхъ несчастій. Потомъ онъ погладилъ съ отеческой нѣжностью ея наклоненную голову и сказалъ ей:—крѣпитесь, бѣдное дитя.

Она закрыла лицо руками и молчала.

Потомъ Дюваль ей много и долго говорилъ о томъ, что Богъ даетъ жизнь человѣку какъ временный залогъ, и что мы не въ правѣ играть своими силами, что должны поддерживать ихъ, а не уничтожать своего бытія; что мы произвольно уничтожаемъ его, если не удаляемся отъ всего того, что̀ не по силамъ природѣ нашей, и чего невозможно переносить по устройству ея. Дюваль говорилъ очень много объ обязанностяхъ каждаго человѣка къ себѣ собственно, объ отвѣтственности, налагаемой Творцомъ на твореніе при самомъ рожденіи человѣка, говорилъ, что сберегая себя сначала по инстинкту, слѣдовательно непроизвольно, мы должны еще болѣе беречь данную намъ жизнь и силы, тогда, какъ сбереженіе ихъ находится ужъ прямо въ рукахъ нашихъ, ввѣрено нашей волѣ.

Прекрасно говорилъ Дюваль, толкуя съ любовью высокое значеніе человѣка въ цѣпи существъ, созданныхъ постепенно для того, чтобы міръ наполнить жизнью; какъ вдохновенный говорилъ онъ; и точно, этотъ человѣкъ, проведшій жизнь свою въ непрерывномъ служеніи страждущему

человѣчеству, научился любить человѣка и понимать глубоко законы мірозданія.

Онъ ушелъ, оставивъ Улимову съ разбитымъ сердцемъ, съ разрушенными окончательно надеждами, но съ мыслью, обращенной къ Богу и нѣсколько къ себѣ самой: она не смѣла болѣе произносить грѣшную молитву о прекращеніи ея тяжкаго, печальнаго существованія.

Между тѣмъ Александръ, прилѣпившись разстроеннымъ умомъ къ идеѣ, что необходимо надо повторять женѣ, что она здорова, говорилъ ей это постоянно всякій день и всякій день твердилъ ей, что лучше. Больно, больно, невыносимо больно было ей слушать эти слова и видѣть, какъ онъ, подмигнувъ Дювалю, принимался вдругъ безсвязно шутить или безпричинно смѣяться. Его напряженное, придуманное веселье, исполненное самаго очевиднаго, грубаго притворства, поражало тягостнѣе, нежели видъ тоски и тревоги, которыя въ немъ прежде были постоянны; но болѣзнь шла, развиваясь постепенно.

Смѣлѣе Дюваль сталъ говорить съ Юліей Михайловной, онъ рѣшился дать ей понять, что считаетъ Александра неизлечимымъ, что со временемъ состояніе тихаго помѣшательства превратится въ болѣе страшное—въ состояніе дикихъ порывовъ и изступленія, а все еще не смѣлъ онъ, не могъ онъ произнесть страшнаго слова разлука и указать Юліи Михайловнѣ на необходимость ея. Ему хотѣлось самому ошибаться въ своихъ заключеніяхъ, вѣрить въ возможность благодѣтельнаго исхода изъ этого положенія, вѣрить, что успѣхи этого страшнаго дѣйствія можно прекратить, остановить, что наслѣдственное сумасшествіе не такой

неотвратимый ничѣмъ бичъ, какъ и наслѣдственная чахотка. Но наука его ему открывала самое ужасное будущее, въ безотрадной дали онъ видѣлъ возмутительныя картины, онъ видѣлъ многое, способное оледенить ужасомъ самую крѣпкую, самую сильную волю.

Дюваль совѣтывалъ Юліи Михайловнѣ написать къ старику Улимову, открыть ему страшную истину; совѣтъ этотъ встрѣтилъ сопротивленіе: рука ея не поднималась изображать разрушенное и разрушающееся все болѣе съ каждымъ днемъ счастье, которое создалось и росло постоянно на глазахъ этого достойнаго человѣка. Правда, послѣднее время, они оставили конечно нѣсколько затемненное впечатлѣніе жизненныхъ радостей; но разлука и время должны были въ памяти старика возстановить то изъ прошлаго, что сильнѣе запечатлѣлось въ ней. До сихъ поръ Юлія Михайловна старалась скрыть отъ него свои страданія, ужасныя подозрѣнія, которыя мало по малу все больше и больше оправдывались, и теперь яркой истиной безотраднѣйшаго изъ заключеній разсѣянъ и тотъ легкій, спасительный мракъ, который еще нѣсколько покрывалъ отъ нея самой тяжкое положеніе двухъ, нѣкогда счастливыхъ людей. Но говоря Дювалю о старикѣ Улимовѣ съ любовью и уваженіемъ, раскрывъ передъ нимъ всѣ благородныя стороны этого характера, она утвердила въ докторѣ намѣреніе извѣстить его обо всемъ случившемся, хоть въ случаѣ крайней необходимости, то есть, если паціентка его будетъ упорствовать въ молчаніи и если состояніе Улимова, въ чемъ онъ не могъ ужъ сомнѣваться, будетъ становиться съ каждымъ днемъ хуже. Дюваль досталъ адресъ Юрія Петровича отъ Алек-

ксандра, который удивительно ему повиновался и совершенно подчинилъ себя влiянiю его, надѣясь содѣйствовать какъ нибудь исцѣленiю любимой жены отъ мнимаго сумасшествiя. Что касается до журналовъ, то Улимовъ все повторялъ, что ему еще не удалось утащить дневникъ жены, имѣющiй для доктора разумѣется самый важный интересъ, и потому онъ не можетъ ему дать и своего.

Какъ опытный, искусный врачъ, Дюваль надѣялся попасть на слѣдъ какой-нибудь спасительной идеи послѣ чтенiя этого дневника и ожидалъ большой пользы вообще отъ предпринимаемаго имъ, хотя и съ глубокимъ сомнѣнiемъ въ успѣхѣ, лѣченiя несчастнаго молодаго человѣка. Но исполняя долгъ врача въ отношенiи къ обоимъ пацiентамъ, онъ видѣлъ необходимость печальную, страшную необходимость, помѣстить Улимова въ домъ умалишенныхъ; отдать его на руки своему собрату, искуснѣйшему медику, посвятившему себя исключительно болѣзнямъ, поражающимъ лучшiй даръ, данный Творцемъ человѣку—умъ. Такимъ образомъ онъ надѣялся удалить тоже свою пацiентку отъ постояннаго зрѣлища ея возрастающаго несчастiя, прiучить постепенно къ мысли переносить его, если не съ меньшимъ чувствомъ, то съ меньшей чувствительностью, возстановить силы ея разстроеннаго организма, спасти молодую жизнь. Дювалю очень хотѣлось склонить ее къ рѣшимости помѣстить мужа въ домъ умалишенныхъ и возвратиться на родину, къ старику отцу его, ожидать выздоровленiя, если оно возможно. Тысячу разъ онъ пересмотрѣлъ самъ съ собой наединѣ эту идею, но не смѣлъ высказаться, не смѣлъ сдѣлать подобнаго предложенiя, видя любовь ея къ мужу,

выслушавъ отъ нея, какими узами живѣйшей, глубокой признательности связана она съ несчастнымъ безумцемъ. Среди утонувшаго въ эгоизмѣ и развратѣ Парижа, Улимова была для старика Дюваля отраднымъ явленіемъ, и свѣтлая душа его платила богатую дань уваженія, привязанности, удивленія къ молодой женщинѣ. По нѣкоторымъ проблескамъ ума, становившимся день ото дня рѣже въ Улимовѣ, по этимъ готовящимся погаснуть скоро навсегда, но еще уцѣлѣвшимъ искрамъ, по чувству его все еще глубокой, но уже лишенной мысли въ своихъ проявленіихъ любви, Дюваль понималъ, какъ велико было когда-то, прежде, молодое счастіе этихъ двухъ людей, и все больше проникался онъ состраданьемъ и тяжелѣе, глубже поражался разрушеніемъ радостей жизни, которыя такъ щедро сулило подобное счастье.

Сумасшествіе Улимова становилось съ каждымъ днемъ замѣтнѣе. Дюваль просилъ позволенія познакомить съ своими паціентами друга своего, богатаго, по словамъ его, жителя окрестностей Парижа. Не нужно говорить, что это былъ не кто-иной какъ докторъ изъ дома умалишенныхъ, но Дюваль скрылъ это даже передъ Юліей Михайлавной.

— Ну что? сказалъ Дюваль своему собрату, когда они вышли отъ Улимовыхъ послѣ вечера, проведеннаго у нихъ.

— Сомнительно, и даже болѣе, нежели сомнительно, отвѣчалъ докторъ, однако можно бы еще попробовать предотвратить окончательное развитіе, и такимъ образомъ отсрочить на нѣкоторое время ужасную катастрофу. Но для этого его надо переселить ко мнѣ непремѣнно, а иначе конечно все пойдетъ

crescendo, и въ короткое время мы увидимъ ужасныя вещи! Жаль эту бѣдную женщину, она такая миленькая.

— Это прелестная женщина, сказалъ Дюваль— во всю жизнь свою и во всѣхъ своихъ сближеніяхъ съ людьми, изъ всѣхъ зрѣлищъ человѣческихъ страданій, я не вынесъ воспоминанія, которое могло бы сравниться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое оставитъ во мнѣ эта женщина и ея несчастія.

Опять Дюваль спросилъ Юлію Михайловну, писала ль она къ отцу, увѣдомила ли его о положеніи мужа, и получивъ въ отвѣтъ, что она никогда этого не сдѣлаетъ, Дюваль рѣшился написать самъ, не говоря ей ни слова болѣе.

«Милостивый Государь!

«Я имѣю честь лѣчить вашу невѣстку и знаю вашего сына, я сблизился съ ихъ жизнью и нашелъ необходимымъ передать вамъ, какова она. Незная васъ, я васъ уважаю; привязанность вашихъ дѣтей и нѣкоторыя черты вашего характера и вашей жизни, переданныя ими мнѣ, заставляютъ меня смотрѣть на васъ какъ на человѣка, возможно-совершеннаго въ нравственномъ отношеніи. Вы испытали величайшее изъ несчастій, Богъ далъ вамъ мужество перенесть ударъ судьбы. Онъ подкрѣпитъ васъ и теперь, когда судьба приготовила вамъ новый ударъ и не менѣе жестокій. Ваша невѣстка сдѣлалась жертвой того самаго несчастія, которое потрясло васъ и оставило неизгладимый слѣдъ въ вашей жизни. О несчастномъ же сынѣ вашемъ я не скажу ни слова, вы понимаете каковъ онъ....

«Теперь, будьте мужественны до конца и выслу-

шайте меня, надѣюсь—вы найдете въ себѣ силы для исполненія долга вашего. Покамѣсть никакія мои усилія не могли склонить вашу невѣстку къ необходимой разлукѣ. Одинъ изъ моихъ собратовъ не лишаетъ меня совершенно надежды на выздоровленіе вашего сына, или лучше сказать, на уменьшеніе грозящихъ ему мученій, но для этого надо бы ему поручить его лѣченіе и совершенно сдать на руки—вы понимаете, куда и какимъ образомъ. Я страшно терзаю ваше отцовское сердце, но что же дѣлать!... Заставьте невѣстку вашу согласиться на это предложеніе и призовите ее къ себѣ. Вспомните ваши мученія и дополните картину положенія, въ какомъ она находится, и состоянія души, представивъ себѣ чувствительность, развитую въ женщинахъ сильнѣе, нежели въ насъ, впечатлительность, и наконецъ ея одиночество, сознаніе, что она на чужбинѣ, безпомощна, что вокругъ нея все постороннія лица, нѣмые, полуравнодушные зрители ея страданій. Не понимаю самъ, какъ держится еще жизнь въ этомъ слабомъ, изстрадавшемся существѣ. Она не должна здѣсь оставаться долѣе. Первыя минуты будутъ для нея ужасны, но тамъ она увидитъ васъ; мы будемъ писать къ ней и заставимъ ее жить надеждами: дай Богъ, чтобы онѣ современемъ оправдались.

«Примите, милостивый государь, выраженіе глубочайшаго моего участія, уваженія и преданности.

Дюваль.»

Онъ позвонилъ, срисовалъ скорѣе, нежели списалъ адресъ, доставленный ему Александромъ, и отправилъ письмо на почту. Едва только вышелъ

его посланный изъ воротъ, какъ Улимовъ взбѣжалъ по лѣстницѣ.

— Дома ли вы, докторъ?—спросилъ онъ за дверью.

— Дома, милости просимъ—отвѣчалъ Дюваль, отворяя самъ дверь своему гостю.

— Ничего, я на минутку; вотъ вамъ двѣ тетради, насилу удалось достать женину. Я возвращаюсь къ ней, чтобы отклонить всѣ подозрѣнія. И онъ ушелъ поспѣшно, озабоченный важностью своей мнимой роли.

ГЛАВА III.

Дюваль сидѣлъ одинъ вечеромъ въ своемъ кабинетѣ; двѣ свѣчи подъ синими колпаками горѣли на столѣ, и свѣтъ ихъ падалъ на двѣ небольшія тетрадки. Домашнимъ былъ отданъ строгій приказъ не принимать праздныхъ посѣтителей. Докторъ взялъ обѣ тетрадки въ руки, закрылъ глаза, какъ это постоянно дѣлывалъ, когда онъ напрягалъ для постиженія какого-нибудь предмета свой свѣтлый, образованный умъ, или когда собирался произнесть какое-либо мнѣніе, судъ надъ болѣзнью человѣка, приговоръ надъ больнымъ.

Прежде, нежели онъ началъ читать, онъ спросилъ себя, что читать сначала—повѣсть ли безумія, или повѣсть печали?... Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, онъ развернулъ дневникъ Улимова. Читатель, нужно ли вамъ напоминать, что дневники были написаны по-французски оба, выключая нѣкоторыхъ фразъ на отечественномъ

языкѣ, брошенныхъ въ эти страницы для большей силы.

Перебросивъ нѣсколько листковъ, въ которыхъ заключалось изображеніе прошлаго счастія и мысли, полныя тихой радости, онъ остановилъ внимательный взоръ на словѣ:

«9 . . . . разрушено. Да, все можетъ быть разрушено закономъ, написаннымъ прежде насъ самихъ; онъ насъ разрушитъ, разрушивъ счастіе, созданное любовью. Когда я былъ ребенкомъ, отъ меня тщательно скрывали печальную исторію моего отца и моей несчастной матери. Я зналъ мать по имени только, но величайшимъ для меня наслажденіемъ всегда было смотрѣть на это милое лицо печальной женщины, и только сберегая душевное спокойствіе отца, я рѣдко поднималъ флеръ, покрывавшій портретъ. Но въ домѣ оставалось еще нѣсколько очевидцевъ всѣхъ ужасныхъ сценъ, любопытство ребенка именно было возбуждено сильнѣе тѣмъ, что на вопросы мои, мнѣ отвѣчали обыкновенно—не приказано говорить!... Не приказано говорить, когда хотѣлъ я знать, непремѣнно знать, хотя бы это знаніе убило мои дѣтскія силы! И я узналъ.... Воображеніе приняло со всей своей силой и удержало въ чрезвычайно яркихъ краскахъ картину семейнаго нашего бѣдствія. Дѣтскій умъ представилъ себѣ по какому-то странному упорству, что наслѣдственное сумасшествіе въ нашемъ родѣ должно переходить на женщинъ. Я любилъ Дунечку, а теперь сталъ любить ее еще болѣе, потому что имѣю причины бояться за нее, считаю ее обреченной ужасному бѣдствію. Эта нѣжность къ сестрѣ дала ей перевѣсъ надо мною во всемъ и подчинила меня ея вліянію. Сестра имѣетъ

нравъ нѣсколько упорный, повелительный, а въ сердцѣ ея, даже въ дѣтствѣ, былъ порядочный запасъ эгоизма — она употребляла во зло мою нѣжность и подчиняла меня разнымъ требованіямъ. Я боялся, что если ее не послушаю, Дунечка съ ума сойдетъ, а видѣть близкое мнѣ существо въ состояніи безумія, да еще считать себя хоть отдаленной причиной, хоть поводомъ къ развитію этого страшнаго бѣдствія, было для меня невыносимо. Я содрогался весь отъ одной мысли, что когда-нибудь въ семьѣ своей я увижу новую жертву страшнаго предопредѣленія, гибельнаго наслѣдства. Я росъ съ этой мыслью. Дунечка вышла замужъ, я успокоился: у ней могли быть дѣти, наслѣдственное сумасшествіе могло отразиться на ея дѣтяхъ,—но я объ этомъ не думалъ вовсе.

Ребяческій возрастъ прошелъ, въ другомъ возрастѣ другія мысли стали занимать меня. Меня отвезли учиться; другой міръ составился вокругъ и отдѣлилъ меня отъ сестры и отъ тяжкихъ впечатлѣній моего дѣтства. Какъ будто окрѣпли силы мои, я одолѣлъ себя, побѣдилъ свой страхъ, сталъ жить воображеньемъ не въ одномъ только будущемъ, а и въ настоящемъ; молодость взяла свое: мало-по-малу я сталъ отвыкать отъ мрачныхъ представленій, а потомъ сталъ смѣяться надъ собой и надъ трепетомъ своимъ передъ угрозами будущаго. Счастливое ослѣпленіе, гдѣ оно теперь? миновалось!... Шутка Пленчанинова разбудила меня отъ этого спасительнаго сна, что-то болѣзненное откликнулось въ сердцѣ. Черезъ минуту я однако смѣялся надъ собой и въ безумномъ ослѣпленіи шутя словомъ своимъ, словомъ непозволительной и видно слишкомъ грѣшной шутки, я самъ

обрекалъ будущую жену свою страшной участи. Однако уму моему представился вопросъ — а если я буду любить ее болѣе самого себя?...

Я люблю ее! Боже, ты знаешь самъ, какъ я люблю ее, и если шутка моя заслуживала наказанія, если слишкомъ смѣлой, дерзкой она была, не наказывай такъ ужасно!... Эта женщина молода, хороша.... а умъ ея! я особенно люблю этотъ умъ, это неисчерпаемое сокровище ясныхъ, сильныхъ, глубокихъ мыслей, я гордился имъ. Возможно ли, чтобы все это рушилось!...

Нѣтъ, я самъ безумствую; мрачныя, странныя мысли мучатъ мозгъ мой, и ужасное невозможное вдругъ мнѣ кажется возможнымъ. Указаній на возможность такого несчастія нѣтъ никакихъ, мнѣ никто не говорилъ, что бываютъ такіе случаи. Къ кому обратиться, чтобы спросить? къ книгамъ развѣ; въ нихъ сокрыты таинства науки, онѣ будутъ отвѣчать прямо, не смущая обратившагося къ нимъ подозрительными вопросами. Люди непремѣнно хотятъ знать, почему вы предложили имъ вопросъ, почему вы къ нимъ обратились за загадкой, за рѣшеніемъ какой-нибудь задачи умственнаго, нравственнаго міра, людямъ надобно непремѣнно вмѣшаться въ дѣла ваши; книга молчитъ или отвѣчаетъ со всей неумолимостью правды. Мнѣ нужны книги, я начну искать книгъ, я буду обращаться только къ книгамъ.

Однако, куда же дѣлась та сила, съ которой я оттолкнулъ впечатлѣніе смѣлой шутки Пленчанинова тогда, съ которой я отталкивалъ докучливыя воспоминанія потомъ? Отчего теперь они стали вдругъ одолѣвать моимъ умомъ, моей памятью, мыслью, разсужденіемъ? Я прежде не говорилъ съ

собой вовсе объ этомъ печальномъ предметѣ. Но я не смѣлъ смотрѣть на портретъ матери; мнѣ казалось, что грустныя слезы ея упрекаютъ меня въ безумной дерзости, мнѣ казалось долгое время, что за равнодушное допущеніе мысли о подобномъ бѣдствіи, за мой тогдашній смѣхъ, образъ матери укорительно киваетъ мнѣ головой. Правильно говорятъ, что не слѣдуетъ искушать судьбы и не должно говорить ни объ одномъ человѣческомъ несчастіи съ улыбкой равнодушія.

12-е. . . . .

Сегодня я хотѣлъ поговорить съ отцомъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ изъ жизни его, уже въ то время, когда.... языкъ не слушается. Я открылъ мимоходомъ портретъ матери, и странная дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу. Мнѣ становилось холодно, страшно, невыносимо, по мѣрѣ того, какъ я вглядывался въ милыя черты незнакомой мнѣ вовсе женщины, которая была моей матерью. Воображаю, что долженъ былъ отецъ чувствовать, глядя на эту голову, склонившуюся къ груди съ постояннымъ видомъ страданія—бѣдный отецъ! Напрасно отъ насъ удаляли представленія всѣхъ ужасовъ наслѣдственнаго сумасшествія, неотвратимаго, неизбѣжнаго, какъ смерть, и болѣе страшнаго, нежели смерть сама. Я посмотрѣлъ сегодня на жену, когда она такъ беззаботно, такъ звонко смѣялась, по обыкновенію, такъ непринужденно шутила; видъ ея веселья меня успокоилъ совершенно. Не могу представить себѣ ея печали, ея задумчивости. Избави Богъ меня видѣть эту умную, свѣтлую, веселую голову, наклоненную къ груди съ видомъ постоянной, глубокой печали.

15-е. . . . .

Мы уѣзжаемъ въ военное поселеніе; я очень радъ, что срокъ нашего пребыванія здѣсь кончился. Въ послѣднее время на меня находили странныя мысли, и когда мнѣ случилось взглянуть нечаянно на портретъ, завѣшенный бѣлымъ флеромъ, мнѣ становилось страшно и такъ печально, что я не въ силахъ былъ нерѣдко превозмочь себя. Немедленно, чрезвычайно ярко и опредѣленно передъ глазами души моей становился печальный образъ женщины, съ опущенной на грудь головой. Я думаю, что видъ безмолвнаго, постояннаго горя въ близкомъ сердцу существѣ могъ бы убить меня, уничтожить всѣ мои силы. Въ этотъ разъ мнѣ бывало очень тягостно въ Александровкѣ; жена иногда спрашивала, отчего я какъ будто самъ не свой, но я умѣлъ отклонить этотъ вопросъ. Я часто заставлялъ ее играть, она прекрасная музыкантша. Звуки прогоняютъ мрачные призраки, замѣняя ихъ другими, милыми, ясными, легкими, какъ отрадныя сновидѣнья. Подальше, подальше отъ Александровки, хоть на нѣкоторое время. Мнѣ хочется мѣнять мѣста, во мнѣ тревожное стремленіе вдаль. Здѣсь царствуетъ иногда молчаніе, въ глубинѣ котораго вдругъ слышится человѣку голосъ его собственной мысли. Если бы можно было имѣть всегда только радостныя мысли, это быть можетъ не утомляло бы меня; но, къ несчастью, человѣкъ созданъ для того, чтобы отъ тревоги за будущее переходить къ сожалѣніямъ прошлаго, и обратно. Надо, чтобы Жюли была всегда весела, моя бѣдная Жюли! не для того мы встрѣтились, чтобы жизнь ея наполнилъ я страданьемъ. Я хочу ее видѣть всегда веселой, слезы

ея были бы для меня невыносимы, и потому я стараюсь лишить ее всякой возможности плакать, я удаляю всякій поводъ къ слезамъ. Она не искала меня, она не хотѣла быть моей женой, я отыскалъ ее и за руку ввелъ въ кругъ, въ которомъ живу съ колыбели. Пусть же никогда она не пожалѣетъ о томъ, что послушала голоса моей любви!

Мы всегда очень счастливы въ военномъ поселеніи, тамъ жена *моя хозяйка*, *наша общая хозяйка*, и дружная семья товарищей толпится вокругъ женатаго солдата, и всѣ говорятъ мнѣ, что у меня славная хозяйка. Тамъ, въ этой возобновленной жизни, я снова обновляю себя спокойствіемъ и вѣрой въ ненарушимость моего счастія. Здѣсь меня что-то непонятное мучитъ, гнететъ.... страшно сознаться—мнѣ тѣсно здѣсь оттого, что въ углу одной изъ многочисленныхъ и пустынныхъ комнатъ Александровки, есть портретъ женщины, которая погибла вслѣдствіе страшныхъ страданій, дѣйствіями страшнаго, ничѣмъ неотразимаго приговора судьбы. На меня находили минуты, когда я имѣлъ внутренно покушеніе его уничтожить.... Нѣтъ, что это я говорю, я никогда не сдѣлалъ бы этого....

Впрочемъ, что бы ни было, я радъ, что мы уѣзжаемъ изъ Александровки, мнѣ нуженъ отдыхъ отъ мыслей. Иногда мнѣ кажется, что я преступникъ, что на мнѣ лежитъ клеймо какого-то преступленія, что современемъ это преступленіе откроется, и тогда всѣ начнутъ презирать меня. Гоню эти мысли, эти тяжкія для чувства картины. Рѣшительно, вокругъ меня здѣсь ходитъ какой-то незримый врагъ моего спокойствія и сча-

стія; мы убѣжимъ отъ этого врага завтра, завтра же. . . . .

16-е . . . .

У Дунечки родилась вторая дочь, вотъ несчастіе! я убѣжденъ, что въ нашемъ семействѣ наслѣдственное сумасшествіе падаетъ на однѣхъ женщинъ. Мнѣ кажется, что если бы у меня родилась дочь, я вмѣсто чувства радости, умеръ бы отъ страху.

17-е . . . .

Съ почты принесли мнѣ Эскироля и Бруссе. Можетъ быть я найду у нихъ отвѣты на нѣкоторые мои мучительные вопросы. Эскироль разсказываетъ презанимательныя исторіи о сумасшедшихъ. а Бруссе написалъ великолѣпную брошюру—«de l'irritation et de la folie». Это два моихъ сокровища покамѣсть, два моихъ совѣтника. Любопытно знать, точно ли можетъ переходить сумасшествіе не только изъ рода въ родъ и сохраняться чрезъ нѣсколько поколѣній въ одномъ семействѣ, но также можетъ ли оно переходить на людей постороннихъ по крови, т. е. по рожденію своему, но сближенныхъ съ кѣмъ-нибудь изъ этого несчастнаго семейства? Вмѣстѣ съ Бруссе, мой книгопродавецъ догадался прислать новое сочиненіе одного молодаго медика, который, какъ видно, дѣлалъ всевозможныя розысканія въ области этихъ несчастныхъ счастливцевъ, всѣхъ умалишенныхъ. Не найду ли я у него отвѣта на свои вопросы? Сегодня я уже прочелъ нѣсколько страницъ, видно что книга дѣльная; посмотримъ, что она говоритъ. Удивительные, право, люди сумасшедшіе, я на-

шелъ много презанимательныхъ исторій и не помню, чтобы какой романъ занималъ меня такъ сильно, даже во время первыхъ годовъ моей жизни, какъ эта книга. Она написана съ чрезвычайной простотой, но лучше для меня всѣхъ самыхъ увлекательныхъ новѣйшихъ романовъ. Я написалъ книгопродавцу, чтобы онъ слѣдилъ за исходомъ сочиненій того же автора и вообще, чтобы собиралъ для меня всѣ лучшія сочиненія по этому отдѣлу и присылалъ мнѣ немедленно: онъ можетъ считать меня докторомъ, если это ему угодно. Авторъ говоритъ между прочимъ, что можно остановить развитіе сумасшествія, если удалить отъ больнаго всякое раздраженіе, — въ этомъ случаѣ онъ совершенно соглашается съ знаменитѣйшими медиками, посвятившими себя изученію болѣзней человѣческаго мозга. Вообще видно, что онъ изучилъ эти болѣзни вдоль и поперегъ; хотѣлось бы знать, какого онъ мнѣнія о наслѣдственномъ сумасшествіи. Я распечаталъ письмо къ книгопродавцу, чтобы прибавить: «нѣтъ ли какой книги о наслѣдственномъ сумасшествіи собственно, не забудьте мнѣ ее прислать»; надѣюсь получить отвѣтъ удовлетворительный вполнѣ. «Пока помѣшанные худѣютъ, докторъ еще можетъ надѣяться на ихъ выздоровленіе, но ежели начинаютъ полнѣть, это значитъ, что сумасшествіе уже не болѣзнь въ нихъ, а становится постояннымъ состояніемъ. Лечить здороваго отъ здоровья, лечить помѣшаннаго въ этомъ положеніи отъ помѣшательства — это все равно; тогда они должны поступать въ категорію неизлечимыхъ, ихъ слѣдуетъ занимать музыкой, пѣніемъ, картами, сказками. Слѣдить за интригой для нихъ невозможно, потому что мысль ихъ ли-

шена послѣдовательности; вотъ почему чтеніе романовъ и повѣстей не можетъ ихъ занимать, но великолѣпныя описанія природы, дворцовъ, богатствъ могутъ быть также отнесены къ числу предметовъ, могущихъ служить къ нѣкоторому развлеченію неизлѣчимыхъ. Полезно занимать также помѣшанныхъ работами всякаго рода и нѣкоторыми гимнастическими упражненіями, пока есть еще надежда на выздоровленіе, а музыка во всякомъ положеніи оказываетъ благодѣтельное вліяніе.» Я выписалъ все это изъ моей замѣчательной книги, тысячу разъ я готовъ былъ воскликнуть: гдѣ вы, милостивый государь! когда я сойду съ ума, то непремѣнно пріѣду къ вамъ лечиться! Книга напечатана въ Лейпцигѣ. Жена стояла на порогѣ, я ее замѣтилъ и спряталъ книгу. До-сихъ-поръ однако между нами не было тайнъ; не знаю самъ почему мнѣ такъ не хочется, чтобы она видѣла, чѣмъ я занимаюсь теперь постоянно. На женское воображеніе это можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе, женщины вообще имѣютъ воображеніе болѣе развитое, болѣе воспріимчивое, нежели наше воображеніе. Я знаю, что въ нашемъ семействѣ наслѣдственное сумасшествіе досталось въ удѣлъ женщинамъ, а потому я о себѣ вовсе не безпокоюсь. Быть можетъ страшная угроза нашему будущему пройдетъ на этотъ разъ мимо, тѣмъ болѣе, что сестра совершенно спокойна и вовсе, кажется, не думаетъ о томъ бѣдствіи, которому женщины подвергаются въ нашемъ семействѣ. Сестра имѣетъ особенный какой-то характеръ, она не боится ничего, и съ тѣхъ поръ какъ семейство ея все увеличивается, занята только мыслью увеличить свое состояніе. Удивительно, какъ въ жен-

щинѣ страсть къ пріобрѣтенію можетъ развиться и дойдти до такихъ огромныхъ размѣровъ! Конечно, она мать и вышла за человѣка очень небогатаго, но, во всякомъ случаѣ, постоянное стремленіе *только* увеличить свое состояніе показываетъ большую сухость сердца.

Жюли не такова: деньги, повидимому, не имѣютъ никакой цѣны въ ея глазахъ; она добра, чувствительна: эти двѣ женщины никогда не сойдутся. Дунечка не можетъ скрыть, до какой степени ей досадно видѣть, что отецъ предпочитаетъ общество жены моей всякому другому обществу. Моя молоденькая, хорошенькая, миленькая жена не могла бы спать спокойно, если бы ей или дѣтямъ ея грозило наслѣдственное сумасшествіе. Я счастливъ, счастливъ баснословно, когда она весела, избавь Богъ меня видѣть ее грустной.

18-е . . . . . , ...

Сегодня мнѣ снился Пленчаниновъ, вѣрно получимъ письмо. Сонъ былъ прегадкій, онъ взволновалъ меня: я бы хотѣлъ поговорить о немъ съ женой, но мнѣ страшно пробудить въ душѣ ея мрачныя мысли. Душу надо очень беречь, даже расположеніе духа очень важно; и если кто веселъ, расположенъ находить все пріятнымъ, прекраснымъ, то надо стараться въ немъ сохранить это расположеніе. Одни ищутъ причины помѣшательства въ разстройствѣ мозга, другіе въ разстройствѣ души; первые находятъ причину въ физическомъ мірѣ, другіе рѣшительно въ нравственномъ. Помрачать веселье души, или затемнять свѣтлыя представленія ума человѣческаго мрачными представленіями никогда не должно, если намъ дорого

спокойствіе и счастіе близкаго существа. Зачѣмъ дѣлиться печалью—печаль прививается такъ легко, отстаетъ съ такимъ трудомъ отъ сердца человѣческаго! Пленчаниновъ стоялъ передо мной съ угрозой, онъ указывалъ мнѣ на жену мою и кричалъ—вотъ она! вотъ сбылось мое предсказаніе, она помѣшана, точно также какъ мать твоя была помѣшана! Въ ужасѣ я боролся противъ словъ его, я отталкивалъ, а онъ все наклонялся ближе къ моему уху, и такъ же какъ тогда онъ завернутъ былъ въ бѣлое одѣяло, и голова повязана платкомъ. Сновидѣніе имѣло всю осязаемость дѣйствительности, но однако я понималъ, что это сновидѣніе, я приподнялся на постели и сказалъ ему—«не правда, ни Эскироль, ни Бруссе не говорили объ этомъ! Наслѣдственное сумасшествіе скорѣе грозитъ мнѣ нежели женѣ моей, оно было до этихъ поръ въ моемъ родѣ.»—«Эскироль и Бруссе, ха-ха-ха! захохоталъ мнѣ въ отвѣтъ Пленчаниновъ, я одинъ открылъ это, до сихъ поръ я одинъ только сдѣлалъ эти розысканія! Вмѣсто тебя, помѣшательство отразилось на твоей женѣ; вотъ она, погляди какъ она похожа теперь на твою мать!... Мнѣ стало холодно, я закричалъ какъ безумный и проснулся.

Прежде всего я бросилъ взглядъ на спящую жену, страшная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу —черты лица ея были въ эту минуту неподвижны и въ самомъ дѣлѣ напоминали мнѣ черты портрета. Но я хотѣлъ думать, что нахожусь только подъ вліяніемъ тягостнаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня сномъ моимъ. Однако мнѣ такъ было тяжело, такъ страшно, такъ грустно, что я рѣшился разбудить жену, и назвалъ ее по имени.

— Ты нездоровъ? спросила она, полуоткрывъ глаза.

Этотъ вопросъ меня смутилъ, я сказалъ ей, что мнѣ показалось, будто она крикнула во снѣ, что я рѣшился разбудить ее, считая лучшимъ прервать непріятный сонъ. Не знаю, удовольствовалась ли она моимъ отвѣтомъ, но не сказала ни слова, и тотчасъ снова какъ будто заснула. А я не спалъ! Конечно все это сонъ былъ, одинъ сонъ пустой безъ смысла и значенія, но онъ встревожилъ меня несказанно.

Теперь уже у меня нѣсколько хорошихъ книгъ и есть двѣ собственно о наслѣдственномъ сумасшествіи, но тамъ я не встрѣчалъ подобнаго примѣра; буду искать еще, буду справляться. Неужели подобные случаи возможны, неужели это бываетъ?.. Неужели это будетъ?.... вотъ самый ужасный изъ вопросовъ.

19-е . . . .

Она была задумчива цѣлый день, и когда въ сумерки сидѣла съ поникшей головой, мнѣ стало страшно; я попросилъ ее играть. Она сидѣла, опустивъ голову на грудь, и тихо качалась; это мѣрное движеніе, этотъ видъ грусти привели меня въ страшное состояніе раздражительности. Къ счастью она повиновалась безпрекословно, сѣла играть, и тихіе звуки успокоили меня понемногу. Окончивъ пьесу аккордомъ и глубокимъ вздохомъ, она встала. Я бы хотѣлъ знать, откуда вздохъ взялся? неужели я еще мало забочусь о ея счастіи? Я бы душу отдалъ ей, если бы она потребовала, я бы жизнь отдалъ, если бы она захотѣла, или еслибъ это могло прибавить что-нибудь къ ея счастію. Отецъ

спрашивалъ меня—не было ль у насъ размолвки, ссоры? значитъ, онъ тоже замѣтилъ, что она грустна сегодня.

20-е. . . . .
Всѣ книги, всѣ мнѣнія о помѣшанныхъ рѣшительно запрещаютъ этимъ несчастнымъ обращеніе мысли постоянно къ одному предмету, они называютъ это: idéa fixa. Доктора обыкновенно очень строго наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы больные не имѣли своей idéa fixa, и стараются всячески не допустить до нея. Появленіе въ больномъ idéa fixa пугаетъ и очень заботитъ опытнаго медика, ее всячески надо стараться искоренить.

25-е. . . . .
Я ужасный человѣкъ, ужасный! Но зачѣмъ меня никто не остановилъ, пока еще было время, а теперь.... мы оба несчастны....»

. . . .

Далѣе чиселъ не было.

» . . . .

«Съ какимъ любопытствомъ начинаютъ всѣ посматривать на жену! это нестерпимо, неужели и другіе замѣтили? Видно это уже началось съ нѣкотораго времени, а я замѣтилъ позже всѣхъ. Говорятъ, что во всѣхъ несчастьяхъ это такъ; почти замѣтитъ послѣдній къ кому несчастье ближе. Было ли счастіе лучше моего счастія, было ль все это, что составляло міръ моего счастія, у другихъ? Посмотрите на это постепенное разрушеніе! Въ васъ говоритъ только любопытство, вы способны забавлять-

ся страданіями человѣка! Не подходите къ намъ, оставьте насъ, намъ не нужны зрители, потому что равнодушіе зрителей оскорбляетъ несчастіе.

Вы видѣли прелестную женщину, въ ней молодость была, красота, умъ, всѣ права на прекрасную будущность. Знаете ли, какъ богатъ былъ ея умъ? Свѣтъ отъ него, яркій и теплый свѣтъ проливался на каждое ея дѣйствіе и живилъ своею теплотой мысли всѣхъ тѣхъ, которые ее окружали. Когда великолѣпное зданіе падаетъ, рушится, вамъ жаль его; когда лучшее зданіе всего прекраснаго въ человѣкѣ, начало всякаго добра и всякаго величія, падаетъ, вамъ можетъ быть смѣшно. Смѣшно, потому что смѣшную форму принимаетъ зданіе разрушаясь, и видъ его заставляетъ забывать о горькомъ значеніи самаго разрушенія. Я не хочу любопытныхъ, я не хочу зрителей; я не отдамъ на посмѣяніе нашего несчастія, ея несчастія, *ея безумія*. Да, я произнесъ наконецъ роковое слово! Пленчаниновъ правъ, доктора ничего не смыслятъ; иногда простой инстинктъ сдѣлаетъ удовлетворительное открытіе, приведетъ къ знанію, озаритъ темную, узкую тропу и по ней пойдутъ всѣ путемъ великой науки. Я люблю ее больше, нежели люблю себя; зная сердце свое, я это предвидѣлъ и хотя говорилъ шутя, но чувствовалъ не шутя. Зачѣмъ я не повѣрилъ Пленчанинову!.. Теперь подальше отъ любопытныхъ, въ глушь, въ уединеніе деревенской жизни, спрятать свое горе. Она не замѣчаетъ еще, что становится мало-по-малу предметомъ общаго любопытства, что ищутъ всѣ разгадки ея грусти и хотятъ прочесть, подмѣтить слѣды слезъ въ опущенныхъ глазахъ. Я слегка намекнулъ ей о намѣреніи выйдти въ отставку, она нѣсколько уди-

вилась; я отвѣчалъ, что чувствую себя нездоровымъ и нахожу необходимымъ пожить въ деревнѣ. Отецъ предлагалъ мнѣ давно взять отставку—его не удивитъ мое намѣреніе.

. . . .

Она все пристаетъ ко мнѣ—отчего я такъ разсѣянъ, такъ скученъ? Сначала я не обращалъ особеннаго вниманія на эти слова, отвѣчалъ, стараясь разубѣдить, но теперь я понимаю, что это значитъ —это ни болѣе ни менѣе, какъ idéa fixa. Въ ея положеніи всякое новое явленіе меня тревожитъ, потому что это новое указаніе на присутствіе въ ней гибельной болѣзни. Не знаю самъ теперь, какъ бы избавить ее отъ idéa fixa; открытіе въ ней idéa fixa меня ужасно огорчаетъ и мучитъ. Бѣдная! ей все кажется, что я разсѣянъ.

. . . .

Мы опять въ Александровкѣ, я простился съ товарищами и жду со дня на день отставки. Отецъ покамѣсть ничего не замѣчаетъ, но конечно истина такого рода не можетъ долго скрываться —бѣдный старикъ! мы можемъ подать другъ другу руку: въ моемъ несчастіи оживаетъ его несчастье, и если я не наслѣдовалъ семейнаго сумасшествія, то за это наслѣдовалъ семейное несчастіе. Ничто, повидимому, не измѣнилось, а между тѣмъ гдѣ прежняя жизнь, гдѣ все прежнее? Александровка не та, люди не тѣ. Вчера къ намъ понаѣхало гостей, по обыкновенію; они думали повеселиться, но въ хозяйкѣ было замѣтно усиліе казаться прежней, любезной хозяйкой: она понимаетъ, что я слѣжу за ней, хотя я стараюсь дѣлать

это незамѣтно, и безпрестанно боязливымъ взоромъ вопрошаетъ какъ будто, не выдала ль она себя? Бѣдняжка не довѣряетъ ужъ болѣе себѣ, своему сознанію, своему суду. Грустно, тягостно подобное разочарованіе. Я боюсь болѣе всего, чтобы другіе не замѣтили; вотъ несчастіе, которое отталкиваетъ каждаго какъ уродство, и внушаетъ ужъ не участіе, а обидное сожалѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ любопытство. Наряду съ звѣринцами и кунтскамерами стоятъ во мнѣніи людей дома умалишенныхъ, и ихъ слова, ихъ несвязныя рѣчи слушаются съ такимъ же вниманіемъ, какъ ревъ дикихъ звѣрей, запертыхъ въ клѣткѣ, или щебетанье невиданныхъ птицъ. Никогда не забуду того тяжкаго впечатлѣнія, которое произвелъ на меня домъ умалишенныхъ и его обитатели; я не могъ смѣяться, хотя слушалъ самыя забавныя рѣчи, видѣлъ самыя неожиданныя выходки. Я уважалъ несчастіе незнакомыхъ мнѣ людей, несчастіе толпы, массы, собранной туда съ разныхъ концовъ края; неужели никто не уважитъ моего несчастія, и, хоть изъ уваженія, не отвернется? Зачѣмъ они пріѣзжаютъ, веселья у насъ нѣтъ, веселиться пріѣзжать къ намъ теперь, это одинъ предлогъ, пустой предлогъ—истинная причина ихъ пріѣзда любопытство, имъ любопытно видѣть разрушеніе семейнаго счастія. Знаю я всѣхъ, знаю я людей—они теперь заинтересованы: постоянная грусть молодой жены богатая тема для догадокъ, обширное поле для предположеній. Я рѣшился выказать величайшую холодность, чтобы разомъ отучить ихъ отъ несвоевременныхъ посѣщеній, меня возмущаетъ такое любопытство, и къ тому же въ теперешнемъ состояніи жены притворство очень вредно,—усилія казаться такой, какъ она была прежде, могутъ имѣть

очень не хорошій результатъ. Ей нужно спокойствіе, спокойствіе. Я ей иногда читаю какія нибудь путешествія. Иногда она сама читаетъ какой-нибудь романъ, но, видно, не можетъ хорошенько слѣдить за ходомъ интриги, и потому читаетъ какъ будто бы съ нѣкоторыми усиліями, съ принужденіемъ: книга падаетъ на колѣни, голова опускается къ груди. А я, яснѣе нежели въ каждой книгѣ, читаю все, слѣжу за ней и подстерегаю во всемъ указаніе, вижу развитіе недуга. Оттого-то я чаще прежняго заставляю ее играть. Когда отецъ замѣтитъ и все пойметъ, тогда, мнѣ кажется, всѣмъ намъ станетъ еще тяжелѣе. Не смотря на всю силу характера этого человѣка, я плохо надѣюсь въ этотъ разъ на его твердость; онъ будетъ стараться утѣшать меня, а я знаю, что не менѣе меня онъ будетъ нуждаться въ утѣшеніи

. . . .

Я ей предложилъ играть въ карты—это очень удивило жену, но она согласилась; нельзя не удивляться упорству, съ какимъ помѣшанные отвергаютъ средства къ излеченію своему отъ помѣшательства; вѣрно она поняла, что я хочу остановить по крайней мѣрѣ развитіе ужаснаго недуга предложеніе мое играть въ карты и намеки на скуку, которую она повидимому чувствуетъ, заняли мысль ея замѣтнымъ образомъ. Она мнѣ все съ чрезвычайнымъ упорствомъ повторяетъ, что *я разсѣянъ;* несчастіе мое, что въ ней поселилась своя идея, idéa fixa, бѣда да и только. Итакъ, музыка, карты, иногда чтеніе, я заставляю ее гулять, —можетъ быть все вмѣстѣ и окажетъ благодѣтельное вліяніе. А если нѣтъ?... Я ужасный чело-

вѣкъ, я преступникъ и блѣднѣю передъ строгимъ судилищемъ своей совѣсти—вѣдь я накликаю несчастіе на эту бѣдную голову! Попади она въ другое семейство, ничего бы не было, и можетъ быть счастливо, невозмутимо прошла бы жизнь ея—а теперь, лучшій даръ въ ней уничтожается, бытіе рушится. И между тѣмъ какъ много еще прекраснаго въ этой женщинѣ! Бываютъ минуты, когда, глядя на нее, я готовъ убить себя; жизнь мнѣ становится въ тягость и мысль о самоубійствѣ чаще и чаще навертывается мнѣ. Не все ли равно, современемъ всѣ узнаютъ, каковъ я, и отвернутся съ презрѣніемъ, а жизнь безотрадная еще безотраднѣе станетъ. Жизнь—тяжесть, которую мы бы съ себя могли сбросить, если бы не были трусами. Жить въ презрѣніи—лучше не жить, носить упреки на совѣсти невыносимо, а когда нибудь все непремѣнно откроется.... Нѣтъ, нѣтъ, что я! какой ужасъ, во мнѣ мысли о самоубійствѣ!— О чистое, свѣтлое созданіе, душа теплая, неомраченная еще пороками, какъ содрогнешься ты, когда узнаешь, что твой Александръ достоинъ презрѣнія, порицанія, проклятія! я содрогаюсь себя самого, я не нахожу имени для своего поступка, а ты подходишь ко мнѣ съ лаской. и всякое ласковое прикосновеніе хуже упрека, камень на сердце. Я убилъ твою жизнь, ограбилъ твою будущность, безжалостно оборвалъ всѣ цвѣты твоего счастія и разбросалъ ихъ по дорогѣ, по той дорогѣ, по которой уже не пойдетъ никто изъ насъ. Ея блѣдность—мнѣ укоръ, ея печаль—мнѣ терзаніе.

. . . .

Отецъ обратилъ вниманіе на то, что мы оба

худѣемъ; да, я тоже измѣняюсь: сознаніе вины, упреки совѣсти, тоска снѣдаютъ меня. Она же измѣняется съ каждымъ днемъ, и на вопросы отца сказала, что грудь болитъ; я одинъ знаю, что совсѣмъ не грудь, но когда отецъ спросилъ—полно, грудь ли? я первый поспѣшилъ сказать: да, это грудь, грудь, больше ничего!... А она смотрѣла на меня такая испуганная, она видно понимаетъ, что я разгадалъ ея тайну—и боится, чтобы я ее не выдалъ.—Не выдамъ, нѣтъ, наша страшная тайна умретъ между нами двумя! развѣ сама себя она выдастъ. Есть несчастія отталкивающія, о такихъ несчастіяхъ говорить не должно, не слѣдуетъ искать участія тамъ, гдѣ можно встрѣтить только ужасъ, содроганіе, обидное сожалѣніе. И когда я подумаю, что эта женщина была предметомъ общихъ поклоненій, удивленія, моей гордости! Она не перестаетъ мнѣ повторять, что я разсѣянъ, видно никакъ не можетъ отдѣлаться отъ своей idea fixa. Глупый докторъ, котораго позвали лѣчить ее, ровно ничего не понялъ изъ ея болѣзни и остался въ полномъ убѣжденіи, что у ней чахотка, въ первомъ, въ самомъ легкомъ градусѣ. Онъ взялъ меня на сторону и долго говорилъ, что я молодъ, что рискую, что чахотка прилипчива. О, если бы въ самомъ дѣлѣ въ ней была чахотка и я бы заразился отъ нея, мнѣ легче бы было: вѣдь я заразилъ ее сумасшествіемъ, я передалъ ей, я перевелъ на нее это страшное наслѣдство!...

Теперь Александровка опустѣла, ни души изъ прежнихъ посѣтителей, я спокоенъ, потому-что меньше у ней поводовъ къ тревогѣ. Хорошо сдѣлали, что позвали доктора, онъ разболтаетъ, разтрезвонитъ, что у жены чахотка, по всему околот-

ку, и любопытство толпы будетъ удовлетворено въ половину. У ней также точно, какъ у моей матери, началось съ обыкновенныхъ приступовъ меланхоліи; но дальше и дальше меланхолія привела къ дверямъ сумасшествія. Она наблюдаетъ за мной изъ подражанія, потому что подражательность чрезвычайно развита у этихъ несчастныхъ; это даже говоритъ Эскироль, сколько мнѣ помнится, и приводитъ удивительный примѣръ страсти и способности подражать. Больно видѣть и съ каждымъ днемъ открывать въ ней новыя указанія ужаснаго недуга; но пытка, которую я несу, мною заслужена вполнѣ. На пагубу ея мы встрѣтились, и я полюбилъ ее для того, чтобы надѣлить такимъ ужаснымъ достояніемъ, я убилъ въ ней не жизнь, но лучшій даръ, данный человѣку. Когда мнѣ приходитъ эта мысль, я принимаюсь дрожать, я самъ не свой: срываюсь ночью съ постели, сажусь, и холодный потъ крупными каплями выступаетъ подъ волосами. Душно, стѣны сдвигаются, чтобы задавить, потолокъ спускается такъ низко, что въ комнатѣ я какъ въ тѣсномъ ящикѣ. Иногда голова болитъ, болитъ у меня, виски бьются, на лбу вздуваются жилы. Я весь страдаю въ эту минуту, и послѣ страшное утомленіе беретъ меня въ свои холодныя объятія. Конечно, я послѣ такого состоянія говорить не могу, думать не умѣю.—Ты разсѣянъ очень, Александръ! говоритъ она.—*Опять разсѣянъ!*... Нѣтъ, что за упорство, это непроизвольно, это idea fixa, и я не могу скрыть своего мученія. Отецъ непремѣнно догадается. Иногда она хочетъ сказать что-то другое, а все кончитъ этимъ словомъ—ты разсѣянъ. Гибель, гибель для меня подобное состояніе!...

Намъ предлагаютъ отправиться за границу. Я очень радъ, хоть бы въ Китай, или Америку — меньше знакомыхъ лицъ, меньше свидѣтелей. Когда-то, въ первый годъ нашей совмѣстной жизни, мы оба мечтали о поѣздкѣ за границу, какъ о путешествіи вдвоемъ; тогда намъ хотѣлось укрыть отъ зрителей свое счастіе, теперь мы стремимся вдаль съ своимъ несчастіемъ.

. . . .

Она все перезабудетъ, мы собираемся въ путь; она сама укладываетъ, но замѣтно, до какой степени все это дѣлается машинально. Вѣрно всѣ самыя необходимыя вещи мои будутъ забыты. Я не напомню, не скажу ни слова, чтобы не раздражить ее. У меня теперь часто являются желанія поспорить, но я помню, что раздраженіе вредно въ ея состояніи, и по-возможности удерживаюсь. Удивительно однако, какъ часто въ ней являются самыя безразсудныя идеи, но спорить не слѣдуетъ. Пріучивъ себя не спорить противъ ея убѣжденій, я терпѣливо выслушиваю самыя безтолковыя сужденія и отъ другихъ; но иногда мнѣ кажется, что міръ наполненъ сумасшедшими, что вокругъ меня ходятъ, движутся сумасшедшіе, которыхъ неизвѣстно почему распустили изъ дома умалишенныхъ. Я не могу говорить съ ними, я не могу жить съ ними, я не могу выбрать до сихъ поръ человѣка по себѣ, съ которымъ бы можно было поговорить обо всемъ. Не понимаю, какъ полиція не обратитъ вниманія на то, что сумасшедшіе разбѣжались и свободно ходятъ по свѣту, и засѣдаютъ въ нашихъ гостиныхъ. Хорошо еще, если они не изъ такихъ, которые кусаются, а если вздумаютъ уку-

сить? Завтра мы простимся съ Александровкой, мнѣ жаль отца. По дорогѣ, говорятъ, мы заѣдемъ къ Дунечкѣ.

. . . .

Потомъ слѣдовали страницы описанія путешествій, только видно было, что и тутъ главныя его идеи не покидали его вовсе. Наконецъ Дюваль перекинувъ два, три листка еще, увидѣлъ свое имя и сталъ читать снова.

«На Брюссельской дорогѣ мы встрѣтились съ Пленчаниновымъ: я его не узналъ, потому что онъ былъ нѣкоторымъ образомъ замаскированъ. Но онъ мнѣ открылся. Я тогда понялъ его безъ словъ, я знаю все. Вѣроятно медики его преслѣдовали, заставили ужъ прежде отказаться отъ медицины и выбрать философію. Все это дѣлается съ очень важной цѣлью, это не даромъ: здѣсь не одно только тщеславіе и корыстолюбіе, а гораздо болѣе, совсѣмъ иныя причины. Конечно всѣ боятся состязанія и преслѣдуютъ его, гоняютъ изъ университета въ университетъ. Одинъ докторъ хотѣлъ заколоть его, оттого, что онъ открылъ, что лихорадку можно лечить такъ же удачно сахаромъ, какъ и хинной солью. Вообще онъ могъ обогатить медицину чрезвычайными открытіями; напримѣръ, лечить воспаленіе мозга прикладываніемъ свѣжихъ грибовъ къ затылку; я хотѣлъ-было посовѣтоваться насчетъ жены, но онъ рѣшился поддержать свое совершенное инкогнито, и къ маскараду наружному прибавилъ нравственный маскарадъ — онъ, повидимому, отдался жизни самой вѣтренной и пустой.»

Читая этотъ отрывокъ, Дюваль грустно улыбнулся.

. . . . , .

«А старикъ Дюваль, очень хорошій старикъ — продолжалъ онъ читать слѣдующую страницу. Онъ было съ перваго визита понялъ мою жену, да потомъ она со всѣмъ тѣмъ лукавствомъ, которое ей сдѣлалось доступно именно съ тѣхъ поръ, какъ она больна, обманула доктора и заставила себя лечить отъ одной боли въ груди только. Подождемъ конца. Какъ бы ни былъ далекъ онъ отъ этой мысли, больная современемъ выскажетъ себя. Я нарочно сближаю старика съ женой моей, чтобы онъ поскорѣй замѣтилъ. Но она удивительно теперь хитра стала, она себя не скоро выскажетъ.

. . . . , . . .

Пленчаниновъ уѣхалъ, мнѣ очень жаль, что я не сдѣлалъ консультаціи и не пригласилъ Дюваля, еще какую нибудь знаменитость, и его. Это-бы ничѣмъ не нарушило его медицинскаго инкогнито. Онъ вздоръ говоритъ, что изучалъ философію и слушалъ Шеллинга, пусть онъ это разсказываетъ другимъ; а я знаю, что медицина въ немъ имѣетъ величайшаго своего представителя. Я хотѣлъ-было ему сказать, что у меня есть книга, его розысканія въ области несчастныхъ умалишенныхъ, что онъ напрасно скрываетъ свое имя, что книга, печатанная въ Лейпцигѣ и присланная мнѣ вмѣстѣ съ Бруссе и Эскиролемъ, принадлежитъ ему—но я зналъ, что онъ станетъ отрекаться. Такія глубокія познанія скрываются подъ пріемами вѣтреннаго, преданнаго шуму праздной жизни человѣка, удивительно!.. Но онъ меня не обманетъ, и жена меня не обманетъ, и Дюваль меня не обманетъ; я знаю, что они всѣ сговорились меня обманывать и скрывать,

что у жены моей наслѣдственное помѣшательство. А я знаю тоже еще удивительную вещь, Пленчаниновъ рѣшился обращаться съ своими паціентами, какъ съ здоровыми; недавно онъ далъ за городомъ великолѣпный балъ и пригласилъ меня. Я видѣлъ, какъ эти несчастные танцовали съ удивительнымъ азартомъ; они говорили, употребляя какія-то странныя выраженія, и Пленчаниновъ очень свободно объяснялся съ ними на ихъ условленномъ языкѣ. Потомъ, вѣроятно, чтобы имъ доставить удовольствіе, онъ сталъ въ кругъ танцующихъ и плясалъ, подражая каждому ихъ движенію. Эти несчастные воображали, что они на обыкновенномъ загородномъ праздникѣ — больно было смотрѣть мнѣ на нихъ. Неужели человѣчество можетъ дойдти до такого униженія!... Ни признака ума, ни искры этого божественнаго проявленія въ человѣчествѣ!... Я бѣжалъ самъ, какъ безумный, отъ нихъ и съ трудомъ отдохнулъ въ ночной свѣжести Булоньскаго лѣса. Разумѣется, я возвратился поздно. Жена меня встрѣтила молча, она стояла блѣдная, и голова была наклонена къ груди — неужели все это можно дальше выносить!...

. . . .

Зачѣмъ я послушался и пошелъ на вечеръ къ Дювалю? Зачѣмъ у Дюваля собираются такіе странные люди? Я нѣсколько разъ чуть-было не поссорился тамъ. Меня не раздражали, только вообще мнѣ не хотѣлось говорить. Жена чуть-чуть не выдала себя раза два, я готовъ былъ провалиться сквозь землю. Я былъ самъ не свой. Въ ней все рѣже и рѣже проблески самосознанія, а меланхолія развивается быстрѣе. Чѣмъ это кончится?

. . . . , ...

Наконецъ она высказалась! Несчастная пьеса потрясла ее слишкомъ сильно, скрыть истину невозможно. По взгляду Дюваля я понялъ, что онъ догадался наконецъ, въ чемъ дѣло. Завтра мы переговоримъ, и если она неизлечима, мы возвратимся въ Россію, поселимся въ Александровкѣ. Но здѣсь я велю сдѣлать ея портретъ и поставлю его рядомъ съ портретомъ моей несчастной матери, а когда... Ужасно подумать!... *когда все будетъ кончено*, я его покрою тоже бѣлымъ флеромъ...

. . . .

Я слышу звукъ своихъ мѣрныхъ шаговъ въ нашей большой залѣ въ Александровкѣ, мои охотничьи собаки жалобно воютъ взаперти, вѣтеръ воетъ, ходитъ вкругъ дома, стучитъ ставнями! Какъ страшно, страшно мнѣ здѣсь въ Парижѣ! Тамъ я потерялъ счастіе, а здѣсь его похоронилъ я...

. . . .

Любимая жена персидскаго шаха сошла съ ума... причины неизвѣстны. Придворный поэтъ написалъ печальную пѣсню по этому случаю. Я знаю, почему чижъ пересталъ пѣть сегодня въ клѣткѣ подъ окномъ нашей привратницы, и почему листья посыпались на землю съ деревьевъ Тюльерійскаго сада. Но это моя тайна, я ее никому не скажу. А продавецъ старыхъ платьевъ, что всегда въ восемь часовъ утра кричитъ у насъ подъ окномъ, будетъ ангажированъ на слѣдующій сезонъ первымъ теноромъ въ здѣшнюю большую оперу—это достовѣрно. Журналы еще не говорятъ, боятся прокричать прежде времени; но онъ былъ учени-

комъ великаго Дюпре—и вотъ какъ судьба играетъ талантами, людьми со способностями! Завтрашній день я сойду и буду ждать его появленія; я скажу ему, что знаю его тайну, и посовѣтую непремѣнно принять предложеніе оперной дирекціи. Зачѣмъ ему скрываться предо мной? я не принадлежу здѣсь ни къ одной партіи. Я почитатель талантовъ, особенно соединенныхъ съ такой удивительной скромностью, а какъ мы съ Дювалемъ теперь рѣшились дѣйствовать заодно, то непремѣнно сообщу ему, и онъ поможетъ мнѣ вывести бѣдняка въ люди. Если жена позволитъ, я приглашу его пѣть у насъ когда нибудь вечеромъ. Но нѣтъ, она ничего не пойметъ; она не повѣритъ, что продавецъ старыхъ платьевъ великій человѣкъ! бѣдная—проблески самосознанія съ каждымъ днемъ рѣже въ ней.

. . . .

Удивительное открытіе! сегодня на кладбищѣ отца Лашеза соберутся заговорщики изъ Эрнани, для послѣдняго совѣщанія. Надо надѣяться, что старуха, которая сидитъ съ пучкомъ разныхъ тросточекъ на углу улицы Пирамидъ, не будетъ въ необходимости скрывать долѣе своего знатнаго происхожденія. Покамѣсть я куплю у ней еще одну трость, чтобы она не догадалась, что я знаю все...

. . . .

Дочитавъ до конца дневники помѣшаннаго, Дюваль съ глубокимъ сожалѣніемъ покачалъ головой. Онъ видѣлъ постепенное развитіе безумія, и вся пестрая ткань самыхъ невозможныхъ предположеній, безтолковыхъ догадокъ, удивительныхъ пред-

ставленій больнаго мозга, глубокихъ убѣжденій въ правотѣ своей и въ безошибочности мнѣній, это стремленіе къ добру и печаль встревоженнаго сердца, все, надъ чѣмъ такъ неутомимо трудилась неправильная дѣятельность разстроеннаго воображенія, болѣзненно дѣйствовало на душу Дюваля. Въ каждомъ словѣ онъ почерпалъ тягостное для чувства его убѣжденіе въ неизлечимости Улимова. По этой тетрадкѣ онъ выслѣдилъ весь ходъ безумія, онъ видѣлъ, какъ идея наслѣдственнаго сумасшествія съ самаго дѣтства подѣйствовала на воображеніе и чувства Александра; какъ нѣкоторое время она притаилась, какъ будто заснула въ немъ; какъ послѣ боязнь потерять свое счастіе расположила нравственнымъ образомъ несчастнаго къ готовящемуся ему разстройству, и какъ въ борьбѣ съ недугомъ онъ ослабѣвалъ и былъ все дальше и дальше увлекаемъ неизбѣжностью. Напрасно искалъ Дываль въ прочитанныхъ имъ страницахъ той искры здраваго разсужденія, которую бы можно было раздуть и посредствомъ огня ея постепенно очистить и истребить всѣ уродливыя представленія мозга — господствующая идея слишкомъ налегла на бѣдный мозгъ всей своей свинцовой тяжестью. Очевидно было, что страхъ видѣть близ ихъ своихъ подвергнутыми бѣдствію былъ такъ силенъ, что произвелъ первое и самое лживое изъ всѣхъ представленій, и разъ принявъ этакое направленіе, разъ попавъ на эту точку, его помутившійся разсудокъ уже не сходилъ съ нея. Невозможно было возстановить правильность въ идеяхъ, привести ихъ хоть въ нѣкоторую ясность и порядокъ—Дюваль это видѣлъ.

Однако, какъ докторъ, онъ не смѣлъ произно-

сить рѣшительнаго приговора, и ему хотѣлось, даже и послѣ того, какъ онъ вычиталъ процессъ безумія и ясно вынужденъ былъ почувствовать безнадежность подобнаго положенія, даже послѣ этого ему захотѣлось непремѣнно подвергнуть Улимова систематическому леченію.

Старикъ развернулъ тетрадку своей паціентки. Вотъ повѣсть разбитой, уничтоженной на самой зарѣ своихъ радостей жизни — подумалъ онъ. Печальная повѣсть печали женскаго сердца! Имѣю-ль я право читать эту тетрадь, насильно прислушиваться къ стонамъ, которые скрываются отъ всѣхъ съ такимъ постояннымъ мужествомъ? Однако мнѣ надо нѣсколько видѣть, не потрясенъ-ли тоже этотъ молодой умъ, — мнѣ нуженъ свѣтъ, чтобы и тутъ не запутаться въ лабиринтѣ безтолковыхъ, темныхъ предположеній. Но рыться въ архивѣ страданій ея я не буду; ограничусь только чтеніемъ первой и послѣдней страницы, чтобы понять, чего можно и чего не должно потребовать отъ ея мужества и разума.

Съ этими мыслями Дюваль поправилъ очки и сталъ читать.

Двѣ страницы изъ дневника Юліи Михайловны.

«Бѣдность и сиротство, давъ мнѣ заботу о моей будущности, положивъ мнѣ, полуребенку, всю тяжесть этой заботы на плеча, развили такимъ образомъ во мнѣ разсужденіе и удержали, остановили наклонность къ мечтамъ и увлеченіямъ. Слѣдовательно я жила только въ мірѣ самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ, естественныхъ предположеній и заботливости о житейскихъ потребностяхъ. Но ко мнѣ подходитъ человѣкъ, беретъ меня за руку —

и тѣсный кругъ, обведенный до сихъ поръ для меня обстоятельствами, моимъ разсудкомъ, моей твердостью, вдругъ расширяется. Я вижу себя женщиной, которая можетъ мечтать, можетъ вѣрить, можетъ любить: я могу позволить своимъ вкусамъ, своему воображенью нѣкоторыя прихоти, у меня есть радости жизни. Иногда мнѣ кажется, что такое счастіе не можетъ долго продолжаться, но однако не понимаю, какимъ образомъ оно могло бы кончиться. Я любима болѣе, нежели ожидала, и съ каждымъ днемъ болѣе: и не только любовь одного моего мужа у меня. Нѣтъ, его старикъ отецъ, его друзья, его родные, его знакомые несутъ каждый мнѣ посильную дань своего вниманія.

Мнѣ кажется, что Александровка феодальный замокъ, и полно живу я здѣсь средневѣковой жизнью владѣтельницъ замка, съ той только разницей, что вѣкъ болѣе образованный теперь и что мы можемъ тоже принимать участіе въ общихъ бесѣдахъ, а не заниматься только пряжей льна и слушаньемъ нѣжныхъ труверовъ. Заря занимается, впередъ, впередъ! мой легкій конь храпитъ и бьетъ копытомъ у крыльца; рога трубятъ и блѣдныя краски свѣжаго, синяго утра пріятно дѣйствуютъ на наше зрѣніе. Или, не видите-ли вы яркаго солнца весны, не слышите-ли, какъ поетъ соловей, притаясь въ вѣткахъ душистой, молочной калины надъ спящимъ прудомъ? — туда, и пусть весла разбудятъ сонную гладь, пусть челноки скользятъ дружно. Гости мои, скажите, вамъ весело?

Вечерній пиръ нашъ будетъ шуменъ; вечерній пиръ соберетъ всѣхъ насъ обитателей замка, и въ

присутствіи всѣхъ этихъ прелестныхъ женщинъ пусть состоится турниръ словъ, турниръ ума. Дама рыцаря подаритъ побѣдителя улыбкой. Тамъ звуки музыки, тамъ легкія, скользящія по залѣ пары, тамъ смѣхъ, говоръ веселыхъ рѣчей, размѣнъ веселыхъ мыслей—вотъ что ждетъ насъ. Скажите, весело ль вамъ, гости?

А если весело, то представьте каково должно быть веселье души хозяйки, когда счастье. море счастья разлито въ душѣ ея.

Сновидѣнье ли это, или дѣйствительность, сказочная жизнь, или въ самомъ дѣлѣ, по вкусу своему, по фантазіи своей, я создала жизнь полную удовольствій, разнообразную и живую какъ сама молодость наша? Можетъ ли быть высшее счастіе, какъ видѣть, чувствовать, сознавать, что здѣсь счастливы всѣ моимъ счастіемъ? Бѣдная моя бабушка, какъ бы она радовалась, глядя на меня! Какъ рѣдко, какъ невозможно почти такое счастіе —не быть судимой и осужденной, не чувствовать стѣсненія воли своей, насилія вкусамъ, внушать довѣріе, встрѣчать улыб и и не видѣть никогда суроваго взгляда. За мной не слѣдятъ съ утѣсняющимъ вниманіемъ. Юрій Петровичъ, это свѣтлый умъ и свѣтлая душа, прекраснѣе этого старика мудрено что либо встрѣтить; шахматная доска и скрипка—вотъ его удовольствія. Справедливо, что человѣкъ, который любитъ музыку, цвѣты и собакъ, не можетъ имѣть дурнаго сердца, да, это совершенно справедливо. Юрій Петровичъ въ высшей степени обладаетъ тѣмъ, что мы привыкли называть музыкальной душой, я не слышала ни кого, кто бы игралъ съ такимъ чувствомъ: его скрипка поетъ. Играя, онъ проникается вполнѣ

мыслью, любовью композитора, и можетъ быть, удѣляя ей какой-нибудь лучъ своей любящей души, онъ воспроизводитъ мысль эту въ болѣе трогательныхъ формахъ, нежели какъ она явилась въ-первые. Мы играемъ вмѣстѣ, и лучше всего играемъ тогда, какъ у насъ всего одинъ слушатель, Александръ.

Юрій Петровичъ мнѣ часто говоритъ, что я наполнила вдругъ пустыню его жизни, а они всѣ, чего только для меня они ни сдѣлали! Они создали во мнѣ полнаго, вполнѣ-развитаго человѣка; невозможно лучше развиться какъ подъ свѣтомъ и теплотой того солнца, которое называемъ всѣ мы именемъ счастія. Благодаря двумъ единственнымъ людямъ, отъ которыхъ я завишу и которые уничтожили свякую тѣнь моей зависимости, я никогда не сдѣлаю ничего дурнаго—вотъ глубочайшее сознаніе моей души. Я сильна для жизни и сильна противъ всѣхъ испытаній жизни. Фантазія меня не увлечетъ, дѣйствительность исполнила всѣ прихоти фантазіи, осуществила для меня самую блистательную идею существованія, прежде нежели она создалась въ умѣ моемъ. Я сознательно чувствую взглядъ Божескаго милосердія на мнѣ, и всякое сомнѣніе далеко души моей. Блаженъ, кто обрѣтетъ миръ въ дому своемъ; я болѣе всего, глубже всего счастлива миромъ дома нашего.

Миръ дома, это безцѣнное сокровище! онъ рѣдко кому дается—а отчего? оттого, что люди большею частію превратно понимаютъ роли свои, а смуты семейныя, по моему, худшія изъ смутъ; вліяніе ихъ на человѣка самое печальное, самое пагубное, потому что домашнія непріятности ведутъ къ ожесточенію. Я убѣждена, что тотъ, кто счастливъ

въ семействѣ своемъ, не можетъ сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ. Но если тревога, если взаимное недовѣріе, если стѣсненіе того необходимаго произвола, которымъ пользуется все живущее, если подозрѣнія, обиды и отмщенія за нихъ изгоняютъ миръ изъ дома, то можетъ ли человѣкъ чувствующій остаться въ домѣ своемъ, не станетъ ли онъ искать утѣшенія внѣ дома, не станетъ ли желать окаменѣть душой своей? Потокъ уноситъ его, увлекаетъ.... А между тѣмъ вслѣдъ ему гремятъ осужденія.

Не знаю, чѣмъ была бы я впослѣдствіи времени, но теперь я чувствую, что у меня отнята способность къ злу всѣмъ тѣмъ добромъ, которое я испытываю. Любовь моя къ Александру не такъ началась, какъ обыкновенно начинается первая любовь: она воздвиглась на прочномъ основаніи — на сознаніи его, его достоинствъ и на признательности за любовь его и за счастіе, которое онъ далъ мнѣ своей любовью. Онъ богатъ самыми благородными свойствами, а сердцемъ чувствительнѣе меня. А я холоднѣе чувствую нежели онъ, но онъ могъ смѣло чувствовать, когда я еще должна была разсуждать. Быть можетъ, отданная борьбѣ съ чувствомъ своимъ и съ чувствомъ людей, меня окружающихъ, я бы заплатила дань пылкости своей природы; но я ребенкомъ только жила еще воображеніемъ, а тамъ тишина пансіонской жизни, трудъ и размышленіе сдержали воображенье, положили границы моему пылу, и вмѣсто слова *я хочу*, у меня разъ на всегда стало слово *я должна*. Мнѣ не дали размечтаться, я тотчасъ начала жить и жить серьезно. Оттого въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ чувствѣ моемъ присутствіе серьезной мысли, и такъ

будетъ всегда. Нѣтъ мѣста въ душѣ моей увлеченьямъ, но я не себѣ этимъ обязана, а именно тому, что жизнь моя полна мирнаго счастія.

Осуждаютъ женщину, которая не съумѣетъ выйдти побѣдительницей изъ жизненныхъ встрѣчъ, но виновата ль она, если чувство въ ней прервано, остановлено въ минуту своего развитія, и при новой встрѣчѣ встанетъ оно въ большемъ размѣрѣ, силой своей сокрушитъ волю, увлечетъ и отуманитъ воображеніе? Нѣтъ ничего опаснѣе прерваннаго чувства. Встрѣтить въ молодости своей человѣка достойнаго любви, видѣть въ немъ любовь, и любовью отвѣчать — это застраховать себя навсегда противъ всѣхъ жизненныхъ встрѣчъ. Но остановить счастье, потушить его на зарѣ счастья, остановить любовь, отнявъ предметъ у любви, или охлажденіемъ предмета сокрушивъ чувство, — проснется жажда чувства и жажда любви, проснется она непремѣнно, когда душа, прижатая первымъ ударомъ, отдохнувъ, снова расправитъ свои крылья. Жизнь долга, заблужденья часты, и мало кому случается застраховать себя съ юныхъ лѣтъ, съ юныхъ лѣтъ отдаться долгу, и границы долга поставить каждому чувству своему, каждой мысли.

Я понимаю, что мнѣ дана возможность, по пути долга своего, мирно и счастливо дойти до конца жизни моей, я понимаю это и цѣню; я чувствую милосердіе Бога надъ собой, и если только подобное счастіе можетъ продолжаться....

Отчего бы, однако, не продолжаться моему счастію? Если Александръ разлюбитъ меня, во мнѣ будутъ мысли снисхожденія. Забвенье несродно мнѣ, и не забуду, никогда не забуду я тѣхъ дней счастія

и мира душевнаго, которыя далъ онъ мнѣ. А больше что? что можетъ разрушить мое счастіе, какіе случаи могутъ быть еще?.... Не хочу думать, не хочу мучить, заботить, смущать себя.

. . . .

Дюваль вздохнулъ; душа его была полна уваженія и нѣжности къ бѣдной женщинѣ. Вотъ прекрасный грунтъ, сказалъ онъ себѣ, способный произвесть лучшіе цвѣты нравственнаго міра, а теперь что? какой дорогой поведутъ ее обстоятельства, что сдѣлаютъ изъ нея люди и встрѣча съ людьми? Она считаетъ себя прекрасно вооруженной для всякой борьбы, а я вижу въ ней только силы для борьбы, и жизнь сдѣлаетъ непремѣнно употребленіе изъ этихъ силъ, не остановитъ ихъ погибнуть безплодно. Такое счастіе, такая прекрасная жизнь—и все должно погибнуть! все уже погибло!...

Старикъ не коснулся завѣтныхъ листовъ; ему казалось, что онъ оскорбитъ гордость Юліи Михайловны, если слишкомъ позволитъ себѣ читать въ этой душѣ, не будучи вовсе ею уполномоченъ на это; однако онъ хотѣлъ знать, уже какъ докторъ, а не какъ человѣкъ, какъ велики еще ея силы и какъ переноситъ она свое несчастіе, чтобы яснѣе увидѣть, можно ли надѣяться склонить ее на разлуку. Онъ сталъ читать послѣднія страницы.

»Боже, да будетъ святая воля твоя! Не дай сокрушиться сердцу моему, а если оно уже должно разбиться, то пусть разобьется въ рукахъ Твоихъ! Онъ не виноватъ моему несчастію, несчастный онъ! Каждый день оставляетъ мнѣ менѣе надежды. Сначала я думала, что онъ имѣетъ сознаніе своего несчастія; но нѣтъ, въ немъ страшнѣйшее изъ страшнѣйшихъ

заблужденій — онъ считаетъ меня помѣшанной. Сердце надрывается, видя, какъ онъ носитъ глубоко въ умѣ своемъ это печальное убѣжденіе, онъ не перестаетъ любить меня, еще больше привязывается заботливостью, участіемъ, страждетъ неслыханно. Изъ словъ Дюваля я понимаю, что онъ считаетъ его неизлечимымъ. Неизлечимымъ, Боже! нѣтъ, не можетъ быть, Дюваль ошибся. Однако онъ мнѣ предлагаетъ одно страшное средство, предлагаетъ онъ его отдаленнымъ образомъ, назвать не смѣетъ, выразиться не можетъ. Неужели иначе дѣйствовать невозможно? Отецъ, отецъ, зачѣмъ его нѣтъ съ нимъ!... Рука не поднимается писать. Я сама понимаю, что, имѣя постоянную идею, будто наслѣдственное помѣшательство перешло на меня, онъ не можетъ успокоиться, терзается, мучится, пугается безпрестанно за меня, и болѣзнь развивается все хуже, и хуже. Хорошо, я соглашусь на разлуку, но не на такую ужасную разлуку! Видѣть его *тамъ* невозможно, я не отдамъ его! мое мѣсто при немъ теперь болѣе, чѣмъ когда либо. Я бы презирала себя, смотрѣла бы на себя какъ на преступницу, если бы позволила, если бы сама рѣшилась заклеймить его пятномъ безславія на вѣки. Не всѣ страданія человѣческія возбуждаютъ участіе, сумасшествіе клеймитъ человѣка, и не только страдальца одного, но падаетъ на всю семью, лежитъ на имени тяжкимъ воспоминаніемъ, даже тогда, какъ сумасшествіе пройдетъ, и тогда даже, если самъ человѣкъ пройдетъ. Сумасшествіе—это одна изъ тѣхъ болѣзней, которую приходится скрывать передъ цѣлымъ міромъ; положимъ—это предразсудокъ, но глубоко

зароненный предразсудокъ и живущій давно уже въ понятіяхъ человѣческихъ.

Александръ сохранилъ этотъ предразсудокъ, и, при болѣзненномъ раздраженіи его мозга, онъ сильнѣе въ немъ, онъ представляется въ болѣе громадномъ видѣ. Каково же ему думать, что я помѣшана! всѣ усилія его клонились только къ тому, чтобъ скрыть это мнимое, мое грустное состояніе отъ глазъ людскихъ. А они всѣ хотятъ, чтобы я поступила съ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ бы онъ поступилъ со мной, еслибы въ самомъ дѣлѣ мы помѣнялись нашими ролями — никогда, ни зачто! Одинъ Юрій Петровичъ можетъ заставить меня заключить того, кто дороже для меня всего въ мірѣ, туда, гдѣ смѣхъ раздается, не какъ выраженіе веселости, гдѣ всякій можетъ слышать самыя сокровенныя мысли своего сосѣда и всегда слышать ихъ, но не слушать, гдѣ слова раздаются, но не составляютъ рѣчи, гдѣ люди сохраняютъ въ себѣ такъ мало человѣческаго, гдѣ проклятья, вопли, дикій ревъ потрясаютъ стѣны. Туда его отдать, туда?... Въ этомъ обществѣ увидѣть Александра, послѣ того, какъ я видѣла и часъ за часомъ слѣдила за разрушеньемъ лучшаго дара Божьяго, лучшаго достоинства, и видѣла, и сознавала свое безуміе остановить это паденіе поддержать разрушающихся!

Всякій день открывалъ мнѣ нѣчто новое, нѣчто худшее въ его положеніи. Сначала я думала, что онъ сознаетъ свое несчастіе, что въ частыя минуты просвѣтлѣнія, возврата разсудка, онъ понимаетъ ясно, что видитъ онъ, какъ постепенно перестаетъ быть самимъ собой и становится для себя же предметомъ невольнаго содроганія. Тогда

на него находитъ страхъ, что я открою истину; если я замѣчу только, что онъ разсѣянъ, то ужъ несчастный самъ не свой. Неужели онъ могъ допустить мысль, что будетъ для меня предметомъ ужаса и отвращенія, что я оставлю его? думала я, и старалась нѣжностью, изъявленіями любви своей заглушить въ немъ подобное предположеніе. Я ошибалась даже въ этомъ! Минуты просвѣтлѣнія,—ихъ не было, онъ меня считалъ помѣшанной, и обманываетъ себя мечтой, что выполняетъ въ отношеніи меня именно ту роль, которую на меня наложило его состояніе. Каждый день уносилъ у меня надежду, и я падала глубже, все глубже, болѣе и болѣе погружалась въ безотрадность. Я его люблю не знаю какимъ чувствомъ; думаю однако же, что любовью, потому что я не искала никогда другаго предмета для любви, міръ души моей наполненъ; если проявленія моей любви были спокойны, то это значитъ только, что до сихъ поръ я совершеннѣйшимъ образомъ была счастлива.

Я его люблю — и не смѣю взглянуть на него, потому что видъ его мнѣ не даетъ утѣшенія; я могу слѣдить и записывать всякій день новую перемѣну, новую печать болѣзненности на миломъ лицѣ. Его мысли были эхомъ моихъ мыслей, а мои мысли были зеркаломъ, въ которомъ могла созерцать себя всегда его свѣтлая душа — теперь нѣтъ болѣе мысли! гармонія разрушилась, послѣдовательность исчезла и каждая мысль не есть ужъ мысль, а простое представленіе какого-нибудь предмета, если положеніе представлено неестественное, боязливое, возникнувшее въ темной глубинѣ больнаго мозга, какъ блудящій огонь: можетъ и исчезнетъ. Его страданія ужасны — но

гдѣ тотъ, который можетъ прекратить ихъ, или хоть предотвратить? Кто-же, кто пойметъ мое одиночество, мою борьбу и кто сочтетъ всѣ тѣ минуты дня, которыя мнѣ напоминаютъ безвозвратно погибель счастья? Если бы мнѣ и было дано забвенье, то не могла бы я забыться при этихъ безпрестанныхъ напоминаньяхъ, никогда не предвидимыхъ, мелкихъ, частыхъ и горькихъ, какъ неизбѣжность. Жизнь моя не возвратится на прежнюю дорогу, и человѣкъ, который далъ мнѣ эту жизнь, не возвратится тоже: онъ ушелъ, онъ затерялся вдали...

Живой мертвецъ передо мной, — нравственный человѣкъ умеръ, наружный человѣкъ движется еще; но и въ наружномъ видѣ столько перемѣнъ; это тѣнь его, но ужъ не онъ; а изъ прежняго сокровища своихъ богатыхъ способностей онъ сохранилъ только способность страдать. Все, что я обожала въ немъ — утрачено, а послѣднія искры гаснутъ постепенно. Я вѣчный зритель печальныхъ развалинъ моего счастья. Я не должна отводить взора своего отъ него ни на минуту. Теперь я знаю, какъ велики силы человѣческія, какъ много можемъ вынести мы. И силы эти не измѣнятъ мнѣ и больше и дальше, что бъ ни было, какія бы возмутительныя, страшныя, потрясающія сцены мнѣ ни готовились...

Кому знакомъ страшный, измучивающій душу звукъ безсмысленныхъ рѣчей любимаго существа? Видъ безумія въ постороннемъ человѣкѣ тяжелъ, невыносимъ, потрясаетъ нервы; видъ безумія въ человѣкѣ, къ которому судьба меня приблизила, чтобы связать съ нимъ на вѣки, видъ уничтожающейся въ благороднѣйшемъ своемъ проявленіи

жизни того, кто создалъ прекрасную жизнь — неужели можно перенесть все это, и уцѣлѣетъ разсудокъ! а я переношу, я выношу дикій взглядъ его вопрошающихъ меня съ невыразимой мукой и боязнью глазъ!

Боже, Боже! если въ цѣпи свершенныхъ когда-нибудь мною дѣлъ, есть хоть одно дѣло, на которомъ можетъ остановиться взоръ Твой, то вспомни это дѣло и пощади меня!... Знаю, для этого нужно перемѣнить, перестроить законы организма, надо сдѣлать исключеніе, явить почти чудо — по какому праву я прошу чуда?...

Что сдѣлалъ-бы Александръ, если-бы былъ на моемъ мѣстѣ? Онъ бы увезъ меня въ Россію, мы возвратились бы въ Александровку, и тамъ медленно бы догорѣла жизнь моя, какъ догорѣла жизнь его матери. И я тоже должна это сдѣлать. Конечно, знаю я, что теперь уже не раздаются удары плетью, и что приставники не измучиваютъ непрерывнымъ сопротивленіемъ больную душу, и безполезными истязаніями не отнимаютъ у несчастныхъ послѣднихъ искръ разсудка, которыхъ еще не отняло у нихъ Провидѣнье; но развѣ не довольно видѣть его въ этой безпорядочной толпѣ, гдѣ каждый постоянно одинокъ, потому-что уединился въ своей постоянной мысли и заключился въ ней совершеннѣе, плотнѣе, чѣмъ въ глухихъ стѣнахъ своей кельи, данной всякому изъ этихъ несчастныхъ, на часы длинной, безсонной, томительной ночи? Видѣть его гуляющимъ въ общемъ саду, въ средѣ товарищей несчастья. Товарищи! какъ! неужели эти бѣдныя, утратившія свое значеніе существа могутъ назваться товарищами Александра, его товарищами!... При этой мысли

я содрогаюсь. Одно сознаніе, что его смѣшали съ несчастными, полудикими существами можетъ убить его.

И однако... Если выздоровленіе его возможно еще только подъ этимъ однимъ условіемъ, если, уступивъ чувству, если пугаясь впечатлѣній, я не подчиню себя разсудку и волѣ, какой страшный упрекъ! Его будутъ лечить музыкой и ласковымъ обращеніемъ, и онъ вмѣстѣ съ другими будетъ вмѣсто занятій, вмѣсто всякаго труда, машинально ворочать огромное колесо глубокаго резервуара — нѣтъ, ужасны даже тихія картины! Что скажу я Юрію Петровичу!... А теперь кто разрѣшитъ мои сомнѣнья? Дюваль болѣе расположенъ ко мнѣ, нежели къ Александру, и я могу выслушать приговоръ только отъ того, кто по естественному устройству натуры человѣческой долженъ болѣе заботиться объ Александрѣ, нежели обо мнѣ. Тогда только и этому голосу только я могу въ подобномъ случаѣ повиноваться безпрекословно.

Радости жизни, я повѣрила вамъ! я думала, что вы существуете, что дѣйствительность есть одно изъ свойствъ вашихъ, и такъ какъ вы сами, казалось, отыскали меня, я повѣрила, что вы можете быть моимъ удѣломъ. Радости жизни, что вы такое? васъ уничтожаетъ прикосновенье,—холодной и незамѣтной пылью разсыпетесь вы, и изъ всего большаго, выпуклаго, со всѣми призматическими цвѣтами мыльнаго пузыря, мутная капля только канетъ на сердце, чтобы отмѣтить тамъ слѣдъ вашъ осязательнымъ образомъ навсегда.»

. . . .

Тутъ Дюваль закрылъ тетрадь Юліи Михайловны. Да, эта женщина именно была такова, какою

онъ себѣ ее представлялъ постоянно—онъ поздравилъ себя съ рѣшимостью написать къ Юрію Петровичу и ожидалъ хорошаго результата отъ своего посланія. Онъ видѣлъ, до какой степени силы этой страждущей души напряжены, и только видѣлъ одно средство поддержать ихъ—разлуку. Чѣмъ болѣе думалъ онъ о взаимныхъ отношеніяхъ всего этого семейства, тѣмъ менѣе онъ сомнѣвался, что старикъ Улимовъ разрѣшитъ именно приговоромъ своимъ всѣ сомнѣнія его паціентки, и что все будетъ сдѣлано по желанію Дюваля. Теперь оставалось болѣе прежняго стараться пріобрѣсть полное довѣріе больнаго; изъ дневника его онъ видѣлъ, что старанія его не безуспѣшны и по этой части, что Улимовъ находится уже подъ вліяніемъ его и готовъ все больше и больше отдавать себя въ руки искуснаго и предусмотрительнаго доктора. Изъ этого же журнала докторъ видѣлъ, какъ, постепенно развиваясь, наслѣдственное сумасшествіе, появившееся сначала въ видѣ меланхоліи, начало принимать въ послѣднее время характеръ настоящаго безумія, какъ все перепуталось въ больномъ мозгѣ, какъ каждое минутное представленіе, и самое ложное представленіе, получало вдругъ всю силу убѣжденія самаго глубокаго. Такъ, напримѣръ, онъ воображалъ Пленчанинова геніемъ медицины, и потомъ, преслѣдуемый тайнымъ желаніемъ показать всю силу ума, онъ занялъ болѣзненную дѣятельность своего мозга идеей, что ему собственно суждено сдѣлать нѣсколько важныхъ открытій. Не было лица послѣ этого, которое-бы не заняло его и не побудило къ разысканіямъ, вездѣ онъ видѣлъ тайны и какъ-будто стремился открыть ихъ, но какъ для открытія этихъ мнимыхъ

тайнъ онъ не употреблялъ ровно никакихъ средствъ и ограничивался своими собственными заключеніями, неудивительно, что самыя невозможныя, дикія истолкованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя неопредѣленныя сдѣлались лучшимъ доказательствомъ окончательнаго разстройства его ума и даже совершеннаго ослабѣванья его душевныхъ способностей.

Въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ гораздо менѣе чувствителенъ и внимателенъ къ женѣ и ея здоровью. Ужъ онъ не въ состояніи бывалъ владѣть своимъ воображеніемъ и сдерживать бредъ,—нѣтъ, онъ смѣло пускался въ разсужденія, говорилъ вещи вполнѣ его обличающія и со всей полнотою сознанья узнавалъ только жену и Дюваля. Въ немъ развилась страсть къ преніямъ, къ диспутамъ, и онъ ничего не могъ говорить иначе, какъ горячо споря — это не радовало доктора, и онъ нетерпѣливо ждалъ отвѣта отъ Юрія Петровича, а своей паціенткѣ не говорилъ ни слова о будущемъ и своихъ предначертаніяхъ.

Дневникъ Улимова разсказалъ ему повѣсть его помѣшательства; наслѣдственное сумасшествіе быть-можетъ и готовилось сдѣлать его своей жертвой, но вѣрнаго въ этомъ предположеніи столько же, сколько и невѣрнаго. Видно однако, что мысль о возможности подобнаго бѣдствія заронилась еще въ память ребенка и оставила неизгладимое впечатлѣніе, благодаря пояснительнымъ разсказамъ и многимъ подробностямъ, выпытаннымъ въ дѣтствѣ имъ упорно у дворни. Онъ хотѣлъ быть сильнымъ противъ этого впечатлѣнія, и построилъ въ умѣ своемъ предположеніе, что въ семьѣ ихъ женщинамъ написано на роду подвергаться страш-

ному наслѣдію; такимъ-образомъ онъ замѣстилъ только одну идею другой, а впечатлѣніе грозныхъ обѣщаній въ будущемъ осталось тѣмъ же. Онъ былъ нѣсколько спокоенъ, пока новость развивающейся только жизни поглощала его вниманіе; потомъ чтеніе медицинскихъ книгъ, написанныхъ именно по тому предмету, который такъ сильно занималъ его съ колыбели, пробудило дѣятельность ума и направило ее на путь гибельный, ужасный— разсудокъ запутался въ лабиринтѣ догадокъ, предположеній, изученій, предчувствіе неминуемаго несчастія заронилось въ болѣзненно-настроенную душу. Чѣмъ болѣе мы кого любимъ, тѣмъ болѣе мы за него боимся. Улимовъ страстно любилъ жену свою. Она составляла его гордость, она составляла его счастіе. Особенно же гордился онъ ея умомъ, и когда впервые ему пришла мысль, что бываютъ болѣзни ума, что такимъ недугомъ можетъ быть пораженъ и уничтоженъ ея умъ, она оледенила его, но прежде потрясла всего до основанія. Однако, какимъ образомъ могло бы это случиться? утомляя умъ этимъ непрерывнымъ вопросомъ, трудясь надъ нимъ прилежно, онъ въ одномъ изъ тайныхъ ящиковъ памяти своей нашелъ впечатлѣніе, которое оставила на немъ давнишняя, полузабытая шутка Пленчанинова.

Сначала онъ оттолкнулъ это воспоминаніе, онъ нашелъ идею сумазбродной, безсмысленной и отвергнулъ ее со всей силой. Но независимо отъ него, странная мысль все ему наворачивалась на память; мало по малу мозгъ сталъ съ ней освоиваться, далъ ей мѣсто, и улеглась она въ головѣ навсегда. Тогда, нельзя представить себѣ, какія странныя измѣненія приняла эта неестественная идея;

вдругъ казалось ему, что онъ прочелъ ее въ медицинской книгѣ, что кто то изъ знаменитыхъ профессоровъ сдѣлалъ такое открытіе, и онъ искалъ, искалъ по всѣмъ своимъ книгамъ, перелистывалъ фоліанты и, не находя ни въ одной книгѣ, приходилъ къ заключенію, что книга потеряна, и принимался отыскивать мнимо затерявшуюся книгу. Цѣлый день онъ ходилъ озабоченный, придумывалъ куда она могла дѣться, и кто бы могъ ее похитить. То вдругъ ясно память ему представляла, что заключеніе въ формѣ шутки вырвалось какъ то разъ у Пленчанинова, и тогда онъ принялся думать, откуда Пленчаниновъ могъ знать подобныя вещи. Это самоуглубленіе, этотъ вѣчный внутренній разговоръ, мысленныя пренія были источникомъ его разсѣянности; жена замѣчала ему, что онъ разсѣянъ, и такъ часто приходилось замѣчать ему это, что, не сознавая своей разсѣянности, онъ начиналъ подозрѣвать въ женѣ способность къ idea fixa, что, по его мнѣнію, было вѣрнымъ указаніемъ помѣшательства. Нѣтъ сомнѣнія, думалъ онъ,–сумасшествіе начинаетъ развиваться!

Грусть жены, иногда дурно скрытыя слезы, ея блѣдность, истома, голова постоянно наклоненная къ груди, —всего этого не могъ равнодушно видѣть Улимовъ, потому что принималъ эти проявленія за доказательство меланхоліи, сильной меланхоліи, еще одной ступенью безумія. Тогда ему представилось, что Пленчанниновъ великій медикъ, что онъ одаренъ удивительнымъ соображеньемъ, чрезвычайнымъ инстинктомъ и что напрасно не пошелъ онъ по этой дорогѣ. Переходя постоянно отъ одного созданія больнаго воображенья къ другому, Улимовъ запутался окончательно въ своихъ иде-

яхъ, варьируя каждую до безконечности. Случалось часто, что, представивъ себѣ какое нибудь положеніе предмета, онъ немедленно переходилъ къ убѣжденію, что это положеніе въ самомъ дѣлѣ существовало — и ничто въ мірѣ не могло его въ этомъ разувѣрить. Отсюда произошли и составились въ умѣ его всѣ нелѣпыя исторіи, которыми онъ все чаще и чаще угощалъ Дюваля; помѣшательство укрѣпилось и шло дальше. Онъ находился уже въ томъ состояніи, въ которомъ сумасшедшіе возбуждаютъ сожалѣніе, смѣхъ и страхъ вмѣстѣ въ каждомъ свидѣтелѣ своихъ выходокъ.

Дюваль предвидѣлъ современемъ для него бѣшенство, и какъ невозможно предвидѣть никогда времени перехода отъ состоянія тихаго помѣшательства къ бѣшенству, онъ рѣшился склонять съ большей настойчивостью Юлію Михайловну къ тому, чтобы передать больнаго на руки главному доктору въ домѣ умалишенныхъ, пугаясь для нея возмутительныхъ сценъ дикаго безумія.

Онъ пришелъ навѣстить ее, по обыкновенію, и принесъ ей дневникъ ея.

— Узнаете ли вы эту тетрадку, дитя мое?

Улимова покраснѣла.

— Какъ, докторъ! сказала она съ чрезвычайнымъ смущеніемъ.

— Я не читалъ всего, поспѣшилъ онъ отвѣчать, я вамъ сейчасъ объясню, почему дневникъ вашъ въ рукахъ моихъ. Не браните меня, не считайте любопытнымъ и вѣрьте скромности вашего стараго друга — я умѣю молчать. А наконецъ, кто думаетъ и чувствуетъ какъ вы, тотъ смѣло можетъ думать вслухъ, въ присутствіи цѣлаго міра. Онъ съ чувствомъ пожалъ ей руку.

— Какимъ образомъ тетрадь моя попала къ вамъ въ руки?

— Мужъ вашъ принесъ мнѣ ее по просьбѣ моей, вмѣстѣ съ своими мемуарами; вы понимаете, бѣдное дитя, что я хотѣлъ, долженъ былъ непремѣнно прочесть его дневникъ, но чтобы получить необходимый, слѣдовало попросить вашъ тоже: такимъ образомъ я избѣжалъ подозрѣній.

— Покажите мнѣ его дневникъ, сказала Юлія Михайловна, взявъ изъ руки доктора свою тетрадь.

— Невозможно, отвѣчалъ онъ, подумавъ немного. Сегодня утромъ онъ взялъ его обратно.

— Очень жаль.

— Напротивъ того, лучше для васъ, что вы не читали. Она глубоко вздохнула.

— Какъ докторъ, неужели ни одного проблеска разума, ни искры свѣтлой мысли!

— Къ несчастью! Вы бы только могли прослѣдить постепенное развитіе его недуга, что важно и интересно для медика, но убійственно для васъ, по отношеніямъ всего происшествія къ чувствамъ вашимъ. Мой бѣдный другъ, мы можемъ употребить одно еще, всего одно и послѣднее средство для его выздоровленія — но вы не хотите.

— Не говорите, не говорите мнѣ этого никогда! произнесла она съ глубокимъ отчаяньемъ.

— Я терзаю вашу душу, но я долженъ говорить. Подумайте, вѣдь это долгъ вашъ, долгъ искать всѣхъ средствъ къ его выздоровленію.

— Долгъ мой не оставлять его.

— Это невозможно. Средство ужасное, оно возмущаетъ вашу любящую душу, но вы должны его избрать безъ содроганія.

— Развѣ онъ можетъ выздоровѣть?—сказала она печально.

— Богъ великъ.

— Знаю и вѣрю.

— Да, въ васъ много вѣры, въ васъ истинное благочестіе, я это вычиталъ теперь еще болѣе, чѣмъ когда-либо, изъ вашей задушевной исповѣди. Вы должны непремѣнно такъ поступить.

Улимова порывисто встала съ своего мѣста.

— Поступить безсовѣстно, преступно, возвратить себѣ свободу, отдать его живаго въ ужасную могилу, осудить на политическую смерть, это невозможно, невозможно, вы понимаете! проговорила она.

— Невозможно тоже вынесть то, что̀ вамъ готовится — сказалъ смѣло Дюваль.

— Мнѣ еще готовится что нибудь?

— Да, такъ надо предполагать — и если силы души вашей вынесутъ, если сами вы не сойдете съ ума, то нервы не выдержатъ. Бываютъ зрѣлища, къ которымъ невозможно привыкать.

Невольно Юлія Михайловна содрогнулась.

— Я лучше увезу его съ собой — сказала она— мы возвратимся въ Россію.

— Что мнѣ вамъ сказать! Дорога неблизкая, а можетъ быть, мы ближе къ критической минутѣ, нежели думаемъ сами.

Она закрыла лицо руками.

Дюваль помолчалъ нѣсколько минутъ.

— Уѣзжайте отсюда—проговорилъ онъ, взявъ ее за руку—уѣзжайте въ ваше отечество, но уѣзжайте одни.

— А онъ? И Улимова блѣдная смотрѣла на доктора.

— Мы будемъ лечить его и писать къ вамъ — отвѣчалъ онъ.

Замѣтно было, что Юлія Михайловна собрала все свое мужество, чтобы продолжать этотъ разговоръ.

— Докторъ,—сказала она—знаете ли вы, что у него есть отецъ, я къ его отцу поѣду; старикъ, прощаясь, не подозрѣвалъ вовсе, что разстается *на вѣки*, слышите ли, *на вѣки!* И до-сихъ-поръ онъ не знаетъ....

— Нѣтъ, теперь онъ ужъ вѣрно все знаетъ — сказалъ Дюваль.

— Это почему?

— Я написалъ.

— Все?

— Все.

— Докторъ, вы его убили! воскликнула она, всплеснувъ руками.

— Надѣюсь, что вы ошибаетесь. Я исполнилъ долгъ свой — отвѣчалъ Дюваль тихо: — ваши сомнѣнія разрѣшатся, отецъ самъ произнесетъ приговоръ сыну. Подчините ваши впечатлѣнія разсудку и волѣ. Вѣдь у насъ теперь совсѣмъ иначе обращаются съ такими больными. Онъ не можетъ выздоровѣть, пока онъ вмѣстѣ съ вами, пока съ испугомъ прислушивается къ каждому вашему слову, къ каждому движенію, и считаетъ васъ въ своемъ положеніи, а себя въ вашемъ. Тревожное состояніе духа развиваетъ его болѣзнь. Борьбы никакой не будетъ, если вы рѣшитесь; я съумѣю обмануть его.... подумайте, что онъ можетъ-быть еще можетъ выздоровѣть! Уѣзжайте къ себѣ, молитесь и надѣйтесь—вѣры въ васъ много.

— Нѣтъ, ни-за-что!

— Такъ вы не хотите его выздоровленія?

— Докторъ, докторъ!... воскликнула она.

Потомъ глубокое молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

— Я умру, когда его тамъ увижу — произнесла она наконецъ шепотомъ.

— Но если старикъ напишетъ!... спросилъ Дюваль.

— Если онъ не умеръ съ отчаянья и напишетъ мнѣ, я всему покорюсь, одного его голоса послушаю, его я должна послушать. Какая ужасная мысль, какое ужасное средство!...

И она, какъ оцѣпенѣлая, сидѣла, поникнувъ головой.

На другой же день Дюваль отправилъ второе письмо въ Россію, въ Кіевскую губернію. Прошло нѣсколько времени, и отвѣтъ отъ старика Улимова пришелъ по одной почтѣ съ письмомъ его къ Юліи Михайловнѣ.

Юрій Петровичъ благодарилъ Дюваля за участіе его, за сообщеніе печальной вѣсти, и извинялся въ долгомъ молчаніи, причиной котораго была сильная болѣзнь отъ душевнаго потрясенія. Письмо его къ Юліи Михайловнѣ было слѣдующаго содержанія:

«Мнѣ слѣдовало предвидѣть бѣдствіе, которое тебя постигло, я видѣлъ разрушеніе своего счастія и вижу теперь разрушеніе твоего: одинъ и тотъ же ударъ поразилъ насъ. Бѣдная, добрая моя Юлинька, я однако не скрылъ отъ тебя, что гнѣвъ Божій до сихъ поръ тяготѣлъ надъ нашей семьей,— но и ты, и я, мы надѣялись оба! Глядя на ваше счастіе, я совершенно забылъ, что оно можетъ быть разрушено, что надъ вами можетъ собраться

грозная туча и разразиться страшными молніями. Письмо вашего доктора открыло мнѣ ужасную истину; потрясенье было слишкомъ сильно, оно дало мнѣ болѣзнь. Однако надо побороть себя; предаваться отчаянью грѣшно. И вотъ мнѣ лучше, вотъ снова я сбираюсь жить, какъ жилъ до-сихъ-поръ, и говорю только тебѣ, что ты мнѣ необходима.

«Умоляю тебя, оставь Парижъ, оставь *все*, пріѣзжай къ больному старику, смѣшать слезы твои съ его слезами и молитвы твои съ его скорбными молитвами. Оставь Александра на попеченіи Дюваля; не знаю его, но понимаю, что это благородный человѣкъ; *всѣ совѣты его должны быть приняты и исполнены безпрекословно.* Черезъ годъ мы пріѣдемъ съ тобой вмѣстѣ навѣстить нашего больнаго и посмотрѣть успѣхи леченія. Пріѣзжай немедленно, я жду тебя.

«Упорство сопротивленія моей волѣ я въ этотъ разъ вовсе не допускаю. Чего ты хочешь дождаться? того, что не вынесетъ твой разсудокъ? До сихъ поръ ты видѣла разрушеніе своего счастія, разрушеніе лучшаго изъ достоинствъ человѣка, но если ты увидишь униженіе самое худшее изъ униженій человѣка, если ты увидишь не человѣка въ знакомомъ образѣ! Много времени прошло, и я содрогаюсь до-сихъ-поръ отъ многихъ моихъ воспоминаній; хотѣлъ бы забыть, и не могу, потому что это не забывается. Если возможно выздоровленіе, ты увидишь его, мы увидимъ его вмѣстѣ; мы будемъ терпѣливо дожидаться. Но если суждено иначе, тогда ты не должна, да, ты не должна видѣть того, что внушаетъ тебѣ ужасъ, что оледенитъ кровь твою и отравитъ неизгладимымъ воспоминаніемъ молодую жизнь. Эти сцены, взгляды, воп-

ли, порывы—ихъ не вынесешь ты! ихъ видъ сокрушаетъ силу, ломаетъ волю, убиваетъ разсужденіе.

«Я жду тебя, сжалься надъ бѣднымъ отцомъ, не отнимай у него разомъ обоихъ дѣтей. Пріѣзжай, мы будемъ вмѣстѣ ждать и вмѣстѣ надѣяться.»

Улимова дождалась прихода Дюваля. Она молча подала ему письмо отца; на ней, какъ говорится, лица не было.

— Я тоже получилъ письмо отъ господина Улимова—сказалъ Дюваль, и принялся читать то, которое ему подавали.

Юлія Михайловна слѣдила взоромъ за движеніемъ его глазъ, и когда онъ дошелъ до послѣдней строки, она встала, она не могла вынести вопроса, который неминуемо долженъ былъ послѣдовать за чтеніемъ этого письма. Дюваль сложилъ письмо и произнесъ:

— Вотъ человѣкъ свѣтлаго ума и благородной души!

Юлія Михайловна вздрогнула и быстро посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Пойдите сюда, прошу васъ — сказалъ Дюваль.—Рѣшитесь выслушать меня, рѣшитесь сами говорить. Вѣдь вы убѣждены, что отецъ не можетъ желать зла своему сыну, да еще такой отецъ! но вы поняли волю его?

— Я ее исполню—произнесла Юлія Михайловна леденѣющими губами.

— Вы не будете жалѣть, Богъ милостивъ. Онъ поможетъ намъ....

Тогда она стала плакать.

— Дѣйствуйте какъ знаете, докторъ, — сказала

она;—когда все будетъ сдѣлано, я уѣду, жить воспоминаніемъ на-вѣкъ утраченнаго счастья.

Дюваль хотѣлъ возразить, но въ эту минуту всякое возраженіе было не-у-мѣста; онъ почувствовалъ, что надо молчать. Однако опытъ, вынесенный изъ многолѣтней жизни, и наблюденія, тысячу разъ дѣланныя имъ надъ сердцемъ человѣческимъ, говорили, что въ этой женщинѣ встанутъ не разъ еще душевныя силы послѣ потрясенія, что конецъ ея испытаніямъ далекъ, что, по характеру, по уму, по всему составу своему, она создана для борьбы, и долговременной, если не вѣчной борьбы. Онъ могъ бы ей навѣрное сказать, что будетъ жить она еще не одними воспоминаніями, что слишкомъ много силы дано ей, а потому обстоятельства и люди, люди и обстоятельства сдѣлаютъ непремѣнно изъ нихъ употребленіе.

— Буду дѣйствовать не вдругъ, а постепенно и съ величайшей осторожностію — сказалъ Дюваль; вы увидите, что мнѣ безъ труда удастся склонить мужа вашего къ разлукѣ; и современемъ, если состоянію его не суждено улучшиться, онъ перестанетъ совершенно чувствовать эту разлуку.

— Докторъ, онъ можетъ прожить годъ?

— Даже нѣсколько лѣтъ, но я долженъ сказать вамъ, что не слѣдуетъ желать продленія такой жалкой жизни.

— Ахъ, не говорите!...

И она въ ужасѣ закрыла лицо руками.

— Послушайте, сказалъ Дюваль—отъ васъ я ожидалъ больше ясности, опредѣленности мысли, больше разума. Впрочемъ вы слишкомъ потрясены, душа ваша взволнована, и оттого вы еще не можете разсуждать правильно.

Вечеромъ онъ заѣхалъ взять Улимова, и повезъ его кататься. Дюваль началъ дѣйствовать немедленно; онъ разговоромъ своимъ искусно сталъ приготовлять больной умъ къ той идеѣ, которую ему хотѣлось привить къ Улимову: онъ старался поскорѣе все кончить, сознавая вредное вліяніе медлительныхъ дѣйствій при такомъ положеніи дѣлъ.

Онъ много говорилъ Улимову о *своемъ другѣ*, владѣльцѣ прекраснаго помѣстья въ окрестностяхъ Парижа, томъ самомъ лицѣ, котораго Дюваль приводилъ разъ вечеромъ къ Улимовымъ. Онъ описалъ его дачу и жизнь на этой дачѣ разныхъ лицъ: онъ говорилъ, что тамъ поселились презанимательныя личности: музыканты, поэты, ученые люди знатнаго происхожденія, которыхъ за-что-либо преслѣдуютъ другіе люди, несчастные влюбленные, вообще всякій, испытавшіи душевныя потрясенія, всякій, кто долженъ скрывать какую-нибудь тайну, или кто ищетъ облегченія и забвенія глубокой печали, всякій ищетъ пріюта у этого геніальнаго и добраго человѣка.

— Знаете ли—прибавилъ Дюваль—я часто думаю о васъ. Помѣшательство вашей жены можетъ имѣть дурное вліяніе на вашъ умъ, и кромѣ того, какъ докторъ, я долженъ буду посовѣтовать вамъ единственное средство къ выздоровленію ея.

— Все, что хотите, докторъ! сказалъ Улимовъ.

— Вы должны разстаться.

— Я? мы?

— Да, вы.

— Куда же я дѣнусь?

— Право не знаю—сказалъ Дюваль, какъ будто придумывая, куда бы ему посовѣтовать поѣхать.—Что

касается нашей больной, то я ее возьму къ себѣ, а потомъ, то-есть очень скоро, у меня будетъ случай поручить ее медику отправить ее въ Спа, ей надо пить нѣкоторое время воды. Можетъ быть я отправлю ее къ Пиренеямъ, или къ водамъ Боннъ— самъ еще не знаю. Но она слишкомъ слаба, какъ вы сами видите, ее надо укрѣпить нѣсколько, полечить ее физическія силы, а тамъ ужс подвергнуть систематическому леченію ея бѣдный мозгъ.

— Развѣ я не могу съ ней ѣхать въ Спа или въ Боннъ?

— Невозможно. Я разсчитываю на разлуку, какъ на одно изъ средствъ вылечить ея помѣшательство. Такъ какъ оно у ней началось меланхоліей, да и теперь еще сохраняетъ этотъ видъ, то и необходимо нужно дать возможность этой меланхоліи нѣсколько излиться въ слезахъ и словахъ. Вы другъ друга очень любите, но вы, какъ мужчина, понявъ общую пользу, конечно согласитесь принесть ей въ жертву свое чувство на нѣсколько времени. Отъ нея я буду требоватъ покорности, отъ васъ я требую мужества—понимаете ли?

— Но я куда дѣнусь?

— Правда ваша, время теперь лѣтнее, Парижъ мало привлекателенъ въ эту пору года; совѣтую вамъ поселиться за-городомъ.

— За-городомъ! жить одному за-городомъ, это ужасно скучно.

— Попробуйте нанять съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ.

Улимовъ задумался.

— У меня много есть знакомыхъ, да, у меня очень много знакомыхъ. Во-первыхъ въ нашей Кіевской губерніи всѣ знакомые — говорилъ онъ — предво-

дитель дворянства, потомъ помѣщики, потомъ военные... я самъ былъ военный, вы это знаете? Тоже когда я жилъ въ Одессѣ студентомъ, я тамъ воспитывался, тоже очень много знакомыхъ. Конечно—у меня не мало знакомыхъ.

— Я увѣренъ—сказалъ Дюваль.

— Нѣтъ, вы мнѣ не вѣрите, возразилъ Улимовъ, вглядываясь въ него пристально,—Скажите пожалуйста, вы думаете, что я такъ, не имѣю вовсе знакомыхъ?

— Нѣтъ—отвѣчалъ Дюваль, останавливая его серьезнымъ взглядомъ.—Я только думалъ, что здѣсь у васъ знакомыхъ мало.

— Гдѣ, здѣсь?

— Здѣсь, въ Парижѣ.

— А! въ Парижѣ? правда, вѣдь мы въ Парижѣ?... Да, мы въ Парижѣ... Здѣсь точно никого нѣтъ. Ну, такъ скажите мнѣ сами, куда я дѣнусь?

— Очень жаль, очень жаль, что я не могу ручаться, что вы найдете средство помѣститься у моего пріятеля, у этого мудреца, о которомъ я вамъ говорилъ—замѣтилъ Дюваль.

— Я, однако, хотѣлъ бы видѣть эту дачу—сказалъ Улимовъ.

— Вы увидите огромное строеніе, состоящее изъ многихъ отдѣленій, большой садъ; но все это ничего, потому что лучшее украшеніе этой дачи—живущіе въ ней; увѣряю васъ, что это презанимательныя личности,

— Было бы пріятно съ ними познакомиться.

— Даже жить пріятно съ такими людьми, не правда ли? сказалъ Дюваль.

— Полагаю, что очень пріятно—отвѣчалъ Улимовъ.

Подготовивъ такимъ образомъ помѣшаннаго къ согласію, Дюваль опять привезъ доктора, котораго выдавалъ за какого-то филантропа-богача, а домъ умалишенныхъ — за его дачу. Улимовъ въ этотъ разъ былъ внимателенъ къ гостю до-крайности, и очевидно искалъ ему понравиться. Юлія Михайловна смотрѣла на все это съ глубокимъ замираніемъ сердца: она знала уже, что пріятель Дюваля, мнимый филантропъ, мнимый богачь, есть не кто иной, какъ докторъ изъ дома сумасшедшихъ. Понимая, о чемъ идетъ дѣло, она не смѣла распрашивать Дюваля, но жизнь гасла въ ней примѣтно; тоска, ожиданье неминучей бѣды крушили ее.

Одинъ разъ только она рѣшилась спросить Дюваля, какого мнѣнія этотъ докторъ о ея мужѣ.

— Не спрашивайте — отвѣчать ей Дюваль— мы теперь ничего еще положительнаго сказать не можемъ и только убѣждаемся каждый разъ болѣе въ необходимости вашей разлуки.

Она заломала руки и отошла.

Дюваль часто привозилъ доктора, а иногда этотъ докторъ самъ пріѣзжалъ и проводилъ съ Улимовымъ цѣлые часы въ разговорахъ; такимъ образомъ онъ скоро пріобрѣлъ болѣе вліянія на его умъ, нежели Дюваль. Пригласивъ Улимова на свою мнимую дачу, онъ показалъ ему все заведеніе, и пустившись въ ученость, разыгрывая нѣсколько передъ нимъ роль педанта, съ умысломъ сталъ говорить о греческихъ мудрецахъ и древнихъ ученыхъ римскихъ, хвалилъ гимнастику, и при этомъ случаѣ сказалъ, что всѣ, живущіе въ его домѣ, упражняются ежедневно въ гимнастикѣ и тогда собираются вмѣстѣ. Онъ показалъ ему издали нѣсколько *неизлечимыхъ*, которые свободно гуляли

по саду, объяснивъ, что эти люди дотого всегда заняты умственно, что къ нимъ изъ уваженія онъ не подходитъ во всякое время, чтобы не нарушить ихъ размышленій, и обѣщалъ современемъ познакомить съ ними Улимова.

— Остальные жильцы мои всѣ теперь по своимъ комнатамъ—прибавилъ онъ—все это люди необыкновенные. Лучшее наше развлеченіе музыка. Современемъ, когда вы поселитесь съ ними, вы привыкнете къ порядку *нашей* жизни и полюбите всѣхъ насъ конечно. Нельзя, разумѣется, сойтись со всѣми въ одинаковой степени, иные вамъ понравятся болѣе, другіе менѣе, но я убѣжденъ, что вы съ нѣкоторыми очень сойдетесь.

— Я очень люблю, я очень цѣню общество людей образованныхъ, умныхъ—отвѣчалъ Улимовъ—радъ вашей жизни; она, полагаю, будетъ мнѣ по вкусу.

— Итакъ, милости просимъ—сказалъ докторъ—я велю вамъ приготовить комнату. Жена ваша уѣзжаетъ скоро?

— Не знаю, это зависитъ отъ доктора Дюваля, онъ лечитъ ее. Она больна, очень больна—прибавилъ помѣшанный понизивъ голосъ. Вы ничего не замѣчали?

— Нѣтъ, а что такое?

— Такъ, она очень несчастна.... Но, разумѣется, вы объ этомъ ни слова, я объ этомъ ни слова, и никто не узнаетъ. Наша привратница удивительная женщина: у ней есть чижъ—вотъ это тоже очень любопытно, оба вмѣстѣ дѣлаютъ свои наблюденія надъ жильцами: чего она не досмотритъ, такъ чижъ увидитъ и пропоетъ. Но имъ неудастся меня обмануть, я тоже за ними наблюдаю, подслушиваю чижа и составляю коментаріи на болтовню

старухи. Я хочу пріобрѣсть у ней метлу—какъ вы думаете? Она не знаетъ цѣны этой вещи, но метла эта играла когда-то очень важную роль.... мнѣ однако надо еще сдѣлать нѣкоторыя розысканія, чтобы убѣдиться....

— Прекрасно. Вы постарайтесь отправить скорѣе жену и переѣзжайте ко мнѣ, вы у меня найдете антикваріевъ, сочинителей, политиковъ, поэтовъ, администраторовъ, словомъ, вы можете посвятить себя какому хотите искуству или наукѣ,—по всѣмъ отраслямъ есть люди, съ которыми вы можете поговорить. Болѣе всего, однако, людей, которые укрываются въ тиши нашего общества послѣ душевныхъ потрясеній, много душъ разбитыхъ, сердецъ истерзанныхъ,—любовь и честолюбіе играютъ, конечно, чаще всего роль въ исторіи жизни и печали этихъ людей. Словомъ, всѣ тѣ, которые способны къ самоуглубленію, нашли и найдутъ всегда пріютъ у меня. Не у всѣхъ есть причины къ самоуглубленію и не всякъ способенъ самоуглубляться....

— Я самоугубляюсь—сказалъ Улимовъ съ чрезвычайной важностью.—Знаете ли что, я самъ чувствую, что мѣсто мое здѣсь, у васъ.

— Да, это вѣрно—замѣтилъ докторъ, садясь съ нимъ въ экипажъ.

Черезъ нѣсколько времени Улимовъ самъ заговорилъ женѣ о необходимости разлуки, объявилъ ей, что она поѣдетъ къ водамъ, и что Дюваль устраиваетъ эту поѣздку. Что касается до него, то онъ собрался въ тотъ же день переѣхать къ мнимому филантропу, и замѣтно было, что нетерпѣливо и тревожно дѣлалъ свои приготовленія. Мнимый филантропъ заѣхалъ за нимъ передъ вечеромъ.

— Прощай, Жюли—сказалъ Улимовъ, довольно равнодушно подходя къ женѣ.

Странный переворотъ уже совершился въ этомъ человѣкѣ, онъ охладѣлъ ко всѣмъ и ко всему и прилѣплялся все болѣе къ идеямъ и разнымъ представленіямъ больнаго своего мозга. Любовь къ женѣ стала уже въ немъ на степень привычки, а если онъ и думалъ о ней иногда съ чувствомъ, то это было съ чувствомъ тревоги и печали, съ глубокимъ сожалѣніемъ, соболѣзнованьемъ къ безотрадному состоянію мнимой помѣшанной.

Сердце Юліи Михайловны сжалось, она посмотрѣла на доктора, на Дюваля, силы ей измѣнили, смертельная блѣдность разливалась по лицу.

— Мы еще можемъ видѣться—произнесла она съ невыразимымъ усиліемъ;—я еще не скоро уѣзжаю.

— Да, да—возразилъ докторъ Улимова,—вы намъ доставите удовольствіе посѣтить насъ, передъ вашимъ отъѣздомъ; хотя я не стѣсняю ничьей свободы, но въ нашемъ обществѣ не принято часто выѣзжать, оттого я не могу обѣщать вамъ частыхъ визитовъ вашего мужа.

— Разумѣется, это нейдетъ, не принято—подтвердилъ Улимовъ машинально.

— Но принимать визиты очень принято,—замѣтилъ Дюваль.

— Принимать визиты, это другое дѣло—сказалъ опять Улимовъ.

— Проститесь же съ надеждой на свиданье—проговорилъ докторъ умалишенныхъ, значительно посмотрѣвъ на Юлію Михайловну.

Она молча поцѣловала мужа; слезы стояли у ней въ глазахъ; чтобы скрыть ихъ, а можетъ быть и для того, чтобы взоромъ проводить до воз-

можной отдаленной точки человѣка, съ которымъ думала она прожить всю жизнь, и прожить счастливо, она подошла къ окну. Александръ беззаботно и почти весело сѣлъ въ коляску, подлѣ него помѣстился докторъ; потомъ экипажъ тронулся. Тогда у ней вдругъ закружилась голова, ноги подогнулись, и она во весь ростъ свой упала на полъ. Очнувшись, она увидѣла подлѣ себя Дюваля, который давалъ ей нюхать уксусъ, теръ виски и плакалъ.

Она заболѣла и болѣзнь отсрочила возвратъ ея въ Россію. Дюваль написалъ снова къ Юрію Петровичу и отдалъ ему подробный отчетъ о всемъ случившемся. Онъ утѣшалъ Юлію Михайловну какъ могъ, навѣщалъ Улимова и доставлялъ ей разныя свѣдѣнія; дочь его переселилась къ Юліи Михайловнѣ на время ея болѣзни. Наконецъ Дюваль рѣшилъ, что Юлія Михайловна можетъ вынесть дорогу, и заставилъ ее сбираться въ дальній путь. День отѣзда былъ назначенъ.

Ужъ нѣсколько разъ Юлія Михайловна покушалась посѣтить печальную обитель помѣшанныхъ; но мысль, что тамъ, среди этихъ жалкихъ существъ, увидитъ она Александра, дотого была ужасна для нея, что она не чувствовала въ себѣ достаточной силы, чтобы ее вынесть, и Дюваль не соглашался. Наканунѣ отъѣзда, онъ, однако, самъ повезъ ее къ мужу. Время было къ вечеру; въ большомъ саду гуляли тѣ изъ помѣшанныхъ, которые составляли отдѣленіе тихихъ, и въ числѣ ихъ гулялъ Александръ.

Мѣсяцъ разлуки измѣнилъ его значительно, онъ былъ еще болѣе худъ и блѣденъ, глаза горѣли дикимъ блескомъ. Онъ увидѣлъ жену объ руку съ

Дювалемъ, но не узналъ ее, хотя Дюваль и предварилъ его объ этомъ посѣщеніи. Несчастный подошелъ, безсмысленно улыбаясь, и сначала поклонился ей почтительно; видя, что на поклонъ его не отвѣчаютъ, онъ поклонился еще и еще разъ, и всякій разъ глубже, нежели въ первый.

— Я кажется имѣю удовольствіе говорить съ дочерью вашей? спросилъ онъ Дюваля.

— Александръ, ты не узнаешь меня? проговорила съ отчаяніемъ Улимова.

— Ради Бога не предавайтесь.... сказалъ ей Дюваль.

— Да, не предавайтесь! повторилъ Улимовъ. Онъ смотрѣлъ на жену, припоминая что-то.—А, это ты—сказалъ онъ—я долженъ былъ догадаться.—И онъ пожалъ ей руку.—Мнѣ здѣсь очень хорошо, мы веселимся, пожалуста не предавайся. Я надѣюсь, что она здорова, докторъ, и что я могу съ ней смѣло говорить—спросилъ онъ тихо у Дюваля.

— Не совсѣмъ,—отвѣчалъ Дюваль тѣмъ же тономъ.—Однако ей лучше.

— Пожалуйста не предавайся—повторилъ онъ, снова обращаясь къ женѣ.—Видишь ли, предаваться никогда не слѣдуетъ. Докторъ, я хорошо говорю?... Хозяинъ нашъ удивительный филантропъ, и умъ имѣетъ самый образованный. Здѣсь, я тебѣ скажу, есть удивительные люди. Напримѣръ, я подружился съ однимъ наслѣднымъ принцемъ, онъ имѣетъ всѣ права на престолъ, но какъ часто случается, долженъ былъ бѣжать сюда, отъ жертвъ вредныхъ происковъ; имѣетъ до сихъ поръ сильныхъ враговъ. Другой у меня музыкантъ, и знаешь кто? Мейерберъ, настоящій Мейерберъ, а совсѣмъ не тотъ поддѣльный,—но это современемъ откроется,

и вотъ съ этими обоими я очень хорошъ. Мейерберъ напишетъ скоро оперу, чтобы опровергнуть всѣ оперы поддѣльнаго Мейербера. Если ты хочешь, я тебя съ ними познакомлю. У насъ есть еще Кальостро; чрезвычайно занимательны его похожденія. Пойдемъ, пойдемъ — и онъ тащилъ ее за руку — я покажу тебѣ всѣ знаменитости наши.

Въ это время на поворотѣ показался средняго роста худой, изсохшій весь человѣкъ, въ длинныхъ черныхъ локонахъ по плечамъ, съ большимъ бѣлымъ воротничкомъ, откинутымъ широко на тощей шеѣ. Ястребиный носъ, оливковый цвѣтъ лица и чрезвычайный блескъ его черныхъ, безумныхъ глазъ поражали съ перваго взгляда.

— Это Паганини! прошепталъ Улимовъ, толкнувъ жену, съ которой шелъ подъ руку. — Онъ иногда бываетъ не въ духѣ. У него украли скрипку, и теперь онъ не можетъ подобрать ни одной, которая бы замѣнила его знаменитую скрипку: это человѣкъ глубоко огорченный. — Здравствуйте, синьоръ маестро! сказалъ онъ вслухъ, почтительно кланяясь.

Но мнимый Паганини молча кивнулъ ему головой. Точно, сходство этого несчастнаго безумца съ портретомъ Паганини было поразительное; это сходство свело, видно, съ ума какого-то бѣднаго странствующаго скрипача.

Такія причины, или приблизительно такія, были источникомъ помѣшательства нѣсколькихъ изъ обитателей грустнаго убѣжища безумцевъ; глубокое убѣжденіе въ своей тождественности съ какимъ нибудь знаменитымъ лицомъ укрѣплялось навсегда въ разстроенномъ воображеніи. Дюваль слѣдилъ

съ безпокойствомъ за выраженіемъ нестерпимаго страданія, которое все больше и больше разливалось по лицу неоправившейся отъ недавней болѣзни и потрясенной до глубины души Юліи Михайловны.

Навстрѣчу имъ, по широкой аллеѣ, шли двое сумасшедшихъ; одинъ держалъ гордо голову и говорилъ что-то своему товарищу, который, повидимому, слушалъ его съ подобострастіемъ.

— Ахъ, вотъ мои два друга!—воскликнулъ Улимовъ. — Принцъ очень милостивъ къ Мейерберу, всегда много разговариваетъ съ нимъ и со мной. Ваше высочество! произнесъ онъ, обращаясь къ мнимому принцу, — позвольте представить вамъ мою жену.

Оба сумасшедшіе остановились, и принцъ кивнулъ важно головой.

— Эта прекрасная дама ваша жена? спросилъ онъ.

— Да, ваше высочество.

— Намъ очень пріятно видѣть у васъ такую жену, вы можете ее увѣрить, что когда намъ возвратятъ престолъ нашъ, то для нея найдется мѣсто статсъ-дамы при нашемъ дворѣ. Мейерберъ! обратился онъ къ своему товарищу—намъ пріятно, чтобы первая твоя опера была посвящена женѣ нашего друга.

Они прошли дальше.

— Видишь, видишь, — прошепталъ Улимовъ въ неописанномъ восторгѣ — видишь ли, какъ онъ ко мнѣ милостивъ. И вотъ съ такими-то людьми я живу!...

Юлія Михайловна хранила все время глубочайшее молчаніе, словъ не было—что могла она ска-

зать? Дюваль заставлялъ говорить Улимова коль скоро онъ умолкалъ; нѣсколько разъ онъ дѣлалъ знаки своей паціенткѣ, что пора ѣхать, но она отвѣчала ему отрицательно. Только замѣтно было, какъ она постепенно ослабѣвала. Пришлось выбрать одно изъ болѣе уединенныхъ мѣстъ и сѣсть на скамью. Повидимому Улимовъ уже утратилъ совершенно несчастную идею, что жена помѣшана, что на нее перешло наслѣдственное сумасшествіе, которое ему грозило; но вмѣсто этой идеи натолпилось столько другихъ въ его больную, разстроенную голову, столько неестественныхъ представленій, сумазбродныхъ убѣжденій, столько несвязныхъ мыслей, что тѣни прежняго человѣка уже не осталось въ немъ.

— Но я любилъ ее, какъ сорокъ тысячь братьевъ любить не могутъ! раздался голосъ за деревьями и смолкъ тотчасъ послѣ этой шекспировской фразы, произнесенной грустнымъ, тихимъ тономъ печальнаго раздумья.

Въ этой же самой сторонѣ кто-то разсказывалъ ѣдкую повѣсть измѣны любимой женщины, другой съ горестью и тоской говорилъ о безотвѣтной любви, и все это перемѣшивалось возгласами Улимова, его рѣчами безъ смысла и послѣдовательности. А воздухъ былъ тепелъ и тихъ, садъ съ своими тѣнистыми, широкими аллеями прекрасенъ, небо вечернее было хорошо; только душу давила безотрадность, и голова не могла связать ни одной утѣшительной мысли.

— Поѣдемте, сказалъ Дюваль.—Завтра поѣздъ утренній отходитъ рано.

— Вы уѣзжаете, докторъ? спросилъ помѣшанный. — Желаю вамъ счастливаго пути.

— Нѣтъ, жена ваша уѣзжаетъ — отвѣчалъ Дюваль.

Улимовъ безсмысленно поглядѣлъ на жену.

— Да, другъ мой,—сказала она,—я ѣду далеко, надолго, а какъ здоровье мое очень слабо, то, конечно, я могу всего ожидать, могу думать, что мнѣ суждено умереть скоро.

— Зачѣмъ умирать, отчего умирать? развѣ докторъ не обѣщалъ тебя вылечить?... А когда умрешь, тогда что̀ еще случится? спросилъ онъ.

— Не знаю. Но вотъ видишь ли, такъ какъ я могу умереть вдали отъ тебя, то простись со мной хорошенько — произнесла Улимова съ твердостью, которая ей дорого стоила.

Дюваль не говорилъ ни слова, онъ всталъ только съ своего мѣста и отвернулся.

— Прощай, сказалъ Улимовъ равнодушнымъ голосомъ; но говоря это, протянулъ женѣ руку и потомъ поцѣловалъ ее.

— Прощай!... проговорила она.

Она задыхалась; она едва, едва могла ступать, опираясь на руку Дюваля, который поддерживалъ ее.

Посѣтители достигли рѣшетки сада и переступили ее.

— Ваше высочество—раздался въ эту минуту въ саду голосъ Улимова,—жена моя поѣхала умирать. Теперь, Мейерберъ, не пиши оперы!...

— Мы позволяемъ ему посвятить оперу нашей будущей супругѣ, принцессѣ Амаліи, произнесъ голосъ принца.

— Умирать? зачѣмъ умирать?... сказалъ Мейерберъ.

— Разлука смерть и смерть разлука — проговорилъ протяжно какой-то помѣшанный отъ любви. Но я любилъ ее какъ сорокъ тысячь братьевъ....

Провожаемые этими громкими рѣчами, Дюваль и Юлія Михайловна сѣли въ экипажъ. Нѣсколько минутъ они ѣхали молча; наконецъ Дюваль взялъ за руку свою паціентку.

— Вамъ очень тяжело, дитя мое! сказалъ онъ. Плачьте, если можете, я слишкомъ понадѣялся, кажется, на ваши силы.

— Я не могу плакать; я видѣла могилу, въ которой схоронили всѣ радости моей жизни, — отвѣчала Улимова съ глухимъ отчаяньемъ; — я видѣла мѣсто, гдѣ погребли человѣка, и уношу яснѣе сознаніе, что нѣтъ уже этого человѣка. Скажите, долго ли онъ проживетъ?

— Вы въ состояніи выслушать истину? спросилъ Дюваль.

— О, да! теперь я въ состояніи все выслушивать, все выносить....

— Если не будетъ перехода въ бѣшенство, то онъ можетъ прожить очень долго.

— Докторъ, вы мнѣ напишете — когда окажется бѣшенство; я еще разъ должна его увидѣть! Зачѣмъ, зачѣмъ я его здѣсь оставляю!...

— Плачьте надъ собой, а не надъ нимъ — отвѣчалъ Дюваль угрюмо и самъ отеръ невольную слезу.

На другой день Юлія Михайловна опять была на Бельгійской дорогѣ; она возвращалась въ Россію.

Легко представить себѣ встрѣчу ея съ Юріемъ Петровичемъ; въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ голова его побѣлѣла, но мужество, истинное му-

жество души, источникъ котораго всегда въ вѣрѣ въ Бога и въ чувствѣ своей правоты, не оставило старика. Ему хотѣлось знать подробности положенія сына, но страшно было растерзать въ конецъ изстрадавшееся сердце. Сосѣди успѣли развѣдать о пріѣздѣ Юліи Михайловны, и хотѣли было начать снова свои посѣщенія, но встрѣтили въ Александровкѣ такія грустныя лица, что всѣ немедленно потеряли охоту продолжать знакомство съ Улимовыми. Однако, какъ отказываться поневолѣ отъ своихъ стремленій люди обыкновенно очень не любятъ, то странный пріемъ александровскихъ жителей вооружилъ всѣхъ сосѣдей противъ Юліи Михайловны. Знали, что она возвратилась одна, что Улимовъ остался въ Парижѣ; но въ чемъ заключалась причина этого возврата, почему они разстались, вотъ чего не могли рѣшить досужіе умы сосѣдей долгое время.

— Вы видѣли Улимову? какъ горда стала, потому что въ чужія края съѣздила!—говорили между собой сосѣдки.

— Да, въ Парижѣ побывала!... Я ей говорю: Юлія Михайловна, одолжите фасончиковъ мнѣ новыхъ! а она мнѣ въ отвѣтъ—никакихъ у меня фасоновъ нѣту. Вотъ, представьте, дуру нашла! повѣрю я, чтобы въ Парижѣ была и модъ намъ не вывезла никакихъ.

— Какъ не навезла, конечно навезла, только для себя, а не для насъ.

— Разумѣется. Вотъ куафюръ какой-нибудь модный мнѣ бы теперь для Машеньки какъ разъ нужно, сами посудите! гдѣ здѣсь взять порядочное, магазиновъ у насъ нѣтъ, пока-то изъ Одессы выпишемъ, да и хлопотъ сколько! А пуще всего ма-

дамы тамошнія ужасъ какъ обманываютъ, дорого берутъ, въ глаза только льстятъ, а за глаза, стыдно сказать, что вышлютъ. Но вообразить не могу, чтобы жадность такая была и невѣжливость — увѣряетъ, что и куафюра нѣтъ. Такъ позвольте, говорю, хоть чепчичекъ мнѣ какой-нибудь, хоть самый маленькій, на фасонъ. Нѣтъ, говоритъ, право ничего такого у меня нѣтъ, я въ Парижѣ вовсе модами не занималась. Любопытно знать, чѣмъ же она тамъ занималась!

— Чѣмъ? вы не догадываетесь?... Если моды въ голову не шли, значитъ въ головѣ было много кой-чего другаго.

— Да, да, справедливо! Это же самое послѣ моего разсказа подумалъ и Филимонъ Васильевичъ, да говоритъ мнѣ: я ей при встрѣчѣ скажу: а не привезли ль вы французскихъ романовъ, если французскихъ модъ не привезли? Видите ли, какой шутникъ Филимонъ Васильевичъ. Я ему говорю: полноте! А онъ мнѣ: что, говоритъ, полноте, надо ее проучить.

— Чтожъ потомъ?

— Потомъ, вотъ видите ли, и встрѣтились мы съ ней. Она въ церковь пріѣхала, знаете ли, богомольная крѣпко стала, такъ все молится, ни на кого и не посмотритъ!

— Вотъ, скажите!

— Но нѣтъ, послушайте дальше. Вотъ, обѣдня кончилась, смотримъ, она пробирается въ толпѣ. Филимонъ Васильевичъ поскорѣе, поскорѣе, знаете ли, за ней, все ближе, ближе.... Мое почтеніе! говоритъ онъ ей. Она молча поклонилась, да, знаете ли, хочетъ какъ-нибудь уйдти отъ насъ. — Что новенькаго въ Парижѣ? говоритъ Филимонъ Ва-

сильевичъ. Она опять-таки ничего. — Что вы новыхъ модъ нашимъ дочкамъ да женамъ не привезли? говоритъ Филимонъ Васильевичъ, а я, знаете ли, смотрю на нее и улыбаюсь. Она такъ гордо поглядѣла, и говоритъ: меня моды не интересовали. —А романы французскіе васъ интересовали? спросилъ Филимонъ Васильевичъ, — я думаю, вы съ французскими романами тамъ познакомились! — Представьте, она ни слова, въ фаэтонъ свой сѣла, вотъ какъ будто не ей говорятъ.

— Однако, знаете ли....

— Помилуйте, что тутъ! Съ мужемъ разъѣхалась, бросила его неизвѣстно гдѣ, неизвѣстно почему.

— А если онъ ее бросилъ?

— Неужто въ актрису влюбился?

— Нѣтъ, тамъ и безъ актрисъ найдутся. Мнѣ разсказывали, что тамъ гризетки какія-то есть.

— Если и такъ случилось, неудивительно. Вѣдь, помилуйте, охота была такому мальчишкѣ еще, можно сказать, жениться! вѣкъ свой закабалилъ, да и только. Юрію Петровичу не я одна тогда удивлялась, не Богъ знаетъ какая партія, бездомная сирота, безъ гроша приданаго, да и въ колыбели не бархатомъ же была повита. Катерину Андреевну я знавала, за всѣмъ сама покойница ходила. Но что вы будете говорить! Юрій Петровичъ себѣ на бѣду привезъ ее изъ Одессы; призрѣлъ ее просто, можно сказать, а она какъ отблагодарила? вскружила голову сыну его, мальчику молоденькому, и вотъ навсегда связала ему руки, будущность ему совсѣмъ испортила. Александръ Улимовъ могъ не такъ жениться, извините!

— Что же прикажете дѣлать, если это, можно сказать; такая хитрая штука! удивляться нужно.

Она околдовала самого Юрія Петровича, до-сихъ-поръ его въ рукахъ держитъ, вѣдь онъ ее больше дочки родной любитъ.

— Жаловалась мнѣ Авдотья Юрьевна не разъ, правда ваша! что за хитрая такая, что за фальшивая, какъ подумаешь!

— Да теперь только фальшивымъ такимъ и жить. Охъ будетъ жалѣть Юрій Петровичъ, да поздно будетъ.

— Жалко мнѣ старика, препочтенный старикъ. Признаюсь, я очень рада, что Филимонъ Васильевичъ такъ ей хорошенько сказалъ, ничуть, ничуть я ее не пожалѣла. И что за-трудъ, скажите, фасончикъ дать снять?

— Помилуйте, развѣ она сама снимать станетъ, мало горничныхъ у ней! позови, прикажи—вотъ и выкройка готова.

— Разумѣется. Но вѣдь зависть адская какая! Она хочетъ видно всѣхъ затмить,

— Можетъ быть.

— Мудренаго ничего нѣтъ. Такъ вотъ какая Улимова!

— Вотъ да-съ, такова стала!..

— А я сама было думала съѣздить къ ней попросить, да узнать о Парижѣ. Вѣдь прежде какой домъ пріятный былъ, какая сама она была любезная хозяйка, деликатессъ можно сказать, гостепріимна, готова услужить....

— Мало того! сама бывало говоритъ: не хотите ли того, не нравится ли вамъ это? просто все свое приданое пораздавала на фасоны.

— Хитрость, все хитрость. Это, знаете, было на первыхъ порахъ, чтобы всѣхъ задобрить, чтобы люд-

скіе толки глазъ не раскрыли кому слѣдовало, а теперь думаетъ, что въ людяхъ нужды нѣтъ.

— Охъ, охъ, пусть этого не думаетъ, еще не извѣстно, какъ придется иногда.

— Любопытно знать, почему она разъѣхалась съ мужемъ?

— Не безпокойтесь, это выйдетъ наружу непремѣнно когда нибудь.

— Говорятъ, что онъ пріѣдетъ.

— Кто это говоритъ? Юлія Михайловна сама распускаетъ слухи, а правды въ нихъ ни на волосъ. Нѣтъ, что они разъѣхались—это вѣрно, а только кто причиной? Положимъ, онъ не захотѣлъ, положимъ, онъ предложилъ разстаться, но бываютъ случаи, когда человѣкъ вынужденъ это сдѣлать. Не вынуждай!

— Конечно тотъ виноватъ, кто первый подалъ поводъ.

— Знаете ли однако, mes dames, Юрій Петровичъ вѣдь ее очень ласково принялъ, а повидимому ничего, какъ будто ее по-прежнему любитъ.

— Это ничего не доказываетъ. Юрій Петровичъ деликатенъ, а она хитра, фальшива, и всѣ старанія, разумѣется, приложены, чтобы огласки покамѣсть не было.

— Вотъ это развѣ!...

Такіе толки шли вообще о Юліи Михайловнѣ, правды въ нихъ было мало или вовсе не было, но умы были возбуждены до крайности ея возвратомъ, перемѣной рода жизни въ Александровкѣ, ея непривѣтливостью, грустью и задумчивымъ видомъ самого Юрія Петровича. Что касается до Юліи Михайловны, то очевидное стараніе ея удаляться всякихъ сношеній съ сосѣдями было названо гор-

достью, чванствомъ, и чѣмъ менѣе показывалась она, чѣмъ рѣже ее видѣли, тѣмъ болѣе вооружались противъ нея и говорили нелѣпыя небылицы, одна другой смѣшнѣе. Быть можетъ какая нибудь кумушка охотно бы передала Юліи Михайловнѣ все то, что о ней говорилось между сосѣдями, но Юлія Михайловна была недоступна, и потому оставалась въ совершенной неизвѣстности на счетъ толковъ, возбужденныхъ ея возвратомъ и ея уединеніемъ.

Дюваль исполнилъ данное обѣщаніе: онъ писалъ акуратно и извѣщалъ ее объ Александрѣ; перемѣны въ его состояніи не произошло покамѣсть никакой, только сумазброднѣй и сумазброднѣй становились мысли бѣднаго безумца; о женѣ онъ никогда не вспоминалъ самъ: Дюваль заставлялъ его вспоминать. Первая безумная мысль его тогда возвращалась, и онъ спрашивалъ: а лучше ли женѣ и возвращается ли къ ней разсудокъ?..

Иногда въ немъ проявлялись порывы, нетерпѣніе, раздражительность,–онъ искалъ ссоры и находилъ поводы къ ней безъ труда. Докторъ, который взялся его лѣчить, и котораго, по прежнему, Улимовъ считалъ образованнымъ филантропомъ, но инстинктивно боялся его и избѣгалъ, сообщилъ Дювалю свои опасенія на счетъ Улимова, чтобы помѣшательство его не перешло въ бѣшенство. Дюваль просилъ увѣдомить, какъ только онъ замѣтитъ такую перемѣну. Мнимый филантропъ разъ былъ привлеченъ ужаснымъ шумомъ въ садъ, гдѣ въ обычный часъ гуляли всѣ его паціенты; многіе изъ помѣшанныхъ бѣгали въ испугѣ по всѣмъ аллеямъ, другіе прятались за деревьями, Мейерберъ стоялъ заломивъ руки, а какая то не большая группа копошилась въ концѣ аллеи. Очевидно было, что дра-

лись, и дрались съ неистовствомъ, а это произшествіе произвело ужасное впечатлѣніе на остальныхъ. Подойдя ближе, онъ различилъ съ трудомъ Улимова и *принца*; покрытые пылью и кровью они барахтались и съ неистовствомъ надѣляли другъ друга страшными ударами. Появленіе доктора разомъ заставило опомниться перепуганныхъ свидѣтелей страшнаго боя, но битва продолжалась; тогда голосъ его раздался грозно, и сильная рука схватила Улимова за плечи. Принцъ отскочилъ и показалъ доктору исцарапанное лицо.

По справкамъ оказалось, что Улимовъ по обыкновенію очень дружно разговаривалъ съ принцемъ и Мейерберомъ, и вдругъ, при какомъ то словѣ противорѣчія со стороны принца, бросился на него съ неистовствомъ. Тогда началась страшная битва, на шумъ которой вышелъ докторъ. Выслушавъ такое донесеніе Мейербера, расказанное несвязно, но поясненное и подтвержденное садовникомъ, докторъ увелъ Улимова съ собой и заперъ ого одного въ комнатѣ на цѣлый день. Дюваль получилъ увѣдомленіе о первомъ пароксизмѣ бѣшенства Улимова и пріѣхалъ посмотрѣть на него. Онъ нашелъ его изнеможеннымъ, усталымъ, но съ дико сверкающими глазами и одолѣваемаго непрерывно сильной дрожью. Воспоминаніе объ утренней дракѣ не покидало его; онъ посылалъ все Дюваля испросить у принца прощенія, съ отчаяніемъ говорилъ о своемъ поступкѣ, и всякій разъ какъ появлялся мнимый филантропъ въ дверяхъ комнаты, онъ закрывалъ лицо и прятался въ углу комнаты.

Вѣрный своему обѣщанію, Дюваль рѣшился извѣстить Юлію Михайловну о случившемся и, конечно, постарался сдѣлать это со всевозможной

осторожностію. По письму Дюваля Юрій Петровичъ и Юлія Михайловна собрались въ Парижъ, только Юлія Михайловна всю дорогу не давала покоя просьбами, мольбами, чтобы взять Александра изъ дома сумашедшихъ и отвезти его въ Александровку. Юрій Петровичъ ничего не отвѣчалъ положительнаго на эти просьбы; онъ никакихъ надеждъ, ни какихъ картинъ будущаго не представлялъ себѣ и только думалъ, только сознавалъ, что онъ ѣдетъ проститься съ сыномъ, взглянуть на него въ послѣдній разъ и быть можетъ во всемъ этомъ дорогомъ для него существѣ не найдти ужъ ничего человѣческаго. Опять на желѣзной дорогѣ, пересаживаясь изъ вагона въ вагонъ, они обращали на себя вниманіе спутниковъ, которыхъ имъ судьба посылала, Юлія Михайловна своимъ блѣднымъ, выразительнымъ видомъ, Юрій Петровичъ бѣлыми какъ снѣгъ сѣдинами, оба глубокой грустью своей и задумчивостью.

Свиданіе съ несчастнымъ безумцемъ не поразило ихъ, они ожидали увидѣть все то, что въ самомъ дѣлѣ увидѣли, но тяжело было и для души и для ума это свиданіе. Юлія Михайловна объявила намѣреніе взять несчастнаго съ собой въ Россію, докторъ заспорилъ, Дюваль заспорилъ—она упорствовала. Юрій Петровичъ ничего не говорилъ, онъ не-въ-силахъ былъ спорить противъ намѣренія невѣстки, но онъ не могъ не чувствовать справедливости мнѣнія обоихъ докторовъ. Помѣшанный не узналъ ни жены, ни отца; порывы бѣшенства повторялись въ немъ все чаще и чаще, и послѣ каждаго онъ изнемогалъ, силы оставляли его, жизнь удалялась, все больше и больше удалялась она.

На повтореніе желанія взять его непремѣнно, док-

торъ рѣшился представить Юліи Михайловнѣ конечную невозможность подобнаго поступка: Улимовъ ужъ нѣсколько дней не вставалъ съ постели иначе какъ только когда срывался въ припадкѣ неистовства, и снова погружался въ совершенное изнеможеніе. Однако Юлія Михайловна упорствовала, а Юрій Петровичъ, побуждаемый ею, началъ то же настаивать сильнѣе;—доктора не знали сами на что рѣшиться. Но судьба устроила все иначе, все на свой ладъ; смерть несчастнаго безумца кончила споры, которыхъ онъ былъ причиной. Юрій Петровичъ и Юлія Михайловна, увѣдомленные докторомъ о признакахъ близкой агоніи Улимова, явились присутствовать при его послѣднихъ минутахъ; они имѣли утѣшеніе подсмотрѣть въ немъ проблескъ сознанія, поймать взглядъ, который узналъ ихъ обоихъ, услышать слово признательности изъ устъ умирающаго и принять послѣднее пожатіе охладѣвающей руки. Страданія кончились, жизнь догорѣла.

Когда окончательная жертва была принесена, когда на кладбищѣ отца Лашеза поставили бѣлый мраморный памятникъ, Юрій Петровичъ и Юлія Михайловна братски обняли Дюваля и простились съ Парижемъ навсегда.

Опять Александровка увидѣла своихъ владѣльцевъ. Сосѣди увидѣли траурное платье на Юліи Михайловнѣ, коментаріи стали нѣсколько яснѣе, толки недовольныхъ смолкли. Мало по малу истина открылась постороннимъ; кто первый проникъ ее и какими средствами доискался, не извѣстно, но всѣ узнали постепенно другъ отъ друга, что Улимовъ умеръ помѣшанный. Впрочемъ заклятые враги подвергали сомнѣнію, точно ли онъ былъ помѣшанъ, но утверждали только, что жена отдала его

въ домъ умалишенныхъ, а несчастный къ концу перваго года своего тамъ пребыванія окончилъ жизнь. Чувствительныя души удивлялись жестокосердію Юліи Михайловны, и снова, по поводу заключенія мужа въ сумасшедшій домъ, пошли о ней разные толки. Дамы приходили въ ужасъ, *въ справедливый ужасъ* и искреннее негодованіе; мущины даже удивлялись такому характеру въ молодой женщинѣ, такому *эгоизму* и отвагѣ, рѣшительности, короче ее никто не оправдывалъ, и всѣ съ глубокимъ соболѣзнованіемъ говорили о покойномъ Улимовѣ.

Въ этотъ разъ слухи доходили до самыхъ ушей Юліи Михайловны: сначала она приняла ихъ равнодушно, но неутомимость, неумолкаемость осуждавшихъ ее пробудила въ душѣ досаду, огорченіе и наконецъ озлобленіе. Юрій Петровичъ утѣшалъ ее какъ и чѣмъ могъ, но явился еще одинъ врагъ у Улимовой,—это была Дунечка, сестра Александра. Давъ успокоиться первому порыву горести отца и невѣстки, она стала обдумывать средства овладѣть состояніемъ, оставшимся послѣ брата. Точно въ этой женщинѣ была развита жажда пріобрѣтенія; заботливость объ участи и благосостояніи дѣтей нѣсколько оправдывала ея поступки, всѣ клонившіеся къ обогащенію. Зная привязанность Юрія Петровича къ Улимовой, она боялась, чтобы вся часть брата не перешла въ руки его жены, и рѣшилась употребить всѣ усилія и помѣшать такому непріятному для нея намѣренію.

Письмо за письмомъ писала Дунечка къ отцу, напоминая ему о своихъ дѣтяхъ, и наконецъ прямо указывая ему на необходимость отдать немедленно Юліи Михайловнѣ часть съ имѣнія мужа, принадлежащую ей по законамъ. Къ Юліи Михайлов-

нѣ писала она, что надо непремѣнно ей получить свою часть, что она совѣтуетъ ей просить отца объ этомъ непремѣнно, что *необходима* независимость для каждаго, что отецъ старъ, и много, много все въ такомъ родѣ писала она къ Юліи Михайловнѣ. Въ то же самое время она писала къ отцу, что пока онъ не отдастъ слѣдуемой части Юліи Михайловнѣ, до тѣхъ поръ она не повѣритъ, чтобы онъ не вздумалъ современемъ обезпечить невѣстку въ ущербъ дочери и внукамъ. Много, много было происковъ всякаго рода, со стороны этой женщины, происковъ, которые не могли обмануть ни глазъ Юліи Михайловны, ни сердца Юрія Петровича,—онъ огорчался; Юліи Михайловнѣ было больно видѣть въ сестрѣ своего мужа тайнаго врага, и вобще поступки, мало располагающіе въ ея пользу,—пришлось обоимъ поступить по желанію Дунечки. Юрій Петровичъ сдѣлалъ требуемый раздѣлъ; но выдѣливъ часть Юліи Михайловны, остальное имѣніе назначилъ внукамъ, только составленнымъ актомъ показалъ ихъ владѣльцами Александровки не иначе, какъ послѣ смерти теперешняго владѣльца, то есть его самого. Улимова получила свой хуторъ и капиталъ, равняющійся той части Александровки, которая пала на ея долю по законамъ; Дунечка успокоилась, хотя внутренно, и не совсѣмъ безъ основанія, была убѣждена, что Юрій Петровичь не ограничился только законной частью, и что капиталъ былъ конечно увеличенъ, только тайнымъ образомъ, безъ всякихъ поясненій.

Дѣло въ томъ, что Юлія Михайловна перешла ужъ нѣсколько ступеней состоянія: она была бѣдна, потомъ очень богата, теперь имѣла состоянье,

обезпечивающее её нѣсколько отъ зависимости общественной, отъ житейскихъ нуждъ, отъ труда и мелкихъ заботъ. Она могла жить пріятно, но съ нѣкоторымъ разсчетомъ, зато могла жить свободно всюду, какой бы городъ, какое мѣсто ни избрала.

Но что ей было до ея независимости? Она сначала вовсе не думала оставлять Александровки и пользоваться какимъ либо изъ своихъ правъ. Здѣсь тихо было, глухо было, голоса людскіе терялись въ тиши, мысль ея терялась въ воспоминаніяхъ прошлаго. О эти воспоминанія! онѣ жгли ея душу и мучили, онѣ страшными привидѣньями скользили передъ мысленнымъ взоромъ, онѣ отравой вливались ей въ сердце, и, наединѣ сама съ собой, она съ трепетомъ прислушивалась къ ихъ голосу. Нервы Юліи Михайловны пришли опять въ ужаснѣйшее разстройство: иногда, подъ вечеръ, въ пустынной залѣ ей слышались шаги, и эти шаги настигали ее, шли по пятамъ, и то не были тѣ воображаемые шаги, при которыхъ слышалось—«гуси спятъ, утки спятъ». Тогда она пускалась со всѣхъ ногъ искать бабушку и Юрія Петровича, теперь она чуткимъ ухомъ прислушивалась къ шагамъ, которые звучали въ полумракѣ и тишинѣ большой залы. Но она ждала, что шаги подойдутъ, что тяжелая рука ляжетъ на плечо, и ей становилось еще тяжелѣе, нежели во всѣ остальныя минуты дня; она дрожала и блѣднѣла.

Читатель! она была молода, пылка, воспоминанія—эти тѣни прошлаго, встающія иногда съ такой силой, были невыносимы. Юрій Петровичъ осуждалъ ее за способность предаваться своей тоскѣ, за уединенье, за безотрадное отшельничество. Онъ требовалъ, чтобы она стала выѣзжать въ свѣтъ,

желалъ, чтобы она оставила совершенно на нѣкоторое время Александровку. Сначала она его не слушала; но съ каждымъ днемъ воспоминанія ея становились живѣе, немолчно говорила тоска въ сердцѣ, безмолвіе Александровки развивало до болѣзненности ея воображенье. Ей хотѣлось бѣжать себя самой, укрыться отъ своихъ воспоминаній, но куда, но какъ? путешествіе въ ея положеніи было невозможно, оно бы оживило только ея воспоминанія; оставалось послушать Юрія Петровича, оставить его и переселиться въ какой нибудь пріятный для жизни городъ. Она выбрала городъ Одессу....

До-сихъ-поръ, ужасовъ, которые ей представляла память, она не могла побѣдить въ себѣ дѣйствіемъ своей воли; она рѣшилась дѣйствовать на нихъ механически, бросившись въ свѣтъ, и тамъ, подъ шумъ, суету, яркій блескъ его, стараться заглушить ихъ. И если меньше будетъ чувствъ во мнѣ,—думала она,—тѣмъ лучше!... И если мысль отупѣетъ, душа измельчится, тѣмъ лучше! И если все, что есть хорошаго отъ природы во мнѣ, исчезнетъ, все дурное привьется къ душѣ — тѣмъ лучше! Не будетъ мнѣ жаль себя до такой степени, какъ теперь.

Еще траурное платье было на ней, а Юлія Михайловна, устроивъ себя прилично, но очень нероскошно для городской жизни, сдѣлала нѣсколько знакомствъ, потомъ еще, потомъ все болѣе. Здѣсь, въ свѣтѣ, исторія ея была тоже отчасти извѣстна: всѣ знали, что мужъ ея умеръ помѣшаннымъ въ Парижѣ. Молодежь ее окружала, пробуя нравиться ей, добиваясь вниманія, и эта женщина вдругъ стала не похожа на себя—она какъ будто

начала жить тщеславіемъ. Въ числѣ ея поклонниковъ былъ нѣкто Тименецкій, человѣкъ не молодой, извѣстный успѣхами своими въ романическихъ похожденіяхъ; по крайней мѣрѣ онъ такъ умѣлъ разсказать, или дать понять, что онъ былъ счастливъ, что его еще никто не заботитъ. Вообще Тименецкій умѣлъ и имѣлъ страсть компрометировать женщинъ; Улимова поняла его — и не оттолкнула, а напротивъ, точно обрадовалась этой встрѣчѣ: они стали неразлучны, свѣтъ заговорилъ о нихъ.

А Пленчаниновъ гдѣ? Онъ возвратился въ Россію и нашелъ каѳедру философіи уничтоженною. Тогда, пріискивая оправданіе своему неумѣнью заняться чѣмъ нибудь послѣдовательно, онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ и жаловался, что нѣтъ въ нашемъ богатомъ отечествѣ мѣста по его богатымъ способностямъ.

Онъ носилъ бакенбарды и очки, о философіи говорилъ очень мало, о любви къ нему женщинъ очень много, и при первой встрѣчѣ съ Улимовой, о несчастіяхъ которой онъ слыхалъ, Пленчаниновъ сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Это все ничего, кузина! я вынесъ, вотъ такъ вынесъ, но прошло, и у васъ пройдетъ, право пройдетъ!...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

РОМАНЪ

А. МАРЧЕНКО.

Brama assaï, poco spéra e nulla chiède.

Часть II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданiе А. Смирдина (сына) и Комп.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 11 Февраля 1858 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

ГЛАВА IV.

— У васъ очень хорошо идетъ Сафо, у васъ сама Сафо очень хороша—сказалъ мужчина, одѣтый съ чрезвычайной тщательностью и гладко причесанный. Онъ обращался ко всему обществу, заключенному въ небольшой низенькой гостиной.

На столѣ передъ диваномъ горѣла лампа; на другомъ столѣ, въ другомъ концѣ комнаты, горѣли двѣ свѣчи подъ пестрыми абажурами, и нѣсколько портретовъ, мужскихъ и женскихъ, смотрѣли съ этого столика на собравшееся общество.

На портретахъ все были неизвѣстныя лица, не музыканты, и не литераторы, и не живописцы, не пѣвцы и не пѣвицы, и не драматическіе актеры и актрисы, вообще ни одной знаменитости. Кисть художника тоже надъ ними вовсе не трудилась: все это были фотографіи различныхъ размѣровъ, все это были физіономіи нѣмыя для другихъ, говорящія только для хозяйки, милыя какъ память лучшихъ дней, безмолвныя какъ усмиренное, пѣсню грусти убаюканное чувство.

Глаза хозяйки часто переносились къ этимъ портретамъ. Сама же она сидѣла въ глубокомъ креслѣ, довольно далеко отъ обоихъ столовъ; лицо ея было очень мало освѣщено, и оттого я не стану даже теперь описывать лица ея, вообще не стану опредѣлять въ ней ничего. Пусть каждый составитъ о ней *теперешней* свое мнѣніе, пусть каждое воображеніе напишетъ по-своему ея портретъ; все это будетъ такъ же вѣрно какъ очеркъ этой личности, сдѣланный перомъ самого автора. Вѣдь искони ведется у насъ имѣть *свой взглядъ* на вещи, и авторъ, уважая въ каждомъ то, что̀ называютъ *своимъ взглядомъ*, прячетъ собственыя очки въ карманъ и не предлагаетъ ихъ никому, коль-скоро дѣло коснется какой-нибудь особенно занимающей его личности.

Спорить за своихъ друзей, отстаивать свои мнѣнія, объяснять свои убѣжденія значитъ дѣлать вредъ своимъ друзьямъ, своимъ мнѣніямъ и своимъ убѣжденіямъ!

На всякую похвалу есть двѣ хулы, одна—слѣдствіе личнаго вкуса, другая — желаніе убить въ сердцѣ противника отрадное вѣрованіе. Первая хула всегда является въ нѣсколько легкомъ тонѣ, вторая доходитъ до гигантскихъ размѣровъ. Хвалите меньше вашихъ друзей — это единственное средство оградить ихъ отъ порицаній, а себя отъ разочарованія; если вы станете слишкомъ хвалить, то поразскажутъ о нихъ такія вещи, которыя не снились вамъ еще ни въ одну безпокойную ночь!...

Передо мной съ самаго начала романа личность, которая мнѣ нравится, я сознаюсь въ этомъ, и потому описывать ее не стану. Но будемте смотрѣть на все своими глазами.

Въ гостиной Улимовой сидѣли Тимсенецкій, Желнинъ, Гриневичъ и Салынинъ. Сидѣлъ также Пленчаниновъ, родственникъ, знакомый читателю, троюродный братъ покойнаго мужа хозяйки; сидѣли Качуновъ, Трасси и Штадтгельмъ. Передъ каждымъ дымился остывающій стаканъ.

Штадтгельмъ, Пленчаниновъ и Салынинъ курили, Гриневичъ сидѣлъ у столика съ портретами и молчалъ, Тименецкій говорилъ о Сафо, Желнинъ сбирался что-то сказать.

Тименецкій былъ одѣтъ въ черное; волосы, съ значительной просѣдью, гладко зачесаны на сторону и сильно напомажены; перчатки орѣховаго цвѣта брошены въ шляпу, шляпа поставлена на полъ подлѣ стула, на которомъ помѣщалась маленькая фигура этого человѣка. Желнинъ сидѣлъ на диванѣ: на немъ былъ военный сюртукъ, на Гриневичѣ и Салынинѣ кирасирскіе, только двухъ разныхъ полковъ, на Штадтгельмѣ уланскій. Трасси и Качуновъ были одѣты въ партикулярное платье,—оба они и Пленчаниновъ нигдѣ не служили.

Качуновъ былъ очень плѣшивъ, и не носилъ ни усовъ, ни бороды; Трасси носилъ бороду, а Пленчаниновъ носилъ усы и огромныя бакенбарды, ходилъ въ очкахъ, выпускалъ широко отложенные воротнички и одѣвался весь въ сѣренькіе цвѣта. Качуновъ тоже носилъ очки и, какъ всѣ люди небольшаго роста, закидывалъ очень горделиво назадъ свою голову: по бѣлой манишкѣ ползла черная ленточка, и никакъ нельзя было опредѣлить что на ней — часы или медальонъ съ женскимъ портретомъ. Сюртукъ онъ носилъ большею частью однобортный, застегнутый на одну пуговицу, онъ

расходился широко къ низу и выказывалъ ослѣпительную манишку и темный жилетъ. Руки свои, безъ перчатокъ, Качуновъ держалъ всегда навиду, изрѣдка потирая ихъ, а когда случалось ему принимать задумчивую позу, то правая рука отправлялась за жилетъ налѣво, какъ будто искала сердца. Качуновъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые дѣлаются вашимъ врагомъ или вашимъ другомъ не по убѣжденію своему, и даже не по впечатлѣнію, которое вы на нихъ произвели, а просто, смотря по тому лестный или равнодушный вашъ отзывъ о немъ передали этому человѣку. Убѣжденье въ себѣ онъ носилъ только одно, и именно: что всѣ имъ занимаются.

Впрочемъ, кто не думаетъ, что имъ занимаются преимущественно передъ другими? Трасси это тоже думалъ, только думалъ онъ, что имъ занимаются не всѣ, а нѣкоторыя лица. Трасси былъ средняго роста, граціозенъ, съ чрезвычайно щеголеватыми пріемами, съ маленькой дозой легкаго жеманства, съ свѣтлорусой бородой и съ англійскимъ проборомъ въ свѣтлорусыхъ, густыхъ волосахъ. Онъ обладалъ хорошенькой рукой и хорошенькой улыбкой, да нѣжнымъ цвѣтомъ кожи; черты у него были ровныя, правильныя, глаза безъ значенья, но голосъ чрезвычайно мягкій, гибкій и пріятный.

Штадтгельмъ былъ высокъ и худъ, свѣтлокаштановые волосы, довольно жидкіе и довольно коротко остриженные, были причесаны невнимательной рукой, сюртукъ морщился во многихъ мѣстахъ на его впалой груди, узкіе, хотя довольно большіе, каріе глаза оживляли своимъ тихимъ блескомъ спокойное и кроткое лицо Шведа. Онъ очень вни-

мательно раскладывалъ пасьянсъ, не слушая о чемъ говорили, не вступая ни съ кѣмъ въ разговоръ и потягивая горячій дымъ папиросы, которая лежала на столѣ подлѣ картъ, раскладываемыхъ съ такимъ вниманіемъ.

Салынинъ курилъ гораздо прилежнѣй. Онъ былъ великъ и тонокъ. Лицо его не особенно красиво; многаго, многаго хотѣлось бы еще для этого лица, но не лишено оно было своего значенія. Разсматриваемое въ профиль, оно могло назваться правильнымъ и ужъ во всякомъ случаѣ могло назваться благороднымъ, но у этого лица было еще свое будущее. У самого Салынина было еще широкое, привольное будущее, оттого то рѣчи его кипѣли отвагой, сужденія имѣли тотъ положительный тонъ, то опредѣляющее свойство, которое обыкновенно имѣютъ рѣчи и сужденія людей не запуганныхъ еще жизнью. Онъ недовѣрчивъ былъ по принятому правилу, а ничуть не по опыту, и оттого любилъ напоминать часто, что онъ недовѣрчивъ. Онъ могъ любить съ энтузіазмомъ, но вѣдь энтузіазмъ всегда близокъ къ разочарованію! Салынинъ хорошъ былъ своеи естественностью; въ глазахъ женщинъ его красила прямота и горячность чувствъ, да то еще, что русской удалью дышали его дѣйствія; съ молодежью онъ былъ лихимъ товарищемъ, съ женщинами сохранялъ постоянно тонъ почтительной любезности. У него были рыцарскіе пріемы и о нѣкоторыхъ вещахъ рыцарскія понятія.

На замѣчаніе Тименецкаго, что Сафо очень хорошо идетъ, Салынинъ повернулся къ Улимовой и спросилъ:

— Скажите, Юлія Михайловна, не жаль ли та-

кой прекрасной Сафо для такого ничтожнаго Фаона? Я не могу представить, чтобы энергическая Сафо могла любить именно такого Фаона, каковъ онъ у насъ! Иллюзія не полна...

— Предрянной актеръ, замѣтилъ Пленчаниновъ, какая-то деревянная кукла, больше ничего! Конечно для подобнаго Фаона Сафо не бросится съ Левкадской скалы.

Тутъ Пленчаниновъ пообтянулъ очень важно свой сѣренькій жилетъ и зажегъ сигару.

Гриневичъ поднялъ голову.

— Напрасно вы такъ думаете, — сказалъ онъ,— женщина съ чувствомъ, женщина съ сердцемъ, съ энергіей вѣчно выберетъ себѣ Фаона въ родѣ вчерашняго.

Эти слова Гриневичъ произнесъ своимъ обыкновеннымъ холоднымъ и спокойнымъ тономъ. Странный былъ человѣкъ Гриневичъ! Онъ очень неохотно улыбался, такъ что казалось, будто онъ вовсе никогда не улыбается. Роста средняго, съ большими темно-сѣрыми глазами, которые глядѣли мрачно изъ подъ блѣднаго высокаго лба, Гриневичъ былъ и хорошъ и нехорошъ: это зависѣло отъ вкусовъ, но незамѣченнымъ пройти онъ не могъ. Рука природы не позаботилась отчетливо вывести черты его блѣднаго, холоднаго лица, а набросала ихъ какъ-будто въ одинъ почеркъ; небольшіе усы его были гораздо свѣтлѣе волосъ, губы всегда сердито отдувались, брови всегда сердито хмурились, глаза всегда сердито бросали на все свой взглядъ: Гриневичъ какъ-будто не умѣлъ глядѣть, онъ только на все бросалъ взглядъ, одинъ всего взглядъ,—и тотчасъ же отворачивался. Онъ былъ ловокъ отъ природы, и оттого и ходилъ, и

садился, и стоялъ всегда очень ловко. То не была грація Трасси, Трасси пріобрѣлъ для другихъ эту грацію, искусство въ немъ сдѣлалось второй натурой, а за Гриневича можно было ручаться, что онъ всегда былъ таковъ, что и наединѣ самъ съ собой онъ такъ же точно ходитъ, стоитъ и садится, какъ при другихъ. Повидимому ему ни до кого не было нужды особенно.

Когда холодный, отрывистый голосъ Гриневича произнесъ сужденіе, которое вдругъ давало другое направленіе всему разговору, Улимова подняла голову и посмотрѣла на Гриневича, а Желнинъ, продолжая внимательно слѣдить за пасьянсомъ Штадтгельма, подлѣ котораго занималъ мѣсто на большомъ диванѣ, сказалъ:

— Женщины съ энергіей, женщины съ чувствомъ, вообще престранныя женщины! Кто ихъ разберетъ!

— Вы ихъ не жалуете что-то, сказала Улимова.

— Женщины съ энергіей—да это прелюбопытная вещь! сказалъ Сальнинъ и взглянулъ тотчасъ на Улимову, какъ человѣкъ, который немедленно опомнился и боится, что его восклицаніе не понравилось.

Юлія Михайловна грустно улыбнулась, хотѣла что-то сказать, но остановилась, и взглядъ ея встрѣтился со взглядомъ Желнина. Онъ въ это время придвигалъ неловко брошенную Штадтгельмомъ карту къ другой картѣ, взоръ его машинально обратился къ Улимовой. Въ ея глазахъ было разлито цѣлое море нѣжности и грусти. Желнинъ ей незамѣтно улыбнулся, и потомъ оба разсѣянно взглянули въ большое зеркало; тамъ они увидѣли другъ друга, и тамъ смѣлѣе посмотрѣли въ глаза одинъ другому,

тамъ долго, долго не расходился ихъ взглядъ. Они обрадовались нечаянному открытію, никто не могъ поймать взгляда, никто не могъ подмѣтить его выраженія. Желнинъ былъ хорошъ. Онъ молодъ былъ какъ Салынинъ, а болѣе походилъ на Гриневича; но лицо Гриневича было холодно и сердито, а лицо Желнина было холодно и спокойно. Тамъ равнодушіе, здѣсь спокойствіе, тамъ саркастическая, здѣсь тихая и свѣтлая улыбка. Каштановые волосы мягки какъ у ребенка, синіе глаза свѣтятъ тихимъ привѣтомъ, мелкія черты изящны и правильны, лицо матовое, блѣдное, высокій ростъ и изумительная стройность фигуры, все это было въ немъ, и все это заставляло говорить, что онъ прекрасенъ.

— Кузина, воскликнулъ вдругъ Пленчаниновъ, вы сама женщина энергическая, не отрекайтесь, j'en sais quelque chose; рѣшайте—выбрали бы вы вчерашняго Фаона?

— Отчего же не выбрать, сказалъ Желнинъ, хоть какъ рѣдкость!

— Женщины не выбираютъ, замѣтилъ Тименецкій; онѣ нечаянно попадаютъ или на порядочнаго человѣка, или на ничтожнаго, и узнаютъ его истинное значеніе всегда ужъ слишкомъ поздно.

— Женщина сначала любитъ, а потомъ ужъ оцѣняетъ, проговорилъ Качуновъ, закинувъ голову назадъ и потирая руки.

— Вѣдь и мущина поступаетъ точно такъ же, сказалъ Салынинъ.

— Разница только та, замѣтила Улимова, что мужчина скорѣе выкажетъ свои недостатки, нежели женщина, слѣдовательно женщины скорѣе разочаровываются предметомъ своего чувства.

— Вы защищаете права женскаго непостоянства? —сказалъ Трасси.

— Я никогда не защищаю никого и ничего, отвѣчала Улимова.

— Чтожъ это такъ? спросилъ насмѣшливо Желнинъ.

— Кузина, вы очень торжественны сегодня. Ничего, господа, сегодня моя маленькая кузина въ припадкѣ торжественности, и все это вы, Тименецкій, навели на нее вашими разсужденіями о Сафо.

— Помилуйте, я только говорилъ объ этой оперѣ вообще; да и того менѣе—объ этой оперѣ у васъ. Тутъ Штадтгельмъ кончилъ свой пасьянсъ и, на правахъ нѣмца-дилетанта, заговорилъ о музыкѣ.

— Я слушалъ ваши сужденія, сказалъ онъ, о вчерашнемъ Фаонѣ; напрасно вы надъ нимъ смѣетесь; этотъ актеръ именно таковъ, какимъ написанъ Фаонъ, право онъ мнѣ очень понравился. Дерево онъ, и кукла, и вообще человѣкъ ничтожный,—это-то и хорошо, это еще рельефнѣй выдвигаетъ впередъ блистательную личность Сафо. Посмотрите, какъ безцвѣтна сама партитура Фаона, и персонажъ такой же,—чегоже вы хотѣли отъ вчерашняго актера? голосъ бы могъ быть у него получше, да пообработаннѣе, это правда; но игра—какая тутъ можетъ быть игра? опера даже такъ написана, и если ваша правда, что женщина, стоящая выше другихъ, попадаетъ обыкновенно на человѣка безхарактернаго, то можно сказать, что оперу писалъ знатокъ человѣческаго сердца.

— То есть женскаго, пояснилъ Желнинъ. Улимова бросила на него невольно взглядъ укора.

— Вы отдѣляете свойства женскаго сердца отъ

свойствъ общечеловѣческихъ, вы этимъ какъ-будто хотите лишить насъ общечеловѣческихъ правъ, сказала она нѣсколько воспламеняясь.

— Вы начинаете горячиться, замѣтилъ ей холодно Желнинъ.

— Мы не лишаемъ женщину общихъ всѣмъ правъ, сказалъ иронически Тименецкій, она въ правѣ ошибаться ровно на столько же, сколько и мы сами, даже болѣе, въ выборѣ предмета своихъ чувствъ.

— Женщины проницательнѣй насъ, сказалъ Салынинъ, и потому могли бы менѣе нашего ошибаться, но обжечься имъ легко: онѣ любятъ играть огнемъ.

— Салынинъ, продолжайте защищать женщинъ, сказалъ Желнинъ, принимаясь въ свою очередь за пасьянсъ—вы это мастерски дѣлаете.

Салынинъ вспыхнулъ.

— Что дѣлать, сказалъ онъ, я не умѣю говорить грубостей и не стараюсь оскорблять въ другихъ чувство.

— Ну такъ съ Желнинымъ вы взяли двѣ совершенно разныя дороги, сказала Улимова, улыбнувшись принужденно и искоса взглянувъ на Желнина.

Желнинъ чуть замѣтно вздрогнулъ, а Салынинъ ей низко поклонился.

— Кузина! вы, какъ хозяйка, должны быть любезнѣй, сказалъ Пленчаниновъ, поцѣловавъ у ней обѣ руки. Не сердитесь ни-на-кого изъ насъ, мы ваши гости!

— Если вамъ во мнѣ все будетъ напоминать хозяйку, то вы перестанете чувствовать себя дома, а этого я вовсе не хочу, отвѣчала она съ чрезвычайнымъ привѣтомъ и чистосердечіемъ.

Всѣ поклонились ей, кромѣ Гриневича и Желнина, который повидимому очень занятъ былъ пасьянсомъ, и обратился даже къ Штадтгельму съ словами: покажите, Штадтгельмъ, пожалуйста, какъ дальше! теперь ужъ я не знаю, а до сихъ поръ все у меня шло прекрасно.

Гриневичъ подошелъ взять папиросу.

— Скажите, Юлія Михайловна, отчего порядочная женщина всегда выберетъ для любви предряннаго человѣка? спросилъ онъ Улимову.

— Вѣдь я сказалъ вамъ, что женщина не выбираетъ, сказалъ Тименецкій.

— Оттого, Дмитрій Александровичъ, что женщина болѣе, нежели вы, подвержена случайностямъ, отвѣчала Юлія Михайловна Гриневичу, слегка вздохнувъ.

— Женщина отважнѣе насъ, замѣтилъ Трасси.

— Летитъ на огонь какъ бабочка, проговорилъ Качуновъ, закинувъ самодовольно голову назадъ, причемъ онъ потянулся въ креслѣ и положилъ ногу на ногу; вообще Качуновъ соблюдалъ всевозможный комфортъ.

— Не всегда, сказалъ Пленчаниновъ: если бы женщины летѣли на огонь, онѣ попадали бы на чувство, которое всегда огонь, то батальный, то потѣшный, то тихіе догорающіе уголья камина,—а все же огонь! Вы же всѣ, кузина, наоборотъ, огня чувствъ не любите.

— Чѣмъ меньше женщину мы любимъ...началъ Качуновъ.

— Тѣмъ больше нравимся мы ей—это еще сказалъ Пушкинъ, а вы сбираетесь перефразировать его истину, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, — и Тименецкій, поднявъ свою шляпу съ полу, началъ, по привыч-

кѣ, чиститъ бока ея рукавомъ. Онъ это обыкновенно дѣлывалъ для того, чтобы не разгорячаться во время споровъ и всегда сохранять достоинство и хладнокровіе не даромъ пожившаго человѣка.

— Такъ чувство никогда не вызоветъ женщину на чувство?—воскликнулъ Салынинъ.

— Какое дѣло мнѣ до чувства человѣка, котораго я не люблю? сказалъ Желнинъ, пріостановясь на минуту съ своимъ пасьянсомъ.

— Желнинъ, вы холоднѣе разсудка и естественнѣе самой природы, произнесъ Гриневичъ, и снова отошелъ къ портретамъ.

— Позвольте, сказалъ Штадтгельмъ, все дѣло изъ за Сафо! вы забываете ея вѣкъ: теперь женщина, обманутая въ своихъ чувствахъ и надеждахъ, не бросится въ море, и гордо скажетъ «какъ могла я любить подобнаго человѣка,» потомъ....

— Уберетъ головку цвѣтами и поѣдетъ на балъ, отозвался Гриневичъ изъ своего угла.

Качуновъ расхохотался, прочіе улыбнулись.

— Нѣтъ, воля ваша, проговорилъ Трасси, я не понимаю, какъ можетъ женщина унизиться до безотвѣтнаго чувства.

— А чтожъ дѣлать, если ей не отвѣчаютъ! сказалъ Пленчаниновъ.

— Не любить, отвѣчалъ холодно Гриневичъ.

— Преодолѣть себя не легко, сказалъ Салынинъ: кого не утомитъ внутренняя борьба!

— Вѣчная борьба, вы хотѣли сказать, произнесла Улимова.

Она была замѣтно грустна; граціозная ея фигура спокойно отдыхала въ креслѣ, голова склонилась къ груди, и голубыя ленты изящнаго чепчика свободно падали по довольно узкимъ плечамъ.

Впрочемъ Улимова была не худа, но миніатюрна, гибка и тонка. Волосы ея лоснились; они оттѣняли смуглое лицо, которое въ эту минуту горѣло яркимъ огнемъ; видно, что-то завѣтное шевельнулось на днѣ души ея.

— Человѣкъ борется, борется, и все же совсѣмъ не онъ выходитъ побѣдителемъ, продолжала она,— чувство его одолѣетъ,—а тамъ что?....

— Раскаянье, сказалъ Гриневичъ. Вѣдь вы ничего не умѣете порядочно сдѣлать: если и случится вамъ полюбить, то тотчасъ пожалѣете!

— Зачѣмъ же раскаяваться, ужъ лучше просто разлюбить, замѣтилъ Желнинъ.

Онъ взглянулъ въ зеркало и встрѣтилъ тамъ большіе глаза, полные нѣмаго укора; незамѣтно отъ другихъ Желнинъ сдѣлалъ зеркалу премилую гримасу; Юлія Михайловна улыбнулась и опустила глаза.

— Жизнь такъ коротка, сказала она вдругъ беззаботно, что ее не должно истрачивать на пустыя сожалѣнья.

— Такъ вы не пожалѣете чувства вашего даже для человѣка, который его не стоитъ? спросилъ Тименецкій.

— Не стоитъ, но почему? оттого ли, что не отвѣчаетъ на чувство, или потому, что свойство его такого рода, что придется покраснѣть за любовь, которую чувствуемъ къ нему?.. спросила Улимова. Конечно, женщина должна побѣдить въ себѣ любовь безотвѣтную, какъ нѣчто тягостное для нея самой, но отнюдь не какъ чувство предосудительное, уничтожающее ея достоинство, унижающее ее самую.

— Нѣтъ, какъ хотите, сказалъ Трасси, унизи-

тельно для женщины любить того, кто ее не любитъ.

— Развѣ можетъ ее унизить то, чѣмъ она возвышаетъ другое существо? спросилъ Салынинъ съ свойственной ему энергіей.

— Но если, продолжала Юлія Михайловна, не слушая ихъ, если точно любовь эта была обращена къ недостойному, если этотъ человѣкъ оскорбилъ не только чувство самолюбія, но оскорбилъ всѣ чувства, оскорбилъ самую любовь, палъ совершенно, палъ окончательно въ глазахъ той, которая его любила, обманулъ ея вѣрованья, разбилъ ея душу—вотъ что бываетъ ужасно!.. Виновата-ль она, что душа ея нарядила любимаго человѣка во все лучшее свойствъ своихъ, что мысль возвела его на колоссальный пьедесталъ? видя кумiръ свой во прахѣ, она такъ глубоко чувствуетъ свое собственное униженіе, видитъ себя въ такой пыли, что и встать изъ нея не пытается,—за что же несетъ она подобное страданіе?.. Умершее чувство не отпѣто съ честью, сознаніе собственнаго достоинства заставляетъ никогда не признавать его существованія, а даже истребить самый слѣдъ нежданныхъ похоронъ; съ тайнымъ содроганьемъ, не оглядываясь, отходятъ отъ могилы чувства, и встаютъ двѣ безбрежныя пустыни—одна въ самихъ насъ, другая вокругъ насъ. Вотъ когда надо удивляться женщинѣ! точно головка ея убрана цвѣтами, балъ вокругъ кипитъ праздничнымъ шумомъ, попрежнему она всюду и вездѣ, она какъ будто та же все... А между тѣмъ смерть у ней въ душѣ! Какъ вы думаете, можно ли послѣ такой смерти воскреснуть?..

— Да врядъ ли это истинная смерть, быть можетъ

обморокъ только? произнесъ Гриневичъ съ глубокой ироніей. Салынинъ вздрогнулъ и поднялъ на него глаза, Штадтгельмъ повернулся, Тименецкій взглянулъ на Улимову, прочіе посмотрѣли другъ на друга, и только одобрительная улыбка пробѣжала по губамъ Желнина.

Улимова тихо улыбнулась тоже, но поглядѣла на Гриневича спокойно.

— Я прощаю вашу выходку, Дмитрій Александровичъ, сказала она съ искреннимъ участіемъ, видно вы испытали сами истинную смерть чувства; васъ не пощадили, и оттого вы теперь не щадите другихъ; ваши вѣрованья убиты, слѣдовательно вы не можете ничему вѣрить.

Едва замѣтное смущенье мелькнуло на лицѣ Гриневича, но онъ погладилъ усы и оправился.

— Вы отгадали вполовину, отвѣчалъ онъ спокойно, конечно я имѣю нѣкоторую опытность въ этомъ дѣлѣ, у меня былъ свой мыльный пузырь, —онъ лопнулъ, господа, сознаюсь! Но за догадку догадка: вы говорили съ такимъ жаромъ, Юлія Михайловна, неужели *вы* что-нибудь подобное испытали?

— Вотъ и пошли странные вопросы, сказалъ Салынинъ, который боялся, чтобы не задѣли какъ нибудь словами за-живое Улимову.

— Что жъ, сказалъ Желнинъ насмѣшливо, Юлія Михайловна сама виновата: она сказала такъ много, что можетъ сказать и больше, останавливаться незачѣмъ; да какъ женщина съ характеромъ, вы, конечно, этого и не сдѣлаете.

Улимова пристально на него посмотрѣла и повернулась къ Гриневичу.

— Я не испытала ничего подобнаго, произнесла

она задумчиво, но,сознаюсь, спрашивала себя не разъ: неужели мнѣ суждено это испытать?..

— Слѣдовательно вы кого-нибудь любите или готовы полюбить, сказалъ Тименецкій; вы намъ сдѣлали неожиданное признаніе.

Салынинъ уже готовъ былъ сильно вскипѣть досадой на Тименецкаго, но къ счастью Улимова его выручила.

— Сегодня день признаній вполовину, сказала она съ легкой насмѣшкой; вы позволите мнѣ оставить совершенныя признанія на другое время.

Другой бы смутился, но Тименецкій преравнодушно заглянулъ во внутренность своей шляпы и сказалъ:

— Мой мыльный пузырь тоже лопнулъ, я обманулся въ своихъ ожиданьяхъ.

— Всякое ожиданье есть мыльный пузырь, произнесъ Трасси.

— Наши мечты мыльный пузырь! сказалъ Качуновъ.

— Слова наши мыльный пузырь! сказалъ Пленчаниновъ; они въ радужные цвѣта облекаютъ самую скупую мысль; одна капля мыслей всего, а пузырь выходитъ выпуклый и преогромный.

— Человѣкъ похожъ еще болѣе на мыльный пузырь, отозвался Штадтгельмъ, закуривая погасшую сигару: жизнь раздуваетъ его и окрашиваетъ во всѣ цвѣта, смерть показываетъ его настоящую величину.

— И все же настоящій мыльный пузырь—это любовь, сказала Юлія Михайловна; въ немъ точно и радужные цвѣта, и отраженіе фантастическихъ замковъ, какихъ-то башенъ, иной міръ, иное все, и

все прекрасное....а лопнетъ онъ, и что же? мутная капля падаетъ вамъ на руку.

— Мутная капля значитъ грязная капля, замѣтилъ Гриневичъ — чистая вода не можетъ быть мутнаго цвѣта.

—А слезы?—возразила она—слеза всегда мутна, хотя бы происходила и изъ самаго чистаго чувства.

— Вотъ видите-ли! Юлія Михайловна собирается оплакивать любовь, которою ей вздумается удостоить избраннаго ею — сказалъ Желнинъ съ улыбкой пренебреженья; какъ вамъ это кажется, господа? Кто изъ васъ былъ бы доволенъ такой любовью? я бы ее не взялъ, если бы и вздумалось кому-нибудь удостоить меня особеннымъ вниманіемъ.

— Нѣтъ, я бы взялъ всякую любовь, произнесъ Тименецкій.

— Я бы взялъ только любовь хорошенькой женщины, проговорилъ Качуновъ, и рука его отправилась за жилетъ.

— Я хочу быть любимъ идеально-реальной женщиной, сказалъ Пленчаниновъ.

— Это еще что такое? спросилъ Гриневичъ очень серьезно.

— Это женщина дѣйствительная, то есть совершенная дѣйствительность, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы въ ней не было ничего положительнаго, то есть, вы понимаете, ничего такого, что исполнено прозаичности; это совершеннѣйшая женщина, словомъ— совершенство дѣйствительности, то есть реальная въ совершенномъ смыслѣ этого слова....

— Постойте, cousin, я прерву развитіе вашей идеи на минутку. Кѣмъ хотите вы быть любимы,

Василій Θедоровичъ? Она обратилась къ Штадтгельму.

— Благороднымъ сердцемъ, отвѣчалъ Шведъ спокойно.

— А я, сказалъ Гриневичъ, хочу быть любимъ женщиной, которая бы заставила себя полюбить, которая бы разбудила во мнѣ уснувшую способность любить, я бы хотѣлъ, чтобы она меня любила хоть такъ сильно, чтобы ужъ на притворство ей не доставало силы. Въ первый разъ еще этотъ человѣкъ нѣсколько оживился и говорилъ съ энергіей.

— Ну, Дмитрій Александровичъ, я требовательнѣе васъ, сказалъ Желнинъ; вотъ я хочу быть такъ любимъ, чтобы эта женщина не смѣла подойти ко мнѣ, пока я не подзову ее взглядомъ, чтобы отъ всѣхъ постороннихъ подозрѣній укрылась она равнодушіемъ и спокойствіемъ, чтобы ласки ея никто не видѣлъ, любви никто не подозрѣвалъ, чтобы для меня все въ ея чувствѣ было ново, въ ней самой неожиданно; чтобы бывали минуты, въ которыя я самъ бы думать могъ, что въ ней не любовь ко мнѣ, а болѣе тихое чувство, чтобы она была совершенной рабой своей любви.—И еслибъ я любилъ эту женщину, еслибъ я дорожилъ ея любовью, повѣрьте, съумѣлъ бы сдержать въ ней всякое проявленіе чувства, не позволилъ бы ей высказывать его передъ всѣми, провелъ бы черезъ всѣ испытанія и сдѣлалъ бы несокрушимымъ.

— Она была бы рабой своей любви, а любовь ея рабой вашей воли, хорошо придумано! сказалъ Штадтгельмъ. Вы очень честолюбивы, Желнинъ!

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ холодно, я очертилъ свой идеалъ, но не хлопочу вовсе о любви,

пришлось бы слишкомъ много хлопотать, къ чему мнѣ эта лишняя забота!

При послѣднихъ словахъ, Улимова потупила голову и стала перебирать бахраму своей черной мантильи. Когда онъ рисовалъ картину того чувства, отъ котораго бы не отказался, не отказался бы только, она слѣдила за нимъ внимательнымъ взоромъ, она ловила жаднымъ слухомъ каждое падавшее съ губъ его слово, тяжелое чувство пробиралось въ душу, и вотъ отъ послѣднихъ словъ глубокаго пренебреженья къ тому чувству, которое онъ самъ описалъ, ей стало еще тяжелѣе. Черезъ минуту Улимова подняла глаза, но молчала.

— Вы изобразили картину униженія женщины, замѣтилъ Трасси.

— Напротивъ того, сказала Улимова тихо, M-r Желнинъ описалъ намъ совершенство женской любви.—И она обратилась къ Салынину: а вы, Николай Григорьевичъ, ни слова не сказали о томъ, какъ бы вы хотѣли быть любимы?

— Я бы хотѣлъ только одного: чтобы меня любили какъ я самъ съумѣю любить, отвѣчалъ Салынинъ съ благородной искренностью.

Она задумалась надъ отвѣтомъ Салынина; полонъ ласки былъ взоръ, который остановился на немъ, взоромъ полнымъ любви и энтузіазма отвѣтилъ ей Салынинъ. Въ эту минуту ей пришла охота пожать его руку, такой глубокой благодарностью къ нему исполнилась ея израненная, оскорбленная душа. Она вздохнула о себѣ и о Салынинѣ, о мечтѣ его, которая не могла осуществиться; но онъ ничего не замѣтилъ и, подъ вліяніемъ вспыхнувшаго мгновенно въ душѣ восторга, спросилъ:

— Скажите, какъ должно васъ любить, Юлія Михайловна?

— Не обманывая, отвѣчала она грустно.

— Не понимаю что-то, сказалъ сухо Желнинъ.

— А понять легко, возразила Улимова.—Обманываютъ не одними увѣреньями любви, не клятвами и словами, обманываютъ взглядомъ, лгутъ улыбкой, подавленнымъ вздохомъ, да и мало ли чѣмъ можно солгать!.. Скажите, кто изъ васъ искренно скажетъ женщинѣ: ваше чувство не наидетъ во мнѣ раздѣла! скажите болѣе: кто охладѣвъ, будетъ еще на столько уважать нѣкогда любимую женщину, что не допуститъ ее до ласки, не доведетъ до упрека, охранитъ отъ униженія собственнаго достоинства? Нѣтъ, вы не скоро дадите догадаться, тѣмъ болѣе, что тутъ становишься недогадливой, такъ жаль своего чувства!—вы ей позволите измучиться медлительнымъ сомнѣньемъ, вы ей позволите пройти рядъ сценъ, воспоминанье которыхъ возмутитъ ей душу, когда ужъ наконецъ истина откроется глазамъ. И мало того, вы станете жаловаться на нее, вы будете вслухъ тяготиться ею, и каждый поступокъ, каждое слово предадите на судъ равнодушныхъ—вотъ возмездіе намъ, вотъ ваша искренность, ваши понятія объ обязанностяхъ, налагаемыхъ благородствомъ души! Вы, конечно, не позволите себѣ не заплатить карточнаго долга, но безъ зазрѣнія совѣсти обманете довѣріе женщины; измѣниться—значитъ дать ей страданіе, обмануть —значитъ убить ее. Въ надеждахъ кто не обманывался? но въ человѣкѣ обмануться больнѣе! И для чего все это дѣлаютъ? жертвы какъ будто жаль, а въ сущности сознаніе побѣды не довольно ярко безъ трофея, самолюбію тѣшиться

нечѣмъ. Знаете ли, когда подобная картина представляется моему воображенію, я невольно вздрагиваю, но тотчасъ успокоиваюсь и радостно думаю: какое счастье, что я никого не люблю! что дружбой я замѣнила въ себѣ любовь!

— Вотъ и часъ совершенныхъ признаній наступилъ! замѣтилъ насмѣшливо Тименецкій, который не могъ забыть отвѣта Юліи Михайловны и вздумалъ подшутить надъ увлеченьемъ, съ какимъ она говорила въ эту минуту и которому вдругъ невольно поддалась вся.

— Вы мстительны, какъ всегда, сказала Улимова, улыбнувшись непринужденно.

Видно было, что въ словахъ этихъ таился намекъ, который не совсѣмъ пришелся по сердцу Тименецкому; но онъ не потерялся, взялъ шляпу и, вставая, проговорилъ тономъ утонченной любезности.

— Пораженный уходитъ съ поля битвы! j'ai l'honneur de vous saluer Madame.

Тутъ онъ поклонился очень почтительно и, отвѣтивъ на вопросъ хозяйки—куда спѣшите—что есть дѣло у него, и довольно важное, вышелъ изъ комнаты.

— А Тименецкій въ самомъ дѣлѣ кажется разбитъ, проговорилъ Желнинъ.

— Правда ли, что онъ былъ влюбленъ въ васъ, Юлія Михайловна? спросилъ Гриневичъ.

Улимова слегка вздрогнула, непріятное чувство пробѣжало по лицу ея.

— Не думаю, произнесла она сухо.

— Кузина моя олицетворенная скромность, сказалъ Пленчаниновъ. Знаете ли что, кузина—вы въ своемъ родѣ совершенство! Отчего бы это вамъ не быть идеально-реальной женщиной! но нѣтъ, вы

слишкомъ поэтъ въ жизни, и таки порядкомъ уноситесь иногда въ царство мечтаній. Вы женщина идеальная по преимуществу, но далеко не реальная; пыль житейскихъ заботъ слишкомъ тяжела для радужныхъ, прозрачныхъ крыльевъ вашего воображенія.

— Вы поэтизируете меня, Поль! сказала Улимова спокойно, и поднялась со стула—вы забываете, что во мнѣ совершенное отсутствіе сентиментальности; случится ли мнѣ чувствовать, я сильно чувствую, и оттого о чувствахъ своихъ не раздумываю, но ужъ конечно никогда не разглагольствую. Не помню: была-ль я когда безпечнымъ ребенкомъ, но въ куклы, знаю, не любила я играть, и оттого мнѣ не нужны куклы; чувству моему никогда не понадобится праздничный нарядъ, я не въ силахъ прифрантить его, потому что не желала бы его казать постороннимъ. Къ чему? это значитъ дѣлиться съ равнодушными правами нашими надъ любимымъ человѣкомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдать себя на общій судъ. Ахъ зрители! я не люблю ихъ, я испытала, что такое зрители, но тогда я не могла себя оградить отъ нихъ.—Она подавила тяжелый вздохъ и продолжала съ тихой улыбкой, которая разсѣяла снова на мигъ налетѣвшее мрачное выраженіе: не знаю, суждено ли мнѣ еще разъ любить и встрѣтить отвѣтное чувство, но я бы хотѣла, чтобы, любя меня, умѣли охранить мое чувство отъ зрителей, не выдали бы никогда неосторожнымъ словомъ, мгновеннымъ порывомъ, и не допустили меня, чтобы я сама себя выдала.

Она стояла на порогѣ залы, въ черномъ платьѣ, съ выраженіемъ нѣкотораго величія и врожденной граціи въ эту минуту. Въ комнатѣ отъ аба-

журовъ было довольно темно, свѣтъ въ залѣ былъ гораздо ярче, и на этомъ яркомъ фонѣ свѣта, въ отворенныхъ дверяхъ, рисовалась фигура небольшой женщины. Голубыя ленты чепца или полусвѣтъ комнаты дѣлали ея лицо болѣе блѣднымъ, нежели оно было въ самомъ дѣлѣ. Взоръ грустной нѣжности устремился на минуту къ зеркалу, но отсюда ей не было видно Желнина. Желнинъ глядѣлъ въ одинъ изъ угловъ комнаты очень разсѣянно. Юлія Михайловна вышла, Салынинъ пошелъ за нею.

— Идеально-реальная женщина, вдругъ проговорилъ Гриневичъ, выходя изъ раздумья, съ которымъ онъ слушалъ слова Улимовой, и обращаясь очень серьёзно къ Пленчанинову, идеально-реальная женщина, знаете ли, что это должно быть по моему крайнему разумѣнію, Павелъ Михайловичъ? это нѣмецкая картофель, приправленная нѣмецкой улыбкой.

Пленчаниновъ вспыхнулъ.

— Съ вами нельзя говорить серьёзно, пробормоталъ онъ.

— Гриневичъ человѣкъ реальный, но ужъ вовсе не идеальный, сказалъ Штадтгельмъ и съ улыбкой бросилъ на столъ колоду картъ, которую разсѣянно вертѣлъ въ рукахъ, и тоже вышелъ въ залу.

— Нѣтъ, вотъ видите ли, сказалъ, вставая и отыскивая свою каску, Гриневичъ, разница вся въ воспитаньи; я выросъ здѣсь, вы воспитались за границей, въ духѣ германизма. Вы Гегелистъ и Шелингистъ, и вообще сроднились со всѣмъ тѣмъ, что русской искренней натурѣ несродно. Поле идей до того обширно, что я не позволяю себѣ иначе выѣзжать въ него, какъ надѣвъ уздечку на

свою лошадь. До свиданья, господа. Онъ пожалъ руку Пленчанинову и Желнину и вышелъ.

— Онъ все способенъ примѣнить къ своей лошади! сказалъ Пленчаниновъ съ пренебреженьемъ, едва только шагъ Гриневича сталъ удаляться отъ окна.

— Неужели? сказалъ Трасси—я считалъ его до сихъ поръ порядочнымъ человѣкомъ.

— Это не мѣшаетъ ему лучше знать свою лошадь, нежели Гегеля, произнесъ Качуновъ.

Тутъ Желнинъ поднялъ гордо голову.—Өедоръ Өедоровичъ, прошу не обижать моего товарища, сказалъ онъ холодно.

— Помилуйте, я ничего такого не говорю, я ничего не имѣю противъ Гриневича, отвѣчалъ Качуновъ смѣшавшись, и всегда отдамъ ему должную справедливость. Скажите, продолжалъ онъ, обращаясь къ Пленчанинову, мужъ вашей кузины умеръ, кажется?

— Давно уже, лѣтъ пять.

— Вы видѣли его помѣшаннымъ? спросилъ Желнинъ.

— Да, я навѣстилъ его въ проѣздъ мой черезъ Парижъ.

— Бѣдная женщина! сказалъ вздохнувъ Трасси, и тонкая, бѣлая рука его прогулялась медленно по свѣтлорусымъ волосамъ.

— Представьте, однако, каковъ характеръ у ней, сказалъ Пленчаниновъ—когда ей написали, что онъ заболѣлъ смертельно, она отправилась въ Парижъ и хотѣла взять мужа съ собой. Конечно, кто бы ей позволилъ! вѣдь онъ въ послѣднее время былъ совсѣмъ бѣшеный, но она настаивала очень. Хо-

рошо, что Александръ догадался умереть, прежде нежели она успѣла поставить на своемъ.

— Къ чему такое геройство чувствъ въ женщинѣ? воскликнулъ насмѣшливо Желнинъ—да и какъ имъ вѣрить? годъ спустя я видѣлъ Юлію Михайловну на балѣ, тогда я еще не имѣлъ чести быть съ ней знакомъ; она донашивала свой трауръ, не танцовала, но была окружена толпой поклонниковъ, и о ней шли толки, которыхъ она, конечно, не заслуживала. Но кто виноватъ?...

— Но если она хотѣла забыться,—возразилъ Трассиъ,—если въ самомъ дѣлѣ она его такъ сильно любила, и видѣла шагъ за шагомъ въ немъ разрушеніе всего прекраснаго и наконецъ его горькую смерть! если эти картины преслѣдовали ея больное воображеніе, ея истерзанную душу, и надо было чѣмъ-нибудь отогнать тяжкія воспоминанія? вотъ видите ли, я это вамъ говорю потому, что я познакомился съ Юліей Михайловной тоже во время ея необъяснимаго для многихъ поведенія. Какъ сегодня помню, это было въ маскарадѣ, на насъ обоихъ были маски, я позволилъ себѣ говорить ей разный вздоръ, а въ отвѣтъ выслушалъ отрывистую, печальную исповѣдь больной души. До той поры мнѣ казалось, что я готовъ влюбиться въ эту женщину, я думалъ тоже, что для нея одной интригой больше ничего не значитъ, такъ вы поймете, какимъ языкомъ я говорилъ подъ маской съ маской; но мнѣ стало совѣстно и грустно, послушавъ ее! Цѣлый годъ я не смѣлъ послѣ того встрѣчаться съ ней, и не познакомился бы, если бы не она сама заставила меня это сдѣлать, съ той искренностью и грустной добротой, которая на меня особенно дѣйствуетъ. Я уважаю эту женщину;

счастливъ тотъ, кого она полюбитъ.... Конечно, она-то полюбитъ не меня!—Тутъ Трасси не вполнѣ удержался отъ легкаго вздоха.

— Вы исполнены неподдѣльнаго энтузіазма, когда говорите объ Улимовой — сказалъ Качуновъ, понизивъ голосъ такъ, чтобы Пленчаниновъ не могъ ихъ слышать — вашъ идолъ вѣрно вознаградитъ васъ за него, если довести до свѣдѣнья! Вотъ я особенной симпатіи не чувствую къ ней, ни души, ни ума въ ней необыкновеннаго не вижу; а если вы ей такъ преданы, то посовѣтуйте быть менѣе опрометчивой въ своихъ отзывахъ.

— Какъ вы злопамятны, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сказалъ Трасси; — я думалъ, что сблизившись, короче ознакомясь съ Улимовой, вы поймете ее и примиритесь совершенно; теперь я не прощу себѣ, что заставилъ васъ познакомиться съ Юліей Михайловной.

И онъ съ досадой взялъ шляпу свою съ окна.

— Куда же вы? пойдемъ вмѣстѣ — сказалъ Качуновъ, вставая—сердиться вѣдь не стоитъ; у всякаго свой взглядъ и свои мнѣнія; не могу же я цѣловать ручки за то, что меня бранятъ.

— Да она забыла все, говорятъ вамъ, давно забыла....

— Вы къ Дюмаре ужинать идете? спросилъ Пленчаниновъ, перебивая объясненіе Трасси.

— Больше некуда, Дюмаре порядочно кормитъ— сказалъ Качуновъ небрежно.

— Такъ увидимся, я васъ догоню тотчасъ,—мы съ Желнинымъ придемъ!

— Я только что зажегъ сигару — сказалъ Желнинъ—и ужинать сегодня не буду.—Тутъ онъ потянулся въ креслѣ лѣниво.

— Постойте же, я съ вами когда такъ! воскликнулъ Пленчаниновъ и, вооруживъ свои близорукіе глаза золотыми очками, засуетился, отыскивая перчатки, шляпу и платокъ.

Эта смѣшная, длинная фигура двигалась быстро по комнатѣ, забѣгая во всѣ углы, шаря по столамъ, заглядывая подъ стулья и бросаясь къ окнамъ. Наконецъ онъ былъ готовъ, посмотрѣлся въ зеркало, потянулъ воротнички и сказалъ:

— Пойдемте! Къ кузинѣ заходить кланяться не надо, она терпѣть не можетъ, когда съ ней прощаются, да, я думаю, она ушла ужъ къ себѣ; я что-то не слышу ни Салынина, ни Штадтгельма, видно ушли тоже! Въ залѣ не шаркаютъ и не говорятъ, должно быть тамъ совершенно пусто. Прощайте, Желнинъ.

— Прощайте, Пленчаниновъ.

Молодые люди вышли.

Оставшись одинъ совершенно, Желнинъ склонилъ голову на руки и просидѣлъ нѣсколько минутъ въ глубокой задумчивости. Потомъ, какъ человѣкъ, который принялъ наконецъ нѣкоторую рѣшимость, онъ бросилъ недокуренную сигару въ мраморную пепельницу, погладилъ маленькіе, чрезвычайно красивые усы, и всталъ. Минуту онъ постоялъ передъ зеркаломъ, поправилъ туго застегнутый воротникъ, потянулъ полы сюртука, поглядѣлъ на ногти свои противъ свѣта лампы и вышелъ въ залу.

Точно, Салынина и Штадтгельма не было; Юлія Михайловна сидѣла одна, положивъ лѣвую руку на пюпитръ открытаго рояля и нѣсколько поднявъ размышляющую о чемъ-то очень важномъ голову.

Правая рука ея спокойно свѣсилась съ колѣнъ и сжимала тонкій платокъ.

Увидя входящаго Желнина, она встрепенулась, но не измѣнила своей позы. Щеки ея горѣли отъ внутренняго волненія.

— Что это вы здѣсь дѣлаете однѣ? спросилъ онъ, остановясь подлѣ рояля и поглядѣвъ въ лицо ей пристально.

— Я задумалась, отвѣчала она съ улыбкой.

— А!... Такъ извините!

И Желнинъ отошелъ. Онъ сталъ ходить по комнатѣ. Она слегка пожала плечомъ и нѣсколько минутъ молчала.

— Всѣ ушли? спросила она наконецъ.

— Всѣ-съ.

Желнинъ шагалъ не останавливаясь.

— Послушайте, Петръ Дмитріевичъ!...

— Да я слушаю васъ, что прикажете? проговорилъ онъ отрывисто.

— Остановитесь хоть на минутку.

— А это зачѣмъ?...

Она не вытерпѣла и подошла къ нему. Въ темныхъ глазахъ было какое-то странное мерцаніе, губы чуть-чуть трепетали, но видъ ея былъ спокоенъ; она ласково взяла Желнина за руку и заставила его остановиться.

— Величайшее для меня счастіе — сказала она своимъ глубокимъ, полнымъ, звучнымъ голосомъ— величайшее счастіе, что чувство мое къ вамъ далеко не похоже на любовь. Съ вашимъ характеромъ и съ вашей методой обращенія было бы отчего съ ума сойдти!

— Но такъ какъ вы меня не любите, то и без-

покоиться вамъ не изъ чего, перебилъ ее равнодушно Желнинъ.

Улимова незамѣтно улыбнулась.

— Да, я васъ не люблю любовью, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы вы были мнѣ чужды, я вамъ постоянно доказывала противное. Слова ваши доходятъ до моего сердца, поступки ваши наполняютъ душу мою тревожнымъ ожиданіемъ. Если на васъ ляжетъ самое ничтожное осужденіе, то тяжело мнѣ и больно. Но что это я говорю — прибавила Юлія Михайловна, глядя ему въ глаза съ величайшей нѣжностью—за ваши поступки ни вамъ, ни мнѣ и никому изъ друзей вашихъ не придется краснѣть, въ васъ столько достоинствъ!...

Желнинъ медленно поднесъ ея руку къ губамъ и поцѣловалъ.

— Увѣряю васъ, сказалъ онъ принужденно улыбаясь, что я только очень счастливъ, во мнѣ нѣтъ ни одного достоинства; напротивъ, гибель недостатковъ, но всѣ эти недостатки какъ-то принимаются вами за достоинства; — ужъ отчего это, я и самъ не знаю!

Улимова только отрицательно покачала головой.

— Взыскательность къ себѣ—это лучшее доказательство прекрасной натуры. Вотъ вы теперь добрѣе—она ласково оперлась на его руку;—и я вспомнила, что совсѣмъ не то хотѣла у васъ спросить, когда вы показались въ дверяхъ и когда вы мнѣ сказали, что всѣ ушли. Но вы заставили меня забыть, что̀ я сказать хотѣла, вы были такой странный!...

— Спросите теперь, теперь я не странный!

Говоря это, онъ засмѣялся и пожалъ ей руку.

— Да вы не скажете правды и не станете мнѣ отвѣчать ис ренно! проговорила она печально.

— Полно, полно, спрашиваите!

Онъ подвелъ ее къ двумѣстному диванчику, стоявшему между оконъ, и самъ сѣлъ.

Она сдѣлалась веселѣе, разговорчивѣе.

— Отчего вы не ушли вмѣстѣ съ другими, и что васъ заставило пойдти меня отыскивать? спросила она довѣрчиво и шутливо.

— Такъ вы это хотѣли у меня спросить? только-то всего? Слава Богу, не затруднительно; можно отвѣчать прямо на вашъ вопросъ: мнѣ хотѣлось увидѣть васъ еще разъ сегодня, мнѣ казалось, что вы были мной недовольны; изъ этого я видѣлъ, что вы меня опять плохо поняли, потому что я рѣшительно ни въ чемъ не виноватъ передъ вами.

— Рѣшительно ни въ чемъ? даже въ намѣреніи подразнить меня, огорчить и нѣсколько оскорбить мою душу?

— Этого я себѣ никогда не позволю, сказалъ Желнинъ съ благородной гордостью.

— А между тѣмъ, сознайтесь, ваше обращеніе со мной совсѣмъ не таково, какъ ваше обращеніе съ другими; вы умѣете быть и внимательнымъ, и любезнымъ, и почтительнымъ, право, вы умѣете даже быть искательнымъ.

— Право, другъ, вы говорите вздоръ! Я внимателенъ къ каждому столько, сколько нужно и сколько онъ этого заслуживаетъ.

Улимова сдѣлала невольное движеніе, грусть и досада выразились въ немъ.

— Ваша правда, я у васъ не заслуживаю та-

кого вниманія, какъ баронесса Ш***, и не должна никогда сравнивать своихъ правъ съ ея правами!

— Послушайте,—сказалъ онъ, вставая,—если вы думаете мнѣ говорить что нибудь непріятное про баронессу, то вамъ не удастся: вы знаете, что я ей не позволяю бранить васъ, а вамъ не позволю ее злословить, ужъ именно тѣмъ не позволю, что не останусь васъ слушать.

Сердце у неи сжалось, она потупила голову и молчала.

— Вы меня никогда не поймете — проговорила она наконецъ чуть слышно.

Желнинъ стоялъ выпрямившись, пристально глядѣлъ на нее и улыбался.

— Я васъ понимаю и цѣню, повѣрьте,—сказалъ онъ; — вотъ отчего я точно не могу смотрѣть на васъ такими глазами, какъ на остальныхъ женщинъ; при васъ я высказываюсь искреннѣе и поступаю безъ оглядки.

— Словомъ, какъ съ женщиной, которой вы хотите доказать, что вы не желаете ей нравиться— сорвалось у нея нечаянно.

— Зачѣмъ мнѣ искать вамъ нравиться!—произнесъ Желнинъ—не вы ли сами мнѣ повторяли много разъ, что я имѣю полную дружбу вашу; дружба не любовь, она дается съ разборомъ, и я горжусь вполнѣ вашимъ чувствомъ. Ваша дружба — да это такое сокровище, послѣ котораго желать ужъ рѣшительно ничего болѣе не остается!...

И онъ ласково пожалъ ей руку.

Необъяснимое чувство пробѣжало по лицу Юліи Михайловны. Она отвернулась, чтобы скрыть его.

— Дружба моя къ вамъ точно безпредѣльна — проговорила она печально—и оттого мнѣ легче бы

было видѣть васъ безумно-влюбленнымъ въ Ш**, чѣмъ убѣждаться на каждомъ шагу, что эта женщина, и одна она только, имѣетъ неограниченное на васъ вліяніе. Влюбленнымъ я васъ видѣла не разъ и, вы сами знаете, ничуть не мучилась этимъ, не стѣсняла васъ своими наблюденьями, но баронесса.... знаете ли, во мнѣ есть предчувствіе, которое томитъ меня, и именно предчувствіе, что этой женщинѣ вы предадите меня, что въ угоду ей вы меня не пощадите—это ужасно!...

— Прекрасное понятіе вы себѣ составили о моихъ правилахъ. Не стоило же послѣ этого мнѣ ссориться съ нею изъ-за васъ дня три тому назадъ; странныя эти женщины, право! оскорбляются и жалуются, что мы ихъ не понимаемъ, а вотъ, я очень преданъ баронессѣ Ш** и очень преданъ вамъ, и между тѣмъ ни одна изъ васъ меня не понимаетъ. Она думала, что я ей стану показывать ваши письма, ошиблась!...

Негодованье вспыхнуло въ глазахъ Улимовой.

— Какъ! она смѣла отъ васъ этого требовать?...

— Ей хотѣлось выиграть пари—отвѣчалъ хладнокровно Желнинъ: — она въ самой перепискѣ вашей хотѣла найдти доказательство, что въ васъ ко мнѣ не одна дружба; она держала пари, что изъ десяти вашихъ фразъ въ одной она непремѣнно найдетъ обличающее васъ выраженіе, и потому хотѣла, чтобы я ей показалъ письма. Но я ей сказалъ, что мнѣ не нуженъ чужой взглядъ на мои отношенія съ вами.

Видно было, что Улимова была недовольна и отвѣтомъ баронессѣ, и поясненіями его.

— Зачѣмъ вы сказали, что я вела съ вами переписку? сказала она съ грустнымъ упрекомъ.

— Я не говорилъ ей; она, видно, сама знала. Да вѣдь я ей не показалъ....

Юлія Михайловна сдѣлала надъ собой чрезвычайное усиліе и проговорила спокойно:

— Я не пишу никогда ничего такого, отъ чего бы должна была отказаться хоть передъ самымъ строгимъ, а не только безпристрастнымъ судьей; баронесса напрасно мнѣ навязываетъ свои чувства.... впрочемъ, это новый родъ объясненія?...

— Вы, однако, умѣете быть злой, замѣтилъ, слегка нахмурясь, Желнинъ.

— Но вѣдь она хотѣла мнѣ повредить, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать меня смѣшной въ глазахъ вашихъ, — воскликнула съ жаромъ Улимова — вы меня не любите; и стараться показать вамъ, что я напрашиваюсь на любовь вашу—это утонченное, глубокое коварство!...

Густая краска покрыла ея щеки. Желнинъ, по обыкновенію, спокойно вглядывался и надѣвалъ перчатку, какъ будто готовился уйдти отъ разговора, который ему не нравился, и уйдти сухо, почти не простясь, но послѣ раздумалъ. Пожалѣлъ ли онъ эту странную женщину, не посмѣлъ ли окончательно оскорбить ея души, не хотѣлъ ли разрушить своихъ отношеній, или точно цѣнилъ ея чувство—только онъ остановился и взялъ снова съ дружескимъ участіемъ ея похолодѣвшія, маленькія руки.

— Что же она этимъ выиграла? — сказалъ онъ тихо — вѣдь я понялъ, что это дѣлалось съ желаніемъ вамъ вреда. Мнѣ стало жаль, глубоко жаль васъ въ эту минуту; я почувствовалъ, что я долженъ охранять васъ, если на васъ нападаютъ; право, никогда я еще не думалъ о васъ съ такой нѣж-

ностью и заботливостью! Ничѣмъ въ мірѣ баронесса не могла потерять такъ въ глазахъ моихъ, какъ этимъ поступкомъ; я почувствовалъ что-то странное, какъ будто чадъ прошелъ, какъ будто бы я прозрѣлъ.... А вы думаете, что я могу вами жертвовать въ угоду кому-либо? хорошо вы меня поняли!—И замѣтивъ, что она улыбалась съ невыразимымъ блаженствомъ, пока онъ говорилъ, Желнинъ прибавилъ—что, успокоились?...

Она сжала сильно его руку и прислонилась къ плечу.

— Благодарю, благодарю—проговорила она тихо.

Онъ улыбнулся.

— Прощайте, спите спокойно! —сказалъ онъ ей, тихо наклонясь и поглядѣвъ ей прямо въ глаза.

Она пошла съ нимъ до дверей.

— Вы не знаете, — говорила она идучи—вы не знаете, что значитъ для меня ваша дружба, какъ глубока моя привязанность къ вамъ. Вѣдь у меня ничего, ничего нѣтъ.... и я у васъ ничего не прошу, отъ васъ ничего не добиваюсь, не стѣсняю васъ въ вашихъ чувствахъ, не разрушаю вашихъ убѣжденій, не ищу пріобрѣсть вліянія надъ вами. Но когда вы выказываете такое невниманіе, почти пренебреженіе, когда вы судите, говорите такъ, что на душу невольно ложится сомнѣніе въ вашемъ благородствѣ, въ вашемъ характерѣ, и когда поневолѣ перестаешь вѣрить существованію въ васъ прекраснаго, — потому-что если въ васъ нѣтъ его, то нѣтъ его нигдѣ для меня! когда представляется мнѣ, что быть можетъ вы только призракъ, созданный душой моею, — она улыбнулась—видите ли какой бредъ, я сознаюсь въ немъ! когда вы сами поднимаете во мнѣ тысячу и одно

сомнѣніе, мнѣ больно, я не выношу этого. Я не искала встрѣчи съ вами и, еще менѣе, сближенія, а потомъ мнѣ казалось, что я какъ будто оскорбляю достоинство ваше, избѣгая этого сближенія; я вамъ отдала всю свою дружбу безраздѣльно, вы единственное вѣрованіе мое въ возможность отрадныхъ явленій, и если это вѣрованіе рушится.... — Она взглянула на Желнина. — Вамъ должно быть очень смѣшно, Петръ Дмитріевичъ, не правда ли?

— Отчего же смѣшно! я горжусь вами, — онъ поцѣловалъ у ней руку, почтительно поклонился и вышелъ.

Квартира Юліи Михайловны была въ нижнемъ этажѣ, залу отъ гостиной отдѣляла небольшая передняя, въ которой обыкновенно никого не было; лакей сидѣлъ въ угольной комнатѣ, дверь которой была отворена въ переднюю. Онъ подалъ шинель Желнину и отворилъ двери. Тогда Улимова вошла въ гостиную, сѣла подъ окномъ и слушала, какъ удалялись мѣрно медленные шаги. Потомъ и шаги стихли, потерялся звукъ ихъ въ безмолвіи лѣтней ночи. Она подошла къ столу съ портретами, машинально сѣла подлѣ, и подперлась рукой. Взоръ ея встрѣтилъ лица чудно безмолвныя, какъ тишь ночная, и милыя, какъ память лучшихъ дней. Эти лучшіе дни шли плавно, плавно передъ ея мысленнымъ взоромъ; блистательная фантасмагорія прошлаго манила душу къ себѣ. Юлія Михайловна смотрѣла на милыя лица съ благодарностью и любовью, смотрѣла на нихъ такъ долго, какъ только могла смотрѣть, смотрѣла до совершеннаго утомленія. Потомъ маленькій ключъ щелкнулъ и отворилъ ящикъ стола, рука лѣниво достала тетрадь.

Лампу давно унесли, только свѣчи въ своихъ

пестрыхъ, темныхъ колпакахъ горѣли на столѣ. Безмолвная, неподвижная и блѣдная Юлія Михайловна сама казалась портретомъ, а не живымъ существомъ; глаза ея долго были устремлены на одну и ту же страницу, потомъ перо тихо заскрипѣло по бумагѣ.

Улимова имѣла привычку вести свой дневникъ. Ей суждено было вѣчно сражаться съ собой и, если возможно, одолѣвать себя; силы разсудка у ней были равны силамъ чувства, а чувство ее влекло всегда въ ту сторону, которую бы никакъ не избралъ разсудокъ. Потому-то ей безотчетно хотѣлось дать самой себѣ отчетъ въ томъ, что въ ней происходило, посмотрѣть на жизнь свою въ зеркало памяти. Происшествія жизни слѣдовали съ такой быстротой одно за другимъ, что все вмѣстѣ казалось ей цѣпью болѣе или менѣе живыхъ сновъ; встрѣчаемые характеры и лица заслоняли другъ друга, послѣдовательности не было ни въ чемъ; рядъ неоконченныхъ повѣстей, рядъ прерванныхъ мелодій, недопѣтая пѣснь—вотъ чѣмъ была жизнь этой женщины. Итогда ей казалось что кто-то разказалъ ей чрезвычайно живо и вѣрно свои схватки съ чувствомъ, свои встрѣчи съ людьми, и что она отъ чужаго расказа унесла очень сильное впечатлѣніе только, а что сама прожила всю жизнь свою съ спокойствіемъ улитки. Когда открывала она страницу дневника своего, задумчивые глаза читали ее съ вниманіемъ и любопытствомъ посторонняго зрителя, а не съ участіемъ и трепетомъ человѣка, который воскресаетъ на мгновенье въ своемъ прошломъ и снова переживаетъ прожитыя мгновенья.

Въ этотъ разъ ея рѣшительная рука внесла въ дневникъ слѣдующее:

«Я перестану записывать дни и минуты своей жизни. Конечно нѣтъ жизни, въ которой бы не нашлось чего-нибудь полезнаго для каждаго человѣка, въ руки котораго попадется эта посмертная повѣсть; но вѣдь никто изъ пишущихъ свои записки не приступаетъ къ дневнику съ идеей служить общей наукѣ и общей пользѣ. Границы нашихъ желаній гораздо тѣснѣе: дневникъ начинаютъ для того, чтобы найдти для себя утѣшеніе въ истрачиваемой жизни, оправданіе въ способѣ ея истрачивать; другіе глядятъ на него, какъ на повѣрку своей совѣсти, на памятникъ своего опыта, на удостовѣреніе себя въ томъ, что на будущее время они будутъ благоразумнѣе; иные просто отъ избытка воображенія своего, для котораго они инстиктивно ищутъ средства истратить его. Большая же часть, томимая бездѣльемъ, зараженная чванствомъ, больная себялюбіемъ, воспроизводитъ себя на блѣдныхъ страницахъ своего журнала такими, какими бы они желали быть, а не такими какъ были въ самомъ дѣлѣ; снисходительно любуясь въ себѣ всѣмъ и, съ особенной искренностью, разспространяясь о томъ, какъ имъ играли чувства, и какъ онъ игралъ чувствомъ, разсказываетъ человѣкъ все то̀, что воздвигаетъ вокругъ него хоть миніатюрнѣйшій изъ міровъ, и всѣ тѣ поступки, которые не показываются ему ничѣмъ, кромѣ собственной его совѣсти. Дневникъ такихъ господъ громко кричитъ: вглядитесь въ меня хорошенько, я очень много значу, если не для другихъ, то для себя!... Если бы они были немножко добросовѣстнѣе, если бы.... Впрочемъ, какое мнѣ дѣло до нихъ! Или да,

у меня есть причина говорить объ этихъ господахъ, что бы сказать себѣ, что я не поступаю такъ какъ они, у меня совсѣмъ иная цѣль; я стала записывать жизнь свою, испуганная быстротой, съ которой она неслась. Я слышу какъ часто тяготятся жизнью и находятъ, что она утомительно долга, что время тянется слишкомъ; неправда! времени нѣтъ у меня: лица, люди, характеры, дни, происшествія, чувства, мысли—все летитъ, все спѣшитъ. Я сама спѣшу—куда? я не знаю; сегоднешняя женщина исчезаетъ передъ завтрешнею, и вчерашняя убѣжала уже отъ сегоднешней. Но во мнѣ странная способность—это двойственность жизни: одна часть души моей дѣйствуетъ, другая смотритъ какъ та дѣйствуетъ; можетъ быть оттого мнѣ кажется, что времени вотъ, вотъ не достанетъ, чтобы все извѣдать и все перечувствовать, что жизнь кончится прежде, нежели я кончусь сама. Я пишу быть можетъ непонятныя вещи для другихъ, но я ихъ совершенно понимаю. Именно, мнѣ кажется—я не успѣваю жить; если бы я могла все дѣйствовать, а то я дѣйствую, потомъ созерцаю себя въ памяти этихъ дѣйствій и потомъ снова дѣйствую, и мнѣ все кажется, что за мной останется еще много недоконченнаго и недосказаннаго. Особенно прежде мнѣ это казалось: чтобы удержать для себя что либо изъ жизни, не нарушивъ ея полета, я стала вести свой дневникъ, теперь это вошло въ привычку. Нѣсколько разъ я покушалась прекратить его, съ тѣхъ поръ какъ во мнѣ явилось убѣжденіе, что дневники лгутъ, и изъ этого убѣжденія возникло другое, что въ человѣческой натурѣ есть огромная доза трусости, не допускающая насъ смотрѣть правдѣ въ глаза. Какъ разсказъ, эти записки тем-

ны, какъ исповѣдь чувствъ и мыслей—недостаточны, какъ портретъ—неточны. И между тѣмъ было время, когда я начинала уже повѣрять себя смѣлѣе, когда я искреннѣе и спокойнѣе смотрѣла на жизнь, думая, что расчетъ съ нею конченъ. Я ошиблась....... Тогда я дала себѣ слово вести записки съ совершенной добросовѣстностью, слѣдить за собой бдительно и не давать себѣ обманываться. Я была убѣждена, что вытвердила давно наизусть всѣ изгибы души своей, и что нѣтъ того вида чувства, который былъ бы мнѣ новъ, или вовсе незнакомъ. Но вотъ скоро четыре года, какъ я себя обманываю, какъ я лгу, воображая, что разоблачаю каждую мысль свою до мельчайшихъ ея подробностей. Должна-ль я продолжать, должна-ли остановиться? буду ли снова лгать передъ собой, или у меня достанетъ силы сдѣлаться правдивой, сдать отчетъ въ чувствахъ и спокойной рукой написать слово, которое пугаетъ меня какъ выходецъ съ того свѣта; достанетъ ли у меня силы спокойнымъ голосомъ произнесть то, что откликнется въ глубинѣ сердца и заставитъ вздрогнуть его сильно? Лучше не писать! перестану записывать дни и минуты своей жизни.....

При первой встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ, что-то неясное сказало мнѣ, что я снова начну лгать, начну не сознавать себя и оправдываться передъ собой; я отвергла однако немедленно самую возможность подобнаго положенья, но услужливая изворотливость натуры человѣческой подсказала мнѣ средство примирить эти два противорѣчащія мнѣнія: я перестала помѣчать дни, именовать лица, вообще я лукавила, и часто, часто мнѣ становилось

смѣшно! я не скажу однако, чтобы этотъ смѣхъ былъ сладокъ, а еще менѣе радостенъ......

Сегодня болѣе чѣмъ когда либо я спрашиваю себя: должна-ль я продолжать? или лучше присоединить эту тетрадь къ другимъ и, по обыкновенію, приложить къ ней печать свою и произнесть надъ ней обѣтъ ненарушимаго молчанія? Въ чемъ, однако, могу я упрекнуть себя? я свободна и онъ тоже, меня не вноситъ чувство мое въ чужую жизнь, не порчу я ни-чьей будущности, не испорчу же и его жизни, не заслоню ему собой ни къ чему дороги. Жизнь его длиннѣе моей, дорога шире, будущность богаче радостями, никто полнѣе меня этого не сознаетъ, никто лучше не понимаетъ, и оттого я сохраню его свободнымъ, у меня будутъ силы и для этого. Я ничего не требую ни отъ него, ни отъ жизни, я не жду для себя не только радости, но даже отрады, я бы хотѣла не любить его, и если бы мнѣ было предоставлено выбирать предметъ чувства, я бы сдѣлала выборъ болѣе согласный съ общимъ взглядомъ. Между тѣмъ общій голосъ говоритъ, что онъ прекрасенъ.....заслуживаю-ль я порицанія? и между тѣмъ, если тайну мою проникнутъ, я буду чувствовать себя погибшей безвозвратно. Кто захочетъ понять, что иначе быть не могло! Я бы могла выбирать, если бы искала, но вѣдь я не искала.

Однако, отчего я должна бы сдѣлать другой выборъ, кто мнѣ это сказалъ?

Я оскорбляю его достоинства, допуская странную мысль, что слѣдовало бы выбрать иначе: я какъ будто жалѣю чувства для него, и можно подумать, что всякаго другаго я бы могла любить точно также—горькое заблужденіе! Я люблю его какъ оля-

цетвореніе всего добраго и прекраснаго, я люблю его iзъ человѣка воскресившаго мою вѣру въ эти два начала. Смѣшно мнѣ въ настоящую минуту, что я такъ долго не хотѣла согласиться съ мыслью, что я люблю его, какъ будто въ мысли‘ что любишь прекрасное, благородное существо, не заключается самая величайшая отрада; зачѣмъ я такъ упорно отвергала эту мысль?... А между тѣмъ существованіе ея въ самомъ легкомъ тонѣ навело меня на дорогу, покинутую мной съ ожесточеніемъ. Не стоитъ ли онъ послѣ этого, чтобы любить его, какъ другіе никогда любить не смогутъ?. Какъ чудно онъ благороденъ, какъ разумно спокоенъ! Величайшимъ для меня наслажденіемъ будетъ вспомнить теперь всѣ обстоятельства нашей первой встрѣчи. Это было прекрасное для меня время... Да, я была не права, но я была такъ несчастна, у меня ничего уже не оставалось! Тогда я стала искать забвенья, мнѣ надо было развлечься и забыться. Всѣ привязанности отъ меня были отняты, я чувствовала какъ постепенно вмѣстѣ съ ними отрывались добрыя свойства души моей, и не только отнятъ былъ у меня предметъ любви моей, но даже поражена самая любовь, что же мнѣ оставалось?—искать развлечься и забыться. Богъ далъ мнѣ душу добрую, сильную, любящую, и вдругъ эта душа озлобилась: она отвергла и добро, и любовь, и силу; мнѣ захотѣлось все это уничтожить въ себѣ, и свое разбитое сердце не исцѣлять, а разбросать по частямъ, наполнить всю себя мелочностью, самоуничтожиться. Мысль безумная и грѣшная, но я не поняла ни безумія ея, ни зла, пока не встрѣтила этого человѣка: одинъ видъ его заставилъ меня опомниться. Сердце мое привяза-

лось къ нему всей силой признательности за возрожденіе добра; но онъ этого не знаетъ и, въ простотѣ свсей искренней натуры, конечно, никогда не пойметъ.

Что-же привело меня къ озлобленью? я любила и была счастлива мгновенно, какъ будто для того, чтобы послѣ испытать всю горечь, весь ужасъ разрушающагося счастья и уничтоженной любви: всѣ пораженія испытала я, и шагъ за шагомъ прошла самыя страшныя испытанія. Три мѣсяца я плакала и ходила какъ тѣнь, но это сохраняло меня; мнѣ же хотѣлось такъ измѣнить себя, чтобы никогда не узнать, чтобы ужъ не отыскать въ себѣ никогда и ни для кого болѣе ни прежнихъ мыслей, ни прежнихъ чувствъ и силъ. Жизнь во мнѣ была та ъ крѣпка, что горе не могло ее уничтожить; но мнѣ хотѣлось, чтобы нравственныя силы мои ушли безвозвратно вслѣдъ за тѣмъ. чему онѣ принадлежали вполнѣ и чему такъ преданно онѣ служили. Я не испугалась голоса свѣтскихъ приличій, я не остановилась передъ осужденіемъ, которое готовилась навлечъ на себя—и свѣтъ увидѣлъ мое траурное платье, но вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ мою тупую беззаботность и мою жизнь, полную пустыхъ, шумныхъ развлеченій. Это подняло много толковъ, обо мнѣ заговорили!....

Я была на балѣ; помню какъ сегодня свой бѣлый нарядъ и траурную гирлянду съ черными бархатными листьями. Тименецкій стоялъ подлѣ меня, повторяя въ двадцатый разъ объясненіе—этотъ человѣкъ бываетъ краснорѣчивъ, когда надѣется, что его не подслушаютъ посторонніе. Ему тогда ужъ было сорокъ лѣтъ; онъ болѣе всѣхъ меня умѣлъ компрометировать, а о чувствахъ своихъ онъ го-

ворилъ со мной всегда такимъ языкомъ, что приводилъ меня въ смущенье и заставлялъ отступаться отъ многихъ прежнихъ прекрасныхъ, чистыхъ идей. Я чувствовала, что душа моя какъ будто тускнѣетъ отъ его приближенія, но я не избѣгала его. Еслибы я могла тогда полюбить Тименецкаго, я бы точно уничтожилась, я никогда бы не отыскала въ душѣ своей ни одного свѣтлаго луча, ни одного отраднаго вѣрованья, ни однаго добраго побужденія. И мнѣ, однако, казалось, что я заставлю себя полюбить этого человѣка, и хотѣлось полюбить его—да, я была къ себѣ безъ сожалѣнья. Въ эту минуту я держала блюдечко съ мороженымъ и слушала Тименецкаго: его страстная рѣчь волновала меня и я была довольна и имъ, и собой. Въ эту минуту красивая нарядная женщина готовилась облетѣть въ вальсѣ огромную залу, оркестръ гремѣлъ, и рука ея легла чрезвычайно легко на руку ея кавалера. Но прежде, нежели вальсъ увлекъ ихъ отъ меня въ свой заколдованный кругъ, она оглянулась, увидѣла меня и Тименецкаго, слегка прищурилась, и шепнула что-то своему кавалеру. Тогда онъ оглянулся тоже. На меня устремилась пара синеватыхъ глазъ съ холоднымъ вниманіемъ; взоръ ихъ легъ на мою голову всей тяжестью неумолимой оцѣнки и заставилъ вздрогнуть меня; взоръ этотъ остановился мгновенно, но впечатлѣніе его осталось глубоко въ моей памяти. Я не слышала что мнѣ говорилъ Тименецкій и невольно перемѣнила мѣсто. Я не могла еще дать себѣ отчета, что именно поразило меня въ этомъ новомъ лицѣ, мелькнувшемъ на минуту, чтобы снова затеряться въ толпѣ танцующихъ. Черезъ часъ раздалась мазурка—Тименецкій былъ снова подлѣ

меня, снова я слушала его вкрадчивыя рѣчи; пары усаживались по мѣстамъ. И вотъ несется первая пара, вотъ она обѣгаетъ широкій кругъ! Тоже самое лицо сіяетъ удовольствіемъ; высокій ростъ и стройная фигура красуются передо-мной. Наконецъ онъ останавливается съ дамой у своего мѣста, слегка вскидываетъ волосами и улыбается— тутъ болѣе прежняго я вздрагиваю. Нѣтъ, никто въ мірѣ не могъ такъ полно оживить во мнѣ воспоминаніе Александра; я поняла теперь почему впечатлѣніе было такъ сильно, и что именно поразило меня въ молодомъ человѣкѣ: воскресло передо-мной то незабвенное время, когда бѣдный Александръ еще сіялъ здоровьемъ, былъ полонъ силъ, красоты и *ума*! Какъ будто горячимъ желѣзомъ дотронулись вдругъ до моего омертвѣлаго сердца, глаза мои опустились и черезъ минуту снова приковались къ этому лицу.

Но чѣмъ болѣе вглядывалась я, тѣмъ менѣе находила сходства; я должна сознаться, что Желнинъ красивѣе, и мѣжду тѣмъ чѣмъ-то необъяснимымъ напомнилъ онъ мнѣ тѣ минуты, когда я была лучше, когда душа во мнѣ была свѣтлѣе—и мнѣ стало совѣстно передъ воспоминаньемъ Александра; я вдругъ увидѣла ужасъ приготовляемаго мной для себя положенія, я сознала нравственное свое униженіе, слезы были готовы подступить—но подлѣ меня сидѣлъ Тименецкій. Я притворялась, что слушала его, и смотрѣла на Желнина: сходство исчезало, но воспоминаніе нимало не блѣднѣло. Тименецкій мнѣ былъ гадокъ, былъ нестерпимъ, нарядъ мой отвратителенъ, потому что я сама сознавала въ себѣ нравственное увѣчье, я хотѣла бы отвернуться отъ себя. Глаза мои съ жи-

вымъ участіемъ, съ восторгомъ смотрѣли на существо молодое и прекрасное; видъ его пристыдилъ меня. Какой избытокъ силы, молодости, веселья, жизни, какая жажда наслажденій была видна! Я тоже была молода, но что я изъ себя сдѣлала? мнѣ стыдно стало глядѣть на себя подлѣ него. Какъ полна его жизнь, какъ богата молодость!.. Въ этотъ вечеръ дома я поплакала. Черезъ нѣсколько дней Тименецкій сдѣлался моимъ врагомъ.... Шесть мѣсяцевъ прошло прежде, нежели я увидѣла Желнина. Я могла въ этотъ разъ встрѣтить его спокойнѣе; утраченное чувство собственнаго достоинства ко мнѣ возвратилось, душа моя не на столько обнищала какъ я думала. Я не оставила общества, но дала ему почувствовать, что я не такова, какой меня считали. Я не могла оставить свѣта, потому что тамъ надѣялась встрѣтить когда-нибудь снова Желнина, и встрѣча не приходила. На памятномъ для меня балѣ онъ сильно простудился, всѣ говорили, что красавецъ Желнинъ умираетъ, что нѣтъ надежды на его выздоровленіе, что доктора отказались—страннаго рода чувство было во мнѣ! я тревожилась и грустила о человѣкѣ, образъ котораго не могла даже послушная память моя представить мнѣ совершенно ярко. Я молилась о немъ, не зная какое имя должна я помянуть въ молитвѣ; мнѣ страшно было, мнѣ нестерпимо было представить себѣ, что такое прекрасное существо умираетъ. Я, кажется, сказала уже, что въ душу мою запала идея, будто все прекрасное и благородное осуществилось въ этомъ молодомъ человѣкѣ. Но участіе свое я таила отъ всѣхъ, не зная чѣмъ оправдать его силу, не зная чѣмъ отвѣчать на во-

просъ о причинѣ такого исключительнаго и живаго участія.

Наталья Спиридоновна Друлева пріѣхала въ городъ, она отыскала меня. Старушка любила меня давно, знала ребенкомъ, жалѣла объ участи моей, когда встрѣтила меня женщиной, испытавшей такое поразительное несчастіе. Появленіе ея было для меня неожиданностью; на вопросъ—что привело васъ сюда—она отвѣчала, что родной племянникъ, крестникъ и воспитанникъ здѣсь и боленъ смертельно. Потомъ спросила у меня: знаю ль я ея племянника Петрушу Желнина? Я отвѣтила холодно, что встрѣчала его въ обществѣ и слышала отъ всѣхъ, что это прекрасный молодой человѣкъ.

— Да, Петруша красавецъ, и что за доброе, благородное сердце у него! воскликнула съ гордостью Наталья Спиридоновна.

Я обрадовалась этому восклицанію—оно подтверждало принятую мною идею.

Забыла только сказать мнѣ Наталья Спиридоновна, что она больнаго племянника своего перетащила къ себѣ на квартиру, оттого, когда я пріѣхала къ ней, и вмѣсто ея вышелъ мнѣ на встрѣчу больной Желнинъ, въ тепломъ но щегольскомъ сюртукѣ, извинился и просилъ меня подождать тетку, которая поручила ему удержать гостью до ея пріѣзда, если можно,—я смутилась. Несмотря на привычку владѣть собой и скрывать движенія души, я не скоро попала, говоря съ нимъ, на тонъ совершенной непринужденности. Впрочемъ, я сѣла на диванъ, больной помѣстился подлѣ, и мы черезъ минуту говорили разный вздоръ. Когда я глядѣла на это лицо, изнуренное болѣзнью, на блѣдность и

померкшій взглядъ, когда Желнинъ раза два вставалъ, чтобы посмотрѣть изъ окна не ѣдетъ ли Наталья Спиридоновна, и я вглядывалась въ худощавость гибкаго стана и въ нерѣшительную походку—странная нѣжность прививала къ моему сердцу. Мнѣ было жаль его, жаль жизни, жаль молодости этой!

Сначала онъ говорилъ со мной осторожно, какъ будто боясь найдти удовольствіе въ этомъ разговорѣ; но мало по малу предубежденіе начинало разсѣяваться, и къ возврату Натальи Спиридоновны мы совершенно ознакомились. Я возвратилась счастливая тѣмъ, что его видѣла, но встревоженная до глубины души его болѣзненнымъ видомъ.

Если бы мнѣ тогда сказали, что я такъ сильно, такъ безпредѣльно полюблю его, если бы меня клятвенно увѣряли, что я могу снова воскреснуть, ожить самой полной любовью, и что жизнь разбитую свою я снова соберу въ одно цѣлое, для того только, чтобы бросить ее къ ногамъ его—и можетъ быть въ этотъ разъ ужъ разбить ее, разбить совершенно объ пьедесталъ, который воздвигла для него душа моя.... Но нѣтъ, этого быть не можетъ, онъ благороденъ, онъ прекрасенъ! онъ можетъ истомить мое чувство, но не оскорбитъ его никогда. Я горда, горда своей любовью. хотя быть можетъ и не совсѣмъ счастлива ею; но я вѣрю, что все соразмѣряется силамъ нашимъ. Да, Желнинъ изумительно понимаетъ меня, за это еще болѣе я къ нему привязываюсь. Онъ знаетъ, что я пощадъ не переношу, что нѣжить и беречь меня не надо, чувство мое окрѣпло, какъ я сама. Не пожалѣю я для него любви своей, безъ боязни сознаю ее въ себѣ, сознаю то чувство, которое я такъ упорно отвер-

гала, котораго до сихъ поръ избѣгала. Права ли я была, избѣгая любви? права ли—отказываясь отъ этого чувства и обманывая себя? До сихъ поръ я себя обманывала однако.....

Тутъ перо остановилось. Юлія Михайловна закрыла тетрадь и сидѣла долго, не шевелясь, поникнувъ головой на сложенныя руки. Свѣчи догорали, часы пробили два, а уйдти ей не хотѣлось. О многомъ внутренно вела она бѣседу съ собой, и много картинъ рисовалось поочередно въ ея воспоминаніи. Небрежная рука достала еще тетрадь, откинула медленно первый листокъ тетради, потомъ еще, и еще.....Глаза искали какихъ-то строкъ, какихъ-то словъ, какъ-будто ими надѣялась насытить и сердце, и память. Взоръ остановился наконецъ на страницахъ, писанныхъ четыре года тому назадъ.

« Вокругъ меня шумъ и суета—хорошо! А дальше и дальше, мнѣ все хочется больше и больше истрачивать свои силы, кружиться безъ устали, безъ опамятованья. Какъ бы поддержать это настроенье! я хочу возбудить въ себѣ мгновенные интересы, наполнить сердце искуственымъ волненьемъ, и кажется мнѣ, что достигаю этой цѣли, но чуть снимутъ съ меня праздничный нарядъ, огни потухнутъ и улыбка поблѣднѣетъ, чуть запертая дверь заставитъ меня обратить нѣсколько взоръ мой на себя, меня беретъ раздумье, холодъ и тоска; мысли ушли, ни одной не осталось, на которую могла бы опереться я! Пусть мнѣ завидуютъ и меня осуждаютъ,—я можетъ быть буду отъ этого довольнѣй собою. Впрочемъ, я не скучаю и безсонницей не стражду; постель принимаетъ меня такой усталой и пустой, что даже сновъ мнѣ ночь не посылаетъ, за то даетъ мнѣ она одинъ тяжелый, свинцовый

сонъ. Только каждая встрѣча съ Желнинымъ на меня странно дѣйствуетъ. Я объясняю всегда себя и потому имѣю право объяснять и себѣ все: его ростъ, манера, прическа, нѣчто неуловимое оживляетъ въ памяти время моихъ первыхъ встрѣчь съ Александромъ и выходитъ, что я—

«Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія.»

Какъ жаль, что нельзя проговорить этого себѣ на-ухо, когда я съ непонятной нѣжностью засмотрюсь на Желнина, жаль, что некому даже поручить мнѣ это сказать тогда. Между тѣмъ это истинная разгадка моихъ необыкновенныхъ чувствъ,—я рада ей, потому что она удержитъ впечатлительность мою въ должныхъ предѣлахъ.....

—

Снова я была молода душой, страшный вечеръ!... Наталья Спиридоновна удивительно мила съ тѣхъ поръ, какъ племяннику ея лучше. Она не налюбуется имъ, не нарадуется его выздоровленію. Теперь она собираетъ вокругъ него всѣхъ лицъ, которые болѣе ему пріятны, видно и я въ числѣ ихъ—она такъ настоятельно всегда требуетъ, чтобы я обѣщала быть *завтра хоть наминуту*, и каждый день я должна обѣщать, что буду *завтра, хоть наминуту;* а эта минута превращается въ часы, изъ этихъ часовъ слагается длинный, длинный вечеръ—я вѣчно *запоздалая* возвращаюсь домой. Когда подлѣ меня лицо это, воскрешающее собой любимый образъ, я говорю съ увлеченьемъ, умъ мой становится игривъ иногда, почти дѣтская рѣзвость проявляется во мнѣ; какъ будто я снова надѣюсь, какъ будто снова готовятся мнѣ отрадныя мгновенья. Я привязываюсь все болѣе къ На-

талье Спиридоновне, намъ очень хорошо съ ней вдвоемъ; она рада, что можетъ говорить о своемъ Петруше, а я рада послушать о немъ. Въ самомъ деле, отрадно не ошибиться въ заключеньяхъ своихъ о человеке, если эти заключенья все были въ въ его пользу. Грустно, если бы Желнинъ душой своей вовсе не походилъ на Александра, потому что иногда сходство наружное бываетъ ярче.

Страшный былъ вечеръ, и сходства въ немъ было более обыкновеннаго въ этотъ вечеръ—эта привычка вскидывать иногда волосами, движенья некоторыя, порывистая резвость и быстро сменяющая ее грусть, таже неподвижность задумчиваго взора и таже способность понимать васъ безъ словъ. Иногда хочется взять его за руку и забыться въ молчаніи; иногда слезы какъ будто готовы подступить. Глядя на него. я чувствую грустную нежность, и все гляжу—не высмотрюль въ выразительныхъ глазахъ хоть частицу той знакомой души!.. Сегодня онъ заметилъ мое придирчивое вниманіе, взоръ прикованный къ нему, взоръ непо идающій его ни на-одно мгновенье. Онъ подошелъ и попросилъ у меня вполголоса изстолкованья. Какая естественность , какое отсутствіе самонадеянности! Отчего онъ не пришелъ къ заключенью, что я просто любуюсь его красотой, разве онъ недовольно хорошъ для этого?.. Никто бы на его месте не попросилъ тол ованія на то, что самъ себе такъ удовлетворительно для самолюбія объяснилъ, а онъ спросилъ меня о причине вниманья и такъ естественно, такъ спокойно!... Я сказала ему правду, голосъ мой дрожалъ, когда я говорила о своемъ прошедшемъ.

— Итакъ я для васъ ходячій портретъ дорогаго

вамъ существа?.. сказалъ онъ.—Не всегда, отвѣчала я, потому что вы не всегда похожи!—А сегодня?... —Сегодня изумительное сходство! Онъ улыбнулся и отошелъ; но съ этихъ поръ мы ближе другъ къ другу, а когда два человѣка откровеннымъ словомъ свяжутъ себя нѣсколько тѣснѣе, они отдѣляются отъ всей массы ,уходятъ изъ общаго круга; обводятъ вокругъ себя незримую черту, въ которой они одни заключаются. Я однако не искала сближенія, волшебникъ—случай хлопоталъ тутъ, онъ придвинулъ къ душѣ моей прошедшее, и стало мнѣ свѣтло.....

—

Я часто встрѣчаю баронессу Ш**. Наталья Спиридоновна ее очень любитъ. У ней есть дочь Лина, изъ которой баронесса хочетъ сдѣлать какое-то совершенство, и изо всѣхъ силъ объ этомъ хлопочетъ: дѣвочкѣ тринадцать лѣтъ, къ ней ходятъ учителя; гувернантки при ней нѣтъ — баронесса говоритъ, что непростительны тѣ матери, которыя передаютъ священнѣйшую изъ обязанностей своихъ въ чужія руки. Ей говорить легко, у ней дѣтей другихъ нѣтъ — я бы хотѣла знать, если бы послѣ Лины слѣдовала цѣлая дюжина ребятишекъ, такъ ли бы она сладко распѣвала. Я не люблю баронессы Ш**,—эта печать нравственнаго совершенства во всемъ, эта строгая и тихая рѣчь объ обязанностяхъ, и умѣнье дать почувствовать, въ какой мѣрѣ она ихъ исполняетъ, невыносимы для меня! Въ этой женщинѣ однако много еще привлекательнаго, она была очень хороша, и хороша до сихъ поръ, одѣта всегда съ удивительнымъ изяществомъ и замѣтной роскошью. Она умѣетъ выказать себя въ блистательномъ видѣ всюду, въ теа-

трѣ, на балѣ, гдѣ она танцуетъ только кадрили, и на гуляньѣ, гдѣ она проносится мимо васъ нарядная, привѣтливая, въ легкомъ щегольскомъ экипажѣ. Когда она входитъ къ Натальѣ Спиридоновнѣ, скромная квартирка будто озаряется: она похожа на царицу, посѣщающую бѣдняка, она не боится быть слишкомъ любезной, лицо ея, всѣ движенія выражаютъ величественный привѣтъ, посѣщеніе ея какъ будто дѣлаетъ всякаго гордымъ и счастливымъ. Отчего, когда она тамъ, мнѣ не кажется смѣшнымъ, что такъ радостно и заботливо встрѣчаетъ ее Наталья Спиридоновна, что Желнинъ говоритъ съ ней совсѣмъ инымъ языкомъ, нежели съ другими?—но когда она уѣдетъ, и мы останемся одни, мнѣ становится невыразимо грустно, молчаніе обнимаетъ меня всю, и я такъ усиливаюсь сдержать, затаить въ себѣ грусть свою, что величайшее разсѣяніе овладѣваетъ мной, взоръ мой становится тупымъ, лицо безучастнымъ. Я приношу домой тягостное чувство, котораго преодолѣть не въ силахъ. Баронессу Ш** зовутъ Эммой Васильевной; Желнинъ недавно восхищался этимъ именемъ. Лина болѣзненный ребенокъ, худой, щедушный и очень некрасивый; голова у ней слишкомъ велика, лицо смугло, черные волосы курчавы—типъ вовсе не нѣмецкій. Баронесса тоже брюнетка, но бѣлѣе алебастра при вечернемъ освѣщеніи; днемъ кожа ея уже имѣетъ нѣкоторую желтизну, черты ея неукоризненны, только подбородокъ слишкомъ малъ и чрезвычайно остеръ; глаза свѣтлые, съ выраженіемъ злобной пронырливости, которая однако можетъ быть легко принята въ ней за врожденную живость характера. Она очень ху-

да. и конечно никогда не пополнѣетъ, но ей это идетъ, потому что дѣлаетъ моложавѣй.

Барона Ш** мало кто видитъ. У ней нѣтъ ничего, за то онъ богатъ. Впрочемъ, кажется, это единственное достоинство, которое въ немъ всѣ рѣшаются признавать. Говорятъ, что онъ человѣкъ безъ образованія и преданъ ужасному пороку — пьетъ. Въ этомъ отношеніи баронесса, конечно, жалка, хотя Гриневичъ увѣряетъ, что лучшаго положенія она не могла бы для себя придумать. Гриневичъ неумолимъ въ своихъ сужденіяхъ; онъ повторяетъ вѣчно, что задачей его жизни сдѣлалось съ нѣкотораго времени разоблачать людей, которые стараются казаться лучше, нежели они въ самомъ дѣлѣ. Гриневичъ думаетъ, что будь баронъ хорошимъ человѣкомъ, Эмма Васильевна была бы гораздо несчастнѣй, и все оттого, что ей не пришлось бы выказать всѣхъ своихъ добродѣтелей, исполненія всѣхъ своихъ обязанностей, и того христіянскаго смиренія, въ которое она драппируется такъ мастерски. Теперь о баронессѣ Ш** всѣ кричатъ—какая мать, какая жена!... Она иногда показывается на гуляньяхъ съ мужемъ, возитъ его съ собой и даже очень любезно съ нимъ разговариваетъ. Баронъ отъ природы не глупъ, и когда голова въ порядкѣ, то можно принять еще его за порядочнаго человѣка; въ немъ замѣтенъ нѣкоторый тактъ. Онъ старъ, жену уважаетъ и, какъ будто, боится; вся нѣжность его сосредоточена на дочери. Домашняя жизнь этого семейства представляетъ мало радостнаго, но вѣдь домашней жизни никто не видитъ. Эмма Васильевна въ щегольскомъ будуарѣ вышиваетъ и слушаетъ чтеніе Лины, или играетъ съ дочерью въ четыре руки, или

рисуетъ вмѣстѣ, поставивъ почти рядомъ два мольберта. Лину рано укладываютъ спать и оттого баронесса не беретъ ее съ собой никогда по вечерамъ къ Натальѣ Спиридоновнѣ.

Не знаю, отчего мнѣ жалокъ баронъ, и дѣвочка жалка, хотя серьозностью своей для меня она нестерпима. Баронесса возбуждаетъ во мнѣ тайное негодованіе, за что? я не умѣю опредѣлить, и можетъ быть лучше не во всемъ давать себѣ отчетъ иногда; я неохотно съ ней встрѣчаюсь и особенно не люблю видѣть ее у Натальи Спиридоновны, хотя имѣю тогда случай наблюдать Желнина совершенно въ новомъ для меня свѣтѣ. Но результатъ этихъ наблюденій тяжелъ для меня.

Вчера онъ настойчиво просилъ прійдти; сегодня погода была ужасная, но я обѣщала и ему, и теткѣ его — къ тому я живу такъ недалеко отъ нихъ. Наканунѣ я видѣла баронессу Ш**; она жаловалась, что простудила горло и грудь; я была убѣждена, что хоть въ этотъ разъ не встрѣчу ее у Натальи Спиридоновны, и съ особеннымъ удовольствіемъ шла подъ мелкимъ дождемъ, который настигъ меня на дорогѣ и съ минуты на минуту усиливался. Я заглянула однако во дворъ — экипажа баронессы не было, дверь была не заперта, и мнѣ не пришлось дергать колокольчикъ, я взошла тихо. Голоса разговаривающихъ раздавались за дверью гостиной, въ прихожей лежалъ великолѣпный бѣлый бурнусъ. Я рѣшилась возвратиться, но прежде надо было узнать, могу ли уйдти незамѣченной— я взглянула сквозь щель неплотно притворенной двери; Натальи Спиридоновны не было, Желнинъ слушалъ, баронесса говорила съ жаромъ. Желнинъ былъ очень хорошъ, никогда я не видѣла лица его

такимъ оживленнымъ, глаза блистали . . . .
Я неслышно вышла на крыльцо, бросивъ за собой широко отворенную дверь, боясь шаркнуть ногой, сходя со ступенеи; сердце мое билось.

Къ вечернѣ звонили въ церквахъ, я взошла въ ту церковь, которая была ближе; подождала, пока прошелъ дождь, и пошла бродить по мокрымъ улицамъ, въ холодный сырой вечеръ. Но воздухъ этотъ мнѣ нравился. Я разсматривала хладнокровно поступокъ свой и чувства, побудившія меня къ нему. Любовь далека мыслей моихъ и сердца; но баронесса внушаетъ мнѣ антипатію. Зачѣмъ же я должна принуждать себя лишній разъ переносить ея присутствіе? привязана же я, конечно, чувствомъ къ тѣмъ, которые заставили меня снова найдти утраченный миръ душевный.

Любила я не разъ, хотя разъ одинъ особенно я любила, и что же? любовь жизни моей, это ткань съ странными узорами, вся изъ невозможнаго сліянія самыхъ противоположныхъ цвѣтовъ. Я одна могу разглядѣть краски, я одна могу разобрать узоры; на нихъ останавливается взоръ мой, въ которомъ и слеза, и улыбка, солнце сквозь дождь. Въ этихъ призматическихъ тонахъ все дрожитъ, все колеблется, будто живетъ еще! Каждое біеніе сердца во мнѣ было любовью, каждая любовь сказалась мнѣ иначе; но надъ всѣмъ лежитъ легкимъ туманомъ воспоминаніе — оно умѣрило тоны, сгладило неровности. Долго, долго я стояла на отвѣсной скалѣ; теперь, утомленный путникъ, я остановилась на полугорѣ и обращаю лицо свое къ влажному дыханью долины, глаза мои жадно пьютъ туманъ, который ее покрываетъ.

—

Когда всѣ отрадные лучи погасли одинъ за другимъ въ сердцѣ моемъ, я испугалась себя, я испугалась жизни. Остаться съ собой на-единѣ было страшно, я обратилась къ двумъ врачамъ, которые исцѣляютъ все и всякаго—къ времени и внѣшности. Я подвергла себя внѣшности, чтобы утомить тѣмъ свою впечатлительность; но не хороша была внѣшность, которая стала отражаться во мнѣ; только я не пожалѣла себя, беречь силъ своихъ было не для чего. Теперь другая внѣшность вокругъ меня, и я становлюсь другой; Желнинъ молодъ, и все вокругъ него молодо: окруживъ себя юными, безпечными, веселыми существами, я подъ шумъ ихъ беззаботныхъ рѣчей забываюсь, какъ забывалась нерѣдко въ лунный вечеръ, глядя на тихобѣгущія къ берегу южному струи. Нѣтъ, во мнѣ не будетъ любви, не можетъ быть ея: я радуюсь тихому свѣту, пролившемуся мнѣ въ душу, я дорожу этимъ отраднымъ явленіемъ и боюсь потерять вновь обрѣтенное сокровище. Пусть любитъ онъ баронессу Ш**, если только, любя ее, будетъ себя чувствовать счастливымъ. Часто я спрашивала себя, по поводу нѣкоторыхъ мелкихъ, хотя и памятныхъ для меня происшествій, напримѣръ, лишняго взгляда, лишняго нѣжнаго слова, лишней ласки часто я спрашивала себя, отчего самое ничтожное изъявленіе чувства съ его стороны такъ полно меня удовлетворяетъ? оттого, что въ немъ и это нежданно, и что постоянство невозможно. Я ничѣмъ не развивала въ немъ чувства, я ничѣмъ не возбуждала воображенія, не такъ образуется чувство его, чтобы оно могло сдѣлаться въ немъ долговременнымъ. Если сердце не будетъ только чуждаться меня, и того съ меня довольно — вотъ

все, чего хочу я! Я не могу вѣрить въ радости, посылаемыя чувствомъ, и потому не открываю страницъ своего будущаго. Недавно мы разсматривали какое-то иллюстрированное изданіе: книга тяжелая, мы вмѣстѣ ее поддерживали, руки наши касались одна другой; когда дошли мы до послѣдняго листка, и я хотѣла оставить книгу, онъ удержалъ руку мою въ своей, и такъ просидѣли мы долго молча. Слегка коснулся онъ поцѣлуемъ руки, и странная гордость охватила мое сердце, и странное смущеніе пробѣжало по лицу моему—ребячество!... Казалось мнѣ, что я бросаюсь въ новое чувство! Да, сидя за однимъ столомъ, мы подняли дружно бокалы: онъ едва коснулся краевъ своего, а у меня вино на днѣ, я уже допиваю, и видя, что мало остается, наслаждаюсь вдвойнѣ! Черезъ нѣсколько дней было почти повтореніе этой сцены, но характеръ поступка былъ не тотъ, горячности меньше. Что же это? недостаточность чувства, или расхолаживающая оцѣнка предмета, возбудившаго чувство на мгновенье, или безотчетная робость неразвитія?... При Ш** онъ старается не взглянуть на меня; за то послѣ цѣлаго вечера, проведеннаго въ совершенномъ невниманіи другъ къ другу, какъ часто мы весело идемъ рука съ рукой подъ звѣзднымъ небомъ, и часы на колокольняхъ перекликаются, торжественно отсчитывая намъ *двѣнадцать*. Одна минута выкупала часы тоскливаго, томительнаго вечера. Эта женщина стоитъ между мной и имъ; онъ очевидно подъ ея вліяніемъ. Когда я допускала мысль, что люблю его и могу имъ быть любима, къ чему я себя готовила? быть оставленной, видѣть какъ меня разлюбятъ, и отойти безъ ропота. Какое утѣшеніе себѣ

создавала, въ чемъ? Убѣжденіе, что у меня были милыя минуты и что я любила благородное сердце. Да, я могла бы его любить, и только его. Все въ немъ для меня ново, а между тѣмъ все напоминаетъ мое прошлое, все занимаетъ меня: благородная красота, способность понимать полусловами, совершенная непослѣдовательность движеній, дѣтскія выходки и строгое благоразуміе, но болѣе всего изумительное умѣнье сдерживать себя. Его видъ всегда спокоенъ, если подвинется хоть одна черта, онъ во время умѣетъ ее поставить на свое мѣсто. Невольно спрашиваешь себя: въ чемъ источникъ такого спокойствія — въ умѣ и силѣ, или въ душевномъ холодѣ? Я имъ не разъ любовалась издали, а теперь сколько разъ имъ любуюсь! Чуденъ его взглядъ глубокій и незыблемый, чудна тихая улыбка, но чуднѣе всего разумное спокойствіе, непроницаемость его. Иногда онъ говоритъ мнѣ о дружбѣ своей, какъ будто хочетъ опредѣлить наши отношенія, разграничить свои чувства; а во мнѣ нѣтъ ни дружбы, ни любви, во мнѣ странная нѣжность, во мнѣ эти вѣчно-звучащія въ мысленномъ слухѣ моемъ слова, при взглядѣ на него:

«Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія»...

Я бы хотѣла однако, чтобы онъ сказалъ мнѣ, что онъ любитъ баронессу Ш**. Я за него постоянно борюсь и боролась съ этой женщиной тихо, тайно, незамѣтно, но никогда не выскажу передъ нимъ своихъ мнѣній, не позволю себѣ нарушить гармонію его чувства, убить хоть одно изъ его очарованій. Нѣтъ, не хочу я, чтобы онъ смѣшалъ меня съ тѣми женщинами, которыя его до-сихъ-

поръ любили, ни съ тѣми, которыя его современемъ будутъ любить! пусть любитъ онъ ихъ, но пусть меня узнаетъ. Я завтра ѣду. Невозможность свиданій сохранитъ отношенія наши такими, какъ я бы желала всегда ихъ видѣть. Не жду въ немъ ничего постояннаго, но жду много искренняго, хотя онъ остороженъ какъ змѣя. Но этотъ человѣкъ долженъ уважать себя. Жизнь положила на него лучшія свои краски, время еще не успѣло стереть ихъ. Ему дана великая сила—скрытность; онъ составляетъ собой предметъ чрезвычайно интересный для моихъ наблюдательныхъ способностей, а по нѣкоторымъ причинамъ онъ возбуждаетъ во мнѣ нѣжность, тоже величайшую; такимъ образомъ и мысль моя, и чувство, постоянно имъ заняты. Я слишкомъ хорошо понимаю состояніе души своей, изучивъ себя въ совершенствѣ. Простились мы, я пожелала ему всегда и во всемъ счастья, и несовсѣмъ безъ волненья пожали мы другъ другу руку....» Тутъ Юлія Михайловна перекинула нѣсколько листковъ и вздохнула глубоко, видно о первыхъ дняхъ знакомства своего съ Желнинымъ, невольнаго, самой судьбой устроеннаго сближенія съ нимъ, и о томъ, конечно, что болѣе ужъ не могла она обманывать себя съ такой искренностью и вѣрить себѣ такъ добродушно. Впрочемъ, ей попалась одна страница, которая ярче высказывала, что таилось на днѣ этой запуганной жизнью души.

«Желнинъ написалъ мнѣ, что онъ любитъ баронессу; я это предвидѣла, я знала это прежде его! Онъ бы могъ однако поберечь выраженія своего восторга—но нѣтъ, могу ли я винить его—это такая искренняя натура! Я прочла это письмо, и на

два часа застыли слова мои, застыла мысль, застыло сердце во мнѣ. Блѣдная и неподвижная просидѣла я, сжавъ судорожно письмо въ рукѣ; проснулась я отъ этого оцѣпенѣнія для того, чтобы написать ему, *что онъ благороденъ* и, *видно, вполнѣ понялъ душу мою;* я благодарила его въ двухъ словахъ за *довѣріе*. Однако онъ, видно, не понялъ, что если и не было во мнѣ любви къ нему, то все же могла она быть—понявъ это, онъ, конечно, не рѣшился бы говорить со мной такимъ языкомъ о баронессѣ. Пусть же онъ никогда ничего не подозрѣваетъ! за откровенность откровенность — я написала ему, что влюблена страстно въ молодаго князя Волжикова, и на другой же день князь сидѣлъ со мной въ моей ложѣ, на всѣхъ правахъ баловня успѣховъ всякаго рода. Маленькій князекъ очень хорошъ съ Желнинымъ, онъ поразскажетъ ему обо мнѣ; онъ хвастливъ, слѣдовательно прибавитъ и отъ себя то, чего будетъ не доставать въ отношеніяхъ нашихъ на самомъ дѣлѣ; тогда увидятъ, что и я слѣдую превосходной системѣ— *скоро утѣшаться*. Еще прежде, передъ самымъ отъѣздомъ моимъ, между нами встала страшная холодность — онъ часто смѣялся надъ вниманіемъ моимъ къ князю, надъ любезностью хорошенькаго юноши, но смѣялся холодно и зло; я пришла къ заключенью, что онъ недоволенъ мной, и не старалась разувѣрять его, потому что въ насмѣшкахъ своихъ онъ не щадилъ меня. Дня за три до моего отъѣзда я была въ театрѣ; Желнинъ взошелъ въ ложу въ ту самую минуту, когда князь, прощаясь, держалъ меня за руку. Не отнимая руки отъ рукъ князя, я обратилась къ Желнину съ словами: «я спрашивала, гдѣ вы?» — И вы такъ заняты были

мыслью гдѣ я, что совершенно забыли, что васъ держутъ крѣпко за руку — шепнулъ онъ мнѣ съ невыразимой ѣдкостью. Изъ театра мы однако вышли вмѣстѣ; экипажъ за мной не пріѣхалъ, я просила Желнина проводить меня домой. Мы шли объ руку; мнѣ было тяжело, онъ молчалъ; я старалась вызвать его на объясненія, но онъ былъ холоденъ и недоволенъ; у калитки простился холоднымъ пожатіемъ, только думая, что я уѣзжаю на другой день, онъ какъ-будто не выдержалъ и проговорилъ: Ne m'oubliez pas! Вотъ это заставило меня написать къ нему, мѣлѣе обыкновеннаго, я высказывалась. Я получила отвѣтъ — и опустила голову. Какъ говоритъ онъ о любви своей къ этой женщинѣ!... Имъ овладѣли, овладѣли совершенно, сердце отуманили, воображенье увлекли, щегольнувъ передъ нимъ тѣми качествами, которыя вовсе не существуютъ тамъ. Когда онъ говоритъ о своей баронессѣ, слушая, какъ это холодное сердце пламенно выражается о ней, мнѣ становится жаль его. Что-жъ я любила въ немъ? Конечно не одну красоту; я уважала душу, и не отниму отъ него уваженія, не отниму привязанности своей, только въ сердцѣ моемъ Желнинъ займетъ прежнее мѣсто, мѣсто живыхъ напоминаній невозвратнаго моего прошедшаго. Воля моя еще разъ осилитъ во мнѣ воображеніе и чувства. Б.зъ ропота я принимаю его холодную дружбу и на глупыя сожалѣнья не издерживаю своей жизни. Любила я его глубокой нѣжностью и искренностью, могу и буду любить его еще дружеской заботливостью, если въ самомъ дѣлѣ онъ таковъ, какимъ я привыкла его считать. И у меня были тихія мечты! Утѣшительно

подумать, что лучшая часть души обращена была къ прекрасному и благородному существу.

—

Закроемъ снова дневникъ Юліи Михайловны. Ключъ щелкнулъ, тетрадь легла въ завѣтный ящикъ, хозяйка тетради вышла изъ комнаты. И вотъ все тихо, портреты только глядятъ на опустѣлую комнату; часы на столѣ мирно и легко стучатъ своимъ маятникомъ. Не дочитали мы еще нѣкоторыхъ страницъ, довольно занимательныхъ, напримѣръ, какъ Штадтгельмъ слушалъ хвастливые разсказы князя о вниманіи къ нему Юліи Михайловны, какъ князь въ присутствіи Штадтгельма и цѣлаго общества молодыхъ людей разсказывалъ были и небылицы Желнину объ Улимовой, какъ зло шутили слушатели, какъ у больнаго Желнина голова закружилась, и чуть дурно ему не сдѣлалось, а Штадтгельмъ заставилъ князя замолчать, одинъ отвергая его и защищая горячо Юлію Михайловну. Какъ Желнинъ послѣ этого подружился почти съ Штадтгельмомъ, безъ всякой другой причины. Разумѣется, узнавъ объ этомъ происшествіи, Юлія Михайловна почувствовала необыкновенную отраду. Ужъ-было отдѣлила она себя совершенно отъ того міра, въ которомъ жилъ Желнинъ, — они разобщились нѣсколько, спокойствіе придвинуло ее къ равнодушію. И вдругъ снова послѣ этой исторіи блеснуло для нея что-то заманчивое, яркое, привлекательное. При первой же встрѣчѣ съ Желнинымъ, она болѣе прежняго съ нимъ сблизилась, выше, нежели прежде, поставила его искреннюю натуру, повѣрила благородству.

Онъ говорилъ съ ней о князѣ Волжиковѣ, но говорилъ не съ насмѣшкой, не ѣдко, не придирчи-

во, а тономъ глубокой къ ней привязанности, нѣжнаго участія. Какъ-будто понялъ онъ, что она еще разъ искала развлечься, и понялъ усиліе забыться, и не осудилъ ее, а напротивъ старался утѣшить изболѣвшуюся душу. Такъ растолковала себѣ Юлія Михайловна его поступокъ въ отношеніи къ ней, и новое сближеніе больше прежняго установило между ними самыя дружескія, искреннія отношенія. Опять эта встрѣча связала ихъ, опять отдала Юлію Михайловну во власть чувству, изъ-подъ котораго выбиться ей было такъ тяжело, такъ трудно. Желнинъ окружилъ Юлію Михайловну заботливымъ вниманіемъ, а говорилъ о любви своей къ баронессѣ. Шло время.....

Желнинъ выздоровѣлъ, но Наталья Спиридоновна переселилась совершенно въ городъ, чтобы не разставаться болѣе съ своимъ племянникомъ. Баронесса Ш*** и Юлія Михайловна часто встрѣчались у ней; баронесса всегда торжествующая и счастливая, Юлія Михайловна тоже всегда счастливая, но только по своему. Но иногда не все могла она спокойно перенесть: простодушныя похвалы Натальи Спиридоновны добродѣтелямъ баронессы, участіе къ горестной судьбѣ ея, поклоненія этой удивительной женѣ, этой матери, заставляли Улимову не разъ горько улыбаться. Разумѣется, Наталья Спиридоновна восхищалась баронессой не въ мѣру всегда въ присутствіи Желнина, который, въ свою очередь, не стѣсняясь, разсказывалъ, что говорила ему баронесса, какъ мило журила его за то, что онъ давно у ней не былъ, и какъ сама оставила для него кадриль на послѣднемъ балѣ. То онъ гулялъ съ баронессой, то приглашенъ былъ къ

ней въ ложу, то читалъ вмѣстѣ, то читалъ одинъ у себя книги по ея выбору....

Юлія Михайловна слушала его, стараясь не вслушиваться слишкомъ. По мѣрѣ того, какъ разговоръ о баронессѣ становился живѣе, лицо ея принимало видъ какого-то напряженнаго, тупаго спокойствія; выраженіе разсѣянности разливалось на немъ и въ самомъ дѣлѣ мысли ея уходили вдаль, и шли такъ далеко, что только чрезвычайная сила воли могла ихъ возвратить и призвать снова вниманіе Улимовой на внѣшность, ея окружающую.

Повѣствованія Натальи Спиридоновны о баронессѣ утомляли вниманіе Юліи Михайловны, оживленіе Желнина при разсказахъ его и воспоминаніяхъ о баронессѣ утомляли ея душу. Но у ней не было силъ оставить мѣсто, гдѣ такъ ей было тяжело, и гдѣ, однако, бывали у ней летучія счастливыя мгновенія; гдѣ иногда обманываться она могла, и гдѣ зачастую она надъ собой горестно задумывалась. Къ счастью, дѣла ея требовали иногда поѣздки въ разныя ближайшія мѣста; каждая разлука давала ей возможность одолѣть себя нѣсколько; обыкновенно Юлія Михайловна уѣзжала съ душой, до нѣкоторой степери разтроенной, и съ чувствомъ глубоко оскорбленнымъ. Всякій разъ, передъ разставаньемъ, Желнинъ съ нею какъ-будто нарочно разсоривался; длинная цѣпь недоумѣній опутывала ихъ. Унося смертельный холодъ въ душѣ, уѣзжала любящая женщина. Но переписка исправляла отношенія этихъ двухъ лицъ, сглаживала тягостное впечатлѣніе, и новая встрѣча связывала ихъ каждый разъ сильнѣе.

Быть-можетъ Юлія Михайловна могла сильно

любить только того, кто ее мучилъ,—бываютъ же такія странныя натуры!...

Случилось разъ, что Желнинъ пробылъ полгода въ отпуску, а дѣла заставили Юлію Михайловну выѣхать изъ города къ времени его возврата. Но какъ постоянная переписка не позволяла имъ терять другъ друга изъ виду, то узнавъ, что Желнинъ долженъ возвратиться именно такого-то числа, Улимова оставила всѣ дѣла, чтобы съѣхаться съ нимъ въ одно время. Она пріѣхала двумя днями раньше. Желнину слѣдовало проѣзжать мимо оконъ Юліи Михайловны къ теткѣ на квартиру; онъ смотрѣлъ въ окна — и Юлія Михайловна его видѣла, только не смѣла подойти къ окну, такъ поблѣднѣла она, такъ сильно забилось у ней сердце.

— Онъ не придетъ тотчасъ, говорила она себѣ: ему нельзя оставить Наталью Спиридоновну!

Время до вечера казалось ей вѣчностью; чтобы сократить его какъ-нибудь, она ушла изъ дому. Но Улимова не отгадала; черезъ часъ послѣ своего пріѣзда, Желнинъ ужъ былъ у нея — а ея не было! Этого онъ никакъ не ожидалъ и взбѣшенный, своей неудачей, оставилъ визитную карточку, на которой написалъ: «не трудитесь пріѣзжать къ тетушкѣ, мы сегоднешній вечеръ проводимъ у баронессы Ш***, а вы туда не любите ѣздить.»

Какъ громомъ пораженная смотрѣла Юлія Михайловна на визитную карточку, читая на ней въ сотый разъ ненавистное имя баронессы.

Что было дѣлать? Неужели ѣхать къ Ш**, чтобы его увидѣть? Это было невыносимо, и ей казалось сверхъ силъ. Крѣпко задумалась она надъ собой и надъ страннымъ поступкомъ Желнина, надъ его

неумолимой требовательностью, надъ своей безпредѣльной привязанностью, надъ глубокой и безвозмездной любовью своей къ этому человѣку.

Она любила не въ первый разъ и не разъ была любима; но никто не умѣлъ овладѣть ея волей, никто не достигъ еще того, чтобъ эта женщина сама уничтожилась въ своемъ чувствѣ. Предъ ней преклонялись, ее слушали и, требовательная, она не терпѣла ни сопротивленья, ни прекословья, и, гордая, не умѣла смириться передъ волей другаго; скорѣе способна была отказаться отъ чувства, чѣмъ подчиниться ему. Но теперь ея твердая воля склоняется передъ прихотью любимаго человѣка, гнется, принаравливается къ его требованіямъ, не стѣсняетъ свободы его, не разрушаетъ повѣрій, подчиняется вполнѣ его вліянію и не узнаетъ себя. И съ тайнымъ наслажденіемъ она думаетъ, что наконецъ можетъ смѣло отдаться всей полнотѣ чувства, которое въ ней безбрежно, безгранично, безпредѣльно. Оправданіе этой безпредѣльности, силы, величія и самоотверженія чувствъ (потому-что для всего, что выходитъ изъ общей мѣры, нужно оправданіе), оправданіе ея любви, ея отданія всего существа своего этой любви, она находитъ *въ выборѣ предмета, въ свойствахъ его.*

Она глядѣла на карточку и въ немногихъ словахъ, прибавленныхъ къ имени, старалась вычитать выраженіе желанія, чтобы и она пріѣхала вечеромъ къ Ш**; наконецъ желанный смыслъ былъ найденъ, іероглифъ прочитанъ. Наступилъ вечеръ, Юлія Михайловна поѣхала къ Ш**. Она взошла не смѣло, какъ-будто приходъ ея былъ необъяснимъ, требовалъ истолкованія, и могъ быть понятъ совершенно баронессой. Этого однако не случилось,

день былъ пріятный. Въ залѣ собралось уже довольно шумное общество, въ гостиной сидѣлъ Желнинъ съ хозяйкой дома за чаемъ; они съ большимъ увлеченьемъ разговаривали. Баронесса слегка вспыхнула отъ неожиданности, но привѣтливо пожала ея руку, и тотчасъ встала съ словами: «я велю вамъ чай подать.»—Желнинъ очень холодно поклонился, противъ обыкновенія не пожалъ руки и чрезвычайно церемонно подвинулся, чтобы дать мѣсто Улимовой подлѣ себя на диванѣ. Она сѣла молча. Взоръ ея былъ разсѣянъ, на лицѣ выраженіе мысли, блуждающей гдѣ-то очень далеко; страшное разсѣяніе овладѣло ею, губы побѣлѣли и безсознательно улыбались. Желнинъ посмотрѣлъ на нее пристально.

— Я не привыкъ васъ здѣсь видѣть, сказалъ онъ.

— Я васъ хотѣла видѣть; мнѣ очень жаль, что вы меня не застали, проговорила она чуть слышно.

— Хорошо, такъ я скажу баронессѣ, что вы совсѣмъ не для нея сюда пріѣхали, произнесъ онъ громко.

Баронееса была въ дверяхъ, Юлія Михайловна помертвѣла; къ счастью баронессу кто-то отозвалъ. Желнинъ спокойно допивалъ свой чай.

— Я очень удивился, узнавъ, что вы въ городѣ, проговорилъ онъ наконецъ, вглядываясь внимательно въ выраженіе лица Юліи Михайловны, по обыкновенію.

Она хотѣла сказать: я оставила дѣла, чтобы васъ встрѣтить; вы хотѣли, чтобы я пріѣхала, чтобы мы съѣхались, вы мнѣ писали это, я вамъ обѣщала, вотъ оттого я здѣсь! я исполнила жела-

ніе ваше, да я и у баронессы потому только, что тяжело мнѣ было не увидѣть вас тотчасъ — и много, много наговорила бы она ему рѣчей въ этомъ родѣ.....

Но языкъ не слушался, сердце замерло, кровь застыла отъ страннаго пріема, и она только сказала:

— Вы не получили моего послѣдняго письма?

— Которое *послѣднее?* напомните, пожалуйста, что въ немъ, вы можетъ-быть еще разъ писали? спросилъ онъ насмѣшливо.

Она вздрогнула, но, преодолѣвъ себя, сказала нѣсколько фразъ изъ письма.

— А, получилъ! произнесъ Желнинъ спокойно.

Однако лице Юліи Михайловны, противъ воли ея, выразило такую печаль, что онъ мгновенно перемѣнилъ тонъ. Оглядѣвшись во всѣ стороны, Желнинъ протянулъ ей руку и сказалъ ласково и тихо.

— Дайте ручку! получилъ я ваше письмо, и благодарю; послѣ него я еще болѣе торопился пріѣхать! Васъ вѣдь не слѣдуетъ никогда заставлять ждать!

Въ голосѣ его была нѣжность. Юлія Михайловна не вѣрила себѣ, не вѣрила, что слышитъ ласковое слово, что принимаетъ ласковое пожатіе. Въ одну минуту развеселилась она, хотѣла спросить о чемъ-то еще—но баронесса взошла,

Желнинъ незамѣтно принялъ снова серьозный и холодный тонъ; онъ очевидно старался укрыться отъ наблюденій баронессы. Юлія Михайловна тоже заговорила съ нимъ иначе, но она была счастлива—все было прощено и забыто. Она внутренно пришла въ восторгъ отъ умѣнья Желнина владѣть собой, отъ его твердости и силы; новый случай

преклониться мысленно передъ его достоинствомъ, передъ чудной способностью охранять близкихъ своихъ отъ наблюдательныхъ глазъ!...

Спокойная энергія, благородная гордость, сознаніе своего достоинства, прямота и естественность, холодная мысль, глубокое чувство, способность ограждать близкихъ своихъ отъ людскаго глаза, воздержность въ ихъ явленіяхъ, строгая оцѣнка себя и другихъ—все это было въ Желнинѣ, такъ ей казалось! Первое впечатлѣніе его на душу Юліи Михайловны было впечатлѣніе чего-то прекраснаго, но что именно было прекрасно въ немъ? и вотъ душа ея вынесла подробности прекраснаго, изъ сближенія съ этимъ человѣкомъ, изъ наблюденій, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ перваго счастливаго впечатлѣнія, изъ похвалъ Натальи Спиридоновны, изъ всѣхъ тѣхъ разсказовъ, которые образу его давали чрезвычайную рельефность, изъ самыхъ рѣчей его и сужденій, которыя рѣзко выдвигали впередъ Желнина и заставляли видѣть въ немъ не дюжинную натуру. Съ каждымъ днемъ впечатлѣніе это оправдывалось, заключеніе подтверждалось, и ни разу не спросила она себя—точно ли таковъ этотъ человѣкъ, или я сама создаю только его такимъ?... Права ли я въ своихъ заключеніяхъ или виновато во всемъ только первое впечатлѣніе и виновата я, не понявшая значенія минуты, употребившая всѣ старанія, чтобы удержать ее. Счастливъ тотъ, кто можетъ поймать минуту, и тѣмъ удовольствоваться. Но не счастливъ тотъ, кто будетъ стараться удержать ее?...

Минутѣ дать жизнь, *минуту* схватить за крыло и отдать ей и мѣсто, и время, одѣть существенностью, вскормить воображеніемъ—это значитъ пе-

редѣлать минуту, это значитъ не понять значенія минуты, а все ложно понятое не проходитъ намъ безнаказанно. Тотъ только пользуется вещью, кто знаетъ ея употребленіе.

Юлія Михайловна давно ужъ не допускала себя до энтузіазма — и вдругъ *минутное* впечатлѣніе внесло и поселило энтузіазмъ въ охладѣвшей, невѣрующей въ отрадныя явленія душѣ. Независимо отъ воли, энтузіазмъ озарилъ эту женщину ярко, капля свѣта и огня пролилась на жизнь—и ей хотѣлось оправдать свое впечатлѣніе, ей хотѣлось розыскать причины неожиданнаго видѣнія; минута превратилась въ вѣчность, впечатлѣнію дана форма дѣйствительности!

Послѣ многихъ бореній и самоубѣжденій, послѣ всѣхъ самообольщеній спокойствіемъ и безучастіемъ, снова отдалась Улимова чувству и, смѣривъ взоромъ глубокаго самосознанія и искренности и натуру свою, и свойство чувствъ своихъ, она отказывалась слѣдить за собой болѣе, видя, что внутреннія пренія должны скоро замѣниться совершенной исповѣдью. Она бросила еще разъ перо, и, смѣло сойдя на дно души своей говорила: —«я перестану записывать дни и минуты своей жизни...»

Не безъ сопротивленія отдалась она чувству, но, сознавъ его однажды, считала чѣмъ-то недостойнымъ лукавить съ собой болѣе.

—

ГЛАВА V.

Вы видѣли вечерніе часы Улимовой, видѣли въ гостиной ея разныя лица; но врядъ ли нарисовалась ярче другихъ въ памяти вашей фигура Салынина. Однако этому человѣку суждено сыграть свою роль въ моемъ разсказѣ, и совершенно нечаянно онъ представился гораздо блѣднѣе Гриневича, Тименецкаго, быть-можетъ даже Качунова. Блѣднѣе онъ ихъ, какъ образъ, нарисованный перомъ, какъ лицо, внесенное въ эти страницы прихотливымъ движеніемъ пера. И не перо мое занесло его сюда, въ эти пестрые листы.

Въ минуту его появленія на страницахъ моего романа, онъ для Юліи Михайловны ничего не значилъ, но за то эта женщина для него ужъ много значила.

Салынинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ кажется, что каждый шагъ, сдѣланный ими въ жизни, исполненъ глубокаго и горькаго значенія. Влюбился онъ чуть ли не шестнадцати лѣтъ въ первый разъ. Ребенкомъ онъ

учиться не хотѣлъ, юношей ему не хотѣлось доучиваться. Праздность сдѣлала изъ него неуемчиваго мальчишку, упрямаго и задорнаго, — и слышалъ тогда со всѣхъ сторонъ Салынинъ, какъ, не обинуясь, говорили, что изъ него ничего не выйдетъ, какъ предсказывали ему самое грозное будущее; онъ видѣлъ слезы матери,—нехорошо становилось подчасъ его гордой душѣ. Онъ видѣлъ также прозорливымъ взглядомъ, что люди, осуждавшіе его, были сами не безъ укоризны; во всѣхъ людяхъ были темныя и условныя понятія о благородствѣ; онъ понялъ, что всѣ живутъ привычками, но отнюдь не правилами. Строго взглянулъ тогда озлобленный мальчикъ на своихъ судей, съ грустной обидой взглянулъ онъ на себя—и эта минута сдѣлала его человѣкомъ. Но какимъ страннымъ, какимъ печально настроеннымъ человѣкомъ! На зло своимъ судьямъ, на зло суду, произнесенному надъ нимъ, Салынинъ далъ себѣ клятву прожить какъ слѣдуетъ человѣку съ правилами.

Мы часто слышимъ слова—*человѣкъ безъ правилъ*, и эти слова представляютъ нашему уму образъ довольно-опредѣленный; эти слова представляютъ идею безнравственнаго человѣка. Но, скажите, какую идею представляютъ слова—человѣкъ съ правилами?

Человѣкъ съ правилами приноравливается ли сколько-нибудь въ общему понятію нравственности, слѣдуетъ ли общимъ правиламъ въ поступкахъ своихъ съ ближнимъ, съ жизнью и собою?... Такой человѣкъ могъ бы точно назваться человѣкомъ съ правилами, но вы его не встрѣтите.

Зато вамъ не разъ случалось услышать надъ самымъ ухомъ какой-нибудь знакомый голосъ, ко-

торый съ увѣренностью произносилъ: «у меня свои правила, я дѣйствую по своимъ правиламъ, я никогда не отступлю отъ своихъ правилъ.» Итакъ у каждаго свои правила. Значитъ, каждый создалъ себѣ форму для идеи добра, благородства и долга, каждый сшилъ по себѣ платье, нарядился въ него и гордо расхаживаетъ,—но это платье не придется никому другому по плечу; оттого-то *людямъ съ правилами* не легко обходятся встрѣчи другъ съ другомъ. Скажите, зачѣмъ же эти люди называются людьми съ правилами? Это люди просто съ идеей. Но когда поймутъ они себя и свое значеніе, когда же лопнетъ ихъ мыльный пузырь?... Въ-сущности нѣтъ человѣка, котораго бы можно назвать человѣкомъ съ правилами, потому-что нѣтъ ни одного, который бы рѣшился подчинить себя безусловно одной общей идеѣ дѣйствія, относительно другихъ и себя, и жилъ бы всегда по этимъ правиламъ.

Салынинъ привыкъ говорить:—«у меня есть правила, я по своимъ правиламъ»—и всѣ рѣшили, что онъ точно *человѣкъ съ правилами*. Конечно, образъ мыслей его былъ благородный, образъ дѣйствія твердый. Ему многіе вѣрили, но болѣе всѣхъ онъ самъ вѣровалъ въ себя, и этой вѣры самолюбивая, гордая душа его не отдала бы за всѣ блага жизни. Да, Салынинъ повѣрилъ своимъ правиламъ, и вотъ какъ это случилось.

17-ти лѣтъ онъ поступилъ въ одинъ изъ кирасирскихъ полковъ, къ концу втораго года надѣлъ эполеты. Полкъ расположенъ былъ по военнымъ поселеніямъ; губерніи я не назову, выбирайте любую. Но въ этой губерніи помѣщики любили жить богато и весело, гостямъ бывали во всякое время

рады—и гости живали цѣлыми наѣздами у помѣщиковъ. Дамы тѣхъ странъ были любезны, блистали одна противъ другой образованіемъ и нарядами, умѣли перещеголять другъ друга кокетствомъ и страстно любили побѣды. Между собой онѣ жили повидимому очень ладно; все это были кузины, сестры, невѣстки, пріятельницы, большею частію сверстницы. Воспитанныя въ однихъ и тѣхъ же пансіонахъ, они еще съ пансіона запаслись одна для для другой мелкой завистью и мелкой дружбой. Но какъ мило онѣ вспоминали пансіонскую жизнь, M-r Paltoquet, и вѣчнаго Шульца, и M-me Derlanville! этими невинными воспоминаніями онѣ занимались нерѣдко въ присутствіи своихъ поклонниковъ, съ чрезвычайной наивностью, и какъ бы совершенно забывая о присутствующихъ. Подобныя воспоминанія нѣсколько навѣвали на образы ихъ полудѣтскую граціозность, клали на миловидныя лица грезовскій колоритъ; рѣчи каждой выдвигали плѣнительную картину въ родѣ безсмертной «Разбитой кружки», только на главномъ планѣ была разсказщица сама. И тихо опускались головки подъ бархатными уборами, подъ нарядными чепцами, опускались на мгновеніе, чтобы чрезъ минуту мелькнуть въ прихотливой полькѣ, закружиться въ вихрѣ вальса, при первыхъ нотахъ, взятыхъ мимоходомъ, какой нибудь услужливой рукой. Танцовали много, танцовали безъ-устали! Танцовали наканунѣ бала, испытывая оркестръ, во время бала, какъ слѣдуетъ своимъ чередомъ, и послѣ бала, чтобы яснѣе пробудить воспоминаніе прошедшаго торжества. Всякая торжествовала: отчего всякая, отчего всѣ? Это тайна того края, тѣхъ мѣстъ и тѣхъ лицъ.

Девятнадцатилѣтній Салынинъ, *человѣкъ съ правилами*, попалъ въ этотъ кругъ, внесенный туда волной. Большой ростъ, мужественная наружность и серіозный тонъ рѣчей изгладили изъ памяти каждаго, что такъ еще недавно Салынинъ былъ только злой ребенокъ,—мальчикъ, изъ котораго не выйдетъ ничего, съ которымъ непремѣнно быть худу. Два года Салынинъ не показывался никуда; два года проѣзжалъ онъ юнкеромъ въ полку, не вынося своей извѣстности за предѣлы полка и даже мало-знакомый своимъ товарищамъ. Въ полку этомъ былъ опытный человѣкъ, и опытный глазъ этого человѣка замѣтилъ Салынина. Слѣдовательно даже выборъ товарищеи былъ сдѣланъ не самимъ Салынинымъ, но онъ того не подозрѣвалъ. Колесниковъ искусно пододвинулся къ душѣ Салынина, понялъ его натуру сразу. Не знаю, искренно ли любили поручика Колесникова въ полку, но положеніе этого человѣка относительно товарищей могло назваться завиднымъ. Не было ни одного, который бы не хотѣлъ выказать, что онъ съ Колесниковымъ на ты, и если можно, то прихвастнуть еще, что тотъ ему первый другъ и пріятель, шагу безъ него не сдѣлаетъ, мысли одной не утаитъ.

Колесниковъ между тѣмъ былъ и безъ связей, и безъ состоянія, но пріобрѣлъ репутацію просвѣщеннаго ума, опытнаго психолога, и вообще глубоко-ученаго, и все потому, что онъ кончилъ курсъ въ университетѣ и вышелъ кандидатомъ, да имѣлъ гдѣ-то какую-то исторію, съ кѣмъ неизвѣстно, зачто неизвѣстно; объ этой исторіи никто ничего не зналъ вѣрнаго, говорили о ней глухо, но на Колесникова посматривали съ любопытствомъ и страннымъ уваженіемъ. Онъ умѣлъ держать рѣчь

просто и гордо, хорошо пилъ, любилъ поѣсть, готовъ былъ спать во всякое время и вообще оказывалъ уваженіе только людямъ, умѣющимъ жить преимущественно физической жизнью. Пообглядѣвшись и, замѣтивъ, что вокругъ всѣ умы имъ заняты, онъ понялъ выгоду своего положенія и съумѣлъ имъ воспользоваться — онъ гордо отодвинулся отъ дружбы, но за то постоянно являлъ себя со всѣми товарищами безъ разбора славнымъ малымъ.

Когда Салынинъ опредѣлился въ полкъ, Колесниковъ уже былъ поручикомъ и командовалъ кантонистскимъ эскадрономъ. Онъ жилъ одинъ въ глухой деревнѣ и увѣрялъ, что вовсе не скучаетъ; но товарищи, заѣхавъ къ нему, заставали его постоянно лежащимъ на кожаномъ диванѣ и громко храпящимъ, а иногда на томъ же диванѣ, съ охотничьей трубой въ рукахъ, въ которую онъ трубилъ что есть силы, и постоянно все въ томъ же лежачемъ положеньи. Усадивъ подлѣ себя любимую гончую, заставлялъ ее такимъ образомъ прежалобно выть, что слухъ его устроенъ особеннымъ образомъ и что вѣроятно потому онъ болѣе всего любитъ эту дикую гармонію. Колесниковъ игралъ въ карты охотно—но безъ увлеченья.

Молодаго юнкера послали въ эскадронъ, расположенный въ трехъ верстахъ отъ эскадрона кантонистовъ, которымъ командовалъ Колесниковъ. Салынинъ бросился въ военную службу единственно изъ жажды себя переработать, отъ желанія положить вѣчную стѣну между своимъ прошедшимъ и собой, и по твердому намѣренію опрокинуть всѣ догадки, показать современемъ судьямъ своимъ человѣка имъ еще вовсе незнакомаго. Правда, средства къ достиженію этой цѣли были очень неясно еще

начертаны въ его головѣ, но цѣль была и онъ къ ней стремился. Съ того дня какъ Салынинъ надѣлъ юнкерскій колетъ, онъ безпрестанно слышалъ имя Колесникова, и любопытство разгорѣлось въ немъ очень сильно: кто-то повезъ его къ Колесникову. Салынинъ увидѣлъ передъ собой рослаго, плечистаго, съ порядочной просѣдью въ густыхъ гладкихъ волосахъ человѣка. Голова Колесникова была очень кругла. Глаза яркіе, черные, бѣлки только слегка окрашены кровью; черный длинный усъ, — по выраженію самаго Колесникова, единственный предметъ его любви—бронзовый, съ румянцемъ, цвѣтъ лица и полновѣсная фигура—все было предметомъ вниманія для Салынина. Воображенію его понравилась эксцентричность нѣкоторыхъ сужденій, которыя какъ-будто неохотно вырвались у Колесникова. Ему показалось, что человѣкъ этотъ ему нуженъ.

Не знаю, на что понадобился Салынинъ Колесникову, но онъ рѣшился прибрать молодаго человѣка къ рукамъ. Видно, въ самомъ дѣлѣ велика отрада подчинить своему вліянію душу, волю, мысли другаго существа, быть незримой пружиной дѣйствій, быть незримой уздой его чувствъ. Быть-можетъ, желаніе испытать эту отраду побудило Колесникова, или скука просто.... А можетъ быть и потому онъ остановилъ свое вниманіе на Салынинѣ, что рядомъ съ убогой деревушкой отца Колесникова, въ неполныхъ двадцать душъ, было красивое имѣніе Салынина, что юноша былъ богатъ знатной родней, и самъ носилъ имя извѣстное и чтимое не только въ одномъ своемъ околодкѣ.

Салынинъ могъ бы въ гвардіи служить пріятно..... можетъ быть, именно внѣшность подѣйствовала на

посѣдѣлаго поручика, вынесенное имъ впечатлѣніе изъ прошлыхъ временъ, сохранившаяся память о тѣхъ Салыниныхъ, которымъ еще всѣ въ поясъ кланялись. Хотя онъ былъ кандидатомъ философіи, но предпочелъ однако сойтись скорѣе съ Салынинымъ, нежели съ каждымъ другимъ изъ своихъ товарищеи.

Впрочемъ, не станемъ строго разбирать, что именно привлекло посѣдѣлаго поручика къ пылкому и воспріимчивому Салынину; у каждаго изъ нихъ конечно былъ свой разсчетъ, свой мыльный пузырь— но если бы не было мыльныхъ пузырей, то люди никогда бы не сходились, сближеніе сдѣлалось бы невозможнымъ, и свѣтъ отвыкъ бы совершенно отъ умилительнаго зрѣлища дружбы.

Два раза Салынинъ крѣпко проигрался, и оба раза Колесникову; во второй разъ это было съ глазу на глазъ, и на дворѣ шелъ дождь, уже темнѣло и холодно было; гончая спала, свернувшись у стѣны и вздрагивая во снѣ поминутно. Салынинъ всталъ изъ-за стола, онъ въ раздумьи ходилъ по комнатѣ, Колесниковъ курилъ, не глядя вовсе на него.

— Что, Николай Григорьевичъ? спросилъ онъ наконецъ, когда Салынинъ подошелъ погладить собаку.

— Ничего, проговорилъ Салынинъ улыбнувшись.

— А на охотѣ вы бывали съ гончими? спросилъ опять Колесниковъ, хладнокровно выпустивъ густой клубъ дыма.

— Разъ, что-ли, отвѣчалъ Салынинъ тоже равнодушно.

— Такъ значитъ вы еще во вкусъ не вошли. Хотите, поѣдемъ завтра на охоту. Вотъ музыка, что это за музыка! многоголосное пѣніе, аккорды

просто такіе берутъ, что прелесть! А ужъ голосистѣй всѣхъ у меня Воля, выработала голосокъ свой, и она у меня настоящая примадонна въ концертѣ. Воля, ісі! Пойди-жъ ты сюда, дура этакая! съ просонья не слышишь!....

Собака привстала, потянулась и медленными шагами подошла къ своему господину. Колесниковъ положилъ трубку, самъ улегся на кожаномъ диванѣ, снялъ со стѣны охотничій рожокъ, и черезъ минуту раздался самый оглушительный, жалобный, потрясающій нервы концертъ. Салынинъ сначала улыбнулся, потомъ крикнулъ—полноте! потомъ сложилъ руки на груди, и засмотрѣлся на Колесникова. Чѣмъ-то поразительнымъ показался ему тогда этотъ человѣкъ, натурой отдѣльной, непонятой, достойной глубокаго изученія. Николай Григорьичъ задумался, и хотя его слухъ страдалъ не мало отъ дикой гармоніи, производимой поручикомъ и его любимой гончей, онъ однако не нарушилъ ихъ музыкальныхъ занятій, и въ глубокомъ молчаніи дождался конца этого страннаго концерта.

На другой день Салынинъ во все время охоты доискивался тѣхъ нотъ, тѣхъ аккордовъ, которые, по словамъ Колесникова, такъ славно берутъ гончія. Кончилось тѣмъ, мало-по-малу, что онъ самъ вошелъ во вкусъ этихъ жалобныхъ голосовъ, этихъ стоновъ, этихъ переливовъ, и показалось ему, что онъ сталъ больше понимать Колесникова, что открылъ въ немъ душу поэтическую, характеръ самобытный, вкусы оригинальные. Еще нѣсколько свиданій—и Салынинъ довѣрилъ ему себя, разсказалъ свое прошедшее, сознаъ себя невѣждой, не скрылъ жажды образоваться, вообще перевоспитать себя, поставилъ на судъ Колесникова всѣ

свои отношенія къ роднымъ и къ прежнимъ знакомымъ. Колесниковъ слушалъ его внимательно и одобрилъ Салынина во всѣхъ намѣреніяхъ. Довольно запутанной и неохотной рѣчью онъ далъ ему между прочимъ понять, что самъ способенъ чувствовать и раздѣлять все занимающее Салынина, и что хотя не бросался съ жаромъ на встрѣчу его дружбы, но объявилъ очень спокойно молодому человѣку, что онъ ему нравится, незамѣтно польстилъ его самолюбію, показавъ такимъ образомъ хоть очень отдаленную надежду на то, что они современемъ сойдутся. Послѣ такого объясненія, Салынинъ возвратился на свою квартиру гордый и исполненный различныхъ пылкихъ мечтаній.

Сначала Салынинъ пріѣзжалъ къ Колесникову, потомъ Колесниковъ сталъ жить у Салынина. Они были неразлучны. Слѣдуя наставленіямъ Колесникова, Салынинъ кутилъ съ товарищами, бросалъ деньги, не отказывался ни отъ картъ, ни отъ попойки, ни отъ охоты, не отъединялся, но ни съ кѣмъ не пускался въ задушевныя бесѣды. Колесниковъ управлялъ товарищескими отношеніями, какъ впослѣдствіи управлялъ чувствами его. Они вмѣстѣ читали, вмѣстѣ охотились: Салынинъ искренно трудился надъ своимъ недоконченнымъ образованіемъ, и въ этомъ ему добросовѣстно помогалъ пріятель.

Молодой человѣкъ свозилъ зимой своего руководителя къ себѣ домой; Колесниковъ приглядѣлся къ семейству его, изучилъ нѣсколько всѣхъ его членовъ и потомъ искусно поставилъ на видъ своему другу нѣсколько вѣроятностей, распредѣлилъ семейныя отношенія и придумалъ роль, которая льстила гордой душѣ Салынина. Всѣ совѣты коман-

дира кантонистовъ клонились къ очевидной пользѣ Николая Григорьича, и хотя онъ постоянно говорилъ, что если человѣкъ исправно ѣстъ, исправно пьетъ и исправно спитъ, то вполнѣ исполняетъ долгъ свой, но тутъ же прибавлялъ, что на Николаѣ Григорьичѣ, по его мнѣнію, лежитъ еще одинъ долгъ, а именно — поддержать родъ свой. Искусно онъ далъ почувствовать Николаю Григорьичу, что братья его не въ состояніи вынести на себѣ какую бы то ни было отвѣтственность, что на немъ лежитъ забота о пользахъ семейства, поддержаніе связей, что словомъ, онъ одинъ можетъ постоять за всѣхъ своихъ и, слѣдовательно, долженъ это сдѣлать. Крѣпко ухватилась за сердце Салынина мысль о такомъ предназначеніи. Тогда начертался у него ясно свой образъ дѣйствіи, явились правила жизни, впослѣдствіи дополненныя и выработанныя — Салынинъ прослылъ человѣкомъ съ характеромъ, натурой сильной, умомъ самобытнымъ.

Салынинъ надѣлъ эполеты, смѣлѣе онъ выступилъ на жизненную сцену, и начался рядъ его успѣховъ. Что прежде было бы удовлетвореніемъ тщеславія, то стало теперь въ глазахъ его исполненіемъ долга, словомъ, придуманное назначеніе какъ разъ было на руку его дѣятельной, самолюбивои и увѣренной въ своихъ силахъ натурѣ. Колесниковъ, придумавъ для него роль, которая вовсе не ему выпадала на долю, развязалъ Салынину руки для многаго—онъ ужъ не боялся явиться высокомѣрнымъ, прослыть искательнымъ и тонкимъ; напротивъ того, ему нравилось подобное мнѣніе, онъ жадно прислушивался къ общественному голосу и самъ надѣвалъ на себя незримыя цѣпи. А въ сущ-

ности душа у него была гордая, неспособная подчиняться мелочнымъ разсчетамъ вседневной жизни. Только вліяніе Колесникова спеленало эту душу, обвило двадцатью покрывалами, и добраться до нея уже стало невозможно. Однако, если бы можно было каждому позволить заглянуть Салынину въ душу, каждый бы полюбилъ его, и каждый простилъ бы успѣхи, вниманіе, его окружавшее, и то, что онъ сталъ нежданно на видъ и вдругъ собой заслонилъ многихъ.. А такъ....У него были враги, и ихъ было немало.

Салынину захотѣлось въ свѣтъ, но онъ еще не зналъ, какъ станетъ смотрѣть на это Колесниковъ. Слегка коснулся онъ разъ какъ-то тѣхъ *странныхъ обязанностей* къ свѣту, которыя болѣе или менѣе налагаются на насъ родственными связями, заговорилъ о цѣлой толпѣ родственниковъ, дядюшекъ и кузинъ, которые не разъ уже приставали къ нему съ предложеніемъ познакомить его всюду и насильно хотѣли заставить его веселиться. Каково же было удивленіе Салынина, когда Колесниковъ очень внимательно вглядывался въ него, слушая все это, и потомъ вынувъ трубку изо-рта, сдвинувъ брови, заговорилъ, очень серіознымъ тономъ, о совершенной необходимости для *молодаго человѣка съ подобной обстановкой* занять видное мѣсто всюду, гдѣ только случай къ тому представится.

— Послушайте—заключилъ Колесниковъ—вамъ вовсе незачѣмъ уединяться! вы молоды и имѣете всѣ права на то, чтобы пойдти далеко. Съ вашей наружностью, съ вашими привычками хорошаго тона, вы будете непремѣнно имѣть успѣхъ. Одно только—помни, Николай Григорьевичъ, что куда бы ты ни шелъ, ты идешь за успѣхомъ, идешь схва-

тить непремѣнно какой нибудь успѣхъ; что неудачамъ ты не долженъ никогда покоряться и потому не долженъ себя ни въ какомъ случаѣ къ нимъ готовить. Не щади ни себя, ни другихъ, лишь бы вездѣ занять видное мѣсто, потому что оно тебѣ принадлежитъ по праву. Слава Богу, вы у насъ не пѣшка въ полку, Николай Григорьичъ! надѣюсь, что нигдѣ вы не будете пѣшкой, вы несозданы для этого. Теперь вы станете лицомъ къ лицу съ женскими хитростями, но помните одно—въ женщинѣ слѣдуетъ уважать только красоту. Иныя изъ нихъ бываютъ умны, но ихъ умомъ порядочный человѣкъ долженъ только забавляться. Да, да, я не вижу, почему бы тебѣ не пуститься въ свѣтъ, и вотъ что—знаешь-ли, нашихъ Ловеласовъ, гдѣ только можешь, за поясъ заткни. Вѣдь не мѣшаетъ, право! пусть чувствуютъ, что ты ихъ всюду заслоняешь собой. Только смотри, ужъ слишкомъ къ свѣту не привяжись-не стоитъ! Впрочемъ, вѣдь ты малый ничего, головы не потеряешь!—

Салынинъ самодовольно улыбнулся, однако посовѣстился принять безусловно предсказаніе Колесникова и только искренно признался, что е у конечно довольно любопытно посмотрѣть на людей, да и то, что сидѣть въ эскадронѣ ужъ крѣпко надоѣло.....

Возвратясь домой и протянувшись во всю длину своей длинной фигуры на мягкой постели, устроенной вообще съ нѣкоторымъ комфортомъ, Салынинъ долго не спалъ и все думалъ:—«Славная душа этотъ Колесниковъ!»

Салынину казалось, что никто въ мірѣ не можетъ любить такъ, какъ любитъ его Колесниковъ; Колесникову любопытно было видѣть, что именно

выйдетъ изъ Салынина, и оттого онъ занимался имъ, и кромѣ того вовсе не желалъ упустить его изъ рукъ, находя особенное наслажденіе въ сознаніи неограниченнаго своего вліянія на эту жаркую и благородную натуру.

Въ-теченіе одного мѣсяца Салынинъ ознакомился хорошо со всѣмъ обществомъ, чуть было не влюбился въ жену троюроднаго дяди, но у него было правило — на родственницъ глядѣть только родственно, какъ бы родство ни было отдаленно и какъ бы родственница ни была мила. Еще его тянуло къ охотѣ, еще всему онъ предпочиталъ бесѣду Колесникова, а главное, хотѣлъ ему показать, что онъ неспособенъ слишкомъ увлекаться новизной, шумомъ и блескомъ. Это была цѣль, связывающая нѣсколько Николая Григорьича; но Колесниковъ, вполнѣ разгадавшій его мнительность, искусно снялъ двумя, тремя словами эти добровольныя оковы. Тогда Салынинъ сталъ пропадать изъ эскадрона; его поглотили живыя картины, домашніе спектакли, кавалькады, вечера, его обморочили, оглушили вальсы, польки, блескъ и рѣчи. Онъ увидѣлъ женщинъ, увидѣлъ ихъ во множествѣ, оживленныхъ вѣчной суетой, украшенныхъ вѣчнымъ весельемъ, онъ увидѣлъ цѣлый роскошный букетъ женщинъ хорошенькихъ и нарядныхъ, причудливыхъ и избалованныхъ, жаждущихъ вниманія, торжества и побѣды, и между ними онъ увидѣлъ одну *женщину*....

Она была миніатюрна и слаба; малютка по росту, ребенокъ по силѣ, съ бѣлой и блѣдной кожей, съ сверкающими сѣрыми глазами, съ улыбкой, пробѣгающей быстрѣе молніи по полненькимъ губамъ, съ граціозными, вкрадчивыми и ко-

варными движеньями красивой кошки. Ей представили Салынина на балѣ; она слегка прищурилась, окинула его быстрымъ взглядомъ—Салынинъ позвалъ ее на мазурку. Мелкой дробью разсыпалась ея бѣглая рѣчь, серебряный голосокъ звучалъ подъ музыку плѣнительно, и когда имъ пришлось дѣлать фигуру, и ея крошечная рука, стянутая ловко перчаткой и казавшаяся оттого еще меньше, эта рука ребенка, но гибкая и горячая, легла въ рукѣ Салынина, онъ невольно съ забавнымъ удивленіемъ поглядѣлъ на свою даму. И снова ея сѣрые, свѣтлые глаза сверкнули, полненькія губы улыбнулись—онъ стоялъ околдованный, отуманенный какимъ-то страннымъ чувствомъ. Во снѣ ли онъ, иль на яву? живое ли это существо, или созданіе его больнаго, разгоряченнаго мозга, его усталаго зрѣнія?...

— Что же, начнемте! произнесъ серебристый голосъ, и рука ребенка нетерпѣливо пошевелилась въ его рукѣ.

Салынинъ вздрогнулъ отъ этого движенія—и они понеслись.

А тутъ увидѣлъ онъ, послѣ двухъ-трехъ па, опять что-то непонятное: изъ подъ шелковаго платья выглянула ножка — и какая! не китайская — она слишкомъ узка, не дѣтская—она слишкомъ стройна; не человѣческая — слишкомъ мала, не кукольная — слишкомъ гибка. Въ этотъ разъ изумленіе Салынина было еще сильнѣе, онъ рѣшительно не могъ понять, что̀ такое онъ видитъ, и видитъ подобную ножку рядомъ съ своей ногой, мелькающую подъ тактъ мазурки. Опять онъ вопросительно взглянулъ на свою даму, и опять ему отвѣтомъ былъ тотъ же блестящій взглядъ, та же яркая улыбка.

Они кончили фигуру, сѣли: Салынинъ молчалъ.

— Viens, Fanny—произнесъ женскій голосъ подлѣ него.

Его даму выбирала въ эту минуту прелестная женщина, извѣстная красавица, хозяйка дома. Она тоже была небольшаго роста и стройна, но не носила на всемъ существѣ своемъ того невыразимаго отпечатка миніатюрности, который лежалъ на очаровательной Фанни. Античная голова, удивительный абрисъ шеи и алебастровыхъ плечъ, тонкая, круглая и гибкая талья, черты лица строгой правильности и большіе голубые глаза, все дышало смѣлой и неукоризненной красотой. Она была старѣе Фанни; многіе годы прошли, не оставивъ на ней своего слѣда; время, залюбовавшись ею, забыло поднять на красоту ея свою косу, грація ея была не та кошачья, вкрадчивая грація, которою отличалась Фанни, въ ней было на столько же отваги и силы, на сколько мягкости и пріятности. Блескъ этой женщины затмѣвалъ Фанни, съ перваго взгляда она покоряла: за то Фанни опутывала, и горе узнику, попавшему въ ея сѣти!

Алина была хороша всюду, но лучше всего она была въ живыхъ картинахъ и въ кавалькадахъ: черная амазонка обрисовывала въ совершенствѣ ея стройный станъ, черное перо шляпы вилось надъ пышными бѣлокурыми волосами, и покорный сильной, хорошенькой рукѣ, храпѣлъ и отважно мчалъ ее гордый, небольшой и легкій конь. Ни обскакать гордаго коня, ни утомить гордую наѣздницу никому еще не удавалось—и Алина поразительно прекрасна бывала, когда шутя и смѣясь, заранѣе увѣренная въ успѣхѣ, вызывала на состязаніе извѣстнѣйшихъ ѣздоковъ.

Только тонкая усмѣшка пробѣгала въ эти минуты по губамъ Фанни, которая, небрежно качаясь въ креслѣ и еще небрежнѣе слушая своихъ поклонниковъ, едва замѣчая ихъ пламенные взгляды, поглядывала очень-насмѣшливо изъ открытаго окна на свою блистательную кузину. Серебристый голосокъ сыпалъ хитрую рѣчь.

— Какая счастливица Алина! говорила тогда Фанни, нѣжась и грѣясь на солнцѣ, осеннемъ и свѣтломъ, какъ прощаніе съ надеждой на встрѣчу, солнцѣ.—Вотъ еще удовольствіе, вовсе мнѣ недоступное! Во первыхъ, я ужасная трусиха, жить хочу, а при каждомъ неосторожномъ скачкѣ лошади отъ страха непремѣнно упаду съ сѣдла на землю; и во вторыхъ, скажите—мнѣ ли ѣздить?

— Отчего же?... спрашивалъ кто-нибудь.

— Вѣдь мнѣ придется отдать себя совершенно во власть глупаго животнаго. Я убѣждена, что лошадь глупа, она не пойметъ, что она должна со мной обращаться бережно, а скажите сами — могу-ль я ею править? Что можетъ сдѣлать такая рука? И Фанни, улыбаясь, показывала присутствующимъ свою крошечную ру у, и всѣ невольно удивлялись и любовались ея рукой.

На вопросъ какого-нибудь новичка — не ѣздитъ ли она? Фанни очень простодушно выказывала себя разобиженной до-нельзя.

— Да надо быть глупѣе этого глупаго животнаго, чтобы сѣсть на него! Я женщина, и у меня вкусы женскіе. А наконецъ — faites-moi le plaisir de m'accorder un peu d'esprit, я понимаю себя и вижу, что вовсе не создана быть амазонкой. Непремѣнно уздой пальцы порѣжу, или стремя измучитъ мнѣ ногу; ужъ одно суконное платье мнѣ не по силамъ...

Фанни кокетничала своей миніатюрностью и слабостью съ чрезвычайнымъ искусствомъ. По травѣ она не ходила, потому что боялась пауковъ, букашекъ, рѣшительно всего, а если въ саду одинъ изъ прелестныхъ блестящихъ коричневыхъ жуковъ, жужжа, обрывался съ зеленыхъ листьевъ клена и летѣлъ по тому направленію, гдѣ сидѣла эта причудливая женщина, Фанни поднимала странный крикъ, пряталась за присутствующихъ или опрометью бѣжала домой, и въ необъяснимомъ страхѣ запирала всѣ двери и окна въ комнатѣ, гдѣ наконецъ находила убѣжище отъ страшнаго жука. Тамъ въ изнеможеніи бросалась она на самое выгодное мѣсто, и когда рой поклонниковъ, послѣдовавшихъ за ней, снова окружалъ ее, она заставляла ихъ себя забавлять, кто чѣмъ можетъ, чтобы прогнать впечатлѣніе недавняго испуга.

И все это дѣлалось съ такимъ простодушіемъ, во всѣхъ этихъ выходкахъ былъ видѣнъ прелестный, избалованный ребенокъ, игрушка блестящая, дорогая и ломкая, которою любуешься и за которую вѣчно боишься!...

Мужъ Фанни былъ извѣстенъ всѣмъ какъ человѣкъ умный и благородный; жена оказывала искренно ему вниманіе, и можетъ быть онъ чувствовалъ себя счастливымъ. Фанни была плѣнительна на балѣ, очаровательна въ домашнихъ спектакляхъ, хотя здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо она капризничала и ласкалась, ласкалась и капризничила, на репетиціяхъ причудничала невообразимо, но если актрисы и сердились на нее, за то актеры всѣ, и даже самъ суфлеръ, сходили съума. Въ глубинѣ души ненавидя Алину, она никогда однако не вступала съ ней открыто въ состязаніе, не оспа-

ривала первенства, но нерѣдко успѣвала увлечь и не одного изъ толпы ея обожателей, и незамѣтно боролась противъ ея всепокоряющей красоты съ поразительной неутомимостью.

— Вотъ двѣ женщины! сказалъ о нихъ Тименецкій—эту полюбишь, а та съ ума сведетъ.

Салынинъ былъ пораженъ красотой Алины. Онъ явился въ домѣ, онъ сталъ ѣздить часто: мужъ принималъ его радушно, Алина особенно любила его въ кавалькадахъ. Эта горячность, эта жажда борьбы, эта готовность состязаться были для нея неоцѣненны!

И Салынинъ, побѣжденный невыразимой граціей, силой, ловкостью, отвагой этой женщины, въ нѣмомъ восторгѣ любовался ею. Хотя на ту пору красавица была уже отдана чувству, поглотившему впослѣдствіи всѣ радости ея жизни, но искренность и горячность Салынина нравились, его вниманіе льстило ей. И Фанни это подмѣтила. Тогда она стала наблюдать Салынина и наконецъ рѣшила отнюдь не предоставлять его Алинѣ.

Ужъ два, три раза дала она себя замѣтить Салынину, ужъ высказала искусно передъ нимъ свою оригинальность, но все это было еще слегка. Онъ видѣлъ ее и помнилъ, но не былъ знакомъ. И вотъ, когда на балѣ пара свѣтлыхъ сѣрыхъ глазъ устремилась на него неотвязчиво, и миніатюрная женщина, прильнувъ къ самому уютному углу комнаты, съ страннымъ выраженіемъ его разсматривала—магнитизмъ кошачьяго взгляда подѣйствовалъ. Салынинъ невольно подвинулся было къ ней, но вспомнилъ, что ни разу не былъ ей представленъ формально, и пошелъ отыскивать кого-нибудь, кто

бы его теперь представилъ. Отыскать было легко— всѣ гости знали Фанни и бывали въ ея домѣ.

Мы видѣли ихъ въ мазуркѣ. Нѣсколько разъ это маленькое созданіе смутило Салынина, и вообще, впродолженіе всей мазурки, она заставила молодаго человѣка не пропустить ни одного ея движенія, заставила подмѣтить въ ней много такого, что̀ было еще до сихъ поръ для него еще незамѣтнымъ. Когда онъ подалъ руку своей дамѣ, чтобы вести ее ужинать, Фанни совершенно свѣсилась на эту руку и повидимому едва передвигала свои крошечныя ножки отъ усталости. Лице ея было блѣдно, глаза блуждали разсѣянно. Садясь, Салынинъ нечаянно коснулся эполетомъ ея обнаженнаго плеча, и она вся задрожала отъ холоднаго прикосновенія. Салынинъ вспыхнулъ, хотѣлъ извиниться, но не сказалъ ни слова, только невольно посмотрѣлъ на нѣжныя плечи, и вся эта женщина ему показалась такой хрустальной, прозрачной, что снова онъ невольно удивился, какъ могъ онъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ танцовать съ ней, держать въ рукѣ своей ея невообразимо-маленькую руку и заставлять эти маленькія ножки такъ шибко двигаться.

Да, странное, очень странное впечатлѣніе произвела эта женщина на Салынина.

Онъ возвратился домой въ какомъ-то чаду, засталъ у себя Колесникова, который дня два ждалъ его и ужъ сбирался обратно къ себѣ въ эскадронъ. Съ трудомъ сдерживая свои порывы, разсказалъ ему Салынинъ какъ хороша, какъ занимательна Фанни. Не смотря на то, что онъ, говоря о женщинахъ, принялъ немедленно тонъ человѣка серьезнаго, знающаго всему настоящую цѣну, тонъ

нѣсколько пренебрежительный даже, и только распространился о томъ, что если Фанни чѣмъ особенно заслуживаетъ вниманіе по его мнѣнію, такъ это своей истинной женственностью, слабостью, что она вѣчно какъ-будто ищетъ опоры, покровительства, защиты, что женщина именно мила своей беззащитностью и отсутствіемъ геройства, и что онъ терпѣть не можетъ женщинъ-героевъ,— не смотря на то, что только съ этой стороны Салынинъ обратилъ *повидимому* вниманіе на занимательную Фанни, Колесниковъ тотчасъ понялъ его.

— Ну братъ, Николай Григорьичъ, неужто Фанни?.. сказалъ онъ. Славно начинаешь; вотъ женщина, за которой никому нестыдно приволокнуться! Только смотри, головы не дай себѣ свернуть.

Салынинъ улыбнулся.

— Ея ли маленькой ручонкѣ.....началъ онъ, но на одно воспоминаніе этой ручонки, такъ недавно еще лежавшей въ его горячей рукѣ, вдругъ покраснѣлъ и замолчалъ. Снова ему показалось, что она то вздрагиваетъ, то качается, то чуть жива отъ усталости, то какъ пухъ летитъ, летитъ въ толпѣ по залѣ, и крошечныя ножки мелькаютъ, и шелковое платье шумитъ своими пышными складками—странное видѣніе, плѣнительное видѣніе!....

Съ этой минуты Салынинъ совершенно бросился въ заколдованный кругъ всевозможныхъ удовольствій; онъ исчезъ въ немъ даже для Колесникова.

Все, что̀ могло приблизить его къ этой женщинѣ, все, что̀ могло доставить ему минуту свиданія съ ней, за все это принимался Салынинъ съ горячностью. И онъ былъ *убѣжденъ*, что эта женщина его любитъ, любитъ, только выказать не смѣетъ: трепещетъ передъ судомъ свѣта, боится мужа, и

какъ ребенокъ прихотливый, поддается сегодня одному впечатлѣнію, завтра другому, и притворяется, что чувства его не замѣчаетъ вовсе. И наконецъ, случилось какъ-то, что она дала ему поцѣловать свою крошечную руку; тогда Салынинъ чуть не сошелъ съ ума отъ радости, отъ гордости. Онъ не вытерпѣлъ, онъ разсказалъ о счастьи своемъ Красуцкому; а Красуцкій улыбнулся только какъ человѣкъ опытный, какъ человѣкъ, который бы могъ похвастать любовью женщины еще болѣе прекрасной, и не такими изъявленіями ея вниманія! Красуцкій подумалъ объ Алинѣ, хотѣлъ было сказать Салынину что-то, но одумался тотчасъ и только произнесъ—какой вы еще ребенокъ!—покручивая черные усы.

Насталъ день именинъ Алины. На цѣлую недѣлю пріѣхали гости: все, все, что̀ можетъ изобрѣсть жажда увеселеній и самое живое воображеніе, все поочереди занимало многочисленныхъ гостей Алины. Конечно, Фанни играла свою роль, роль очень значительную въ этой блистательной и суматошной жизни. Салынинъ не покидалъ ее, и если иногда изъ приличія, какъ извѣстный наѣздникъ, долженъ былъ сопровождать Алину, то почти съ отчаяніемъ покорялся своей судьбѣ. Красуцкій участвовалъ въ живыхъ картинахъ и произвелъ фуроръ въ мавританскомъ костюмѣ; Салынинъ же отказался отъ картинъ, увѣряя, что не имѣетъ призванія къ позамъ, и хотя его хотѣли нарядить Темпліеромъ, что̀ очень соотвѣтствовало росту и фигурѣ, не рѣшился онъ подчиниться этой выдумкѣ. Вообще онъ ни зачто не позволилъ подвергнуть себя общей оцѣнкѣ, самолюбіе его было такъ сильно, что онъ не перенесъ бы, если успѣхъ его не

превзошелъ бы успѣха Красуцкаго въ мавританскомъ костюмѣ. Онъ бы и въ театрѣ не участвовалъ, но Фанни захотѣла; Фанни сказала, что онъ долженъ играть, и Салынинъ не посмѣлъ отказаться. Роль его требовала, чтобы онъ становился раза два на колѣни передъ Фанни—и онъ былъ вполнѣ счастливъ. Спектакль былъ наканунѣ именинъ, то есть наканунѣ бала — пьеска прошла прекрасно; много было истреблено шампанскаго послѣ представленія, пили за здоровье актеровъ, актеры пили за здоровье актрисъ, и всѣ актеры удивительно сблизились другъ съ другомъ: Фанни выпила цѣлый бокалъ за здоровье Салынина—Салынинъ былъ счастливъ.

Густой садъ былъ прелестно освѣщенъ. Голова Салынина горѣла, онъ мечталъ о завтрашнемъ балѣ, онъ готовилъ себя къ чему-то необъяснимо-прекрасному, и никогда еще не былъ такъ *убѣжденъ*, что Фанни понимаетъ и даже раздѣляетъ его чувства. По широкой освѣщенной аллеѣ шла пара, весело разговаривая. Салынинъ услышалъ явственно голосъ Красуцкаго, и убѣжденный, что съ нимъ Алина, скорѣе повернулъ на темную дорожку, не желая мѣшать имъ. Онъ не любилъ Красуцкаго, но любилъ Алину, дружескимъ, преданнымъ чувствомъ. Но голосъ, отвѣчавшій Красуцкому, былъ голосъ Фанни, а не Алины: тогда любопытству Салынина не стало границъ, онъ пошелъ по одному направленію съ ними, тихо ступая по влажной землѣ и стараясь не проронить ни слова.

Фанни держалась обѣими руками за руку Красуцкаго, качаясь нѣсколько съ такимъ плѣнительнымъ, кокетливымъ довѣріемъ, что Салынину вся кровь бросилась въ голову.

Онъ слушалъ однако.

— Прекрасный Мавръ, говорила Фанни, вы погубите мою бѣдную кузиночку, я убѣждена!

— А вы погубите Салынина, вотъ мое убѣжденіе,—отвѣчалъ Красуцкій.

— И мое тоже, подтвердила Фанни; послѣ этого она залилась своимъ мелкимъ, серебристымъ смѣхомъ.

Салынинъ вздрогнулъ.

— Такъ пожалѣйте же человѣка, оставьте въ покоѣ,—сказалъ Красуцкій.

— Перестаньте *вы* ухаживать за Алиной!

— Такъ вы вознаградите меня за жертву, позволите ухаживать за вами?.

— Попробуйте.

Красуцкій звонко поцѣловалъ крошечную ручку, Фанни тихо засмѣялась.

— Но будете ли вы меня любить? спросилъ Красуцкій.

— А Алина васъ любитъ?....

— Я думаю, сказалъ вѣтрено Красуцкій.

— Ну, такъ обо мнѣ вы этого никогда бы не подумали,—возразила Фанни: жалки тѣ люди, которыхъ такъ легко разгадать.

— Такъ и Салынинъ жалокъ?

— Еще какъ! Я имъ забавлялась; но и онъ не останется безъ вознагражденія: я заставлю его принесть нѣсколько жертвъ, и потомъ дамъ поцѣловать кончикъ своей ботинки.

— И онъ будетъ счастливъ! воскликнулъ, захохотавъ, Красуцкій.

— Да, онъ счастливъ самымъ вздоромъ, и оттого это истинно счастливый человѣкъ; мужъ мой тоже пресчастливый человѣкъ!....

Красуцкій невольно заглянулъ ей въ глаза, но вмѣсто словъ опять зазвучалъ мелкій серебристый смѣхъ.

Потомъ Фанни стала дрожать.

— Ведите меня домой,—сказала она, я простужусь, и здѣсь угарно отъ плошекъ.

— Видите ли! я не прощу себѣ, что васъ послушалъ, сказалъ Красуцкій.

Они быстро удалились.

Салынинъ еще разъ услышалъ свое имя, но ужъ разговаривающіе были далеко. Онъ стоялъ прислонясь головой къ дереву, сердце замерло отъ негодованія и презрѣнія; онъ бы хотѣлъ уничтожить Красуцкаго, уничтожить эту женщину, разубѣдить ее, что она любима. Нѣтъ, онъ уже больше не любилъ ее, но ему было обидно, горько, глухое бѣшенство кипѣло въ груди. Если бы онъ могъ уѣхать!... Но завтра балъ, какую роль онъ будетъ играть на завтрашнемъ балѣ? Онъ сжалъ крѣпко кулаки, и захохоталъ съ яростью.

За ужиномъ онъ пилъ много шампанскаго и острилъ безъ милосердія насчетъ Красуцкаго.

Красуцкій отшучивался плохо, и потому въ свою очередь начиналъ сердиться, но Алина во время подошла къ Салынину и отвлекла его озлобленное вниманіе отъ Красуцкаго.

Фанни не ужинала за общимъ столомъ,—ей мужъ носилъ тарелки съ кушаньемъ къ камину, который по требованію ея затопили, несмотря на апрѣль мѣсяцъ и на лѣтнюю почти погоду.

На балѣ Салынинъ танцовалъ съ безумнымъ увлеченіемъ, простился съ хозяйкой и, не отдыхая, сѣлъ ночью въ небольшой тарантасъ и ускакалъ въ эскадронъ. Доѣхавъ до поворота къ Колесни-

кову, онъ велѣлъ поворотить, гнать лошадей что было силы, и когда остановился передъ другомъ, разстроенный и блѣдный, Колесниковъ только слегка прищурился.

Не знаю, въ какихъ словахъ Салынинъ передалъ свое приключеніе и чувства, возбужденныя имъ. Колесниковъ не разочаровалъ его насчетъ великости страданій, не спросилъ, что̀ онъ намѣренъ дѣлать, и ничуть не удивился, когда на другой день, проспавъ до вечера богатырскимъ сномъ, Салынинъ объявилъ ему, что хочетъ заняться философіей. Колесниковъ полѣзъ въ старый чемоданъ, валявшійся подъ кожанымъ диваномъ, досталъ оттуда запыленнаго Канта и положилъ молча передъ Салынинымъ на столъ. Салынинъ развернулъ книгу и въ раздумьи ворочалъ ея листы.

Глазамъ его представился чрезвычайно пространный періодъ, составленный изъ такихъ выраженій, словъ, терминовъ, что онъ читалъ не понимая вовсе прочитаннаго, наконецъ рѣшительно сталъ втупикъ и поднялъ глаза на Колесникова.

— Фихте у меня нѣтъ, сказалъ Колесниковъ, притворяясь, что отвѣчаетъ на его мысленный вопросъ, а то бы далъ тебѣ и Фихте.

— Гдѣ бы достать Фихте? спросилъ Салынинъ.

— Выписать можно, деньги лишь бы были.

Салынинъ положилъ бумажникъ на столъ.

— Вотъ деньги, сказалъ онъ: выпиши мнѣ пожалуйста Фихте.

— Хорошо, современемъ. И Гегеля не мѣшаетъ...

— Пожалуйста, выпиши и Гегеля!

— О Шеллингѣ ты конечно слыхалъ? Вотъ языкъ, вотъ говоритъ-то; наши ѣздили его слушать, хотѣлось было и мнѣ—да куда же мнѣ за-

границу! мнѣ, видишь, не по карману было Шеллинга слушать. Изъ Французовъ кого бы тебѣ дать прочесть? Малебранша, Кандорсе?... право, самъ не знаю, неслишкомъ я ихъ жалую; впрочемъ, нельзя отнять достоинствъ....

И вотъ пріятели снова стали охотиться и прилежно читали философовъ. Салынину показалось, что вокругъ него создается отвлеченный міръ, и что въ этотъ міръ онъ уходитъ отъ всѣхъ и даже отъ себя самого. Общество, которое привыкло его видѣть, сначала нѣсколько дивилось этому исчезновенію; Фанни разъ спросила у кого-то изъ офицеровъ того же полка, что̀ сдѣлалось съ Салынинымъ и, получивъ въ отвѣтъ, что онъ предался философіи, расхохоталась до слезъ и цѣлый день не могла забыть, что Салынинъ занимается философіей. Иныя вспоминали его какъ лучшаго полькера, другія жалѣли, что не слышатъ его горячихъ разсужденій и строгихъ приговоровъ; молодые люди въ глубинѣ души были рады, что перестали встрѣчать его въ гостиныхъ, впрочемъ имя его произносилось почти всегда вскользь только — общество было занято романомъ Алины съ Красуцкимъ.

Разлука охладила любовь и самую горечь оскорбленной любви въ Салынинѣ. Онъ скоро стряхнулъ съ себя временную тоску и съ бо̀льшей горячностью, нежели Колесниковъ, сталъ проповѣдывать жизнь физичес ую, говорилъ съ насмѣшкой о чувствахъ, съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ о женщинахъ, составилъ для себя правила жизни, читалъ много, много охотился и не отказывался никогда отъ разгульнаго общества. Но если среди этого общества раздавались сужденія о *томъ*, о *семъ*,

Салынинъ принималъ видъ и тонъ человѣка опытнаго, искусившагося уже жизнью.

Кто-то разъ вздумалъ говорить о нравственности женщинъ въ нашемъ вѣкѣ. Предметъ былъ довольно занимательный, всѣ приняли участіе въ разговорѣ.

— Нѣтъ, — сказалъ одинъ изъ спорящихъ: я узнаю каждую съ перваго взгляда; маска чистоты сердечной не такъ легко надѣвается, какъ онѣ думаютъ.

— Чистота сердечная! да вотъ тебѣ чистота сердечная и наша Олень а Корнева, а послушаи, что Гринъ говоритъ про нее! замѣтилъ другои.

— Гринъ лжетъ!

— Да чтожъ тутъ? Гринъ хорошенькій мальчикъ! замѣтилъ Колесниковъ съ убійственнымъ равнодушіемъ.

— Только безсовѣстно лжетъ, подхватилъ опять защитникъ Корневои.

— Полноте, господа, сказалъ Салынинъ, вмѣшавшись въ разговоръ, какъ вамъ не стыдно! перекидываетесь именемъ молоденькой дѣвушки, точно мячемъ.

— А ты ее зн ешь?

— Знакомиться не намѣренъ.

— Послушаи, Колесниковъ, вотъ ты видѣлъ дочь нашего Корнева! ну, скажи, не ангелъ ли чистоты это?

— Хорошенькая, отвѣчалъ Колесниковъ.

— Да нѣтъ, не то, вглядѣлся ты въ нее? что̀ выражаетъ ея физіономія?

— Не знаю; я на барышень никогда не гляжу. И Колесниковъ отвернулся.

— Салынинъ, прошу тебя, познакомься съ Кор-

невой, сдѣлай отцу визитъ, онъ радехонекъ будетъ, продолжалъ поклонникъ Оленьки.

Салынинъ потеръ рукой затылокъ и закрылъ глаза.

— Я, господа, сказалъ онъ важно, подумавъ съ минуту, я точно познакомлюсь. Не для того, чтобы я въ этомъ знакомствѣ искалъ и думалъ найдти для себя удовольствіе, пусть будетъ эта Оленька и мила, и умна, и прекрасна—меня не достоинства ея вызываютъ на знакомство. Но до-сихъ-поръ я считалъ Грина порядочнымъ малымъ: неужели онъ солгалъ?... Я хочу убѣдиться, что онъ солгалъ, и въ такомъ случаѣ непремѣнно обрублю ему носъ и уши.

Все это проговорилъ Салынинъ тономъ серьезнымъ, не допускающимъ возраженій.

— Послушайте, Салынинъ, не много-ль вы на себя берете? отозвался Красуцкій.

— Ну, такъ онъ мнѣ обрубитъ носъ и уши, возразилъ Салынинъ. Но безсовѣстно разсказывать небылицы и неправому суду подвергать женщину. Я не защитникъ ихъ, онѣ большею частью не стоютъ ни обвиненій, ни оправданій, но это неидетъ, согласитесь, неидетъ вовсе и неблагородно. Да и наконецъ, не стыдно ли заниматься подобнымъ вещами вамъ, господа! Но если вы уже занялись, то я, съ своей стороны, займусь тоже, и непремѣнно разгадаю все—Гринъ ли налгалъ передъ вами, или ваша Оленька Корнева лжетъ мастерски передъ всѣми?

— Ха-ха-ха! Практическое изученіе психологіи, приложеніе правилъ теоріи къ практикѣ, замѣтилъ Красуцкій.

— Любезный другъ, сказалъ Салынинъ разгоря-

часъ: практически изучить психологію очень легко за лишнимъ бокаломъ шампанскаго, и я это дѣлывалъ не разъ. Жаль только, что вы, какъ человѣкъ опытный, мало пьете!...

— Я пью мало, потому-что дурно сплю послѣ шампанскаго, отвѣчалъ Красуцкій; но позволю вамъ напоить меня пьянымъ когда-нибудь, чтобы доказать, что я ни въ какомъ случаѣ не проговорюсь.

— То есть ни въ какомъ видѣ, поправилъ его серьезно Колесниковъ.

— Бываютъ случаи, что проговариваешься отъ восторга, сказалъ кто-то изъ офицеровъ.

— А все отъ вина проговоришься яснѣе, in vino veritas! сказалъ опять Колесниковъ.

— Господа, слушайте! Колесниковъ начинаетъ говорить, воскликнулъ только-что опредѣлившійся юнкеръ.

— *На сей разъ довольно*! такъ сказалъ въ неизвѣстномъ университетѣ какой-то благоразумный профессоръ, — заключилъ Колесниковъ, съ важностью вставая, какъ будто въ самомъ дѣлѣ закрывалъ этими словами какое-то засѣданіе.

— Познакомьте меня у Корневыхъ, сказалъ Салынинъ товарищамъ; нельзя ли найдти приличный предлогъ? совѣстно какъ-то: нашъ маіоръ, вы всѣ знакомы, только я не бывалъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего сдѣлаю визитъ!

— Ничего, мы скажемъ, что вы возвратились изъ степей аравійскихъ, сказалъ кто-то.

— Что съ облаковъ философіи спустились наконецъ на землю, прибавилъ Красуцкій.

— Можете прибавить, что я упалъ вамъ какъ снѣгъ на голову, отшутился ѣдко Салынинъ.

Красуцкій вспыхнулъ, но оправился немедленно, и съ тихой улыбкой проговорилъ:

— Продолжайте, продолжайте, мое родительское сердце радуется успѣхамъ, которые вы дѣлаете на полѣ остроумія.

— Тѣмъ болѣе, что ими я не вамъ обязанъ, сказалъ Салынинъ.

— Неправда твоя,—отозвался важно Колесниковъ — Красуцкій вызвалъ тебя на остроту, слѣдовательно ты ему обязанъ тѣмъ, что сдѣлалъ изъ качествъ своихъ употребленіе.

Споръ прекратился, потому-что всѣ сѣли за карты. Но Оленька Корнева не была забыта, и Салынинъ рѣшился непремѣнно подвергнуть ее своему изученію. «А если она въ самомъ дѣлѣ одарена душой чистой и благородной, я буду радъ такому отрадному явленью и можетъ быть сослужу ей не разъ службу. Не можетъ же она быть совершенствомъ—я смѣло укажу ей недостатки ея, когда увижу, что она въ состояніи выслушивать меня и такимъ образомъ понимать, какова должна быть женщина въ самомъ дѣлѣ, чтобы потомъ достойно сыграть свою роль въ жизни. Я ее не избалую похвалами и лестью, пусть льстятъ ей другіе: отъ меня она не дождется поклоненіи, я черствъ отъ природы, а первый опытъ далъ навсегда суровость моеи душѣ. Но этой бѣдной дѣвочкѣ именно нужно имѣть подобнаго человѣка подлѣ себя....» Нить мыслеи прерывалась и снова возвращался онъ къ нимъ. «Какіе глупцы! двѣ трети въ нее влюбились, а остальная злословитъ ее; положимъ, она и порядочная теперь, такъ вѣдь испортятъ непремѣнно....»

Такъ раздумывалъ Салынинъ передъ знаком-

ствомъ своимъ съ Корневой. Короче, ему становилось скучно, хотѣлось занятія, но болѣе дающаго пищу воображенію, чѣмъ методическое изученіе философовъ и бесѣды съ неохотно и некрасно гоговорящимъ Колесниковымъ. Еще молодая душа не потеряла ни одного пера изъ поэтическихъ своихъ крыльевъ, онѣ только примялись на время и не могли отяжелѣть въ бездѣйствіи. Маіоръ Корневъ привезъ недавно дочь свою изъ дома тетки, у которой Оленька воспитывалась отъ колыбели, потерявъ мать, когда еще не могла ни понять, ни почувствовать своей потери. Корневъ не женился вторично, ребенка воспитывала родная сестра его жены, и воспитывала старательно, не пропускала возможности хоть понемногу всему научить свою Оленьку, баловала ее до-нельзя и не могла налюбоваться и натѣшиться своей игрушкой. Но эта превосходная женщина умерла—и маіоръ долженъ былъ взять дочь къ себѣ.

Черноволосая, небольшаго роста, стройная дѣвушка въ траурномъ платьѣ стала показываться подъ вечеръ вмѣстѣ съ маіоромъ, опираясь на его руку. Любопытные глаза молодежи глядѣли на Оленьку, любопытныя уши подходили ее слушать: однимъ нравился звукъ ея голоса, другимъ походка. Ближе, ближе — и глазамъ, и слуху открывалось тогда многое, болѣе привлекательное въ маіорской дочкѣ. И къ Корневу подходили самые смѣльчаки съ несмѣлымъ поклономъ, и Корневъ отвѣчалъ имъ на поклонъ съ чувствомъ своего достоинства, но вмѣстѣ съ такимъ добродушнымъ привѣтомъ! Маіоръ былъ до-крайности доволенъ; онъ чувствовалъ, что положеніе его улучшилось, что въ немъ начинаютъ не шутя заискивать—и онъ спѣ-

шилъ представить каждаго поочереди своей дочери. Только Салынинъ никогда не подходилъ, а было нѣсколько случаевъ познакомиться; но пренебрегъ ими, или не замѣтилъ ихъ вовсе разочарованный корнетъ. Незамѣченная имъ Оленька замѣтила его и запомнила ростъ, фигуру и походку.

Начался полковой кампаментъ, и тутъ-то Салынинъ нашелъ случай познакомится съ Оленькой очень ловко. Лицо ея было миловидно, глаза черные, небольшіе и блестящіе. Обращеніе было свободно и привѣтливо, она была болѣе похожа на молодую женщину, нежели на застѣнчивую и боязливую барышню; говорила она непринужденно, судила иногда съ запальчивостію, въ движеніяхъ была естественно-жива, выражалась оригинально и нерѣдко даже поступками своими доказывала, что способна на всѣ оригинальныя выходки. Первое впечатлѣніе, произведенное ею на Салынина, было бы все въ ея пользу, если бы не одно обстоятельство: онъ засталъ въ гостиной Грина. Невольно онъ вспомнилъ толки офицеровъ и споръ по поводу Грина. Гринъ точно былъ хорошенькій мальчикъ, прослужившій всего годъ одинъ въ этомъ полку и не снявшій еще юнкерскаго колета. Онъ преважно курилъ папиросу, и хохоталъ, слушая какой-то разсказъ Оленьки;—въ самомъ дѣлѣ Салынинъ подмѣтилъ между ними нѣкоторую фамиліярность.

Гринъ вышелъ вмѣстѣ съ Салынинымъ, и когда Салынинъ, сходя съ лѣстницы, поднялъ голову, чтобы посмотрѣть, идетъ ли Гринъ, онъ увидѣлъ Оленьку подлѣ него, увидѣлъ какъ ея рука дернула Грина за ухо, и пріятный голосъ произнесъ: «Смотрите же Ѳедя, будьте впередъ умнѣе!...

Лицо Салынина очень краснорѣчиво выразило вопросъ, и Оленька поняла этотъ вопросъ и преспокойно проговорила:—извините, Мсье Салынинъ! мы по-старинному иногда деремся, росли вмѣстѣ!.....

—Вотъ что! сказалъ Салынинъ и невольно улыбнулся, улыбнулся отъ удивленія—такъ пріятно ему было, что разъяснивъ свои отношенія къ Грину, Оленька въ одну минуту разогнала всѣ его сомнѣнія и оправдалась совершенно. Ему стало совѣстно даже за ту минуту невольнаго подозрѣнія, которую онъ испыталъ при одномъ взглядѣ на Грина.—Поздравляю васъ, mon cher, сказалъ онъ Грину, да этотъ ребенокъ кажется считаетъ васъ совершеннымъ ребенкомъ еще!

— Мы съ ней однихъ лѣтъ, а мнѣ девятнадцать, отвѣчалъ Гринъ горделиво.

Салынинъ поглядѣлъ только на него, но ужъ не сказалъ болѣе ни слова; онъ и такъ былъ доволенъ началомъ.

Онъ не обрубилъ Грину ни ушей, ни носа, не поилъ даже его шампанскимъ, чтобы заставить разговориться,—оставилъ его совершенно въ покоѣ. Но когда мало по малу Салынинъ сблизился съ Оленькой до дружескихъ, откровенныхъ бесѣдъ, онъ позволиль себѣ сдѣлать ей нѣсколько наставленій насчетъ Грина, замѣтилъ вообще многое насчетъ ея обращенія со всѣми, и много говорилъ о томъ, что сужденія дѣвушки должны быть не такъ рѣзки, а способъ выражать ихъ не такой запальчивый. Разумѣется, Олень а его не послушала; она возражала на каждое замѣчаніе съ живостью, даже поспорила съ нимъ очень сильно, но оба сохранили зато прекраснѣйшее мнѣніе другъ о другѣ. Оленька привыкла смотрѣть на Салынина со-

всѣмъ иначе, нежели на всѣхъ прочихъ; въ короткое время они свыклись чрезвычайно.

Воображеніе у ней было живое, прихотливое, и далеко, далеко, въ фантастическіе міры невозможныхъ предпріятій и несбыточныхъ желаній заносило ее.

Не таилась нимало она отъ Салынина съ своимъ бредомъ, смѣло увѣряя его, что и это сдѣлаетъ, и вотъ на то рѣшится. Она говорила всегда съ такой увѣренностію, съ такимъ упорствомъ представляла невозможное возможнымъ, что Салынинъ приходилъ въ ужасъ, проповѣдывалъ ей положительность, и съ облаковъ ея горячей фантазіи старался сбросить на землю. Чѣмъ болѣе уносилась она воображеніемъ въ его глазахъ, тѣмъ болѣе старался онъ щеголятъ передъ ней суровостью своихъ правилъ, строгостью своихъ приговоровъ. Онъ былъ убѣжденъ, что заставляетъ трепетать своего суда, что одинъ онъ ее удерживаетъ отъ сумасбродныхъ поступковъ: она понимала, что поражаетъ его оригинальностью и держитъ вниманіе его постоянно въ напряженномъ состояніи. Итакъ, оба искали нравиться другъ другу, сами того не понимая—оба сдѣлались необходимы другъ для друга, не подозрѣвая этого вовсе.

Незамѣтно они привязались другъ къ другу, и какъ чувство ихъ развивалось понемногу, какъ оно являлось не въ формахъ влюбленности, то оба были убѣждены, что эта тихая привязанность прольетъ только свѣтъ и теплоту на ихъ жизнь. Но Салынинъ забылъ своихъ философовъ—его самолюбивои душѣ было отраднѣе учить житейской мудрости другое существо, нежели самому учиться еще ей и работать мыслью надъ самимъ собой, нала-

гать тяжелыя цѣпи размышленія на всякое движеніе души. Онъ выросталъ въ огромныхъ размѣрахъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, когда ему удавалось навѣять раздумье на черноволосую головку Оленьки. И въ самомъ дѣлѣ, пріучилъ онъ эту искреннюю, любящую и своенравную дѣвушку довѣрчиво высказываться, повѣрять всѣ чувства, мысли и передавать всѣ поступки свои и всѣ поступки другихъ въ отношеніи себя. Напрасно попрежнему подлѣ нея раздавались хваленія и клятвы, рѣчи льстивыя и страстныя—стражъ спокойствія былъ тутъ-же.

Оленька слушала все это какъ-будто не для себя; она слушала, чтобы передать Салынину. Благородное и глубокое чувство привилось къ ея душѣ.

Салынинъ часто говорилъ о ней съ Колесниковымъ. Онъ объяснялъ ему эту дѣвушку, ея энергическій хорактеръ, ея оригинальныи умъ, ея свѣтлую душу. И Колесниковъ слушалъ, и не оспаривалъ —молчалъ. Но не такъ спокойно смотрѣлъ онъ на отношенія молодыхъ людей, какъ на первую вспышку Салынина, на исторію его съ блистательной Фанни. Искусно и непримѣтно умѣлъ онъ иногда закинуть словцо о будущности Салынина и о томъ, что какъ бы ни было прекрасно чувство, но не всякій можетъ позволить себѣ жить для себя и идти вслѣдъ только своимъ стремленіямъ; что есть жизни, принадлежащія другимъ жизнямъ, есть существа, обреченныя на пользу нѣсколькихъ существъ. Тогда Салынинъ вздыхалъ; легкія морщины ложились у него на лбу. Онъ понималъ, что Колесниковъ подозрѣваетъ его влюбленнымъ, и такъ былъ самъ далекъ сознанія своего положенія, что

подобное подозрѣніе приводило его въ сильнѣйшую досаду. Ему любить, ему, когда онъ былъ обманутъ въ своемъ чувствѣ, и такъ жестоко обманутъ!.....

Нерѣдко онъ даже Оленькѣ объяснялъ, что не можетъ любить, и дѣвушка слушала его, поникнувъ головой. Съ тяжелымъ чувствомъ прислушивалась она къ словамъ его, неумолимымъ какъ разсудокъ, жесткимъ какъ опытъ,—тяжело становилось ей. Съ тѣхъ поръ, какъ Салынинъ сталъ подлѣ нея и мало по малу пріобрѣлъ надъ ней вліяніе, она тоже не могла любить: его не смѣла, другихъ не могла, потому-что Салынинъ пророчествовалъ ей недовѣріе ко всѣмъ и дѣлалъ оцѣнку каждому чувству, поддаваясь болѣе горечи своего обманувшагося сердца, нежели нѣжной предусмотрительности и заботливости о внутреннемъ мірѣ молодой дѣвушки.

И слова его ложились на сердце, и впечатлѣніе этихъ словъ брало перевѣсъ надъ впечатлѣніемъ каждой новой встрѣчи.

Салынинъ сознавалъ свое вліяніе, былъ гордъ и счастливъ имъ. Въ короткое время Оленька отказала тремъ женихамъ, къ сильной досадѣ маіора Корнева, который хотѣлъ видѣть дочку скорѣй замужемъ, не имѣя ни гроша за душой и боясь въ случаѣ болѣзни, отставки или смерти, оставить ее въ жертву всѣмъ лишеніямъ и совершенной безпомощности. Слушая, какъ досадовалъ на беззаботность ея отецъ, Ольга потихоньку смѣялась, и когда маіоръ жаловался на нее Салынину, то мастерски отшучивалась; а Салынинъ бралъ ея сторону, помогалъ доказывать старику, что лучше поступить она не могла. При каждомъ новомъ предложеніи Салынинъ чувствовалъ безпокойство, послѣ

каждаго новаго отказа онъ чувствовалъ признательность, и какъ-будто искалъ выразить ее въ словахъ, въ движеньяхъ, въ тихомъ весельи, въ добродушной угодливости, которой дышало все въ немъ въ этотъ день. И Ольга была счастлива тогда вполнѣ до слѣдующаго дня, пока собственное раздумье или пытливыя слова Колесни ова не портили этого чуднаго, яснаго расположенія духа въ Салынинѣ. Тогда угрюмый и ѣдкій онъ приходилъ къ Корневу и Оленькѣ становилось тяжело, гасла ея радость, и блѣднѣло лицо и грустно поникала голова....

Съ нѣкоторыхъ поръ одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, богатый, пожилой, полуобразованный, неуклюжій, странно-одѣтый и странно выражающійся, сталъ преслѣдовать своимъ вниманіемъ Ольгу. Намѣреніе его было очевидно, Корневъ радовался, партія была блистательная, Ольга становилась только скучна и задумчива. На этотъ разъ Колесниковъ наблюдалъ.

Провѣдавъ прежде всѣхъ, что предложеніе сдѣлано, онъ пришелъ къ Салынину и въ первый разъ поступилъ рѣшительно съ своимъ пріятелемъ, принялъ видъ человѣка, который приходитъ поговорить о важныхъ вещахъ, нетерпящихъ отлагательства.

Колесниковъ вошелъ торопливо, прогулялся два раза по комнатѣ съ нахмуренными бровями и наконецъ остановился противъ Салынина и смотрѣлъ на него строгимъ взоромъ.

— Что съ тобой? спросилъ Салынинъ.

— Я прихожу сказать тебѣ, Николай Григорьичъ, что ты поступаешъ какъ человѣкъ безъ правилъ. Оставь ты эту дѣвушку въ покоѣ! Не будь ты здѣсь, она давно бы замужъ вышла, была бы

счастлива, а ты торчишь вѣчно у ней передъ глазами и только всѣхъ жениховъ отбиваешь. Вотъ, если за этого не пойдетъ она, такъ грѣхъ тебѣ будетъ.

— Развѣ онъ сдѣлалъ предложенie?

— Сегодня утромъ; случайно я встрѣтилъ маiора, и онъ мнѣ все разболталъ.

Салынинъ невольно смутился и кашлянулъ, чтобы оправиться.

— Пусть выходитъ, проговорилъ онъ, усиливаясь казаться спокойнымъ. Мнѣ чтоже тутъ такое!....

— Пусть выходитъ, именно пусть выходитъ! подхватилъ Колесниковъ,—но не выйдетъ она, пока не услышитъ голоса, который бы сказалъ ей это и которому бы она могла повѣрить. Представь себѣ ея положенie, положенie дѣвушки въ полку, половина котораго ужъ теперь смотритъ на нее враждебно по твоей милости; молодость уйдетъ и слѣдъ, который за собой оставятъ всѣ теперешнiя хваленiя, будетъ жгучiй, слѣдъ колкостей и насмѣшекъ. Ты знаешь, Корневъ самъ по себѣ человѣкъ добрый и ничтожный, а выйдетъ онъ въ отставку, то опять таки некрасивое положенie быть дочерью бѣднаго отставнаго маiора и вѣкъ свой прожить дочерью отставнаго маiора. Помѣщикъ некрасивъ, да партiя онъ красивая, и мнѣ жаль дѣвушку—вотъ того и гляди опять откажетъ. А все ты виноватъ, Николай Григорьичъ!

— Вздоръ! сказалъ Салынинъ. Ты вѣчно свое,—то она въ меня влюблена, то я въ нее, то мы оба влюблены другъ въ друга!—

—Послушай, видно въ судьбѣ ея было подчиниться совершенно твоему влiянiю, и я не удивляюсь,—ты можешь прiобрѣсть неограниченное влiянie на

женщину, если съумѣешь взяться хорошо за дѣло! Колесниковъ искусно польстилъ самолюбію Салынина.

—Я не добивался.... началъ Салынинъ.

—Вѣрю, потому-что считаю тебя человѣкомъ съ правилами, перебилъ его Колесниковъ; не могу допустить, чтобы ты искалъ влюбить въ себя бѣдную дѣвушку, для того, чтобы потомъ ее оставить. Не думаешь ли ты жениться? тогда и говорить нечего.... Только взгляни на себя, по росту ли тебѣ тѣсные предѣлы аркадской жизни? Другое предназначеніе, казалось мнѣ, досталось тебѣ въ удѣлъ, но рѣдки впрочемъ тѣ люди, которые въ состояніи понять свое предназначеніе, ты будешь не первый и не послѣдній въ такомъ случаѣ: Николай Григорьичъ смѣшается съ толпой!..

— Увѣряю тебя, Колесниковъ, что я въ Корневу ни мало не влюбленъ. Я не понимаю, съ чего ты взялъ и почему не хочешь сдѣлать мнѣ чести вникнуть сколько-нибудь болѣе въ наши отношенія. Я ей желаю счастья и конечно, если бы былъ убѣжденъ, что этотъ человѣкъ составитъ ея счастье, первый бы совѣтовалъ не отказывать ему.

—Ну вотъ и посовѣтуй, сдѣлаешь доброе дѣло. Твои слова просто законъ для нея.... Такъ вѣдь вотъ нѣтъ, знаю, что духу у тебя не достанетъ!

Салынинъ вспылилъ.

— Знаешь, Колесниковъ, вѣдь, это преобидно. Ужъ говорилъ бы кто-нибудь другой; нѣтъ! вѣдь я не таюсь отъ тебя,—любилъ я, думалъ, что былъ любимъ, и былъ обманутъ, мало того, осмѣянъ! И ты думаешь, что я какъ ребенокъ способенъ утѣшиться сейчасъ первой же игрушкой!... Плохо изволите знать меня, господинъ кандидатъ философіи.

— Да чортъ васъ разберетъ и всѣ оттѣнки вашихъ отношенiй со всѣми этими барынями, да барышнями, воскликнулъ Колесниковъ. Стану я слишкомъ присматриваться! Ты и Корнева для меня загадка: если ты въ силахъ совѣтовать ей выйдти замужъ за другаго, то ты не влюбленъ, а я передъ тобой виноватъ; если она въ состоянiи тебя послушать и принять предложенiе этого другаго, то и она не влюблена въ тебя нимало. А между-тѣмъ вы другъ друга морочите, морочите, сами не придумаете какимъ чувствомъ связаны! Тебѣ-то еще полбѣды, да ей нехорошо. Волей, неволей судьбу дѣвушки портишь, и не скажутъ тебѣ этого до сихъ поръ твои правила; этакой ты человѣкъ съ правилами!... Влюбленъ ты, видно, просто послѣ этого влюбленъ ты, Ни олай Григорьичъ.

Вмѣсто отвѣта Салынинъ злобно захохоталъ.

Колесниковъ видѣлъ, что достаточно шевельнулъ въ немъ тѣ струны, которыя слѣдовало затронуть, и старался уйдти, чтобы оставить Салынина подъ впечатлѣнiемъ этого разговора. Давъ работу досужей мысли пылкаго молодаго человѣка, онъ былъ убѣжденъ, что раздраженiе его дойдетъ до огромныхъ размѣровъ; онъ зналъ, что Салынинъ пойдетъ вечеромъ къ Корневу, и безошибочно разсчитывалъ на блистательный результатъ своего объясненiя съ Салынинымъ. И точно, когда Салынинъ остался одинъ, онъ подперъ руками свою небольшую голову и сталъ думать. Сначала ему жаль было бѣдной дѣвушки, жаль ея молодости, жаль ея сердца; потомъ ему грустно стало, что мiръ свѣтлой, довѣрчивой привязанности, который онъ создалъ для себя, былъ разрушенъ подозрѣнiями Колесникова; потомъ еще грустнѣй ему стало, когда подумалъ

онъ, что единственный человѣкъ, которымъ бы онъ хотѣлъ быть понятъ, не понималъ его. И когда представилось ему, что его считаютъ способнымъ жениться, когда ему представилось самому, что онъ женатъ, и все это, благодаря Колесникову, представилось въ какомъ-то комическомъ, почти карикатурномъ видѣ, глухая злость вдругъ вспыхнула въ душѣ его, и весь приливъ этой злости обратился прямо на безвинную причину его раздраженія, на Оленьку Корневу.

О, въ эту минуту, онъ бы наговорилъ ей много ѣдкихъ словъ, много строгихъ замѣчаній, прочелъ бы ей жестокій урокъ! Но вечеръ приближался такъ неохотно, такъ медленно....

Наконецъ смеркло; онъ съ порывомъ повернулъ ручку дверей въ маіорской квартирѣ.

Заслышавъ его шаги, Оленька радостно подняла голову, и когда высокая фигура Салынина явственно нарисовалась въ дверяхъ гостиной, подбѣжала къ нему и протянула обѣ руки. Онъ ихъ пожалъ съ нѣкоторой холодностью.

— Что-жъ? можно васъ поздравить!... спросилъ Салынинъ, садясь въ почтительномъ отдаленіи.

— Съ чѣмъ это?

— Вы выходите замужъ за такого богатаго помѣщика...

— Какъ, Николай Григорьичъ, вы тоже можете это думать?

— Да неужели вы ему откажете?

Оленька встала, подошла близко къ Салынину и, скрестивъ руки на груди, пристально на него глядѣла.

— Боже мой, проговорила она наконецъ съ усиліемъ, неужели я должна....

Ему стало жаль бѣдной дѣвушки, онъ смягчился и взялъ ее за руку.

— Да, вы должны, сказалъ онъ тихо и совершенно ласковымъ голосомъ. Она вздрогнула.

— Николай Григорьичъ, Николай Григорьичъ.... могла только выговорить она съ грустнымъ укоромъ, и старалась отойти.

Лицо ея было блѣдно, глаза наполнились слезами. Сальнинъ заставилъ её сѣсть подлѣ себя.

— Послушайте, сказалъ онъ ей тономъ убѣдительнымъ, дружескимъ и ласкающимъ,—послушайте, вспомните свое положеніе, положеніе вашего отца! Еще годъ, два, три, понимаете ли вы, чѣмъ это можетъ для васъ кончиться? Вы будете еще полны жизни, а васъ осудятъ на безцвѣтность. А враги ваши, а злословіе—оно прилипнетъ къ вашему милому имени и обезобразитъ его. Если вы, думаете, что душа преодолѣетъ все это—вы ошибаетесь! Несправедливость сдѣлаетъ васъ злой, нападенія недовѣрчивой, и тогда многія изъ вашихъ прекрасныхъ качествъ угаснутъ навсегда. Оленька молчала.—Мужчина, мужчина долженъ сдѣлать карьеру, а женщина выйдти замужъ. Послушайте, я нѣсколько физіономистъ, и мнѣ кажется, что это человѣкъ добрый, неглупый и не безъ нѣкоторыхъ нравственныхъ началъ. Конечно вы надъ нимъ будете имѣть перевѣсъ, но къ такому положенію въ семейной жизни вы должны во всякомъ случаѣ себя готовить, потому-что мало найдете людей, которые бы были выше васъ въ умственномъ, или въ моральномъ отношеніи. Да, другъ мой, вы должны выйдти, вы должны рѣшиться....

И много, много въ такомъ духѣ и тонѣ говорилъ ей Сальнинъ, и много, много упало въ этотъ часъ

прекрасныхъ словъ и мыслей съ языка его. По мѣрѣ того какъ онъ излагалъ передъ грустной дѣвушкой свои доводы и убѣжденія, онъ самъ проникался ими, самъ прислушивался къ словамъ своимъ и не замѣчалъ вовсе, что съ спокойствіемъ приговореннаго къ казни слушаетъ его Оленька, что губы побѣлѣли и сжата тягостнымъ чувствомъ грудь—воздуху мало. Глаза ея были опущены, она глядѣла недвижно на руку Салынина, тонкую, бѣлую, гибкую и горячую руку, которая не выпускала еще ни разу ея руки во все продолженіе тѣхъ странныхъ увѣщаній; она ихъ слушала и не слышала. Смыслъ однако всей рѣчи Салынина не былъ для нея утраченъ, и когда онъ кончилъ говорить и ждалъ, не скажетъ ли она тоже чего-нибудь въ свою очередь—Ольга поднялась.

— Благодарю васъ, Николай Григорьичъ, сказала она съ напряженнымъ спокойствіемъ, завтра я буду объявлена невѣстой. Поздравьте же меня, я хочу, чтобы вы первый меня поздравили!

Эти слова какъ будто разбудили Салынина, пахнувъ ему прямо въ лицо рѣзкой дѣйствительностью. Такого быстраго успѣха онъ не ожидалъ и былъ какъ-будто озадаченъ, или не вѣрилъ рѣшимости молодой дѣвушки: съ минуту онъ глядѣлъ на нее. Но тутъ Салынинъ вспомнилъ слова Колесникова: «если Корнева въ состояніи тебя послушать и принять предложеніе другаго, то и она не влюблена въ тебя.» А до сихъ поръ онъ думалъ самъ, что Ольга его любитъ, и такъ странно, такъ эгоистически, такъ самолюбиво развита натура человѣка нашего времени, что Салынину не хотѣлось вовсе разубѣдиться въ своемъ заключеніи. Ему стало досадно на Оленьку, до такой степени досадно въ

эту минуту, что онъ съ нѣкоторой злобой взглянулъ на нее. Она стояла все еще блѣдная, но ни одна черта не подвинулась въ ея выразительномъ лицѣ.

Салынинъ всталъ и холодно поцѣловалъ у Оленьки руку.

— Поздравляю васъ, сказалъ онъ.

— Ваше поздравленіе мнѣ принесетъ счастье, я убѣждена, сказала Оленька; теперь прощайте, Николай Григорьичъ, я очень устала.

Тутъ только Салынинъ замѣтилъ, что она очень блѣдна и невольно спросилъ—что это съ вами?

— Простудилась вѣрно, горло болитъ, отвѣчала она, и не дожидаясь пока онъ простится, сама пожала ему слегка руку; рука ея была холодна, но она улыбалась и, улыбаясь, вышла изъ комнаты.

Салынинъ оказался однако плохимъ физіономистомъ: не прошло двухъ мѣсяцевъ со дня свадьбы Оленьки Корневой, и всѣ заговорили, всѣ зашумѣли, что она несчастна.

Вѣчная печаль ея поблѣднѣвшаго лица, вѣчное уныніе ея потухшаго взора доказывали, что на этотъ разъ толки людскіе были безошибочны. Она замѣтно избѣгала встрѣчи съ Салынинымъ, а еще болѣе откровенныхъ бесѣдъ съ нимъ. И Салынинъ тоже избѣгалъ ея, былъ грустенъ, раздражителенъ, и замѣтно измѣнялся тоже,—сталъ худѣть и часто задумываться. Колесниковъ понималъ его состояніе, но былъ убѣжденъ, что все скоро пройдетъ. Никогда онъ не касался въ разговорахъ своихъ щекотливаго вопроса—о чемъ печаль Салынина, никогда не позволилъ себѣ ни малѣйшаго намека. Салынинъ въ свою очередь былъ нѣмъ; на этотъ разъ онъ притаился съ своими думами и чувствами,

всякая откровенная бесѣда ему становилась въ тягость, даже съ Колесниковымъ онъ не любилъ говорить наединѣ, и вообще ни съ кѣмъ не говорилъ ужъ о себѣ. Тоска его увеличивалась съ каждымъ днемъ, тоска глубокая и тяжелая.

Привычка видѣть Колесникова постоянно подлѣ себя заставляла Салынина искать его общества; но онъ искалъ встрѣчаться съ нимъ подъ шумъ похмѣлья, въ кругу отъявленныхъ гулякъ; тамъ онъ былъ шумливъ тоже, игралъ съ запальчивостью и вдругъ иногда отодвигался въ уединенный уголъ, умолкалъ и просиживалъ мрачный и недовольный цѣлые часы. Время шло, не принося повидимому никакого измѣненія въ состояніи Салынина; развлеченія, которыя придумывалъ для него Колесниковъ, не достигали своего назначенія, и посѣдѣлый поручикъ, покручивая свой длинный усъ, очень безпокойно вглядывался иногда въ молодаго человѣка. А все еще ему казалось, что эта тоска—вздоръ, что она пройдетъ сама собой.

Колесниковъ сталъ замѣчать, что даже на охотѣ Салынинъ ходитъ вялый, пропускаетъ дичь, бьетъ не во время, и вообще ведетъ себя не какъ опытный и извѣстный охотникъ, а просто какъ новичокъ въ этомъ дѣлѣ.

Всякій разъ хуже и хуже охотился Салынинъ, неудачнѣй стрѣлялъ — вотъ когда Колесниковъ рѣшительно увидѣлъ, что дѣло плохо. Одинъ разъ заяцъ прямо бѣжалъ на Салынина, Колесниковъ бы могъ застрѣлить, да ему не слѣдовало стрѣлять; онъ ждалъ, что выстрѣлитъ Салынинъ, а тотъ оперся на ружье и заслушался, какъ гдѣ-то въ отдаленіи выла и стонала гончая. Заяцъ пролетѣлъ мимо, даже крикнулъ отъ досады Колесниковъ, но Салы-

нинъ не слыхалъ; гончая выбѣжала изъ сосѣдняго кустарника, бросилась прямо къ Салынину и давай виться у ногъ его, давай стонать все жалобнѣй и жалобнѣй, такъ что отъ пѣсни ея невыносимо становилось душѣ. Невольно онъ поднялъ руку, хотѣлъ отогнать, но собака не отставала, ласкалась и вилась у ногъ его, и только тихій жалобный лай разносился эхомъ по всему пространству. Страшная тоска сжала сердце Салынина, и онъ не выдержалъ, онъ вытерпѣть не могъ долѣе, уронилъ ружье на землю, схватился за голову и, бросившись на траву, долго, долго, недвижно, безмолвно, тоскливо сидѣлъ и думалъ—о чемъ? не знаю; когда Колесниковъ подошелъ и насильно отвелъ руки его отъ лица, слѣды глубокаго внутренняго волненія были видны слишкомъ ясно. Глаза Салынина яр о горѣли, но въ этомъ горящемъ сухомъ взглядѣ высказывалась вся боль раздраженной души.

— Салынинъ, сказалъ ему Колесниковъ, я начинаю жалѣть, что ты не женился въ твои двадцать лѣтъ: смотрѣть на тебя быть можетъ тогда было бы смѣшно, а теперь такъ на тебя смотрѣть больно.

— Напрасно жалѣешь, сказалъ сухо Салынинъ; излишняя чувствительность!

Колесниковъ такъ мало былъ приготовленъ къ ѣдкому отвѣту Салынина, что у него мурашки забѣгали по тѣлу. Однако онъ равнодушно поглядѣлъ на молодаго человѣка и молча отошелъ. Салынину стало совѣстно, онъ вскочилъ быстро и подошелъ къ Колесникову.

— Что ты, разсердился? спросилъ онъ ласково.

— Ни мало, отвѣчалъ Колесниковъ, понявъ

вдругъ, что вліяніе его сильнѣе, нежели онъ думалъ.—Ты не въ духѣ, и брюзжишь.

— Да, да, подхватилъ Салынинъ, у меня прегадкій характеръ, я брюзга, я нестерпимъ, еще ребенкомъ меня не любили за мой характеръ—вотъ я и человѣкомъ, а не слишкомъ успѣлъ себя передѣлать. Знаешь, я иногда удивляюсь, за что ты меня любишь, и какъ я не надоѣлъ тебѣ, точно такъ какъ мнѣ все съ нѣкоторыхъ поръ надоѣло.

Салынинъ говорилъ все это идучи подлѣ Колесникова своей медленной и твердой походкой и пристально глядя въ землю.

— Тебѣ все надоѣло? спросилъ Колесниковъ, притворяясь удивленнымъ.

— Все, всѣ, я самъ....

— Это опасно, это болѣзнь въ тебѣ, Николай Григорьичъ! тебѣ этакъ попутешествовать бы нужно, проѣздиться, да подальше, да хорошенько!..

— Я и самъ думаю, сказалъ Салынинъ, только куда же?

— Куда? И Колесниковъ задумался, какъ-будто пріискивалъ. Знаешь что, сказалъ онъ черезъ минуту—въ Петербургъ поѣдемъ!...

Салынинъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на него.

— Ну, что жъ тутъ удивляться! У тебя тамъ хорошіе родные, связи, посмотришь на тамошніи міръ, развеселишься, да и къ жизни приглядишься нѣсколько — вѣдь все равно, современемъ придется тебѣ въ гвардіи служить; а уменя тамъ тяжба есть, то есть не у меня, а у моей старухи; вотъ какое письмо пишетъ, чтобы я взялъ отпускъ и пріѣхалъ.

Онъ досталъ изъ кармана письмо матери и показалъ Салынину.

Прочитавъ письмо, Салынинъ нашелъ, что Колесникову необходимо съѣздить въ Петербургъ, но о своемъ путешествіи, по врожденному духу противорѣчія, заспорилъ, сталъ представлять резоны, подводить вѣроятности и разсматривать проектъ со всѣхъ сторонъ.

Однако, не прошло мѣсяца, и наши пріятели летѣли на сѣверъ въ прекрасномъ тарантасѣ Салынина, со всѣми удобствами, со всѣми угодьями, возможными и придуманными для такого дальняго пути. Приличной наружности лакей Салынина, Богданъ, важно качался, въ вѣчной полудремотѣ, рядомъ съ ямщикомъ.

Отличительныхъ свойствъ въ Богданѣ никакихъ не было, только Колесникова онъ внутренно ненавидѣлъ, и большаго труда стоило Богдану таить свою ненависть отъ проницательныхъ глазъ барина.

Однимъ изъ первыхъ визитовъ Салынина въ Петербургѣ, былъ визитъ старухѣ Колесниковой; отдавъ такимъ образомъ дань почтенія матери своего друга, молодой человѣкъ пустился въ другой кругъ, нашелъ тамъ родныхъ, пріобрѣлъ знакомыхъ и, помилости какихъ-то двоюродныхъ и троюродныхъ братцевъ, скоро перезнакомился съ порядочнымъ числомъ молодежи. Въ короткое время онъ наслушался сужденій, которыя до сихъ поръ ему не представлялись; нѣкоторыя изъ понятій его и взглядовъ не измѣнились, нѣтъ — но приняли оттѣнокъ, невѣдомый ему еще донынѣ. Пытался онъ было затащить Колесникова въ этотъ самый кругъ, но Колесниковъ не поддался, и былъ знакомъ съ блистательной молодежью только потому, что встрѣчался съ ней у Салынина. Словомъ, удивительный тактъ этого человѣка не измѣнилъ еще

ему ни разу: новые пріятели Салынина прославили Колесникова оригиналомъ, но оригиналомъ, внушающимъ уваженіе. Въ Петербургѣ у Салынина было очень мало времени, то есть ему все какъ-то времени недоставало, и зачастую становилось совѣстно передъ Колесниковымъ, что рѣдко бываютъ они вмѣстѣ: тогда онъ придумывалъ средство провести день какъ-нибудь вдвоемъ, чтобы Колесникову не казалось, что онъ оставленъ Салынинымъ для свѣтскихъ, новыхъ друзей.

Разъ, когда Салынинъ находился именно въ такомъ расположеніи духа и поглядывалъ на Колесникова, пріискивая какое-бы сдѣлать употребленіе изъ своего дня, Колесниковъ развернулъ афишу, лежавшую на столѣ и, прочелъ громко.—Въ циркѣ, бенефисъ знаменитой *Гастаны Альфино*. Вотъ женщина! воскликнулъ онъ; ты видѣлъ ее, Николай Григорьичъ?

— Нѣтъ, въ циркѣ еще не бывалъ, отвѣчалъ Салынинъ.

— Демонъ, а не женщина! сказалъ Колесниковъ, гибкость змѣи, легка какъ пухъ, на лошади сущій бѣсъ, а въ мимическихъ сценахъ просто совершенство!...

Салынинъ взялъ афишу и пробѣжалъ глазами всю.

— Гастана Альфино! что она, Итальянка? спросилъ онъ.

— Не думаю; имя должно быть придумала, такъ и видно вымышленное имя, что̀ за Альфино такая! да еще и бѣлобрысая.... но демонъ, просто демонъ, а не женщина!...

— Гастана Альфино?—проговорилъ въ это время, входя къ Салынину одинъ лейбъ-гусаръ — точно

удивительная женщина! представь себѣ, mon cher, кромѣ всѣхъ фокусовъ, умна какъ бѣсъ, говоритъ превосходно и рѣшительно о чемъ хочешь. Да вотъ, ты познакомишься съ ней. Сегодня бенефисъ ея, ей сдѣлаютъ подарокъ, и потомъ она ужинаетъ съ нами. Мы всѣ сегодня въ циркѣ; надо и тебѣ быть, а за ужиномъ я тебя познакомлю.

— А ты, Колесниковъ? спросилъ Салынинъ.

— Въ циркѣ буду. Вотъ грація, вотъ отвага и легкость, а мимика, мимика, ничего подобнаго не встрѣчалъ я еще!... Непремѣнно буду въ циркѣ.

Въ назначенный на афишѣ часъ, Салынинъ и Колесниковъ были въ циркѣ, представленіе началось: сначала акробатъ вкатывалъ ногами большой резинный мячъ на самый верхъ витой широкой колонны, потомъ онъ вертѣлся кубаремъ, съ быстротой невообразимой и непонятной; потомъ канатный плясунъ исполнилъ непонятный танецъ на натянутой горизонтально веревкѣ, и наконецъ на арену выѣхала бенефиціантка.

— Гастана! Гастана! раздалось со всѣхъ сторонъ, сначала тихо, потомъ все громче и громче.

Она объѣхала всю арену маленькимъ галопомъ, подъ громъ рукоплесканій, стоя на плоскомъ сѣдлѣ, улыбаясь и кланяясь публикѣ. Гастана была въ мужскомъ албанскомъ костюмѣ; греческая красная шапочка съ темносиней длинной кистью надѣта на золотистые волосы, которые въ мелкихъ завиткахъ прыгали по оживленнымъ внутреннимъ волненіемъ щекамъ. Гастана была худа; руки сухощавыя, тонкія и длинныя не годились для модели скульптору, въ ногѣ мускулы были слишкомъ выработаны, что часто встрѣчается тоже у танцовщицъ. Голубые глаза, подъ свѣтлыми рѣсницами и

бровями, большею частью были опущены къ низу; но когда Гастана поднимала ихъ, то видно было, что бѣлки слегка окрашены кровью, а взглядъ свѣтитъ хитростью, проницательностью и злой насмѣшливостью. Щеки были худощавы, носъ тонкій, прямой, губы сжаты лукавой и торжествующей улыбкой.

Сдѣлавъ кругъ, она остановилась у входа въ арену и ждала. Два конюха, въ арабскомъ костюмѣ, вывели трехъ лошадей, гордыхъ, неукротимыхъ, увертливыхъ.

Гастана, все еще стоя на своей лошади, протянула ногу на другую, вторую пару прицѣпили къ легкимъ шлеямъ впереди и подали бенефиціанткѣ длиныя возжи, музыка заиграла. Плясали и пѣнились кони! Гастана улыбалась и смотрѣла на публику, стоя спокойно на двухъ лошадяхъ, сдерживая пылъ всей четверки. Она проѣхала четвертую долю арены шагомъ, вторую четверть-рысью, третью галопомъ, и наконецъ въ бѣшеный карьеръ всей четверни унеслась при крикахъ и неистовыхъ рукоплесканіяхъ зрителей. Толпа вздохнула свободнѣй: во все время этой страшной игрушки не было груди, въ которой бы не сперлось дыханіе, не замерло сердце, не было глазъ, которые бы покинули хоть на минуту это слабое, ничтожное созданіе въ отважной борьбѣ съ четырьмя сильными и разъярившимися конями. И когда растянулось каждое изъ гордыхъ животныхъ, когда бѣшенно рванулись они, и въ неистовый карьеръ понеслись, и взоръ едва могъ замѣтить красную греческую шапочку и тонкую руку, натянувшую длинныя возжи—всѣ невольно крикнули, и всѣ головы, унизывающія

циркъ, подались впередъ, съ выраженіемъ трепетнаго ожиданія.

Казалось, не устоять этой щедушной женщинѣ и тѣмъ болѣе не удержать сильныхъ и горячихъ коней: сухощавый станъ ея гнулся, рука дрожала отъ напряженія, мелкіе локоны прыгали и змѣились изъ-подъ шапочки.

— Ухъ! невольно произнесъ Салынинъ, когда Гастана скрылась наконецъ отъ глазъ его.

— Демонъ, не женщина, воскликнулъ Колесниковъ.

Не прошло двадцати минутъ и бенефиціантка показалась снова. Въ этотъ разъ она явилась въ коротенькомъ бѣломъ глазетовомъ платьѣ, съ голубыми прозрачными крыльями за плечами. Подъ ней тихо и красиво выступала бѣлая, чудныхъ статей лошадь. Гастана стояла въ прелестной, задумчивой позѣ и медленно подвигалась по цирку. Неистовыя рукоплесканія раздались снова, сильнѣй и безумолчнѣй нежели прежде: она только улыбалась, глаза ея были опущены какъ нарочно. Когда она поровнялась съ мѣстами Салынина и Колесникова, Гастана взмахнула крылушками, подняла глаза и перемѣнила позу, принявъ другую, еще болѣе обворожительную. Музыка все играла; смотря по темпу, движенія Гастаны были то живы, то медленны, позы измѣнялись безпрестанно, и понять нельзя было, пляска ли это какого-то духа, или отдыхъ баядерки, или оживленіе статуи, или картина, сошедшая съ полотна. То была женщина Сильфъ, она играла жизнью, играла опасностью, тѣшилась гордой поступью своего коня, а конь побуждаемый музыкой измѣнилъ тоже прежнюю тихую поступь, шелъ порывисто, рвался горячо,

дрожалъ, храпѣлъ, и весь былъ огонь, сила, неудержимость.

Гастана исчезла снова; Салынинъ и Колесниковъ только молча поглядѣли другъ на друга.

Потомъ явилась еще разъ бенефиціантка, но ужъ не на лошади, а въ какой-то мимической сценѣ. Она вбѣжала; какой-то бандитъ преслѣдовалъ ее; она падала на колѣни, молила о пощадѣ, плакала; всякое движеніе ея говорило. Гастана была трогательна, естественна, увлекательна. Колесниковъ бѣсновался, но Салынинъ предпочиталъ ее въ роляхъ наѣздницы. Еще передъ нимъ была Сильфида, очаровательная, беззаботная, граціозная, существо фантастическое, созданіе волшебства, дѣйствіе чаръ, вымыселъ фантазіи, облеченный въ дѣйствительность!...

Лейб-гусаръ потащилъ его ужинать. Игрой случая Салынину досталось мѣсто подлѣ Гастаны. Эта женщина явилась на пиръ блѣдная и усталая, вошла тихо: предсѣдатель пира подалъ ей руку, и какъ все общество ждало только ея появленія, то немедленно сѣли за столъ. Кромѣ Гастаны, были еще и другія женщины; тѣ смѣялись, громко говорили и исправно кушали,—всѣ онѣ тоже большею частію принадлежали къ цирку, нѣкоторыя дебютировали еще только какъ лица изъ свиты Гастаны и показывались всего нѣсколько разъ въ группахъ, стояли на колесницахъ или скакали вокругъ нея на лошадяхъ въ какихъ-нибудь большихъ сценахъ цирка.

Напрасно въ этотъ вечеръ Гастану окружали любезностями,—она казалась какъ-будто недовольной, молчала и не принимала участія въ общемъ одушевленіи. Салынинъ присмотрѣлся очень хорошо

къ своей сосѣдкѣ: она была далеко не первой молодости; на чрезвычайно худыхъ и жилистыхъ рукахъ надѣты дорогіе брильянтовые браслеты, особенно хороша была черная эмалевая змѣя съ огромными брильянтовыми глазами; темно-алая бархатная курточка богато вышита настоящимъ золотомъ и слегка морщится на впалой груди; бѣлки глазъ точно нѣсколько красны; пышными bandea-Félix расчесаны бѣлокурые волосы и чепецъ изъ дорогихъ кружевъ съ пунсовыми лентами наброшенъ на нихъ. Она, прищурясь, раза два поглядѣла на Салынина; но онъ не говорилъ съ ней, потому-что его еще никто не догадался съ ней познакомить. Наконецъ, за жаркимъ, она шепнула что-то на ухо своему сосѣду, и тотъ черезъ минуту проговорилъ громко:

—Гастана, позвольте вамъ представить моего двоюроднаго брата—Салынина.

Салынинъ наклонилъ слегка голову, Гастана ему улыбнулась съ достоинствомъ и молчала. Салынинъ чувствовалъ, что ему надо что-то сказать, что-нибудь приличное случаю, но ка ъ набѣду ни чего не находилось; однако онъ вышелъ изъ затруднительнаго положенія, съ усиліемъ придумавъ и сказавъ ей какую-то довольно-хорошо составленную фразу. Гастана отвѣтила, и разговоръ завязался.

Къ концу пира Салынинъ почувствовалъ себя въ совершенной необходимости сдѣлать Гастанѣ визитъ на другой же день. Она его приняла съ очаровательной любезностью; въ разговорѣ выказала гибкій и острый умъ и достаточную образованность. Она прекрасно владѣла французскимъ языкомъ и очень хорошо говорила по-русски. Откуда она и какой націи—мудрено было рѣшить, но

въ Парижѣ Ипподромъ гордился нѣсколькими представленіями, въ которыхъ Гастана учавствовала; кругъ извѣстности ея былъ широкъ, хотя нельзя назвать Гастану Альфино европейской знаменитостью. Со дня этого знакомства, Салынинъ счелъ себя обязаннымъ бывать въ циркѣ всякій разъ, когда имя ея было выставлено на афишѣ, и всегда занималъ такое мѣсто, на которомъ бы его тотчасъ могла замѣтить Гастана. Колесниковъ ходилъ съ нимъ часто, бѣсновался, кричалъ, хлопалъ, но съ Гастаной не познакомился, не смотря на настойчивыя предложенія Салынина.

Какое удивительное, разнохарактерное общество встрѣчалъ Салынинъ у этой героини цирка! лица занимательныя, люди весьма интересные ѣзжали къ ней, лица и люди весьма нужные—но странная прихоть заставила ее открыто, явно и очень навязчиво оказывать свое вниманіе Салынину. Колесниковъ его поздравилъ и сказалъ, что подобныя встрѣчи удивительно развиваютъ для жизни, и что онъ, какъ человѣкъ, на которомъ лежитъ обязанность будущности, какъ человѣкъ, который обязанъ жить всегда для будущности, долженъ не избѣгать ничего такого, что̀ можетъ содѣйствовать его развитію. Салынинъ у Гастаны познакомился съ человѣкомъ, вліяніе котораго помогло Колесникову выиграть его процессъ. Если чувство этой женщины къ Салынину можно назвать любовью—она любила его; но для Салынина Гастана имѣла очарованіе только въ циркѣ, цинизмъ ея откровенныхъ бесѣдъ дѣйствовалъ на него странно, и одно тщеславіе заставляло его показываться у ней какъ можно чаще.

Скучать съ ней было невозможно, за то ужасать-

ся приходилось не разъ. Онъ слушалъ ее, и содрагался, но когда этой женщинѣ рукоплескали, его самолюбію было хорошо.

Отпускъ приходилъ къ концу. Уѣзжать однако изъ Петербурга Салынину не хотѣлось. Гастана подумать не могла, что онъ уѣдетъ, да и ему было жаль оставить ее, и вообще оставить многое, все, и снова возвращаться въ провинцію, которую когда-то, такъ недавно еще впрочемъ, онъ любилъ, и гдѣ ему теперь *конечно будетъ душно*. Его троюродные и двоюродные братцы часто предлагали ему вопросы—какъ до сихъ поръ онъ не задохся въ провинціи и не заплеснѣвѣлъ? На это онъ отвѣчалъ, что, прослуживъ три года, непремѣнно перейдетъ въ гвардію, а что до той поры постарается не оглупѣть совершенно. И это говорилъ Салынинъ, тотъ самый Салынинъ, который въ провинціи жилъ болѣе полной жизнью, въ которомъ отъ природы душа была широкая и гордая! Но видно, душа эта начинала измельчиваться. Салынинъ началъ забывать, что у него есть свои правила, и спѣшилъ стать подъ общій уровень причудъ и предразсудковъ. Къ его сердцу также искусно подкралась жажда великосвѣтскихъ связей и, прокусивъ это сердце, собиралась приняться къ нему огромной піявкой,— онъ сталъ заражаться чужими взглядами, сталъ бояться названія провинціала и почувствовалъ первые приступы болѣзни — желаніе играть роль не *тамъ* гдѣ-нибудь, а непремѣнно *здѣсь*.

Онъ позволялъ бранить провинцію, обвинять ее во всемъ, во всемъ—только въ одномъ обвинить никогда ея не позволилъ—въ патріархальности нравовъ. При этомъ обвиненіи Салынинъ вспыхивалъ, начиналъ спорить, говорилъ ѣдко и насмѣшливо, и

тотчасъ можно было догадаться, что онъ видывалъ виды, и говоритъ по вынесенному опыту. Рана, которую крошечная рука Фанни нанесла его самолюбію, все еще дымилась. Оленьку Корневу онъ забылъ, потому-что былъ виноватъ передъ нею, Фанни не могъ забыть потому, что она была виновата передъ нимъ. Оскорбить самолюбіе въ человѣкѣ—это пріобрѣсть патентъ на его память. Страданія сердца забываются, страданія самолюбія никогда.

Послѣднее время пребыванія своего въ Петербургѣ Салынинъ не пропускалъ ничего, чтò бы могло доставить ему наслажденіе. Но имѣя въ виду непремѣнно перейдти въ гвардію скоро, онъ не упускалъ однако изъ виду родственные дома, особенно тѣ, у которыхъ было побольше хорошихъ связей; такимъ образомъ съ кузинами и тетушками своими онъ проводилъ тоже не малую часть времени. Дамы эти знали о знакомствѣ Салынина съ Гастаной и слегка журили его какъ за шалость, и давали ему весьма предусмотрительные и заботливые совѣты, которымъ конечно Салынинъ никогда не слѣдовалъ и внутренно хохоталъ, выслушивая ихъ. Разъ какъ-то, одна изъ кузинъ прислала просить его къ себѣ немедленно. Салынинъ, не понимая въ чемъ дѣло, подумалъ—«опять какіе-нибудь толки о Гастанѣ»; однако, не теряя времени, отправился по приглашенію. Дѣло оказалось совсѣмъ небольшой важности; едва онъ взошелъ, кузина встрѣтила его словами:

— У меня просьба къ тебѣ, Николай! Только пожалуйста не вздумай отказать мнѣ,—твоя Гастана просидитъ сегоднишній вечеръ безъ тебя.

— Оставимте Гастану, и извольте приказывать.

— Сегодня мой абониментъ, а Егора Петровича позвали въ посаженные отцы, и отказать нельзя было. Проводи меня въ оперу.

— Съ восторгомъ, ma cousine.

— Благодарю, какой ты добрый! И кузина поцѣловала его въ лобъ.

Надо прибавить, что это ей удалось потому только, что Салынинъ сѣлъ за минуту передъ тѣмъ по ея приглашенію, а она стояла подлѣ и продолжала говорить, а иначе не бывать бы этой родственной ласкѣ по причинѣ огромнаго роста Салынина.

— Только пожалуйста не подумай, что я ищу отвлечь тебя отъ Гастаны; я слишкомъ вѣрю въ силу твоего характера.

— Послушайте, я не ребенокъ и имѣю нѣкоторый опытъ. Гастана презанимательное существо, увѣряю васъ, вотъ и все тутъ! Я не мѣшаю ей любить меня, если ей это нравится, люблю въ ней умъ, ея оживленную бесѣду, и любуюсь ею.... въ циркѣ.

— Повѣрь, Николай, никто не можетъ понимать тебя какъ я. Вотъ тётушка Глафира Алексѣевна за тебя боится, но я тебя считаю съ характеромъ и понимаю, что умъ твой не допуститъ тебя слишкомъ запутаться. Женщины не для всѣхъ васъ опасны въ одинаковой степени. Ахъ, кстати о женщинахъ—въ ложѣ у меня ты увидишь премилую; она абонировалась вмѣстѣ. Эта давнишняя знакомая Егора Петровича; ужъ гдѣ онъ ее встрѣчалъ, не знаю. Пріѣхала сюда по дѣламъ; не знаю, право, что̀ тамъ у нея такое. Говоритъ, что почти все кончила; премилая женщина: умна, образована прекрасна, физіономія у ней южная, Улимова какая-то?. О чемъ ни начнетъ говорить, все у ней вы-

ходитъ занимательно. Егоръ Петровичъ говоритъ, что она большія несчастія испытала!

Салынинъ слушалъ всѣ эти подробности улыбаясь.

— Да мнѣ-то что изъ этого? сказлъ онъ, когда кузина кончила свой отрывистый монологъ.

— Ахъ, Nicolas, да это видно по всему, что натура не дюжинная.

Салынинъ всталъ со стула и, обтягивая полы своего довольно-длиннаго сюртука, проговорилъ тономъ отъявленнаго повѣсы:

— Я обращаю вниманіе на женщину, а до натуры ея мнѣ вовсе нѣтъ дѣла! Когда прикажете пріѣхать?

— Пріѣзжай въ семь часовъ, Николай; посидишь немного со мной, а потомъ поѣдемъ вмѣстѣ.

Молодой человѣкъ поцѣловалъ руку своей кузины и вышелъ.

Въ этотъ вечеръ давали *Ченерентолу*, играли лучшіе артисты. Когда Салынинъ съ своей родственницей вошелъ въ ложу перваго яруса, Улимова уже была въ театрѣ; она сидѣла одна, спокойно и нимало не смущаясь своимъ одиночествомъ.

— Мы опоздали, проговорила шепотомъ кузина Салынина, протягивая ей руку.

— Нѣтъ, вы во время пріѣхали, отвѣтила Улимова: оркестръ только-что взялъ первую ноту.

Послѣ этого, вниманіе обѣихъ женщинъ устремилось на сцену. Въ антрактѣ Салынинъ былъ представленъ Улимовой и обмѣнялся съ ней нѣсколькими словами; въ слѣдующій антрактъ они разговорились больше и даже разговорились до того, что обоимъ вдругъ пришлось опомниться и замѣтить неловкость свою, вспомнить, что кузина совершенно забыта, и стараться чѣмъ-нибудь загладить свое не-

вниманіе. Разговоръ Улимовой былъ веселъ, то есть тонъ его былъ веселый; но если бы спуститься на дно его, сойдти въ глубину нѣкоторыхъ фразъ, тогда понять легко бы было, что болѣе грусти, нежели веселья въ душѣ этой женщины. Она увлекалась, когда находила собесѣдника по себѣ,—это было тотчасъ видно при первомъ знакомствѣ съ ней, и напротивъ была несловоохотна, холодна, пренебрежительна къ тѣмъ, которые не приходились ей по мыслямъ. Съ большимъ увлеченіемъ она говорила съ Салынинымъ, съ большимъ жаромъ говорилъ съ ней Салынинъ. Салынинъ былъ горячъ, горячаго темперамента; упорный въ своихъ заключеніяхъ, онъ поддерживалъ каждое мнѣніе съ чрезвычайной запальчивостью и никогда еще не сознался ни въ одной ошибкѣ. Для Улимовой встрѣча съ Салынинымъ на сѣверѣ была отрадна какъ воспоминаніе родныхъ мѣстъ и всего не чуждаго ея душѣ, характеру, мыслямъ; она съ чрезвычайнымъ чистосердечіемъ выказала, что вечеръ прошелъ для нея пріятнѣе, нежели она ожидала. Независимо отъ нея самой, въ разговорѣ Улимовой была особенность: какъ бы ни былъ шутливъ тонъ ея рѣчей, серьезная мысль лежала на немъ, печать серьезной мысли была на каждомъ словѣ. Эта женщина заставляла думать, заставляла чувствовать, когда повидимому вовсе этого не искала; она оставляла глубокое впечатлѣніе, хотя быть можетъ вовсе этого не надѣялась — и чѣмъ? не наружность, не глаза, не фигура, не походка и не умъ ея, и не голосъ, и не способъ выраженія, а все вмѣстѣ, сліяніе всѣхъ ея свойствъ, нѣчто, говорившее въ ней смѣло каждому—я живу и заставляю другихъ жить, или хоть отражать мою жизнь. Въ при-

сутствіи ея всякій невольно подчинялся ея необъяснимому вліянію, то есть это было существо яркое, и на другихъ отражались, хоть временно, его краски.

Въ первый разъ Салынину при встрѣчѣ съ женщиной, которая обратила на себя его вниманіе, ничуть не захотѣлось заставить ее влюбиться, но за то чрезвычайно захотѣлось стать немедленно очень высоко въ ея мнѣніи. Возвратясь изъ театра, онъ сказалъ Колесникову:

— А у меня опять новое знакомство!

— Опять съ женщиной? спросилъ Колесниковъ.

— Съ женщиной, но не спрашивай меня, какова она — я не посмотрѣлъ до сихъ поръ, хороша ль и молода ли; знаю, что глаза превыразительные, что она именно такова, какой ей слѣдуетъ быть: перемѣни въ ней что-нибудь—и нарушишь гармонію. Я могу назвать эту женщину олицетвореніемъ жизни полной и разумной.

— Ого! а дальше? И Колесниковъ насмѣшливо прищурился.

Салынинъ вскочилъ, взбѣшенный не на шутку.

— Ну такъ, вотъ вамъ человѣкъ! Вообрази меня влюбленнымъ, пожалуйста вообрази, — этого только недоставало.

— Погоди, погоди, проговорилъ Колесниковъ серьезно, не горячись; скажи мнѣ только, блондинка она, или брюнетка?

— Брюнетка. Да что впрочемъ изъ этого! Ты все меня считаешь способнымъ влюбиться, а я и отъ Гастаны, какъ видишь, головы не потерялъ,— пользуюсь улыбками счастія, но онѣ меня не одуряютъ. Я потому тебѣ говорю о новомъ моемъ знакомствѣ, что это женщина замѣчательная, и замѣчательная именно въ томъ отношеніи, что она пости-

гла, какою ей слѣдуетъ быть. Она говоритъ, сидитъ, разсуждаетъ всегда такъ, какъ ей слѣдуетъ говорить, разсуждать, сидѣть; ходитъ какъ должна ходить; покрой платья, прическа — все по ней; фигурка у ней славненькая и корсажъ сшитъ превосходно—вотъ это я замѣтилъ. Глядя на нее, мнѣ пришло въ голову, что эта женщина обманетъ развѣ только потому, что сама обманется, а нарочно обманывать никогда себѣ не дастъ труда. А умна какъ! вотъ говоритъ!!.. вѣдь самыя обыкновенныя вещи, но такъ и заслушаешься. Я ей непремѣнно сдѣлаю визитъ, и когда воротимся къ себѣ—бывать у ней буду; вѣдь она изъ нашихъ мѣстъ, только эти два года тамъ не жила.

— Кто же бы это? сказалъ Колесниковъ, и задумался.

— Улимова.

— Ну, объ этой слыхивалъ, проворчалъ онъ, давно впрочемъ когда-то. Она, знаешь, ужъ не молоденькая, мужъ у ней сумасшедшій былъ, такъ она его гдѣ-то въ домъ ума лишенныхъ запрятала.

— Полно, она-ли?

— Что жъ, это дѣлаетъ ей честь; видно, она женщина предусмотрительная.

— Колесниковъ, Колесниковъ! сказалъ Салынинъ, покачавъ головой съ упрекомъ.

— Я уважаю въ женщинѣ разсудокъ, продолжалъ Колесниковъ, какъ-будто не замѣчая неудовольствія Салынина. Умныхъ женщинъ много, разсудительныхъ только нѣтъ почти вовсе.

Салынинъ слушалъ его въ печальномъ раздумьѣ; слова Колесникова по обыкновенію произвели впечатлѣніе на душу молодаго человѣка.

— Итакъ ни одной, ни одной.... прошепталъ

онъ невольно. Онъ забылъ Оленьку, помнилъ Фанни и Гастану.—Гдѣ жъ этотъ мужъ? спросилъ онъ задумчиво.

— Скончался, произнесъ, съ забавной важностью вздохнувъ, Колесниковъ.

— Что жъ тогда сдѣлала эта женщина? продолжалъ спрашивать Салынинъ.

— Первое время вдовства провела весело, какъ кажется; много было толковъ, отвѣчалъ Колесниковъ, теперь что-то пріутихла, — и толки пріутихли.

Салынинъ всталъ и началъ ходить большими шагами по комнатѣ.

— А я бы сказалъ, что одна эта женщина способна чувствовать глубоко и благородно, произнесъ онъ черезъ минуту, облегчивъ себя вздохомъ.

— Да вѣдь я ее не знаю, замѣтилъ Колесниковъ, я повторяю тебѣ людскіе толки.

— Такъ я же узнаю эту женщину! воскликнулъ Салынинъ. Она ѣдетъ къ намъ, тѣмъ лучше!

Черезъ нѣсколько дней Салынинъ вошелъ къ Колесникову съ торжествующимъ лицемъ.

— Знаешь, Колесниковъ, воскликнулъ онъ радостно, я пришелъ пристыдить тебя.—Колесниковъ подняль голову. — Плохо ты освѣдомился насчетъ Улимовой, плохо знаешь ея исторію, и я прихожу исправить погрѣшности!

— А тебѣ что за дѣло?

— Мнѣ?—Салынинъ нѣсколько смутился.—Мнѣ, повторилъ онъ, не то чтобы особенное дѣло, а такъ, подразнить тебя вздумалъ!

Однако Салынинъ былъ очень веселъ, удивительно въ духѣ: онъ ходилъ потирая руки, обтягивая полы своего кирасирскаго сюртука и дѣлая такіе огром-

ные шаги, какіе только можно было ожидать отъ человѣка его роста.

Колесниковъ глядѣлъ, глядѣлъ на него пристально.

— Такъ что-жъ, спросилъ онъ черезъ минуту, это не та Улимова?

— Напротивъ, именно та, отвѣчалъ Салынинъ, и мужъ у ней точно былъ сумасшедшій, и умеръ въ домѣ умалишенныхъ, все такъ; да она-то во всѣхъ этихъ несчастіяхъ оказала себя женщиной мужественной и глубоко чувствующей. Она любила его безумно, самое чувство ея было разбито. Егоръ Петровичъ знаетъ хорошо Улимову; вотъ отъ него послушай подробности, вотъ послушаи, какъ онъ смотритъ на эту женщину, а вѣдь человѣкъ ничего и Егоръ Петровичъ! въ добродѣтель не вѣритъ, и язычекъ какъ бритва.... Любопытно мнѣ знать, въ состояніи ли эта женщина любить еще разъ послѣ подобныхъ испытаній? Ты какъ думаешь, Колесниковъ?

— Никакъ, отвѣчалъ равнодушно Колесниковъ, думать объ этихъ вещахъ нечего, надо испытать!

— А я такъ думаю, сказалъ Салынинъ, и думаю именно, что эта женщина быть можетъ способна еще пококетничать, но ужъ не способна полюбить. А энергическая женщина, должно быть; хотѣлъ бы я знать, какъ любятъ энергическія женщины...

— Попробуй, произнесъ Колесниковъ, и улыбнулся.

Салынинъ опомнился, мысль его разомъ вернулась къ тягостному впечатлѣнію.

— Нѣтъ, къ чему?... сказалъ онъ.

Онъ бросился на стулъ и задумался.

— А я бы хотѣлъ, проговорилъ онъ черезъ ми-

нуту, я бы хотѣлъ заставить кого-нибудь испытать то, что я испыталъ! Измучить, сдѣлать изъ сердца игрушку, заставить чувствовать и умирать, провести по всѣмъ страданьямъ. Обмануть въ душѣ человѣческой чувство, и именно поступить такъ съ женщиной! Какое дѣло мнѣ—хороша ль въ ней душа, чувствующее ли сердце?... О томъ, что сдѣлаютъ изъ меня, никто не подумалъ, да и подумавъ бы никто не остановился....

Неподдѣльной горечью отзывались слова Салынина; онъ не рядился въ свои ощущенія, онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ, и чувствовалъ въ эту минуту горько и сильно; онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что испыталъ то, чего никому не случалось испытывать, и что слѣдовательно онъ одинъ имѣетъ свои взгляды на жизнь, свои особенныя права въ жизни! Мудрено рѣшить, какъ думалъ объ этомъ Колесниковъ — искреннихъ своихъ мнѣній этотъ человѣкъ никому не высказывалъ, хотя говорилъ всегда тономъ неподдѣльной искренности со всѣми и обо всемъ.

Между-тѣмъ Улимова вовсе не подозрѣвала, что была предметомъ бесѣдъ, и бесѣдъ горячихъ между двумя пріятелями. Знакомство съ Салынинымъ и самъ Салынинъ нравились ей; въ присутствіи его Юлія Михайловна оживлялась, съ нимъ говорила охотно и не боялась одушевиться. Она сознавалась откровенно, что Салынинъ симпатиченъ какъ человѣкъ, какъ умъ, какъ натура, и какъ будто здѣсь, гдѣ все было ей чуждо и гдѣ вокругъ нея все были чужіе, роднымъ словомъ потѣшили слухъ ея, и поддалась она обаянію этихъ родственныхъ душѣ ея звуковъ. Но далека, и какъ далека была въ эту минуту Улимова сознанія, что въ жизни ея

Сальнинъ будетъ имѣть не малое значеніе, и быть-можетъ напишетъ неизгладимыми буквами имя свое на печальныхъ листахъ ея печальной жизни! У ней еще былъ свой міръ, не открытый другимъ, отдѣльный міръ изнеможительныхъ чувствъ, болѣзненныхъ мечтаній. Улимова спѣшила изъ Петербурга; зачѣмъ рвалась душа ея на югъ?—больное сердце томила тоска долгой разлуки, разлуки съ тѣмъ, кто одинъ тогда владѣлъ всѣми силами этого существа, не заботясь, не искавъ, быть-можетъ вовсе того не желая.

—

ГЛАВА VI.

Есть души, которыя страданіями своими слагаютъ цѣну предмету своей любви: чѣмъ дороже обходится имъ любовь, чѣмъ бо́льшими муками окуплена она, тѣмъ больше любятъ онѣ, тѣмъ дороже для нихъ предметъ чувства. Души сильныя, сильно чувствующія, созданныя для битвы и вскормленныя бореніями—таковъ удѣлъ вашъ! Для васъ все мыльный пузырь, *все*—кромѣ страданія.

Тиха была въ своихъ изъявленіяхъ любовь Улимовой къ Желнину, легко было спрятать ее, затаить отъ глазъ людскихъ; но сердце считало уже три года разнородныхъ терзаній, три года лукавства съ самимъ собой; три года сдержанныхъ порывовъ, ревнивыхъ досадъ, мучительныхъ опасеній, три года искуснаго притворства даже передъ тѣмъ именно, который игралъ любовью, отталкивалъ ее и призывалъ по внушенію мимолетной фантазіи или минутнымъ дѣйствіемъ прихоти своей и самолюбія. Никто изъ окружавшихъ Улимову не подозрѣвалъ, какую важную роль игралъ Желнинъ въ

ея жизни. Неизвѣстно — по характеру или по уму Желнинъ молчалъ, или только потому, что боялся превратить подозрѣнія баронессы Ш** въ убѣжденія и отдаться ей совершенно въ руки — и вотъ никто не догадывался, что эта женщина любитъ: ея одушевленіе говорило только этимъ слѣпцамъ, что она любить умѣетъ, и всякому хотѣлось быть любимымъ ею. Есть женщины, которыя съ самаго перваго взгляда внушаютъ желаніе быть любимымъ ими; хочется непремѣнно любви такой женщины, и не спросятъ себя—что сдѣлаютъ они изъ этой любви, придется ли чувство это по нихъ, и въ состояніи ли каждый заплатить свой долгъ ея чувству не обанкротившись вконецъ. Зачѣмъ не учатъ (*) человѣка экономіи чувствъ? тогда бы не такъ смѣло пускались въ предпріятія по этому отдѣлу и меньше было бы мыльныхъ пузырей на свѣтѣ. Если бы Улимова была красавица, или богата, или знатна, — но рѣшите сами, читатель мой, на что всѣмъ этимъ господамъ была нужна любовь такой женщины? Какъ партія она была ничтожна, какъ женщина не ослѣпляла, но всякому хотѣлось знать, какимъ образомъ любила бы она—а дальше? дальше не шла ни одна мысль. Воображенію представлялось, что хорошо бы было испытать, какова любовь этой женщины,—и только потому, что она казалась олицетвореніемъ энергіи, что въ ней предчувствовали они что-то, чего сами понять не могли: чѣмъ воздать за такую любовь? На этотъ вопросъ ни одинъ умъ не отвѣтилъ прямымъ образомъ, а за то каждый создалъ уклончивый, лукавый отвѣтъ,

(*) Многому учатъ насъ, но какъ мало мы знаемъ!

состоящій изъ слѣдующихъ словъ—«она женщина сильная, пойметъ сама современемъ, разлюбитъ и утѣшится.» Какъ будто сильная женщина можетъ чувствовать не сильно! а если она чувствуетъ сильно, то неизвѣстно еще, которая изъ двухъ силъ сокрушитъ другую—сила чувствъ, или сила воли. Всѣхъ, всѣхъ привело и удерживало подлѣ Улимовой желаніе быть ею любимымъ, одного Гриневича столкнула съ ней случайность, и лучше другихъ вглядѣлся онъ въ эту женщину. Когда Гриневичъ сблизился до совершенной искренности съ Юліей Михайловной,—а это было очень легко, благодаря непостигнутой ею самой способности ея увлечь каждаго, шевельнувъ живыя струны сердца, —онъ разъ сказалъ ей, въ минуту откровенности, своимъ обычнымъ, холоднымъ, невозмутимымъ тономъ—«я въ васъ не влюблюсь, Юлія Михайловна, потому-что вы меня не полюбите, а вы меня не полюбите во первыхъ потому, что любите другаго!»

— Ничего, мы будемъ друзьями! произнесла Улимова, ни мало не смущаясь его заключеніемъ, вовсе не отрекаясь отъ него и не пытаясь его обмануть.

— Хорошо, что вы мнѣ это сказали, замѣтилъ Гриневичъ, обѣщаю не слѣдить за вами и не стараться подсмотрѣть, въ какую сторону обращены ваши чувства; до сихъ поръ не знаю куда именно, право не знаю.

— Не слѣдите за мной, я за это съумѣю оцѣнить васъ, сказала Улимова.

Договоръ ихъ скрѣпило искреннее рукопожатіе, Гриневичъ сталъ смотрѣть на нее какъ на человѣка, женщина исчезла съ этой минуты для него. Но онъ былъ исключеніемъ, потому-что всѣ, всѣ,

и каждый по своему, хотѣлъ владѣть вниманіемъ и чувствомъ Юліи Михайловны, хотя никто не задался вопросомъ—на что̀ пригодится ему это чувство и что̀ изъ него они сдѣлаютъ? А былъ ли кто изъ нихъ влюбленъ, или хоть увлеченъ сколько-нибудь? Увлекся одинъ Салѣнинъ, да былъ еще готовъ влюбиться въ нее Штадтгельмъ, только не посмѣлъ рѣшиться. Въ Качуновѣ говорило оскорбленное самолюбіе; въ Плещаниновѣ желаніе наконецъ пристроить себя и зажить семьяниномъ: онъ прошатался всю жизнь, и ему захотѣлось какъ-нибудь наконецъ остановиться. Въ Трасси говорилъ вкусъ; ему нравилась эта женщина. Въ Тименецкомъ тщеславіе, жажда огласки; въ Желнинѣ.... но Желнинъ былъ странный человѣкъ, и чувство его было странное.

Онъ понималъ силу и глубину чувствъ Улимовой, былъ гордъ ими, и ни за что бы не согласился уступить ихъ кому-нибудь другому, ни за что бы не отказался отъ всѣхъ правъ, которыя такъ великодушно, такъ довѣрчиво, такъ всецѣло дала она ему *надъ своей душой*. Бывалъ онъ боленъ, грустенъ, недоволенъ — тогда мысль его обращалась къ Юліи Михайловнѣ; въ такія минуты посѣщенія баронессы Ш** льстили только его самолюбію, но утѣшенія не приносили, а присутствіе Юліи Михайловны становилось необходимостью: онъ прислушивался съ видимымъ наслажденіемъ къ каждому слову ея, къ самому голосу, взглядомъ подзывалъ ее ближе, ближе, и нерѣдко отдавался тихому, сладостному забытью, держа ея руку въ своихъ. Еслибъ баронесса Ш.** это видѣла, еслибъ она это знала! Но нѣтъ, она и допустить не могла, чтобы въ сердцѣ Желнина для

кого-нибудь, кромѣ ея, нашелся хоть самый крошечный уголокъ. Боронесса Ш.** не простила бы Желнину, она измучила бы своей ненавистью Улимову—но она на подозрѣвала, а для Юліи Михайловны довольно было сознанія, что она не чужда душѣ этого человѣка, чтобы простить ему все то, что нерѣдко заставлялъ онъ ее вынести, выстрадать.

— Онъ понялъ меня, думала Улимова,—понялъ силу любви моей. Да, я могу самоуничтожиться въ этомъ чувствѣ, и теперь постигаю, до каихъ высокихъ, огромныхъ размѣровъ можетъ дойти чувство. Онъ вѣритъ въ силу, въ ненарушимость моей привязанности и оттого не охраняетъ ее отъ испытаніи, не боится подвергнуть сомнѣніямъ.

И гордая своеи любовью женщина гордилась предметомъ этой любви, изукрасивъ его всѣми своими качествами, на которыя была способна ея собственная душа, и развивъ ихъ, придавъ имъ тѣ формы, которыя болѣе нравились ея облагороженному вкусу.

Поднять ли завѣсу съ этой личности, съ этого характера, съ этой натуры? Пора, потому-что на Желнина можетъ пасть подозрѣніе въ лживости, въ глубоко обдуманномъ обманѣ; ему откажутъ въ благородствѣ и одарятъ его пронырливостью ранѣе срока. Желнинъ какъ личность занимателенъ, какъ характеръ податливъ, ка ъ натура, онъ изуизумительное отраженіе всѣхъ натуръ, съ которыми сбижала его случайность. Но то не было пустое отраженіе, явное подражаніе, слѣпая копія; то было отраженіе вѣрное, подробное, но тонкое. Независимо отъ себя самого, Желнинъ, отражая чувства и мысли другихъ, увеличивалъ ихъ, какъ бы

совершенствовалъ и такимъ образомъ показывалъ въ болѣе сильныхъ тонахъ. На время становились онѣ какъ бы его принадлежностью, на время онѣ двигали имъ съ необычайной силой, управляли его поступками и рѣчами. И между-тѣмъ никто такъ искренно и полно не заблуждался самъ насчетъ силы своего характера и непоколебимости своей воли, какъ Желнинъ. Еслибъ кто-нибудь послушалъ его откровенныя бесѣды съ Юліей Михаиловной, то заплатилъ бы богатую дань удивленія этому благородству, гордости, волѣ, силѣ, прямодушію, спокойной энергіи, естественности чувствъ и воздержности изъявленій ихъ. Но отчего онъ былъ таковъ? оттого, что всѣ эти качества были въ Юліи Михайловнѣ и всѣ нечаянно отразились на немъ, но отразились украшенныя, увеличенныя, усовершенствованныя, и потому казались ему собственно принадлежащими, его неотъемлемостью, и являлись наблюдателю чѣмъ-то новымъ и какъ бы особеннымъ. Съ баронессой Ш** онъ тоже былъ прекрасенъ, только нѣсколько въ другомъ родѣ. Она была далеко не однихъ свойствъ съ Улимовой; не знаю, какова она была въ самомъ дѣлѣ, но слова ея дышали добродѣтелью, кротостью, покорностью судьбѣ, такимъ чувствомъ своего долга, что и Желнинъ являлся нѣжнымъ и кроткимъ, тихо говорилъ о чувствѣ долга, съ достоинствомъ говорилъ о добродѣтели, съ спокойствіемъ о всевозможныхъ горькихъ случаяхъ жизни. Желнинъ не лгалъ: обманывая другихъ, онъ самого себя искреннѣе всѣхъ обманывалъ. Въ этомъ быть можетъ состояла его изумительная способность привлечь къ себѣ каждаго, залѣзть въ душу почти съ первой встрѣчи. Правда, что его привлекательная, его прелестная

арнужность не мало помогала въ этомъ, произво-дя всегда самое пріятное впечатлѣніе, какое мож-но только желать себѣ производить на каждаго съ перваго раза.

Даръ воспринимать и перефразировать всякую натуру, этотъ даръ, которымъ наградила щедро судьба красавца Желнина, не оставался безъ упо-требленія и относительно мужчинъ. Товарищи, съ которыми онъ сходился, подмѣчали въ немъ скоро именно тѣ свойства, которыя они уважали въ се-бѣ или другихъ, но только въ большемъ, въ прек-раснѣйшемъ видѣ. Кто могъ рѣшить, что все это ненадолго? Никто еще не извѣдалъ Желнина съ этой стороны—случая не было, онъ себя не выказалъ; а безъ случая человѣкъ можетъ себя выказать толь-ко тогда, когда самъ себя вполнѣ пойметъ и изу-читъ. Желнинъ самъ ошибался съ себѣ такъ же, какъ и другіе въ немъ ошибались. Онъ несомнѣн-но вѣрилъ, что воля его несокрушима, благородст-во непоколебимо. Любимый и уважаемый това-рищъ, куміръ друзей, баловень женскаго внима-нія, предметъ гордой любви ихъ,—вотъ блага жи-зни, вотъ дары счастія, которые достались на до-лю Желнину. Но если бы онъ былъ предоставленъ себѣ, или если бъ кто-нибудь, щегольнувъ передъ нимъ порочностію своей натуры, осмѣялъ безпощад-но все прекрасное и благородное, и достоинство человѣка смѣло назвалъ призракомъ, кто знаетъ, чѣмъ бы сталъ на ту пору Желнинъ и до какой степени перещеголялъ бы поступками своими то-го, чье отраженіе бы принялъ?.. Видно, еще не-нашлась рука, въ которой бы могъ лопнуть этотъ мыльный пузырь!....

Желнинъ обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ дѣлать дол-

ги, деньги улетучивались въ рукахъ его, и трудно себѣ представить, чтобы сумма долговъ такъ быстро нарастала у кого нибудь—безъ карточныхъ проигрышей, какъ у Желнина. Состояніе его было очень не велико, Наталья Спиридоновна съ рѣдкимъ самоотверженіемъ платила нѣсколько разъ его долги, распутывала дѣла, но Желнинъ съ рѣдкимъ умѣньемъ опять ихъ запутывалъ. И вотъ когда въ этомъ человѣкѣ обнаруживалось малодушіе! онъ призадумывался, видя возможность крутыхъ, очень крутыхъ для себя обстоятельствъ, болѣе чѣмъ кто-либо онъ былъ рабомъ своихъ привычекъ, своей изнѣженности, избалованности. Я хочу вѣрить, что Желнинъ не любилъ денегъ, но онъ любилъ свои привычки, а удержать за собой эти привычки онъ могъ только посредствомъ денегъ. А долги,—долги, этотъ страшный двигатель многихъ будущностей, эта ловкая пружина многихъ дѣлъ, эта крѣпкая сѣть многихъ жизней, — долги странно дѣйствовали на Желнина. Говорятъ, что есть люди, которые умѣютъ не платить долговъ и не терять кредита. Желнинъ не принадлежалъ видно къ числу ихъ, онъ трудно расплачивался съ долгами, но расплачивался боясь потерять кредитъ. Когда приходилъ послѣдній безотлагательный срокъ расплаты, Желнинъ нахмуривался, становился недоволенъ жизнью, что-то горькое и разочарованное слышалось тогда въ его холодной рѣчи. Съ тревогой слушала его выходки Улимова, и часто, часто на ней, рѣшительно на ней одной сгонялъ свою досаду Желнинъ. Но она не смущалась,— вотъ человѣкъ, который понялъ силу любви моей, думала она; онъ знаетъ, что разрушить во мнѣ чувства, которыя отдала ему душа моя, невозмож-

но, не распадутся они отъ неправыхъ словъ его горькой досады. Натальѣ Спиридоновнѣ тоже иногда слегка доставалось; но какъ старушка пріучилась отгадывать тотчасъ источникъ такого нерасположенія духа своего племянника, то немедленно принималась безъ обиняковъ разсуждать съ нимъ, старалась утѣшить и, если можно, помочь ему. Благодѣтельно дѣйствовали на Желнина только тѣ утѣшенія, которыя не ограничивались одними словами; но конечно Наталья Спиридоновна не всегда могла его снабжать такими утѣшеніями. Однако она заслужила своими поступками не малую честь отъ племянника, потому-что Желнинъ, любя иногда повести бесѣду тономъ скептицизма, не разъ говорилъ, когда дѣло касалось дружбы—у меня только одинъ другъ, это тетушка Наталья Спиридоновна, она мнѣ истинный другъ, потому-что платитъ мои долги, а другихъ друзей я не знаю!—

Болѣзнено ударяли эти слова въ душу Улимовой.

— Зачѣмъ вы клевещете на себя—говорила она Желнину; неужели ваша привязанность къ теткѣ, къ этой чудесной женщинѣ, основана только на корысти? Нѣтъ, вы не способны такъ чувствовать, не говорите никогда мнѣ этого, мнѣ больно васъ слушать, и тѣмъ болѣе больно, что вы *другихъ* вашихъ друзей, всѣхъ безъ исключенія, отталкиваете отъ себя такимъ образомъ.

— Гдѣ же эти другіе друзья? спрашивалъ онъ насмѣшливо.

— О, я не стану вамъ ихъ указывать.

И Улимова съ достоинствомъ умолкала. Тогда Желнинъ видѣлъ, какъ глубокая грусть разливалась по ея выразительному лицу, какъ говорили недвиж-

ные глаза, что тяжело, тяжело ей, что душа болитъ гордой мукой отвергнутаго чувства; тогда понималъ онъ, что одно слово ласки, одно легкое измѣненіе тона—и все будетъ забыто, одинъ взглядъ, вызывающій примиреніе—и она будетъ счастлива; онъ отгадывалъ все это, онъ сознавалъ это съ глубокимъ убѣжденіемъ, и гордый своей властью, тихо подходилъ къ Юліи Михайловнѣ, съ тихой улыбкой протягивалъ руку — все было забыто. Страданіе смѣнялось счастіемъ, болѣзненная дасада восторгомъ. Такъ, двадцать разъ въ теченіе одного дня Желнинъ заставлялъ самымъ нечаяннымъ и незначительнымъ образомъ умирать и оживать эту женщину, страдать и чувствовать себя счастливой, мучиться и благословлять свое чувство. Не таковъ онъ былъ съ баронессой Ш**. Баронессѣ онъ искалъ нравиться, ее онъ окружалъ постояннымъ вниманіемъ: иногда уставалъ, и скучновато становилось, но привычка къ этой роли, или вліяніе баронессы, только Желнинъ никогда не измѣнилъ, не рѣшился заговорить тѣмъ языкомъ, который бы могъ ей не понравиться. Онъ былъ убѣжденъ, что баронесса его любитъ, и между тѣмъ не чувствовалъ себя свободнымъ въ тѣхъ чувствахъ, которыя ему внушала это женщина: онъ понималъ, что здѣсь за нимъ безконечно наблюдаютъ, здѣсь ревнивымъ и подозрительнымъ глазомъ слѣдятъ за нимъ, — и неловко становилось ему. Но отказаться отъ баронессы онъ такъ же точно бы не могъ, какъ и отказаться отъ Улимовой; жизнь его устроилась какъ-то, какъ-бы сама собой между этими двумя женщинами, и онъ не могъ представить себя съ другой обстановкой, иначе дѣйствующимъ, иначе чувствующимъ.

На другой день послѣ вечера, проведеннаго съ Юліей Михайловной, Желнинъ входилъ въ домъ баронессы. Хотя онъ всегда принималъ видъ человѣка, увѣреннаго въ своихъ силахъ вполнѣ, но въ сердцѣ его была постоянно странная робость, когда онъ брался за колокольчикъ у дверей баронессы и спрашивалъ — дома ли? не поясняя кого ему нужно, барона или баронессу. Онъ заранѣе зналъ, какой привѣтливый взглядъ ему бросятъ, какъ поднимется голова въ нарядномъ чепцѣ изъ-за книги, изъ-за работы, какъ ласково ему протянутъ руку — онъ зналъ все это, и между-тѣмъ неясный трепетъ пробѣгалъ по сердцу. Онъ чувствовалъ, что идетъ на судъ. Подозрительность этой женщины связывала его, хотя любовь ея льстила самолюбію, а проявленія этой любви нравились ему и возбуждали въ немъ чувство.

Желнинъ вошелъ неслышно, потому-что огромный коверъ дѣлалъ неслышными его шаги. Баронесса въ черномъ бархатномъ пардессю, въ широкомъ кружевномъ воротничкѣ, въ чепцѣ изъ розовыхъ и черныхъ лентъ сидѣла надъ акварелью; она прилежно работала, и легкая улыбка не сходила съ ея тонкихъ губъ. Подлѣ нея Лина читала громко какое-то сочиненіе Ламартина. Лина была ужъ не ребенокъ; шестнадцать лѣтъ подняли ея ростъ, вытянули фигуру, округлили плечи, но не смотря на это, ничего привлекательнаго не было въ молодой дѣвушкѣ. Напротивъ того, по лбу ея шли двѣ рѣзкія морщины и черные маленькіе глаза мрачно и сердито глядѣли изъ-подъ сдвинутыхъ бровей; глядя на большую голову, богато надѣленную жесткими, курчавыми волосами, и на эти серьёзныя брови, нельзя было предположить, что юному, очень

юному существу принадлежатъ они. Губы ея были тон и какъ у матери, но блѣднѣй, и темный пушекъ, оттѣнявшій ихъ, вмѣсто той плѣнительности, которую придаетъ всегда лицу брюнетокъ, дѣлалъ Лину гораздо старѣе нежели она была, давалъ ей выраженіе недовольное и слишкомъ болѣзненное. Лина никогда не говорила съ увлеченіемъ, не разсуждала и потому не высказывалась: быть можетъ у ней были свои причины быть недовольной жизнью, но никто однако этого отъ нея не слышалъ. Всякое желаніе матери исполнялось безпрекословно, но молча подходила она къ рукѣ матери утромъ, вечеромъ и послѣ обѣда; къ отцу она подходила смѣлѣй и иногда брала его руку и цѣловала не въ положенное время, но тоже не говорила съ нимъ ни о чемъ. Если мать ей предлагала вопросы, касающіеся ученыхъ предметовъ, она отвѣчала охотно, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ, съ увѣренностью и отчетливостью, которыя бы сдѣлали честь любому профессору; такого рода разговоры Лина могла вести смѣло съ цѣлымъ соборомъ ученыхъ и во всѣхъ возбуждала удивленіе своими познаніями. Но заговорите съ ней о жизни и о всемъ, что̀ называется жизнью, что̀ даетъ ее или развиваетъ,— Лина ограждалась упорнымъ молчаніемъ и глядѣла на спорящихъ и говорящихъ совершенно безъ участія. Она играла отчетливо самыя трудныя пьесы, пѣла вѣрно, рисовала правильно — но во всемъ этомъ недоставало той жизни, тѣхъ красокъ, того достоинства, которое всѣ привыкли называть однимъ именемъ—*душой*. Вообще Лина была очень молчалива, такъ что если бы вы не заговорили съ ней сами, то могли бы просидѣть цѣлый день не услышавъ ни слова отъ этой странной дѣвушки.

И однако были минуты, когда можно было подстеречь Лину говорящей, и говорящей съ жаромъ, съ быстротой, съ увлеченіемъ; но тѣ, съ которыми говорила она такимъ образомъ, не могли ее выдать, не могли пересказать, о чемъ она вела свои рѣчи,— то были двѣ куклы, большія, нарядныя куклы, которыхъ Лина обшивала сама, и которыми, не смотря на свои шестнадцать лѣтъ, она играла съ наслажденіемъ и съ простодушіемъ ребенка. Баронесса очень одобряла въ дочери этотъ вкусъ къ невиннымъ и безвреднымъ забавамъ; она разсказывала, какъ Лина играетъ въ куклы съ особеннымъ удовольствіемъ, и Желнинъ иногда обращался къ дѣвушкѣ съ такимъ снисхожденімъ, какъ бы онъ обращался къ пятилѣтнему ребенку, и смѣялся, и трунилъ надъ любовью ея къ кукламъ, старался подразнить ее, разсердить. Лина не обижалась, и вовсе не отвергала, что лучшіе часы ея—это часы бесѣдъ съ куклами. Баронесса нѣсколько разъ говорила о томъ, что она скоро начнетъ Лину вывозить въ свѣтъ, на балы, но при этихъ словахъ матери Лина всегда хмурилась и, не смотря на все свое хладнокровіе, принималась убѣдительно просить, чтобы ее оставили въ покоѣ. И ее оставляли, ей перестали говорить, что скоро начнется для нея другая жизнь, и что она должна себя готовить къ этой жизни. Когда Желнинъ вошелъ, баронесса не слышала, но Лина какъ-будто бы почувствовала присутствіе посторонняго лица и отвела на минуту глаза отъ книги.

— Мама, произнесла она тихо, взглянувъ на мать.

— Здравствуйте, Петръ Дмитріевичъ!—И баронесса протянула ему руку, которую Желнинъ почтительно поцѣловалъ.

Голубые глаза блеснули внезапнымъ огнемъ, она поправила черные волосы и концы своего чепца и сказала—садитесь!

Прежде нежели Желнинъ сѣлъ на указанный ему стулъ, онъ не забылъ поклониться Линѣ, которая, отвѣтивъ церемоннымъ реверансомъ на его поклонъ, обратилась къ матери и спросила:—А теперь что мнѣ дѣлать, мама?

— Что хочешь, другъ мой, отвѣчала баронесса.

— Я помѣшалъ вамъ? спросилъ Желнинъ вѣжливо.

— Нѣтъ, я пойду къ отцу, сказала Лина и немедленно вышла.

— Лина! позвала ее баронесса.

Смуглое лицо дѣвушки показалось въ дверяхъ.

— Спроси у отца, не хочетъ ли кататься сегодня и *прикажетъ* ли мнѣ съ собой ѣхать? И отпустивъ дочь съ этимъ порученіемъ, баронесса глубоко вздохнула.

Желнинъ пристально поглядѣлъ на нее, какъ бы желая прочесть, какое именно страданіе вызвало вздохъ этотъ изъ души ея. Взглядъ его былъ полонъ нѣжной заботливости; баронесса недвижно на него глядѣла и печально качала головой.

— Боже мой, произнесъ онъ съ глубокимъ участіемъ, когда вы будете сколько-нибудь счастливѣй?

— Я счастлива, отвѣчала баронесса тономъ безропотной жертвы, я мать—и потому счастлива, все мое счастіе въ этомъ ребенкѣ, въ исполненіи моего материнскаго долга. Быть можетъ какъ жена я не довольно терпѣлива, иногда ропщу, конечно не явно, не говорю упрековъ въ глаза моему несчастному мужу, но все же не всегда съумѣю скрыть тяжкое чувство печали; но какъ мать я стараюсь быть безъ упрека.

— Какъ вы взыскательны, какъ несправедливы къ себѣ! воскликнулъ Желнинъ. Васъ можно ли упрекнуть въ чемъ-либо? Вы принесли огромную жертву, жертву всей вашей жизни и всей вашей кросоты этому человѣку, и онъ никогда не въ состояніи понять этой жертвы, а еще меньше вознаградить ее.

— Моей красоты! произнесла баронесса задумчиво. Да, я была хороша когда-то!

— А теперь? спросилъ Желнинъ.

— Теперь? у меня дочь большая, дѣвушка-невѣста. Правда. Лина долго еще будетъ ребенкомъ, она не способна чувствовать, не способна еще понимать многаго вовсе. Удивительно, какъ эта дѣвушка мало развита! Иногда она меня пугаетъ, это какъ-будто недостаточное развитіе умственныхъ способностей, застой понятій, или отсутствіе всякаго чувства; но въ другой разъ я именно думаю— не радоваться ль мнѣ, если точно Лина и чувствовать, и мыслить иначе какъ по книгамъ не съумѣетъ? Жизнь женщины, одаренной чувствомъ и умомъ, нерѣдко тяжкая жизнь! Пусть же Лина остается вѣчнымъ ребенкомъ, пусть играетъ своими куклами и не пробуждается отъ нравственнаго усыпленія.

Невольно въ воображеніи Желнина нарисовалась немедленно серьезная и некрасивая дѣвушка съ куклой въ рукахъ, и въ сравненіи съ блистательной баронессой она показалась ему ничтожной, тупоумной, почти полуидіоткой.

— О, это дитя! продолжала баронесса съ чувствомъ; вся жизнь моя въ этомъ бѣдномъ ребенкѣ, вся забота моя о томъ, чтобы она чувствовала себя

счастливой, чтобы миръ души не былъ нарушенъ, чтобы не страдала она.

— Такъ вы никогда не будете жить для себя?

— Я живу для себя, когда исполняю долгъ свой, отвѣчала баронесса.

Опять Желнинъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на баронессу съ выраженіемъ восторженнаго удивленія. Она ему улыбнулась и протянула руку.

Неслышнымъ поцѣлуемъ коснулся онъ руки ея. Баронесса вся какъ-будто вспыхнула и опустила голову.

— Послушайте, проговорила она черезъ минуту, проницательно въ него вглядываясь, я не вѣрю никому! я не вѣрю преданности, а болѣе всего не вѣрю, что могу быть счастливой въ чувствахъ своихъ. Но если я повѣрила вамъ, Желнинъ, повѣрила, что вамъ я не такъ чужда, какъ всѣмъ, и если вы меня обманете.... только нѣтъ, вамъ не удастся обмануть, хотя бы вы хотѣли и вздумали это сдѣлать, я знаю все, знаю, какъ проходитъ каждый часъ вашего дня!

Желнинъ вздрогнулъ слегка, но это было не замѣтно.

— Тѣмъ лучше, сказалъ онъ, тѣмъ лучше для меня, если вы точно такъ можете слѣдить за мной; вы тогда убѣдитесь, что каждый часъ дня принадлежитъ если не вамъ, то мыслямъ о васъ.

— А вчерашній вечеръ тоже мнѣ принадлежалъ?—И баронесса слегка прищурилась.

— Откуда она знаетъ? подумалъ Желнинъ, но нимало не смущаясь, отвѣчалъ:

— Вчера я былъ у Улимовой, меня затащилъ Гриневичъ.

— А сами бы вы не пошли?

— Нѣть, отчего-же, я бы и самъ пошелъ, сказалъ Желнинъ съ достоинствомъ, но я не зналъ, что она дома.

— Эта женщина безумно влюблена въ васъ—и вы это знаете! замѣтила баронесса насмѣшливо.

— Я этого не знаю и даже не предполагаю, отвѣчалъ Желнинъ; она мнѣ дѣлаетъ честь, она расположена ко мнѣ дружески, и я горжусь ея дружбой.

— Поздравляю васъ. Вы бы могли гордиться, если бы сами выбирали своихъ друзей, но такъ какъ эту дружбу вамъ навязываютъ....

Желнину стало досадно на баронессу за такую язвительность.

— Вамъ не такъ передали, сказалъ онъ серьёзно и холодно; увѣряю васъ, что я самъ ищу ея дружбы и гордился бы искренно, если бъ могъ назвать Улимову своимъ другомъ.

Этотъ отвѣтъ заставилъ баронессу призадуматься; но одна секунда размышленія, и она совершенно измѣнила тонъ свой. Улыбаясь, поглядѣла она на Желнина и положила руку на его эполетъ.

— Я испытывала васъ, сказала она, вы благородно выдержали испытаніе. Защищайте меня такъ же какъ Улимову, я повѣрю, что не все еще глухо въ этомъ мірѣ для меня.

Опять она была грустна и крот а.

— Васъ защищать! воскликнулъ Желнинъ. Всѣ удивляются, всѣ поклоняются вамъ. О себѣ я вамъ не говорю, у меня часто болитъ за васъ сердце; ваше спокойствіе, ваша безропотность поражаютъ меня, потому-что это спокойствіе стоитъ вамъ страшныхъ усилій; вы не станете со мной играть комедію. Къ чему? Вы знаете, что я чту васъ, что

вамъ преданъ всей душой, и оттого, когда вы притворяетесь, когда за минуту передъ этимъ ангелъ хочетъ выказать себя демономъ—я не вѣрю ему.

— А если я демонъ въ самомъ дѣлѣ? спросила она.

— Васъ опровергаютъ поступки ваши.

— Не льстите мнѣ, я начну думать, что въ самомъ дѣлѣ заслуживаю похвалу.

Говоря это, баронесса какъ бы нечаянно оставила руку свою въ рукахъ Желнина, и оба молчали, оба были взволнованы; но кто сойдетъ въ глубину души человѣческой, или чья рука откроетъ человѣку книгу его будущности? Если бы нашлась такая рука, которая бы раскрыла эту книгу и показала, что̀ отмѣчено и назначено для него, и какую блистательную и забавную карикатуру будущность пишетъ на его настоящее, то не было бы ни одного человѣка, который, не смотря на всю печаль души своей, не расхохотался бы громко надъ самимъ собой. Желнинъ и баронесса оба не глядѣли на ту пору въ свое будущее, и оттого серьёзная комедія ихъ чувства продолжала разыгрываться сама собой.

— Зачѣмъ, вы сегодня вздумали ѣхать съ барономъ? спросилъ Желнинъ помолчавъ.

— Затѣмъ, что сегодня онъ здоровъ, отвѣчала она значительно.

Желнинъ сдѣлалъ какое-то необъяснимое движеніе.

Баронесса встала и ходила по комнатѣ въ сильномъ волненіи.

— Знаете ли, сказала она, остановясь вдругъ передъ Желнинымъ, знаете ли! хотя я въ васъ совершенно увѣрена, но иногда мнѣ приходитъ въ

голову, что вы мнѣ дорого обойдетесь. Мнѣ случается услышать и понять неясный намекъ, а я не выношу подозрѣній. И все это за то, что я не отказалась отъ отрады думать, что есть существо, для котораго я не чужда, и *только не чужда*, — потому-что я вамъ не позволю съ бо̀льшей силой и значительнѣй выражать ваши чувства. Да, не мало мнѣ стоитъ общественное уваженіе, а оно такъ трудно дается и такъ легко отнимается!

— Отчего вы мнѣ все это говорите? спросилъ Желнинъ.

— Оттого, что эта Улимова.... она съ наслажденіемъ распуститъ разные слухи обо мнѣ; мнѣ очень не нравилось, когда я встрѣчалась съ нею у Натальи Спиридоновны во время вашей болѣзни.

— Но вѣдь она бывала чаще, нежели вы.

— Насъ нельзя сравнивать! эта женщина не дорожитъ собой.... къ тому же она свободна. Кстати, знаете, что мужъ мой чувствуетъ къ ней чрезвычайную симпатію?

— Неужели?

— Когда онъ въ состояніи говорить о чемъ-нибудь, то говоритъ съ наслажденіемъ овашемъ другѣ.

— Странно! проговорилъ Желнинъ, хотя въ сущности не находилъ вовсе страннымъ, что оставленный всѣми въ пренебреженіи баронъ былъ признателенъ Улимовой, которая рѣдкимъ сердцемъ своимъ поняла его положеніе и при встрѣчахъ старалась оказать ему незамѣтнымъ образомъ нѣкоторое вниманіе.

Въ это время молодой человѣкъ разсматривалъ прекрасный браслетъ, снятый баронессой во время работы ея надъ акварелью и забытый на столѣ.

Баронесса обернулась и увидѣла, что вниманіе его приковано къ браслету; она подошла.

— Я не нахожу, сказала она, наклонясь надъ браслетомъ, что право носить браслеты принадлежитъ однѣмъ только женщинамъ. Тонкій золотой или волосяной браслетъ можетъ быть надѣтъ на мужской рукѣ и отнюдь не казаться смѣшной претензіей на оригинальность, тѣмъ болѣе, что длинный рукавъ сюртука закроетъ его, если нужно, отъ любопытныхъ глазъ—какъ вы находите?

— Я тоже это не разъ думалъ, отвѣчалъ Желнинъ, неподозрѣвая вовсе, что баронесса говоритъ не спроста.

— Я очень рада, что мы сходимся въ нашихъ мнѣніяхъ, замѣтила она, и говоря это, сняла съ руки своей незамѣченный еще Желнинымъ волосяной браслетъ.—Протяните руку!

Желнинъ повиновался, она застегнула браслетъ и поглядѣла пристально въ глаза молодому человѣку.

— Этотъ браслетъ вамъ въ пору, сказала баронесса улыбаясь, я велѣла сдѣлать его для Лины изъ моихъ волосъ, но я думаю, что онъ великъ ей будетъ.... Носите въ мое воспоминанье!...

Нѣсколько минутъ баронесса любовалась выраженіемъ пріятнаго изумленія, которое яркими буквами было написано на прелестномъ лицѣ Желнина, нѣсколько минутъ онъ былъ въ нѣмомъ экстазѣ, и щеки его слегка покрылись румянцемъ. Въ это время послышался стукъ экипажа, баронесса быстро подошла къ окну.

Изъ двора выѣзжалъ фаэтонъ, и мужъ ея одинъ сидѣлъ въ немъ, забившись въ уголъ, сколько то было возможно.

— Что это значитъ? проговорила она, Антонъ Карловичъ поѣхалъ одинъ!...

Но не успѣла она добавить разными разсужденіями эту фразу, какъ Лина показалась въ дверяхъ.

— Ты не сказала видно отцу? спросила ее баронесса.

— Нѣтъ, говорила; но онъ сказалъ, что у тебя гости, и что тебѣ некогда,—отвѣчала отчетисто и медленно дѣвушка.

Въ этотъ разъ баронесса, не смотря на все умѣнье владѣть собой, сильно покраснѣла.

Желнинъ встрѣтилъ ея взглядъ, подмѣтилъ краску, и самъ смутился.

Теперь ужъ нельзя было ожидать, чтобы Лина ихъ скоро оставила: она развернула покрывало на пяльцахъ и подвинула ихъ къ окну. Желнинъ всталъ. Натягивая перчатку, онъ сказалъ слова два о погодѣ, что-то о театрѣ, почтительно поклонился, бросилъ какую-то несвязную шутку Линѣ и вышелъ.

Баронъ между-тѣмъ ѣхалъ одинъ за городъ, и ему въ первый разъ такъ еще было хорошо, привольно, отрадно! онъ могъ распахнуться весь, протянуть ноги, сѣсть въ уголъ экипажа или выдвинуться впередъ — никто не смотрѣлъ на него неодобрительно и надъ ухомъ не раздавались замѣчанія, сказанныя очень кроткимъ голосомъ, это правда, но которыя связывали его волю, утомляли его вниманіе, отуманивали его мысль. И воздухъ ему казался въ этотъ день особенно хорошъ, и небо особенно ясно, и птицы привѣтливѣй пѣли, и листья на деревьяхъ веселѣй трепетали. Приказавъ провозить себя съ часъ времени, онъ велѣлъ ѣхать въ городъ, и тутъ ему пришло удивительное

желаніе поѣхать куда-нибудъ съ визитомъ, непремѣнно сдѣлать кому-нибудъ визитъ. Но кому же? сталъ думать баронъ, и посмотрѣлъ на свой костюмъ: костюмъ оказался приличнымъ, но онъ былъ убѣжденъ, что пріѣздъ его неожиданностью своей озадачитъ каждаго и Богъ знаетъ въ какую сторону будетъ перетолкованъ. Одна Улимова не удивится, а хоть и удивится, то изъ деликатности скроетъ это впечатлѣніе и конечно не станетъ никому сообщать насчетъ его выходки никакихъ догадокъ. Нѣсколько разъ переглядѣвъ эту мысль въ головѣ своей и найдя ее совершенно справедливой, баронъ велѣлъ остановиться у крыльца Улимовой.

Юлья Михайловна точно изумилась до чрезвычайности, увидя барона: но скрыла свое изумленіе и встрѣтила его очень привѣтливо.

— Вы одни, сказала она, садясь на свою любимую кушетку, гдѣ же Эмма Васильевна?

— Да, я одинъ катаюсь, отвѣчалъ съ забавнымъ торжествомъ баронъ, женѣ некогда, я оставилъ у ней гостей, Желнинъ сидѣлъ съ утра.

При послѣднихъ словахъ, непріятное чувство пробѣжало по сердцу Улимовой, она молчала.

Баронъ былъ въ припадкѣ разговорчивости и, чувствуя необыкновенную какую-то свободу во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, рѣшился пуститься въ разсужденія.

— Желнинъ премилый молодой человѣкъ, произнесъ онъ самъ, видя, что разговоръ не вяжется.

— Да, онъ прекрасный человѣкъ, сказала Улимова, мы съ нимъ большіе друзья.

— Эмма Васильевна его удивительно любитъ, продолжалъ баронъ,—это ея любимый гость, и ужъ

ка ъ бы часто ни ходилъ Желнинъ, она не тяготится, я самъ всегда радъ его видѣть; тетка у него тоже прекрасная женщина.

— Кто? Наталья Спиридоновна? препочтенная старушка!... Улимова внутренно обрадовалась, что разговоръ какъ-будто переходитъ на другой предметъ, это выводило ее изъ тягостнаго положенія: ей хотѣлось слушать о Желнинѣ, но говоря о немъ съ барономъ, Юліи Михайловнѣ казалось, что она какъ-будто развѣдываетъ о немъ, и такимъ образомъ оскорбляетъ благородство Желнина и роняетъ свое собственное достоинство.

— Не были ль вы съ визитомъ у Натальи Спиридоновны? спросила она.

— Нѣтъ-съ. Хотѣлъ было, но раздумалъ: увлекся, знаете, любовью къ природѣ, велѣлъ себя везти загородъ. Я очень люблю природу и очень часто ѣзжу за городъ. Одинъ я люблю помечтать на просторѣ....

Улимова съ удивленіемъ слушала своего гостя.

— Такъ вы всегда ѣздите одни?

— Иногда съ баронессой, иногда одинъ, какъ мнѣ придетъ фантазія! И баронъ горделиво потянулъ свои воротнички.

Бѣдный! подумала Улимова, — вотъ когда фантазія увлекаетъ его совершенно, онъ воображаетъ себя свободнымъ.

— Сегодня баронесса присылала Линочку спросить, поѣду ль я съ ней кататься, продолжалъ баронъ, все болѣе увлекаясь,но я не хотѣлъ отвлекать ее отъ гостя. Кстати, скажите, Юлія Михайловна, какъ вы находите нашу Лину? мнѣ кажется, что эта дѣвочка обѣщаетъ.... Надо отдать справедливость, что Эмма Васильевна превосходно умѣла

распорядиться ея воспитаніемъ! такъ-какъ воспитаніе дочери не мое дѣло, то я его вполнѣ предоставилъ баронессѣ. Лина очень доброе дитя, и право, обѣщаетъ....

— Я очень люблю вашу Лину, проговорила Улимова машинально.

— Благодарю васъ, Юлія Михайловна, вы не повѣрите, какъ я вамъ признателенъ. И баронъ поцѣловалъ руку Улимовой съ глубокимъ чувствомъ. Я ей растолкую, что она должна цѣнить вниманіе ваше, потому что я васъ уважаю, очень, очень, повѣрьте, уважаю, и очень счастливъ, если дочь моя заслужила хоть сколько нибудь вниманія такой.... такой особы, какъ вы

Улимова смотрѣла на него и слушала его рѣчи въ какомъ то смутномъ снѣ....

— Я не думаю однако, продолжалъ баронъ, чтобы скоро нашелся человѣкъ, который бы оцѣнилъ Лину, какъ она заслуживаетъ; быть можетъ ей вовсе не суждено выйдти замужъ, и потому я стараюсь упрочить и увеличить ея состояніе. Кромѣ приданаго, которое я ей назначилъ по согласію съ Эммой Васильевной, я еще придумалъ что-то, и собственно отъ себя сдѣлаю ей подарокъ.

Вы знаете Ольховку, что я купилъ у княгини Волжиковой? я ее подарю Линѣ, когда ей будетъ двадцать пять лѣтъ. Баронъ понюхалъ табаку и продолжалъ: Именьеце доходное, а что лучше всего, такъ можно жить тамъ съ наслажденіемъ. Знаете ли, Юлія Михайловна, я когда нибудь заѣду за вами, если позволите, и покажу вамъ Ольховку, вы увидите, какъ я ее устроилъ: оранжерею завелъ, пчельникъ есть, садъ фруктовый на-диво растетъ, теперь прудъ велѣлъ копать...

— Такъ вотъ отчего мы васъ такъ рѣдко видимъ! сказала Улимова, это вы все въ Ольховку ѣздите?

— Все въ Ольховку.... Баронесса не любитъ, когда я тамъ остаюсь безъ нея на нѣсколько дней, но я не всегда слушаю,—я имѣю свои капризы.

— Такъ вотъ міръ, на который употребляете вы всю вашу энергію и дѣятельность? Конечно, у каждаго человѣка есть своя любимая мечта, каждый ласкаетъ ее и лелѣетъ, и у васъ тоже есть своя мечта, отъ которой вы не можете отказаться.

— Такъ, такъ, Юлія Михайловна! Иногда мнѣ кажется, что я старый, такой старый, такой забытый всѣми старикъ—и вотъ пока у меня тамъ гости, которымъ нѣтъ дѣла до хозяина, я уѣзжаю въ Ольховку, къ дочери. Тамъ Лина живетъ одна; у ней книги, домъ чудесный, она ходитъ со мной по оранжереѣ и говоритъ старику-отцу, что ей очень хорошо здѣсь жить, и что она довольна тѣмъ существованіемъ, которое я ей своими заботами приготовилъ. И я тоже хочу что нибудь сдѣлать для своей дочери!

Говоря это, баронъ закрылъ глаза и какъ бы грезилъ вслухъ. Улимова глядѣла на его сѣдую голову съ глубокимъ участіемъ и въ эту минуту даже съ невольнымъ уваженіемъ. Она была тронута сорвавшеюся съ языка исповѣдью печали, исповѣдью, которой онъ самъ не понялъ и не замѣтилъ.

— Чтожъ, произнесла Улимова, взявъ его ласково за руку, вы можете себѣ представить и картины болѣе-пріятныя: Лину замужемъ, себя окруженнаго внуками.

Баронъ грустно улыбнулся.

— Желать ли этого? сказалъ онъ. И она мо—

жетъ не встрѣтить счастія въ супружеской жизни, вѣдь не каждаго встрѣчаетъ счастіе. Наружный блескъ удовлетворяетъ только тщеславію, а для чувства ничего нѣтъ.

— Да, и тогда чувство ищетъ своего удовлетворенія, своего отзыва—и не находитъ, добавила Улимова; потомъ, удивленная сама, что съ этимъ человѣкомъ она говоритъ съ удовольствіемъ, высказывается со всей искренностью и задушевностью, она вдругъ умолкла.

— Что же вы задумались? спросилъ баронъ, пожалуйста говорите, мнѣ такъ пріятно васъ слушать. Я всегда понималъ, что въ васъ душа высокая и что поэтому вы способны прощать людскія слабости.

Нельзя было не понять, на что̀ намекалъ баронъ, но такая откровенность съ его стороны стѣсняла Улимову, хотя и возбуждала въ ней признательность.

— Опытъ жизни выучилъ меня уважать въ человѣкѣ чувство, каково бы оно ни было и къ кому бы ни было оно обращено, сказала она, чтобы избѣжать большей откровенности барона. Ваше отцовское чувство меня трогаетъ, вамъ страшно за грядущее вашей дочери, и вы боитесь для нея мыльныхъ пузырей! Большая часть жизней, устроенная не судьбой, а людскими соображеньями—мыльные пузыри.

Баронъ сначала задумался, потомъ вдругъ расхохотался.

— Теперь я понялъ, сказалъ онъ, красивая жена, жена совершенство—это тоже должно быть мыльный пузырь! И онъ продолжалъ хохотать.

Тутъ только увидѣла Улимова, сколько горечи

и скрытой ненависти таилось въ оскорбленной душѣ этого заброшеннаго и доведеннаго до совершеннаго ничтожества человѣка, и невольно содрогнулась.

Незначительное обстоятельство дало вдругъ совершенно другой оборотъ всему разговору: часы въ столовой пробили три. Баронъ встрепенулся и поглядѣлъ вопросительно на Юлію Михайловну; она поняла его мысль.

— Въ которомъ часу вы обѣдаете? спросила она.

— Баронесса любитъ, чтобы за полчаса до обѣда всѣ собирались у ней въ комнатѣ, а обѣдаемъ мы ровно въ четыре, пробормоталъ онъ торопливо и совершенно растерялся, не зная—ѣхать ли ему тотчасъ, или приличіе и его личное достоинство требуютъ, чтобы онъ остался еще на нѣсколько минутъ. Но Улимова вывела его изъ затруднительнаго положенія, понявъ то состояніе, въ которомъ онъ находился.

— Такъ я обѣдаю раньше васъ, сказала Юлія Михайловна, я думаю, супъ ужъ на столѣ, не хотите ли со мной отобѣдать?...

— Благодарю васъ, я не предварилъ домашнихъ, меня прождутъ напрасно, отвѣчалъ баронъ, раскланиваясь довольно развязно.

— Такъ когда же мы поѣдемъ въ Ольховку? спросила Улимова.

— Когда прикажете, когда только сами вздумаете; пришлите наканунѣ сказать, говорилъ баронъ.

Уходя, онъ съ чувствомъ живѣйшей признательности поцѣловалъ руку Улимовой и всю дорогу отъ квартиры ея до своего дома думалъ: — вотъ женщина, вотъ умное и благородное существо, ангелъ просто! Вотъ если бы Линочка моя была

на нее похожа! и что за привлекательность такая, что за доброта!...

Подъ вліяніемъ недавней сцены съ баронессой, этого браслета, даннаго такъ мило и неожиданно, этихъ словъ сдержанной привязанности, сказанныхъ какъ бы съ невольнымъ увлеченіемъ, Желнинъ не скоро рѣшился пойдти къ Улимовой. Ему не хотѣлось встрѣчаться съ Юліей Михайловной, и даже воспоминаніе ея было въ тягость. Прошло нѣсколько дней, ежедневно онъ бывалъ у баронессы, съ Юліей Михайловной встрѣчался издали, на улицахъ, кланялся ей съ привѣтливой улыбкой, но всегда принималъ видъ озабоченнаго, какъ-будто куда-то спѣшилъ и не имѣлъ времени остановиться и обмѣняться съ ней нѣсколькими словами. Юлія Михайловна не могла понять, какого рода именно чувство держитъ его въ отдаленіи; понимала одно только, что не безъ участія въ этой странной манерѣ обращенія его послѣдній визитъ къ баронессѣ, слѣдовательно опять она, и всюду она, опять ея вліяніе, опять перевѣсъ на ея сторонѣ. Что же было между ними во время этого визита? Что произошло? Кто можетъ разсказать ей, кто разъяснитъ ея мучительныя предположенія, ея убійственныя догадки?...

Она старалась быть спокойной, не измѣнить себѣ, не выдать взволнованной души своей никакимъ наружнымъ проявленіемъ. Гордая женщина, она самой себѣ бы не хотѣла сознаться, въ какой степени страдало сердце и какъ томилась и изнывала отъ грусти ея заботливая мысль. И точно, не измѣнила себѣ она, не выдала себя ни укорительнымъ взглядомъ, ни ѣдкимъ словомъ, ни досадливымъ движеньемъ; но внимательному наблюдателю

выдала бы ее блѣдность, усталый видъ, яркими чертами написанное на утомленномъ лицѣ изнуреніе, грусть тихой улыбки, да, все это выдало бы ее внимательному наблюдателю—только внимательнаго наблюдателя не было! никто не наблюдалъ за нею, ничье вниманіе не озаботилось ея болѣзненнымъ видомъ—всѣмъ было не до него.

Всякій день она ждала Желнина, и чѣмъ болѣе уходило дней съ тѣхъ поръ, какъ онъ не показывался, тѣмъ несомнѣннѣй ждала его Юлія Михайловна. Она просыпалась съ мыслью, что онъ будетъ непремѣнно, одѣвалась старательно, но торопливо, и все казалось ей, что обычный часъ визита пробьетъ тотчасъ, а между-тѣмъ далеко, далеко еще былъ этотъ часъ, и тихо, медленно, нестерпимо ползло лѣнивое утро, убійственно тянулись часы ожиданія. Къ роялю шла она, садилась, но что̀ за мертвыя ноты, что̀ за недостаточные звуки! работа падала изъ рукъ, книга становилась непонятной, сто разъ пробѣгали глаза одну и ту же страницу, ни одно слово не достигало до слуха души ея—тогда она садилась на кушетку, горячей головой прислонялась къ ней и чуткимъ ухомъ слушала, не раздадутся ли знакомые шаги? Слухъ уносился далеко, провожалъ донельзя каждый новый стукъ колесъ, и гасъ стукъ, и утомлялся слухъ,—но подъ окномъ шаги знакомые еще не раздавались.

Иногда цѣлые часы просиживала она въ глубокомъ креслѣ, съ тѣмъ же томительнымъ ожиданіемъ, съ тѣмъ же напряженнымъ слухомъ, съ той же измученной волей, и если задумчивый взоръ ея, блуждая по всей комнатѣ, переходя съ предмета на предметъ, вдругъ падалъ на зеркало, какъ страненъ ей самой былъ блѣдный цвѣтъ ея уто-

мленнаго лица и грустное выраженіе невольной улыбки!

Пора отъ двѣнадцати до трехъ часовъ проходила вся или въ порывахъ лихорадочнаго нетерпѣнія, или въ томительномъ молчаніи совершенной безнадежности. Наконецъ Улимова садилась за столъ, и послѣ обѣда уже не ждала Желнина, дома оставаться не могла, не могла просидѣть получаса глазъ на глазъ съ своими мыслями: она бѣжала самой себя, ее встрѣчали въ обществѣ, она являлась въ общество, гдѣ все было ей чуждо и гдѣ никто не занималъ ея.

Въ-теченіи этихъ нѣсколькихъ дней она два раза была у Натальи Спиридоновны; въ первый разъ не застала вовсе Желнина и ушла, не дождавшись его; во второй, Желнинъ вбѣжалъ очень торопливо, не ожидая, что найдетъ ее, и остановился. Оправясь однако немедленно отъ удивленія, онъ пробормоталъ, что давно они не видались, пожалъ ей очень дружески руку, потомъ досталъ пару свѣжихъ перчатокъ и, объявивъ, что ѣдетъ кататься, изчезъ такъ же быстро, какъ явился. Черезъ нѣсколько минутъ сани Улимовой встрѣтились съ санями баронессы. Баронесса сидѣла съ Линой, Желнинъ стоялъ на запяткахъ, и почтительно наклонясь, слушалъ баронессу, которая повернула голову совершенно назадъ и разсказывала ему что-то съ большимъ жаромъ. Лина сидѣла подавшись въ сторону и не принимая ни малѣйшаго участія въ ихъ разговорѣ. Чудно хорошо было лице Желнина въ эту минуту, темный боберъ шелъ удивительно къ его слегка-подрумяненнымъ морозомъ щекамъ и къ оживленному взору синихъ глазъ. Сани пролетѣли. Но онъ не могъ не замѣтить Юліи Михайловны, и даже не-

смотря на вниманіе, съ которымъ слушалъ баронессу, Улимова поняла по взору, доставшемуся на ея долю, что онъ не только замѣтилъ ее, но можетъ быть въ первый разъ понялъ ее вполнѣ, и въ первый разъ стало свѣтлѣй на сердцѣ у нея.

Случилось, что дня чрезъ два заѣхала къ ней Наталья Спиридоновна и застала ее нездоровои: тутъ только замѣтила старушка, что Улимова очень измѣнилась, какъ-будто перемѣна эта произошла въ одинъ день; но дѣло въ томъ, что надо было нездоровья, чтобы возбудитъ чье-нибудь вниманіе къ ея нехорошему состоянію. По свойственной всѣмъ женщинамъ впечатлительности и необходимости выражать свою впечатлительность не умолкая, Наталья Спиридоновна, возвратясь, не переставала говорить о болѣзни Улимовой, и мало-по-малу болѣзнь эта приняла огромные размѣры въ ея соболѣзнующемъ разсказѣ. Желнинъ удивился, услышавъ отъ тетки, что жизнь Юліи Михаиловны въ опасности; заботливое, почти нѣжное чувство проснулось въ душѣ его, онъ встревожился.

Когда сани его остановились у крыльца Улимовой, она ужъ не повѣрила глазамъ своимъ, потому что ждать его посѣщенія давно перестала. Усталая и слабая, она еще не успѣла приподняться съ своей любимой кушетки, а Желнинъ вошелъ въ комнату и стройный, прекрасный стоялъ передъ ней, улыбаясь.

—Надѣюсь, что пріѣздъ друга васъ не стѣсняетъ, сказалъ онъ, замѣтивъ движеніе, которое она сдѣлала, чтобы перемѣнить мѣсто и позу, и удерживая ее въ томъ же покойномъ положеніи. Пожалуйста лежите. Что это вы расхворались?

Говоря такимъ образомъ, Желнинъ подвинулъ

стулъ для себя къ кушеткѣ, сѣлъ и ласково сжималъ руки Юліи Мнхаиловны въ своихъ.

Она была въ сильномъ смущеніи.

—Я точно больна...—я не знаю......вѣрно простудилась, проговорила она наконецъ, слегка покраснѣвъ.

— Или, можетъ быть, вы измучили себя какими нибудь тревожными мыслями? спросилъ Желнинъ, пристально вглядываясь въ Юлію Михаиловну и улыбаясь. — Признайтесь! вѣдь я знаю васъ, вы мастерица мучить себя пустяками.

— Нѣтъ, вы не совсѣмъ правы; я быть можетъ слишкомъ чувствую мученія, но добровольно себя никогда не мучу! Зачѣмъ искать муки? мука сама собой приходитъ. Точно, бываютъ въ нѣкоторыхъ женщинахъ тѣ болѣзненныя натуры, которыя находятъ наслажденіе въ терзаніи, но у меня, Петръ Дмитріевичъ, натура здоровая, и оттого терзаніе не даетъ мнѣ ни малѣйшаго чувства наслажденія Знаю я цѣну страданій и потому не ищу ихъ; напротивъ, я нѣсколько труслива въ этомъ отношеніи, боюсь страданія и какъ могу бѣгаю его. Конечно, не всегда можно убѣжать!... Эта женщина говорила съ тихой, грустной улыбкой. Слова ея были не безъ горечи, но видъ невольнаго раздумья, но мѣрный, внятный голосъ и недвижный взоръ, остановившійся на самой отдаленной точкѣ комнаты, все вмѣстѣ подѣйствовало на душу слушателя не рѣзко, не ярко, съ мягкостью и медлительностью, вкрадчиво и глубоко.

Замѣтно было, что Юлія Михайловна въ эту минуту совершенно забыла, что ее слушаютъ, потому что она не говорила, она какъ—будто думала вслухъ, а колоритъ, который дума кладетъ на ли-

ца, всегда обаятеленъ, это всегда все тотъ же мягкій и свѣтлый колоритъ незабвеннаго Карла Дольче. Бываютъ минуты, когда слушаешь болѣе глазами, нежели ушами, то есть понимаешь мысль говорящаго по выраженію лица, слова его слушаешь какъ дополненіе: иное слово пролетитъ совсѣмъ мимо слуха, иное попадетъ прямо въ сердце. При такомъ расположеніи слушающаго, слова для него играютъ роль, какую играетъ обыкновенно треугольникъ въ пьесахъ, написанныхъ съ акомпаниментомъ треугольника. Желнинъ совершенно находился въ этомъ странномъ расположеніи, и потому слышалъ Улимову глазами, и глазамъ его Улимова въ этотъ день очень нравилась. Свѣтлая печаль, разлитая во всемъ ея существѣ, дѣлала Юлію Михайловну чѣмъ-то новымъ въ глазахъ Желнина, а можетъ ли быть что либо плѣнительнѣе, увлекательнѣе новости!...

Улимова, замѣтивъ внимательный взглядъ Петра Дмитріеввча, вдругъ опомнилась, процессъ ея размышленій вслухъ немедленно прекратился. Она пріостановилась на мгновенье, и произнесла совсѣмъ-другимъ тономъ, искренней беззаботности:

— Пожалуйста не подумайте, что въ самомъ дѣлѣ я въ этотъ разъ больна отъ нравственныхъ причинъ. Допустивъ даже, что со мной можетъ случиться подобная глупость, никакъ нельзя приписать этимъ причинамъ мое теперешнее разстройство, потому что такихъ причинъ не отыскивается на нынѣшній случай во всемъ запасѣ моей богатой памяти. Представьте, Петръ Дмитріевичъ, я всю эту недѣлю удивительно веселилась: пустилась въ свѣтъ, выѣзжала—вотъ, скорѣе, не это ли утомило меня? И наконецъ, я вовсе небольна, при-

бавила она, вдругъ порывисто вставая съ кушетки и садясь въ кресло. Простите, я нарушила тираннизмъ вашего дружескаго чувства, но я человѣкъ естественный. Въ эту минуту я чувствую себя совершенно здоровой и встаю; чрезъ минуту, если захвораю, обѣщаю вамъ улечься, не стѣсняясь вовсе вашимъ присутствіемъ. Пожалуйста не сердитесь!...

Она протянула ему руку.

Желнинъ не сердился, никогда Юлія Михайловна не казалсь ему такой привлекательной! Въ самомъ дѣлѣ, по всѣмъ признакамъ ее слѣдовало считать совершенно здоровой: яркій румянецъ игралъ на щекахъ, взоръ былъ оживленъ, улыбка выражала тихое, ясное веселье.

— О гордость женская! думалъ Желнинъ, глядя на нее: она не сознается, но любитъ меня, безумно любитъ! Да, вотъ женщина, которая всѣми силами души своей любитъ меня!

И онъ придвинулся къ столу, подперся рукой и съ чувствомъ невозмутимаго счастія глядѣлъ на эту женщину. Онъ вспомнилъ, что съ нею одною привыкъ говорить такъ, какъ ни съ кѣмъ не говорилъ, что рѣчи этой женщины имѣли на его собственныя слова и мысли удивительное вліяніе, что нерѣдко какая нибудь мысль, высказанная ею, вдругъ зажигала въ немъ множество мыслей прекрасныхъ и благородныхъ, существованія которыхъ онъ вовсе въ себѣ не подозрѣвалъ; наконецъ, что всякій разъ, уходя отъ Юліи Михайловны, онъ внутренно считалъ себя человѣкомъ необыкновеннымъ, съ самыми удивительными свойствами необыкновеннаго благородства. А мало ль наслажденія въ такомъ внутреннемъ убѣжденіи! Вспомнилъ онъ, что давно

уже не испытывалъ этого наслажденія, что давно не говорилъ съ этой женщиной, давно не слышалъ, давно очень не видѣлъ ее. Тогда страннымъ ему показалось все, и не вдругъ могъ понять Желнинъ, отчего же такъ долго не приходилъ онъ къ Юліи Михайловнѣ, отчего отлагалъ свое посѣщеніе и какъ могъ прожить въ одномъ городѣ съ ней почти двѣ недѣли и не пришелъ послушать ее, поглядѣть на нее. Смутно приходило ему сознаніе, что онъ даже бѣгалъ Юліи Михайловны—только самолюбіе не позволило утвердительно сказать, что точно онъ стѣснялся встрѣчей съ нею до этой минуты, какъ бы боялся ея проницательности, какъ будто совѣстно ему было, какъ будто виноватымъ чувствовалъ себя....

Но теперь, на душѣ было легко, было свѣтло—хорошо было Желнину! Онъ забылъ, что навѣщаетъ больную, она забыла болѣзнь свою. Оставивъ маленкую гостиную, они перешли въ залу; ужъ свѣчи были поданы давно, чай принесли и унесли; они говорили, смѣялись, о баронессѣ только ни слова. Зачѣмъ вспоминать ее? Юлія Михайловна была счастлива, въ залѣ звучали согласно шаги ихъ, она ходила опираясь на руку Желнина, и ласка была въ каждомъ движеніи ея, въ каждомъ взглядѣ и тихой улыбкѣ. Онъ слушалъ ее и глазъ не сводилъ, чувствовалъ руку ея на своей рукѣ, видѣлъ темные волосы милой головки на-равнѣ съ плечомъ своимъ, курилъ папиросу, разсказывлъ свои убѣжденія, свои взгляды на жизнь, анализировалъ свой собственный характеръ, задумывался на мгновенье и вдругъ предавался порывамъ простодушной, дѣтской веселости.

Если оба умолкали на нѣсколько минутъ, то соб-

ственно для того, чтобы внутренно произносить фразу:—какъ хорошо, что мы одни, какъ хорошо, что никто не вздумалъ пріѣхать сегодня мѣшать намъ!

Никто однако изъ нихъ не проговорилъ этой фразы громко.

Уже маленькая, стройная нога Улимовой едва ступала отъ усталости, а она не замѣчала, и Желнинъ, не выпуская руки ея изъ-подъ своей, продолжалъ курить и ходить чрезъ всю залу, отъ одной стѣны до другой. Дѣйствіе ли усталости, или приливъ минутнаго раздумья, только Улимова ужъ нѣсколько времени молчала. Желнинъ вдругъ остановился.

— А что, сказалъ онъ, не сыграетель вы мнѣ, Юлія Михайловна, моихъ любимыхъ пьесъ?

— Пожалуи, отвѣчала она, и хотѣла идти къ роялю.

— Только вы какъ думаете? спросилъ Желнинъ, удерживая еще ее минуту за руку,—вы этакъ можетъ быть думаете потѣшить меня одной пьеской, да и встать — нѣтъ, этого не будетъ! вѣдь я какъ разслушаюсь, такъ это бѣда просто. Особенно васъ я люблю слушать, помните ли, не разъ мучилъ!

— Я буду играть сколько хотите. Вѣдь я никогда не переставала, пока вы сами не скажете довольно, развѣ устану ужъ слишкомъ.

— Да, я говорилъ довольно потому, что мнѣ становилось жаль васъ, бѣдненькую! Знаете ли что, всегда настоящимъ моимъ докторомъ бывали вы, и не разъ заставляли меня подумать, что иногда право не мѣшаетъ быть больнымъ, то-есть есть еще родъ счастія, который можно только испытать бу-

лучи больнымъ. Бывали минуты, когда подлѣ себя я кромѣ васъ и тетушки Натальи Спиридоновны никого бы не хотѣлъ видѣть.

Тутъ Улимова пристально на него посмотрѣла.

— Неужели никого? спросила она, въ первый разъ не ясно намекнувъ этимъ вопросомъ на отношенія его къ баронессѣ.

Желнинъ понялъ.

— Знаете ли, проговорилъ онъ съ смущеніемъ, я многаго не понимаю и часто думаю, не сатана ли самъ вмѣшался въ это дѣло! Зачѣмъ я встрѣтилъ васъ послѣ нея? и именно въ ту минуту, когда душа моя была полна чувства къ ней? если бы встрѣтилъ я ее послѣ васъ, то положеніе мое было бы ясно, и она совсѣмъ не ту роль играла бы въ моей жизни....

Въ это время они стояли уже у открытаго рояля. Желнинъ взялъ кипу нотъ. Вотъ Gondolier Мендельсона, вотъ cabaletta изъ Ломбардцевъ, вотъ весь Эрнани—вы должны мнѣ сыграть все это по порядку, потомъ еще, и еще, да изъ Эрнани какъ можно побольше, а тамъ что хотите, только начинайте!...

Говоря это, онъ отодвинулъ табуретъ, подвелъ къ нему Улимову съ приличной важностью и нѣжно поцѣловалъ у ней руку. Она развернула ноты.

— Постойте, не начинайте! я не люблю стучать, когда вы играете. Онъ принесъ себѣ стулъ, поставилъ у рояля, и въ самой покойной и задумчивой позѣ приготовился слушать музыкантшу.

Давно уже не видѣла Юлія Михайловна ни этой нѣжности, ни этого вниманія. Раза два за все время ея любви былъ въ немъ подобный проблескъ, но такъ давно, и такъ хорошо пріучилъ онъ ее встрѣчать одну холодность, видѣть наблюдатель-

ный взглядъ, слышать порой ѣдкую колкость, что каждое слово, сказанное имъ въ этотъ вечеръ, падало бальзамической каплей на ея сердце. А между тѣмъ, затаившееся на днѣ самаго этого сердца убѣжденіе говорило ей, что все это такъ, вліяніе какой-то счастливой минуты, особенное настроеніе его души, которое пришло нечаянно, уйдетъ безпричинно, и въ самомъ счастьи ея, ей было грустно. Она была растрогана, слушала и не вѣрила, глядѣла на Желнина и, встрѣчая взглядъ ласки и любви, спрашивала себя—не сонъ ли это? Прежде нежели Улимова начала играть, она еще разъ повернулась посмотрѣть на Желнина, и увидѣла его со сложенными крестообразно на груди руками, съ привѣтливой улыбкой, съ недвижно-устремленнымъ на нее ласкающимъ взоромъ.

— Ну, другъ, начинайте же, проговорилъ онъ тихо.

Невольно она взяла его руку и крѣпко пожала.

— Какой вы добрый сегодня! произнесла она отъ души.

— Такъ я сегодня добрый, а не странный? спросилъ онъ, отвѣтивъ на ея пожатіе; значитъ, вы мной довольны?

— Я сегодня счастлива, сорвалось у ней нечаянно съ языка. Она смутилась, и чтобы одолѣть смущеніе, стала играть.

Юлія Михайловна въ самомъ дѣлѣ была замѣчательная артистка, а въ этотъ вечеръ играла съ особеннымъ чувствомъ и одушевленіемъ, да и Желнинъ былъ расположенъ находить въ этотъ вечеръ прекраснымъ все, что̀ бы она ни сдѣлала.

Онъ слушалъ ее съ видимымъ наслажденіемъ и восторгомъ.

Сыгравъ раза два кряду, по просьбѣ его, изъ Эрнани сцену перваго выхода баритона и квартетъ, Улимова остановилась. Желнинъ нагнулся къ ней, взялъ обѣ ея руки въ свои и, чуднымъ взглядомъ вглядываясь въ глаза ея, говорилъ:

— Я бы могъ быть счастливъ, очень счастливъ! Но зачѣмъ судьба на дала вамъ, при вашемъ талантѣ и бродячей жизни артистки, и того положенія, которое, дѣлая талантъ вашъ достояніемъ публики, даетъ вамъ особенныя права жизни? Я бы все бросилъ, все оставилъ и былъ бы всюду съ вами. Хоть въ качествѣ секретаря вашего, или господина, который продаетъ билеты и развозитъ афиши, я бы смѣлъ ѣздить съ вами изъ города въ городъ, быть всегда вмѣстѣ—и былъ бы счастливъ. Какъ вы думаете, вѣдь это хорошо бы было?..

Юлія Михайловна ничего не отвѣчала, только крѣпко сжала его руки и встала съ пылающими щеками; подъ длинными рѣсницами ея кружились слезы.

— Да неужели онъ любитъ меня! подумала она, не довѣряя сама слышанному, не смѣя отдаться чувству счастія, которое огнемъ своимъ охватило всю ея душу.

Она сѣла въ менѣе-освѣщенномъ углу комнаты, прислонилась къ спинкѣ дивана и закрыла глаза. Черезъ минуту Желнинъ сѣлъ подлѣ.

— Вы устали, бѣдненькая? спросилъ онъ, цѣлуя руки Юліи Михайловны. Я утомилъ васъ, забылъ совсѣмъ, что вы больны, и заставилъ играть васъ такъ долго.

— Да, я точно немного устала, отвѣчала Улимова, только сегодня мнѣ хорошо, мнѣ даже очень хорошо!..

И послѣ этого наступило молчаніе. Мѣрные удары колокола, пробившаго двѣнадцать, вывели Желнина изъ задумчивости; онъ вздохнулъ и всталъ.

— Зачѣмъ давно вы не прогнали меня? спросилъ онъ Улимову съ упрекомъ, — больная вы, вамъ спать пора, а я сижу и утомляю васъ. До завтра, мой другъ!

— Какъ, вы будете завтра? проговорила она недовѣрчиво.

— И завтра, и послѣ завтра, и всякій день.... Онъ уходилъ. Въ дверяхъ онъ обернулся еще разъ и долгимъ взоромъ поглядѣлъ на нее. Будьте здоровы! было его послѣднее слово, со звукомъ этого слова осталась въ памяти Улимовой такая милая, полная ласки улыбка, а воспоминанье этой улыбки вызывало воспоминанье этого человѣка, и вся стройная, прекрасная фигура Желнина рисовалась безпрестанно передъ ея глазами.

Ей захотѣлось жить, захотѣлось на завтра же быть совершенно-здоровой, и она легла, силилась заснуть, только мысль задремать не могла, но не о радостахъ отвѣтнаго чувства говорила она Юліи Михайловнѣ.

— Нѣтъ, завтра онъ не придетъ, говорила себѣ Улимова. Все это было такъ, вліяніе минуты! четыре года я молчаливо борюсь за него, потому что все оспариваетъ его у меня: и первый снѣгъ, и новая опера, и каждое новое знакомство, и много, много кой-чего, кромѣ боронессы Ш**. Минута обманутаго ожиданія, усталости, неудачи, или скука приводитъ его ко мнѣ, тогда въ немъ проблескъ нѣжности, тогда онъ добръ, какъ будто любитъ, какъ будто понимаетъ меня; но я безсильна удержать его въ такомъ расположеніи, и одного этого не

пытаюсь никогда. Пускай...... Пусть тѣшитъ жизнь его по-своему, ему игрушки ея, ему блестки... Да, онъ самъ обманывается, онъ завтра не придетъ! Онъ благороденъ, такъ благороденъ, что если бы лучше понималъ себя, то не обѣщалъ бы прійдти завтра, онъ произвольно не обманетъ никого. Вотъ душа благородная, безкорыстная, онъ самъ не знаетъ, сколько чудныхъ качествъ въ немъ. Онъ вѣритъ въ добродѣтель баронессы, и оттого до такой степени подъ вліянемъ этой женщины, онъ не понимаетъ притворства—это свѣтлая, чудная натура! Я бы могла сорвать маску съ баронессы.... Нѣтъ, къ чему разочаровывать его, разбивать мечты.... Къ тому же, я поставлена въ такое положеніе, онъ знаетъ, что я люблю его. Что это онъ говорилъ сегодня мнѣ? Нѣтъ, онъ самъ себя обманываетъ! Не въ первый разъ мнѣ казалось, что онъ любитъ меня, но это такъ, обманъ, это самообольщеніе души. Меня не могутъ любить тѣ, которыхъ я люблю..... Меня любить не ищутъ, пробуютъ только какъ заставить себя полюбить! На что я имъ, на что я имъ всѣмъ?... по крайней мѣрѣ этотъ одинъ не искалъ меня, и любитъ хоть минутами. Но завтра онъ не придетъ.... а можетъ быть....Сегодня однако я была счастлива!

Такъ рвалась и вытягивалась нить мыслей Юліи Михайловны, тянулась и снова рвалась, только не запутывалась ни разу, а все шла извѣстнымъ путемъ горькой оцѣнки каждаго положенія, каждой жизненной встрѣчи, каждаго чувства, выпадавшаго на долю этой женщины. Какъ женщина, она не углублялась далеко въ изученіе людей, знала ихъ только въ примѣненіи къ своей жизни; нось этой стороны знала ихъ слишкомъ хорошо, и го-

речь души ея высказывалась невольно при каждомъ анализѣ отношеній своихъ къ самымъ дорогимъ предметамъ чувствъ.

Однако Улимова ошиблась, Желнинъ пришелъ на другой день, и еще на другой, и почти цѣлую недѣлю ходилъ всякій день. Иногда онъ заставалъ у ней общество, знакомое читателю: тогда недоброе что-то проявлялось въ немъ снова, онъ остановился холоднѣе Гриневича, безпощаднѣе Тименецкаго, и явно смѣялся надъ пылкостью Салынина. Но болѣе всѣхъ доставалось Юліи Михайловнѣ отъ него въ подобныя минуты; почти вся холодная злость, вся насмѣшливость была обращена на нее, и между тѣмъ онъ приходилъ чаще прежняго, и проблески нѣжности, и порывы ласки, когда случалось оставаться ему съ Улимовой съ глазу на глазъ, вознаграждали ее вполнѣ за горечь странныхъ выходокъ его при другихъ.

Ни разу не позволила она себѣ спросить у Желнина тайну такого обращенія, старалась истолковать все всегда въ его пользу, въ пользу этого *благороднаго* характера и способности понимать ее, не сомнѣваться во всей силѣ и великости чувства ея, думала, что онъ боится допустить ее выдать себя общему вниманію и суду и дѣйствуетъ потому такимъ образомъ, будитъ ея гордость безпрестанно и какъ бы эту самую гордость заставляетъ быть вѣчнымъ стражемъ ея любви.

Но какъ Желнинъ, оставимъ мы Улимову и, какъ Желнинъ, возвратимся вновь къ баронессѣ; или лучше послѣдуемъ за нимъ въ ея блестящій, дышущій роскошью домъ, который не былъ ни забытъ имъ, ни оставленъ, не смотря на ежедневныя посѣщенія Юліи Михайловны. Иногда ему бывали

въ тягость часы, проводимые въ таинственномъ будуарѣ, подлѣ молчаливой Лины и возбуждающей всеобщее поклоненіе блистательной баронессы; но онъ по привычкѣ являлся, онъ не могъ пренебречь ея мнѣніемъ, онъ боялся подозрѣній, отъ которыхъ не могъ отдѣлаться не оправдавшись. Однако проницательная, осторожная баронесса забыла видно осторожность свою, забыла бдительность свѣта, потому-что не только не удерживала Желнина отъ слишкомъ частыхъ визитовъ, но даже требовала ихъ.

А свѣтъ, свѣтъ былъ ея кумиромъ, ея судьей, людскіе толки пугали ее! не для свѣта ли была она такой удивительной женой, такой примѣрной матерью? И людскіе толки ни разу не встали еще противъ нея, и общій голосъ раздавался всегда въ ея пользу. Она медленно, осмотрительно, прилежно воздвигала хитрое зданіе своего свѣтскаго значенія, и считала его упроченнымъ, ненарушимымъ, она думала, что общее довѣріе къ ней такъ сильно, что люди увидятъ и не повѣрятъ глазамъ своимъ, услышатъ и подумаютъ, что слухъ обманулъ ихъ.

И чтожъ? частое присутствіе Желнина въ ея домѣ ужъ подняло неясный шопотъ полузаключеній. Услужливые друзья передали нѣсколько толковъ—и баронесса поблѣднѣла, баронесса струсила. Она не спала нѣсколько ночей кряду и чуть не заболѣла, придумывая средства разубѣдить свѣтъ въ его заключеніяхъ. Сильная борьба происходила въ тщеславной душѣ этой женщины, и умъ ея заботливо трудился. Она могла холодностью своей и перемѣной обращенія удалить вдругъ Желнина, но слишкомъ была умна баронесса для того, чтобы

не понять, что этимъ она не уйметъ людскихъ толковъ и что поднимутся они еще съ большей силой, что явный разрывъ, что ярая перемѣна подтвердятъ заключенія, сдѣланныя уже на счетъ ея отношеній къ Желнину. И тогда какое направленіе приметъ вниманіе общества, обращенное на ея семейную жизнь? не найдетъ ли баронъ участія, а она порицанія? не распадутся ли стѣны, за которыми скрывались до-сихъ-поръ нѣкоторыя ея домашнія тайны, не погибнетъ ли все? А передъ ней ужъ нѣтъ той богатой будущности, той молодой жизни, того запаса на многіе годы ея блистательной красоты,—не такъ широкъ и дологъ уже жизненный путь, котораго большая часть пройдена съ искуствомъ и трудомъ.

Желнину она разъ всего сказала, что на нихъ обращено вниманіе, что вышли какія-то сказки, глупости—но и это она сказала сгоряча, по первому впечатлѣнію услышаннаго ею, не обдумавъ еще дальнѣйшаго плана дѣйствій, заговорила она съ досадой потому только, что была слишкомъ взволнована.

Желнинъ былъ пораженъ удивленіемъ, пораженъ ея тревогой; хотѣлъ спросить, сказать что-то, но ему было неловко разсуждать съ баронессой, и онъ ждалъ, что̀ далѣе скажетъ она. Баронесса задумалась на минуту, странная мысль пришла ей—она подавила мгновенно въ себѣ чувство досады и тревоги, просила Желнина забыть сказанное, улыбнулась, и никогда еще не была съ нимъ такъ привѣтлива, мила, ласкова, какъ въ этотъ день. Иногда глаза ея останавливались съ страннымъ выраженіемъ то на Линѣ, то на Желнинѣ: она говорила много, много въ пользу прекрасныхъ свойствъ своей

дочери, пока заставляла ее играть и слушала внимательно.

— Скажите, спросила она разъ, обращаясь къ Желнину подъ звуки бетховеновой сонаты, которая постепенно затихала подъ пальцами Лины, скажите мнѣ, вы бываете часто у Улимовой: правдаль, что она прекрасная музыкантша?

Желнинъ не ожидалъ этого вопроса и потому вздрогнулъ.

— Она играетъ съ большимъ чувствомъ, отвѣчалъ онъ нерѣшительно.

— Съ чувствомъ! что значитъ играть съ чувствомъ? Эта итальянская музыка, гдѣ на всякомъ шагу вы слышите *amore* и *cuare*, эти переходы изъ совершеннаго piano въ forte fortissimo, эта пѣвучесть, тягучесть почти приторная, все это вы называете музыкой? Любитъ ли она нѣмецкую школу?

— Не знаю, право, я не говорилъ съ ней объ этомъ. Впрочемъ, не я одинъ считаю ее хорошей музыкантшей, такъ всѣ говорятъ.

— О, и я не отнимаю у ней ея достоинствъ, но только итальянская музыка—не музыка по-моему! Это игрушка, мишура, много говоритъ воображенію, мало уму. Вотъ Лину я не могла никогда заставить заняться итальянской музыкой, для ея серьезнаго ума и образованнаго вкуса итальянская музыка ничто, менѣе нежели ничто....

Желнинъ невольно посмотрѣлъ на Лину.

— Точно ль она такая музыкантша, такъ умна, съ такимъ образованнымъ вкусомъ? подумалъ онъ. Когда Улимова играла, онъ чувствовалъ, что музыка есть нѣчто прекрасное, чудно настроивающее душу, а Лину онъ слушалъ и—могъ бы не слушать.

Но онъ ли виноватъ, его ли невѣжество, или отсутствіе чувства въ Линѣ? онъ ли не проникъ тайнъ серьезной музыки, или Лина не проникла тайны шевелить душу слушателя?

Желнинъ начиналъ думать, что онъ невѣжда, и краснѣлъ за свое невѣжество.

Съ этого дня баронесса чаще всего говорила съ нимъ о Линѣ, любимымъ предметомъ разговора ея сдѣлалась Лина.

О толкахъ, о пересудахъ, о всемъ, встревожившемъ баронессу и относившемся отчасти къ Желнину, не было болѣе помина. Вниманіе баронессы къ нему было такъ же велико, только оттѣнокъ вниманія незамѣтно измѣнился, и оттѣнокъ былъ совсѣмъ другой. Частыхъ посѣщеній его она не только не боялась, но даже ихъ требовала.

Изрѣдка въ рѣчахъ баронессы попадались намеки на особенную любовь отца къ Линѣ, говорилось объ особенной заботливости барона упрочить состояніе Лины, описывалась красота Ольховки, ея устройство, ея доходы. Но ловко и вскользь говорила баронесса о подобныхъ предметахъ, ловко и незамѣтно прививалась къ воображенію молодаго человѣка мысль, что эта дѣвочка, молчаливая, серьезная и холодная—*богатая невѣста*, что когда Лина покажется въ свѣтъ, ее встрѣтитъ вниманіе, ее окружитъ толпа, въ ней станутъ искать достоинствъ,—и непремѣнно найдутъ ихъ. Баронесса говорила, что только ждетъ начала бальнаго сезона, чтобы показать обществу свою дочь. И странно, съ тѣхъ поръ, какъ такой странный свѣтъ пролился на Лину, Желнинъ пересталъ обращаться съ ней какъ съ полуребенкомъ, не позволялъ себѣ шутить непринужденно, какъ прежде, какъ недавно еще.

Эмма Васильевна часто старалась заставить Лину разговориться съ ней и Желнинымъ, но неизмѣнно серьезна и холодна, почти сурова была молодая дѣвушка, отвѣчала отрывисто, и на блѣдномъ лицѣ ея никто бы не подмѣтилъ одушевленія, никто не прочелъ бы, что̀ таилось въ душѣ, и даже таилось ли тамъ что-нибудь.

Для самой баронессы, которая такъ старалась приблизить къ себѣ дочь, Лина оставалась такой же загадкой, какъ для другихъ. Разъ случилось подмѣтить ей одушевленіе въ лицѣ Лины: нечаянно вошла баронесса въ комнату мужа и застала Лину на скамеечкѣ у ногъ Антона Карловича. Подпершись обѣими руками, она внимательно слушала барона, а баронъ ей разсказывалъ, какъ современемъ она будетъ богата, какая оранжерея въ Ольховкѣ, какую мебель туда готовятъ и какихъ лошадей, карету и фаэтонъ припасъ онъ ей заблаговременно. Отецъ и дочь смутились приходомъ баронессы, которая вошла однако не прежде, какъ выслушавъ почти всю рѣчь мужа, отъ начала до конца, изъ сосѣдней комнаты, и даже слышала она, какъ Лина спросила у него—будетъ ли въ Ольховкѣ особенная комната для ея куколъ, и захлопала руками, получивъ въ отвѣтъ, что заказана маленькая мебель на всю комнату, такая же щегольская, какъ въ ея будуарѣ, и что о ея куклахъ позаботились. Въ эту минуту вошла баронесса, Лина вскочила со скамейки и, опустивъ глаза, подошла къ матери, баронъ тоже выпрямился нѣсколько въ креслѣ.

Эмма Васильевна чувствовала свое значеніе, свое могущество, но за то такъ ничтожны показались ей въ эту минуту единственныя существа, которыя были близки, были связаны съ ней навсегда,

что она тяжело вздохнула. Она однако ласково поцѣловала дочь, спросила у барона, видѣлъ ли онъ приказчика, сказала что-то о томъ, что пора начинать полевыя работы, и чтобы баронъ не забылъ передать это приказчику, потомъ увела Анну съ собой, напомнивъ ей, что она никогда не кончитъ начатой копіи съ большаго пейзажа.

Повидимому баронесса совершенно успокоилась насчетъ людс ихъ толковъ, возникшихъ по поводу частыхъ посѣщеній Желнина; или пренебрегла ими, потому что чаще и смѣлѣе прежняго стала она показываться съ нимъ и болѣе прежняго въ обществѣ оказывала ему вниманія.

Все это происходило въ то самое время, когда такой оборотъ приняли отношенія его съ Улимовой, когда вдругъ чувство нѣжной привязанности къ этой любящей женщинѣ посѣтило его душу. Желнинъ былъ увлеченъ, былъ нѣсколько поглощенъ на ту пору вспышкой, возвратомъ своего чувства къ Улимовой и потому не замѣчалъ, что обращеніе баронессы съ нимъ на единѣ, оставаясь такимъ же короткимъ, обаятельно-ласковымъ какъ прежде, имѣло однако другой оттѣнокъ. Иногда ему хотѣлось спросить Э му Васильевну—утихлиль толки, не говорятъ ли чего о немъ, о нихъ, но боязнь показаться смѣшнымъ, самонадѣяннымъ, но тактъ, этотъ врожденный та тъ, развитый въ немъ осторожностью и наблюдательностью, удерживалъ, къ-счастью, его нескромный вопросъ. Присутствіе баронессы, бесѣды съ ней не волновали его какъ прежде, но судъ этой женщины, но боязнь ея мнѣнія, но ея прозорливость, насмѣшливость, но строгость взглядовъ держали, не менѣе прежняго, Желнина подъ особеннымъ вліяніемъ ея.

Какія были ея намѣренія, что родилось въ умѣ ея? Кто разгадалъ бы это? Внимательнѣе наблюдало общество баронессу, но она съ спокойствіемъ совершенной невинности выносила эти наблюденія. Одна она знала, что̀ изъ этого выйдетъ.

Баронесса заперлась на цѣлый день.

Желнина не приняла, Лину отпустила кататься съ отцомъ; вечеромъ сидѣла она, сложа руки, молчала, и все старалась держаться подальше отъ лампы: глаза ея были красны. Ночь прошла безпокойно, и на другой день Желнинъ замѣтилъ, что она была нѣсколько блѣдна, какъ-будто года два прибавилось вдругъ къ прожитымъ ею годамъ.

Онъ сѣлъ на указанный ему стулъ и молчалъ; онъ чувствовалъ, что баронесса на него смотритъ, ему становилось неловко. Не зная что дѣлать, онъ обратился къ Линѣ, заговорилъ съ ней, несмотря на то, что она очень неохотно отвѣчала. Но и говоря съ Линой, онъ чувствовалъ, что глаза баронессы не покидаютъ его, и только съ него переходятъ на черную, кудрявую голову молодой дѣвушки, задумчиво глядятъ на ея блѣдное, серьезное лице.

Что̀ происходило въ головѣ баронессы, какія мысли занимали ее въ эту минуту—онъ отгадать не могъ, но въ головѣ его тоже зашевелилась забота, собрались мысли, и свинцовымъ вѣнцомъ своимъ нажали его мозгъ. Разговоръ не клеился. Лина воспользовалась первой минутой совершеннаго молчанія, чтобы уйдти къ отцу.

Баронесса и Желнинъ остались съ глазу на глазъ.

Она поднялась, она стала ходить по комнатѣ, не говоря ни слова; положеніе Желнина съ минуты на минуту становилось затруднительнѣе. Наконецъ

она сдѣлала надъ собой усиліе, подошла къ Желнину, поглядѣла на него и улыбнулась. Онъ ждалъ.

— Меня заботитъ мысль, меня гнететъ тайна, проговорила она тихо. Вы конечно ужъ поняли это?

— Да, я вижу, что съ вами произошло что-то новое.

— Я сдѣлала открытіе.

— Открытіе?

— Да, и не знаю, должна ль сообщить его вамъ. Впрочемъ оно бы пугало меня болѣе, если бъ я должна была говорить кому-нибудь другому подобныя вещи, а не вамъ.... Тутъ баронесса пристально на него поглядѣла. Но вы...... Я понимаю въ васъ человѣка съ душей, съ благородствомъ, съ натурой не дюжинной, и вы меня поймете.

Она задумалась и молчала, будто пріискивала слова для выраженія столпившихся въ головѣ ея мыслей. Желнинъ ждалъ.

Баронесса стояла передъ нимъ, высокая и величественная; въ глазахъ ея было странное выраженіе, тонкія губы сжаты крѣпко, и матовая блѣдность разлита во всемъ лицѣ. Въ ней происходила борьба—это очевидно, но борьба утихала, и то тяжкое спокойствіе, которое даетъ намъ усталость, заступало ея мѣсто. Тщеславіе дало силы. Эмма Васильевна ждала только, чтобы унялась нервная дрожь, отъ которой зубы ея стучали какъ въ лихорадкѣ, она боялась, что дрожаніе голоса измѣнитъ ей. Желнинъ сидѣлъ прикованный взглядомъ ея къ своему стулу, и не пошевелился, когда рука баронессы легла на его плечо.

— Послушайте, сказала она, вглядываясь въ него проницательно; поняли ль вы мою привязанность къ вамъ?

Вмѣсто отвѣта, онъ поцѣловалъ руку, лежавшую на его плечѣ.

— Но какъ вы ее поняли? спросила она ужъ съ большей твердостью.

— Какъ? Я гордился внутренно ею, отвѣчалъ тихо Желнинъ.

— Нѣтъ, не то..... Хотя я вѣрю въ симпатію, но не разъ спрашивала себя—нѣтъ ли какого-нибудь замѣчательнаго основанія моей симпатіи къ вамъ? Мнѣ хотѣлось открыть причину этого чувства, нѣжнаго и заботливаго, которое съ нѣкоторыхъ поръ наполняло душу мою къ существу мнѣ совершенно-постороннему. Это чувство невольно выводило меня изъ тѣснаго круга моей жизни, жизни, заключенной такъ давно-давно въ домашнихъ, семейныхъ моихъ обязанностяхъ, отданной долгу—и потому я должна была спросить себя—чѣмъ были вы для меня? Вы занимали порядочное мѣсто въ сердцѣ моемъ, но почему я дала его вамъ? На этотъ вопросъ я долго не могла найдти отвѣта. Признаться ль вамъ, Желнинъ, продолжала баронесса тономъ довѣрчивости, садясь подлѣ него и придвигая поближе свое кресло,—вы молоды, вы хороши, и чувствуя, что вы становитесь близки моему сердцу, я пугалась; сознаніе, что вы не посторонній для меня, не чужой, меня иногда тревожило, смущало, но теперь и смущеніе мое, и тревоги смѣшны мнѣ. Есть отвѣтъ на задруднявшій меня вопросъ, есть истолкованіе моему влеченію къ вамъ, я васъ любила *по предчувствію*.

— Право, я не понимаю.... произнесъ Желнинъ.

— О, вы поймете, или я васъ не поняла, сказала баронесса съ чарующей лаской въ голосѣ и взорѣ.

— Пожалуйста говорите, воскликнулъ Желнинъ. Непонятная тревога начинала уже овладѣвать имъ.

— Прежде нежели я начну говорить, вы мнѣ дадите слово,—она взяла его за руку—вы мнѣ дадите слово, которому ни за что не измѣните.

— Мое слово неизмѣнно, перебилъ ее гордо Желнинъ.

— Я была убѣждена. Итакъ вы мнѣ дадите слово, что если вы не сдѣлаете изъ моего открытія того употребленія, которое бы доставило счастье *не мнѣ одной,* тогда.... тогда вы забудете его, и забудете такъ полно, такъ совершенно, что никогда вамъ самимъ ничто о немъ не напомнитъ.

— Я исполню ваше желаніе, или забуду о немъ, сказалъ съ нѣкоторой торжественностью Желнинъ.

— Скажите, какого мнѣнія вы о Линѣ? спросила вдругъ баронесса, поднявъ на него свои голубые глаза съ удивительнымъ спокойствіемъ и ясностію.

— Я не могу быть безпристрастнымъ судьей, проговорилъ онъ — привычка часто видѣть, сближеніе, наконецъ достоинства ея внушили мнѣ привязанность къ ней и сдѣлали её для меня лицомъ вовсе непостороннимъ....

— Тѣмъ лучше! воскликнула баронесса съ живостью. Но видите ли, ея молчаливость, ея серьозность, несообщительность, могли привесть васъ къ ошибочному заключенію насчетъ характера этой дѣвушки. Да, она ужъ не дитя! Я не говорю объ умѣ ея, которой и образованъ болѣе нежели того быть можетъ требуетъ тѣсная женская жизнь, но и сердце ея открыто для чувства, способно понимать, любить. Что скажете вы, если узнаете, что слишкомъ много мѣста заняли вы въ этомъ сердцѣ?

Въ этой женщинѣ было столько такта, что она не посмотрѣла на Желнина въ ту минуту, когда предлагала ему такой щекотливый вопросъ, иначе она бы замѣтила, что легкая блѣдность покрыла на мгновеніе прекрасное лицо молодаго человѣка и что ему стоило нѣкотораго усилія превозмочь тягостное впечатлѣніе, произведенное на него открытіемъ баронессы.

— Бѣдный ребенокъ! продолжала баронесса, тономъ тихой и полной довѣрчивости—она думаетъ, что любовь преступленіе. Она не говоритъ съ матерью, для которой весь міръ, вся жизнь въ счастьи этого ребенка, у ней есть безмолвные повѣренные—это ея куклы! Но если бы вы слышали, какимъ пламеннымъ и поэтическимъ языкомъ описываетъ она имъ свое чувство, какъ говоритъ о васъ, какія картины рисуетъ! Это любящее, это чувствующее сердце открыто для жизни, готовое понять любимаго и создать для него міръ нѣжности и угожденія. Она тронула меня, и теперь то поняла я вполнѣ, почему куклы занимаютъ ее еще такъ сильно. Лина моя дика и застѣнчива. Кто знаетъ, какъ давно ужъ это сердце любитъ и ищетъ возможности изліяній, но боится осужденія, боится высказаться! а мы съ вами приписывали это остаткамъ ребячества, объясняли привычками дѣтскаго возраста, и удивлялись ей. Два дня тому назадъ я вслушалась въ ея рѣчи, рѣчи, обращенныя къ кукламъ, и поняла одушевленіе, которое не разъ мы съ вами подмѣчали въ лицѣ ея. Если бы чувство ея было обращено не къ вамъ, я бы кажется испугалась; но тутъ, сама не знаю—не должналь я радоваться этому? Вы привязаны ко всѣмъ намъ… Кто знаетъ….. быть можетъ и ваше сердце оцѣ-

нило Лину, и вы далеки равнодушія.... Я не слѣдила за вами, и съ этой стороны я вовсе не знаю васъ.

Баронесса заключила рѣчь свою вопросительнымъ взглядомъ.

Нѣсколько секундъ Желнинъ сидѣлъ въ онѣменіи, но долго молчать было неловко.

Онъ постарался сообразить съ возможной быстротой свое положеніе и все услышанное имъ отъ баронессы. Ему въ глаза ярко блеснула барская жизнь, которую поведетъ онъ, сдѣлавшись помѣщикомъ Ольховки, онъ зналъ, что у Лины кромѣ того есть значительный капиталъ и наконецъ у баронессы прекрасныя связи, сама она пользуется значеніемъ, завиднымъ положеніемъ...... Желнинъ почтительно поцѣловалъ у ней руку.

— Я не обману вашего довѣрія, сказалъ онъ. Оно мнѣ льститъ, и болѣе.... оно меня дѣлаетъ счастливымъ, потому что я.... я говорилъ вамъ уже, что я далекъ равнодушія къ Линѣ. Но увѣрены ли вы? и наконецъ баронъ будетъ ли смотрѣть на все это согласно съ вашими взглядами?...

— Для барона равно какъ и для меня счастье дочери выше всякихъ соображеній, всякихъ предположеній будущаго, и потому я у васъ спрошу только—увѣрены ли вы, что составите счастіе Лины? будетъ ли она по крайней мѣрѣ главной заботой вашей?

Баронесса была серьозна, спокойна, важна.

Желнинъ, какъ всегда подчиненный ея вліянію, не удивлялся ничему, все прежнее исчезло передъ нимъ въ эту минуту.

— За кого вы меня принимаете, баронесса? спросилъ онъ нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Тсъ! баронесса закрыла ему ротъ рукой. Не оскорбляйтесь понапрасну и простите излишнюю заботливость материнскаго чувства.

Помолчавъ съ минуту, эта женщина тихо произнесла: И такъ, моя маленькая Лина будетъ счастлива!... Она повидимому впала въ задумчивость.

Ей хотѣлось отдохнуть послѣ этого разговора, и она закрыла глаза. Желнинъ всталъ. Ему тоже хотѣлось остаться съ собой наединѣ, заглянуть въ будущее болѣе свободнымъ взглядомъ, оцѣнить настоящее, окинуть взоромъ прошедшее.

Баронесса услышала шумъ, который онъ произвелъ вставая.

— Куда вы? спросила она. Сегодня я не позволю вамъ говорить съ Линой, приходите завтра. Я приготовлю барона и переговорю съ вашей *невѣстой.*

Слово невѣста не совсѣмъ пріятно поразило слухъ его.

— Вы утомлены...... пробормоталъ онъ.

— Да, разстанемся, обоимъ намъ не мѣшаетъ отдохнуть, сказала баронесса, сжавъ его руку.

Потомъ было видно, что какая то мысль еще пробѣжала въ ея головѣ. Желнинъ былъ уже на порогѣ, но голосъ баронессы воротилъ его.

— Желнинъ, сказала она, подите сюда! Убѣждены ли вы, что будете счастливы? вѣдь это на всю жизнь! Забудьте, что передъ вами мать вашей невѣсты. Мы одни, еще есть время.

Этотъ поступокъ, эти слова показывали, до какой степени ее оставила вдругъ вся ея воля. Она почувствовала, что ея рукой скована будущность этого человѣка, что его опутала она, что дала вдругъ окончательное направленіе цѣлой жизни,

жизни молодой, долгой, съ богатыми правами на все лучшее, и жаль ей стало, совѣсть заговорила вдругъ. Ей почти захотѣлось въ эту секунду, чтобы Желнинъ отказался; она давала ему средство перемѣнить все, что̀ за минуту съ такимъ стараніемъ устроила. Конечно, это мгновенное движеніе души было проблескомъ подавленнаго чувства, оно бы погасло быстро и оставило бы за собой сожалѣніе, но Желнинъ спасъ ее отъ нея самой.

— Я буду счастливъ, отвѣтилъ онъ съ увѣренностью и вышелъ.

Все опять погасло въ душѣ баронессы, она поздравила себя внутренно съ полнымъ успѣхомъ своихъ предпріятій, все исчезло для нея кромѣ возстановленія ея правъ на общественное вниманіе, удивленіе, поклоненіе: кредитъ этой женщины былъ спасенъ, положеніе ея уцѣлѣло и она была довольна.

Баронесса, проходя мимо зеркала, остановилась посмотрѣть на себя и улыбнулась. Переводчика для этой улыбки не нашлось бы, значенія ея никто бы не постигъ, но странно озарила своимъ холоднымъ блескомъ эта улыбка утомленное, покрытое блѣдностью лицо баронессы.

Она услышала шаги Лины, и вдругъ измѣнилось выраженіе лица. Но она чувствовала, что на этотъ разъ не въ состояніи долго выдерживать трудную роль кроткаго, яснаго спокойствія и неутомимаго вниманія, прикованнаго къ каждому слову, къ каждому движенію дочери, вниманія нѣжнаго и заботливаго; столкнувшись въ дверяхъ съ Линой, баронесса ограничилась тѣмъ, что поцѣловала ее молча въ блѣдный лобъ и ушла на свою половину.

Лина и баронъ приняли извѣстіе *о предложеніи Желнина* съ удивительнымъ спокойствіемъ. На во-

просъ баронессы, нравится ль Желнинъ Линѣ? Лина отвѣчала, что Петръ Дмитріевичъ ей очень нравится, и изъявила готовность выйдти за него замужъ, «если maman находитъ, что они будутъ вмѣстѣ счастливы.» Вечеромъ она дала поцѣловать руку Желнину, играла очень долго по его просьбѣ и на другой день начала для него масляными красками копію какой-то большой картины и подушку по канвѣ. Она имѣла намѣреніе современемъ сдѣлать акварельный портретъ своего красиваго жениха.

Баронесса стала заниматься немедленно приданымъ дочери; со всѣхъ сторонъ собирались швеи и бѣлошвейки, въ домѣ кроили, шили, въ будуарѣ по стульямъ и на диванѣ лежали кусками матеріи по цѣлымъ днямъ, въ дѣвичьей нитки и лоскутки валялись по полу. Баронесса сама вышивала шемизетки англійскимъ швомъ, и казалось, была совершенно поглощена выборомъ кружевъ къ чепцамъ, воротничкамъ и рукавамъ невѣсты.

Желнинъ приходилъ всякій вечеръ съ акуратностію, которая бы сдѣлала честь любому Нѣмцу. Онъ велъ разговоръ съ удивительной любезностью почти одинъ за всѣхъ; иногда только печать озабоченности, тоскливыхъ и тревожныхъ соображеній лежала на молодомъ лицѣ. А причиной этой озабочености былъ баронъ, или скорѣе постановленіе барона, единственная его рѣшимость, которой до сихъ поръ не могли сокрушить воля и вліяніе баронессы, поколебать ласки и просьбы Лины. Извѣстно, что баронъ рѣшилъ не отдавать Ольховки въ совершенное владѣніе дочери, пока ей не минетъ двадцать пять лѣтъ.

Положено было теперь, что молодые будутъ жить

въ Ольховкѣ, но не только Лина или Желнинъ не будутъ имѣть права продать, или заложить Ольховку до совершенія дватдцатипятилѣтія Лины, но даже доходы Ольховки всѣ должны быть обращены на улучшенія этого имѣнія и на украшеніе его.

Съ упорствомъ, котораго Эмма Васильевна никогда не ожидала отъ Антона Карлыча, баронъ утверждалъ, что процентовъ съ капитала достаточно для самой пріятной жизни молодыхъ. По системѣ доктора Крупова, барона слѣдовало означить номеромъ, у него была idea fixa,—Ольховка. Не удивительно, этому человѣку всю жизнь его давали чувствовать, что онъ ничего хорошаго не сдѣлалъ, что гордиться ему нечѣмъ, что онъ ничего не съумѣетъ сдѣлать какъ слѣдуетъ—и ко всѣмъ поступкамъ, ко всѣмъ предпріятіямъ его привилась неувѣренность, робость. Съ каждой мыслью своей онъ таился, за каждое побужденіе краснѣлъ. Все за него дѣлала баронесса, єна пріобрѣтала связи, поддерживала знакомства, и если онъ двигался въ свѣтѣ, то не иначе, какъ приведенный въ движеніе ея рукой. Самъ онъ никогда ничего не сдѣлалъ.

И вотъ, когда въ минуту пробужденія своей воли онъ купилъ Ольховку и почувствовалъ, что *самъ* купилъ ее, когда потомъ *самъ* устроилъ ее и украшалъ, когда, трудясь тихомолкомъ, онъ наконецъ сдѣлалъ изъ Ольховки образцовое нѣчто по хозяйственному устройству, игрушку по затѣямъ роскоши —къ барону привилось сознаніе, что онъ тоже можетъ чѣмъ-то гордиться и что найдутся голоса, которые похвалятъ и его. Въ Ольховкѣ онъ видѣлъ себя человѣкомъ съ волей и распорядительностью, человѣкомъ съ идеей, вкусами, фантазіей, и казалось ему, что Ольховка чрезъ нѣсколько лѣтъ осу-

ществитъ всѣ его идеи совершенствованія, и тогда онъ всѣмъ скажетъ—посмотрите, какова Ольховка! вотъ что сдѣлалъ Антонъ Карлычъ, вотъ какое имѣньице устроилъ онъ для Лины, а выдумали, что только баронесса много дѣлала для своей дочери!....

Чтобы привесть идею свою къ исполненію, чтобы испытать то наслажденіе, которое безмолвный баронъ себѣ готовилъ, онъ положилъ не отдавать Ольховки Линѣ, пока ей не исполнится двадцать пять лѣтъ. Баронесса знала о существованіи этого постановленія, но не сказала ни слова Желнину, твердо надѣясь, что никакая рѣшимость Антона Карлыча не устоитъ противъ ея убѣжденій.

Она ошиблась. Всякій вечеръ Эмма Васильевна очень краснорѣчиво и настойчиво говорила барону, что Ольховку надо отдать молодымъ въ полное распоряженіе, что вѣдь для Лины же онъ купилъ и устроивалъ это имѣніе. Баронъ усерднѣе обыкновеннаго нюхалъ табакъ, отправлялъ огромныя порціи табаку въ свой широкій и огромный носъ и, выслушавъ баронессу до конца, отвѣчалъ очень хладнокровно—что женщина въ двадцать пять лѣтъ только начинаетъ жить, что Лина будетъ еще очень молода, когда получитъ Ольховку. Объ это упрямство распадались всѣ увѣщанія баронессы. Кусая до крови губы отъ досады, возвращалась баронеса съ чувствомъ неудачи, которая тѣмъ сильнѣе говорила въ ней, что давалась ей человѣкомъ, который во всемъ былъ покоренъ до сихъ поръ ея волѣ.

Первые дни, рѣшившіе судьбу Желнина, были посвящены разговорамъ, вовсе неотносившимся до состоянія, никакіе денежные расчеты повидимому

не входили въ соображенія жениха, а равно не занимали и родныхъ невѣсты. Деньги вообще были посторонняя вещь въ этомъ бракѣ, покрайней мѣрѣ обѣ стороны старались это доказать. Чрезвычайная деликатность въ этомъ отношеніи отличала Желнина; правда, онъ слышалъ прежде много разъ, что у Лины прекрасный капиталъ, слышалъ очень много объ Ольховкѣ и зналъ, что баронъ купилъ и устроилъ ее для дочери.

Никогда нескромный вопросъ не слетѣлъ съ губъ его, онъ былъ *слишкомъ благороденъ, слишкомъ деликатенъ.* Но баронесса, видя, что Антонъ Карлычъ какъ бы рѣшился обмануть ожиданія всѣхъ, и что рѣшимось его неизмѣнна, рѣшилась въ свою очередь очистить совѣсть свою передъ Желнинымъ, и въ откровенной бесѣдѣ наединѣ открыла глаза будущему зятю и насчетъ всѣхъ дѣлъ, обѣщая однако употребить всѣ усилія, чтобы побѣдить упрямство барона. Желнинъ замѣтно смутился, выслушавъ такую неожиданную вѣсть.

Онъ съ нѣкоторой горячностью сталъ доказывать странную сторону подобнаго намѣренія, баронесса соглашалась съ нимъ вполнѣ, и если бы эти люди были менѣе хорошо образованы, то они бы очень дружно побранили барона, хоть за глаза, за его сумасбродство. Привыкнувъ владѣть собой и обладая врожденнымъ тактомъ, Желнинъ однако остановился вовремя, не позволилъ себѣ увлечься и болѣе выказалъ холоднаго изумленія, нежели горькой досады обманутаго ожиданія.

Однако это открытіе гораздо сильнѣе озаботило его, нежели первое открытіе баронессы, то есть открытіе любви Лины къ Желнину. Тамъ онъ дѣйствовалъ, здѣсь онъ долженъ былъ ждать. Судьба

его лучшихъ мечтаній была въ рукахъ человѣка, съ которымъ онъ даже никогда не далъ себѣ труда обмѣняться лишнимъ словомъ, и теперь тактъ требовалъ молчать, скрыть безпокойство свое и ждать, всего ждать отъ минутнаго пробужденія какой-нибудь прихоти барона. Онъ понималъ, что баронесса усердно за него хлопочетъ, но что дѣла ни мало не подвигаются впередъ, и чѣмъ болѣе уходило времени на безуспѣшныя попытки, тѣмъ сильнѣе овладѣвала имъ забота и безпокойство.

Одной только Натальѣ Спиридоновнѣ рѣшился онъ выказывать всю свою досаду и тревогу, передъ ней изливалъ жалобы на несноснаго барона. Но даже и передъ этой почтенной женщиной, вся жизнь которой перелилась повидимому въ ея милаго Петрушу, даже передъ нею не говорилъ онъ никогда ни слова о баронессѣ, и невозможно было проникнуть, какъ понималъ онъ, и какими глазами глядѣлъ на всѣ ея дѣйствія.

Что касается до Лины, то не смотря на то, что Желнинъ возбудилъ въ теткѣ не малое удивленіе, когда объявилъ, что женится на ней, и особенно когда сталъ увѣрять, что она ему *давно нравилась*, тогда какъ постоянно прежде смѣялся надъ нею,— что касается до Лины, то она рѣдко составляла предметъ разговоровъ своего жениха, а ужъ если приходилось ему говорить о ней, то Желнинъ распространялся въ похвалахъ и, умѣлъ отыскать такія качества, такія высокія свойства души, о которыхъ никто не слыхалъ даже отъ самой баронессы.

У Желнина и баронессы тоже явилась idea fixa— переупрямить барона и оттягать у него права на Ольховку. Эти люди изумительно понимали другъ

друга и содѣйствовали одинъ другому коль скоро дѣло касалось Ольховки,—мысли ловились на лету, объяснять ничего не приходилось. У нихъ было одно стремленіе, хотя побужденія разныя управляли ими. Желнину горько было такъ обмануться въ своихъ блистательныхъ ожиданьяхъ, баронесса же не могла перенесть мысли, что воля ея не уважена, что она должна уступить, и хоть разъ въ жизни, въ чемъ-нибудь почувствовать въ свою очередь безсиліе.

По озабоченному виду баронессы, по нетерпѣливому движенію ея иглы Желнинъ понималъ, что чувства ея истощались въ борьбѣ, что она начинала терять надежду.

Былъ вечеръ, они вдвоемъ только сидѣли въ будуарѣ. Лину позвали мѣрить платье, баронъ былъ въ Ольховкѣ. Эмма Васильевна шила, Желнинъ молчалъ. Быть можетъ въ первый разъ онъ забылся, задумался до того, что вдругъ довольно громкій вздохъ нарушилъ тишину: баронесса подняла голову. Если бы не пестрый, огромный абажуръ на лампѣ, она бы легко замѣтила, что Желнинъ, понявъ себя угаданнымъ, жестоко покраснѣлъ.

Игла баронессы съ минуту стояла недвижно въ воздухѣ, потомъ Эмма Васильевна опять склонила голову къ работѣ.

— Вы давно не видали Улимовой? спросила она равнодушно.

— Я ... я ужъ очень давно у ней не былъ, отвѣчалъ онъ, не понимая еще, къ чему клонится вопросъ.

— Это не хорошо. Конечно жениху прощается временное забвенье, которому онъ подвергаетъ своихъ знакомыхъ, но все же.... вы кажется съ

ней были не только знакомы, а даже въ дружескихъ отношеньяхъ. Сознайтесь, вы вѣрно у ней не были съ тѣхъ поръ какъ объявлены женихомъ.

— Признаюсь, вы угадали.

Баронесса на него пристально посмотрѣла.

— Это большая ошибка, сказала она.

— Право, я самъ не понимаю, что со мной сдѣлалось. Вотъ болѣе двухъ недѣль....

— Болѣе трехъ, замѣтила баронесса.

— Неужели? я не понимаю, самъ куда и какъ уходитъ мое время.

— Однако она знаетъ, что вы женихъ Лины? Надѣюсь, она знаетъ это не по однимъ городскимъ слухамъ?

— Тетушка Наталья Спиридоновна была у ней на другой же день.

— Это нѣсколько поправляетъ обстоятельства, а все же вамъ не мѣшало бы съѣздить къ ней самому. Мы, женщины, такъ же требовательны въ дружбѣ какъ и въ любви, а вы оскорбили дружбу ея къ вамъ невниманіемъ. Согласитесь, это не хорошо, вы виноваты!

Баронесса говорила очень серьезно и какъ будто нелицемѣрно брала сторону Улимовой; это было въ первый разъ. Желнинъ понялъ, что это не даромъ.

— Въ этой женщинѣ столько достоинствъ, сказалъ онъ, что она выше всякихъ оскорбленій, она пойметъ меня и проститъ.

— Вамъ не мѣшаетъ однако съѣздить къ ней. Скажите, напримѣръ, отчего бы вамъ завтра не поѣхать къ ней?

— Я это самъ думалъ.

Тутъ они вопросительно посмотрѣли другъ на

друга. Баронесса продолжала съ прекрасно сыгранной беззаботностью.

— Я очень жалѣю, что не сблизилась съ Улимовой. Наши отношенья какъ то не могли сдвинуться ни разу съ обыкновенной степени равнодушнаго размѣна взаимныхъ учтивостей. Баронъ, несмотря на свое неумѣніе сближаться и пріобрѣтать связи, гораздо успѣшнѣе меня повелъ свое знакомство съ Улимовой: они часто видятся, и вліяніе Улимовой на Антона Карлыча очень сильно.

Послѣ этой фразы игла баронессы задвигалась очень проворно. Желнинъ понялъ ея мысль и обрадовался.

— Неужели? воскликнулъ онъ—я думалъ, что все заключается въ двухъ, трехъ визитахъ, которые баронъ сдѣлалъ Юліи Михайловнѣ въ разное время?

— Напротивъ того, онъ съ ней обо всемъ совѣтуется и проникнутъ чрезвычайнымъ поклоненьемъ къ уму и качествамъ души этой женщины. Если бы я была ревнива по характеру своему, то между мной и барономъ не обошлось бы безъ сценъ за Юлію Михайловну.

Насмѣшливая улыбка невольно скользнула при этой фразѣ по губамъ баронессы. Желнинъ тоже усмѣхнулся и погладилъ маленькіе, черные усы.

— Я буду завтра же у Улимовой, сказалъ онъ.

— Старайтесь опять пріобрѣсть ея расположеніе, замѣтила баронесса.

— Отчего же вы думаете, что я потерялъ его? спросилъ Желнинъ, въ свою очередь пристально поглядѣвъ на Эмму Васильевну.

— Отчего?... И баронесса искала слова, чтобы выразить вполнѣ мысль свою.

Злое слово подвернулося ей въ эту минуту, и

по привычкѣ, съ которой не могла еще видно совершенно разстаться, она не удержалась.

— Впрочемъ, она быть можетъ щеголяетъ упорствомъ чувствъ своихъ? спросила Эмма Васильевна ѣдко.

— Каждая женщина щеголяетъ какимъ-нибудь свойствомъ души или ума — отвѣчалъ Желнинъ спокойно и съ такимъ равнодушіемъ, которое совершенно бы смутило всякую другую женщину, баронесса только укусила губы и слегка кашлянула.

Цѣль ея была достигнута: она указала Желнину путь, которымъ слѣдовало топерь ему идти, и участь его передала такимъ образомъ ему самому въ руки,

Возвратившаяся въ эту минуту Лина сѣла, по просьбѣ жениха своего, за рояль и, подъ предлогомъ вниманія къ Моцарту, Гайдну, Мендельсону, да къ этюдамъ Шопена, которыми тоже не пренебрегали баронесса и ея дочь, Желнинъ погрузился въ разныя соображенія и обдумывалъ тщательно свиданіе свое съ Улимовой и разговоръ, который ему предстоитъ съ ней на завтра.

Живо представилась ему эта женщина, живо нарисовались въ его воспоминаніи подробности многихъ сценъ, много милаго скользнуло передъ нимъ изъ прошлаго, и если бы сердце было нѣжнѣе, мягче, быть можетъ настоящее его показалось бы ему незавиднымъ, а будущее заставило призадуматься. Но Желнинъ не для подобныхъ ощущеній перебиралъ въ памяти своей картины прошлыхъ дней, а для того, чтобы въ нихъ найдти побольше указаній на гордый и сильный характеръ женщины, которая такъ сильно его любила; для того, чтобы

сказать себѣ, что чувство ея всегда было всепрощающее, и получить изъ всего этого убѣжденіе, что и теперь, еще разъ, она одолѣетъ себя, будетъ дѣйствовать въ пользу любимаго хоть нѣкогда человѣка, а если еще донынѣ любитъ его, то самую любовь свою заставитъ молчать и принесетъ въ жертву его пользамъ.

Надо отдать справедливость Желнину, что онъ въ этомъ отношеніи вполнѣ понялъ Улимову, и оцѣнилъ ея чувство по достоинству. Да, эта женщина будетъ ему полезна, онъ убѣжденъ! Какое дѣло ему, что̀ будетъ чувствовать она?... мученія, тоска или досада охватятъ душу своимъ нестерпимымъ огнемъ, сожмется ль сердце подъ гнетомъ разочарованія, нанесетъ ли онъ поступкомъ своимъ смерть ея чувству, и выдержитъ ли все это бѣдная женщина—какое дѣло ему! лишь бы она была самоотверженна, сильна, такъ сильна, чтобы могла собрать всѣ силы ума своего, всѣ силы убѣжденія и склонить барона къ желанію Желнина. Для меня она все сдѣлаетъ,—думалъ Желнинъ,—вотъ женщина, которая любила меня всѣми силами души своей.

Не побоялся онъ оскорбить чувство этой женщины, не побоялся холодно сказать ей — будьте выше человѣческой натуры, принесите себя въ жертву моимъ пользамъ, помогите мнѣ построить зданіе моего успѣха на развалинахъ вашего счастія.

На роду Улимовой было написано не встрѣчать ни въ комъ пощады, не испытать никогда участія. Вѣдь рождена же она сильной женщиной, и никогда еще никто не подумалъ, что сила тоже не такое неисчерпаемое сокровище, что сильныя души сильно чувствуютъ горе и что сила собствен-

наго чувства ихъ нерѣдко сокрушаетъ силу ихъ воли.

Сердце сильной женщины—это брусокъ, о который каждый непрочь поточить свои чувства; сердце сильной женщины,—это полишинель картонный: любопытныя дѣти поочереди дергаютъ веревочку, которая приводитъ его всего въ движенiе, и неизвѣстно только, чья рука и какая рука, злонамѣренная, неискусная, или неосторожная только, чаще же всего рука равнодушная, оборветъ веревочку, и станетъ недвиженъ на вѣки бѣдный полишинель, которымъ забавлялись такъ многiе поочередно! Если спросятъ — кто оцѣнилъ въ такую цѣну сердце сильной женщины? отвѣтъ найдется: дѣйствiя лицъ, которыя были въ соотношенiяхъ съ этимъ сердцемъ, сложили цѣну ему, хоть не для такой грустной роли оно было создано. Но никакая жизненная встрѣча не въ силахъ уничтожить въ немъ сознанiя своего достоинства, мѣру котораго страданiе только увеличиваетъ: чувства промотавшагося богача, щедрой рукой бросавшаго всегда толпѣ свои сокровища, движетъ всегда такими существами до конца. Они знаютъ другихъ и—узнали себя: отсюда выпадаетъ невольное сравненiе, и гордый страданiемъ своимъ человѣкъ говоритъ внутренно, до послѣдней минуты—лучше обманываться, нежели обманывать.

Всякая извѣстность даетъ испытанiя. Знаменитыя женщины подвергаются обыкновенно поклоненiямъ, зерно которыхъ—*любопытство*, и любви, разгадка которой—*тщеславiе*.

Вотъ удѣлъ пѣвицъ, музыкантшъ, писательницъ (пока онѣ молоды), художницъ и прочихъ знаменитостей, и это доведено до такой степени, что не

только онѣ, но даже всякая женщина, которой составятъ репутацію особеннаго ума, или особенной энергіи, особенной способности чувствовать, всякая женщина, къ которой сами привьютъ нѣкоторую лестную извѣстность, всякая привлекаетъ любопытство и возбуждаетъ тщеславіе. Такъ и къ Улимовой была привита извѣстность, и эта извѣстность, которой не искала она, обогащала жизнь, и окупалась горькими встрѣчами, тяжкими испытаніями. Ее не берегли, и какъ будто потому, что находили ее сильной, считали себя въ правѣ не беречь силъ души ея.

И она понимала свое положеніе, и невольную улыбку вызывало оно не разъ на ея губы, но это было въ минуту оцѣнки прошлаго страданія, за то въ самую минуту страданія невыносимо было состояніе этой женщины.

Когда Наталья Спиридоновна пріѣхала къ ней, движимая страшнымъ желаніемъ сообщить Юліи Михайловнѣ изумительную новость—сватовство Петруши на дочери баронессы Ш**, въ городѣ еще никто не говорилъ объ этомъ, и слѣдовательно слухи не успѣли подготовить Улимову къ принятію этой вѣсти. Напротивъ того, еще недавно, еще дня два тому назадъ, Желнинъ сидѣлъ рядомъ съ ней на этомъ же самомъ диванѣ, на который теперь опустилась Наталья Спиридоновна; ея рука лежала въ его рукѣ, и этотъ холодный, покорный прихотямъ своего минутнаго настроенія человѣкъ, языкомъ довѣрія, счастія, гордости и голосомъ нѣжной ласки говорилъ съ ней цѣлый вечеръ, и много тихаго блаженства было на тотъ часъ въ душѣ ея.

Выслушавъ отъ Натальи Спиридоновны такую но-

вость, она хотѣла что-нибудь сказать, хоть выразить свое изумленіе, но голосъ замеръ въ груди, она оледенѣла, и только кровь, прихлынувъ къ горлу, душила ее невыносимо. Однако, призвавъ на помощь всю твердость, она спросила когда все это, рѣшилось, и просила Наталью Спиридоновну пожелать племяннику счастья. Наталья Спиридоновна не сомнѣвалась, что онъ самъ пріѣдетъ сообщить ей обо всемъ, и спрашивала безпрестанно Юлію Михайловну—неужели это ее не удивляетъ? Но Юлія Михайловна представила ей, очень повидимому равнодушно, разныя причины, по которымъ можно было предвидѣть и ожидать, что Желнинъ современемъ женится на Линѣ. Потолковавъ вдоволь объ этомъ предметѣ, старушка поспѣшила проститься съ Улимовой, чтобы дать ей время одѣться и пріѣхать къ общимъ знакомымъ на именинный обѣдъ, куда тоже была приглашена Наталья Спиридоновна.

Тамъ снова съѣхались эти двѣ женщины.

Мысль, что Петруша женится и входитъ въ такое родство, да невѣсту беретъ богатую, и наконецъ, что онъ женится на дочери ея милой, привѣтливой баронессы, занимала Наталью Спиридоновну до того, что она нѣсколько разъ начинала разговоръ съ разными лицами все объ этомъ интересномъ предметѣ. Чаще же всего обращалась она къ Улимовой, спрашивая, вѣритъ ли она этому? можно ли только повѣрить, что Петруша женится?...

Конечно Юліи Михайловнѣ плохо вѣрилось, что все уже кончено, все—ни слѣда прошедшаго, ни искры отрады въ будущемъ. Четыре года любви, нѣмыхъ бореній, невыразимыхъ пожертвованій съ

ея стороны, четыре года у ней былъ свой міръ мгновенныхъ радостей, міръ долгихъ страданій, четыре года у ней былъ кумиръ, созданный чувствомъ, вознесенный на высокій пьедесталъ воображеніемъ, и вотъ одно слово разрушило все! Но что за причины этой женитьбы? думала Улимова, въ чемъ развязка этой адской загадки? Желнинъ безкорыстенъ, благороденъ, гордъ, его не могло ослѣпить богатство этого маленькаго уродца, какъ обыкновенно всѣ называли съ дѣтства Лину. Здѣсь баронесса дѣйствовала, здѣсь ея сѣти, ею приведены въ дѣйствіе тайныя пружины. Онъ будетъ несчастливъ, какое безуміе дать опутать себя до такой степени! Онъ будетъ несчастливъ, тогда какъ годами жизни своей Юлія Михайловна готова была платить за каждую минуту его счастія. Бѣдный, бѣдный Желнинъ!... Зачѣмъ не можетъ она сильной рукой разорвать эти хитрыя цѣпи, наложенныя баронессой на всю жизнь его, молодость, будущность.

Женщина—она не можетъ, Желнинъ не повѣритъ ея безпристрастію: онъ зналъ, онъ видѣлъ много разъ, что любимъ ею и какъ любимъ! И кто жъ теперь откроетъ ему глаза? Кто станетъ стѣной за его счастье? его недовѣріе оттолкнетъ ее, гордость, женское достоинство не допустятъ дѣйствовать. Она должна, сложа руки, смотрѣть, какъ совершается жертва всей жизни любимаго человѣка.

Не жажда любви, не надежда счастія, не увѣренность во взаимности, не обманчивый вызовъ чувства на чувства были причиной ея любви къ Желнину, зажгли душу ея неугасимымъ огнемъ, который уничтожалъ ея существованіе, пожиралъ

ея силы. Много разъ она бывала любима, но едва, едва прислушивалась полувнимательнымъ ухомъ къ словамъ любви, а сама.... сама она имѣла горькій опытъ, что чувства отвѣтнаго ея чувству, никогда не найдется, и потому не искала невозможнаго, и Желнина полюбила не какъ идеалъ чувства, а какъ идеалъ человѣка. Вѣчный стражъ, вѣчный наблюдатель движеній души ея былъ неумолимый разсудокъ, а еще болѣе тотъ тонкій анализъ, отъ котораго отдѣлиться она никогда и ни въ какія минуты своей жизни не могла.

Юлія Михайловна была нѣсколько фаталистка, и фатализмъ ея былъ не безъ основанія.

Вѣрила она несомнѣнно, что ей назначено не испытать никогда полнаго раздѣла, полнаго отвѣта на чувство. Какъ на горькую шутку, какъ на игру, которую начинаетъ кто-нибудь съ убѣжденіемъ, что она будетъ проиграна, смотрѣла Улимова всегда на начало каждой любви въ душѣ своей, и потому тушила ее въ самомъ началѣ. Она могла сказать, что слишкомъ многіе добивались любви ея, и едва ли могла сказать, что была кѣмъ много любима.

Но что̀ могла она сказать, положивъ руку на сердце и смѣло взглянувъ на небо, это что ни одно изъ чувствъ, принесенныхъ ей другимъ существомъ, какъ бы оно мало, ничтожно и неотвѣтственно ей ни было, ни одно не было оскорблено, осмѣяно, или заклеймено ея презрѣніемъ. Враговъ у ней было много—только враговъ безпричинныхъ; но ни одинъ изъ любившихъ Улимову не сдѣлался ея врагомъ, ни одна любовь, не встрѣтившая въ ней отвѣта, не превратилась въ ненависть, а мало кто обладаетъ способностью отодвинуть не оттолкнувъ.

Свѣтское вниманіе, оказанное ей Желнинымъ съ первыхъ встрѣчъ, любопытство, заставившее его познакомиться съ Улимовой, было оцѣнено ею не болѣе какъ слѣдовало.

Не увлеклась она ни чувствомъ, ни даже призракомъ чувства съ его стороны; но ей показалось, что въ Желнинѣ именно тѣ свойства, которыя невольно заставляютъ любоваться гордой и богатой природой человѣка. Она сблизилась съ Желнинымъ, она искала съ нимъ сближенія, а это сближеніе, благодаря особенному устройству натуры Желнина, которая, принимая свойства всякаго, съ кѣмъ онъ сближался, становилась отраженіемъ его, но въ лучшемъ, въ усовершенствованномъ видѣ, это сближеніе привело къ тому, къ чему приводило всѣхъ безъ исключенія. Желнинъ обладалъ способностью безотчетно нравиться, очаровывать, прельщать, вовсе о томъ не заботясь, тѣмъ только, что каждый находилъ въ немъ свои лучшія чувства, свои самыя дорогія убѣжденія, только съ нѣкоторыми оттѣнками, придававшими имъ нѣчто новое. И Юлія Михайловна поддалась тому же неизъяснимому очарованію. Чувство ея развивалось постепенно, вторженіе баронессы въ ея міръ, ея вліяніе, ея соперничество не мало способствовали къ усилію и къ развитію привязанности. И мало по малу полюбила Улимова Желнина до самоуничтоженія: давалъ ли онъ страданія и оскорбленія ея чувству, она принимала это какъ испытаніе, давалъ ли мгновеніе нѣжнаго вниманія — безконечной признательностью исполнялась душа ея.

Гордая женщина съ наслажденіемъ несла единственную подчинимость всего существа своего, до которой рѣшилась допустить себя, вѣря, что никто

болѣе этого человѣка не стоилъ такого всеполнаго самоуничтоженія ея въ чувствѣ. Она добровольно отдала себя во власть любви своей и гордилась величностью жертвы, которую принесла, какъ доказательствомъ силы своего чувства.

И теперь, поступокъ Желнина, не смотря на всю необъяснимость его, не разрушилъ еще той идеи совершенства, которую составила она себѣ постепенно объ этомъ человѣкѣ.

Тяжело ей было сознать, что для нея все кончено, что связь нарушена, отношенія разорваны, но самого человѣка не рѣшилась еще осудить ея любящая душа, и сватовство Желнина на Линѣ Ш** необъяснимой загадкой казалось для Улимовой. Она мучилась предположеніями.

Но только сила этой женщины была невообразима и сила воли не измѣнила ей. Лихорадочной веселостью оживлены были рѣчи ея на званомъ обѣдѣ, любезность превзошла всѣ ожиданія. Обѣдъ былъ за городомъ, гостей удержали до поздней ночи, и силы Юліи Михайловны выдержали мучительный день до конца. Ее просили играть, и рояль звучалъ чудно подъ неутомимыми руками виртуозки; составились танцы, и полное участіе приняла въ нихъ Улимова: польки и вальсъ не могли даже дать ей почувствовать хоть на минуту необходимость отдыха, говорила она тоже съ необыкновеннымъ увлеченіемъ. Бѣдная женщина! страданія возбуждали её къ жизни.

Такъ иногда въ горячкѣ срывается больной съ постели, ходитъ, предается сильнымъ порывамъ, живымъ движеніямъ, и не можетъ одолѣть этой поддѣльной возбужденной жизни.

Было одно мгновеніе, когда Юлія Михайловна

вдругъ поддалась задумчивости—тогда она почувствовала усталость. Нечаянно сѣла она послѣ тура польки подъ окномъ, нечаянно коснулся слуха ея шопотъ деревьевъ въ темнотѣ теплой ночи, звѣзды заглянули въ глаза, тоска сказалась сердцу.

Веселыя пары носились по комнатѣ, мѣрный шорохъ шаговъ ихъ раздавался подъ тактъ музыки, лица улыбались — Улимова вздохнула. За цѣлый день притворства одинъ вздохъ! но и онъ былъ услышанъ: молоденькая дѣвушка, дочь хозяйки дома, въ это время остановилась тоже случайно возлѣ Улимовой и подслушавъ вздохъ этотъ, спросила. —Вы скучаете? Когда же, произнеся этотъ вопросъ, невольно обратила она глаза на Улимову, блѣдность Юліи Михайловны испугала ее, и встревоженнымъ голосомъ она произнесла:

— Вамъ дурно! вы устали, вы танцовали слишкомъ много!

— Слишкомъ мало, душа моя, возразила Улимова, мнѣ бы хотѣлось свѣчей, побольше свѣчей! чтобы музыка громче гремѣла, чтобы шибче всѣ неслись, чтобы у васъ былъ въ эту минуту не импровизированный маленькій вечеръ, а какой-нибудь чудовищный, блестящій балъ, съ чудовищнымъ шумомъ и веселіемъ.

— Вы такъ любите танцы? спросила дѣвушка.

— О, я безумно люблю ихъ!

И какъ бы въ доказательство своихъ словъ, Улимова въ ту же минуту подала руку подошедшему къ ней кавалеру, и снова вальсъ умчалъ ее въ свой заколдованный кругъ.

Въ часъ ночи она возвратилась домой. Шумя, упало платье къ ногамъ, небрежной рукой подобраны темные волосы подъ ночной чепецъ, свѣча гас-

нетъ.... Никогда еще Юлія Михайловна не раздѣвалась такъ проворно. И вотъ сонъ накладываетъ тяжелую руку свою на ея отяжелѣвшіе глаза, рѣсницы сошлись, спитъ Улимова,—только два яркихъ пятна зажглись на щекахъ,—и горятъ, и запекшіяся губы горятъ тоже. Часа два такого сна проходятъ сопровождаемые судорожными движеніями: нѣсколько разъ Юлія Михайловна сильно метнулась на постели, рука оттолкнула подушку, сорвала чепецъ,—и волной хлынули волосы по пылавшимъ щекамъ, на бѣлое одѣяло. Она уже спала, но молчаливыя слезы текли еще по подушкѣ. Природа взяла свое, во снѣ плакала Улимова надъ собой, и все сильнѣе лились слезы, и глухія рыданія вылетали изъ высоко поднявшейся груди. Эти слезы разбудили ее.

Она проснулась и съ удивленіемъ поглядѣла вокругъ: въ углу передъ образами горѣла по обыкновенію тусклая лампада. Безмолвно поднялась Юлія Михайловна на своей постели, безмолвно стала собирать свои мысли. Она была одна, наконецъ она была одна! все было глухо вокругъ, весь домъ спалъ. Кто могъ ее видѣть? Она подперла руками свою горячую голову и позволила себѣ плакать....

Когда такія женщины плачутъ, когда онѣ даютъ волю слезамъ своимъ, то не скоро успѣваютъ остановиться. Она проплакала двадцать четыре часа. Послѣ такихъ ужасныхъ слезъ кровь показалась горломъ, и тутъ только почувствовала Улимова слабость и усталость.

Чувство усталости спасительно въ подобномъ положеніи: оно и на Юлію Михайловну подѣйствовало спасительнымъ образомъ: раздраженіе утихло, слезы болѣе не подступали къ рѣсницамъ.

Одного ей хотѣлось—чтобы Желнинъ *самъ* пріѣхалъ сказать ей о своей женитьбѣ, чтобы этотъ человѣкъ не разрушилъ въ ней идею благородства, гордости, самосознанія и спокойствія, которую она себѣ о немъ составила. Пусть будутъ разрушены ихъ отношенія безвозвратно, но пусть кумиръ души ея не упадетъ съ пьедестала и не валяется въ пыли! Улимова усиливалась думать, что Желнинъ былъ только слабъ и далъ связать свою волю.....а Желнинъ не пріѣзжалъ, и дни уходили за днями.

Всякій день стиралъ одну краску съ блистательныхъ одеждъ его, образъ блекъ — а не смотря на это, Юлія Михайловна не рѣшалась еще заклеймить его окончательнымъ судомъ, не рѣшалась произнесть безотмѣнный приговоръ свой; все этотъ человѣкъ былъ дорогъ, все въ немъ еще было дорого ей.

Когда покорный совѣтамъ баронессы Желнинъ рѣшился наконецъ показаться Юліи Михайловнѣ, увидѣлъ неизбѣжность своего визита—ему не совсѣмъ было пріятно: но отъ этого визита зависѣло устройство будущаго его положенія; онъ самъ надѣялся, вмѣстѣ съ баронессой, что Юлія Михайловна однимъ словомъ своимъ быть можетъ успѣетъ сдѣлать то, чего не добилась до сихъ поръ Эмма Васильевна, не смотря на всю свою дипломацію.

Цѣлое утро онъ обдумывалъ роль свою, заранѣе готовился какъ начать и чѣмъ начать разговоръ свой съ Улимовой. Ему было неловко. Но баронъ, но Ольховка.... Онъ проклялъ барона и поѣхалъ къ Улимовой.

Желнинъ умѣлъ владѣть собой, онъ вошелъ не блѣднѣя.

Острая боль ударила въ сердце Улимовой, невоз-

мутимая встала она тоже съ своего мѣста, и протянула ему по обыкновенію руку. Эти двѣ руки сжались безтрепетно. Каждый чувствовалъ, что взаимно наблюдаютъ они другъ за другомъ. Предчувствіе говорило Юліи Михайловнѣ, что пріѣздъ Желнина сдѣланъ недаромъ, ей даже минутно захотѣлось обдать его холоднымъ вопросомъ — чѣмъ могу я быть вамъ полезна? но тотчасъ и жаль ей стало, что ѣдкое чувство говоритъ въ душѣ и что она оскорбляетъ такимъ предложеніемъ достоинство существа, котораго осудить все еще не могла.

— Я много виноватъ передъ вами, проговорилъ Желнинъ, цѣлуя почтительно у ней руку.

— Вы меня забыли, сказала она спокойно, но это меня вовсе не удивляло: женихъ имѣетъ право на нѣкоторое время забыть друзей своихъ. Я просила Наталью Спиридоновну передать вамъ мое поздравленіе; будьте счастливы.

Ни одна черта не подвинулась въ лицѣ Юліи Михайловны, когда она говорила, и голосъ былъ полонъ тихаго привѣта.

— Я понимаю упрекъ вашъ; но если бы я слушался своего чувства, то не ограничился бы тѣмъ, что передалъ посредствомъ тетушки только, какимъ образомъ вдругъ рѣшилась судьба моя, сказалъ Желнинъ. Не браните меня за то, что разсудокъ взялъ перевѣсъ надъ чувствомъ, и что я не пріѣхалъ самъ поразсказать о себѣ. Да, мой другъ, я долженъ былъ нѣкоторое время отказывать себѣ въ счастьи васъ видѣть: баронесса странная женщина, она не вѣритъ возможности дружбы между мужчиной и женщиной, и нашей дружбѣ она тоже не вѣритъ....

Улимова вспыхнула. Она понимала, что Жел-

нинъ лжетъ, распадалось очарованіе постепенно, больно ей было, сердце ныло отъ тоски.

— Баронесса напрасно безпокоится за ваше спокойствіе и за будущее счастье своей дочери, замѣтила холодно Улимова. Потомъ минута молчанія—и она не выдержала. Это слово счастіе такъ странно прозвучало самой ей надъ ухомъ, такъ живо представилась рядомъ съ Желнинымъ странная, блѣдная, некрасивая Лина, и такъ невозможнымъ показалось ей, чтобы Желнинъ могъ въ своей невѣстѣ находить счастіе, что Юлія Михайловна забыла принятую роль, искренность взяла верхъ надъ осторожностью, и поднявъ глаза на Желнина съ выраженіемъ грустнаго ожиданія, она сказала:

— Послушайте, что все это значитъ? Какъ это вы рѣшились? забудьте все и откровенно отвѣчайте мнѣ—что вамъ вздумалось жениться на Линѣ? вѣдь это не вы задумали, не вы затѣяли. Ахъ, Желнинъ, сердце болитъ за васъ!

Желнинъ молчалъ.

— Ради Бога не допускайте мысли, что я здѣсь имѣю въ виду себя, свое чувство, продолжала она, увлеченная совершенно той высокой идеей, которую составила себѣ о Желнинѣ, исполненная глубокаго, сильнаго еще чувства къ нему. Я васъ любила, Желнинъ; быть можетъ грѣшно любить съ такимъ самоуничтоженіемъ, быть можетъ такъ не любятъ, но въ эту минуту во мнѣ молчитъ мое чувство. Мнѣ васъ жаль, вашей будущности, вашей молодости, вашей свободы! Мнѣ страшно за васъ! свобода—это безцѣнный даръ, вы его поймете и оцѣните тогда только, какъ потеряете безвозвратно. Желнинъ, простите, вы женихъ я и говорю вамъ эти вещи! но зачѣмъ же вы такъ поздно пріѣхали ко

мнѣ, зачѣмъ вы меня забыли? зачѣмъ вы не поняли во всей полнотѣ смысла тѣхъ словъ, которыя я вамъ такъ часто говорила — что никогда не отниму отъ васъ дружбы своей *произвольно*. Видите ли, я понимала, что дружба моя вамъ можетъ пригодиться, дружба предусмотрительная, заботливая, безкорыстная. Любовь, да, это другое дѣло! она порывиста, она можетъ ослѣплять насъ въ минуту разсужденія пристрастіемъ, но вѣдь я вамъ сказала, что во мнѣ вы встрѣтите всегда *только тѣ чувства*, которыя не будутъ вамъ въ тягость. И повѣрьте, посмотрите на меня, Желнинъ, вотъ я другъ вамъ, только другъ, поймите же! Сойдите въ глубину свою, имѣете ли сознаніе, что будете счастливы съ Линой. Я приписываю всю исторію вліянію баронессы, и если это такъ—не будьте слабы, спасите себя, еще есть время. Поговоримте хладнокровно, вдвоемъ мы обдумаемъ все прекрасно. Есть всегда средство сыграть комедію въ каждомъ случаѣ жизни, и посредствомъ комедіи вывернуться изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ. Я могу вамъ быть полезна, я могу дѣйствовать на барона и посредствомъ барона....

Желнинъ смотрѣлъ на нее съ большимъ вниманіемъ и прислушивался къ словамъ ея съ видимымъ удовольствіемъ. По мѣрѣ того, какъ она говорила, онъ получалъ убѣжденіе, что точно эта женщина способна совершенно забыть о себѣ и только о пользахъ его думать и въ пользу его дѣйствовать. Это его чрезвычайно ободрило.

— Послушайте, мой благородный, мой добрый другъ, сказалъ онъ ласково. Вы тоже забыли, къ сожалѣнію, слова мои, и теперь я долженъ повторить ихъ снова — у васъ чрезчуръ горячая лого-

ва и пламенное воображеніе. Вы все ужасно принимаете близко къ сердцу, и оттого вамъ Богъ знаетъ что̀ представляется. Лину я люблю съ каждымъ днемъ болѣе. Странно, я самъ не подозрѣвалъ въ себѣ этого чувства, но могу сказать, что никогда въ мірѣ я ничего подобнаго не чувствовалъ ни къ кому. Да, я имѣю сознаніе, что могу быть счастливъ только съ Линой, и если бы на заказъ можно было доставать жену, то я самъ ничего бы лучшаго для тебя не могъ придумать. Вы не можете представить, что это за доброе дитя, и какое любящее сердце! Вѣдь она меня любитъ давно и бѣдняжка таила чувства свои отъ всѣхъ, думая, что любовь—преступленіе. Нѣтъ, вы не можете представить, что за наивность, чистота и кротость въ этомъ созданіи, а такъ преданно любить только развѣ вы однѣ умѣете!

Жгучими каплями текли эти слова по сердцу Улимовой, послѣднее сравненіе вконецъ добило её, оскорбивъ гордость непонятаго чувства. Изъ словъ Желнина она поняла только, что онъ ни за что не хочетъ отступиться отъ идеи женидьбы на Линѣ, поняла тогда, что не одна баронесса была двигателемъ всего происшествія, безкорыстіе Желнина рушилось передъ ея глазами. Но не смотря на все желаніе выказать нѣжную любовь къ невѣстѣ, холодъ сердца просвѣчивалъ сквозь его слова. Камедія разыгрывалась, но только передъ нею — она это понимала; больнѣй и больнѣй становилось Улимовой. Теперь ужъ она молчала.

— Одинъ баронъ своимъ упрямствомъ портитъ все дѣло, продолжалъ Желнинъ; бѣдная Лина конечно будетъ отъ этого страдать, и мнѣ предосадно. У меня, какъ вы знаете, состоянія никакого. и

оттого я совершенно не имѣю средствъ помочь этой бѣдѣ. Ну скажите, не смѣшно ли заставлять насъ жить процентами съ капитала только, дарить дочери Ольховку и не давать её въ руки, обращать доходы на улучшеніе имѣнія, и заставлять ждать какъ блага, чтобы ей кончилось двадцать пять лѣтъ! да это чистѣйшее сумасбродство!... Понятно, что я, любя Лину, хотѣлъ бы устроить все по ея желанію, но положеніе мое прещекотливое въ отношеніи къ барону особенно: я его едва знаю, а слова баронессы, просьбы Лины не дѣйствуютъ. Скажу вамъ, что я не знаю, что̀ бы далъ только, чтобы исполнить желаніе Лины. Она такъ молода, ей бы хотѣлось быть настоящей барыней, истинной владѣтельницей Ольховки, имѣть независимое положеніе въ свѣтѣ и пользоваться всѣмъ тѣмъ, на что̀ ей дано право, къ чему приготовили ея умъ. Для меня въ этомъ отношеніи упрямство барона тягостно, нестерпимо....—Онъ погладилъ свои усы. Вы можете помочь *намъ*. — И онъ поглядѣлъ на Улимову въ нѣмомъ ожиданіи. Въ эту минуту ей сдѣлалось гадко: послѣдняя искра благородства погасла въ глазахъ ея въ Желнинѣ. Цѣль комедіи была понята ею, и недвижные глаза проницательно смотрѣли, но выраженія лица опредѣлить было невозможно. Желнинъ сказалъ *намъ*, Лина и онъ было одно уже въ его мысляхъ, и баронесса слѣдовательно тоже было одно съ нимъ. Послѣдняя связь душъ между Улимовой и Желнинымъ порвалась, чувство ея умерло, и какъ бы на новаго человѣка ужъ посмотрѣла она на него въ эту минуту.

— Чѣмъ же могу я быть вамъ полезна? спросила она, въ этотъ разъ чувствуя себя въ правѣ про-

изнесть наконецъ эту фразу, не боясь ужъ оскорбить благородство и достоинство Желнина.

— Вы! воскликнулъ онъ: вы все можете сдѣлать, вы однѣ можете разубѣдить барона и заставить его измѣнить его рѣшеніе! Вашимъ взглядамъ онъ безусловно повѣритъ.

— Хорошо! произнесла Улимова съ усиліемъ, я постараюсь, чтобы надежды ваши не обманули васъ.

Но она замѣтно становилась блѣднѣй, губы холодѣли, голова кружилась.

— Передайте барону, что я прошу его завтра заѣхать за мной и свозить меня въ Ольховку, которую онъ обѣщалъ мнѣ показать, прибавила она, не сводя задумчивыхъ глазъ съ Желнина.

Желнинъ всталъ.

— Я зналъ, что вы умѣете любить своихъ друзей, что вы добры, благородны; я всю жизнь буду благословлять васъ, сказалъ онъ въ неописанномъ восторгѣ.

Когда онъ вышелъ, Улимова долго стояла посреди комнаты, какъ будто не могла прійдти въ себя отъ всего слышаннаго.

Сердце ея застыло, поникнувшая голова не могла связать мыслей, не могла дать отчета—что все это было, что съ ней, что сдѣлалось съ Желнинымъ, какой странный человѣкъ вышелъ изъ того прекраснаго человѣка, котораго душа ея предполагала въ немъ.

— Однако я его очень любила, произнесла она вслухъ, съ невольнымъ вздохомъ.

На другой день коляска барона въѣхала въ молодую липовую аллею, насаженную передъ домомъ

въ Ольховкѣ. Юлія Михайловна и Антонъ Карлычъ вышли изъ нея и остановились на крыльцѣ.

— Погодите немножко, сказалъ баронъ: обратите вниманіе на подъѣздъ, эти липы стоили мнѣ дорого, потому-что я не хотѣлъ малорослыхъ и слишкомъ молодыхъ деревьевъ, пришлось бы долго ждать. Ворота изъ красноватаго камня подъ гранитъ; этотъ видъ искуственнымъ образомъ, посредствомъ какой-то массы, придали камню. Я нахожу, что хорошо. Купа деревьевъ, маскирующая стѣну,—все бѣлыя акаціи, онѣ быстро растутъ, и запахъ чудесный — вы любите бѣлую акацію?...

— Чрезвычайно люблю, отвѣчала Юлія Михайловна. Мнѣ очень нравится ваша мысль посадить вьющіяся растенія по стѣнѣ и возлѣ воротъ: это дастъ видъ старины и дѣлаетъ ворота еще болѣе похожими на гранитныя.

Говоря это, Улимова обвела задумчивымъ взоромъ и красивый дворъ, и самый домъ, съ легкимъ, щегольскимъ фасадомъ: глаза ея медленно считали окна и городки крыши. Косой, яркій лучъ вечерняго солнца игралъ на ея блѣдномъ, благородномъ лицѣ; она сняла шляпу и держала ее въ рукахъ; вѣтерокъ бродилъ по темнымъ волосамъ.

Баронъ понюхалъ табаку съ самодовольствіемъ.

— Да, сказалъ онъ, гранитъ, просто гранитъ, а въ цѣломъ краѣ нашемъ и признаку гранита нѣтъ. Замѣтьте, что ворота для въѣзда и для выѣзда совершенно одного размѣра, одной фигуры, а вотъ неугодно ли взглянуть на каретный дворъ.

Тутъ они подошли къ внутреннимъ воротамъ, и Улимова заглянувъ, увидѣла прекрасно выстроенные сарай и конюшню.

— Я вамъ потомъ покажу экипажи, сказалъ ба-

ронъ. Пойдемте въ комнаты, вся мебель готова и поставлена какъ слѣдуетъ. Одного только я не имѣлъ въ виду, это такого скораго замужества Лины, и потому теперь пришлось отдѣлывать кабинетъ для моего будущаго зятя, и сдѣлать еще нѣкоторыя измѣненія въ распредѣленіи комнатъ.

Улимова съ трудомъ подавила вздохъ. Баронъ бы его ни за что не понялъ и даже не услышалъ бы: онъ въ это самое время повернулъ большой ключь въ дверяхъ, и рядъ прелестныхъ комнатъ. открылся передъ ними.

— Вотъ зала,—сказалъ баронъ, когда, пройдя двѣ комнаты, онъ переступилъ порогъ третьей; они могутъ давать балы, если хотятъ—её легко освѣтить, она вся бѣлая съ золотомъ. За этой аркадой столы для картъ, за той буфетъ во время бала. Люстры хороши, не правда ли? я самъ выбиралъ.

— Прекрасны. Мнѣ нравится, что всѣ зеркала вдѣланы въ стѣну, это изящно; простота рамъ и карнизовъ, не смотря на позолоту, легкость лѣпныхъ украшеній, все это дѣлаетъ честь вашему вкусу.

— У меня былъ прекрасный архитекторъ. А мебель кокова? Штофъ, замѣчайте, все бѣлый съ оранжевыми разводами; я нашелъ необходимымъ поставить кромѣ легкихъ стульевъ всюду плоскія козетки, это выгодно для танцующихъ и между тѣмъ нарядно очень. Веселенькая зала, нечего сказать, за то гостинная вся фіолетовая. Съ этими словами они вступили уже въ слѣдующую комнату.

— Бронза здѣсь даже темная,—продолжалъ баронъ,—картины мнѣ дорого стоили и мебель чуть было не разорила.

— Чудно хорошо! сказала Улимова, вставая съ

глубокаго бархатнаго кресла, въ которомъ должна была посидѣть изъ угожденія хозяину.

Стѣны здѣсь тоже были бѣлыя, только не подъ мраморъ, а выклеенныя обоями съ серебряными разводами. Потомъ еще слѣдовала маленькая гостиная съ каминомъ, съ голубыми обоями и голубой мебелью; двѣ двери отворялись изъ нея, одна въ довольно большую столовую, другая въ будуаръ Лины. Небольшіе, яркіе розовые букеты были раскинуты по стѣнамъ, возлѣ большаго зеркала цвѣты, по угламъ жардиньерки, надъ окнами висячія корзинки съ цвѣтами, по этажеркамъ гибель дорогихъ фарфоровыхъ и бронзовыхъ игрушекъ, мягкая кушетка, кресла, табуреты — все обтянуто шелковымъ штофомъ въ полосы свѣтлозеленыя и бѣлыя, по которымъ разбросаны розовые букетцы. Гдѣ можно употребить бѣлую кисею и розовый штофъ, вездѣ употреблены они вмѣстѣ. Посреди всего этого недоставало только вѣтреной красавицы, въ роброндѣ, въ мушкахъ и румянахъ, съ душистой пудрой на взбитыхъ волосахъ.

Здѣсь особенно остановилась Улимова; воображенію ея представилась серьезная, не знающая почти улыбки Лина, и рѣзкой противоположностью своей съ этой нарядной комнатой поразилъ ее вызванный памятью образъ владѣтельницы; странное и тоскливое впечатлѣніе производило на Юлію Михайловну все видимое ею.

Никакъ не могла она отдѣлаться отъ убѣжденія, что и на Желнина такъ же странно и тоскливо подѣйствуетъ присутствіе некрасивой жены его въ этомъ красивомъ будуарѣ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ лгалъ, онъ не могъ любить Лины. Но какое лукавство, какое ужасное лицемѣріе, какая страшная алч-

ность! Гдѣ же тотъ чудный идеалъ человѣка, который вскормила она своей душой, который любила такъ долго?...

Потомъ баронъ показалъ ей великолѣпную, темную спальную; свѣтъ былъ проведенъ сверху; плотный коверъ дѣлалъ шаги неслышными, въ углу на столикѣ стояло прекрасное распятіе, и нѣсколько молитвенниковъ въ богатыхъ переплетахъ, да малиновая хрустальная лампа: большой транспарантъ, съ прелестнымъ изображеніемъ святой Каролины, заслонялъ свѣтъ ея.

По другую сторону столовой отдѣлывали теперь кабинетъ для Желнина.

Столовая была очень велика и тоже съ аркой, какъ зала, и за этой аркой открывалась комната, во всемъ схожая съ будуаромъ Лины: такая же мебель, тотъ же вкусъ вѣка прелестной Помпадуръ, только мебель вся была миніатюрная, крошечная,—не для людей, а для куколъ назначалось это оттдѣленіе. Баронъ не забылъ обѣщанія, даннаго Линѣ. Такая же кушетка, зеркало, тотъ же штофъ зеленый съ бѣлымъ въ розовые букеты, все то же, только не для живыхъ существъ приготовлено все; и этотъ странный отдѣльный міръ скрывался за аркой, входъ въ которую былъ заслоненъ тяжелой полуподхваченной портьерой и чѣмъ-то огромнымъ, въ родѣ экрана, въ пестромъ китайскомъ вкусѣ.

Баронъ объяснилъ Улимовой, что не могъ не исполнить страннаго желанія дочери и позаботился также о ея куклахъ.

И здѣсь крѣпко сжалось сердце Юліи Михайловны, даже мудрено рѣшить—видъ ли отдѣлываемаго кабинета, въ которомъ она какъ будто ужъ видѣла лѣнивую и тоскливую жизнь Желнина, или

это осязательное напоминаніе странностей его будущей жены, грустнѣе на нее подѣйствовало. Вотъ какая будетъ у него жена! подумала съ невольнымъ вздохомъ Улимова. Не разъ поражало ее въ Линѣ странное сочетаніе образованія съ неразвитіемъ! видно было, что душа спала еще въ этой дѣвушкѣ, что никогда ничто, ничье заботливое чувство не пробудило ея; видно было, что голову ея позаботились начинить познаніями, что искусства дались ей посредствомъ навыка, что она знала все наукообразнымъ образомъ, но не понимала ничего. Какъ ученикъ, она удовлетворяла всѣмъ требованіямъ, какъ человѣкъ она была не достаточна, тупа, неразвита. Какъ будто книжная память поглотила въ ней всѣ другія способности, и воображеніе, придавленное буквальнымъ изученіемъ различныхъ предметовъ, не могло подняться въ ней никогда изъ-подъ груза учености, которымъ надѣлило Лину самолюбіе баронессы. Ярче чѣмъ когда-либо представлялось Улимовой въ этомъ новомъ домѣ, какъ скучна будетъ новая жизнь Желнина. «Но онъ самъ хотѣлъ! подумала она съ холодной, тяжелой грустью. Вѣдь эта дѣвочка даже въ куклы играетъ, потому только, что не можетъ разстаться съ этой привычкой. Это не фантастическое представленіе будто куклы ея понимаютъ, это не потребность привязаться къ чему-нибудь, — такъ, это привычка дѣтства, которую она съ упорствомъ сохраняетъ, потому-что умъ ея не можетъ постичь, какимъ образомъ пройдетъ тотъ день, въ который она не будетъ играть въ положенный часъ въ свои куклы.»

Улимова понимала Лину въ совершенствѣ, Желнинъ не позаботился понять свою будущую жену.

Баронъ былъ радъ, что наконецъ могъ передъ Юліей Михаиловной похвастать своимъ созданіемъ, Ольховкой. Проводивъ Улимову по всѣмъ комнатамъ, онъ показалъ ей птичій дворъ, гдѣ по очереди распространялся Антонъ Карлычъ о красотѣ какихъ-то огромныхъ, хохлатыхъ курицъ, гусей, съ длинными вьющимися перьями, голубей, съ мохнатыми ножками, утокъ-шептуновъ, цесарокъ и павлиновъ, которые разгуливали важно между болѣе обыкновенными своими собратами. Баронъ былъ веселъ, счастливъ, бросалъ имъ зерно и любовался ими. Коровы, достойныя кисти Поль Потера, наконецъ садъ съ прелестнымъ цвѣтникомъ, съ лабиринтомъ, оранжереей—все было прекрасно.

Когда осмотръ образцоваго хозяйства Ольховки кончился, и посѣтители возвратились въ комнаты, Улимова искусно повела рѣчь, наполненную похвалъ отцовской нѣжности и предусмотрительности барона, его глубокимъ познаніямъ по хозяйственной части, его вкуса въ выборѣ и устройствѣ по части пріятностей жизни. Баронъ съ наслажденіемъ прислушивался къ каждому ея слову. Женщина, мнѣніе которой онъ цѣнилъ болѣе всего въ мірѣ, не переставала осыпать его похвалами, онъ не могъ не вѣрить ей, потому-что самъ чувствовалъ и сознавалъ, что Ольховку мудрено не хвалить. Легко и незамѣтно разговоръ склонился къ той точкѣ, которая была цѣлью пріѣзда Юліи Михайловны въ Ольховку.

Баронъ пояснилъ ей нѣсколько свои идеи, представилъ основательность своего рѣшенія, но Юлія Михайловна не замѣтно опровергла все одно за другимъ. Съ большимъ жаромъ говорила она о достоинствахъ Желнина, и вмѣсто той хитрой дипломаціи,

которую всегда употребляла баронесса, Улимова прямо обратилась съ просьбой къ барону, отдать Ольховку молодымъ въ полное и независимое владѣніе. Доказавъ Антону Карлычу, съ чрезвычайнои ясностью, что онъ кончитъ тѣмъ, что не устоитъ противъ общаго желанія, и черезъ-какой нибудь годъ постоянныхъ преній объ этомъ преметѣ и просьбъ, уступитъ наконецъ, отдастъ Ольховку, но что поступокъ его ужъ не будетъ имѣть тогда ни той цѣны въ глазахъ домашнихъ, ни той заслуги въ общественномъ мнѣніи какъ теперь, а великость жертвы будетъ та же, доказавъ, что такимъ образомъ баронъ останется въ проигрышѣ и не получитъ даже простаго спасибо за свое вынужденное великодушіе, Улимова прямымъ и яснымъ изложеніемъ положенія барона побѣдила его совершенно.

Было же хоть одно существо въ мірѣ, которое говорило съ нимъ какъ съ отцомъ, какъ съ человѣкомъ, и говорило ему о сохраненіи правъ отца, о достоинствѣ человѣка! онъ слушалъ съ признательностью Юлію Михайловну, и медленно вертѣлъ въ рукахъ своихъ табакерку. Баронъ чувствовалъ, что правиленъ былъ взглядъ Улимовой на его положеніе, и на положеніе всего дѣла, и что правду говорила она. Тяжело ему было разставаться съ правами своими надъ Ольховкой, но онъ сознавалъ, что лучшая минута для этой жертвы наступила. Молча всталъ онъ, и подошелъ къ окну.

Юлія Михайловна молчала тоже, ждала, что̀ скажетъ онъ, но онъ долго, долго не отходилъ отъ окна, и взоръ его свѣтлыхъ, маленькихъ глазъ прикованъ былъ къ верхушкамъ деревъ сада. Если бы не тихое, не безпрерывное движеніе табакерки въ его рукѣ, можно бы было принять его за статую.

Наконецъ онъ обернулся, и тѣ слезы, которыя стояли у него въ глазахъ, въ этотъ разъ вовсе не были вызваны дѣйствіемъ табаку на рѣсницы.

Онъ былъ жалокъ Улимовой, она подошла и взяла его за руку. Въ этомъ человѣкѣ тоже происходила борьба.

— Вы правы, прошепталъ онъ, поднося руку Улимовой къ сѣдой головѣ. Я долженъ.... я не могу поступить иначе.... Пусть будетъ по вашему.... Господи, хоть бы Лина моя была счастлива!

— Она будетъ счастлива, сказала Улимова, тронутая до глубины души его мучительнымъ состояніемъ.

— Я вѣрю, вѣрю вамъ. Вы любите Желнина, не можетъ быть онъ дурнымъ человѣкомъ; повѣрьте, Юлія Михайловна, лучшая рекомендація для него въ моихъ глазахъ это то, что вы берете всегда его сторону. Вы будете пріѣзжать сюда къ нимъ, не правдали? вы научите Лину любить старика-отца? Вы ей скажете, что онъ тоже что-нибудь сдѣлалъ для нея своей сѣдой головой, что не все же другіе? что это ничего, что иногда всѣ Богъ знаетъ какъ меня считаютъ, и привыкли какъ на лишнюю вещь смотрѣть на меня....

— Увѣряю васъ, баронъ, что есть люди, которые васъ уважаютъ, развѣ вы этого не понимаете?

— Понимаю и чувствую, произнесъ баронъ, указавъ на сердце. Потомъ онъ вздохнулъ и понюхалъ табаку. Вотъ знаете ли, Лина моя бѣдненькая такъ тоже немножко меня любитъ, прибавилъ онъ вдругъ невольно улыбнувшись, и повеселѣлъ нѣсколько.

Коляску подали. Въ самомъ дѣлѣ хорошъ былъ передній дворъ, этотъ подъѣздъ съ липовой аллеи,

полукружіе, засаженное между ею и стѣной бѣлой акаціей, вьющіяся растенія по красивымъ, симметрически поставленымъ воротамъ. Опять глаза Улимовой поглядѣли на окна, на карнизъ, баронъ глубоко вздохнулъ, и въ обратный путь пустились посѣтители еще покамѣсть пустынной Ольховки.

Страшно утомлена была Юлія Михайловна происшествіями всѣхъ дней, начиная съ того дня, въ который она впервые услышала о женитьбѣ Желнина отъ Натальи Спиридоновны. Когда баронъ простился съ ней, и стукъ увозившей его коляски затихъ, Улимова принялась думать о Желнинѣ. Вотъ обрадуется! подумала она, и ей захотѣлось, чтобы первое чувство радости этой пришло ему отъ нея прямо. Она взяла листокъ почтовои бумаги и написала слѣдующія слова:

— «Вы получите Ольховку. Довольны ль вы?

Ю. Улимова.»

Позвонивъ, и велѣвъ посланному дождаться непремѣнно отвѣта, Улимова сѣла на свою любимую кушетку и закрыла глаза. Она старалась не думать, отдохнуть, если возможно хоть полчаса, отъ мыслей, но не могла: ничто не могло въ ней побѣдить эту печальную способность мыслью переживать прожитое.

Наконецъ шаги посланнаго раздались подъ окномъ, Улимова вскочила. Еще разъ передъ глазами ея былъ милый почеркъ, одинъ видъ котораго бывалъ для нея не разъ источникомъ тихаго веселья, рука ея развернула записку, глаза прочли:

«Благословляю васъ. Повѣрьте, я никогда не забуду, что всѣмъ счастіемъ своимъ я обязанъ вамъ.

Сердце Анны съумѣетъ оцѣнить васъ и ваши чувства. Я въ васъ не обманулся и за это благословляю васъ.

Преданный другъ вашъ

П. Желнинъ.»

Долго смотрѣла Юлія Михайловна на эту записку. Улыбка глубокаго презрѣнія пробѣжала по губамъ ея, улыбка холоднаго, полнаго разоблаченія жизни.

— Таковы видно всѣ! произнесла она. О, если бы онъ зналъ, какъ мнѣ неумѣстны его благословенія и какъ мало значутъ они для меня! какъ мало значитъ онъ самъ теперь для меня. Ха-ха-ха! Я не хотѣла вѣрить чувствамъ, повѣрила человѣку—и вотъ человѣкъ!....

Опять глаза ея остановились на запискѣ. Она не бросила ее, не уничтожила, о нѣтъ! Сложивъ съ особенной тщательностью полученное посланіе, Улимова достала изъ столика своего толстый пакетъ, въ которомъ были всѣ письма Желнина; она имъ грустно улыбнулась, на выдержку развернула одно, и прочла тамъ слова искренности, благородства, неподдѣльнаго чувства, выраженія, полныя спокойной энергіи, удивительнаго достоинства, нѣжной заботливости: тамъ говорилъ онъ съ ней какъ съ человѣкомъ, котораго уважалъ, и как съ женщиной, которой искалъ нравиться. И еще письмо взяла она, и тоже самое опять нашла въ другомъ письмѣ. Ей вдругъ стало смѣшно, захотѣлось смѣяться только не надъ другимъ, а надъ собой, надъ своими обманчивыми мечтами, надъ своимъ чувствомъ. Улыбаясь присоединила она полученную записку къ прежнимъ письмамъ Желнина. Она къ

нему не чувстовала ни малѣйшей злобы, она была справедлива до такой степени, что чувствовала себя не въ-правѣ жаловаться на него. Не онъ вызвалъ ее на чувство! Сознательно онъ не искалъ обмануть ее, она сама себя обманула: вотъ отчего ей пришло такое желаніе смѣяться надъ собой.

Свадьба Желнина съ Линой была великолѣпна, но Улимовой на этой свадьбѣ не было. Дѣла ее отозвали изъ города, она ѣздила къ кому-то изъ родныхъ покойнаго мужа, словомъ—вышло какое-то непредвидѣнное обстоятельство, помѣшавшее Юліи Михайловнѣ присутствовать на свадьбѣ Лины. Юлія Михайловна до послѣдней минуты готовилась къ этому дню; знакомые спрашивали, будетъ ли она на свадьбѣ и получали въ отвѣтъ, что непремѣнно; двѣ или три самыя любознательныя дамы видѣли даже новое платье и головной уборъ, который она располагала надѣть. Но утромъ, въ самый день свадьбы Лины баронъ получилъ премилую записку отъ Улимовой, которая въ немногихъ словахъ выразила сожалѣніе, что не можетъ присутствовать при ожидаемомъ торжествѣ, и въ объясненіе прилагала письмо отъ сестры покойнаго Улимова, которая требовала настойчиво немедленнаго ея прибытія въ деревню по какимъ-то семейнымъ дѣламъ.

Кто-то видѣлъ Юлію Михайловну въ дорожномъ экипажѣ, запряженномъ почтовыми лошадьми.

Не будемъ разбирать, точно ли это игрой обстоятельствъ, или заранѣе устроеннымъ и обдуманнымъ планомъ своихъ дѣйствій Улимова избавилась отъ зрѣлища, которое еще тягостно было для души. Видно, не сознавала она еще, что въ состояніи одолѣть себя, что равнодушно можетъ смо-

трѣть ужъ на то, что недавно такъ болѣзненно поразило все существо ея.

Улимова осталась на нѣсколько недѣль въ деревнѣ у Дунечки, по крайней мѣрѣ почти два мѣсяца никто не видѣлъ ее въ городѣ. Отсутствіе ея чувствовалось особенно ея обычными посѣтителями, но кто болѣе всѣхъ скучалъ—рѣшитъ слѣующая глава.

Пленчаниновъ забѣгалъ на домъ и спрашивалъ у женщины, которой было поручено беречь квартиру—барыня еще не пріѣхала?

— Нѣтъ-съ, не пріѣхали-съ, бывалъ отвѣтъ.

— И что за охота Жюли сидѣть такъ долго въ деревнѣ у Дунечки! восклицалъ съ досадой Пленчаниновъ и, хлопнувъ дверью, уходилъ чрезвычайно недовольный.

— Когда же мы увидимъ М-me Улимову? спрашивалъ Трасси у Пленчанинова на улицѣ, поглаживая свою свѣтлорусую бородку.

— Не пишетъ къ вамъ Юлія Михайловна? спрашивалъ Салынинъ.

— Напишите Юліи Михайловнѣ, что безъ нея мнѣ еще скучнѣе—говорилъ Гриневичъ, и всѣ они обращались къ Пленчанинову, какъ къ единственному человѣку, который что-нибудь могъ сказать имъ объ Улимовой.

Тименецкій самъ написалъ къ ней; письмо было умно и мило написано, наполнено тонкими намеками, вкрадчивыми фразами.

Качуновъ говорилъ иногда съ полуулыбкой: засидѣлась что-то въ деревнѣ, Улимова! и при этой фразѣ рука его отправлялась за жилетъ отыскивать сердце.

Штадтгельмъ поручилъ Пленчанинову, если бу-

детъ писать, передать его уваженіе, преданность, пожелать всего лучшаго и выразить какъ будетъ онъ счастливъ, когда ужъ она возвратится.

Желнинъ дѣлалъ съ женой послѣсвадебные визиты и оставилъ карточку Юліи Михайловнѣ, а Лина присоединила къ ней свою, на которой было весьма красиво отпечатано: «Каролина Антоновна Желнина, урожденная баронесса Ш**.»

Улимова не возвращалась.

Уже давно въ Ольховку переѣхали молодые, былъ у нихъ обѣдъ для барона, баронессы и Натальи Спиридоновны; потомъ былъ другой, парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ знакомые. Наталья Спиридоновна восхищалась очень наивно всѣмъ что видѣла въ Ольховкѣ, ласкала очень Лину, и отъ восторга не могла усидѣть въ одной гостиной, и безпрестанно кочевала изъ комнаты въ комнату, любуясь мебелью, обоями, зеркалами. Тименецкій, Качуновъ и Пленчаниновъ рѣшили всѣ трое въ одинъ голосъ, что Желнинъ прекрасно женился. Трасси похвалилъ вкусъ и отдѣлку комнатъ. Штадтгельмъ былъ того мнѣнія, что счастье не состоитъ все въ пріятностяхъ жизни, и какъ любитель музыки, послушавъ Лину на ея превосходномъ Эрардѣ, сказалъ вполголоса Трасси, что въ Линѣ ни искры таланта, ни признака души, что жаль инструмента для нея; садомъ и оранжереей онъ восхищался болѣе всего, позволилъ барону водить себя отъ цвѣтка къ цвѣтку и отъ дерева къ дереву. Только Гриневича и Салынина не было на этомъ званномъ обѣдѣ у молодыхъ: Гриневичъ не любилъ баронессы, и изъ всего общества зная одного Желнина, отказался, откровенно сказавъ молодому хозяину, что сдѣлаетъ ему только

заботу, заставить забавлять себя, вынудить занимать его преимущественно свою фигуру, потому-что самъ не думаетъ ни съ кѣмъ знакомиться кромѣ хозяйки и ни къ кому не подойдетъ. Пришлось Желнину понять, что точно присутствіе Гриневича стѣснитъ всѣхъ, и принять отказъ его; Салынина онъ не позвалъ, потому-что былъ знакомъ съ нимъ только по обществу, а другъ у друга они никогда не бывали.

Но вотъ окончился размѣнъ визитовъ, чередъ обѣдовъ и вечеровъ прошелъ; молодые могли наконецъ вполнѣ располагать своимъ временемъ, ихъ оставили въ покоѣ. Первый день совершеннаго одиночества и спокойствія тянулся что-то очень долго, но Желнинъ приписывалъ это состояніе утомленію, и находилъ очень натуральнымъ, что неслововохотливость Лины увеличилась еще отъ усталости, которую навели на ихъ обоихъ безконечные шумъ и суета, продолжавшіеся почти четыре недѣли. Всѣ праздники, всѣ визиты дѣлались съ распоряженія баронессы, каторая какъ будто хотѣла отдѣлить по возможности ту минуту, когда въ Ольховкѣ кромѣ ея молодыхъ хозяевъ, молчанія и раздумья никого уже не останется; когда каждый изъ двухъ этихъ существъ будетъ предоставленъ себѣ, каждый будетъ въ состояніи сойти въ свою глубину, оглянуться на прошлое, задуматься надъ будущимъ,—баронесса старалась, чтобы это время пришло какъ можно позже для Желнина и для Лины. Вѣроятно по этому разсчету баронесса, вопреки принятому обычаю оставлять молодыхъ въ уединеніи, старалась какъ будто оглушать ихъ шумомъ и суетой.

Но такая жизнь не могла долго продолжаться, и

вотъ къ концу мѣсяца Ольховка пуста и тиха, два существа только въ ней. Первыи день прошелъ въ молчаніи, на второй Желнинъ посовѣтовалъ Линѣ начать работу, а самъ ушелъ по хозяйству, смотрѣлъ лошадей и потомъ ѣздилъ въ поле съ приказчикомъ. На третій день Петръ Дмитріевичь уѣхалъ на охоту, опоздалъ къ обѣду, но воротился довольно веселый, привезъ нѣсколько убитыхъ птицъ. Съ женой онъ былъ любезенъ и вечеромъ заставилъ ее читать вслухъ французскій романъ, самъ же сидя въ чрезвычаино покойномъ креслѣ, курилъ и слушалъ. Потомъ просилъ Лину сѣсть за рояль и въ полудремотѣ подъ музыку думалъ о томъ, что очень пріятно имѣть такой прекрасный домъ, такую прекрасную деревню, и покоиться на такой превосходной мебели послѣ охоты.

А тамъ онъ въ городъ началъ ѣздить по утрамъ на службу....

Итакъ Улимова все еще заблуждалась; даже разочарованная вполнѣ насчетъ достоинствъ этого человѣка и благородства этой натуры, она все еще считала его менѣе мелкимъ, нежели каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Ничего не требовали его сердце и умъ, онъ былъ довольнѣе своей судьбой нежели Улимова, нежели баронесса даже предполагала: онъ видѣлъ себя бариномъ—ничего болѣе не занимало его. И сознаніе, что онъ женатъ, тоже ему давольно нравилось. Новость для него этой роли, какъ роли общественной, была ему пріятна. Ужъ что представлялось его воображенію, почему онъ чувствовалъ себя въ правѣ поважничать собственно оттого только, что былъ человѣкомъ женатымъ—не возможно рѣшить. Это странное чувство, это обманчивое понятіе, но Желнинъ вовсе

не выходитъ въ этомъ отношеніи изъ толпы, такъ поступаютъ очень многіе.

Отчего иногда женятся люди? Кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ женятся, чтобы сдѣлать партію или по богатству, или по связямъ, люди пожившіе женятся не рѣдко отъ скуки холостой жизни, изъ боязни одиночества, или просто оттого, что самъ хозяйничать усталъ и понадобилась хозяйка; а люди не жившіе почти, собирающіеся только пожить, женятся часто просто изъ желанія видѣть себя женатымъ. Можно бы простить имъ какъ любопытство, да только не изъ любопытства дѣлается это, а изъ какого-то смѣшнаго и ужъ совершенно непонятнаго желанія поважничать передъ сверстниками, выказать себя человѣкомъ серьёзнымъ, положительнымъ. Изъ ста одинъ быть можетъ женится по любви, и самая обыкновенная вещь для женщины въ наше время это услышать слѣдующія слова: милый другъ, какъ я люблю тебя! это однако ужасно, что меня хотятъ женить на Д...., представь, я долженъ буду подчиниться общему желанію родныхъ, коково мнѣ будетъ!...

И любимая женщина слушаетъ эти возгласы молча: мудрено передать, что ея любящее сердце въ подобную минуту смѣшной откровенности чувствуетъ, не хочется передавать, что ея голова тогда думаетъ!... Какъ мало значитъ *люблю* въ устахъ любящаго въ наше время! «Я тебя люблю; — но мать пріискала мнѣ невѣсту побогаче! Я тебя люблю;—но тётка совѣтуетъ мнѣ покончить семейный процессъ женидьбой на дальней кузинѣ...; люблю—но у друга моего есть сестра, и онъ, шутя, давно уже, заглазно сосваталъ насъ, и въ мысляхъ той дѣвушки я женихъ ея; можетъ быть любитъ

она уже меня.» И женщина, которая васъ слушаетъ, говоритъ себѣ,—«та не видѣла его, и только можетъ быть любитъ, а я люблю, люблю всѣми силами души, и онъ твердитъ, что любитъ меня, а между тѣмъ ему такъ легко отъ меня отказаться!» О вѣкъ разсудка, вѣкъ соображеній, вѣкъ посторонняго вліянія, вѣкъ искуственный, вѣкъ мыльныхъ пузырей, ты бы не создалъ слово любовь, и если не зачеркнулъ его еще совершенно, то потому только, что оно прежде тебя создано!...

Итакъ покамѣсть у Желнина были двѣ пріятныя мысли: мысль, что онъ женатъ и другая мысль, что онъ владѣлецъ Ольховки. По возможности онъ тѣшилъ себя этими двумя мыслями, и однако, не смотря на то, что имѣть двѣ пріятныя мысли очень довольно для человѣка, если возмемъ въ соображеніе, что большая часть проживаетъ вся жизнь и доходитъ до гробовой доски преслѣдуемая и провожаемая только черными мыслями, у Желнина оставалось еще довольно времени для того, чтобы скучать, а скучая, искать во всемъ лекарства отъ скуки, изобрѣтать и создавать себѣ во всемъ развлеченіе. Богатъ былъ Желнинъ своими двумя пріятными мыслями, богата была Лина способностью одѣвать и раздѣвать своихъ куколъ, сажать ихъ на ихъ миніатюрную мебель и просиживать въ комнатѣ, нарочно устроенной для нихъ какъ для живыхъ существъ, все то время, когда мужа не было дома, и не смотря на это, скучновато иногда бывало Желнину, и казалось ему, что Линѣ тоже должно быть скучно.

Въ подобныя минуты онъ заставлялъ её играть, или читать, а самъ курилъ растянувшись въ креслахъ, а иногда, мѣшая разсѣянно уголья въ ками-

нѣ, начиналъ онъ рѣчь объ обязанностяхъ женщины въ отношеніи къ свѣту и къ семейной жизни. Тутъ онъ входилъ совершенно въ роль наставника, и какъ Лина была пріучена безмолвно и покорно выслушивить наставленія всякаго рода, то даже подобная бесѣда не оживлялась преніемъ: мнѣнія Желнина безпрепятственно выливались и не встрѣчали не только противоположнаго мнѣнія, но даже вовсе никакого. Начиналъ ли онъ говорить о чувствахъ, о разныхъ случаяхъ жизни, Лина и тутъ слушала его ни мало не оживляясь и, казалось, міръ, общій всему человѣчеству, на долго, на долго еще оставался недоступнымъ душѣ ея. Нѣсколько болѣе участія и любопытства вывыказывала она къ разсказамъ, почерпнутымъ изъ самой жизни Желнина, какія: нибудь приключенія и происшествія казались ей сказкои и занимаеё въ смыслѣ сказки, но въ истину разсказываемаго она вовсе не вѣрила и, по окончаніи разсказа, всегда говорила:

— Вотъ ужъ ни за что не повѣрю, что все это правда, это ты все выдумалъ, Пьеръ, чтобы забавлять меня!

— Какая ты смѣшная! Говорятъ тебѣ, что это со мной было.

— Неправда, неправда, ты бы такъ не поступилъ. Это ты такъ себѣ воображалъ, какъ я иногда воображала, что кукламъ нужно растолковать урокъ ботаники, или физики. Вѣдь я понимаю очень хорошо что имъ отъ этого урока никакой пользы нѣтъ, а скучно, вотъ я нарочно себѣ представлю, что будто онѣ меня понимаютъ.

А теперь, знаешь Петръ Дмитріевичъ, мнѣ такъ

смѣшно какъ пойду въ ихъ комнату; вѣдь я знаю, что имъ все равно на какой бы мебели ни сидѣть, но мнѣ такъ смѣшно, такъ весело, что у нихъ мебель Помпадуръ! Ну вотъ, и тебѣ смѣшно, какъ ты вообразишь, что все это съ тобой случилось, что влюблялись въ тебя, что ты тоже влюблялся, разныя сцены, ты все себѣ представишь это, и расказываешь какъ будто въ самомъ дѣлѣ было.

— Да увѣряю тебя, душа моя....

— Полно, ну повѣрю ли я, что помѣщикъ пригласилъ васъ всѣхъ обѣдать и думалъ, что вы откажетесь, а какъ вы не отказались, такъ спрятался, и вы потомъ ему письмо писали?... Вѣдь не повѣрю, ты такъ представилъ и разсказываешь, какъ будто бы все было въ самомъ дѣлѣ.

— Право ты престранная, Лина!

— Какъ же ты хочешь, чтобы я вѣрила, что бываютъ такіе смѣшные люди какъ тѣ, о которыхъ ты говоришь, что встрѣчалъ? Признайся, вѣрно не встрѣчалъ?

— Я тебя въ свою очередь спрошу, въ какомъ мірѣ ты жила? да ты ничего не знаешь кромѣ своихъ книгъ, вѣдь жить такъ нельзя. Правда, ты еще очень молода, но все же мудрено право не понимать ничего и всему удивляться.

Тутъ Желнинъ пустился опять въ разсужденія очень серьезныя и всячески старался пробудить въ Линѣ способность понимать возможное возможнымъ и выучить ее разсуждать хоть о чемъ-нибудь, но напрасно! разговаривать Лина не умѣла, и мудрено было добиться хоть сколько-нибудь оживленія и сердечной теплоты въ ея бесѣдахъ. Обыкновенно она слушала молча.

Желнинъ, облекшись въ мантію философа, ста-

рался особенно ей внушить, что она ничего не должна скрывать отъ мужа, ничего не предпринимать безъ его совѣта, никогда не идти противъ его мнѣнія, и иногда очень краснорѣчиво расказывалъ ей, что онъ очень ее любитъ и что далъ ей много доказательствъ своего чувства. Тогда Лина смѣлѣе подходила къ нему приласкаться, цѣловала его въ лобъ или въ руку, но вліяніе, которое Желнинъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все болѣе на жену свою, очень походило на вліяніе баронессы надъ нею.

Удивительно, что не смотря на молодость и на вѣчную спутницу молодости — впечатлительность, на способность привязываться, къ каждому кто приласкаетъ, не смотря на свойственную молодому сердцу потребность любить, сердце Лины очень тупо развивалось для каждато чувства.

До сихъ поръ она повидимому уступала силѣ привычки, нежели чувству любви къ своему красивому мужу: сердце ея спало по прежнему, только свыкалась она съ тѣмъ, что вмѣсто голоса матери, подлѣ нея раздавался голосъ Желнина, и вмѣсто поученій баронессы, слушала она его наставленія.

Прошелъ мѣсяцъ со дня свадьбы. Лина шла черезъ столовую за арку, къ своимъ кукламъ, которыя все еще составляли для нея самое пріятное развлеченіе, когда голосъ Желнина, сидѣвшаго у себя въ кабинетѣ, позвалъ ее:

— Это ты, Лина, спросилъ онъ, не вставая съ кожанаго темнобронзоваго кресла, поди сюда!

Покорная призыву, молодая женщина повернула къ дверямъ кабинета, и остановилась въ нихъ, ожидая, что далѣе скажетъ ей мужъ.

Желнинъ сидѣлъ передъ выдвинутымъ ящикомъ конторки и держалъ въ рукахъ довольно толстый пакетъ; другая рука, упершись локтемъ въ ручку кресла, подпирала его красивую голову. Синіе глаза задумчиво глядѣли вдаль, и на темномъ фонѣ высокой спинки кресла рисовался отчетливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ мягко, небольшой и блѣдный профиль его правильнаго лица. Лина устремила въ эту сторону вопросительный взглядъ.

— Подойди поближе, сказалъ Желнинъ—зажги вторую свѣчу! Хорошо. Теперь сядь, мы поговоримъ съ тобой.

Лина исполнила все изъ покорности и приготовилась по обыкновенію слушать Петра Дмитріевича безъ любопытства и почти безъ участія.

— Прежде всего скажи мнѣ, любишь ли ты Улимову? сказалъ Желнинъ.

— Да, я очень люблю Юлію Михайловну, отвѣчала Лина, и глаза ея остановились на лицѣ мужа, выражая на этотъ разъ холодное ожиданіе.

— Не правда ли, эта женщина съ большими достоинствами? продолжалъ Желнинъ.

— Всѣ ее хвалятъ, папà говоритъ, что надо цѣнить ее вниманіе—сказала Лина.

— А мамà тебѣ никогда ничего не говорила о ней?

— Мамà говорила, что Улимова очень умная женщина, больше ничего.... Нѣтъ, постой, мамà еще разъ при мнѣ кому-то говорила, что Улимова удивительно умѣетъ владѣть собой....

Лина съ замѣтнымъ усиліемъ старалась вспомнить, что еще говорила баронесса про Юлію Михайловну.

— Вотъ еще что, сказала она черезъ минуту,— мамà мнѣ сказала, чтобы я не слишкомъ сближалась

съ Улимовой и не очень бы часто приглашала ее въ Ольховку, когда она возвратится. Еще мама̀ прибавила, чтобы я тебѣ этого не говорила и что поступать этакъ необоходимо для моего счастья. Я тебѣ давно бы разсказала, но право забыла; пожалуйста не подумай, что я не хотѣла. Правда, я обѣщала мама̀, что не скажу, но тогда я еще не знала, что скрывать что-нибудь отъ мужа—это какъ-будто скрывать отъ самой себя. Вотъ теперь ты мнѣ хорошо растолковалъ, что не слѣдуетъ такъ поступать, и я буду разсказывать тебѣ все, что услышу.

Желнинъ слушалъ внимательно свою жену.

— Прекрасно сдѣлаешь, душа моя, сказалъ онъ съ нѣкоторой важностью, я вижу, что я въ тебѣ не ошибся. Взаимное довѣріе между мужемъ и женой есть залогъ семейнаго счастія на всю жизнь.

Но оставимъ эту сторону вещи, не будемъ говорить о пользѣ такихъ отношеній, взглянемъ на нихъ съ ближайшей точки: недовѣріе съ твоей стороны было бы неблагодарностью ко мнѣ, понимаешь ли?

— Понимю, отвѣчала Лина—ты ко мнѣ добръ, я не должна дѣлать того, что тебѣ непріятно.

— Нѣтъ, все еще смыслъ не тотъ! воскликнулъ Желнинъ. Недовѣріе съ твоей стороны было бы неблагодарностью потому, что я безконечно къ тебѣ довѣрчивъ. Скажи, скрываюль я что-нибудь отъ тебя? Вѣдь я бы могъ тебѣ ничего не разсказывать изъ своей жизни, но я этого не сдѣлалъ, я тебѣ рѣшительно все разсказываю. — Лина поцѣловала у него руку.

— Одно было обстоятельство, которое я не рѣшался тебѣ повѣрить, и знаешь ли отчего? Я колебался нѣсколько потому, что мнѣ приходится го-

ворить о женщинѣ достойной уваженія, и что уваженія къ ней ни въ чьей душѣ я бы не хотѣлъ нарушить. Но съ другой стороны я бы поступилъ не хорошо, утаивъ отъ тебя истину нашихъ отношеній. Если когда-нибудь, кто-нибудь вздумаетъ тебѣ открывать глаза насчетъ мой, смущать твое спокойствіе, я хочу, чтобы ты могла улыбнуться и сказать, что ни одно происшествіе моей жизни не можетъ быть новостью для тебя. Отъ природы я довольно холоденъ, ты во мнѣ не встрѣтишь ласки, не услышишь увѣреній въ любви, но истинная любовь человѣка серьезнаго выражается иначе. Я тебѣ доказываю свою любовь тѣмъ, что забочусь о спокойствіи души твоей, о ненарушимости твоихъ чувствъ ко мнѣ. Я хочу навсегда сохранить наши отношенія чистыми, не зависимыми отъ посторонняго вліянія; я хочу, чтобы ты меня узнавала отъ меня самого, а не черезъ другихъ. Наконецъ, существо такое еще юное и съ такими несовершенными взглядами, какъ ты, ни каждое чувство можетъ современемъ находить недостаточнымъ выраженіе моего чувства къ нему. Иногда на тебя можетъ найдти сомнѣніе, что я не довольно люблю тебя, но сегодня я хочу дать тебѣ лекарство отъ всѣхъ предубѣжденій, предохранительное средство отъ всѣхъ сомнѣній. Узнавъ, какую жертву принесъ я тебѣ, ты никогда не допустишь мысли, что я не довольно люблю тебя.

Все это Желнинъ говорилъ тономъ положительнымъ. Глаза его ни разу не взглянули на ничего, рѣшительно ничего не выразившее лицо Лины, онъ не сводилъ ихъ съ пакета, который держалъ въ рукѣ.

— Ахъ Боже мой! сказла Лина, какъ ты можешь

думать, Пьеръ, что я буду такъ глупа и повѣрю, если мнѣ начнутъ что-нибудь разсказывать про тебя.

— Не ручайся за свою непоколебимость. Я знаю болѣе тебя сердце человѣческое и потому хочу, чтобы ты въ себѣ самой имѣла чѣмъ опровергнуть сомнѣнія, если они когда-нибудь встанутъ въ душѣ твоей противъ меня. Во первыхъ, скажи мнѣ, какъ ты думаешь, какая можетъ быть величайшая жертва въ свѣтѣ?

Лина молчала.

— Ну пожалуйста, скажи, какъ ты объ этомъ думаешь?

— Я никогда объ этомъ не думала, Пьеръ, ты Богъ знаетъ что спрашиваешь.

— Величайшая жертва—это отказаться отъ любви женщины, которая по душѣ своей, уму, или по чему бы то ни было, стоитъ высоко въ общемъ мнѣніи, сказалъ важно Желнинъ. Быть любимымъ женщиной такого сорта—это величайшее наслажденіе. Напримѣръ, представь себѣ, что вмѣсто меня визиты бы дѣлалъ съ тобой послѣ свадьбы человѣкъ глупый, уродливый, ничтожный, за котораго ты бы краснѣть должна была, съ которымъ показаться въ люди стыдно—вѣдь это бы не доставляло тебѣ пріятнаго чувства? Вѣдь тебѣ пріятно было слышать, какъ говорили вокругъ—посмотрите, какой прекрасный мужъ у Лины Ш...?

Я вынужденъ выбрать себя для сравненія, для того, чтобы тебѣ дать хоть приблизительное понятіе о томъ чувствѣ, о которомъ хочу говорить съ тобой, но пожалуйста не подумай, чтобы я себя ставилъ на видъ по смѣшной самоувѣренности. Такъ вотъ видишь ли, Лина, если тебѣ сколько-нибудь пріятно, что подлѣ тебя человѣкъ, котораго

всѣ хвалятъ, то это только тѣнь того чувства наслажденія, которое мы, мужчины, сознаемъ, когда насъ любитъ такая женщина, что въ любви ея позавидуетъ намъ каждый.

И я былъ любимъ подобной женщиной! Мало сказать любимъ: ея жизнь была прикована къ моему слову, къ моему взгляду. Иногда мнѣ даже смѣшно становилось смотрѣть, какое мученіе выражалось на лицѣ ея, когда я съ ней сухо и холодно говорилъ. Каменное терпѣніе у этой женщины, право! етли бы меня кто-нибудь такъ терзалъ, то я бы не перенесъ, постарался бы расквитаться съ ней и оставилъ бы въ покоѣ. Не знаю, право, за что ужъ она меня такъ любила! Какъ ни разсматриваю себя, не понимаю — можно ли та..ъ любить, какъ она меня любила. Бывало блѣднѣетъ, худѣетъ, просто умираетъ—я прійду, слово ласковое скажу, посмотрю съ участіемъ — и выздоровѣла, уже счастлива вполнѣ. Это была презанимательная исторія!

— И тебѣ не жаль её было? спросила Лина. Значитъ ты не любилъ, если такъ дурно обращался; вѣдь не обращаются же дурно съ тѣмъ, кого любятъ.

— Ты этого не поймешь, ты ребенокъ и для тебя много закрыто еще въ жизни! возразилъ Желнинъ. Скажи, ты догадываешься, кѣмъ я былъ такъ сильно любимъ?

Лина простосердечно разсмѣялась.

— Ха-ха-ха, какой ты смѣшной, право! Гдѣ же мнѣ догадываться, когда я никого не знаю. Меня еще никуда не возили, я видѣла тебя только у насъ, и въ голову мнѣ не приходило подмѣчать за тобой.

Желнинъ задумался.

— Правда, сказалъ онъ, ты насъ никогда не видала вмѣстѣ.

—Развѣ я ее знаю?

— Знаешь и очень любишь.

Лина помолчала нѣсколько минутъ, стараясь догадаться о комъ онъ говорилъ.

— Рѣшительно не понимаю, о томъ ты говоришь, произнесла она.

Желнинъ развязалъ пакетъ, и взявъ одно изъ писемъ, развернулъ его передъ глазами жены.

— Узнаешь ли этотъ почеркъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не знаю. Ахъ постой, кажется, рука Улимовой?....

— Читай!

Лина взяла изъ рукъ его письмо Юліи Михайловны и подошла ближе къ свѣчѣ. Желнинъ, откинувъ голову на спинку кресла, закрывъ глаза, втягивалъ въ себя съ наслажденіемъ горячій дымъ папиросы. Не безъ удовольствія представилъ онъ передъ собой въ эту минуту выразитеьное и благородное лицо Улимовой и взоръ ея большихъ глазъ, не движный, полный тихои, сильной и гордой любви.

— Да, признаюсь, думалъ онъ, кто бы отказался отъ любви подобной женщины, кто бы не позавидовалъ мнѣ, кто бы не захотѣлъ быть на моемъ мѣстѣ! За то и я не измѣнилъ ей, не выдалъ ни разу, до сихъ поръ никто не знаетъ, что она меня любила, развѣ самъ кто-нибудь догадался. А пріятно переживать прошлыя мгновенья!.... Лина будетъ молчать, если я захочу. Не мѣшало ей однако сказать.... Я бы могъ хвастать любовью этой женщины, а я напротивъ того старался от-

вращать всѣ подозрѣнія. Много въ ней прекраснаго, жаль только, что ужъ голова слишкомъ горяча, слишкомъ пламенное воображеніе—къ сердцу все слишкомъ близко принимаетъ. Господи Ты Боже мой! несчастная бывало такая, больная такая—и все отчего? наговорю колкостей, нарочно, для шутки. Вѣдь вотъ умна, очень умна, а никогда не пойметъ! Сейчасъ огорчится, и слова въ укоръ не скажетъ, мучится и молчитъ. Удивительная женщина!....

Между-тѣмъ Лина кончила читать и подошла къ мужу.

— Гдѣ же тутъ написано, что она любитъ тебя? спросила она, спокойно возвращая ему письмо Улимовой.

Желнинъ отъ досады вскочилъ съ своего мѣста.

— Да ты видно безъ вниманія читала? воскликнулъ онъ.

— Напротивъ того, иное слово по нѣскольку разъ читала, на она нигдѣ не говоритъ — люблю тебя, Пьеръ!

— Развѣ надо говорить это? это чувствуется въ каждомъ ея словѣ, все письмо ея проникнуто глубокимъ чувствомъ; видно, что она живетъ только мной, думаетъ только обо мнѣ, и только хотѣла бы менѣе сказать нежели чувствуетъ. Въ этой женщинѣ изумительная сила привязанности, она вся высказалась въ силѣ терзаній ея души.

— Какой же ты злой, если ты её такъ мучилъ. Это очень не хорошо, Пьеръ!

— Вольно же ей было мучиться! Она ужасно любила меня. Ты теперь понимаешь, отчего мама̀ те-

бѣ говорила, чтобы ты съ ней не сближалась, чтобы неприглашала часто въ Ольховку?

— Развѣ мама̀ знала? зачѣмъ же ты сказалъ мама̀?

— Я ей никогда не говорилъ, но вѣдь она женщина проницательная, она сама сейчасъ догадалась, и боится за тебя.

— А мнѣ что?

— Тебѣ? разумѣется сущій вздоръ; мама̀ твоя боится, чтобы я теперь не влюбился въ Юлію Михайловну, думаетъ, что ты отъ этого будешь чувствовать себя несчастной, будешь тоже плакать, мучиться....

— Вотъ прекрасно! пусть мама̀ этого не думаетъ, я ей скажу, что она ошибается, что я сама очень люблю Юлію Михайловну. Мнѣ что за дѣло, что она тебя любитъ! Папа̀ всегда говоритъ, плохая рекомендація у меня тому человѣку, котораго Юлія Михайловна не любитъ. Вѣрно папа̀, если бы зналъ, что она тебя любитъ, былъ бы очень радъ.

— Ты только пожалуйста никому не разсказывай, слышишь Лина, это мнѣ будетъ очень непріятно.

— Я не разскажу, если ты не хочешь, но плакать и мучиться оттого, что Юлія Михайловна тебя любитъ, не буду, ты только не думай этого вмѣстѣ съ мама̀.

— Не ручайся за себя, Лина, твои взгляды тоже современемъ могутъ перемѣниться; но вспомни тогда, что не случай тебѣ открылъ любовь Улимовой ко мнѣ, что *я самъ все тебѣ* сказалъ, и въ то время, когда ты еще, неопытный ребенокъ, ничего не могла подозрѣвать!... Въ отношеньи къ тебѣ я поступилъ такъ, какъ, конечно, не посту-

пилъ бы другой на моемъ мѣстѣ: могу по совѣсти сказать, что я поступилъ благородно. Пусть же добровольное мое признаніе служитъ тебѣ доказательствомъ, что я добровольно навсегда отказываюсь отъ счастія быть любимымъ Юліей Михайловной. При первой же встрѣчѣ съ ней, я ей скажу, что ты все знаешь, что твоя чистая душа умѣла оцѣнить ея прекрасныя чувства, что ты жалѣешь о ней и её уважаешь.... Она увидитъ тогда, что я каждый долгъ свой, какъ долгъ человѣка, понимаю высоко и выполняю мужественно; что она не ошиблась, что во мнѣ именно тотъ нелживый, могу сказать тотъ благородный характеръ, какимъ она меня всегда воображала....

— А если она будетъ не довольна, что ты мнѣ разсказалъ? спросила Лина съ своей ненарушимой наивностью.

— Ты её не знаешь, она меня пойметъ и оцѣнитъ, пойметъ, что я не изъ тщеславія разсказалъ тайну ея чувствъ, потому-что я умѣлъ молчать до сихъ поръ передъ всѣми, а что въ отношеніи тебя собственно исполняю долгъ свой отвѣчалъ Желнинъ.

Удивительно, право, какими мыльными пузырями потѣшаетъ себя человѣкъ нашего времени! чего только не придумаетъ себялюбіе и тщеславіе, которыя каждую нашу мысль, набравъ на соломенку кой-какой діалектикъ, раздуваютъ въ довольно красивый, большаго размѣра мыльный пузырь! Этими мыльными пузырями мы играемъ съ такою же ловкостью, съ какой искусный жонглеръ играетъ легкими мѣдными шарами, передъ изумленной публикой: разница только та, что жонглеръ

дивитъ другихъ, самъ же мало себѣ дивится, а мы, удивляя другихъ, любуемся собой.

— Ты понимаешь теперь, Лина, продолжалъ Желнинъ, въ руки какого человѣка ты отдала жизнь свою и будущность? Ты понимаешь, что *другіе* могутъ сомнѣваться во мнѣ, могутъ бояться за твое счастіе, но что тебѣ бояться за себя не придется. я не обманулъ тебя, и наконецъ не далъ ли тебѣ самое сильное доказательство истинной любви, отказавшись для тебя отъ любви такой женщины, какова Улимова. Знаешь ли, что десять быть можетъ человѣкъ, которые ничѣмъ не хуже меня, добиваются этого счастія, а я имѣлъ его — и отказался добровольно, все для тебя. Понимаешь ли ты это?

— Въ самомъ дѣлѣ, какой ты добрый, сказала Лина; благодарю тебя. И она нагнулась и тихо поцѣловала руку мужа.

— Что ты дѣлаешь! воскликнулъ Желнинъ, я ужъ говорилъ тебѣ, что я не люблю этого, что мнѣ совѣстно.

На этотъ разъ онъ говорилъ совершенную правду, ему въ самомъ дѣлѣ бывало всегда совѣстно отъ такого изъявленія признательности со стороны Лины. Какъ большинство, онъ всегда смущался формами и старался облагородить, даже сдѣлать изящной форму каждаго движенія души. Онъ не зналъ порывовъ.

— А теперь я могу идти? спросила Лина, подождавъ нѣсколько минутъ и видя, что Желнинъ молчитъ.

— Идти? куда?... спросилъ онъ съ удивленіемъ.

Она смутилась, краснѣя нагнула голову и молчала.

— Я шла за арку проговорила она нерѣшительно.

— За арку! къ кукламъ значитъ, подумалъ Желнинъ; хорошо же она меня слушала, хорошо же поняла въ чемъ дѣло!...

— Ты меня удивляешь, Лина, сказалъ онъ. Ступай, если хочешь!

Тутъ онъ невольно вздохнулъ, поглядѣвъ въ слѣдъ уходящей женѣ. Надо думать, что начиная этотъ разговоръ, онъ создалъ себѣ мыльный пузырь, и что въ настоящую минуту этотъ мыльный пузырь лопнулъ, и что, какъ всегда, холодная мутная капля упала на сердце. Еще бы можно было помириться съ тѣмъ, что мыльнымъ пызырямъ, которые мы сами себѣ создаемъ, или другіе для насъ вздуваютъ, сужено разлетаться, лопаться, если бы не было этихъ холодныхъ, мутныхъ капель. Минута, въ которую онѣ падаютъ на сердце человѣка, пренепріятная минута.

Желнинъ остался опять одинъ въ своемъ прекрасномъ кабинетѣ, въ своемъ обитомъ темно бронзовымъ сафьяномъ креслѣ. Двѣ свѣчи горѣли на столѣ, пакетъ развязанныхъ писемъ лежалъ у него на колѣняхъ. Неловко ему было и тяжело. Онъ зажегъ папиросу, но дымъ ея дразнилъ его воображеніе, рисуя передъ глазами въ легкихъ очеркахъ, въ молочныхъ, подвижныхъ клубахъ какіе-то неуловимые образы; они поднимались, они неслись мимо, сворачивая и разворачивая передъ глазами его блѣдный свитокъ безотвѣтной жизни. Папироса догорѣла. Тогда глаза его нечаянно остановились на письмахъ, опять не по выбору, опять наудачу взялъ онъ письмо, и сквозь эти строки, слова, сквозь эти буквы увидѣлъ онъ нѣмой и пе-

чальный женскій образъ, увидѣлъ онъ многіе дни, канувшіе на дно прошедшаго, многія чувства, погибшія безвозвратно, много утраченнаго навсегда, но милаго.....

Онъ не устоялъ противъ искушенія, онъ сталъ читать, и вчитывался съ наслажденіемъ въ полузабытыя страницы.

«Да вы прекрасно сдѣлали, что побранили меня, васъ я не могу не послушаться»—писала къ нему Улимова въ этомъ попавшемся подъ руку письмѣ.

«Мнѣ стыдно теперь своего ребячества, и докторъ будетъ мной доволенъ».

«Браните меня почаще, мой разсудительный другъ, я сама стану разсудительнѣе; но вотъ видите ли, мнѣ иногда бываетъ очень тяжело. Въ подобныя минуты, если посѣтитъ болѣзнь, смотришь на нее какъ на жаланнаго гостя. Я столько разъ лечилась, я всегда лечусь—въ этотъ разъ мнѣ хотѣлось не лечиться, чтобы разрѣшить вопросъ, который меня давно занимаетъ—для кого я живу? для себя, или для другихъ? если я нужна кому-нибудь еще кромѣ себя, то выздоровѣю безъ медицинскаго пособія; если же увижу, что умираю, потому-что отказалась отъ помощи моего опытнаго и добраго доктора, тогда разрѣшится вопросъ, который меня занимаетъ, отвѣтомъ, что я нужна была только себѣ и потому жила только для себя, и, не имѣя другой причины жить кромѣ этой, я естественно должна была позаботиться и не допустить себя умереть. Такъ какъ интересъ моей жизни угасъ бы вмѣстѣ съ этой жизнью, то не было бы силы, которая безъ содѣйствія моей собственной воли могла удержать меня и не дать мнѣ переселиться въ вѣчность. Я находила, что это единствен-

ный способъ разрѣшить трудный вопросъ—нужна ли жизнь моя еще кому-нибудь, кромѣ меня собственно? Посмѣйтесь надо мной и скажите теперь, что женщина способна даже умереть—изъ любопытства. Но вы побранили меня очень кстати.

«Вопросъ о значеніи моей жизни исчезъ, и вмѣсто его, въ душѣ мой живетъ и шевелится другой вопросъ—скоро ли я буду въ состояніи возвратиться и доказать вамъ, что я внѣ опасности, что я лечилась, заботилась о себѣ, что я слушала васъ, для того только, чтобы имѣть право спросить—довольны ль вы мной? Вы говорите, что я принадлежу друзьямъ своимъ, вы называете себя моимъ другомъ и напоминаете мнѣ, что если жизнь моя принадлежитъ друзьямъ, то часть ея отдана на вашу долю. Да, вы не ошибаетесь, но знаете, ли какая часть? если я скажу, что двѣ трети моей жизни ваши, мнѣ кажется я скажу еще очень мало. Привязанность моя къ вамъ глубока, сильна, вычеркните ее изъ списка чувствъ моихъ—во мнѣ почти не останется чувства.

«Скажите мнѣ въ какую прекрасную, свѣтлую минуту вашей доброй и благородной души вы написали ко мнѣ? Я гляжу теперь, пока пишу къ вамъ, на письмо ваше, и мнѣ кажется чувствую ласковое пожатіе руки, которая его писала. И такъ, я для васъ что-нибудь значу въ этомъ мірѣ. Вы встревожены извѣстіемъ о моей болѣзни, вы пишете, что пріѣхали бы ходить за мной и поквитаться сколько-нибудь за то время, когда я просиживала дни возлѣ васъ больнаго. Я вѣрю вамъ, вѣрю вашему сердцу, и благодарю его. Но оставайтесь моимъ должникомъ; пріятно мнѣ думать, что вы считаете себя чѣмъ-нибудь мнѣ обязан-

нымъ. Какое счастіе, что чувство мое къ вамъ не похоже на любовь! если бы во мнѣ была любовь, письмо ваше не имѣло бы для меня такого цѣлительнаго свойства: прежде нежели позволила радоваться его милымъ выраженіямъ, я бы вспомнила, что мы разстались не совсѣмъ миролюбиво, что въ сердцѣ моемъ было чувство оскорбленія и досады, и что поступки ваши возбудили это, что слѣдовательно я могу примириться теперь съ вами и дать вамъ почувствовать, что я только примиряюсь. Я именно того мнѣнія, что достоинство женщины требуетъ въ любви подобной тактики, и потому въ совершенномъ восторгѣ, что, будучи свободна отъ тѣхъ отношеній, которыя создаются любовью, я свободно могу сказать вамъ, что счастлива была письмомъ вашимъ, что выходки ваши я давно забыла, смотрю на нихъ какъ на дѣйствіе минуты, что мнѣ надо было слышать только вашъ голосъ—и я съ наслажденіемъ къ нему прислушиваюсь.

«За чѣмъ мнѣ хитрить съ вами? вы знаете очень хорошо, что вы все для меня, что у меня нѣтъ ничего отраднаго, задушевнаго, къ чему бы не присоединялась мысль о васъ. Увѣряю васъ, благодаря вашему письму, доктору придется очень немного и очень не долго хлопотать вокругъ меня....

«Въ эту минуту я остановилась поневолѣ. Проходилъ шарманщикъ, и маленькая жидовочка хриплымъ дискантомъ пѣла все ту же свою заунывную пѣсню. Вчера еще эта пѣсня болезненно поражала мои нервы, сегодня я открыла окно, чтобы послушать её, и перестала даже писать къ вамъ. Помните ли, мы не разъ вмѣстѣ слушали ихъ, не знаю какимъ образомъ они здѣсь очутились, и всякій вечеръ въ

тотъ же часъ, какъ нарочно, проходятъ мимо моей квартиры. Теперь я смѣло представляю себѣ васъ, и душѣ моей не больно, и не обидно....

«Если бы вы знали, какъ хорошъ сегодня мѣсяцъ! Но что я говорю, вѣдь вы его тоже видите и невольно смотрите на него, наши взгляды встрѣчаются. Звѣзды я люблю, но луна лучше—у всякаго есть своя любимая звѣзда, звѣздъ много, какъ отгадать ту, на которой остановился вашъ взоръ? луна одна, — невольно каждый взглянетъ на нее, и мысленная встрѣча непремѣнна тогда.

«Если бы вы имѣли нехорошую привычку показывать другимъ мои письма, я бы къ вамъ не писала о Линѣ и звѣздахъ, не потому, чтобы боялась смѣха другихъ, а потому, что знала бы, что вы посмѣетесь обидно надо мной, когда будете читать меня при другихъ. Когда мы не одни, вы стараетесь смѣхомъ заглушить возбужденное въ васъ чувство; когда нѣтъ свидѣтелей, вы чувствуете болѣе и лучше меня прекрасную, поэтическую сторону каждаго предмета. И, такъ мы одни мои мысли, какъ всегда, въ рукахъ вашихъ, въ рукахъ только однихъ васъ!

«Не смѣйтесь же ни надъ шарманкой, ни надъ пѣснью жидовочки, ни надъ луной и ея вліяніемъ на сегоднишнее настроеніе души моей. Ищите причинъ этого настроенія въ словахъ письма вашего и знайте, что вы сами разнѣжили мнѣ душу.

«Мы скоро увидимся. Дѣламъ я не позволяю болѣе задержать меня. Никогда еще кажется я не возвращалась съ такимъ нетерпѣніемъ домой, какъ буду возвращаться въ этотъ разъ. Мы увидимся! въ этомъ словѣ для меня міръ самыхъ ласкающихъ надеждъ, міръ самаго свѣтлаго счастья. Въ

этотъ разъ нетолько я одна ищу встрѣчи нашей, вы тоже ждете её, и я смѣлѣе чѣмъ когда-либо протяну вамъ дружески руку.

«Хотите ли знать, чѣмъ кончись дѣла мои? Конецъ ихъ вполнѣ удовлетворилъ меня: я передала права, которыя меня тяготили, и теперь свободнѣй прежняго. Сначала много было запутаннаго, на меня смотрѣли съ предубѣжденіемъ, я исполнила свой долгъ и доказала имъ, что не довѣрять мнѣ не было никакой причины. Вообще хорошо, что дѣло обошлось безъ поясненій, до которыхъ, какъ вы знаете, я такая неохотница; формальной ссоры не могло быть между нами.

«Я говорю вамъ о себѣ и своихъ дѣлахъ не безъ цѣли, этимъ я пріобрѣтаю право спросить у васъ— а вы что дѣлали за все это время? я вѣдь даромъ ничего не дѣлаю, вы это знате. Я разсказываю для того, чтобы вызвать васъ разсказомъ на разсказъ.

«Не отлагайте бесѣды вашей со мной на слишкомъ долгое время, докторъ не позволяетъ мнѣ думать о выѣздѣ ранѣе трехъ недѣль, а три недѣли, это три вѣчности, изъ которыхъ каждая слагается изъ семи маленькихъ вѣковъ—день какъ вѣкъ у меня тянется. Ваши дни должны проходить быстро, должны казаться вамъ очень короткими сравнительно съ моими, потому-что множество происшествій разнообразитъ ихъ. За то у васъ есть о чемъ поразсказать. Говорите же мнѣ о себѣ.

«Вы очень зло шутите надъ Тименецкимъ, Трасси и Штадтгельмомъ, но я предаю въ руки вашего остроумія охотно одного Тименецкаго только: тщеславіе првлекло этого человѣка ко мнѣ, тщеславіе его удерживаетъ. Трасси милъ очень, какъ

не сознать этого! а Штадтгельмъ столько умень, что ограничится изъявленіями почтительнаго вниманія. Каждый изъ нихъ по-своему совершенно равнодушенъ ко мнѣ,—повѣрьте, ваши предположенія неосновательны. Но я скоро ихъ увижу въ присутствіи вашемъ, а покамѣсть прошу васъ не принимайте этихъ добрыхъ пріятелей моихъ за поклонниковъ, не называйте ихъ этимъ именемъ никогда.

«Что дѣлаетъ баронесса? Я не спрашиваю, что она дѣлаетъ изъ васъ, она изъ васъ дѣлаетъ все что хочетъ. Я это знаю, но чувство мое къ вамъ такого рода, что я объ этомъ безъ мученія думаю. Мнѣ кажется, что даже свиданіе съ нею мнѣ доставитъ удовольствіе—пріятно смотрѣть на то, что дорого тому кто намъ дорогъ.

«Вы мнѣ поможете выздоровѣть письмами вашими, неправдали? Дайте вашу руку. Будьте счастливы, будьте покойны, мой добрый другъ.

Улимова.»

Это письмо было давно писано, безъ малаго годъ тому назадъ. Въ настоящую минуту ничего уже не оставалось въ душѣ Желнина изъ того, что тогда такъ сильно занимало его. Вліяніе баронессы, любовь Улимовой, все исчезло, все распалось. Точно ли съ нимъ все это было? спросилъ онъ себя. Точно ли теперь онъ женатъ? Точно ли онъ добровольно оторвалъ себя отъ міра, который воздвигли вокругъ него разныя обстоятельства, разныя встрѣчи, и построилъ для себя другой міръ, поселилъ себя въ немъ, и живетъ въ немъ теперь новымъ, незнакомымъ еще самому себѣ человѣкомъ?

Думая такимъ образомъ, онъ ходилъ въ глубо-

комъ молчаніи изъ угла въ уголъ. Однако письмо Улимовой, письмо болѣе или менѣе похожее на всѣ тѣ письма, которыя онъ получалъ отъ нея, когда былъ съ ней въ разлукѣ, было рѣзкой противоположностью съ разговоромъ жены его, разговоромъ, который предшествовалъ чтенію этого письма. Здѣсь тонкость чувства, прозрачность, женственность каждой мысли, здѣсь теплота души и гибкость ума, здѣсь все жизнь — тамъ все сонъ, грубый и тяжелый сонъ, омертвѣлость, оцѣпенѣніе, не развитіе.

Вынимая изъ стола письма Улимовой, Желнинъ имѣлъ чистосердечное намѣреніе, показавъ ихъ женѣ, уничтожить, сжечь. Теперь рука не поднималась. Онъ чувствовалъ пустоту, одиночество, ему сдѣлалось грустно....

— Чай поданъ! произнесъ лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ, остановясь въ дверяхъ.

— Иду, отвѣчалъ Желнинъ.

Онъ еще остановился посреди комнаты, медленнымъ взоромъ обвелъ все ея убранство, потянулся, зѣвнулъ, потомъ махнулъ рукой—и вышелъ изъ своего кабинета.

Улимова возвратилась наконецъ изъ своего добровольнаго изгнанія. Она отдала визитъ молодымъ. Лина смотрѣла на нее съ дурно скрытымъ любопытствомъ, но была привѣтлива и ласкова какъ только могла. Желнинъ сыгралъ очень хорошо передъ ней роль внимательнаго хозяина, съ которой успѣлъ уже совершенно освоиться. Въ Юліи Михайловнѣ было какое-то тяжелое равнодушіе, она не играла роли, а въ самомъ дѣлѣ смотрѣла на все какъ въ мутномъ снѣ.

Ничего знакомаго душѣ ея не осталось въ Жел-

нинѣ, а съ новымъ человѣкомъ, котораго она передъ собой видѣла, ей не было охоты знакомиться ближе.

Ея возврату обрадовался кружекъ людей, которые привыкли встрѣчаться одинъ съ другимъ въ ея присутствіи. Опять Пленчаниновъ, Качуновъ и Тименецкій, опять Штадтгельмъ и Трасси, опять Гриневичъ и Салынинъ сходились къ Юліи Михайловнѣ. Она по-прежнему была имъ рада. Мѣсто Желнина оставалось пустымъ, и ей легче было думать, что онъ не пришелъ, что онъ забылъ её, отсталъ, нежели что прежній Желнинъ не существуетъ уже вовсе. Чувствовала она и сознавала, что позволила себѣ глубоко обмануться, что сама обманула себя и что долго и искусно себя обманывала. Это чувство, это сознаніе жило въ ней, преслѣдовало неутомимо ея воображеніе и заставляло её горько улыбаться; она получила способность смѣяться надъ собой. Грустная способность, почти всегда дорого купленная, но способность, имѣющая болшое достоинство:—она прибавила еще одну новую краску къ всегда занимательному и живому разговору Улимовой. Это тонкая и тихая иронія—она имѣетъ свою горькую прелесть.

Улимова однако употребляла этотъ языкъ только въ разговорахъ съ Гриневичемъ, она больше прежняго находила удовольствіе смотрѣть на его холодное лицо, на сердитые глаза: его безучастность находила въ ней отголосокъ. Въ этой женщинѣ была одна слабость—она не умѣла оставаться съ глазу на глазъ съ собой, когда бывала сильно огорчена. Быть можетъ оттого, что она не способна была предаваться отчаянію, что, по гордости, жаловаться никогда ни-накого, кромѣ самой себя,

себѣ не позволяла. За то же она изнывала отъ тоски, а тоскливое состояніе, въ которое она впадала, есть ничто иное какъ грустное нетерпѣніе, чувство до такой степени невыносимое и безъисходное, что покончитъ съ нимъ только тотъ, кто съумѣетъ убѣжать отъ него. Юлія Михайловна пыталась всячески убѣжать отъ него. Суета свѣтской жизни столько разъ уже давала ей лекарство, медленно дѣйствующее, но довольно вѣрное, что Улимова, не задумываясь, отдалась суетѣ. Она танцовала много, танцовала съ одушевленіемъ, съ неутомимостью, со страстью....

Салынинъ, который любилъ свѣтъ, былъ привязанъ къ обществу двойной цѣпью связей своихъ и вкусовъ, имѣлъ тысячу случаевъ любоваться этой женщиной. Часто они танцовали вмѣстѣ. Онъ, какъ и всѣ, былъ обманутъ ея напряженнымъ веселіемъ, онъ считалъ её счастливой. Онъ находилъ, что она легка и граціозна, что рѣчь ея жива и блестяща, что всюду она занимаетъ завидное мѣсто. Онъ видѣлъ, какую богатую дань вниманія несли къ ея ногамъ; онъ видѣлъ какъ мужчины искали ей нравиться, а женщины показать, что хороши съ ней, хотя изъ подтишка старались оттягать у ней хоть какое-нибудь изъ ея достоинствъ; онъ улыбался ей иногда въ толпѣ.

Онъ наслаждался невыразимо-пріятнымъ чувствомъ — веселиться, жить, дѣйствовать на глазахъ той женщины, которую хотѣлось ему занять собой. Пріѣзжать всегда съ убѣжденіемъ, что вездѣ встрѣтитъ онъ Улимову, было для Салынина счастіемъ.

Онъ смотрѣлъ какъ она танцовала, слушалъ какъ она говорила, нѣсколько разъ въ теченіе вечера ея рука была въ его рукѣ. Колкость, сказанная ею

Тименецкому, или Качунову, легкая насмѣшка, брошенная насчетъ Трасси, приводили его въ восторгъ.

Улимова сама ему часто говорила—«будьте тамъ, приходите туда, завтра я буду въ театрѣ, надо и вамъ быть!» На балахъ, въ толпѣ его отыскивали темные, большіе глаза, и когда взоръ ихъ встрѣчался, глаза эти говорили ему—какъ рада я что вы здѣсь!

Колесникова не было, онъ жилъ далеко, въ своемъ эскадронѣ.

—

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

РОМАНЪ

А. МАРЧЕНКО.

Brama assai, poco spéra e nulla chiède.

Часть III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ А. СМИРДИНА (СЫНА) И КОМП.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 15 Марта 1858 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ГЛАВА VII.

Былъ зимній день, но зимній день безъ снѣгу и съ двумя градусами тепла. Зато вѣтеръ докучливо пробирался подъ бурнусы, шубы и плащи, влажный воздухъ давалъ дрожь гуляющимъ; у больныхъ грудью въ этотъ день грудь болѣла сильнѣе, у больныхъ нервами нервы приходили въ разстройство, у больныхъ ревматизмомъ ревматизмъ усиливался, у подверженыхъ флюсу щека вздувалась къ вечеру — но несмотря на такія дѣйствія этого зимняго дня, на улицахъ тѣсно было отъ экипажей, а на троттуарахъ отъ гуляющихъ.

Юлія Михайловна давно уже бродила по улицамъ, но настроеніе ея мыслей было таково, что держало её въ отдаленіи на этотъ разъ отъ шумныхъ улицъ. Она шла ровно, не слишкомъ медленно и не слишкомъ торопливо, походкой человѣка, который идетъ потому, что въ эту минуту ничего другаго дѣлать не въ состояніи, ни на что иное рѣшительно не способенъ. Смотрѣла она тоже безъ цѣли, такъ

куда-то, вдаль. Голова ея какъ-будто совсѣмъ отказалась на этотъ день думать.

Вѣтеръ откидывалъ безпрестанно то ту, то другую полу ея бурнуса; ей казалось, что она не простуживается, она ужъ была простужена, но, какъ она выражалась, *достуживается,* и ей было это, Богъ знаетъ почему, очень пріятно. На поворотѣ въ шумную улицу, по которой катался и гулялъ веселый *бомондъ*, Улимова остановилась и засмотрѣлась на это общее движенье. Суматохи было не мало. Неслись фаэтоны, неслись кареты, кой-гдѣ черезъ силу, почти по обнаженной землѣ тащились сани. На правомъ троттуарѣ кланялись, на лѣвомъ кланялись, изъ экипажей кланялись другъ другу. Здѣсь говорили, тамъ улыбались. Улимова чувствовала себя совершенно чуждой всему, что происходило вокругъ нея, и потому разсматривала знакомыхъ и незнакомыхъ съ удивительной свободой. Она стояла долго на этомъ углу. Когда ей надоѣдало смотрѣть на экипажи и лица, она поворачивала голову въ другую сторону, и такъ же долго смотрѣла на пустынную улицу, очень впрочемъ красивую, съ акаціями по сторонамъ, но совершенно оставленную всѣми. Опять шорохъ саней, или стукъ колесъ заставлялъ её обернуться въ ту сторону, гдѣ суетились и шумѣли люди, опять такъ же недвижно и неотвязчиво смотрѣли на нихъ глаза ея.

Руки ея были свободно опущены, голова держалась ровно, глаза глядѣли спокойно.

— Что вы, Юлія Михайловна, долго такъ будете стоять? спросилъ у ней подходившій Гриневичъ.

Она оглянулась.

— А вы откуда? спросила она, обрадовавшись ему замѣтно.

— Я только-что позавтракалъ и иду самъ не знаю куда — отвѣчалъ Гриневичъ. — Думаю, не погулять ли? Чуть было не прошелъ мимо, да узналъ вашъ бурнусъ. Что это вы задумались? или такъ?

— Такъ, отвѣчала Улимова, улыбнувшись невольно.

— Я и догадался, что такъ — сказалъ Гриневичъ. — Мой опытный глазъ рѣдко ошибается. Вы презанимательная, право! ну скажите сами, гуляетъ ли кто-либо изъ женщинъ такъ, какъ вы?

— Онѣ гуляютъ, чтобы себя показать и на другихъ посмотрѣть, а я гуляю просто. —

— Что жъ вы стоите въ нерѣшимости — идти ль направо, или налѣво?

— Нѣтъ, я не думала было ужъ никуда идти, но если хотите, пойдемъ, бросимся въ толпу.

— Вы, кажется, сегодня веселы?

— Боюсь солгать, и оттого скажу вамъ — не знаю. Рѣшайте же, куда намъ идти, отъ толпы, или въ толпу?

Гриневичъ поглядѣлъ на улицу, кипѣвшую народомъ.

— Толпа весела сегодня, какъ мнѣ кажется — сказалъ онъ — пойдемте же и мы отыскивать свое веселье.

Они пошли рядомъ, и едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ высокая фигура Салынина, въ огромной шубѣ, очутилась подлѣ нихъ.

— Имѣю честь кланяться — проговорилъ онъ, приложивъ руку къ каскѣ.

Улимова ему привѣтливо поклонилась.

— На что это мы набрели? — спросилъ её Гриневичъ — кажется, на веселье?

— Во всякомъ случаѣ на удовольствіе — отвѣчала Улимова.

— Кланяйтесь и благодарите, Салынинъ! — сказалъ Гриневичъ.

Салынинъ посмотрѣлъ на обоихъ по очереди.

— За что прикажете? спросилъ онъ.

— Юлія Михайловна говоритъ, что встрѣча съ вами доставляетъ ей удовольствіе.

— Да я не только говорю, я Николаю Григорьичу это на каждомъ шагу доказываю.

Салынинъ поблагодарилъ её нѣмымъ поклономъ, и обратился къ Гриневичу.

— А, такъ это меня вы называете весельемъ? — спросилъ онъ. — Скажите, за что?

— Развѣ вы мало веселитесь? — сказалъ Гриневичъ. «Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два»; въ театрѣ мѣсто ваше не бываетъ пусто, а родственными обѣдами, я думаю, васъ совсѣмъ ужъ закормили.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы не скучаете эту зиму, какъ кажется — сказала Улимова.

— Попрекнуть намъ другъ друга нечѣмъ, Юлія Михайловна, — отвѣчалъ Салынинъ — вы не болѣе моего сидите дома.

— Да разница только та — замѣтилъ Гриневичъ — что Юлія Михайловна веселится и рѣдко бываетъ весела.

— Вотъ чего я вовсе не предполагалъ!

— О счастливецъ! видно, опытъ не положилъ еще своего клейма вамъ на душу — воскликнулъ Гриневичъ съ забавной торжественностью.

— О несчастный человѣкъ, на мысль котораго

опытъ наложилъ столько печатей, что ничего свѣтлаго не осталось въ ней! отвѣчалъ тѣмъ же тономъ Салынинъ. — Однако, Гриневичъ, послушайте, разскажите что-нибудь изъ опытной жизни вашей.

— Дурно разсказываю, и къ-тому я слишкомъ сегодня веселъ, мы всѣ сегодня веселы, не правда ли? Зачѣмъ же портить это счастливое расположеніе?

— Какъ вы добры, Дмитрій Александровичъ — сказала Улимова — вы боитесь насъ разжалобить, вы вѣрите въ чувствительность сердецъ нашихъ.

— Увѣряю васъ, мы плакать не станемъ, прибавилъ Салынинъ.

— Такъ я подавно разсказывать не стану, я разсказываю только тѣмъ, въ которыхъ надѣюсь встрѣтить самое живое участье. Я очень гордъ, прошу это замѣтить!

Все это говорилось подъ стукъ летѣвшихъ взадъ и впередъ экипажей, подъ шумъ шаговъ, раздававшихся по троттуарамъ.

Ужъ нѣсколько разъ мелькнуло передъ ними самодовольное лицо Качунова, Штадтгельмъ проѣхалъ въ саняхъ съ Пленчаниновымъ, Трасси пробѣжалъ по противуположному троттуару, постукивая о камень легонькой тросточкой и поглаживая свѣтлорусую бородку. Тименецкій важно раскланялся изъ своего фаэтона. Они все шли впередъ. Улимова не глядя видѣла, что глаза Салынина не покидаютъ ея глазъ, въ первый разъ еще ей отъ его взгляда было не совсѣмъ ловко, но нельзя было сказать, чтобъ это ей было непріятно. Она только болѣе обращалась къ Гриневичу, нежели къ Салынину.

— Куда же мы идемъ однако? спросилъ Гриневичъ, видя, что экипажи здѣсь уже перестали попадаться и на троттуарахъ пусто.

— Не все ли равно? — сказалъ Салынинъ, для котораго присутствіе Улимовой наполнило бы пустыню въ эту минуту.

— Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно! вѣдь мы идемъ для того, чтобы идти еще, и еще — сказала Улимова. — Знаете-ли, я сюда рѣдкій день не захожу, мнѣ все хочется отыскать ландшафтъ, я ищу зимняго ландшафта, и до сихъ поръ еще въ убѣжденіи, что найду его.

— Помилуйте! — воскликнулъ Гриневичъ — гдѣ же тутъ можетъ быть ландшафтъ! вы вѣчно ищете невозможнаго.

— Я неисправима. Но кто вамъ сказалъ, что ландшафтъ здѣсь невозможенъ? вѣдь городъ кончается, налѣво въ концѣ каждой улицы видно поле. Смотрите, вотъ и ландшафтъ: обнаженныя, сѣдыя деревья церковной ограды, и сама церковь отчетливо сегодня рисуется на сѣромъ фонѣ неба.

— Невозможное становится для васъ возможнымъ — произнесъ Гриневичъ — вотъ сила воли!

— Что значитъ сила воли въ женщинѣ? — спросилъ Салынинъ — онѣ умѣютъ только упрямиться и называютъ это силой воли. —

— Когда-то я выше всего цѣнила силу воли въ мужчинѣ — проговорила грустно Улимова — теперь я знаю цѣну тому, что̀ у васъ называется силой воли, и для меня стала плѣнительна только гибкость характера.

— Гибкость? понимаю, вамъ нужны рабы, поклонники! — воскликнулъ съ ироніей Салынинъ. Онъ казался раздосадованнымъ.

— Не рабы и не поклонники — отвѣчала Улимова — но я состарѣлась; я не могу уже довольствоваться только тѣмъ, чтобы чувствовать себя подъ вліяніемъ; мнѣ бы захотѣлось тоже видѣть, что и я имѣю вліяніе. Впрочемъ, развѣ возможна для меня любовь?...

— Неужели вы воображаете, что любить не можете? Что васъ любить не могутъ, этого вы конечно не думаете? — сказалъ Салынинъ съ горячностью.

Улимова поглядѣла на него пристально и обратилась къ Гриневичу.

— А для васъ возможна любовь, Гриневичъ? спросила она.

— Вы сдѣлали такъ, что я самъ теперь не знаю — отвѣчалъ онъ смѣясь.

Она тоже засмѣялась.

— Представьте, Николай Григорьичъ, — сказала Улимова Салынину — представьте, на что жалуется Гриневичъ: онъ хочетъ дать мнѣ понять, что влюбился бы въ меня, если бъ я ему это не запретила. Но это болѣе обязательно, нежели справедливо! Гриневичъ познакомился со мной, когда любовь для него ужъ была невозможна.

— И когда для васъ любовь къ Гриневичу была невозможна — подхватилъ Гриневичъ — а все это потому....

— Почему бы то ни было — перебила его Улимова — увольте насъ отъ поясненій, я не люблю ихъ, и вы кажется тоже, Николай Григорьичъ?

— Я никогда ничего не поясняю — отвѣчалъ значительно улыбнувшись Салынинъ.

Юлія Михайловна сдѣлала нетерпѣливое движенье.

— Словомъ, — сказалъ Гриневичъ — Юлія Михайловна съ перваго знакомства почти формально запретила мнѣ влюбиться въ нее; я понялъ, что̀ это значитъ, и обѣщалъ никогда не слѣдить за ней, не подмѣчать.... Вы понимаете, Салынинъ, что если меня любятъ нѣсколько, то потому только, что я не стѣснителенъ.

— Но сегодня вы болтливы — замѣтила Улимова.

Салынинъ расхохотался.

— Такъ вы запрещаете любить васъ? спросилъ онъ Юлію Михайловну шутливо.

— А вы повѣрили, что я до такой степени самонадѣянна: не стыдно ли вамъ? Вы сегодня наряжаете меня въ пресмѣшныя свойства. Во первыхъ я не легко вѣрю любви... а считать себя опасной для сердецъ, для спокойствія — это черезчуръ карикатурно. Начнемъ съ того, что я не знаю, что значитъ быть любимой, — о давно прошедшемъ времени я не говорю!

— Какъ, *вы* не были любимы? воскликнулъ Салынинъ.

— Берегитесь, Юлія Михайловна — сказалъ Гриневичъ — я точно сегодня болтливъ и готовъ начать исчислять всѣхъ, считать ихъ по пальцамъ.

— Развѣ это любовь? замѣтила Улимова — такъ не любятъ!

— Не знаю, какъ должно любить васъ и какому выраженью любви вы повѣрите, но понимаю теперь, что у васъ всегда будетъ отвѣтъ: — такъ не любятъ! — проговорилъ Салынинъ въ грустномъ нетерпѣніи. — Что за убійственное недовѣріе въ васъ и откуда оно?...

— Это чувство благопріобрѣтенное, нажитое — отвѣчала Улимова съ печальной улыбкой.

— Однако не поддавайтесь ему—замѣтилъ Гриневичъ серьёзно — довѣріе вызываетъ довѣріе, какъ любовь вызываетъ любовь. Не будете вѣрить вы, когда нибудь и вамъ не повѣрятъ.

— Любовь не вызываетъ на любовь — сказала Улимова.

— Какая стойкость въ мнѣньяхъ! — воскликнулъ насмѣшливо Салынинъ — вотъ свойство, которымъ не многія женщины могутъ похвалиться, и потому вы, разумѣется, постараетесь развить и усовершенствовать его?

— Въ мнѣньяхъ своихъ можно устоять всегда, если они приняты не безъ основанія.

— О да, вы столько испытали!...

— Быть можетъ болѣе, нежели вы думаете.

— Что можетъ женщина испытать, пожалуйста скажите?

— Салынинъ, не горячитесь такъ — сказалъ Гриневичъ — хотя Колесниковъ и пріучилъ васъ смотрѣть на женщинъ какъ на дѣтей, совершенныхъ дѣтей въ жизни, но это неправильный взглядъ.

— Кто такой этотъ Колесниковъ? спросила Улимова.

— Удивительный человѣкъ, вотъ человѣкъ! — воскликнулъ Салынинъ — вотъ съ кѣмъ бы я хотѣлъ, чтобы вы познакомились, Юлія Михайловна. Онъ оригиналъ немножко, человѣкъ не свѣтскій, выражается иногда странно, зато говоритъ всегда прекрасно.

— Понимаю, это вашъ другъ, и такой другъ, которымъ вы гордитесь. Завидна доля тѣхъ друзей, которыми гордятся! даже въ любви, — женщина счастлива только до тѣхъ поръ, пока ею гордятся.

— А знаете ли, въ самомъ дѣлѣ счастливъ въ этомъ отношеніи Колесниковъ — сказалъ Гриневичъ. — Представьте, нѣтъ въ полку человѣка, который бы безъ гордости сказалъ вамъ, что онъ болѣе хорошъ съ Колесниковымъ, нежели съ другими.

— Что же въ немъ особеннаго?

— Да онъ самъ какой-то особенный — сказалъ Салынинъ.

Въ это время фаэтонъ Тименецкаго опять проскакалъ мимо.

— Вотъ тоже человѣкъ особенный! — сказалъ Гриневичъ.

— А что вы думаете! вѣдь онъ болѣе другихъ умѣетъ нравиться женщинамъ — произнесъ Салынинъ.

— Тименецкій посмотрѣлъ на меня очень насмѣшливо, и я невольно почувствовала, что слишкомъ давно гуляю съ вами — проговорила улыбаясь Улимова.

— Вамъ бы слѣдовало объ этомъ раньше подумать, вы кажется очень озябли и давно уже стали зябнуть — замѣтилъ ей Салынинъ съ ласковымъ упрекомъ.

— Это правда! вы продолжаете быть невнимательны къ себѣ — прибавилъ Гриневичъ, поглядѣвъ на нее съ нѣкоторой заботливостью.

Въ сердцѣ ея шевельнулась признательность, она вдругъ почувствовала себя менѣе грустной, менѣе одинокой, менѣе чуждой міру и людямъ. Голосъ участія, минутнаго и самаго легкаго участія, имѣетъ необъяснимую и невообразимую цѣну для больной души. Юлія Михайловна шла нѣсколько минутъ въ молчаньи. Гриневичъ глядѣлъ

куда-то неопредѣленно. Салынинъ разсматривалъ все такъ же внимательно глаза Улимовой, которыхъ и цвѣтъ и выраженіе какъ-будто мѣнялись, отражая въ себѣ поочередно то проглянувшій лучъ, то набѣжавшую тучу. Улица пустѣла и воздухъ въ самомъ дѣлѣ становился замѣтно холоднѣе. На лицѣ Улимовой тоже замѣтнѣй стала выражаться усталость, и ощущеніе холода заставило её больше поблѣднѣть; она видѣла, что Салынинъ смотритъ на нее, слѣдитъ за ней, изучаетъ её въ каждой мысли, въ каждомъ ощущеньи, въ малѣйшемъ движеньи ея чувствъ. И между тѣмъ Салынинъ для нея былъ такъ же нестѣснителенъ, какъ и Гриневичъ, который точно ничего не подмѣчалъ и никогда ни за кѣмъ не слѣдилъ. Она чувствовала и ясно сознавала, что вниманіе неутомимое, придирчивое вниманіе Салынина къ ней, къ каждому ея слову — невольно; что все въ ней для него полно значенья и интереса самаго живаго. Она занимала его воображенье, какъ нѣчто занимательное, какъ нѣчто такое, чего еще онъ не встрѣчалъ и къ чему не пріобыкъ, и кромѣ того, какъ женщина, она нравилась его вкусу.

— Завтра, кажется, балъ у С....— спросила его Улимова.

— Завтра. — Говорятъ, будетъ весело — отвѣчалъ онъ разсѣянно.

— Кто же это говоритъ, Салынинъ? спросилъ Гриневичъ.

— Всѣ тѣ, которымъ хочется, чтобы было весело — отвѣтила за Салынина Юлія Михайловна.

— Развѣ вамъ не хочется? спросилъ Салынинъ.

— Я веселюсь и завтра буду веселиться. Ма-

зурку, кажется, съ вами? — И она вопросительно взглянула на Салынина.

Они уже стояли у воротъ ея квартиры.

— Я думалъ завтра напомнить вамъ ваше обѣщаніе — проговорилъ Салынинъ кланяясь.

— А я, какъ видите, предупредила васъ и напомнила вамъ о мазуркѣ еще сегодня — возразила Юлія Михайловна съ чрезвычайнымъ привѣтомъ въ голосѣ и во взорѣ. — До завтра!

И она протянула руку Салынину, потомъ Гриневичу.

— А вы, Дмитрій Александровичъ, будете?

— Нѣтъ, я отвыкъ отъ баловъ. Надо влюбиться, тогда начну ѣздить опять. Позвольте пріѣхать посмотрѣть на васъ передъ баломъ; хочется знать, каковы вы будете.

— Все та же — сказала Улимова — но пріѣзжайте, если хотите, въ четверть десятаго, въ половинѣ десятаго подадутъ карету, и я ждать васъ не буду. Нѣтъ ничего утомительнѣе, какъ въ бальномъ нарядѣ сидѣть дома и ждать; оттого женщины одѣваются всегда до самой послѣдней минуты и вѣчно опаздываютъ на балъ.

— Въ четверть десятаго я буду у васъ.

Гриневичъ и Салынинъ еще разъ слегка поклонились; Улимова вошла въ ворота своего дома, молодые люди разошлись въ разныя стороны.

Нѣсколько минутъ Салынинъ шелъ въ нерѣшимости, потомъ досталъ часы — у него была привычка безпрестанно смотрѣть на часы — часъ былъ обѣденный давно; но сегодня онъ былъ свободенъ отъ всѣхъ приглашеній, онъ располагалъ обѣдать одинъ въ гостинницѣ, и чувствуя страшную необходимость подумать на просторѣ,

рѣшился обойдти еще разъ весь кварталъ, прежде нежели пойдетъ обѣдать. Конечно онъ думалъ объ Улимовой. Далекъ онъ былъ, какъ и всѣ, отъ того, чтобы подозрѣвать её въ любви къ Желнину. Рѣдкое, чрезвычайно рѣдкое явленіе, совершенное исключеніе изъ общихъ правилъ была ея исторія съ Желнинымъ, — въ виду всѣхъ жило такъ долго ея чувство къ этому человѣку, и никогда никто не понялъ его, никогда никто не подмѣтилъ. Одинъ Гриневичъ слегка догадывался, но и тотъ даже не былъ убѣжденъ, а Салынинъ совершенно далекъ былъ самаго даже незначительнаго предположенія на этотъ счетъ. Но онъ понималъ, глядя на Улимову, что эта женщина много чувствовала, много думала. Могла ль эта женщина любить и какимъ бы образомъ она любила? вотъ вопросъ, который его постоянно занималъ съ самой первой встрѣчи.

Въ немъ была гордая мысль, что *онъ страдалъ*, что *онъ любилъ*.... Однако до сихъ поръ мѣнялись чувства его, и все потому, что слѣдующая встрѣча осуждала всегда встрѣчу предъидущую. Первый разъ въ жизни онъ полюбилъ Фанни, олицетвореніе блеска; онъ полюбилъ её тѣмъ чувствомъ, какимъ дѣти любятъ сказочныхъ героевъ и героинь, какимъ они любятъ Жаръ-Птицу. Эта женщина растерзала его самолюбіе, раздавила своей крошечной ножкой его тщеславіе, уничтожила мечты, болѣзненно разрушила все воздвигнутое пылкимъ воображеніемъ. Онъ себя почувствовалъ оскорбленнымъ, онъ себя почувствовалъ несчастнымъ, но утѣшился встрѣчей съ Оленькой Корневой. Достоинства этой дѣвушки, ея душа, ея умъ, таившійся подъ личиной простоты, ея глубокія

чувства осуждали мишурный блескъ Фанни, уничтожали самую Фанни, эту искуственную натуру, этотъ поддѣльный умъ, это нравственное ничтожество. Потомъ впечатлѣніе встрѣчи съ Оленькой Корневой было осмѣянно встрѣчей съ Гастаной: при Гастанѣ ему становилось совѣстно думать, что съ нимъ въ полку былъ такой мѣщанскій романъ. Но одинъ видъ Улимовой гораздо полнѣе осудилъ его встрѣчу съ Гастаной, нежели достоинства Оленьки Корневой осудили ничтожество и мишурный блескъ Фанни. Онъ сталъ краснѣть за себя. Ему хотѣлось стоять высоко въ мнѣніи Улимовой.

Въ первый разъ еще онъ встрѣчалъ женщину, вниманіе которой удовлетворяло его вполнѣ, потому что для тщеславія она имѣла значеніе Фанни, для чувства значеніе Оленьки Корневой, требованьямъ ума удовлетворяла какъ Гастана, она сочетала въ себѣ тѣ свойства, которыми каждая изъ памятныхъ, имѣвшихъ вліяніе на образованіе души Салынина женщинъ разнилась одна отъ другой и которыми брала одна надъ другой въ воображеньи его временный перевѣсъ. Если бы Оленька знала хорошо Фанни, онъ бы не сознался передъ нею, что такъ горячо любилъ Фанни, Гастанѣ онъ бы не посмѣлъ указать Оленьку какъ предметъ своей любви, и рѣшительно готовъ былъ принесть огромныя жертвы для того, чтобы скрыть передъ Улимовой, что ему нравилась Гастана. Улимова принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ женщинъ, соперничествомъ которыхъ не пренебрегла бы Фанни, которыхъ бы боялась Оленька, а Гастана, замѣтивъ её гдѣ-то нечаянно, видѣвъ всего одинъ разъ въ лицо, возненавидѣла, сама не зная почему; но если бы Салынину пришлось назвать

женщину, которую онъ любилъ прежде, онъ бы Гастанѣ назвалъ Фанни, а Улимовой Оленьку Корневу гораздо охотнѣе, съ меньшимъ бы стѣсненіемъ указалъ на нее, нежели на Фанни, и особенно нежели на Гастану.

Вотъ именно объ этомъ раздумывалъ Салынинъ, доканчивая свою прогулку въ совершенномъ уединеніи и вспоминая, какъ еще въ первыхъ дняхъ знакомства своего съ Улимовой, въ Петербургѣ, боялся онъ, чтобы Улимова не встрѣтила его вмѣстѣ съ Гастаной, и какъ въ каждомъ ея взглядѣ онъ старался всегда прочесть, что̀ ложится въ ея мысляхъ на долю его, — похвала или порицаніе. Потомъ онъ спрашивалъ себя, найдется ли хоть одна женщина, достоинства которой уничтожили бы достоинства Улимовой до такой степени, чтобы пришлось тоже отречься, что любилъ её, и краснѣть за свое чувство? Вслѣдъ за этимъ вопросомъ онъ подвергалъ Юлію Михайловну строжайшему анализу: она была далеко не красавица, но это лицо не могло надоѣсть, на немъ такъ ясно можно было читать малѣйшее движенье души, видѣть набѣгъ новой мысли: эта женщина была именно и въ физическомъ отношеніи тѣмъ же, чѣмъ ей слѣдовало быть. Ея фигура, ея нога, ея глаза, ея волосы, все это было *кстати* — иначе выразить невозможно, не затемнивъ настоящей идеи длинными и запутанными фразами. Умъ и душа конечно въ ней были очевидны, если даже врачи не смѣли ей отказывать въ нихъ. Были ль у ней связи? этого Салынинъ не зналъ навѣрно, и скорѣе предполагалъ, что не было. Была ль она богата? Салынинъ зналъ, что нѣтъ: её не окружала пышность, не украшалъ блескъ роскоши.

Салынинъ предался съ наслажденьемъ разнымъ мыслямъ, которыя однако всѣ шли къ одной точкѣ — къ Юліи Михайловнѣ, всѣ разбѣгались и сбѣгались, сходились дружно, всѣ кружили безпрестанно вокругъ Улимовой. Вдругъ онъ остановился на одной мысли, сосчиталъ дни своего отпуска — ихъ оставалось не много, онъ вздохнулъ. Потомъ онъ вспомнилъ о Колесниковѣ и почувствовалъ въ душѣ какъ бы упрекъ невольный самому себѣ въ той холодности, съ которой думалъ о свиданіи съ нимъ. Онъ вошелъ въ гостинницу и сѣлъ за столъ, усталый и скучный. Качуновъ и Пленчаниновъ, забѣжавъ въ столовую случайно, подмѣтили нерасположеніе его духа и оба надъ нимъ подсмѣялись, намекнувъ, что продолжительныя прогулки ни къ чему не ведутъ. Имъ помогъ Трасси, и всѣ трое наболтавъ Салынину что-то очень много въ такомъ родѣ, ушли, оставивъ его раздосадованнаго до-нельзя тѣмъ, что они какъ будто проникли его тайну. Видѣть свое чувство предметомъ ихъ шутокъ, видѣть себя въ рукахъ ихъ празднаго остроумія, было нестерпимо для такого гордеца, каковъ Салынинъ. Непріятно ему было тоже, что вниманіе ихъ обращено на Улимову, что догадкамъ ихъ и подозрѣньямъ онъ какъ будто самъ открылъ обширное поле; словомъ, всѣ эти шутки ему ужасно не понравились, онъ понималъ, что каждый изъ нихъ добивался ея вниманія и каждый радъ былъ случаю отплатить ей хоть какъ нибудь за равнодушіе. Онъ нашелъ, что со стороны этихъ господъ очень не похвально поступать такимъ образомъ, что они не довольно цѣнятъ Улимову, не понимаютъ ея, и что не слѣдуетъ ихъ принимать послѣ этого такъ привѣтливо, какъ

она ихъ всегда принимала. Эти люди называютъ себя ея друзьями! — подумалъ онъ съ неудовольствіемъ.

Онъ былъ такъ недоволенъ, въ такомъ непріятномъ расположеніи духа, что только мысль о завтрашнемъ балѣ, о мазуркѣ и еще о нѣкоторыхъ дополнительныхъ вещахъ развлекла его нѣсколько.

Вѣрный своему слову Гриневичъ на другой день ровно въ четверть десятаго вошелъ въ гостиную Улимовой; она вышла къ нему, растягивая осторожно пару маленькихъ, бѣлыхъ перчатокъ. На ней было бѣлое шелковое платье съ двумя легкими тюниками, подхваченными голубыми цвѣтами; довольно большой голубой вѣнокъ лежалъ граціозно и свободно надъ пышными bandeaux тёмныхъ волосъ. На шеѣ и на рукахъ никакого украшенья, перчатки обшиты бѣлой лентой и кружевами; широкія кружева убирали корсажъ ея платья. Въ этомъ простомъ и изящномъ нарядѣ нельзя было не замѣтить удивительной стройности Юліи Михайловны. Лицо ея было нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, серьёзное и равнодушное.

— Какая у васъ не бальная физіономія сегодня! сказалъ Гриневичъ, пожавъ протянутую ему руку.

— Я озябла, здѣсь атмосфера не бальная, а на мнѣ бальный нарядъ. Садитесь, насъ напоятъ чаемъ, я поболтаю немножко съ вами и поѣду искать веселья туда, гдѣ свѣтло, тепло и шумно. Зачѣмъ васъ тамъ не будетъ!

— Я сталъ лѣнивъ. Бѣдныя женщины, вы должны прибѣгать къ баламъ, чтобы заглушить себя! Я могъ обойтись безъ баловъ и оттого от-

сталъ такъ отъ свѣта и теперь окончательно облѣнился. Но постойте, дайте же посмотрѣть на себя.

Юлія Михайловна подошла поближе и простояла минуты двѣ въ молчаньи.

— Какъ вы хороши сегодня! — произнесъ Гриневичъ, окинувъ её внимательнымъ взглядомъ.

— Мнѣ къ лицу, когда я бываю блѣдна на балѣ.

Эти люди говорили съ чрезвычайной серьёзностью и безъ малѣйшаго увлеченья, или волненія. Улимова сѣла на кушетку и взяла чашку съ чаемъ, которую ей въ эту минуту подали.

Гриневичъ поставилъ передъ собой стаканъ, но продолжалъ разсматривать Улимову и нарядъ ея. Глаза его медленно обвели взоромъ густые, шелковистые волосы и голубой вѣнокъ; потомъ остановились на изгибѣ стройной, тонкой таліи, и наконецъ на кончикѣ бѣлой атласной ботинки, которая стягивала маленькую, узкую и выгнутую ножку, ножку, которой бы позавидовала маркиза или герцогиня. Онъ нашелъ, что Юлія Михайловна прекрасна.

— Салынинъ сегодня будетъ счастливъ и несчастливъ — сказалъ онъ, досказывая невольно вслухъ мысль, которая представилась ему во время того холоднаго и подробнаго осмотра, какому онъ подвергнулъ Улимову.

— А это отчего?

— Счастливъ потому, что вы прекрасны и что ему будутъ завидовать; несчастливъ потому, что слишкомъ много глазъ будетъ устремлено на васъ сегодня.

— Я бы легко отшутилась, если бы вы не го-

ворили такимъ серьёзнымъ тономъ, — замѣтила Улимова.

— Я о Салынинѣ говорю всегда серьёзно, потому что чувство его къ вамъ серьёзнѣй, нежели онъ это думаетъ, — сказалъ Гриневичъ. Не понимаю, почему бы вамъ его не любить!

Улимова вздохнула. —

— Потому, — сказала она — что я любить не могу. Способность любить мною утрачена, она изсякла.

— А если вы ошибаетесь, если въ васъ можетъ проснуться еще чувство и оно обратится опять къ человѣку, который не пойметъ его, потому что его не стоитъ? Послушайте, увѣряю васъ, я не слѣдилъ за вами, другіе слѣдили и не подмѣтили, а я догадался. Вы измучены, послѣднее испытанье вамъ дорого обошлось, но чего вы искали? *человѣка*, — вы не нашли его. Ищите *чувства*, его найдти легче; чувство есть порожденіе минуты, а мы имѣемъ право думать, что нѣтъ сердца, которое бы не было прекрасно минутами.

— А когда эта минута пройдетъ? спросила Улимова съ глубокой задумчивостью.

— Иногда минута протянется на всю жизнь человѣческую.

— Въ Салынинѣ минута скоро пройдетъ. Я нравлюсь ему — можетъ быть, я занимаю его воображеніе — это тоже можетъ быть, но онъ увлеченъ, онъ способенъ еще увлекаться, онъ богатъ чувствами, потому что молодъ, и оттого расточаетъ ихъ. Впрочемъ я вѣрю, что въ немъ много хорошаго, но ни въ комъ уже ничего не стану искать: въ совершенство человѣка не вѣрю, а совершенства чувства я не знаю.

— Но если чувство само васъ ищетъ?

— Вы шутите, Гриневичъ, вы сегодня въ веселомъ расположеніи духа!

— Увѣряю васъ, что вы въ вашемъ бальномъ нарядѣ ничуть не расположили меня къ веселости. Напротивъ, вы навели на меня раздумье. Я смотрю на васъ, смотрю на себя, и понимаю, до какой степени мы оба безотрадны, именно тѣмъ сознаніемъ, что мы можемъ вѣрить другъ другу, но не можемъ другъ друга любить. И между тѣмъ, глядя на васъ, женщину прекрасную, въ которой все еще такъ сильно говоритъ душѣ и уму, я не могу помириться съ мыслью, что вы ужъ никого любить не будете. Но къ кому обратится сердце ваше, если еще разъ оно вздрогнетъ и проснется? Кѣмъ вы окружены? людьми, которымъ конечно вы знаете не хуже меня цѣну. Салынина я не знаю и вы тоже не можете знать его, онъ весь еще въ своемъ будущемъ, онъ слишкомъ молодъ, но я знаю цѣну его чувству, и убѣжденъ, что чувство его стоитъ отвѣта. Вотъ сердце, которое васъ не обманетъ!

— Потому что я сама ужъ потеряла способность обманываться. Положимъ, что увлеченье Салынина можетъ быть заслуживаетъ названія любви, положимъ, что даже любовь его сильна и прекрасна — но онъ уѣдетъ въ полкъ, жаръ чувства простынетъ, впечатлѣніе изгладится. Право, Дмитрій Александровичъ, вы придаете тò значеніе чувству Салынина ко мнѣ, котораго оно вовсе не имѣетъ. Вѣрю, что много прекраснаго въ его минутѣ, но ужъ точно это минута, въ буквальномъ смыслѣ своемъ, и погаснетъ какъ минута.

Слова ея звучали горькимъ недовѣрьемъ, губы болѣзненно улыбались.

— Думайте какъ хотите — сказалъ Гриневичъ — Салынинъ васъ любитъ, любитъ, любитъ! — Она покачала головой.

— Онъ любитъ васъ такъ, какъ только вы можете быть любимы, вѣдь мнѣ дѣла нѣтъ до него, всегда я считалъ и буду считать его славнымъ малымъ, но этимъ и ограничиваются наши пріятельскія отношенья. Любуясь вами, я вспомнилъ, что вы любимы, и какъ имѣю привычку высказывать вслухъ каждую мысль, которая относится къ вамъ, и дѣлаю это всегда какъ только нѣтъ постороннихъ слушателей, то потому совершенно невольно повелъ сегодня съ вами рѣчь о любви Салынина. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ваше чувство досталось на этотъ разъ достойнѣйшему: всѣ эти господа ужасно хлопочутъ вокругъ васъ и добиваются любви вашей.

— На что она имъ? они не понимаютъ ни себя, ни меня. Положа руку на сердце, скажу: моя любовь не по нихъ, что же сдѣлали бы они изъ нея? я не спрашиваю уже, какъ бы они мнѣ за нее заплатили. Салынинъ одинъ стоитъ любви лучшей изъ женщинъ; желаю ему встрѣтить это чувство, но пусть онъ не ищетъ его во мнѣ. Я была бы счастлива, если бы могла любить, но не могу. Здѣсь все умерло, все пусто теперь. — И она грустно указала на сердце. —

— Нѣтъ, здѣсь больно, слѣдовательно не пусто — возразилъ Гриневичъ — но я прекращаю всѣ пренія, вы становитесь все печальнѣй и печальнѣй, а балъ васъ ждетъ. Бѣдный Салынинъ клянетъ меня и какъ бѣшеный въ эту минуту ревнуетъ — вѣдь онъ знаетъ, что я у васъ, и вы опаздываете! Посмотрите, десятью минутами ужъ о-сю-пору больше, нежели половина десятаго.

— Знаете что, я велю отложить карету и останусь — сказала Улимова тономъ совершенной тоски, досады и скуки.

— Ради Бога, что это вы! — воскликнулъ Гриневичъ, вскочивъ со стула — я бѣгу отъ васъ, бѣгу тотчасъ какъ сумасшедшій. Помилуйте, вы подвергаете мою жизнь опасности, завтра у меня будетъ ссора изъ-за пустяковъ и кончится кровавой дуэлью съ Салынинымъ. Нѣтъ, я еще жить хочу!

— Какія вы глупости говорите! если вы уважаете Салынина, то не должны обращать въ смѣшную сторону ни мнимой любви его ко мнѣ, ни его горячности — сказала серьёзно Улимова.

— А, наконецъ-то вы его защищаете! — Я очень радъ, что въ васъ проснулось чувство справедливости. Но ни слова больше, и ради Бога надѣньте ваши перчатки!

Юліи Михайловнѣ стало смѣшно и досадно на Гриневича, но дѣлать съ нимъ было нечего. Она завернулась въ шубу и бросилась въ карету. Смѣясь ея досадѣ и продолжая поддразнивать, Гриневичъ оттолкнулъ лакея и самъ захлопнулъ дверцы.

Улимова расхохоталась поневолѣ.

Карета остановилась у освѣщеннаго подъѣзда. Шуба упала съ плечъ, внимательная рука поправила голубой вѣнокъ, внимательный взоръ окинулъ разъ, одинъ разъ, весь нарядъ — женщина все-таки была въ ней видна; Улимова стала всходить не торопясь по мраморной лѣстницѣ.

Чѣмъ выше поднималась она, тѣмъ теплѣе становился воздухъ, ярче становился свѣтъ. Въ залѣ вальсировали, и звуки Штрауса какъ-будто помогали ей подниматься по лѣстницѣ, вели все выше

со ступени на ступень, притягивали и влекли въ залу полную гостей. Салынинъ стоялъ за колоннами, и пользуясь каждой минутой, въ которую менѣе было обращено на него вниманія, съ безпокойствомъ поворачивался къ лѣстницѣ: ему хотѣлось однако казаться равнодушнымъ.

— Mon cousin, vous ne valsez pas! воскликнула хозяйка дома проходя — вѣдь вы обѣщали помогать мнѣ сегодня.

— Сейчасъ, кузина. Съ кѣмъ прикажете мнѣ повертѣться?

— Вотъ княжна Волжикова, или вотъ лучше, тамъ, Лина Желнина, она сидитъ опять. Это нехорошо! Это первый балъ, на которомъ она со времени своего замужества; я хочу, чтобы она сегодня много танцовала.

— Кузина, я лечу, я буду вертѣться неутомимо, сначала съ Желниной, потомъ съ княжной Волжиковой. Я постараюсь, чтобы вы были мною вполнѣ довольны.

Говоря это, онъ еще разъ взглянулъ на лѣстницу, но не замѣтилъ Улимовой, которая именно въ эту минуту всходила уже по ней. Онъ точно подошелъ къ Линѣ, обвилъ смѣло рукой ея талію и понесся легко и быстро. Молодая женщина серьёзно, не оживленно, съ деревяннымъ спокойствіемъ сдѣлала съ нимъ туръ вальса и снова сѣла на свое мѣсто, неподвижная и безучастная ко всему. Благодаря росту, Салынинъ могъ видѣть лѣстницу черезъ головы танцующихъ, но она была пуста — онъ вздохнулъ и отправился къ княжнѣ Волжиковой.

Кусая губы подошелъ онъ къ чванливой княжнѣ, которая на звукъ шпоръ обернулась, сложила ма-

ленькій лорнетъ, поглядѣла съ прекрасно-сыграннымъ равнодушіемъ на Салынина, и поднялась со стула съ прекрасно-сыгранной неохотой. Она положила руку на его плечо; въ эту самую минуту онъ оглянулся, стараясь увидѣть лѣстницу, и увидѣлъ не на лѣстницѣ уже, а близко подлѣ себя Улимову.

— Ахъ chère M-me Oulimoff! — воскликнула хозяйка — я начинала терять надежду, это очень любезно съ вашей стороны....

Салынинъ весь вспыхнулъ, онъ не могъ поклониться Юліи Михайловнѣ, но онъ ей бросилъ взглядъ и чувствовалъ, что она на него посмотрѣла. Онъ заставилъ себя взглянуть на свою даму и безумно понесся съ ней. Салынинъ сдѣлалъ три тура вальса, не переставая, съ княжной Волжиковой.

Когда онъ отвелъ княжну къ ея матери и расcкланялся, глаза его стали искать Улимову по всей залѣ, съ такой же точно неутомимостью, съ какой онъ искалъ её до сихъ поръ на лѣстницѣ. Онъ чувствовалъ себя свободнымъ на нѣсколько минутъ отъ порученій кузины, и ему хотѣлось невыразимо пролетѣть, пронестись ужъ не съ княжной Волжиковой, а съ Юліей Михайловной, ея руку чувствовать въ рукѣ своей, и близко, близко посмотрѣться въ ея умные глаза. Онъ наконецъ открылъ Улимову между какими-то нетанцующими фигурами, обрадовался, сдѣлалъ быстрое движенье — но оркестръ въ эту самую минуту замолкъ, и Салынинъ остался на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, онъ тотчасъ же утѣшился мыслью, что издали можетъ лучше разсмотрѣть Юлію Михайловну.

Онъ нашелъ прекраснымъ ея нарядъ. Онъ

всегда думалъ, что голубой цвѣтъ идетъ только блондинкамъ, Улимова была брюнетка, но какъ ей пристали эти голубые цвѣты! Онъ замѣтилъ, что она нѣсколько блѣдна, платье ея было удивительно свѣжо, маленькая нога выглядывала въ прелестной ботинкѣ изъ-подъ платья. Вотъ подошелъ къ ней Трасси; вотъ какой-то гусаръ приглашаетъ её на кадриль; вотъ Качуновъ пробормоталъ что-то; Тименецкій свободно усѣлся подлѣ нея. Вотъ подошелъ братъ Салынина, милый юноша, прекрасный танцоръ — она ему улыбнулась, и отвѣтила склоненіемъ головы, вѣроятно тоже приняла его приглашеніе.

Раздались первые такты кадрили; Салынинъ пошелъ отыскивать свою кузину, которая была твердо убѣждена, что осчастливила его, давъ ему первую кадриль. Онъ проходилъ мимо Улимовой и воспользовался этимъ, чтобы поклониться и сказать ей нѣсколько вѣжливыхъ словъ. Трасси хотѣлъ смутить его, устремивъ проницательный взглядъ на Салынина, пока онъ говорилъ съ Юліей Михайловной, но Салынинъ выдержалъ наблюденіе его съ чрезвычайной твердостью. Качуновъ и Пленчаниновъ были слишкомъ собой заняты и потому не могли ничѣмъ болѣе заниматься.

Во время польки Салынину удалось сдѣлать два тура съ Юліей Михайловной; онъ нашелъ, что она легче, ловче и граціознѣе всѣхъ дамъ. Словомъ, каждую минуту онъ открывалъ въ ней какое-нибудь новое достоинство, что-нибудь еще — что давало ей перевѣсъ надъ всѣми другими женщинами, наполнявшими залу.

Онъ подошелъ звать её на четвертую кадриль.

— Братъ вашъ предупредилъ васъ! — отвѣ-

чала ему Юлія Михайловна съ чрезвычайной любезностію.

Салынинъ отошелъ закусивъ губу.

Онъ не танцовалъ четвертой кадрили, сѣлъ за колоннами, напротивъ Улимовой, и все время не спускалъ съ нея глазъ. Впрочемъ онъ дѣлалъ это довольно искусно, то-есть такъ, что досужему наблюдателю не удалось бы подмѣтить, куда такъ постоянно обращались его взоры.

Иногда ему казалось, что лицо брата его оживлялось особенно, что глаза молодаго человѣка сверкали, что онъ говорилъ съ одушевленіемъ, слушалъ съ удовольствіемъ. То вдругъ ему казалось, что Юлія Михайловна вся вниманіе, вся любезность для своего кавалера, что она даже какъ будто жаждетъ ему особенно нравиться, почти кокетничаетъ съ нимъ. Тогда лицо Салынина нахмуривалось, въ глазахъ выражалось неудовольствіе, и весь онъ погружался въ какую-то докучливую думу. Кадриль кончилась, онъ вздохнулъ свободнѣй, но былъ все еще недоволенъ.

Онъ долженъ былъ однако танцовать неутомимо, чтобы выполнить вполнѣ обѣщаніе, данное кузинѣ, которая болѣе всего въ мірѣ заботилась, чтобы никто не сидѣлъ въ бездѣйствіи на ея балѣ. Наконецъ раздалась мазурка.

Салынинъ обвелъ медленно глазами всю залу. Улимова сидѣла на козеткѣ и рядомъ съ ней сидѣлъ Трасси, они о чемъ-то говорили съ большимъ одушевленіемъ. Онъ принялъ видъ совершеннаго равнодушія, подошелъ къ Улимовой и поклонился, напоминая тѣмъ, что мазурка тотчасъ начнется. Трасси покраснѣлъ и вскочилъ съ козетки. Салынинъ занялъ его мѣсто.

— Cousin, начинайте вы, пожалуйста будьте въ первой парѣ! произнесла хозяйка дома, подбѣжавъ къ нему.

— Согласны ли вы? спросилъ Салынинъ свою даму.

— Нѣтъ, не согласна. Мое давнишнее правило: не танцовать никогда въ первой парѣ.

— Ахъ, Боже, вы неумолимы! воскликнула кузина Салынина и побѣжала отыскивать другую, болѣе-сговорчивую пару. — Messieurs, qui veut conduire la mazourka? спрашивала она, обращаясь къ нѣсколькимъ кавалерамъ вдругъ.

— Отчего вы не хотѣли танцовать въ первой парѣ? спросилъ Салынинъ Улимову.

— Оттого, что я хочу не только танцовать съ вами, но и говорить, — отвѣчала Юлія Михайловна. — Если мы должны между собой совѣщаться о фигурахъ, а все остальное время пояснять ихъ тѣмъ, которые проглядятъ, или не поймутъ, то для меня рѣшительно не будетъ никакой разницы, танцую ль я эту мазурку съ вами, или съ кѣмъ другимъ.

— Я думаю, что вамъ и такъ рѣшительно все равно, со мной, или съ другимъ кѣмъ вы танцуете мазурку — возразилъ Салынинъ. — Вы право удивительная женщина, вы способны съ одинаковой любезностію говорить со всѣми. Быть можетъ, если бы здѣсь былъ кто-нибудь, чья оригинальность, чей умъ могутъ заставить васъ забыть время, какъ Гриневичъ напримѣръ....

Улимова съ трудомъ скрыла улыбку, мелькнувшую у ней на губахъ.

— Неужели я такъ опоздала? спросила она. — Вѣдь при мнѣ начали первую кадриль, я кажется

васъ видѣла въ вальсѣ, открывающимъ балъ съ княжной Волжиковой?

— Да, *кажется*, это вы меня видѣли, только не я открылъ балъ, и не княжна, а мой братъ съ кузиной; вы видѣли меня съ княжной, потому-что мнѣ поручено было выводить въ свѣтъ забытыхъ и оставленныхъ, а какъ самъ я былъ совершенно забытъ, и имѣлъ даже причины предполагать, что мазурка, о которой мнѣ такъ мило напомнили вчера, тоже забыта, то я по сочувствію исполнялъ возложенную на меня обязанность въ совершенствѣ.

— Отчего же это вы имѣли причины предполагать, что мазурка забыта?

— Оттого, что я зналъ, что у васъ сидитъ Гриневичъ.

— Салынинъ, твоя очередь! сказалъ кто-то Салынину, и онъ взялъ руку Улимовой въ свою руку, и понесся съ своей дамой счастливый и веселый.

Для фигуры онъ выбралъ княжну Волжикову. Улимова — его брата. Салынинъ слегка сдвинулъ брови. Когда они возвратились на мѣсто, Салынинъ повернулся къ Юліи Михайловнѣ.

— Вамъ было весело въ прошлую кадриль? спросилъ онъ.

— Очень.

— Я это видѣлъ; я смотрѣлъ на васъ, но вы мнѣ не нравились тогда. Оставьте кокетство другимъ женщинамъ, васъ видѣть кокеткой я не могу.

— Что это вы говорите!

— Да то.... мнѣ все равно впрочемъ.... Будьте кокеткой, если хотите, кружите головы всѣмъ этимъ господамъ, посмотрите, какъ ихъ много, полная зала, только одного оставьте! Въ этой залѣ

есть человѣкъ, которому я бы не хотѣлъ, чтобы вы нравились, не хотѣлъ бы, чтобъ онъ вамъ нравился, потому-что тогда.... тогда я бы долженъ былъ бѣжать васъ, заставить себя никогда васъ болѣе не видѣть....

Салынинъ говорилъ съ такимъ жаромъ и искренностью, что Улимова съ невольнымъ наслажденьемъ прислушивалась къ словамъ его.

— Назовите мнѣ этого человѣка,—сказала она ласково, даже съ замѣтной нѣжностью въ голосѣ и во взглядѣ — я хочу сегодня дѣлать только тò, чтò вамъ нравится, и вовсе не хотѣла бы заставить васъ бѣжать отъ меня.

Салынинъ улыбнулся отъ блаженства; если бы онъ могъ, то бросился бы передъ ней на колѣни, не зная чѣмъ выразить свою признательность. Онъ глядѣлъ на нее и не отвѣчалъ ни слова.

— Что же вы! назовите, прошу васъ, кто?

— Кавалеръ вашей четвертой кадрили — отвѣтилъ онъ чуть слышно. — Видите ли, — продолжалъ онъ серьезно — я воспитанъ нѣсколько патріархально и уважаю очень родственныя отношенья.

Въ этомъ отвѣтѣ было высказано больше истиннаго и глубокаго чувства, нежели во всѣхъ увѣреньяхъ въ любви, которыя когда-либо слышала Улимова; она не могла не сознать внутренно, что Гриневичъ былъ правъ совершенно, когда говорилъ, что чувство Салынина сильно и достойно уваженія.

— Вы будете мною въ этомъ отношеньи всегда довольны — сказала она — будьте покойны.

— Быть покойнымъ совершенно я не могу, съ нѣкоторыхъ поръ меня все раздражаетъ, вчера я

чуть было не поссорился очень крупно съ Качуновымъ и другими франтами у Дюмаре. Эти господа позволяютъ себѣ неумѣстныя шутки, догадки.... Конечно, не стоило бы обращать на нихъ никакого вниманія, но это выше всякаго терпѣнья и выше всякаго благоразумія, потому-что не меня одного они задѣваютъ.

— И вы горячитесь, и вы придаете цѣну ихъ словамъ?

— Но если эти слова компрометирують женщину, спокойствіе которой для меня дороже всего?...

— А если спокойствіе ея ни мало не нарушится ихъ толками?

— Какъ! положимъ, дѣло идетъ о васъ — вы пренебрежете мнѣніемъ? — Вы не побоитесь, что васъ скомпрометирують!

— Меня нельзя компрометировать — сказала она гордо. — Обо мнѣ рѣшительно могутъ думать и говорить что̀ угодно, я смѣюсь надъ толками.

— А я ихъ ненавижу! Наконецъ я не люблю чувствовать себя постоянно въ рукахъ праздныхъ болтуновъ.

— Такъ дѣло шло о васъ и обо мнѣ? Что же они сказали? если они сказали, что общество ваше я предпочитаю ихъ обществу, что съ вами мнѣ пріятнѣй, нежели со всѣми прочими — они сказали правду.

— Салынинъ, вамъ начинать фигуру! произнесъ кавалеръ изъ слѣдующей пары. Они встали, опять рука Улимова лежала въ рукѣ Салынина.

— Они говорили обо мнѣ болѣе, нежели о васъ, они говорили правду! но правда была выражена языкомъ легкомыслія, а для меня это нестерпимо,

потому-что оскорбляетъ чувство — говорилъ Салынинъ своей дамѣ, обѣгая съ ней залу и задыхаясь отъ волненья. — Имъ никогда не понять, чѣмъ вы всегда будете для меня! произнесъ онъ въ заключеніе и страстно сжалъ руку Улимовой.

Она не взглянула на него, не измѣнилась въ лицѣ, не отвѣтила на пожатіе. Спокойно возвратилась къ мѣсту, окончивъ фигуру, и когда Салынинъ, со всѣми признаками сильнаго волненья, подошелъ и сѣлъ на козетку, Юлія Михайловна обратилась къ нему такъ же ласково, съ тѣмъ же привѣтомъ и довѣрьемъ, только заговорила ужъ о предметахъ самыхъ незначительныхъ и совершенно постороннихъ предъидущему разговору. Съ удивительнымъ тактомъ вывела она его изъ затруднительнаго положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ удивительнымъ искусствомъ отодвинула его назадъ, и Салынинъ это почувствовалъ. Эта женщина не была ни робка, ни причудлива, ни жеманна; онъ понялъ, что она не жертвовала имъ ни законамъ свѣтской осторожности, ни чувству врожденной робости — она просто не хотѣла его чувства. Ему сдѣлалось досадно, больно, обидно, онъ проклялъ минуту своего увлеченья, онъ бы хотѣлъ взять её обратно, заставить забыть о ней. Однако онъ не позволилъ себѣ выказать то, что произошло въ душѣ его, и тоже съ большимъ искусствомъ затаилъ непріятное впечатлѣніе.

За ужиномъ онъ былъ остеръ и веселъ. Улимова вторила ему очень хорошо, и прерванное, неполное объясненіе скользнуло повидимому мимо ея вниманія.

Но не того хотѣлъ Салынинъ.

Балъ кончился. Улимова не скоро заснула, ей

было тяжело на душѣ. Салынинъ тоже не скоро заснулъ, — онъ былъ убѣжденъ, что поторопился, сдѣлалъ глупость — и встревоженное самолюбіе не давало ему покоя.

Однако онъ видѣлъ столько ясности и спокойствія въ Юліи Михайловнѣ, что тоже превозмогъ себя и видѣлся съ нею безъ смущенья. По-прежнему онъ гулялъ съ нею, танцовалъ и въ театрѣ посѣщалъ ея ложу, по-прежнему старался Салынинъ, чтобы въ немъ видѣла она постоянно человѣка, который преданъ ей. Гриневичъ болѣе не говорилъ о Салынинѣ съ Юліей Михайловной. Улимова умѣла избѣжать всякаго намёка даже, со стороны его, о чувствахъ Салынина. Но невольно сама она стала присматриваться къ Салынину, невольно наблюдать за нимъ, то любовалась благородствомъ и чистосердечіемъ этой натуры, то вдругъ отталкивала со всей силой отъ себя мысль о возможности благородства въ комъ бы то ни было. Въ высшей степени Салынинъ былъ ей симпатиченъ какъ натура, какъ умъ — но ей хотѣлось покоя отъ всѣхъ впечатлѣній, свободы отъ всѣхъ чувствъ. Вѣрованья ея были уничтожены. Какъ привидѣнье стояла постоянно въ памяти ея исторія чувства къ Желнину, исторія потраченныхъ силъ души, исторія произвольнаго, постояннаго самообольщенія, исторія глубокаго и горькаго обмана; она спугивала неумолимо каждую мечту, слетавшую къ Юліи Михайловнѣ. Мысль ея сложила крылья, сердце отяжелѣло и не шевелилось. Это было состояніе страннаго спокойствія, но оно ручалось за невозможность подобныхъ испытаній, и Улимова не хотѣла ни за что̀ выйдти изъ него — она боялась мыльныхъ пузырей. Да,

добровольно выйдти снова на поле битвъ и тревогъ Юлія Михайловна ужъ не могла; надо было насильно вывести её, искусно вовлечь, съумѣть заставить её броситься во всѣ волненья новаго чувства. Надо было, чтобы искушенье подшепнуло, что новое чувство создастъ для нея отдыхъ и отраду, что встанетъ опять въ израненномъ сердцѣ способность радоваться, возможность вѣрить, сила упованія. Быть можетъ искушенье уже и начинало нашептывать ей такія чудныя рѣчи, но сильная своимъ недовѣрьемъ, улыбалась еще Улимова и говорила тихо себѣ: — знаю я васъ, все это мыльные пузыри! И тогда ей казалось, что точно огромными прозрачными шарами катаются по воздуху всѣ радости жизни, вдругъ разбиваются, вдругъ гаснутъ, превращаются въ ничто — и только мутная, холодная капля падаетъ на сердце человѣка. Человѣкъ вздрагиваетъ, непріятно ощущеніе этой дрожи, не скоро и не легко отдѣлаешься отъ него!... . . . .

Еще не весь бальный сезонъ кончился, но срокъ отпуска Салынина давно уже пришелъ къ концу.— Медлить долѣе было невозможно, онъ собрался въ путь, и наканунѣ пріѣхалъ вечеромъ проститься съ Юліей Михайловной. Онъ надѣялся застать у нея гостей и почти желалъ этого, боясь самого себя, боясь объясненій, которыхъ и желалъ и не желалъ; словомъ, Салынинъ взошелъ сильно взволнованный; сердце его стучало очень громко и голосъ прерывался. Смущенье его увеличилось, когда онъ узналъ, что Улимова одна. Однако онъ превозмогъ себя, рѣшительно взялся за ручку двери и переступилъ порогъ.

Юлія Михайловна ждала его, потому-что нака-

нунѣ, на званомъ вечерѣ у какихъ-то общихъ знакомыхъ., Салынинъ говорилъ, что пріѣдетъ проститься, и спрашивалъ, когда её можно застать дома. Она встала на шумъ его шаговъ и почти у самыхъ дверей встрѣтила и привѣтствовала пожатіемъ руки.

— Итакъ вы ѣдете? сказала она привѣтливо, когда Салынинъ занялъ указанное ему кресло.

— Да, ѣду, возвращаюсь въ полкъ, въ военное поселеніе, гдѣ придется мнѣ выслушать строгій выговоръ за то, что я просрочилъ, и потомъ терпѣть долгое время страшнѣйшую скуку — отвѣчалъ онъ, не выпуская каски изъ рукъ.

— И вы такъ боитесь скуки, что и отъ меня по предчувствію сбираетесь бѣжать тотчасъ? Положите вашу каску и снимите палашъ: сегодня вы просидите вечеръ со мной.

Салынинъ повиновался.

— Вы хотите заставить меня еще болѣе жалѣть, что я оставляю эти мѣста—отвѣчалъ онъ съ такой же любезностью, съ какой обратились къ нему.

— Однако мнѣ не вѣрится, чтобы у васъ такъ скучали; я знаю нѣсколько тамошнее общество, женщины прелестны!

— Да, умѣютъ одѣться къ лицу, умѣютъ кокетничать! впрочемъ общество у насъ нѣсколько разстроилось со времени романа Красуцкаго.

— Какая прелестная женщина эта Алина! я помню её, она ослѣпила меня своей красотой. А что дѣлаетъ теперь Красуцкій, какую роль играетъ онъ у васъ?

— Онъ постояненъ въ своей роли: это все та же роль нестерпимаго фата.

— Для большей части изъ васъ, господа, гласный романъ полезенъ: любовь женщины поднимаетъ какого-нибудь ничтожнаго человѣка какъ ракету, онъ съ шумомъ взлетитъ на воздухъ, ослѣпитъ зрителей, и тотчасъ самъ разлетится въ мелкихъ искрахъ подъ шумъ своего же мгновеннаго успѣха. Красуцкій имѣлъ участь ракеты, вспыхнулъ для того, чтобы подняться — и исчезъ потомъ въ совершенной темнотѣ.

— Зачѣмъ же женщины выбираютъ людей подобныхъ Красуцкому? встрѣчи съ Красуцкимъ имѣютъ превредное вліяніе на умы иныхъ женщинъ, онѣ потомъ восходъ самаго солнца принимаютъ за полетъ ракеты, — сказалъ Салынинъ съ горячностью.

— Вы вѣчно нападаете на недовѣрье наше, Николай Григорьевичъ, и дѣлаете это съ нѣкоторой запальчивостью. Но увѣряю васъ, счастливъ тотъ, кто можетъ вѣрить.

— Отчего же вы не можете вѣрить?

— Я, отчего?... я впрочемъ себѣ только не вѣрю, своему суду, своимъ взглядамъ на людей; это недовѣрье не должно оскорблять никого.

— Такъ я счастливѣй васъ, потому что вѣрю суду своему болѣе, нежели суду другихъ, наконецъ вѣрю хоть глазамъ своимъ.

Улимова по привычкѣ своей сидѣла на кушеткѣ, Салынинъ занималъ кресло, придвинутое къ ней.

— Слѣдовательно, — сказала Юлія Михайловна — у васъ о каждой вещи, о каждомъ человѣкѣ составлено мнѣніе и вы убѣждены въ его справедливости. Скажите же мнѣ, Николай Григорьичъ, какого вы мнѣнья обо мнѣ?

— О васъ?

— Ну да. Или я не заслуживаю никакого вниманія и потому никакого мнѣнія вы не составили себѣ обо мнѣ до сихъ поръ?

— Чего это вы хотите отъ меня?

— Вашего мнѣнія; я хочу знать, что̀ вы обо мнѣ думаете.

— Нѣтъ, этого вы не узнаете.

— Прекрасно, значитъ мнѣніе не въ пользу мою....

— Какой вздоръ, какъ могли вы прійдти къ такому заключенію?

— Не увертывайтесь отъ моего вопроса, Салынинъ, непремѣнно отвѣчайте мнѣ на него.

Онъ задумался, глядя на Улимову пристально; неизъяснимое смущеніе пробѣжало по лицу его. Хотѣлъ онъ что-то сказать, но не рѣшался. Какъ эта женщина была хороша въ эту минуту въ глазахъ его! какимъ тихимъ весельемъ, какой милой шутливостью подернуты были ея рѣчи! прихотливо предложила она ему затруднительный вопросъ, настойчиво требовала отвѣта, и все женское упорство и нетерпѣніе выражалось въ ея взорѣ. Его глаза сверкнули, онъ нагнулся, какъ будто хотѣлъ шепотомъ сказать что-то, но потомъ опять отклонился и улыбаясь покачалъ только отрицательно головой.

— Какъ, Николай Григорьичъ, вы не скажете? вы не хотите? вы меня не слушаете? слѣдовательно я и въ васъ ошиблась; я думала, что вы гибче нѣсколько характеромъ, а я хочу теперь, чтобы со мной были гибки, чтобы ко мнѣ приноровливались.

Она шутила, она была оживлена, она съ милымъ довѣрьемъ смотрѣла ему прямо въ глаза.

Салынинъ поддался вполнѣ очарованью этой минуты, ему захотѣлось высказаться, сказать все, что съ нѣкоторыхъ поръ занимано его умъ и душу. Къ тому же онъ имѣлъ сознаніе, что завтра умчитъ его далеко и что долго, долго не придется ему разговаривать съ Юліей Михайловной, что долго онъ не увидитъ её. Онъ не боялся уже, что задрожитъ его голосъ, что глаза выдадутъ тайну, онъ почувствовалъ себя въ эту минуту сильнымъ любовью, и произнесъ съ увлеченьемъ:

— Какое мнѣнье можно имѣть о женщинѣ, которую любишь, возможенъ ли судъ надъ нею? Сознаешь въ себѣ только чувство и за рубежомъ его не видишь ничего болѣе, рѣшительно ничего!...

Лицо Юліи Михайловны осѣнилось грустью; она молчала.

— Вотъ видите-ли — продолжалъ Салынинъ — зачѣмъ вы заставили меня высказаться, зачѣмъ принудили меня говорить? Я ничего для васъ не значу. Вашъ танцоръ на балѣ, вашъ свѣтскій поклонникъ вездѣ, вашъ частый посѣтитель, я хотѣлъ уѣхать, я зналъ, что вы обо мнѣ скоро забудете! Теперь я окончательно погибъ въ вашемъ мнѣніи; на балѣ у С.... я забылся, я сдѣлалъ глупость, но не прибавилъ къ ней другой глупости, словами своими не предалъ окончательно себя въ руки ваши, не отдалъ на посмѣянье. Зачѣмъ же теперь вы меня не остановили такъ же искусно, какъ тогда, зачѣмъ не заставили опомниться во̀ время? Вы всегда это дѣлаете такъ ловко, такъ мастерски! Какъ долженъ я быть теперь вамъ смѣшонъ! Ребенокъ я! не умѣлъ управиться съ собой, не удержалъ себя во̀ время, а вашъ бдительный надзоръ меня оставилъ на мгновенье, и вотъ я упалъ

и разбился въ пухъ! Вамъ должно быть смѣшно слушать отъ человѣка, котораго вы едва дарили свѣтскимъ вниманіемъ, признаніе къ любви? Гриневичъ бы такъ не поступилъ, онъ человѣкъ серьёзный, опытный,—горячность школьника ему незнакома. Завтра я ѣду, мы встрѣтимся не прежде какъ черезъ годъ; по крайней мѣрѣ утѣшительно думать, что вы не можете смѣяться надо мной въ глаза. Судите меня какъ хотите, я васъ люблю, люблю безумно. Онъ остановился, а Улимова все еще какъ будто прислушивалась къ словамъ его.

Она не могла не находить его прекраснымъ и увлекательнымъ въ эту минуту, только и вѣрить не могла въ прекрасное его души; она слушала его и старалась не слышать — мыльные пузыри мелькали передъ ея мысленнымъ взоромъ.

— Вы молчите — сказалъ Салынинъ — я зналъ очень хорошо, что я совершенно чуждъ вамъ, я не обманывалъ себя, повѣрьте, никогда надеждой на взаимность вашу. Вы не въ силахъ принудить себя, и даже не стараетесь сказать мнѣ ни слова.

Юлія Михайловна вздохнула только и молча протянула руку Салынину. Онъ бы все въ мірѣ отдалъ тогда за то, чтобы прочесть въ глазахъ ея, что̀ думала она въ самомъ дѣлѣ о немъ, но Улимова только тихо и грустно улыбалась, глаза ея были опущены. Видно было, что ей стоило нѣкотораго усилія заговорить съ нимъ въ эту минуту, но она заговорила.

— Салынинъ, я имѣю полное право не вѣрить чувству ни одного сердца, и между тѣмъ вашему сердцу *въ эту минуту* я вѣрю. Нѣтъ, вы мнѣ не чужды, я уважаю васъ.

— Вы уважаете? скажите, что это за слово *ува-*

жаю въ устахъ женщины, которой говорятъ — я люблю васъ! Плохое утѣшенье, вы это сами должны сознать, тѣмъ болѣе, что вы мнѣ говорите для того только, чтобы потѣшить нѣсколько меня. Вы снисходительны, вы добры, я это знаю, я всегда этого отъ васъ ожидалъ.

Юлія Михайловна, казалось, забыла руку свою въ рукѣ Салынина; въ эту минуту она тихимъ пожатіемъ старалась остановить потокъ его тревожныхъ рѣчей.

— Зачѣмъ слова ваши отзываются такой горечью, Николай Григорьичъ? — сказала она ему. Я гляжу на васъ, слушаю васъ и жалѣю искренно въ глубинѣ души своей, что любить не могу. Вы, Салынинъ, заставили меня пожалѣть объ утраченной способности любить, это много, это болѣе нежели я когда-либо могла ожидать отъ себя, и право, другой не вызвалъ бы у меня и этого движенья души. Вы не даете должной цѣны словамъ моимъ; да, Николай Григорьичъ, я васъ уважаю, и уважаю такъ много, такъ глубоко, что не позволю себѣ никогда солгать передъ вами, что боюсь даже невзначай, независимо отъ себя самой солгать вамъ. Я бы хотѣла васъ любить, неужели мало съ васъ еще и этого признанья? я не хочу ввести васъ въ сомнѣнье на счетъ чувствъ моихъ, я строго разбираю ихъ, потому что дѣло идетъ о васъ, потому что вы достойны любви лучшей изъ женщинъ. Но если когда нибудь. . . . — И Улимова невольно понизила голосъ — если, Николай Григорьичъ, намъ суждено встрѣтиться, если въ душѣ моей можетъ проснуться еще чувство любви, я тогда тоже не солгу передъ вами — я не утаю ничего отъ васъ, я безъ замѣшательства скажу вамъ:

люблю, точно также какъ теперь говорю — я не могу никого любить. Поймите, что я встрѣтила васъ къ несчастью слишкомъ поздно для себя! Неужели вы не хотите понять, что я не хочу говорить вамъ слова неполныя, почти чуждыя смыслу ихъ? я вамъ говорю, что я васъ уважаю, потому что это я глубоко чувствую здѣсь — она приложила руку къ сердцу — и если когда нибудь я скажу вамъ люблю, то такъ же точно буду это чувствовать; не чувствуя же этого въ полной мѣрѣ, я лучше не скажу вамъ.

Салынинъ прижалъ руку Улимовой къ губамъ своимъ и нѣсколько минутъ не отнималъ её. Юлія Михайловна грустнымъ взглядомъ смотрѣла на него.

— Быть можетъ, — думала она, — быть можетъ вотъ когда, вотъ гдѣ мнѣ суждено было встрѣтить чувство, быть можетъ въ самомъ дѣлѣ я много, я сильно любима, — и не могу любить. Такъ вотъ судьба! вѣчно расходиться со всѣми въ понятіяхъ, со всѣми въ чувствахъ, на полудорогѣ разлучаться всегда съ тѣмъ, что мило душѣ. Четыре года я любила, и четыре года что̀ встрѣчала я? едва, едва вымолитъ чувство мое доброе слово, ласковый взглядъ; я переносила холодъ, терпѣла пренебреженье, потому что такъ высоко поставила этого человѣка, что въ немъ видѣла олицетвореніе нравственной силы, въ немъ предположила идеалъ свой. Пьедесталъ, на который мысль моя вознесла куміръ свой, оправдывалъ мое самоуничтоженье. Но пьедесталъ разрушенъ, куміръ въ пыли — я понимаю вполнѣ свое самообольщенье, я пережила свои вѣрованья; я шла къ чувству, я до сихъ поръ была въ гоньбѣ за чув-

ствомъ, — теперь чувство идетъ ко мнѣ, но во мнѣ нѣтъ отвѣта. Что жъ это, бѣдность натуры, нищенство воображенія, омертвѣлость сердца? Много вынесла я, и не могу вѣрить въ возможность отрады. Разъ только я позволила себѣ искать её, и не нашла, но я права была и горда передъ всѣми и передъ собой — жизнь моя была разбита; теперь разбито сердце; я ничего не поiду искать болѣе и не стану поддаваться пріятнымъ впечатлѣньямъ — не должна! Разочарованіе дало мнѣ тяжелыii покоii отъ всѣхъ впечатлѣніii, горькую свободу отъ всѣхъ чувствъ. И вотъ передо мноii человѣкъ! но я не хочу думать, что онъ прекрасенъ, что любовь его можетъ оживить меня. Я съ деревяннымъ спокоiiствіемъ слушаю слова его любви, и только мнѣ все тяжелѣii и тяжелѣii.

Вотъ что думала Улимова, глядя на Салынина, которыii, припавъ горячими губами къ рукѣ ея, смотрѣлъ въ глаза ей долгимъ, глубокимъ взглядомъ.

— Прощайте, прощайте — говорилъ онъ ей — я постараюсь побѣдить, превозмочь себя. Я сдѣлаюсь страстнымъ охотникомъ, я постараюсь усилить въ себѣ эту страсть, довести её до невообразимыхъ размѣровъ. Воii вѣтра, лаii гончихъ, усталость, гоньба за пустымъ успѣхомъ, смерть какого нибудь невиннаго заiiца — вотъ съ этоii минуты обстановка моеii жизни на долгое время. Вы во мнѣ будете всегда имѣть сердце преданное, только мы долго, долго не увидимся. Не скоро мы встрѣтимся съ вами, Юлія Михайловна!

— А я хочу встрѣчи съ вами — произнесла она съ чувствомъ.

— На что я вамъ? вы съ первой встрѣчи про-

извели на меня впечатлѣніе очень сильное, о любви вашей я тогда не думалъ, но проговоривъ съ вами одинъ вечеръ, я ужъ чувствовалъ себя подъ вліяніемъ вашимъ, мнѣ не хотѣлось пройдти незамѣченнымъ вами.

— Неужели, Салынинъ? я этого не понимаю; всѣ, говоря о васъ тогда, говорили вмѣстѣ о Гастанѣ; кузина ваша сообщила мнѣ общіе слухи, разболтала вашу тайну прежде нежели я знала, что она привезетъ васъ въ ложу. Вы любили Гастану?

— Я не любилъ её, развѣ такихъ женщинъ любятъ! Ради Бога, не говорите мнѣ этого, оставимъ Гастану, я нравился ей — но одна встрѣча съ вами заставила меня краснѣть за то, что я ей нравлюсь, и искать съ ней разрыва. Мнѣ хотѣлось, чтобы вы меня хорошо понимали, вотъ все, чего мнѣ хотѣлось сначала. Потомъ я васъ встрѣчалъ еще изрѣдка, но невольно наблюдалъ васъ: вы мнѣ такъ мало казались похожи на другихъ женщинъ! Меня къ вамъ влекло непреодолимое любопытство, я слышалъ, какъ вы говорите, видѣлъ какъ танцуете, зналъ, какъ вы думаете—мнѣ захотѣлось узнать, какъ вы любите: я узналъ теперь, что вы не можете любить, любопытство мое завлекло меня въ адское испытанье. Я самъ виноватъ, жаловаться мнѣ не на кого.

— Передъ вами такъ много еще въ жизни, будущее ваше богато.

— Что можете вы знать о моемъ будущемъ? Будущее мое самое ужасное, оно мнѣ предсказано по картамъ, а я иногда имѣю слабость вѣрить картамъ, я не могу не вѣрить имъ, потому что шутя были взяты карты и невольно съ ужасомъ

брошены. Я едва могъ заставить разсказать себѣ свою судьбу, она не совсѣмъ обыкновенна и необыкновенно горька.

— Какъ вамъ не стыдно вѣрить гадальщицамъ и картамъ! это слабость, а слабость не должна быть вамъ свойственна никогда и ни въ какомъ случаѣ.

— Я вѣрилъ когда-то въ свою силу, но вижу, что ошибался и въ этомъ: если бы я былъ силенъ, я бы съумѣлъ остановиться во время въ своемъ чувствѣ и ужъ ни за что̀ бы не высказалъ его. Не вѣрьте и вы ни въ силу души моей, ни во что доброе во мнѣ, я долженъ быть постороннимъ лицомъ для васъ, потому что я вамъ совершенно чуждъ.

— Нѣтъ, Николай Григорьичъ, вы не правы въ вашихъ предположеньяхъ, вы мнѣ не можете быть никогда чужды. Зачѣмъ только вы говорите съ такой горечью, зачѣмъ поддаетесь раздраженью— мнѣ больно слушать васъ.

Еще разъ покорный чувству своему, онъ поднесъ руку Улимовой къ губамъ своимъ, потомъ всталъ,

— Вы завтра рано ѣдете? спросила Юлія Михайловна печально.

— На зарѣ, — отвѣчалъ онъ, пристегивая палашъ и взявъ каску въ руки.

— Значитъ, нѣтъ возможности увидѣть васъ, нельзя васъ нигдѣ встрѣтить?

— Къ чему вамъ это?

— Мнѣ бы хотѣлось.

Салынинъ отвѣсилъ ей глубокій поклонъ въ знакъ признательности.

— Будьте счастливы! сказала ему Улимова,

сжавъ крѣпко его руку. Они посмотрѣли внимательно другъ на друга, оба были спокойны, но это спокойствіе походило на сдержанное силой воли движенье души. Не выпуская руки его, Улимова дошла съ нимъ до дверей. Онъ остановился еще на минуту посмотрѣть на Юлію Михайловну.

— Пріѣзжайте сюда скорѣе — проговорила она невольно.

— Вы очень добры.

— Нѣтъ, Николай Григорьичъ, не придавайте словамъ моимъ смысла, котораго они не имѣютъ: это не выраженіе простой вѣжливости, а такъ — мнѣ тяжело думать, что вы долго не хотите меня видѣть.

— Самолюбивая женщина, пожалѣйте же хоть немного меня!

— Пріѣзжайте, — проговорила она съ увлеченьемъ.

Еще одно пожатье, еще размѣнъ взглядовъ. Салынинъ исчезъ за дверью и плотно притворилъ её за собою. Шаги его прозвучали подъ окномъ; Юлія Михайловна стояла посреди комнаты не двигаясь, потомъ вышла въ залу и долго ходила мѣрными шагами. Она сѣла за рояль, но звукъ его показался ей нестерпимъ; она взяла книгу и старалась совершенно углубиться въ чтеніе, хотя глаза ея читали слова, которыхъ не было на страницахъ, и вообще все попадали между строками. Но ей не хотѣлось ни волненія, ни грезъ, ни мечтаній, ей хотѣлось только одного — не выходить изъ того страннаго, тяжелаго спокойствія, изъ летаргическаго сна души, въ который она была погружена.

Салынинъ стоялъ передъ глазами, передъ мы-

сленнымъ взоромъ ея, но она старалась закрыть глаза свои и заслонить непроницаемой завѣсой образъ его. И она совладѣла съ своимъ впечатлѣньемъ, — пересталъ представляться ей Салынинъ, но съ мыслью своей совладѣть не могла: безотрадная мысль говорила ей, что тяжело, что печально ея существованье.

Не знаю, спала-ль она, но на другой день очень рано поднялась и ушла въ самую отдаленную церковь: она простояла обѣдню и еще медлила, но народъ выходилъ и ей оставаться долѣе нельзя было. Она вышла; только по улицамъ ходить ей не хотѣлось, домой идти не рѣшалась. Улимова осталась въ церковной оградѣ, ходила тамъ стараясь занимать себя всѣмъ, что попадалось на глаза; но въ глазахъ запестрило и она сѣла на паперть. Тутъ снова нагрянули мысли, овладѣла тоска. Быть можетъ она бы долѣе просидѣла въ какомъ-то забытьи на каменныхъ ступеняхъ; но дьячокъ прошелъ мимо съ любопытствомъ, попадья выглянула съ любопытствомъ изъ окошка, и босоногая баба, пришедшая черпать воду изъ колодца въ церковной оградѣ, зазѣвалась на Юлію Михайловну и уронила ведро. Улимова опомнилась, встала и ушла изъ ограды. Необходимость не возвращаться домой, потребность идти куда-нибудь и, какъ говорится, куда глаза глядятъ, заставила Улимову идти безъ цѣли все по одной и той же улицѣ, до самаго конца ея. Тяжело ей было отъ шубы; грудь болѣла, разсѣянный взглядъ тянулся къ самымъ отдаленнымъ предметамъ.

Проходя мимо часоваго мастера, она нечаянно взглянула въ окно, и увидѣла, что на часахъ ужъ было половина одиннадцатаго — ее удивило это

и обрадовало; время, значитъ, все же шло своимъ чередомъ, хотя и тянулось нестерпимо. Салынинъ конечно ужъ далеко о сю пору! подумала она.

Въ это время дрожки пролетѣли быстро мимо нея, потомъ перекладная, потомъ опять дрожки. Невольно взглянула она, кто-то ей поклонился со вторыхъ дрожекъ. Въ первую минуту она не узнала: зимній костюмъ вовсе не военнаго покроя обманулъ глаза, только военная фуражка съ знакомымъ околышемъ заставила ее внимательнѣе посмотрѣть, отвѣтить тихо на поклонъ Салынина и потомъ проводить его долгимъ взоромъ, да идти впередъ, невольно оглядываясь.

Она дошла ужъ до конца улицы и готова была повернуть въ другую, какъ снова раздался шумъ, и въ этотъ разъ за нею: чьи-то дрожки неслись съ чрезвычайной быстротой. Вотъ мимо, какъ будто, и вновь поклонъ и прекрасно сыгранное изумленіе Салынина заставляютъ ее улыбнуться.

— Стой! крикнулъ онъ извощику.

Дрожки остановились; онъ подбѣжалъ къ Юліи Михайловнѣ.

— Гдѣ были вы? спросилъ онъ.

— Ходила молиться въ одну очень отдаленную церковь, а теперь шла безъ цѣли.

— Я не ожидалъ, что васъ встрѣчу.

— Видите, желаніе мое сбылось.

— О, что̀ вамъ до меня! сказалъ грустно Салынинъ.

Она на него взглянула съ упрекомъ.

— Прощайте, прощайте — сказалъ онъ — я не могу останавливаться дольше, меня поѣхали провожать до заставы и ждутъ; я притворился, что забылъ дома еще сигарницу, и полетѣлъ догонять

васъ; мнѣ казалось, что я никогда васъ не догоню, вы шли такъ шибко!

— Я услышала стукъ дрожекъ и по предчувствiю пошла тише. Салынинъ, помните, что я васъ уважаю. Когда нибудь мы встрѣтимся.

— Когда нибудь! Нѣтъ, лучше никогда!

— За что же это? Нѣтъ, я хочу встрѣчи съ вами, и увѣряю васъ, это ужъ очень много.

Она сжала сильно его руку.

— Вамъ жаль меня, вотъ и все тутъ — проговорилъ Салынинъ.

— Нѣтъ, тутъ болѣе.

Взоръ глубочайшей признательности устремился на нее

— Хорошо, такъ мы увидимся! сказалъ онъ, подумавъ минуту, и ужъ довѣрчивѣй и веселѣй пожалъ руку Юлiи Михайловнѣ. Потомъ бросился на дрожки.

— Прощайте!

— Прощайте, Николай Григорьичъ, не поминайте меня зломъ, сказала Улимова.

Вмѣсто отвѣта Салынинъ грустно поклонился и сдѣлалъ знакъ рукой, что кланяется ей до земли.

Дрожки тронулись; еще, и еще онъ оглянулся. Улимова бы простояла дольше, но она посмотрѣла невольно вокругъ, и вдругъ увидѣла лицо Трасси, который изъ окна своей квартиры глядѣлъ на Юлiю Михайловну съ тонкой усмѣшкой. Улимова пошла своей дорогой, только волненье было замѣтно въ ея неровной походкѣ, и наконецъ она не выдержала и съ невыразимой горечью произнесла въ слухъ:

— Ахъ, Петръ Дмитрiевичъ! зачѣмъ вы до та-

кой степени отравили во мнѣ душу.... Теперь отрава примѣшана ко всему.

Салынинъ пріѣхалъ въ полкъ, озябши до нельзя, и съ недовольнымъ видомъ вылѣзъ изъ саней.

Его встрѣтилъ Колесниковъ; съ трубкой въ зубахъ и въ старомъ тепломъ сюртукѣ безъ эполетъ стоялъ онъ на крыльцѣ.

— Здравствуй, Николай Григорьичъ; что, тебѣ не надоѣло еще бить баклуши?

— Здравствуй, Колесниковъ, давно не видались. — Ну, что-жъ ты, — обратился Салынинъ брюзгливо къ лакею, который рылся что-то въ саняхъ — долго будешь еще возиться? въ квартирѣ вѣрно какъ въ сараѣ, топить скорѣй надо!

— Вытоплено, вытоплено, не хлопочи! — сказалъ Колесниковъ — я ради твоего пріѣзда превозмогъ свою лѣнь и позаботился о тебѣ такъ, какъ добрая хозяйка могла бы только позаботиться. Вѣдь мы съ тобой когда-нибудь женимся, Салынинъ, тогда ужъ будетъ намъ на кого поворчать.

— Пойди ты! сказалъ Салынинъ.

Они вошли въ комнату.

— Чай будешь пить? я велѣлъ Антипкѣ, чуть завидитъ твою перекладную, самоваръ ставить. Антипка, гдѣ самоваръ?

— Еще не прогорѣлъ-съ — отвѣчалъ денщикъ Колесникова, возясь въ сѣняхъ и перекидываясь словцомъ съ лакеемъ Салынина.

— Смотри, съ угаромъ не давай, пусть прогоритъ, только поскорѣе, смотри!

— Слушаю-съ. — И Антипка опять обратился къ Богдану. — Эхъ вы городскіе, городскіе — то-то, я думаю, новостей навезли, не переслушаешь!

Пожалуйста, Богданъ Иванычъ, ужъ на слова-то не скупись, какъ разсказывать станешь.

— Погуляли мы, неча сказать — отвѣчалъ Богданъ, протаскивая чемоданъ въ комнату.

— А въ кіатерѣ былъ? спросилъ Антипка, дуя въ самоваръ и пользуясь опять появленіемъ Богдана.

— И въ кіатерѣ, а больше все въ чайный ходилъ; знатное заведеніе тамъ есть, и съ шарманкой; бывало катаешься на дрожкахъ что духу есть, а шарманщикъ только подыгрываетъ! да и такъ знакомства у насъ довольно.

— Ну, Богданъ Иванычъ, значитъ въ волюшку!.... произнесъ вздохнувъ Антипка.

Пока этотъ раговоръ происходилъ въ сѣняхъ, Колесниковъ тоже приставалъ къ Салынину.

— Что ты молчишь, Николай Григорьичъ?

— Такъ, Колесниковъ, озябъ крѣпко, физіономію мнѣ стянуло всю, точно стала изъ гута-перчи.

— Ничего, чаемъ отогрѣешься.

— Ты въ самомъ дѣлѣ хлопочешь какъ хозяйка! Вотъ именно я молчалъ потому, что думалъ о тебѣ, что ты за душа такая! и кто бы позаботился обо мнѣ, если бы тебя не было?....

— Да вѣдь же и ждалъ я тебя! болѣлъ ты тамъ, что ли? тутъ ужъ косятся на тебя порядкомъ.

— А еще что у васъ новаго?

— Все по старому.

— А Красуцкій?

— Какже, постоянно интересовался тобой. Говорилъ, что ты тамъ вѣрно побѣждаешь, завоевываешь женскія сердца, и оттого не ѣдешь.

— Гдѣ мнѣ быть такимъ побѣдителемъ, какъ онъ! Ты бы ему сказалъ за меня, что онъ глупъ.

— Не почувствуетъ — отвѣчалъ серьёзно Колесниковъ.

Салынинъ невольно засмѣялся.

Между-тѣмъ Антипка внесъ самоваръ, поворочался немного вокругъ стола, постучалъ ложками, налилъ два стакана крѣпкаго чаю, поставилъ ихъ передъ двумя пріятелями, и вышелъ.

— Что-жъ ты тамъ дѣлалъ? спросилъ Колесниковъ.

— Что̀ дѣлаешь въ свѣтѣ? плясалъ на балахъ, хлопалъ въ театрѣ, разъѣзжалъ по утрамъ съ визитами, обѣдалъ рѣдко съ комфортомъ, потому-что часто бывалъ жертвой званыхъ обѣдовъ. Словомъ, жизнь веселая и пустая, мишура, которою ты пренебрегъ и которую я постигаю, хотя пренебречь ею не могу.

Колесниковъ не ѣздилъ въ свѣтъ, и потому Салынинъ при немъ выражался всегда съ пренебреженіемъ о свѣтѣ.

— А барыни, барыни! ни одна не вскружила тебѣ головы? спросилъ Колесниковъ, выколачивая трубку объ полъ.

— Барыни? ни одна, конечно — отвѣчалъ Салынинъ.

— Такъ на кой-чортъ ты тамъ пропадалъ такъ долго?

— Пришлось.

— Пришлось! неужели ты тамъ даромъ сидѣлъ?

— Рѣшительно даромъ — произнесъ Салынинъ, горько улыбнувшись. Право, Колесниковъ, ты обладаешь ясновидѣньемъ, то есть лучше я бы самъ не могъ опредѣлить своего положенія.

Посѣдѣлый поручикъ поглядѣлъ пристально на своего друга.

— Второй Гастаны не было? спросилъ онъ.

— Не было.

— Вотъ славная женщина! просто бѣшеная какая-то, и всѣхъ съ ума сводитъ — воскликнулъ Колесниковъ.

— Богъ съ ней, она мнѣ слишкомъ скоро надоѣла.

— Ты такой строгій, неукоризненный, точно жениться собираешься.

— Неужели на лицѣ написано, что я сталъ глупъ? ты читаешь, видишь ярко-написаннымъ, что я поглупѣлъ? можетъ быть, только все же я не поглупѣлъ еще до такой степени! сказалъ Салынинъ.

— Отчего же ты такой недовольный, такой брюзга сегодня?

— Да мнѣ голову всю разломило. Хоть бы на охоту завтра пойдти!....

— Изволь, и охоту сочинить для тебя можно, только не завтра. Съ дороги отдохнешь немного, а тамъ, пожалуй, охотиться будемъ. Экъ ты сталъ бояться скуки! еще и не попробовалъ, какъ у насъ живется, а ужъ бѣжать отъ нея на охоту сбираешься! Нѣтъ, Николай Григорьичъ, видно свѣтская жизнь не совсѣмъ тебѣ не мила и не слишкомъ пріѣлась. Ты меня не проведешь, хоть хочешь провести самого себя; у тебя на душѣ не весело, я это ясно вижу, а отчего не весело — распрашивать не стану. Вынуждать довѣріе, да навязываться съ участіемъ не въ моихъ привычкахъ.

Салынинъ сталъ ходить по комнатѣ.

— Ты отгадалъ, Колесниковъ, ты удивительно меня знаешь! Точно, у меня на душѣ очень невесело, а отчего? я самъ себя не спрашиваю и не хочу давать себѣ отчета. Я искренно радъ, что

вижу тебя; мнѣ кажется, что съ тобой мнѣ будетъ легче, при тебѣ станетъ свѣтлѣй, но нѣжностей тебѣ не говорю, чтобы ни тебя, ни себя не смѣшить. Ты очень счастливъ тѣмъ, что можешь не ѣздить въ свѣтъ, что давно откланялся обществу, и живешь какъ истинный философъ. Ни въ чемъ не ищешь успѣховъ, ничего не добиваешься; и имѣя полное сознаніе, что могъ самое видное мѣсто занять по уму своему, по истинному своему просвѣщенію, ты отказался отъ всякой роли. Когда поживешь вдали отъ тебя, отстанешь, потолкаешься къ кругу этихъ пустѣйшихъ личностей и снова посмотришь на тебя, вотъ когда болѣе еще чувствуешь цѣну тебѣ. Нельзя не почувствовать, какъ высоко ты стоишь предъ другими, какая разница между тобой и всѣми!....

— Спасибо за панегирикъ, онъ блистательнѣе, нежели ты думалъ. Но видишь ли, философомъ быть можно только при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ; идти по моимъ слѣдамъ въ этомъ отношеніи для тебя невозможно: ты долженъ жить для будущности, на тебя одного опирается вся надежда имени Салыниныхъ, на тебѣ слѣдовательно лежитъ и вся забота. Колесниковъ можетъ уйдти отъ общества и не искать связей, никому нѣтъ дѣла, никто и не замѣтитъ, а Салынинъ — это дѣло другое! Ты аристократъ, гдѣ же тебѣ засѣсть въ глуши, да запропастить себя! Не скажу, что грѣшно, а прямо скажу, что это глупо. Ты долженъ смотрѣть на себя иначе и не сбиваться съ дороги, которую тебѣ указываетъ твое положеніе. Служишь ты съ нами, но ты долженъ смотрѣть на это, какъ будто ты попалъ сюда случайно. Пренебреженіе твое къ свѣту великолѣпно, Ни-

колай Григорьичъ, да то бѣда, что ты осужденъ жить въ свѣтѣ, — родился ты ужъ съ такимъ предназначеніемъ.

Салынинъ почувствовалъ тотчасъ, что свѣтъ конечно долженъ имѣть хоть нѣкоторое достоинство, если Колесниковъ не совсѣмъ противъ свѣта.

— Да я не скучаю обществомъ,—сказалъ онъ— не скажу, чтобы въ немъ попадалось только непріятное, бываютъ встрѣчи довольно занимательныя, люди довольно милые, только глубины во всемъ мало. Если встрѣтишь человѣка умнаго, мыслящаго и чувствующаго, то цѣны не сложишь, просто ослѣпитъ; если же женщину такого сорта встрѣтишь, тогда невольно испытываешь на себѣ ея вліяніе.

— А по-моему — замѣтилъ Колесниковъ — человѣкъ съ характеромъ не долженъ находиться никогда ни подъ чьимъ вліяніемъ. Ты всегда впадаешь въ одну и ту же ошибку, никакъ не могу тебя выучить смотрѣть на женщину, какъ на женщину, и въ женщинѣ уважать только красоту. Напутаешь на нее разныхъ свойствъ ума, да свойствъ души, кучу, такую пѣну взобьешь изъ всего, что чудо! а она просто блестящая игрушка, — и больше ничего.... Человѣкъ, если онъ оконченная, полная и устоявшаяся натура, человѣкъ будетъ искать души и ума въ матери, въ сестрѣ, а въ любимой женщинѣ на что̀ они ему? Очень станешь ты слушать ея умныя рѣчи; будь она второй Кантъ въ женскомъ платьѣ, такъ ты, если влюбленъ, не дослушаешь слова, фразы докончить не дашь — перебьешь поцѣлуемъ!

— Воля твоя, Колесниковъ, я въ дуру не влюблюсь, и глупую красавицу послѣ перваго поцѣлуя

разлюбилъ бы. Нѣтъ, я способенъ привязываться глубоко, любить сильно, находить счастье и гордость въ любимой женщинѣ. Вспомни «Сонъ» Байрона — «Она была океаномъ для рѣки его мыслей».... Вотъ идеалъ моихъ отношеній съ женщиной, которую суждено мнѣ полюбить, и я не въ силахъ удалиться отъ этого идеала. Оправданіе мое въ словахъ великаго поэта; я нѣсколько расхожусь въ этомъ случаѣ съ тобой, за то схожусь съ Байрономъ, и вѣрю, что это не мечта, что человѣкъ имѣетъ право искать души, которая будетъ океаномъ для рѣки его мыслей.

— Поэтъ ты самъ, Николай Григорьичъ, да, душа у тебя пылкая — не было бы это вредно для тебя? Надо тебѣ успокоиться, Салынинъ, побольше спи, да ѣшь, поменьше думай, увидишь, какъ окрѣпнетъ въ тебѣ воля, какая здоровая мысль станетъ жить въ тебѣ. Теперь я и самъ вижу, что тебя надо будетъ на охоту водить почаще; какъ убѣгаешься хорошенько, такъ лучшій источникъ для твоихъ мыслей будетъ добрая рюмка крѣпкаго вина. Перепугалъ мы меня просто съ твоей поэзіей!

И при этомъ Колесниковъ расхохотался и заставилъ улыбнуться Салынина. Однако минутная веселость смѣнилась въ немъ тотчасъ же задумчивостью; онъ продолжалъ ходить и силился вспомнить еще нѣкоторыя фразы изъ этой же строфы.

— «Она была его зрѣніемъ, потому-что глаза его слѣдовали всюду за ея глазами; она была океаномъ для рѣки его мыслей. Но она не отвѣчала его нѣжнымъ чувствамъ, вздохъ ея былъ не для него. Онъ былъ для нея братомъ, не болѣе: это имя нравилось ему и не нравилось, отчего? время

объяснило для него эту грустную загадку, когда она полюбила другаго. И въ эту минуту тоже она любила другаго».... проговорилъ тихо и мѣрно Салынинъ, потомъ обратился къ Колесникову.— Я продолжаю пугать тебя, Колесниковъ? сказалъ онъ.

— Признаюсь! Не понимаю, что̀ съ тобой сдѣлалось.

Салынинъ ходилъ, улыбался и, отданный своимъ воспоминаніямъ, продолжалъ:

— А какъ хорошо вотъ это мѣсто, помнишь! «Въ эту минуту женщина, которую онъ любилъ, вошла; она улыбалась, лице ея было спокойно и ясно, а между-тѣмъ она знала, что была любима имъ, она знала, — вѣдь подобныя вещи легко узнаются—что тѣнь ея ложилась прямо на сердце молодаго человѣка, она видѣла, что онъ несчастливъ, но она не видѣла еще всего».... — И не забудь, Колесниковъ, что по словамъ самого поэта «молодой человѣкъ былъ моложе ея не одной весной».... — Пугайся или нѣтъ, любезный другъ, но что̀ же дѣлать, если—я продолжаю «Сонъ» Байрона — если «все это представилось его памяти; всѣ эти вещи стали между свѣтомъ мысли его и имъ. Что̀ же могъ онъ сдѣлать въ подобную минуту?»

— Ну, Николай Григорьичъ, кончилъ ли ты?

— Кончилъ. Видишь ли, какъ хорошо я знаю Байрона, и какъ запомнилъ его. — Испугъ твой прошелъ? спросилъ Салынинъ, смѣясь.

— Не совсѣмъ, однако начинаю отдыхать. Ты правъ былъ, что хотѣлъ хоть сейчасъ на охоту; видно, инстинктъ указалъ тебѣ лекарство.

— Лекарство отъ безумія, по твоему, отъ поэзіи,

отъ любви! Нѣтъ, Колесниковъ, я не ищу лекарства, сильная натура моя сама собой выздоровѣетъ.

— Такъ ты захворалъ однако?

— Давно уже, но покамѣсть не смертельно еще и наконецъ вполнѣ надѣюсь на свои силы.

— Позволь, Николай Григорьичъ, принять всѣ слова твои за шутку — сказалъ Колесниковъ, съ видомъ человѣка серьёзнаго и размышляющаго — я тебя слишкомъ уважаю, чтобы твои тирады изъ Байрона принять за желаніе высказаться и уклончивымъ образомъ описать состояніе твоего сердца или отношенія твои къ предмету любви.

Салынинъ нѣсколько смутился.

— Для меня есть сладость въ стихахъ Байрона и прелесть въ картинахъ, созданныхъ его перомъ — отвѣчалъ онъ — уклончиво я ничего не дѣлаю, особенно съ тобой, ты хорошо это знаешь!

— Конечно, знаю; я убѣжденъ, что ты, не смотря на свою наклонность къ поэзіи, человѣкъ вполнѣ разсудительный.

Салынинъ задумался.

— А скучно, Колесниковъ, бываетъ! проговорилъ онъ, садясь снова подлѣ своего пріятеля и невольно вздохнувъ.

—Чего скучно!—сказалъ Колесниковъ.—Что жъ ты, кого тамъ видѣлъ еще?

— Гриневичъ тебѣ кланяется.

— Спасибо за память. Что онъ, въ штабъ переходитъ?

— Кажется.

— Гдѣ жъ ты его встрѣчалъ? можетъ быть въ свѣтъ онъ пустился.

— Нѣтъ, у одной Улимовой бываетъ почти каждый день.

— Вотъ какъ! значитъ, и она тамъ?

— Да она почти всегда тамъ, почти годъ безвыѣздно жила.

— Ты съ ней часто видался?

— Бывалъ. Мнѣ жаль, Колесниковъ, что тебѣ не удалось съ ней познакомиться.

— Хоть бы глазкомъ взглянуть! знавалъ я ее когда-то, и то больше по слухамъ, въ лице видѣлъ всего разъ; кажется, темноволосая и глаза большіе, физіономія пріятная, — но все это какъ во снѣ!

— Она много выѣзжаетъ — проговорилъ Салынинъ, чувствуя необходимость сказать еще что̀-нибудь объ Улимовой.

— Помнится, это всегда такъ бывало. Что жъ, всякая женщина любитъ праздничную жизнь.

Въ это время Антипка пришелъ убирать самоваръ.

— Антипка, подай письма — сказалъ Колесниковъ.

— Какія письма? спросилъ Салынинъ.

— Да къ тебѣ изъ дома, кажется, цѣлыхъ три или четыре. Пересылать ужъ не рѣшился, все ждалъ тебя со дня на день.

Антипка подалъ письма.

— Это рука твоей матери — сказалъ Колесниковъ, передавая Салынину — вотъ и еще отъ нея же, а это не знаю чей почеркъ.

Салынинъ распечаталъ и сталъ внимательно читать.

Въ одномъ пакетѣ было два письма: Салынинъ развернулъ то и другое.

— Мать пересылаетъ письмо дяди изъ Петербурга — сказалъ онъ — посмотримъ, что̀ здѣсь такое и на что̀ я понадобился старику?

— Такъ графъ теперь въ Петербургѣ? спросилъ Колесниковъ.

— Давно уже, съ прошлой весны.

— Вотъ что! — сказалъ Колесниковъ, прищелкнулъ тихо языкомъ и задумался.

Между-тѣмъ Салынинъ читалъ съ большимъ вниманіемъ и лице его принимало постепенно самое озабоченное выраженіе.

— Старикъ задумалъ о переводѣ меня въ гвардію, хочетъ имѣть при себѣ, составляетъ разные планы.... обѣщаетъ очень много хорошаго для моей карьеры.... — говорилъ Салынинъ, читая письмо. — Мать спрашиваетъ, согласенъ ли я?

Колесниковъ молчалъ и старательно набивалъ для себя трубку.

— Письмо второе — продолжалъ Салынинъ. — Мать спрашиваетъ, отчего я такъ долго ей не отвѣчаю, и что̀ писать къ дядѣ.... она предполагаетъ, что я ему отвѣчалъ прямо.... проситъ, чтобы увѣдомилъ ее, на что̀ я рѣшился.

Салынинъ сложилъ письмо и вскрылъ третье.

— Письмо отъ сестры — произнесъ онъ. — Надѣется, что я не буду глупъ.... что съумѣю воспользоваться расположеніемъ дяди.... поздравляетъ съ жизнью, которую буду вести, съ карьерой, которую сдѣлаю.... она никогда не видала гвардейцевъ, хочетъ видѣть меня гвардейцемъ.... Вообще никто не предполагаетъ, чтобы я отказался.

Салынинъ бросилъ письмо на столъ и опустилъ голову на руки.

— Я самъ не предполагаю, чтобы ты отказался, отозвался Колесниковъ изъ-за тучъ густаго табачнаго дыму.

— Да вѣдь ты знаешь, все это сдѣлается очень скоро, если соглашусь — проговорилъ Салынинъ печально.

— Тѣмъ лучше! Вотъ человѣкъ, ему просто бабушка ворожитъ, а онъ и тутъ думаетъ, да назадъ пятится.

— Знаешь что, иногда хорошія вещи приходятъ не во время!

— Отчего не во время?

— Да оттого.... Что̀ я буду тамъ дѣлать, скажи пожалуйста?

— Тамъ ты будешь на своемъ мѣстѣ. Это намъ хорошо жить въ провинціи, а тебѣ столица нужна. Имѣя такого дядюшку, ты разомъ попадешь въ тотъ слой общества, въ которомъ тебѣ прилично жить.

— Легко разсуждать, Колесниковъ, а я несчастный человѣкъ въ томъ отношеніи, что мнѣ тяжело разставаться съ своими привычками. Начиная съ тебя, мнѣ будетъ тяжело и отъ тебя отвыкнуть, и отъ всего.... Просто чужой я буду тамъ ходить совсѣмъ нѣкоторое время, сло̀ва отъ души сказать будетъ не съ кѣмъ.

— Что̀ за нѣжности такія! Да ты, Николай Григорьичъ, спроси-ка себя прежде, будетъ ли у тебя время пустопорожнее, чтобы еще слова̀ отъ души вытаскивать на свѣтъ Божій? это хорошо вотъ намъ здѣсь съ тобой сидѣть и разсуждать, а въ Петербургѣ что̀ мы много съ тобой разговаривали, что ли? Тамъ кузина, тутъ братецъ троюродный, тамъ опера, тамъ балетъ, а тутъ еще и дядюшка ко всему этому прибавился. Хорошій ты человѣкъ, да поэзія тебя портитъ совсѣмъ. Этакъ ты не уѣдешь далеко. Пожалуйста побольше ѣшь и побольше спи,

единственное средство стать на точку истиннаго разума. Посмотримъ, часто ли писать ко мнѣ будешь; я вѣдь лѣнивъ страшно, а вѣрно перещеголяю тебя. У тебя отъ однѣхъ записокъ рука заболитъ. А тамъ, черезъ годикъ какой-нибудь, и не посмотришь на насъ, у тебя понабираются *монъ-шеръ конты*, и прочіе....

— Видишь, какой ты дрянной, Колесниковъ, какимъ пустымъ ты меня считаешь!

— Да нельзя, ужъ не безъ этого. Вотъ, если къ намъ пріѣдешь въ отпускъ гвардейцемъ, такъ будешь душа, просто, тотъ же товарищъ — тактъ у тебя удивительный, такъ здѣсь носа не станешь поднимать, а тамъ другое дѣло, тамъ это все дѣлается само собою, — ты не первый будешь!

— Какая мелочь! воскликнулъ Салынинъ съ досадой.

— А Красуцкій, Красуцкій — продолжалъ Колесниковъ нить своихъ идей; вотъ поперхнется ему, въ горлѣ станетъ твой переводъ въ гвардію съ такой обстановкой. Позволь ему объявить завтра же.

— Гримасу скорчитъ — сказалъ Салынинъ — это я и самъ любопытенъ видѣть. И такъ ты рѣшаешь за меня? завтра кажется почта отходитъ — надо писать къ матери и къ дядѣ. Все кончено! прибавилъ онъ грустно.

— Все начинается только для тебя, — сказалъ Колесниковъ.

Потомъ они стали считать, сколько времени будетъ идти письмо, когда можно ждать результата, и вообще много ли остается Салынину пробыть въ этихъ мѣстахъ.

— Не ожидалъ я для себя такой развязки! за-

ключилъ Салынинъ, и снова сталъ перечитывать письма, а Колесниковъ курилъ и неподвижно глядѣлъ на стѣну.

Съ этихъ поръ все пошло своимъ чередомъ опять; иногда только Салынинъ задумывался, а Колесниковъ по-своему развивалъ теорію его грядущей жизни, жизни въ столицѣ, рисовалъ образы, писалъ картины. Посѣдѣлому поручику было пріятно думать, что Салынинъ пойдетъ впередъ, человѣкъ, который постоянно былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, ученикъ его жизни, перевоспитанный во многомъ, подготовленный къ разнымъ случаямъ дальнѣйшаго пути. Въ Колесниковѣ было гораздо больше любопытства, нежели заботливости о судьбѣ Салынина. Уступить надъ нимъ вліяніе свое другому существу, Колесниковъ никогда бы не согласился; отчасти онъ самъ вытолкнулъ его изъ круга другихъ привязанностей, другихъ сближеній, вынесъ его за черту общихъ отношеній съ однополчанами, поставилъ его въ видномъ свѣтѣ, и строгій блюститель независимости сердечной, Салынинъ, во всѣхъ отношеніяхъ, умѣлъ отодвинуть его отъ всѣхъ и приблизить къ одному себѣ. Въ полку однако жалѣли, что Салынина не будетъ; его удаль и тароватость пріятно всегда на всѣхъ дѣйствовали. Впрочемъ большинство рѣшало, что точно, ему мѣсто въ гвардіи и что при связяхъ его, хорошо ему тамъ будетъ. Одинъ Красуцкій находилъ, что это рѣшительно все равно, и что врядъ ли еще не придется Салынину пожалѣть о своемъ переводѣ, что здѣсь онъ игралъ роль, а тамъ Богъ знаетъ......

Салынинъ охотился и читалъ. Ему часто становилось грустно до нестерпимости; у него было

тайное желаніе, чтобы по какимъ-нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ его переводъ не состоялся. Хоть бы мать одумалась.... или дядѣ бы дали другое назначеніе, или что-нибудь словомъ такое, отъ чего бы самолюбіе его не страдало, а между-тѣмъ предпріятіе бы остановилось на полудорогѣ, — онъ старался не думать объ Улимовой, не вспоминать о ней. Иногда только представлялось ему, какъ онъ, передъ самымъ отъѣздомъ въ Петербургъ, пріѣдетъ къ ней, войдетъ, скажетъ, что уѣзжаетъ навсегда, какъ послѣдній разъ наглядится на нее, наслушается ея рѣчей. Колесникову онъ не говорилъ, какими планами и надеждами питался его умъ, что̀ создавало воображеніе; только сказалъ онъ, что придется побывать еще тамъ, въ Одессѣ, что есть дѣла у него.

Наконецъ время его отъѣзда стало приближаться. Онъ пріучился уже думать объ этомъ съ большимъ спокойствіемъ. Не рѣдко и въ его воображеніи рисовались картины будущаго съ довольно пріятнымъ колоритомъ. Новость ощущеній, новость впечатлѣній, разнообразіе предстоящихъ встрѣчъ заставляли его не совсѣмъ съ мрачной стороны смотрѣть на все то, что̀ готовилось ему. Молодость взяла свое; любопытство влекло къ неизвѣстному, честолюбіе заставляло сердце биться не слишкомъ-то непріятнымъ образомъ.

Колесниковъ продолжалъ преподавать ему свои теоріи обо всемъ и по своему толковать долгъ Салынина общественный и семейный; онъ взбивалъ до невѣроятія въ пѣну его воображеніе какимъ-то особеннымъ значеніемъ, какими-то обязанностями, какими-то взглядами, которые посѣдѣлый поручикъ называлъ практическими. По

его предначертанію, Салынинъ долженъ былъ постоянно идти все по одной и той же дорогѣ между различными успѣхами, переходить отъ успѣха къ успѣху, заниматься предпріятіями, не тратить времени на чувство, и наконецъ, смотря по эпохамъ жизни своей, измѣнить роль молодаго, свѣтскаго человѣка на роль барина, женясь на связяхъ и приданомъ. Колесниковъ допускалъ любовь до нѣкоторой степени,—любовь, какъ нѣчто превышающее однообразіе, но отнюдь не какъ вліяніе, и никакъ и ни за что какъ цѣль. Любовь можетъ быть дополнительнымъ происшествіемъ, да и то не всегда; въ исторіи жизни порядочнаго, дѣльнаго человѣка, любовь должна играть роль эпизода, который, какъ бы ярокъ ни былъ, не входитъ въ составъ послѣдовательныхъ происшествій — говаривалъ Колесниковъ. Онъ понималъ Николая Григорьича совершенно такимъ, какимъ ему слѣдовало быть, чтобы выполнить свое предназначеніе, сыграть предстоящую роль; онъ видѣлъ его способнымъ добиваться съ нѣкоторой стойкостью успѣха въ каждомъ задуманномъ предпріятіи, но любви для него страхъ боялся. Въ этомъ одномъ только отношеніи боялся Колесниковъ за своего ученика, видя его поэтомъ этого чувства неоднократно, и вообще находя въ немъ бо̀льшую дозу поэтичности, нежели бы слѣдовало имѣть, по мнѣнію Колесникова.

Поручикъ темно догадывался, что Улимова не совсѣмъ безъ значенія для Салынина, но зная упорный нравъ своего пріятеля, понимая также, что трудно было разочаровать его этой женщиной, и придумывая средства дѣйствовать вѣрнѣе,

въ отношеніи ея, на воображеніе и сердце Салынина, избѣгалъ, по самому тонкому разсчету, говорить о Юліи Михайловнѣ съ молодымъ человѣкомъ. Онъ готовился говорить съ нимъ о ней во время, и хотѣлъ хорошенько приготовиться. До сихъ поръ ему не доставалось присмотрѣться къ ней какъ слѣдуетъ; ему бы хотѣлось и послушать ее вблизи невзначай, и вообще подвергнуть ее наблюденіямъ своимъ и строгому разбору. Но случай еще не представился; Колесниковъ помнилъ Улимову какъ во снѣ и боялся невпопадъ сдѣлать нападеніе и начать свои дѣйствія.

Наконецъ Салынинъ, увѣренный, что со дня на день придетъ его переводъ въ гвардію, отправился въ Одессу прощаться съ Улимовой. Цѣль поѣздки его именно была та, но Колесникову онъ сказалъ совсѣмъ другую и уѣхалъ одинъ на сутки всего.

Слухъ о переводѣ Салынина въ гвардію и о скоромъ его отъѣздѣ носился уже въ городѣ, но вѣрнымъ никто его не считалъ, тѣмъ менѣе Улимова, и когда Николай Григорьичъ опять, высокій и стройный, сталъ передъ нею, въ ея небольшой гостиной, когда, протягивая тихо руку Юліи Михайловнѣ, онъ проговорилъ: вотъ теперь вамъ ужъ долго ничто не напомнитъ обо мнѣ,—Юлія Михайловна смутилась и слегка поблѣднѣла.

— Я слышала, но вѣрить не хотѣла — проговорила она чуть слышно.

И оба поглядѣли другъ на друга, руки ихъ соединились на мгновенье въ сильномъ и медленномъ пожатіи.

— Садитесь — сказала Юлія Михайловна.

Салынинъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ

сѣсть вдали, но одумался и сѣлъ очень близко. Онъ молчалъ, она тоже.

Въ эту минуту Салынину именно пришелъ на мысль стихъ Байрона: «она знала, что тѣнь ея ложится на его сердце, видѣла, что онъ несчастливъ, но не все еще она видѣла!!....» Невольно утонулъ онъ въ мысляхъ, возбужденныхъ въ немъ воспоминаніемъ этихъ стиховъ.

Улимова тоже была отдана печальнымъ мыслямъ. Она находилась въ присутствіи человѣка, который любилъ ее, но сознаніе это не дѣлало ее счастливой, а напротивъ того дѣлало ее печальной. Однако она подняла глаза и, увидѣвъ выраженіе любви и грусти на лицѣ Салынина, она не выдержала; рука ея довѣрчиво легла на плечо Салынина, и тихимъ, ласковымъ голосомъ она сказала:

— Говорите, говорите со мной о чемъ-нибудь. Полноте думать и грустить. И мнѣ очень тяжело разставаться съ вами, безъ васъ рѣшительно все чужіе будутъ вокругъ меня. Разлуку нашу вы будете чувствовать сильнѣе, но я дольше, вамъ будетъ больно, а мнѣ горько и тяжело. Пожалуйста не молчите такъ, разсказывайте.... — Голосъ ея былъ взволнованъ.

— Что̀ прикажете разсказывать? спросилъ онъ, поцѣловавъ у ней руку съ выраженіемъ глубокой печали и нѣмой покорности.

— Зачѣмъ вы ѣдете въ Петербургъ? кто устроилъ? почему это такъ? Наконецъ развѣ это неизбѣжно?

— Такъ неизбѣжно и даже такъ безотлагательно, что я почти пересяду съ перекладной въ дорожный тарантасъ не отдыхая — отвѣчалъ Салынинъ. Дядѣ вздумалось....

— Да, можетъ-быть вы сдѣлаете карьеру, но мнѣ жаль васъ теперешняго — вы измѣнитесь!

— Колесниковъ мнѣ то же самое говоритъ, но онъ находитъ, что я тогда буду лучше.

— Я не одного съ нимъ мнѣнія. Быть-можетъ вамъ будетъ лучше, но сами вы не будете лучше тогда.

— Но я тогда, какъ Колесниковъ, буду твердить всѣмъ: пожалуйста побольше ѣшь и спи — проговорилъ шутливо Салынинъ.

— Такъ вотъ ученіе Колесникова? — спросила Улимова. — Вѣроятно это онъ вамъ посовѣтовалъ оставить здѣшнія мѣста?

— Онъ не противъ этихъ затѣй, но не онъ затѣялъ, а дядюшка, который теперь самъ служитъ въ Петербургѣ и хочетъ имѣть одного изъ племянниковъ при себѣ. Онъ мнѣ крестный отецъ, и вѣроятно потому выборъ его палъ на меня.

— А вы рѣшились не колеблясь?

— Нѣтъ, я колебался — проговорилъ тихо Салынинъ и посмотрѣлъ ей смѣло въ глаза.

— Разскажите же мнѣ все, все.... Неужели вы не знали вовсе о намѣреніи вашего дяди, когда были здѣсь въ послѣдній разъ? спросила Улимова.

Тутъ Салынинъ сталъ постепенно и со всей искренностью разсказывать, какъ чувствовалъ, что думалъ, когда разстался съ ней. Съ исторической вѣрностью онъ прослѣдилъ всѣ чувства свои и потомъ разсказалъ, какъ были получены письма, какъ оставить ее, разстаться съ ней не хотѣлось, но какъ съ другой стороны онъ сознавалъ необходимость бѣжать ея, удалиться отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣча была возможна. Салынинъ говорилъ съ гордостью и пылкостью сдержаннаго чувства;

онъ былъ увлекателенъ въ эту минуту какъ никогда. Глаза его сверкали, лице было одушевлено, рѣчь мѣрная и звучная падала съ его горячихъ губъ. И видѣлъ онъ, что слушаютъ его съ живымъ участіемъ, и думалъ онъ, — эта женщина вспомнитъ непремѣнно когда-нибудь обо мнѣ!

Разлука тяжела какъ лишеніе, въ этомъ смыслѣ всѣми понимается разлука; но лишенія переносятся легче, нежели разлука, какъ бы ужасны они ни были. Оттого, что въ разлукѣ самой не только заключается мысль лишенія, но еще и другая, болѣе ѣдкая, истомляющая мысль привязывается къ разставанью: изъ-за плечъ каждой разлуки глядитъ вамъ въ глаза холодными своими глазами забвенье, — ни гордость человѣка, ни гордость чувства не могутъ помириться съ забвеньемъ. Кто можетъ хладнокровно думать, что будетъ забытъ? Сама смерть тяжела не какъ разлука, а какъ забвенье; мы всегда взыскательнѣе къ памяти близкихъ намъ, нежели къ ихъ чувству — не оттого ли, что болѣе надѣемся всегда на память, нежели на сердце?

Когда Салынинъ кончилъ свой разсказъ и разговоръ снова пошелъ своимъ чередомъ, Юлія Михайловна произнесла съ тяжелымъ вздохомъ:

— Намъ слѣдовало раньше встрѣтиться!

— Слѣдовало! — повторилъ Салынинъ. — Вы хотите сказать этимъ, что вы бы любили меня?....

— Да, Николай Григорьичъ, я бы васъ любила; я говорю это не безъ основанія, потому-что теперь даже, когда въ сердцѣ моемъ долженъ быть холодъ и пренебреженіе ко всѣмъ и ко всему, я чувствую, что привыкаю къ вамъ.

— Привыкаю! Боже мой, какія слова — вос-

кликнулъ съ горечью Салынинъ. — Лучше бы вы не говорили ихъ! Такъ вы никого не будете любить?

— Никого, потому-что васъ не будетъ здѣсь — отвѣчала Улимова твердо.

— Вы сводите меня съ ума, что̀ это вы говорите? повторите слова ваши и поймите ихъ, поймите тоже, что̀ я долженъ чувствовать, слушая ихъ.

— Зачѣмъ же вы смѣетесь надъ словомъ *привыкаю*, зачѣмъ не хотите понять силы и значенія его? — спросила Улимова. Поймите, что я могу привязаться, силой привычки полюбить, но ужъ не иначе. Салынинъ, я стара для васъ. Цѣпь годовъ моихъ имѣетъ больше колецъ, нежели ваша, но особенно я стара душой; воображеніе мое состарѣлось — оно ужъ болѣе не увлекаетъ меня, сердце состарѣлось — оно не вѣритъ въ счастіе отвѣтнаго чувства, мысль состарѣлась — она не можетъ болѣе воздвигать для себя идеалы.

Салынинъ схватилъ за руку Юлію Михайловну.

— Скажите же мнѣ, что̀ съ вами было? спросилъ онъ. Что̀ васъ разочаровало, что̀ поглотило и уничтожило ваши любящія силы?

Юлія Михайловна встала и начала ходить по комнатѣ; она сбиралась съ мыслями, сбиралась съ силами.

— Вы понимаете, что я любила — сказала она не глядя на Салынина. Мало сказать: я любила — я самоуничтожилась въ этой любви. Воля, взгляды, женская гордость — я все отдала своему чувству, или скорѣе человѣку, которому оно принадлежало: его привязанности были моими. И что жъ? мыльный пузырь лопнулъ. Раздумывая однако хорошенько, я не могу слишкомъ винить его, я искала совершенства, душа моя создала идеалъ человѣка,

случайность опутала меня еще болѣе своими сѣтями. Онъ и виноватъ противъ меня, но противъ себя виноватъ. Любовью его я себя не обманывала, но какъ человѣкомъ я себя имъ обманула. Измѣнить отношенія наши онъ не могъ, потому-что не онъ ихъ искалъ, не онъ вызвалъ меня на чувства, но измѣнить правила свои, но.... И Улимова понизила невольно голосъ, щадя еще невольно Желнина — но онъ сдѣлалъ низость, онъ сдѣлалъ ихъ даже нѣсколько одну за другой....

Въ эту минуту Улимова стояла передъ Салынинымъ. Не возможно передать выраженіе ея глазъ: въ нихъ было негодованіе, въ нихъ былъ судъ неумолимой правды надъ головой виновнаго. Въ своемъ признаніи она была горда, страшна невообразимо, она была сильна и тверда. Никогда еще Салынинъ не встрѣчалъ подобной женщины, никогда не представлялъ себѣ ничего въ такомъ родѣ.

— Скажите мнѣ, кто? спросилъ невольно Салынинъ, не сводя съ нея глазъ.

— Я вамъ сказала, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ низость, и вы думаете, что теперь я вамъ назову его? — возразила Улимова. Судъ мой надъ нимъ давно свершился, мнѣ не нужно отбирать мнѣнія, оставимте этого человѣка жить и наслаждаться. Я сдѣлала все, чтобы онъ былъ доволенъ мной, и если онъ понимаетъ только, что̀ должна я думать о немъ, то это ужъ съ него довольно. Впрочемъ нѣтъ, онъ не понимаетъ: онъ самъ пересказалъ мнѣ еще одинъ поступокъ, котораго я бы вовсе не хотѣла знать, онъ доволенъ собой и болѣе нежели доволенъ — онъ гордится.

— Я бы хотѣлъ видѣть этого человѣка — произнесъ задумчиво Салынинъ.

— На что̀ онъ вамъ? Вамъ любопытно посмотрѣть на того, котораго я любила? но вѣдь я любила не его, а того человѣка, котораго видѣла въ немъ. Однако — прибавила Юлія Михайловна — несмотря на страшное потрясеніе не всѣ силы уничтожились во мнѣ — гордость уцѣлѣла, ее ничто не нарушило. Я крѣпка своей гордостью, Салынинъ, и придетъ время, когда я буду думать обо всей этой исторіи безъ волненія; даже въ настоящую минуту во мнѣ нѣтъ жажды отмщенія, ни капли желчи противъ этого человѣка: онъ виноватъ только противъ себя, да и то можетъ-быть нѣтъ. Онъ только въ моихъ рукахъ, а эти руки не предадутъ его; въ глазахъ другихъ онъ все тотъ же, и будетъ все тотъ же долго, очень долго еще можетъ-быть....

Въ самомъ дѣлѣ, она говорила тихо и спокойно. Салынинъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее, и слушалъ, слушалъ внимательно.

Вотъ передъ нимъ была женщина съ правилами, съ энергіей, съ волей; онъ видѣлъ, что всякое слово было глубоко прочувствовано ею. Онъ понималъ, что Улимова была вообще рѣдкое явленіе въ нравственномъ мірѣ, и чѣмъ болѣе открывали глаза его достоинствъ въ ней, тѣмъ горьче, тѣмъ страшнѣе представлялась ему разлука. Весь блескъ его грядущей жизни, всѣ картины, написанныя рукой Колесникова, заученныя воображеніемъ Николая Григорьича, гасли, стирались одна за другой, краски сбѣгали. Невыносимо было ему думать, что навсегда.... что Улимова для него должна быть не досягаемымъ, промелькнувшимъ мгновенно передъ нимъ видѣніемъ.

А между-тѣмъ часы двигались впередъ, вечеръ

былъ поздній, ужъ очень поздній, а на зарѣ Салынинъ долженъ былъ отправиться въ обратный путь. Въ какомъ-то горестномъ порывѣ схватилъ онъ обѣ руки Юліи Михайловны, приникъ къ нимъ горячей головой, потомъ покрылъ ихъ неслышными поцѣлуями, и всталъ. Трепещущей рукой онъ пристегнулъ палашъ, потомъ повернулся. Улимова встала, она тоже выдержать не могла, сердце ея разрывалось на части. Невольно она удержала его за руку, хотѣла что-то сказать, но тоже не могла, смотрѣла только на него. И онъ тоже смотрѣлъ, наклонивъ голову, потому-что Юлія Михайловна едва ли была ему по плечо, но прямо, прямо смотрѣлъ ей въ глаза. Рука его тихо обвила ея талью, взоръ молилъ на прощанье одного поцѣлуя, губы не шевелились, и голосъ погасъ въ его груди.

Грусть была такъ сильна, такъ глубока, что подъ гнетомъ ея погасла страсть, безъ порывовъ стала эта порывистая натура, безъ огня были въ эту минуту его пламенные глаза. Часы въ сосѣдней комнатѣ болтали своимъ неутомимымъ языкомъ, они говорили все эти слова: мы идемъ, идемъ, идемъ.... расходитесь и вы.... ступайте каждый въ свою сторону, идите, потому что мы идемъ, идемъ, идемъ.... Голова Юліи Михайловны прислонялась къ холодному эполету и рука ея не отвела руки Салынина отъ ея тальи. Если бы у ней были братья, онъ былъ бы ей дороже всѣхъ братьевъ. Но любить, любить опять! ласки искать и ласки ждать, повѣрить въ возможность отвѣтнаго чувства, когда возмездіе никогда не было ея удѣломъ! Она думала сначала, что у ней будетъ счастливая жизнь — эта мысль разбилась. Она искала забвенья, и не нашла его; пришло сознаніе,

что она могла только оглушить себя; а между-тѣмъ она себя стала менѣе уважать. Въ минуту отчаянія она хотѣла расточить, разметать силы души своей, измельчить натуру — но душа ея всегда стремилась къ совершенству, и потому измельчиться не могла. Когда ей только показалось, что въ ней гаснетъ благородство и чувство прекраснаго, она испугалась себя, она захотѣла подняться и стала искать чувства, но чувства, которое было бы оправдано выборомъ предмета. Въ первую эпоху своей жизни ей хотѣлось радости, и въ радость вѣрила она; во вторую она стремилась къ возрожденію; теперь въ ней была жажда отрады, отдыха, утѣшенія — но страшно было вѣрить, страшно было искать, непростительной слабостью было надѣяться,—такъ думала она. И потому она не искала, не надѣялась, отталкивала новую чашу, которую жизнь подносила къ губамъ ея. Она была одинока, одинока по взглядамъ своимъ, по чувствамъ, по характеру, по мыслямъ; жизнь доказывала ей это столько разъ; она сказала себѣ, что произвольно не выйдетъ болѣе изъ своего одиночества.

Но близко отъ сердца ея билось печальное сердце, но взглядъ полный тоски смотрѣлъ ей въ глаза, но передъ ней стоялъ человѣкъ, которому она чувствовала себя не въ правѣ отказывать; она сжала его руку, она вздохнула и подняла голову, повернула къ нему лице спокойное и печальное. Летучимъ поцѣлуемъ коснулся Салынинъ губъ ея, потомъ волосъ, потомъ руки, прижалъ эту руку къ груди своей, и въ этотъ разъ не оглядываясь вышелъ.

Шаги его стихли. Часы только попрежнему сту-

чали — «мы тоже идемъ, идемъ, идемъ.... Но мы идемъ всѣ въ одну сторону....».

Юлія Михайловна подошла къ столу, стоявшему подъ большимъ зеркаломъ, она посмотрѣла на себя. Щеки ея слегка были покрыты румянцемъ, глаза нѣсколько свѣтлѣе горѣли, но ни признака страсти, ни проблеска любви не было видно на ея лицѣ; она оцѣнила сама себя, сказавъ: — усиленная дѣятельность нервовъ, потому-что я плакать себѣ не позволяю, а вѣдь я бы плакала! Поступкомъ своимъ въ отношеніи Салынина она была довольна, она подвергла себя анализу, она предложила себѣ нѣсколько неумолимыхъ вопросовъ и отвѣчала на нихъ съ твердостью и отчетливостью.

На другой день она не пошла гулять, Салынинъ уѣхалъ не видавшись съ нею болѣе.

Юлія Михайловна не знала, на что̀ употребить день свой: то ей казалось, что голова болитъ, то ей казалось, что надо сдѣлать нѣсколько визитовъ.

Къ счастью Гриневичъ пришелъ. Улимова сказала ему, что больна, что ей тяжело, что она сегодня раздражительна, и въ какомъ-то грустномъ порывѣ нетерпѣнія и досады бросилась на кушетку.

Гриневичъ холодно сѣлъ въ кресла, закурилъ папиросу и началъ честить весь знакомый людъ. Онъ холодно былъ злобенъ, смѣялся безпощадно, и разоблачалъ сердечныя побужденія съ страшной придирчивостью. Ему въ этотъ день особенно попались на языкъ баронесса Ш. и княжна Волжикова. Свершая свою предобѣденную прогулку, Гриневичъ встрѣтилъ сначала одну, потомъ другую. Побранивъ хорошенько баронессу, онъ вскользь сказалъ, что Желнинъ крѣпко начи-

наетъ скучать, что жена ему надоѣла и самъ себѣ онъ становится въ тягость. Но Юлія Михайловна выслушала это безъ малѣйшаго участія, ничто въ душѣ ея не шевельнулось, какъ будто сквозь сонъ слушала она теперь вѣсти о Желнинѣ.

Что касается княжны Волжиковой, то Гриневичъ сообщилъ о ней нѣкоторыя подробности. Она воспитывалась за границей въ какомъ-то пансіонѣ, мать не могла совладѣть съ характеромъ ребенка, а потомъ молодой дѣвушки, и желая поразить вообраafженіе ея разлукой, отдаленіемъ отъ всѣхъ, оставила ее въ Парижѣ, въ пансіонѣ какомъ-то, во время одной изъ поѣздокъ своихъ за границу. Ребенка-дѣвушку оставили одну въ чужихъ людяхъ, на чужихъ рукахъ, къ ней не писали родные и только за нее исправно платили. Эта мѣра исправленія плохо подѣйствовала на княжну. По-прежнему ея идеаломъ оставалась Іоанна д'Аркъ, по-прежнему, если ей удавалось подмѣтить гдѣ-нибудь топоръ, она схватывала его, отважно размахивала имъ по воздуху и распускала по плечамъ свои бѣлокурые волосы. Фантазія ея разгорячалась, и въ кругу пансіонерокъ, въ часы рекреацій, княжна смѣло набрасывала яркими словами ужасы войны, картины убійствъ, крови, и съ удовольствіемъ говорила о тѣхъ предметахъ, отъ которыхъ содрогались ея слушательницы. Ее боялись и съ ужасомъ смотрѣли на нее.

Когда княжна возвратилась въ Россію и вынуждена была провесть почти десять мѣсяцевъ въ деревнѣ, она чуть съ ума не сошла, все и всѣхъ кляла съ досады. Она обзавелась верховой лошадью, и на этой лошади вихремъ неслась по лѣсу, влетала иногда въ кругъ крестьянъ во вре-

мя полевыхъ работъ, пугала ихъ своимъ появленіемъ и вообще старалась пріучить себя только къ тому, чтобы всякій день дѣлать нѣсколько верстъ болѣе противъ прошлаго дня.

Волжиковы были богаты.

Княжнѣ хотѣлось прослыть оригинальной: она хотѣла запугать домашнихъ неукротимостью своего нрава, а свѣтъ сумасбродствомъ своихъ мнѣній. Вообще она старалась всегда всякаго озадачить своими выходками. Нарядъ ея былъ небреженъ до невѣроятія, волосы подобраны кое-какъ. У ней была коллекція прекрасныхъ хлыстовъ, книги ни одной, мебель вся чернаго дерева, на письменномъ столѣ пара заряженныхъ пистолетовъ; ея утренняя блуза застегивалась стальной пряжкой, сдѣланной въ видѣ подковы съ золотыми гвоздиками, ея ленточки и платочки закалывались подковой-брошкой, ея браслетки изъ черныхъ бархатныхъ лентъ стягивались пряжками-подковами, на обнаженной шеѣ вмѣсто брильянта на узенькой черной бархаткѣ качалась такая же миніатюрная подковка. Въ обществѣ княжна, показавшись наконецъ въ зимній сезонъ въ свѣтѣ, бывала то молчалива и угрюма, то опять способна говорить съ излишнимъ жаромъ. Она говорила громко, что хочетъ выйдти замужъ, но что ей нужно по крайней мѣрѣ приличное имя. По-французски она говорила какъ настоящая Парижанка.

Улимову княжна Волжикова потому нѣсколько занимала, что она видѣла ее не разъ разговаривающею съ Салынинымъ съ большимъ жаромъ. Она была съ нимъ менѣе надменна, нежели съ другими, и говорила языкомъ еще болѣе смѣлымъ, нежели обыкновенно. А иногда вдругъ состроивъ

мину совершенной невинности, она застѣнчиво садилась гдѣ-нибудь въ углу и говорить съ собой вовсе никому не позволяла. У Волжиковыхъ Салынинъ былъ очень хорошо принятъ. Только поэтому Волжиковы занимали Улимову, въ особенности княжна, которая причудами своими и придуманной оригинальностью не нравилась до крайности Юліи Михайловнѣ.

Съ нѣкоторымъ удовольствіемъ слушала она ѣдкія шутки, которыя сыпались у Гриневича на долю княжны. Ей было весело видѣть, какъ постоянно золъ Гриневичъ, и какъ страшно золъ онъ, когда дастъ волю своему языку. Нечувствительно, съ тѣмъ рѣдкимъ искусствомъ, къ которому способна только женская изворотливость, Юлія Михайловна съумѣла очень кстати произнесть имя Салынина.

— А Салынинъ уѣхалъ таки! воскликнулъ Гриневичъ, вдругъ принявъ серьёзный видъ. Я думалъ, что у него силы не достанетъ.

— Отчего же? его тамъ ждетъ карьера, жизнь веселая, богатая успѣхами всякаго рода: для него отворяются сами собой двери аристократическихъ салоновъ, самая привлекательная вещь для воображенія, самолюбія и при этомъ мало доступная провинціаламъ, и даже не провинціаламъ, а такъ, выходцамъ изъ другаго круга. Пусть ѣдетъ!

— Вы виноваты, что онъ поѣхалъ — сказалъ Гриневичъ — на васъ ляжетъ грѣхъ, если человѣкъ пропадетъ и одурѣетъ.

— Вы все свое, Гриневичъ! Что же мнѣ было дѣлать?

— Любить, повторяю вамъ любить! произнесъ Гриневичъ съ несвойственной ему горячностью.

Это сердце шло прямо отдать вамъ себя въ руки, а вы не захотѣли. Вы забыли, что вы имѣете право на нравственный отдыхъ, на отраду, а вы даже жаждой отрады не могли полюбить человѣка?

— Кто мнѣ поручится, что тамъ была бы отрада?

— Я, говорятъ вамъ, я, — если ваше сердце не умѣло понять Салынина, ни оцѣнить любви его. Онъ васъ прекрасно любитъ!

Улимова опустила голову.

— Я вѣрю вамъ, Дмитрій Александровичъ — произнесла она, помолчавъ немного, — но оставимте это, теперь ужъ поздно!

— Поздно, потому-что онъ далеко? но если бы Салынинъ снова сталъ здѣсь передъ вами, вы снова были бы холодны, грустны и недовѣрчивы.

— Нѣтъ, я можетъ-быть любила бы его — сказала она съ увлеченіемъ.

— Можетъ-быть!... Нѣтъ; Юлія Михайловна, на васъ не угодишь! одинъ разъ въ жизни мнѣ хотѣлось, чтобы вы любили, а вы не захотѣли. Не смотрите на меня, я холоденъ — но я дошелъ до степени положительности, а вамъ положительной никогда не быть. Я современемъ женюсь, но вамъ, вамъ надо еще любить, потому-что вамъ нужно еще испытать отраду и помириться съ жизнью. Вы не узнали, что̀ вамъ теперь предлагала жизнь, вы стали близоруки, непонятливы — и мнѣ досадно на васъ! Мнѣ хотѣлось для васъ хоть нѣсколькихъ минутъ счастья, судьба подносила вамъ этотъ напитокъ, а вы розлили его по столу. Вы не поняли потребности души вашей или заглушили её. Зачѣмъ вы себя не пожалѣли? Лю-

бовь Салынина создала бы для васъ отраду, а теперь....

— Теперь ни искры ея, ваша правда! проговорила Улимова.

Гриневичъ покачалъ головой, глядя на нее, и въ молчаніи докурилъ папиросу.

— Вы видѣли Салынина? спросила Юлія Михайловна, когда Гриневичъ всталъ.

— Вчера, когда онъ ѣхалъ къ вамъ. Онъ обѣщалъ зайдти къ Дюмаре, чтобы отыскать меня и проститься еще разъ, но я зналъ, что онъ засидится. Однако я долго ждалъ его.

— Мы очень поздно разстались—сказала Юлія Михайловна въ раздумьи.

— Хорошъ онъ вѣрно былъ, когда не рѣшился идти къ Дюмаре искать меня! Охъ, Юлія Михайловна, Юлія Михайловна!

— Не браните, Гриневичъ, мнѣ и такъ тяжело.

Гриневичъ посмотрѣлъ на нее внимательно: въ самомъ дѣлѣ въ глазахъ ея стояли слезы.

ГЛАВА VIII.

Два мѣсяца прошло. Юлія Михайловна все собиралась уѣхать; не потому, чтобы страсть къ путешествіямъ была ея господствующей страстью, не потому, чтобъ даль ее тянула особенно, а такъ, тяжело ей было оставаться здѣсь, видѣть тѣ же стѣны, ту же мебель, тѣ же лица. Особенно лица! слишкомъ горда она была для того, чтобы отдавать себя произвольно на судъ постороннихъ зрителей, зрителей она не любила, боялась, не выносила. А между-тѣмъ чувствовала она, что становится мрачнѣй, молчаливѣй, что не въ силахъ еще одолѣть себя, и знала, что эта перемѣна привлечетъ вниманіе, возбудитъ догадки. Притворяться надо было, но притворяться она не умѣла.

Эта женщина все могла перенесть, но вторженія въ міръ души своей она не переносила и не допустила бы его никогда, ни съ чьей стороны. Вотъ какой свободы хотѣла она, свободы быть веселой и грустной, радоваться и страдать, свободы жить сердцемъ, жить головой — и не возбуждать ни въ комъ любопытства.

Зачѣмъ ею занимались? если бы ею занимались изъ участія, она была бы признательна, но любопытство оскорбляло Юлію Михайловну. Ее связывали выслѣживаньемъ, придирчивымъ вниманіемъ; но сказалъ ли ей хоть кто-нибудь, когда нибудь слово отрады, но влилъ ли въ душу ея хоть чей-нибудь голосъ искру упованья?

Гриневичу она вѣрила нѣсколько болѣе, нежели другимъ, и то оттого, что была убѣждена, что онъ слишкомъ холоденъ для того, чтобы заниматься чѣмъ бы то ни было съ горячностью. Человѣкъ, который скорѣй забывалъ своихъ собственныхъ враговъ, нежели ихъ преслѣдовалъ, внушалъ ей по крайней мѣрѣ довѣріе къ своей способности забывать и молчать. Онъ бывалъ иногда слишкомъ разсѣянъ для того, чтобы подмѣчать, иногда слишкомъ проницателенъ чтобы можно было укрыться передъ нимъ. Онъ не давалъ себѣ труда наблюдать слишкомъ людей, а прямо клеймилъ ихъ постоянной насмѣшкой, схватывая на лету комическія стороны каждаго характера. Но и отъ насмѣшки нуженъ отдыхъ: онъ случайно нашелъ существо, надъ которымъ смѣяться ему не хотѣлось, и былъ радъ этому. Онъ сблизился съ Юліей Михайловной на степень очень пріятельскихъ отношеній — они не боялись никогда быть не впопадъ разгаданными другъ другомъ. Юлія Михайловна поняла, что Гриневичъ никогда не пожелаетъ ей зла и не порадуется ея страданіямъ, что онъ одинъ въ ней зрѣлища не ищетъ и смотритъ на нее какъ на человѣка отвѣтственнаго ему по многому.

Но вѣдь Юлія Михайловна не могла запереть дверь свою для всѣхъ посѣтителей кромѣ Грине-

вича. Она нашла, что единственное средство оградить себя отъ любопытства, это уѣхать, скрыться и возвратиться снова, когда одолѣетъ себя нѣсколько и когда любопытство зрителей не проникнетъ болѣе во всѣ тайны закулисной жизни актера. Куда уѣхать однако? отецъ мужа ея еще жилъ, но съ нимъ она не видалась, вслѣдствіе кокихъ-то не совсѣмъ пріятныхъ домашнихъ сценъ, вышедшихъ между ними, благодаря вмѣшательству въ дѣла ихъ Дунечки и еще какихъ-то постороннихъ лицъ. Временная размолвка Улимовой со старикомъ, котораго она уважала и любила, не позволяла ей однако ѣхать къ нему, прежде нежели онъ первый не изъявитъ со стороны своей желанія видѣть свою невѣстку и какъ болѣе виновный не сдѣлаетъ перваго шага къ примиренію. Юлія Михайловна, которая всегда такъ удачно придумывала куда уѣхать и легко находила поводъ къ отъѣзду всякій разъ, какъ чувствовала желаніе убѣжать отъ другихъ или отъ себя самой, не могла никакъ теперь устроить для себя путешествія и, на зло своей тоскѣ и разстроенному воображенію, оставалась въ городѣ, отъ котораго хотѣла бы быть на ту пору за тысячу верстъ.

Она старалась всячески разнообразить свои дни и болѣе всего избѣгала оставаться съ собой наединѣ. Уединеніе — плохое лекарство для заглушеннаго чувства. Въ какой-то лихорадочной дѣятельности проходило время для Юліи Михайловны, она искала себѣ занятія всюду и во всемъ. Модные магазины обыкновенно мало ее занимали, но теперь она прибѣгла даже къ нимъ, скупала бездну вещей вовсе не нужныхъ, чувствуя пустоту и стараясь ее наполнить, но боясь всего, что̀ могло

приводить въ дѣятельность умъ или душу, и пытаясь усыпить ихъ. Такимъ образомъ разъ въ послѣ-обѣденную пору Улимова сидѣла въ одномъ изъ лучшихъ магазиновъ. Она выбрала кусокъ матеріи и, поднявъ голову, тихо разсчитывала, сколько аршинъ нужно, и какъ отдѣлать, и вообще какое сдѣлать изъ нея употребленіе. Глаза ея машинально устремились къ стеклянной двери и смотрѣли разсѣянно, безъ цѣли, на окна противоположныхъ магазиновъ. Вдругъ выраженіе радостнаго изумленія озарило ея лице, она вздрогнула и поднялась со стула, не спуская глазъ съ двери.

— Я оставлю у васъ всѣ покупки, я сейчасъ буду, только мнѣ надо присмотрѣться еще и сообразить — проговорила она быстро. Я видѣла у Даржанси....

Говоря это, Улимова растворила дверь и исчезла; купецъ выглянулъ и видѣлъ, что она шибкими, быстрыми шагами шла все по этой сторонѣ и точно по направленію къ магазину Даржанси; онъ возвратился на свое мѣсто.

Юлія Михайловна почти бѣжала, чтобы на углу перерѣзать дорогу Салынину; его высокую фигуру она замѣтила сквозь стеклянную дверь, не вѣрила глазамъ, какими судьбами попала она снова сюда? отчего не уѣхалъ? поѣдетъ ли? что значитъ его появленіе? точноль онъ? конечно, онъ — этотъ ростъ, эта походка заставятъ узнать его въ чрезвычайной дали. Встрѣтить его, встрѣтить — и посмотрѣть, полюбоваться его радостью тоже. И Улимова еще ускорила шаги. Но Салынинъ однако гораздо скорѣе ея дошелъ до угла своими мѣрными, огромными шагами. Смотрѣлъ онъ пристально внизъ и такъ былъ озабоченъ какой-то

мыслію, что не поднимая глазъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Юліи Михайловны повернулъ въ противоположную сторону. Улимова остановилась невольно — она приложила руку къ сердцу — оно сильно билось, вѣроятно отъ усиленной ходьбы. Ей стало досадно на Салынина, стало досадно на себя, она удивилась и радости своей, и своему необдуманному поступку, и забвенію всякаго благоразумія на этотъ разъ. Юлія Михайловна вошла къ Даржанси, спросила разсѣянно то̀, чего именно тамъ не было, и возвратилась ужъ не съ такой поспѣшностью на свое мѣсто. Она была готова думать, что ей показалось, что Салынина нѣтъ и не было, что такъ, привидѣлось все только.

Опять передъ ней развернули ту же матерію, она не понимала болѣе цвѣта ея и не могла припомнить, для какого предмета хотѣла было купить. Она велѣла отмѣрить нѣсколько аршинъ, завернуть и вмѣстѣ съ остальными вещами отнести къ ней на домъ. Сама же Юлія Михайловна пошла къ мѣсту общественныхъ гуляній, будучи не въ состояніи отказаться отъ встрѣчи съ Салынинымъ и тая въ себѣ неясную надежду этой встрѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, едва Улимова приблизилась къ первой группѣ гуляющихъ, передъ ней снова, нѣсколько вдали, нарисовалась та же фигура. Но въ этотъ разъ Салынинъ увидѣлъ ее и приближался, сдерживая съ трудомъ порывъ своей радости. Они встрѣтились.

— Я не вѣрила глазамъ своимъ — произнесла Улимова, отвѣчая на его поклонъ.

— Вы многому удивитесь — сказалъ Салынинъ. Сколько перемѣнъ, какіе перевороты — словомъ, вы видите, что я здѣсь, тогда какъ о сю пору давно

бы долженъ былъ гулять по Невскому. Но я насилу вырвался, я самъ не вѣрю себѣ, что я здѣсь; меня вздумали было не пускать въ этотъ разъ.

Въ это время Тименецкій и Пленчаниновъ показались вдали, и не смотря на отдаленность, Улимова узнала ихъ тотчасъ; она хотѣла избѣжать встрѣчи съ ними.

— Послушайте, Николай Григорьичъ, если вамъ нечего дѣлать, проводите меня къ Даржанси, я забыла взять у него пару черныхъ перчатокъ; а мнѣ необходимо.

— Пойдемте — отвѣчалъ Салынинъ.

Они отправились по тому же направленію, по которому нѣсколько минутъ тому назадъ шли тоже оба, только врозь.

— Я былъ здѣсь за минуту — сказалъ Салынинъ.

— И я тоже — сказала Улимова.

— Неужели? какъ же мы не встрѣтились?...

— Вольно вамъ разсматривать камни тротуара, я почти бѣжала за вами.

— Вы, за мной? спросилъ онъ радостно и недовѣряя.

— Да вѣдь надо же было убѣдиться, что вы не призракъ, что это вы въ самомъ дѣлѣ. Я бѣжала изо всѣхъ силъ и думала, что удастся васъ встрѣтить; я хотѣла удивить васъ, какъ вы меня удивили.

— Такъ вамъ хотѣлось только удивить меня?

— Я не люблю оставаться въ долгу ни въ какомъ случаѣ.

— Будто! не вѣрится мнѣ что-то, Юлія Михайловна, какъ хотите!

— Васъ стоитъ наказать за недовѣріе. Разсказывайте, что̀ съ вами случилось?

— Со мной ничего, а дядѣ дано другое назначеніе.

— Слѣдовательно вы....

— Слѣдовательно я остаюсь здѣсь, и вѣрю и не вѣрю еще этой удивительной перемѣнѣ.

— На долго вы къ намъ?

— На цѣлый мѣсяцъ. То-есть срокъ короче, но я продлю его.

Они давно уже прошли магазинъ Даржанси и ходили безъ опредѣленной цѣли, только не возвращались больше на гулянье.

Юлія Михайловна не могла не сознавать, что на душѣ у ней посвѣтлѣло, что она была внутренно рада тому, что не уѣхала, и что ни зачто бы въ настоящую минуту не хотѣла уѣхать.

Стемнѣло, поздно; луна давно уже свѣтила своимъ тихимъ блескомъ. Улимова шла домой и Салынинъ шелъ съ ней; у воротъ онъ хотѣлъ проститься.

— Нѣтъ, зайдите—сказала она.—Что̀ вамъ дѣлать сегодня? Вы едва пріѣхали и можете быть совершенно свободны. Можетъ быть вы не хотите, прибавила Юлія Михайловна, поглядѣвъ на Салынина внимательно.

Онъ только слегка пожалъ плечами.

— Я долго не могу быть у васъ—проговорилъ однако Салынинъ входя — ко мнѣ обѣщали заѣхать сказать, въ которомъ часу я долженъ завтра являться.

Они вошли, и когда переступили порогъ гостиной, оба невольно поглядѣли другъ на друга и остановились въ молчаніи: сцена послѣдняго прощанія пришла имъ на память.

Николай Григорьичъ взялъ ея руку и поцѣловалъ, онъ былъ счастливъ и не вѣрилъ своему счастію. Улыбаясь, онъ заставилъ Юлію Михайловну приложить руку къ его сердцу; она была взволнована тоже и не безъ смущенія считала удары этого сердца.

— И я думалъ, что я могу уѣхать, не видѣть васъ, что я могу васъ забыть! пожалуйста, посмѣйтесь надо мной. Впрочемъ не легко узнать себя вполнѣ, надо испытать свое чувство, чтобы оцѣнить его; теперь у вашихъ ногъ испытанное чувство, сильное и глубокое. Ахъ, Жюли, Жюли, какое счастіе говорить вамъ смѣло, что любишь васъ. Я васъ люблю, люблю—слышите ли!—прибавилъ онъ, крѣпко сжавъ ея маленькія руки въ своихъ горячихъ рукахъ. Она молчала. Но уже не то тяжелое чувство, отвергающее любовь, было въ ней, а напротивъ того, слова Гриневича звучали ей невольно, какъ будто надъ самымъ ухомъ: — любовь Салынина создала бы для васъ отраду!...

Итакъ ужъ не битва, не борьба, не испытанія ждали ее, а отрада въ этомъ новомъ чувствѣ? Она начинала вѣрить.... Она не искала на этотъ разъ чувства, она не создавала себѣ идеала, не влекла ее надежда радостей. Она напротивъ того отталкивала чувство такъ долго, такъ медлила полюбить въ этотъ разъ. А Салынинъ, даже по словамъ холоднаго Гриневича, такъ прекрасно любилъ ее и любовь его сулила ей отраду, отдыхъ; жизнь другую, не ту болѣзненнную жизнь, которую до сихъ поръ давало Улимовой каждое изъ прежнихъ чувствъ.

И между-тѣмъ, еще ее что-то необъяснимое останавливало.

— Я могу вамъ сказать покамѣсть, Николай Григорьичъ, что я счастлива, очень счастлива тѣмъ, что васъ вижу — проговорила Юлія Михайловна. — Слушая васъ, я вѣрю, то есть, во мнѣ пробуждается одно вѣрованіе, давно уже заглохшее въ душѣ.

— Боже мой, когда услышу я отъ васъ, что и вы меня любите! воскликнулъ Салынинъ.

— Вы забываете, что я васъ уважаю; уважаю натуру вашу и боюсь солгать еще передъ вами,— сказала Улимова. — Мое *люблю* не похоже на люблю другихъ, помните это, Салынинъ. Дать играть собой я болѣе не въ правѣ, слишкомъ много жизни ушло ужъ у меня; шутить чувствомъ я не буду. Я вѣрю, что вы не оскорбите души моей, что вы въ силахъ оцѣнить ее, если захотите. Салынинъ, помните одно только: я не хочу страданій, не хочу битвъ — я устала, я измучилась. Какъ бы ни было тяжело, еще теперь мы можемъ отвыкнуть другъ отъ друга. Я себя обманывать насчетъ силы чувствъ своихъ не могу болѣе, я слишкомъ хорошо изучила ихъ: но вы молоды, вы невольно еще можете обманываться, вы себя еще не знаете.

— Увѣряю васъ, что изъ насъ двухъ я положительнѣй, я болѣе человѣкъ практическій, нежели вы, перебилъ Салынинъ.

— Не то я говорю вамъ, — вы еще не знаете, возможно ли для васъ забвенье чувства, а я знаю, что для меня оно невозможно. Ищите, пока есть еще время, существа болѣе молодаго, которому легко забыть и возможно утѣшиться, когда вы его разлюбите.

— Такъ вы думаете, что я самъ понимаю, что̀ дѣлаютъ люди съ своими воспоминаніями —

сказалъ Салынинъ.—Я первый не могъ бы управиться съ ними; вы говорите мнѣ о забвеніи, вы заставляете меня искать другаго предмета для чувствъ моихъ, какъ будто чувство мое искало кого-нибудь и выбрало васъ, а не вы дали жизнь моему чувству; вы не хотите понять, что вы причина, пробудившая его.

— Не будемъ анализировать васъ, Николай Григорьичъ. Если я говорю о себѣ, то потому, что считаю долгомъ предварить васъ нѣсколько на счетъ мой. — Теперь я медленна въ изъявленіяхъ и больше чувствую, нежели говорю. Меня любить скучно! — Она грустно улыбнулась при послѣднихъ словахъ.

Салынинъ сталъ ходить по комнатѣ въ глубокомъ раздумьи, потомъ остановился передъ Юліей Михайловной.

— Васъ слушать грустно—сказалъ онъ.—Знаете ли что, не говорите со мной никогда такимъ языкомъ; вы хотите всячески охладить мое сердце, вы разоблачаете жизнь безпрестанно, вы учите меня разсуждать — къ чему все это? Въ васъ все то же грустное недовѣріе, и неужели никогда, ничто его не разрушитъ!

— Напротивъ, я довѣрчивѣе, нежели бы слѣдовало мнѣ быть. Я слушаю васъ съ чувствомъ глубокой отрады, я невольно начинаю соглашаться, что жизнь лучше, нежели я думала, но если....

— Что если? спросилъ Салынинъ, цѣлуя ея руки.

Улимова не отвѣчала, въ глазахъ ея только блеснулъ мрачный огонь и, неподвижные, они устремились въ окно безъ цѣли.

— Что же если?... продолжалъ спрашивать Салынинъ. Онъ весь былъ ласка и любовь и го-

лосъ его наконецъ заставилъ Юлію Михайловну очнуться.

— Ничего, ничего — произнесла она тихо, прислонивъ довѣрчиво голову къ его плечу. Нѣтъ, это сердце не обманетъ меня — подумала она въ отвѣтъ на свое собственное *если.* Даже Гриневичъ сказалъ. Неужели еще не выстрадала она себѣ право на счастіе отвѣтнаго чувства? неужели вѣчная безвозмездность, вѣчно тотъ страшный фатализмъ, который тяготѣлъ надъ нею до сихъ поръ, назначеніе, участь быть любимой только до тѣхъ поръ, пока не полюбитъ она сама?... Представляя глазамъ читателей большіе мыльные пузыри изъ жизни этой женщины, авторъ не говоритъ о всѣхъ тѣхъ встрѣчахъ, короткихъ и мимолетныхъ, которыя тоже были цѣлымъ рядомъ мыльныхъ пузырей, меньшаго только калибра. Они остались безъ вліянія на жизнь Юліи Михайловны, но оставили нѣкоторую тѣнь на мысляхъ ея и отравили грустной ироніей воображеніе и душу. Эту отраву вносила она во всѣ свои взгляды, во всѣ убѣжденія. Нерѣдко Улимова подвергала себя, другихъ и это свое странное назначеніе глубокому изученію: она заставляла себя слегка отвѣчать наконецъ на чувство какого-нибудь господина, добивавшагося ея любви, и что̀ же? любовь его гасла въ ту же минуту, мѣсто ея заступало очевидное охлажденіе!

Почти ребенкомъ была она, когда ужъ жизнь представилась ей горькой, участь безотрадной, она привыкла къ печальному порядку безрадостныхъ дней. Но судьба взглянула на нее привѣтливѣй и вывела на менѣе узкую дорогу. Она повѣрила счастію. Всѣ радости незапретнаго чув-

ства, всѣ утѣхи жизни вдвоемъ съ человѣкомъ, который первый раскрылъ это молодое сердце для любви и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилъ къ лучшему ея существованіе, готовились ей. Не таково было исполненіе этихъ надеждъ: бѣдная женщина шагъ за шагомъ прослѣдила ихъ разрушеніе, прослѣдила еще страшнѣйшее разрушеніе лучшаго дара, лучшихъ способностей въ человѣкѣ, который такъ близокъ, такъ дорогъ ей былъ: душа ея была потрясена всѣми ужасами невыносимаго положенія. Бѣдная женщина, когда все кончилось, она боялась своихъ воспоминаній, она не смѣла оставаться съ ними лицомъ къ лицу. Она бросилась въ свѣтъ, ей нужна была людская молва, чтобы заглушать голосъ разтерзаннаго сердца и измученнаго воображенія, ей нуженъ былъ шумъ, который бы нарушалъ тишину пустыни, возникнувшей вокругъ нея. Она пыталась заглушить себя самую, она искала встрѣчъ. Что же находила она? людей, которыхъ чувства были мыльными пузырями, правила мыльными пузырями, характеры — мыльными пузырями, которые наконецъ сами были мыльными пузырями, — нѣчто занимательное по виду, пустое по содержанію. Она ихъ разсматривала, приближалась къ нимъ, любовалась ими, завидовала имъ: она бы хотѣла подражать имъ и сдѣлаться такой же, какъ они, — но она только уставала.

Она не дошла до того, чтобы чувствовать меньше, но дошла до того, что стала себя меньше уважать. А между-тѣмъ душа ея всегда стремилась къ совершенству; всегда и во всемъ пылкая, она сочла себя въ эту пору худшей, нежели была въ самомъ дѣлѣ, и въ ней явилась жажда возрожде-

нія, жажда возврата прежнихъ силъ своихъ, прежнихъ правилъ, прежнихь убѣжденій. Ей хотѣлось, среди всѣхъ этихъ мыльныхъ пузырей, найдти человѣка; она стала искать его и думала, что нашла въ Желнинѣ. Четыре года она гордилась имъ для того, чтобы потомъ краснѣть за него—Это уничтожило Юлію Михайловну. Такъ это тоже былъ мыльный пузырь! вынуждена была сказать она себѣ.

Теперь она хотѣла уже покончить навсегда со всѣми испытаніями, со всѣми битвами; горько ей было, но отношенія ея къ Желнину до послѣдней минуты были такого рода, что права гордости остались удержанными за Юліей Михайловной; Желнинъ не могъ сказать, чтобы эта женщина принесла ему въ жертву свою любовь непроизвольно, чтобы была имъ призвана и оставлена, и потому мечты ея были разбиты, но гордость уцѣлѣла. Въ такомъ положеніи можно еще жить, можно еще примириться съ собой, можно обрѣсть въ самой себѣ спокойствіе современемъ. Но въ самую минуту не умолкшихъ терзаній, въ пору болѣзненнаго еще состоянія представляется ей вдругъ новое чувство и сулитъ больному сердцу отраду. Кто устоялъ бы? Улимова медлила, но устоять противъ жажды отрады не могла. Гдѣ же тотъ грустный, который бы отвергнулъ утѣшеніе?... Итакъ она рѣшилась ничего болѣе не говорить, ничего не думать — если только для ней было возможно не думать.

Всякій день Салынинъ приходилъ къ Улимовой, и незамѣтно проходили дни ихъ, и недовольно было для Николая Григорьича видѣть ее разъ въ день; нѣтъ, онъ всегда умѣлъ устроить такъ, что-

бы Юлія Михайловна встрѣтилась съ нимъ еще разъ въ теченіе дня. Иногда, на гуляньѣ онъ не успѣвалъ обмѣняться съ ней словомъ, но черезъ толпу разныхъ головъ, разныхъ взглядовъ, глаза ихъ встрѣчались, и доволенъ былъ этимъ, и счастливъ былъ Салынинъ. Совершенно вопреки своему расположенію духа случалось Улимовой показываться часто въ театрѣ, или въ саду, или на тротуарахъ, пестрѣющихъ гуляющими, все для того, чтобъ угодить Салынину, который находилъ, что каждое удовольствіе не полно, коль скоро его не раздѣляетъ Юлія Михайловна. На просьбы его и убѣжденья Улимова нерѣдко говорила — скажите, безъ меня нельзя обойтись?

— Нельзя, никакъ нельзя.

— На что̀ же я вамъ?

— Вотъ несносная!

— Вѣдь говорить намъ съ вами не придется.

— Я знаю. Но вы никогда не поймете того гордаго чувства, которое я испытываю, когда въ этой пестрой толпѣ вижу васъ! Я говорю себѣ: вотъ женщина, которой я не чуждъ, которую люблю, которая когда-нибудь, быть можетъ, будетъ тоже любить меня. Тогда вокругъ меня все становится лучше, міръ наполняется всѣмъ пріятнымъ, на душѣ свѣтлѣй: позвольте же любить васъ хотя гордостью и наслаждаться гордостью хоть сколько-нибудь.

Пожатіемъ руки отвѣчала всегда Юлія Михайловна на подобную рѣчь, и Салынинъ всюду видѣлъ ея привѣтливое лице, встрѣчалъ взглядъ полный ласки.

Улимова стала снова любезна и весела. Кружокъ ея обычныхъ посѣтителей позволялъ себѣ

иногда нѣкоторыя догадки насчетъ Юліи Михайловны, но ничего опредѣленнаго, ничего положительнаго не было во всѣхъ этихъ предположеніяхъ. Гриневичъ никогда болѣе не говорилъ съ ней о Салынинѣ, только больше прежняго оказывалъ онъ расположенія Николаю Григорьичу. Пленчаниновъ слегка подозрѣвалъ Салынина въ любви къ Юліи Михайловнѣ, но отзывался объ этомъ съ шуточной стороны и даже шутя называлъ его—влюбленный въ мою кузину. Называлъ онъ такимъ образомъ Салынина за глаза и чаще всего въ присутствіи Качунова и Трасси; но если Гриневичу случалось быть при подобныхъ разговорахъ, онъ мастерски умѣлъ заставить замолчать ихъ всѣхъ.

Эти люди перекидывались шутками и догадками насчетъ каждаго, совершенно отъ нечего дѣлать и не зная на что̀ употребить свою наблюдательность.

Они больше слѣдили за Салынинымъ потому, что Салынинъ горячился и не могъ скрыть своей досады, не любили его потому, что фигура Николая Григорьича заслоняла всегда и всюду ихъ всѣхъ трехъ, до такой степени, что даже Трасси терялъ вѣру въ свою хорошенькую наружность. Гораздо внимательнѣе былъ бы Штадтгельмъ ко всему ходу происшествій, но какимъ-то облакомъ туманныхъ мечтаній окружалъ онъ всегда образъ Улимовой въ своемъ воображеніи. Эта женщина казалась ему недосягаемой звѣздой, существомъ, въ которомъ напрасно бы кто искалъ отвѣтнаго чувства—и онъ любилъ ее по-своему, по-нѣмецки, въ молчаніи и спокойно. Тименецкій подозрѣвалъ или не подозрѣвалъ ничего, это неизвѣстно; онъ

продолжалъ окружать Юлію Михайловну вниманіемъ, осыпалъ ее остротами и старался слегка фамильярничать, сколько могъ, съ Улимовой. Этотъ человѣкъ былъ способенъ все перенесть для того только, чтобы другіе не догадались, что его уже давно отодвинули назадъ.

Желнинъ осуществилъ давнишнюю свою идею: онъ уѣхалъ съ женой за границу.

Баронесса Ш. продолжала блистать и собирать отъ всѣхъ и за все насильную дань похвалъ и удивленія: баронъ снова почти безвыѣздно жилъ въ Ольховкѣ, обрадовавшись тому, что Желнинъ и Лина поручили Ольховку его надзору и отдали ее въ полное распоряженіе Антона Карлыча.

Наталья Спиридоновна скучала немножко о Петрушѣ, но впрочемъ отношенія ея къ племяннику нѣсколько измѣнились современи его женитьбы: онъ не имѣлъ ужъ такой нужды какъ прежде въ *единственномъ другѣ*, который платилъ за него долги, чувствуя себя вполнѣ бариномъ. Старушку очень занимала мысль — какъ это она будетъ получать письма отъ Петруши изъ за границы? она не могла согласиться, чтобы письма изъ-за границы не были чѣмъ-то особеннымъ и не доставляли особенной пріятности. Юлія Михайловна изрѣдка навѣщала старуху.

Она входила безъ волненія въ эти комнаты, гдѣ столько разъ просиживала цѣлые дни подлѣ больнаго Желнина; по-прежнему свѣтла была гостиная, на мебели ни пылинки и занавѣски у оконъ бѣлы какъ снѣгъ. Пусто все и тихо, только старушка въ бѣломъ какъ снѣгъ чепцѣ гадаетъ въ карты по-прежнему о Петрушѣ, и все выходитъ, что онъ *въ компаніи* большой, и что на

сердцѣ у него между красными картами лежитъ одна пиковка. Тутъ какъ тутъ пиковка!—восклицаетъ всякій разъ Наталья Спиридоновна—видно, не совсѣмъ весело ему, да еще чтобы не къ болѣзни это было! но нѣтъ, кажется не къ болѣзни, а такъ скучно ему что-то.

И Наталья Спиридоновна при встрѣчѣ сообщаетъ Юліи Михайловнѣ, что Петрушѣ на сердце все падаетъ черная карта.

Но что̀ за дѣло Улимовой до черной карты и до Желнина! ничего, рѣшительно ничего, и давно ужъ ничего не оставалось въ сердцѣ ея, что̀ бы напоминало о прошлыхъ дняхъ. Если она въ этой свѣтленькой гостиной и вспомнинала, что любила его и какъ любила здѣсь, то для того только, чтобы сказать себѣ, что теперь она любима, чтобы сравнить слова Желнина съ жаркой рѣчью Салынина, его поступки съ поступками Николая Григорьича, которые всѣ какъ будто твердили одно волшебное слово «люблю».

Случилось однако, что Салынинъ, который приходилъ ежедневно къ Юліи Михайловнѣ, пропустилъ день — Улимова ждала и досадовала. Она ждала нетерпѣливѣй, нежели бывало ждала Желнина: ей не вѣрилось, что Салынинъ не придетъ, тогда какъ въ былое время она ждала и не вѣрила, что Желнинъ придетъ. Какая-то пирушка, отъ которой Салынинъ не могъ отказаться, пирушка за городомъ помѣшала ему пріѣхать къ ней цѣлый день и даже удержала его отъ утренняго визита на слѣдующій — Юлія Михайловна передумала много различныхъ вещей. Какъ на зло никто изъ посѣтителей не являлся, Гриневичъ не приходилъ. Улимова, прождавъ до трехъ часовъ на другой

день, напрасно сѣла за столъ, но отъ волненія обѣдать не могла и тотчасъ послѣ обѣда уѣхала за городъ тоже, кататься безъ цѣли. Она возвратилась въ сумерки и въ самыхъ воротахъ встрѣтила Салынина, который, не заставъ ее, уходилъ повидимому очень спокойно.

Она сдѣлала ему знакъ рукой нѣсколько повелительно и не совсѣмъ ласково взглянула на него — Николай Григорьичъ удивился. Онъ быстро прошелъ дворъ и почти въ одно время съ Юліей Михайловной вошелъ въ комнату.

— Погодите, я велю подать свѣчей — проговорила Улимова, и не протягивая руки, вышла изъ комнаты, а черезъ секунду внесли свѣчи и возвратилась Юлія Михайловна.

Она молча развязывала ленты у шляпы, Салынинъ не садился.

— Что̀ съ вами? спросилъ онъ.

— Садитесь пожалуйста, сказала она равнодушно.

— Нѣтъ я не сяду, пока вы мнѣ не объясните, что̀ съ вами сдѣлалось.

— Со мной ничего — отвѣчала Улимова, слегка нахмуривъ брови и окидывая его съ ногъ до головы проницательнымъ взглядомъ — но съ вами что̀ случилось? Гдѣ исчезли вы, какія дѣла васъ продержали такъ долго вдали отъ меня?

— Третьяго дня я кажется былъ у васъ — проговорилъ Салынинъ.

— И этого съ васъ довольно, конечно! воскликнула нетерпѣливо Улимова.

Салынинъ засмѣялся и сѣлъ на диванѣ; Юлія Михайловна ходила по комнатѣ; онъ ждалъ, что̀ она еще скажетъ, и слѣдилъ за ея движеніями, но она не говорила ни слова.

— Вы сегодня не думаете садиться? спросилъ онъ наконецъ.

Она молча сѣла подлѣ него на диванѣ.

— Послушайте, Жюли — сказалъ Николай Григорьичъ, взявъ ласково ее за руку — вы сердитесь и сердитесь на меня за то, что я не былъ?

— Вы не были сорокъ восемь часовъ, цѣлые сорокъ восемь часовъ вы не чувствовали потребности видѣть меня! Вы вѣрно сбираетесь жить здѣсь цѣлую вѣчность? спросила Улимова съ досадой.

— Я боялся, что надоѣмъ вамъ, — отвѣчалъ онъ шутя, и оттого не приходилъ.

По лицу его было видно, до какой степени онъ счастливъ тѣмъ, что наконецъ хладнокровіе этой женщины исчезло.

— Какой вздоръ вы говорите! сказала она еще съ бо̀льшей горячностью.

— Видно, люди глупѣютъ отъ счастья — возразилъ Салынинъ — потому-что я счастливъ совершенно въ эту минуту.

— Вы счастливы тѣмъ, что видите меня раздосадованной, что мнѣ непріятно? Знаете ли, вы сегодня нестерпимы.

— Браните, браните пожалуйста больше — сказалъ Николай Григорьичъ, покрывая руки ея поцѣлуями. Я разскажу вамъ, что̀ со мной было, и вы еще болѣе станете сердиться.

— Я никогда не забуду, что вы можете сорокъ восемь часовъ не видѣть меня, можете не искать даже встрѣтить, что для васъ это такъ легко. Нѣтъ, такъ не любятъ, Николай Григорьичъ, воля ваша!... Она опустила голову, невольно встрѣтивъ взглядъ вопрощающій, взглядъ удивленья, любви

и счастья. Передъ этимъ взглядомъ она опустила голову, потому-что въ немъ прочла разгадку чувствъ своихъ, оцѣнку своего волненья, оцѣнку всѣхъ движеній души своей; она поняла, что высказалась совершенно передъ Салынинымъ въ ту же самую минуту, въ которую въ первый разъ всего такъ ясно высказывалась передъ самой собой.

Салынинъ тихо, осторожно поднялъ ея наклоненную голову и заставилъ взглянуть себѣ прямо въ глаза.

— Такъ не любятъ, говорите вы? какъ же любятъ, Юлія Михайловна? спросилъ онъ глубоко взволнованнымъ голосомъ; значитъ, вы умѣете любить иначе, любить лучше, любить сильнѣе, нежели мы любимъ?

Она невольно отодвинулась и молчала.

— Да, вы правы — продолжалъ онъ задумчиво и грустно — такъ не любятъ, какъ я васъ люблю! Съ такой покорностью, съ такимъ терпѣніемъ никто не въ состояніи ждать долго, долго слова, которое медлитъ упасть съ губъ вашихъ, даже и въ эту минуту. Вамъ жаль еще его и теперь для меня, Юлія Михайловна — а я вамъ подъ ноги бросаю свою любовь, свою жизнь: ходите по нимъ, ступайте, стучите нетерпѣливо, разбивайте ихъ вашей маленькой ногой, и пусть никогда ничто доброе не упадетъ отъ васъ мнѣ на долю, я не могу перестать любить васъ. Вы правы, говоря мнѣ, что такъ не любятъ!

Голосъ его проникъ до глубины души Улимовой, она почувствовала упреки его справедливыми, она нашла его чувствующимъ прекрасно и благородно; до сихъ поръ всѣ воспоминанія подтверждали, что

въ любви его есть сила, благородство, истина, нѣжность — и съ собой тоже Юлія Михайловна больше лукавить не могла. Сердце ея сильно билось, голова была какъ въ огнѣ. Она подняла глаза: зрачки яркіе и недвижные смотрѣли на нее, она вынесла ихъ огонь, она улыбнулась, она сама нагнулась въ этотъ разъ почти къ уху Салынина и схвативъ его руку, крѣпко сжимая ее, произнесла вполголоса:

— Такъ не любятъ, какъ я люблю *тебя*, Николай!

Салынинъ чуть не вскрикнулъ отъ радости, онъ прижалъ руку Юліи Михайловны къ головѣ своей и такъ долго сидѣлъ въ молчаньи. Казалось, онъ принялъ слова ея за сонъ и боялся проснуться; онъ отдался весь чувству неизъяснимаго блаженства и хотѣлъ насладиться имъ до самой послѣдней капли его.

Онъ боялся нарушить міръ невыразимыхъ поэтическихъ мечтаній, который вдругъ воздвигся для него изъ ничего, изъ двухъ трехъ-словъ, сказанныхъ милымъ голосомъ.

Когда снова онъ могъ и говорить, онъ выговорилъ только одно слово—«наконецъ!» и нѣсколько разъ кряду въ глубокомъ раздумьи повторилъ это слово.

— Теперь я разскажу тебѣ, гдѣ былъ, отчего тебя не видѣлъ сорокъ восемь часовъ — сказалъ онъ, спустя нѣсколько времени, съ удивительнымъ спокойствіемъ, съ тихой шутливостью, глядя на Юлію Михайловну съ отраднымъ чувствомъ совершенной сердечной тишины и увѣренности въ полномъ раздѣлѣ чувства своего. Онъ говорилъ ужъ съ ней тѣмъ языкомъ милаго довѣрія, какимъ говорятъ съ избраннымъ другомъ. — Ты была

права и не права, когда сердилась на меня и бранила за сорокъ восемь часовъ: сегодня я точно могъ прійдти раньше, то есть я могъ прійдти утромъ; но я разсчиталъ, что лучше прійдти вечеромъ. Утромъ мнѣ казалось, что я застану по обыкновенію разныхъ лицъ у тебя, а я на себя плохо надѣялся, я боялся, что выскажу себя при другихъ какъ-нибудь, ужъ тѣмъ быть-можетъ выскажу, что лишній разъ посмотрю на тебя, соскучась, что такъ долго тебя не видѣлъ. Видишь ты какая! Ты думала, что мнѣ легко было, что я добровольно положилъ между собой и тобой сорокъ восемь часовъ разлуки! И какъ это ты такъ вѣрно высчитала сорокъ восемь часовъ? прибавилъ онъ смѣясь.

— Не знаю; видно, я всегда считаю часы и минуты до вашего прихода — замѣтила Юлія Михайловна улыбаясь.

— Такъ ты ужъ не должна *привыкать* ко мнѣ?

— Я къ вамъ привыкла, отвѣчала Улимова.

— Опять! воскликнулъ Салынинъ, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе — вѣдь вы сказали ужъ мнѣ другое слово.

— Но я именно сказала вамъ это слово потому, что я привыкла къ вамъ — возразила Улимова.

— Привыкла, привыкла, только привыкла! говорилъ Салынинъ, сжимая ея руки. А я бы хотѣлъ отвыкнуть отъ васъ, и не могу.

— Попробуйте, можетъ-быть это легче, нежели вы думаете.

— Нѣтъ, когда-то я думалъ, что это легче, нежели нашелъ на самомъ дѣлѣ.

— Такъ вы пробовали, вы пытались?

— Да, я пробовалъ. Я пробовалъ даже уѣхать отсюда, чтобы тебя никогда не видѣть; я всячески пробовалъ тебя забыть; вообще мнѣ не легко досталась твоя любовь.

— Правда твоя, Николай, я медленно тебя полюбила. Быть-можетъ мнѣ любить ужъ вовсе не слѣдовало бы, я по крайней мѣрѣ съ своей стороны все дѣлала, чтобы не сходиться намъ, но ты хотѣлъ, ты непремѣнно хотѣлъ этого.

— Именно, я непремѣнно хотѣлъ! я хочу, чтобы вы меня любили только такъ, какъ я васъ люблю — сказалъ Салынинъ порывисто и горячо.

— А если я больше буду любить васъ? спросила Улимова смѣясь.

— Больше невозможно.

— Невозможно? возразила она.— Я скажу только одно: дай Богъ мнѣ не любить васъ больше, чѣмъ вы любите меня; я боюсь перещеголять васъ, вотъ этого одного я боюсь.

— Если это и случится, потому-что вы говорите, будто возможно для васъ сильнѣе чувствовать моего, если это и случится, то судьба будетъ справедлива, — сказалъ Салынинъ. — Нужно утѣшеніе моей гордости, а я гордъ, Жюли, и ты страшно оскорбила, измучила, изранила мою гордость.

— Я? когда Николай Григорьичъ? скажите пожалуйста.

— Въ самый первый разъ, когда я высказался весь передъ вами, когда ужъ не взглядъ мой, не поступки, не безмолвное вниманіе, не выраженіе лица, только говорили вамъ люблю, а слова мои. А вы что̀ отвѣчали мнѣ? вы отвѣчали мнѣ холодно: «я васъ уважаю». Нѣтъ, вы очень холодны, вы вообще какая-то странная женщина! — заклю-

чилъ Салынинъ съ досадой, невольно обращаясь къ этому непріятному воспоминанію.

— Нѣтъ, вы странный человѣкъ, — сказала Улимова. — Если бы я не уважала васъ, то оцѣнила ли бы ваше чувство? вы были бы для меня навсегда существомъ постороннимъ. Но я *уважала* натуру вашу; такой искренней и сильной душой, казалось мнѣ, вы одарены, такимъ благороднымъ языкомъ со мной говорили, что я не могла пройдти мимо васъ не внимательно. Я поняла, что если еще могу любить, то это васъ, а что я тогда же оцѣнила васъ достойнымъ любви каждой благородной женщины, то доказательствомъ вамъ именно должны служить слова мои — *я васъ уважаю* и то, что я пожелала для себя встрѣчи съ вами.

— Все это хорошо, все это прекрасно — возразилъ Салынинъ — но вы никогда не поймете, что̀ вы заставили меня почувствовать въ этотъ день. Я полонъ былъ любви, я говорилъ вамъ со страстію, а вы вздохнули и со вздохомъ положили руку вашу въ мою. Знаете ли, что̀ вы этимъ сдѣлали? Нѣтъ, ты не знаешь, что̀ ты сдѣлала, ты не знаешь, что я вполнѣ понялъ и тотчасъ же перевелъ себѣ и это движеніе, и этотъ вздохъ. Что̀ ты хотѣла тогда сказать, или что̀ ты сказала мнѣ этимъ? «Я вѣрю, что въ вашемъ сердцѣ не все дурно, вы можете теперь любить меня, я вамъ позволяю»; — вотъ что̀ ты сказала. Это было великодушно, конечно, но тяжело было для меня твое великодушіе въ такую минуту — а ты не поняла! Какъ же твое прекрасное, твое доброе сердце тебѣ не сказало тогда, что мнѣ тяжело?

— Мое сердце мнѣ говорило только одно, что дать себѣ минутно увлечься вами не слѣдуетъ,

потому-что вы стоите истиннаго чувства. Тогда я не могла любить, но оцѣнить васъ тотчасъ съумѣла. Знаете ли, Николай Григорьичъ, я никогда не думала, что съ моей стороны кончится все такъ, какъ кончилось теперь.

Салынинъ улыбнулся и прижалъ руку ея къ губамъ своимъ.

— Я былъ на этотъ разъ лучшимъ угадчикомъ — сказалъ онъ — мнѣ было тяжело, но вмѣстѣ съ грустію унесъ я убѣжденіе, что придетъ время, когда вы меня полюбите. Это не самонадѣянность, а предчувствіе: я былъ убѣжденъ, что мы не можемъ быть другъ другу чужды; я вѣрю, что чувство вызываетъ чувство, а мое было слишкомъ сильно, слишкомъ искренно, рано или поздно оно должно было найдти въ васъ отголосокъ болѣе полный, нежели нѣмое, грустное, обидное позволеніе любить васъ, если мнѣ ужъ этого непремѣнно хотѣлось.

— Такъ вы дѣйствовали съ опредѣленной цѣлью? спросила Улимова.

— Я вѣрилъ въ притягательную силу чувства — отвѣчалъ шутя Салынинъ.

Юлія Михайловна хотѣла что-то отвѣчать, но задумалась и подпершись рукой тихо качалась, не сводя глазъ съ Салынина. Онъ долго смотрѣлъ на нее и вдругъ слегка поблѣднѣлъ и вздрогнулъ: какое-то неясное и тягостное воспоминаніе пронеслось мимо, какой-то блѣдный образъ изъ тумана прошлыхъ дней посмотрѣлъ ему въ глаза. Николай Григорьичъ осторожно остановилъ мѣрное движеніе Улимовой:

— Не качайся такъ при мнѣ, никогда пожалуйста, прошу тебя — сказалъ онъ. — Это произво-

дитъ на меня тягостное впечатлѣніе, а я имѣю глупость быть иногда чувствительнымъ какъ женщина, да кромѣ того я полонъ предразсудковъ. Ты мнѣ напоминаешь кого-то....

— Говори, кого я тебѣ напоминаю? спросила Юлія Михайловна. Ей нравились особенно эта тонкость чувствъ и впечатлительность въ Салынинѣ.

— Я былъ почти ребенкомъ, но помню свою молоденькую тетушку, женщину больную, рано угасшую. Я очень былъ къ ней привязанъ и помню какъ всегда, особенно въ послѣднее время ея догарающей молодой жизни, она сидитъ бывало задумчивая и все качается. Ты не можешь представить, какъ часто этотъ задумчивый, блѣдный образъ и это тихое, мѣрное качаніе преслѣдуютъ меня даже теперь. Не знаю почему, мнѣ вдругъ стало страшно за тебя! Это ребячество съ моей стороны, но я рабъ своихъ впечатлѣній.

— Хорошо, я не повторю болѣе никогда этой позы и постараюсь отстать отъ своей привычки, потому-что у меня всегда была привычка качаться. Я не хочу тебѣ давать тягостныхъ впечатлѣній; но развѣ тебѣ такъ страшно потерять теперь меня, Николай?

— Не предлагай мнѣ такихъ вопросовъ никогда, никогда — сказалъ Салынинъ, быстро всталъ съ своего мѣста, и грустный началъ ходить по комнатѣ.

— Жанъ-Поль Рихтеръ правъ — сказала Улимова, подходя къ нему и ласково опершись на его руку — самыя сильныя души способны къ самой величайшей нѣжности. Этими словами она заставила его улыбнуться и разсѣяла мрачное настроеніе.

Потомъ счастливые люди перешли въ залу и

долго тамъ ходили, о многомъ говоря, повѣряя себя и чувство свое въ прошломъ, разсуждая и разбирая его въ настоящемъ. Тихо было вокругъ. Когда голоса ихъ умолкали и только шумъ мѣрныхъ шаговъ звучалъ въ краснорѣчивомъ безмолвіи не нарушеннаго еще ни чѣмъ и ни кѣмъ счастія, часы въ сосѣдней комнатѣ отзывались нѣсколько слышнѣй и говорили они своимъ неутомимымъ языкомъ: «Мы тоже идемъ, идемъ, идемъ, мы все идемъ въ одну сторону!... Мы всегда такъ идемъ...»

Я не знаю ничего утомительнѣй и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего неутомимѣй маятника, ничего болѣе возбуждающаго тоскливое состояніе въ человѣкѣ, какъ однообразный стукъ часовъ! и между-тѣмъ иногда слушаешь ихъ съ наслажденіемъ, такъ точно какъ иногда, въ тишинѣ улегшихся мыслей, слушаешь съ наслажденіемъ стукъ своего сердца, считаешь его біеніе. Не потому ли, что маятникъ и сердце отсчитываютъ съ одинаковой отчетливостью минуты, падающія въ вѣчность, минуты, которымъ нѣтъ забвенья? Минуты идутъ, маятникъ стучитъ, отсчитывая ихъ безъ участія: если бы сердце могло стучать всегда мѣрно какъ маятникъ, и такъ же безъ участія отсчитывать минуты чувства, какъ маятникъ отсчитываетъ намъ минуты нашей жизни! Никогда болѣе не пришлось Юліи Михайловнѣ считать такъ нетерпѣливо часы и насчитывать ихъ сорокъ восемь. Всякій день приходилъ Салынинъ, и какъ часто, какъ часто говаривалъ онъ ей, склоняя голову на ея плечо—«я счастливъ, я живу только тѣ два, три часа, которые провожу съ тобой. Съ тобой я говорю, разсуждаю, при тебѣ какъ будто иначе чув-

ствую. Остальную часть дня я совсѣмъ иной человѣкъ, не тотъ человѣкъ, который здѣсь подлѣ тебя въ эту минуту. Когда я выхожу отъ тебя, я перестаю жить, я говорю себѣ, что мнѣ предстоитъ докончить день какъ-нибудь. Знаешь-ли, я иногда медлю нарочно приходить къ тебѣ, такъ жаль разстаться съ счастливой мыслью, съ которой я просыпаюсь, мыслью, что я увижу тебя.»

И много, много милаго, задушевнаго, отраднаго говорилъ ей Салынинъ; онъ умѣлъ такъ непринужденно насказать множество такихъ прекрасныхъ словъ, такихъ чудныхь плѣнительныхъ мыслей, разнѣжить душу. Есть вещи, которыя дѣйствуютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онѣ неожиданнѣе; такъ и проявленія нѣжности и спокойствія въ Салынинѣ дѣйствовали на Юлію Михайловну своей неожиданностью: въ немъ можно было предположить силу и страсть, тревожность и порывы, но предусмотрительность, но нѣжную заботливость, но изумительное изощреніе всѣхъ чувствъ и даже нѣкоторую наклонность къ мечтательности, вотъ чего никогда бы никто не предположилъ въ немъ. Улимова еще разъ въ своей жизни повѣрила, но только она чувствовала, что ужъ это въ послѣдній разъ. Она повѣрила, что любовь человѣка благороднаго, любовь искренняя, жаркая, глубокая можетъ создать отраду въ самой горькой жизни. Она повѣрила, что можетъ примириться съ своимъ прошедшимъ, и не удивительно: она жила всегда въ мирѣ съ собою, хотя и въ разладѣ съ другими; гордость ея еще ни чѣмъ не была нарушена. Она повѣрила, что любовь Салынина не обманетъ ее и воздастъ ей за всѣ страшныя испытанія, за все страданіе, вынесенное ею до сихъ поръ. Ей гово-

рилъ это Гриневичъ, холодный и безпощадный Гриневичъ пощадилъ чувство Салынина; безотрадный и невѣрующій онъ первый указалъ ей отраду и бросилъ искру вѣрованія — кто осудитъ ее? Она не искала чувства, она избѣгала его, она не выбрала человѣка и долго отталкивала его; она не тотчасъ послушала своего вл.ченія, а старалась заглушить его. Но ее вызвали, ее нашли, ее насильно почти заставили полюбить — неужели все тотъ же приговоръ тяготѣетъ еще надъ нею и тотъ же фатализмъ преслѣдуетъ эту женщину?

Прошлое представляло ей тысячу сравненій, которыя всѣ шли на пользу чувствамъ Николая Григорьича; всѣ говорили, что на него не жаль истратить всѣ лучшія силы души, которыя столько разъ она готова была отдать блистательнымъ, но ложнымъ призракамъ, созданнымъ ея воображеніемъ. Не знаю, была ли призракомъ любовь Салынина, но вѣрно то, что не Юлія Михайловна создала этотъ призракъ; она не хотѣла ужъ ничего кромѣ свободы и покоя, свободы отъ впечатлѣній, покоя отъ мыслей, чувствъ и всѣхъ тревогъ сердечныхъ. Былъ ли это призракъ? можетъ-быть, но кто бы не повѣрилъ въ дѣйствительность такого яркаго представленія? Былъ ли это призракъ чувства? не думаю. Былъ ли это призракъ отрады, призракъ счастья, призракъ всеполнаго пониманья, всесовершенной оцѣнки души ея? не знаю, знаю только, что не Улимова создала его.

Нерѣдко случалось Юліи Михайловнѣ хворать: эта женщина была нѣсколько болѣзненна, не отъ природы, а оттого, что жизнь сердца и жизнь головы ея унесли не мало физическихъ силъ у нея. Вниманіе и заботливая нѣжность Салынина со-

ставляли рѣзкую противоположность съ вынужденными нѣкогда посѣщеніями Желнина, съ тѣмъ равнодушіемъ, которое онъ силился преодолѣть, съ тѣмъ холодомъ, который онъ пытался превозмочь и одолѣвалъ съ такимъ трудомъ, такъ несовершенно. Да, я любима—говаривала себѣ внутренно Улимова, глядя вслѣдъ уходящему Салынину, и никогда тѣнь сомнѣнія не легла на свѣтлыя мысли ея, на ясное сознаніе, на спокойное убѣжденіе въ его любви, въ своемъ счастьи.

Она боялась спросить Николая Григорьича, когда онъ ѣдетъ, она не хотѣла ни чѣмъ нарушить тихаго, мирнаго блаженства своего, приближеніемъ или предчувствіемъ грусти. Улимова знала, что онъ долженъ уѣхать, что разстаться должны они на непреодѣленное время, но срокъ разлуки считала еще довольно отдаленнымъ, потому-что еще не было мѣсяца современи пріѣзда Салынина. Всѣ усилія двухъ счастливцевъ клонились только къ тому, чтобы оградить себя отъ зрителей и отъ вторженія постороннихъ лицъ въ міръ, созданный для нихъ раздѣленнымъ, отвѣтнымъ чувствомъ. Наконецъ эта женщина была счастлива счастіемъ другаго, счастіемъ, которое она давала, которое отъ нея приходило другому, милому существу и на ней самой потомъ отражалось милліонами веселыхъ лучей.

Не было прихоти, фантазіи, вкуса Салынина, которыхъ бы не отгадала и не предупредила Улимова. Разъ въ лунный вечеръ, когда они сидѣли рука съ рукой у открытаго окна, Николай Григорьичъ сказалъ:

— Посмотри, какъ хорошо тамъ, за окномъ и какъ душно здѣсь! не лучше ли бы намъ было

гораздо гдѣ-нибудь въ деревнѣ, нежели въ этихъ шумныхъ стѣнахъ многолюднаго города? Развѣ ты не чувствуешь, что бываютъ минуты, когда городъ нестерпимъ?...

Юлія Михайловна ничего не отвѣчала, но на другой день, когда утромъ пришелъ Салынинъ, она сказала ему:

— Пожалуйста поѣзжайте сегодня за городъ, и вечеромъ въ 6-ть часовъ ровно будьте у городской заставы.

— Это зачѣмъ? спросилъ Салынинъ.

— Я не хочу, чтобы вы проводили вечера ваши въ душномъ городѣ — отвѣчала она равнодушно.

Салынинъ, принявъ слова ея за желаніе дать ему урокъ и наказать за вчерашнія слова, осудивъ его на изгнаніе, отвѣчалъ, что она напрасно безпокоится и что онъ предпочитаетъ провесть вечеръ съ ней, чѣмъ прогуливаться за городомъ.

Улимова однако настойчиво требовала, чтобы онъ былъ за заставой въ шесть часовъ, они чуть было не поспорили, и наконецъ, не зная чѣмъ оправдать свою настойчивость, Юлія Михайловна сказала, что она хочетъ въ первый разъ въ жизни подвергнуть любовь его испытанію.

Салынинъ разсердился, но, хотя раздосадованный, обѣщалъ исполнить ея требованіе.

Въ шесть часовъ, когда на пеструю землю началъ сходить вечеръ, играя по травѣ и по листьямъ деревъ огнемъ косыхъ лучей, Салынинъ, прислонясь въ уголъ небольшаго фаэтона, надвинувъ фуражку на глаза и немилосердно куря со злости папиросу, проѣхалъ заставу. Покамѣсть онъ еще ничего любопытнаго не встрѣтилъ и хотѣлъ ужъ

было велѣть повернуть назадъ, заѣхать къ Юліи Михайловнѣ, сказать, что шутку ея находитъ неумѣстной и что поѣдетъ къ Гриневичу играть въ карты, чтобы не надоѣдать ей своимъ присутствіемъ, какъ вдругъ на дорогѣ онъ замѣтилъ даму подъ густой вуалью. Она стояла неподвижно, и когда Салынинъ поровнялся съ ней, сдѣлала ему знакъ рукой — онъ велѣлъ остановиться.

— Вы меня заставили прождать долѣе, нежели я думала — сказала Юлія Михайловна смѣясь.

— Какъ, это вы? что̀ вы вздумали? — онъ хотѣлъ выскочить изъ фаэтона.

— Постойте, куда вы? Я поѣду съ вами, помогите мнѣ сѣсть. — Говоря это, Улимова спокойно сѣла подлѣ него и только прибавила: — велите ѣхать куда-нибудь на дачу, куда хотите.

Салынинъ назвалъ кучеру какую-то дачу и фаэтонъ тронулся.

— Да объяснитель вы мнѣ? спросилъ Салынинъ, глядя на свою спутницу.

— Я не хотѣла, чтобы вы лишали себя удовольствія быть за городомъ въ прекрасный лѣтній вечеръ.

Николай Григорьичъ съ горячностью поцѣловалъ ея руку.

— Какъ-же вы здѣсь очутились?

— Я оставила свой экипажъ у заставы и сказала, что пойду пѣшкомъ на сосѣднюю дачу.

— Отчего же вы не устроили иначе, не велѣли мнѣ пріѣхать къ вамъ прямо? мы бы вмѣстѣ поѣхали.

— А люди, а глаза ихъ, а судъ ихъ и страхъ вашъ подвергнуться этому суду! — возразила Улимова насмѣшливо. Вы такъ разсудительны, такъ

предусмотрительны, вы сами бы отговорили меня отъ этой поѣздки, мой мудрый другъ!

— Теперь я вижу, что ты въ самомъ дѣлѣ любишь меня — повторилъ внѣ себя отъ восторга Салынинъ. Я понимаю именно сегодня, я понимаю, что ты готова хоть что-нибудь сдѣлать для меня.

Чудный былъ вечеръ въ самомъ дѣлѣ, только луны не было, ей вздумалось запрятаться за сѣтку мелкихъ, бѣленькихъ тучъ; однако довольно было свѣтло, чтобы читать на лицѣ Салынина счастье, полный восторгъ, отсутствіе всякой заботливой мысли.

Онъ пользовался настоящимъ, онъ не заглядывалъ въ будущее, не забѣгалъ впередъ, не смущалъ себя предчувствіями, другихъ анализомъ и никогда еще такъ полно не былъ онъ счастливъ. Никогда тоже такой счастливой не чувствовала себя Улимова, потому-что ужъ не слова его говорили, что онъ счастливъ, а все существо и это чудное выраженіе глубокаго восторга, озарившаго его выразительное лицо. Нѣтъ лучшаго счастья, какъ быть единственной причиной счастья дорогаго намъ существа.

Этому безоблачному дню суждено было оставить на всегда яркій слѣдъ въ душѣ Юліи Михайловны: воспоминанье такихъ минутъ не гаснетъ, а если заслонятъ его другія воспоминанья, то все же оно останется подъ ними не прикосновеннымъ. Когда въ самихъ насъ встанетъ слово осужденія на любовь нашу, когда горечь обмановъ приведетъ насъ въ такое состояніе, что готовы мы съ презрѣніемъ отвернуться даже отъ памяти этого чувства,— что̀ можетъ еще пробудить въ насъ примирительныя силы и заставить насъ

замѣнить вздохомъ готовое сорваться съ языка проклятье? воспоминанье дня, въ который все было чисто и спокойно въ насъ и вокругъ насъ, въ который мы испытали лучшее счастье, видя себя единственной причиной счастья милаго намъ существа.

Въ-торопяхъ Салынинъ назначилъ кучеру почти худшую изъ окрестныхъ дачъ и вовсе не думалъ онъ объ этомъ, разговаривая съ Юліей Михайловной, то слушая ее, то разсматривая это милое лицо съ любовью и признательностью, гордый доказательствомъ ея довѣрія, ея любви, ея тонкаго, нѣжнаго женскаго вниманія къ малѣйшему желанію человѣка любимаго. Когда фаэтонъ остановился, Николай Григорьичъ очнулся.

— Гдѣ это мы? спросилъ онъ.

— Пріѣхали-съ — отозвался кучеръ.

— Что это мы выбрали? спросилъ Салынинъ по-французски Улимову, смѣясь.

— Нечего дѣлать, выйдемте — отвѣчала она такъ же. Не все ли равно, мы вмѣстѣ, а для всякаго зрителя, кто бы онъ ни былъ, прогулка наша должна имѣть значеніе обыкновенной прогулки, шутки, шалости.

— Вы правы — отвѣчалъ Салынинъ. Итакъ вы хотите непремѣнно нанять эту дачу? спросилъ онъ ее громко по русски, подавая ей руку.

Они пошли и скоро исчезли за деревьями. Хорошъ былъ вечеръ, веселѣе дѣтей и беззаботнѣе ихъ были они оба. Дача точно была не особенной живописности, но пора года была хороша, свѣжее сѣно стояло въ небольшихъ копнахъ по полю и запахъ его, крѣпкій и душистный, цѣлебной струей лился въ грудь. Кузнечики перекликались въ

воздухѣ, крестьяне гнали рабочихъ воловъ съ поля — хорошо было. Сквозь сѣтку мелкихъ облаковъ, закрывшихъ луну, кой-гдѣ мелькали звѣзды, вѣчные бриллiанты вѣчно-голубаго неба. Но что сравнится съ прозрачнымъ, недвижнымъ и теплымъ воздуховъ вечера, тихаго и полнаго нѣмой жизни вечера, напоеннаго ароматомъ свѣже-скошеннаго сѣна? Или вечеръ былъ хорошъ, или пора года была хороша, или на душѣ у Салынина и у Юлiи Михайловны было такъ особенно свѣтло....

— Пора домой — сказалъ наконецъ Николай Григорьичъ — смотрите, какъ влажно на травѣ, вы еще простудитесь; вы всегда такая слабая, всегда готовы заболѣть, поѣдемте!

— Поѣдемъ — отвѣчала Улимова. Только странно! мнѣ что-то невыразимо жаль сегоднишняго вечера; мнѣ кажется, что ужъ никогда мнѣ такъ хорошо не будетъ и никогда я ужъ не увижу васъ такимъ счастливымъ.

— Вы правы, я былъ счастливъ, счастливъ невыразимо сегодня. Точно ты удивительная женщина, я часто объ этомъ думаю: съ каждымъ днемъ я тебя болѣе уважаю, я сталъ тебя безконечно уважать и чувствую, что становлюсь лучше, какъ будто добрѣе, словомъ — ты единственная женщина, которой любовь имѣла на меня благодѣтельное влiянiе.

— Ты мнѣ льстишь, Николай — сказала она, улыбаясь отъ полноты блаженства и съ благодарностью пожимая ему руку.

Они возвратились къ фаэтону, сѣли и незамѣтно доѣхали до заставы; тутъ Юлiя Михайловна пересѣла въ свой экипажъ и простилась съ Салы-

нинымъ короткимъ, полнымъ надежды словомъ — до завтра!

— До завтра, но когда же? сказалъ Салынинъ — утромъ я не могу, вечеромъ вы въ театрѣ и я тоже.

— Такъ въ театрѣ. Вѣдь вы придете ко мнѣ въ ложу? замѣтила Улимова.

— До завтра, — повторилъ Салынинъ, стоя у дверцы коляски и не выпуская ея руки, — до завтра, и потомъ еще не разъ, не разъ мы увидимся!

Много свѣтлыхъ мечтаній осталось на долю каждаго. На другой день давали новую оперу, появленія которой всѣ ждали давно, такъ давно, что ждать уже устали. Улимова цѣлый день была чрезвычайно весела, вечеромъ она одѣлась вся въ черное; черное барежевое платье съ короткими рукавами и черный бархатный головной уборъ составляли весь ея нарядъ, но на лицѣ лежалъ еще тотъ необъяснимый, плѣнительный колоритъ безмятежнаго счастья, который придавалъ ея выразительной наружности чрезвычайную пріятность. Веселая и спокойная вошла она въ свою ложу и заняла обычное мѣсто: Салынинъ оглянулся, онъ былъ серьезенъ и какъ будто скученъ, важно поклонился ей издали, — что это значитъ? подумала тотчасъ Улимова. Однако ей не хотѣлось выводить печальныхъ заключеній изъ его серьезнаго вида.

Въ антрактѣ Салынинъ исчезъ. Она ждала его къ себѣ въ ложу, и точно, простучалъ палашъ, прозвучали шпоры, но мимо — никто не входилъ. Стараясь объяснить себѣ, куда дѣлся Салынинъ, она нѣсколько выдвинулась изъ ложи и увидѣла

въ бель этажѣ всю семью Волжиковыхъ: Николай Григорьичъ очень любезно разговаривалъ съ княжной, сидя за ея стуломъ. Непріятно сдѣлалось Улимовой, страненъ показался ей поступокъ Салынина, но не хотѣлось придать ему большой важности. Она поглубже сѣла въ ложу, сложила руки, опустила голову и задумалась. Слѣдующій актъ начался, Салынинъ спокойно прошелъ мимо ея ложи, пробрался между креслами и занялъ свое мѣсто. Не знаю, оглянулся ли онъ во время сцены на ложу Юліи Михайловны, замѣтилъ ли ея задумчивость, ея грусть, только онъ вдругъ поднялся съ своего мѣста, вышелъ снова, и черезъ минуту дверь ложи тихо отворилась; Салынинъ сѣлъ подлѣ Улимовой.

— Здравствуйте — сказалъ онъ — что сегодня съ вами? вамъ опера не нравится?

— Нѣтъ, я слушаю её внимательно и хочу отыскать достоинства — отвѣчала Улимова, усиливаясь казаться спокойной.

Потомъ она опять стала смотрѣть на сцену, какъ будто для того, чтобы подтвердить истину сказаннаго ею.

Салынинъ наблюдалъ её нѣсколько минутъ.

— А я пришелъ съ вами проститься — сказалъ онъ вдругъ. Она вздрогнула и посмотрѣла пристально на него.

— Не знаю, кто постарался — продолжалъ онъ — сегодня я получилъ приказаніе немедленно возвратиться въ полкъ и завтра на разсвѣтѣ уѣзжаю.

— Перемѣнить нельзя? спросила Улимова съ видимымъ волненьемъ.

— Невозможно. Намъ придется проститься въ театрѣ, протянуть спокойно и холодно другъ дру-

гу руку и разстаться по-крайней-мѣрѣ на годъ. Частыя мои отлучки не позволяютъ мнѣ надѣяться скоро увидѣть васъ снова.

Улимова вздохнула, она замѣтно поблѣднѣла.

— Мы простимся не здѣсь — сказала она — вы придете послѣ театра.

— Какъ, вы хотите?

— Непремѣнно хочу.

— Не поздно ли будетъ?

Улимова посмотрѣла на часы.

— Въ половинѣ одиннадцатаго и даже раньше кончится — отвѣчала она, указывая на афишку, гдѣ было написано, что опера въ трехъ дѣйствiяхъ.

— Кончится даже въ десять — сказалъ Салынинъ — но я долженъ еще заѣхать, и можетъ быть, запоздаю.

Она задумалась.

— Все равно — сказала она черезъ минуту — я буду ждать васъ, какъ бы вы поздно ни прiѣхали, а вѣжливость не допуститъ васъ слишкомъ запоздать.

Непрiятное чувство налегло всею тяжестью своей на ея сердце; она была недовольна Салынинымъ, онъ.... но какъ опредѣлить, что за странныя ощущенья овладѣли имъ, съ той самой минуты, какъ онъ увидѣлъ неизбѣжность скорой и неожиданной разлуки, невозможность скораго свиданья. Онъ былъ золъ, и какъ разгадать эту странность? — былъ золъ на Улимову, какъ будто хотѣлъ выместить на ней свою досаду.

— Хороша перспектива, не правда ли? — прервалъ онъ снова наступившее молчанiе — опять летаргическiй сонъ для души, для ума. Счастье мое еще, что Волжиковы переѣзжаютъ къ себѣ

въ деревню. Олимпія уже говорила, чтобы я бывалъ почаще.

— И вы, разумѣется, воспользуетесь этимъ приглашеніемъ?

— Непремѣнно. Олимпія преумная дѣвушка и престранный характеръ притомъ; она остра изумительно.

Улимова посмотрѣла на княжну въ бинокль.

— Она блѣдна сегодня — сказала она.

— Кто, Олимпія? — спросилъ Салынинъ. Она мнѣ сказала, что ее передъ театромъ взбѣсили до-нельзя. Мы дѣтьми играли часто, пока ее не отвезли въ Парижъ.

— Такъ это другъ вашего дѣтства? — замѣтила насмѣшливо Улимова.

— Товарищъ дѣтскихъ игръ, — отвѣчалъ Салынинъ, Олимпія взяла съ меня слово, что мы будемъ ѣздить вмѣстѣ часто; она удивительная наѣздница и лошади у ней на-диво.

— Такъ вамъ не будетъ скучно въ этотъ разъ.

Юлія Михайловна проговорила эту фразу съ такимъ усиліемъ, такимъ принужденно-спокойнымъ голосомъ и столько муки выразилось на ея поблѣднѣвшемъ, усталомъ лицѣ, что Салынину стало совѣстно и тяжело.

— Да, мнѣ будетъ очень весело! — произнесъ онъ съ упрекомъ. Не знаю, кому изъ насъ двухъ надо позавидовать и о комъ пожалѣть!...

— Вамъ даже проститься со мной не хотѣлось — отвѣчала Улимова, грустно улыбнувшись.

— Вы не знаете, каково мнѣ весь этотъ день отъ одной мысли, что надо проститься съ вами — сказалъ Салынинъ съ досадой.

— Слѣдовательно вы придете? спросила обрадовавшись Юлія Михайловна.

— Приду, только.... зачѣмъ вы себя подвергаете...?

— Хорошо, я знаю; но мы должны разстаться не такъ, не здѣсь, не въ этомъ театрѣ, который мнѣ нестерпимъ теперь....

Въ эту минуту занавѣсь опустилась и въ ложу Улимовой вошелъ Качуновъ.

— Скажите, гдѣ мой милый cousin сегодня? спросила Улимова Качунова.

— Онъ въ львиной клѣткѣ, — отвѣчалъ Качуновъ, означая этимъ названіемъ ложу на сценѣ, въ которой обыкновенно засѣдали отъявленные театралы.

— Поль вѣрно совершенно доволенъ собой, если такъ.

— Когда же онъ бываетъ собой недоволенъ! воскликнулъ Качуновъ. — А вы не придете къ Тименецкому въ ложу? спросилъ онъ, обращаясь къ Салынину.

— Нѣтъ приду, на весь послѣдній актъ — отвѣчалъ Салынинъ.

Потомъ онъ раскланялся съ Юліей Михайловной и вышелъ, оставивъ Качунова любезничать съ Улимовой на свободѣ. Ложа Тименецкаго была напротивъ ложи Улимовой, только въ бель-этажѣ. Салынинъ еще разъ показался у Волжиковыхъ, сказалъ нѣсколько словъ княжнѣ, въ отвѣтъ на которыя она очень весело разсмѣялась, поправила рукой свои бѣлокурые волосы, поправила свое бѣлое, небрежно надѣтое платье и опять приняла видъ равнодушія и скуки; Салынинъ въ этотъ разъ не садился и скоро вышелъ. Черезъ минуту

онъ вошелъ къ Тименецкому и, заставъ его съ Штадтгельмомъ, принялся очень весело и съ очень оживленными жестами разсказывать имъ что-то обоимъ. Его веселье, его беззаботность не нравились Улимовой, сердце ея ныло. Не смотря на вниманіе, которое она усиливалась оказывать Качунову, отъ глазъ ея не укрылось появленіе Салынина въ ложѣ Волжиковыхъ, мимолетный разговоръ его съ Олимпіей — и особенное участіе, принимаемое имъ въ эту минуту въ разговорѣ Тименецкаго и Штадтгельма, оскорбляло ея чувства. Видно было, что мысль о разлукѣ не смущала его вовсе.

Улимова обрадовалась, когда съ поднятіемъ занавѣса она осталась снова одна: сложивъ руки крестообразно и опустивъ голову, слушала она повидимому съ напряженнымъ вниманіемъ весь послѣдній актъ, но если бы заговорить съ ней хоть объ одномъ мотивѣ, хоть объ одной сценѣ — она бы не могла отвѣтить ничего удовлетворительнаго. Одинъ разъ она подняла глаза, въ ту самую минуту, когда Салынинъ посмотрѣлъ на нее въ бинокль, какъ будто для того только, чтобы убѣдиться, что она не смотритъ на него, и потомъ сталъ глядѣть въ ложу Волжиковыхъ. Иногда онъ улыбался, качалъ головой и вообще переговаривался пантомимой съ княжной: страннымъ казалось все это Юліи Михайловнѣ. Наконецъ, поймавъ какъ-то ея испытующій взоръ, Салынинъ отодвинулся въ глубь ложи и спрятавшись за спокойную фигуру Штадтгельма, навелъ бинокль опять на княжну: тутъ Улимовой ужъ нельзя было слѣдить за выраженіемъ лица Николая Григорьича, она только видѣла стекла его

бинокля, какъ два круглые, большiе глаза, устремленные неутомимо на Олимпiю.

Опера кончилась. Юлiя Михайловна тихо вышла изъ ложи; съ стѣсненнымъ сердцемъ она въ толпѣ, собравшейся въ прихожей, ждала своего экипажа. Раздалось ея имя, она скользнула къ выходу: она видѣла Салынина, которому капельдинеръ подавалъ шинель, но не хотѣла останавливаться; однако въ ту минуту, когда передъ ней открылись дверцы, онъ очутился подлѣ и подалъ ей руку.

— До свиданья, не правда ли? спросила она.

— Только я предварилъ васъ, что....

— До свиданья, перебила она его, и экипажъ тронулся. Она вошла въ комнату и отдавая легкiй свой бурнусъ лакею, сказала: — зажечь свѣчи и приготовить чай, Гриневичъ и Салынинъ будутъ пить чай со мной. — Потомъ Юлiя Михайловна осталась одна и погрузилась въ самыя грустныя мысли.

Прошло четверть часа, полчаса — Салынинъ не приходилъ. Её томило ожиданье, а на дворѣ было ада темнѣе и лилъ дождь, который ужъ начиналъ накрапывать, когда еще не выходили изъ театра.

— Придетъ, или не придетъ? спрашивала она себя мысленно, и слушала какъ шумѣлъ дождь на дворѣ, какъ лилась вода съ желобовъ, какъ стучали крупныя капли по стеклу. Томительно было молчанiе, еще томительнѣй были порывы грустнаго нетерпѣнiя, которымъ невольно отдавалась она. Ждать! есть характеры, для которыхъ ждать значитъ умирать двадцать разъ, на двадцать разныхъ ладовъ. Безмолвное, полное чувство горь-

кой досады ожиданіе, задумчивый взоръ, напряженный слухъ, измученная воля — вотъ снова состояніе, вотъ снова видъ Улимовой, и только улыбка глубокой ироніи блуждаетъ по сжатымъ крѣпко губамъ. Вдругъ шаги, неясные, неторопливые, подъ самымъ окномъ, — она уже не вѣритъ! Дверь скрипнула, застучалъ палашъ и зазвенѣли шпоры: Салынинъ вошелъ.

— Я думала, что вы ужъ не будете — сказала Юлія Михайловна.

— Я самъ думалъ, что ужъ не буду — отвѣчалъ Салынинъ съ досадой, на дворѣ льетъ дождь такой, что я бы не выгналъ.... но впрочемъ говорить нечего, я здѣсь, не смотря на погоду.

При послѣднихъ словахъ голосъ его нѣсколько смягчился и онъ поцѣловалъ руку у Юліи Михайловны; но ей было тяжело, потому-что онъ вошелъ съ упрекомъ и говорилъ такъ, какъ будто досадовалъ на нее за то, за что бы долженъ былъ благодарить. Онъ подошелъ ближе и внимательнѣе посмотрѣлъ на Улимову.

— Что это вы такъ блѣдны? спросилъ онъ.

— Мнѣ холодно.

Въ самомъ дѣлѣ зубы ея слегка стучали.

— Я не буду утомлять васъ долгимъ посѣщеніемъ — сказалъ Салынинъ, — поздній часъ не позволяетъ мнѣ засиживаться.

— Я васъ благодарю, что вы пришли проститься, и не стану употреблять во зло *вашего снисхожденія къ моимъ просьбамъ* — проговорила холодно Юлія Михайловна.

Салынинъ почувствовалъ неловкость своихъ словъ и опомнился.

— А въ самомъ-дѣлѣ, вѣдь я пришелъ про-

ститься съ вами — сказалъ онъ, измѣнивъ тонъ совершенно, и вдругъ сдѣлался печальнымъ и ласковымъ. — Богъ знаетъ, когда мы увидимся и какъ до той поры измѣнится все вокругъ насъ, и даже можетъ-быть въ насъ самихъ!

— Во мнѣ никогда — сказала Улимова, смѣло взглянувъ ему въ глаза.

— Вы всегда полны убѣжденій, всегда ручаетесь за себя и за другихъ — проговорилъ онъ шутливо.

— За другихъ я никогда не ручаюсь, но себя я знаю. Помните ли, я вамъ сказала, что боюсь любить васъ больше, нежели вы способны любить меня?

— Такъ ты думаешь, что ты теперь любишь меня больше, нежели я тебя?

— Именно такъ. Сравни свои чувства и мои сегодня, по поводу предстоящей разлуки.

— Ты не понимаешь, что я ищу заглушить себя? сказалъ Салынинъ.

— Заглушить! а я не ищу заглушить своей тоски, я думаю, что ты стоишь, чтобы хоть немножко погрустить и поскучать о тебѣ, — отвѣчала Улимова.

Онъ почувствовалъ справедливость ея укора и понялъ нѣжность и утонченность чувства; онъ сталъ осыпать её ласками.

— Подумай, цѣлая вѣчность пройдетъ, прежде нежели мы увидимся; подумай, годъ, годъ цѣлый — говорилъ онъ съ тоской. — А что такое годъ? въ немъ четыре поры, четыре вѣчности — это ужасно!...

И она слушала его печально. Болѣе нежели Салынина пугала ее эта вѣчность разлуки, но не за

свои чувства боялась она; въ себѣ она не могла предполагать перемѣны,—въ немъ перемѣна была ей страшна. Менѣе гордая чѣмъ Демонъ Лермонтова, она взяла бы забвеніе, если бы Богъ ей далъ забвеніе; но знала себя Юлія Михайловна, и знала, что одна она не забудетъ, одна она забывать не въ силахъ и не умѣетъ, не выучилась, хотя бы и хотѣла, — а жизни ужъ прошло не мало, и не мало было жизненныхъ испытаній на ея долю.

Незамѣтно шли минуты, шли часы; на прощанье хотѣлось имъ обоимъ пройдти мыслью все, все, чѣмъ богаты были воспоминанія ихъ взаимной любви, а когда начнешь воспоминать всѣ происшествія счастливаго времени, то о ходѣ самаго времени забудешь. Такъ было и съ ними: они забыли считать часы, и когда Салынинъ взглянулъ на свои, то сорвался со стула въ сильнѣйшемъ испугѣ.

— Посмотрите, три часа — сказалъ онъ. — Это непростительно съ моей стороны; побрани меня, мой другъ!

— За что? напротивъ того, я не съ такой горечью теперь прощусь съ тобой; мнѣ остается въ утѣшеніе отрадная мысль, что ты меня любишь, что ты еще не измѣнился.

— Какъ же ты могла думать, что я измѣнился, и съ чего ты взяла это?

— Мнѣ не нравилось твое любезное, особенное вниманіе къ этой бѣлокурой княжнѣ.

— Къ Олимпіи? такъ ты ревнива?...

— Нѣтъ, Николай; но мнѣ обидно было думать, что оставляя меня почти навсегда, ты какъ будто стараешься надосадить мнѣ, какъ будто хочешь

уничтожить во мнѣ даже воспоминаніе моего счастія, заслонивъ его непріятнымъ впечатлѣніемъ, глухой размолвкой, взаимнымъ непониманіемъ.

— Ты всегда, всегда права, моя Жюли! — сказалъ Салынинъ съ восторгомъ. — Теперь прощай, не тоскуй, береги свое здоровье. Думай, что я люблю тебя, что я тебя благословляю, именно благословляю за все доброе, пробужденное тобою во мнѣ. — Онъ хотѣлъ идти.

— Постой, я провожу тебя до воротъ, — сказала Улимова.

Онъ хотѣлъ сдѣлать по обыкновенію какое-то возраженіе, но она предупредила его.

— Я не простужусь, дворъ мощенный, и другихъ жильцовъ нѣтъ, я одна, позволь проводить себя — проговорила она быстро.

Салынинъ только пожалъ плечами и пристегнулъ палашъ.

Возлѣ калитки они простились еще разъ сильнымъ, нѣмымъ пожатіемъ.

Салынинъ медленно удалялся; луны не было, она зашла уже давно. Юлія Михайловна постояла нѣсколько минутъ, и когда стукъ палаша затихъ совершенно вдали, она сбернулась. Мы сказали уже, что луны не было, луна была слишкомъ молода и потому пряталась передъ утромъ, не смѣя еще соперничать съ блескомъ утренней зари. Нерѣшительный свѣтъ, бѣловатый, незамѣтный, робкій, пробирался уже надъ стѣнами домовъ и блѣдная утренняя звѣзда тихо зажглась на очистившемся небѣ. Съ влажной земли всталъ паръ и носился подъ самой этой звѣздой бѣлымъ прозрачнымъ облакомъ; лучъ блѣдной звѣздочки путался въ немъ и трепеталъ привѣтно.

Юлія Михайловна была суевѣрна; она посмотрѣла на утреннюю звѣзду, и ей стало свѣтло на душѣ. — Нѣтъ, мы увидимся, еще не все кончено! произнесла она невольно и безъ тягостнаго чувства возвратилась домой. Сонъ ея былъ спокойный, освѣжающій, безъ сновидѣній; на другой день взгрустулось очень, но она нашла искру упованія въ своемъ сердцѣ, она себя чувствовала сильной, она старалась не отдаться совершенно во власть тоскѣ.

Салынина ждалъ Колесниковъ.

Читатель, будьте снисходительны къ однообразному нѣсколько ходу происшествій! Авторъ не виноватъ, что судьба назначила герою его жить въ военномъ поселеніи и что онъ пріѣзжалъ къ Улимовой для того только, чтобы снова возвращаться къ своему посту, разставался и встрѣчался съ ней безпрестанно и только каждый пріѣздъ его составлялъ эпоху въ исторіи этой любви. Конечно, занимательнѣе бы было заставить ихъ путешествовать по Италіи, или привесть въ шумный Парижъ, или хоть просто такъ показывать ихъ въ различныхъ обществахъ, мѣнять вокругъ и лица, и людей, — и устраивать для Салынина и Юліи Михайловны, со всей заботливой и прихотливой фантазіей разсчитывающаго на эффекты романиста, встрѣчи болѣе разнообразныя и искусно придуманныя. Но эти люди были въ высшей степени естественны и судьба устроила самыя естественныя рамки для картины ихъ любви и всѣхъ ихъ похожденій. — Въ самомъ-дѣлѣ, что можетъ быть естественнѣе пріѣзда молодаго кавалериста изъ полка въ городъ повеселиться, встрѣчи съ женщиной, которая производитъ на него впечатлѣніе

и потомъ сильное желаніе увидѣть ее снова, стремленіе, жажда обновлять это впечатлѣніе, и въ слѣдствіе этого частыя поѣздки изъ полка въ городъ, подъ всѣми возможными благовидными предлогами? Чувство зоветъ изъ полка, служба зоветъ въ полкъ — положеніе извѣстное, самое простое, самое обыкновенное, и двумъ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ приходится безпрестанно прощаться и встрѣчать другъ друга неожиданно; именно можно сказать, что у нихъ сливался восторгъ свиданія съ томленіемъ разлуки. Я думаю только, что если бы не было такихъ частыхъ разставаній, да еще каждый разъ съ нѣкоторой безнадежностію свиданія, то развитіе этой любви шло бы гораздо медленнѣе. Страхъ потерять счастіе заставлялъ спѣшить пользоваться имъ.

Колесниковъ нашелъ, что Салынинъ перемѣнился въ отношеніи къ нему; Колесниковъ былъ недоволенъ Салынинымъ, его задумчивостію, его раздражительностію, его расположеніемъ къ мечтательности и, больше всего, его скрытностію. Онъ понималъ, что у Николая Григорьича есть тайна, и тайна глубокая; зная натуру своего пріятеля, подозрѣвалъ, что любовь играетъ въ ней не малую роль — но любовь къ кому? кто предметъ этого чувства? каковъ предметъ этотъ, и не способенъ ли Салынинъ надѣлать тысячу глупостей, а главное, замѣнить вліяніе Колесникова вліяніемъ другаго существа? Смутно сознавалъ Колесниковъ, что Салынинъ его отодвинулъ на болѣе отдаленный планъ въ сердцѣ своемъ, и не совсѣмъ спокойно думалъ онъ объ этомъ. Отказаться отъ чрезвычайнаго вліянія своего на Салынина для него было невозможно; онъ слишкомъ привыкъ упра-

клять помыслами, желаніями молодаго человѣка и прививать къ нему свои взгляды. Этими привитыми своими взглядами особенно тѣшился и любовался всегда Колесниковъ: то не были въ самомъ дѣлѣ его собственные взгляды, а такъ, взгляды, составленные имъ собственно для Салынина, то былъ рядъ мыльныхъ пузырей; но Салынинъ принималъ ихъ безъ сомнѣнія, и въ рукахъ его они на время становились чѣмъ-то имѣющимъ сущность.

Колесниковъ давно уже сталъ тюфякомъ — не поэтическое названіе, но онъ его заслуживалъ вполнѣ. Мысль его облѣнилась такъ же какъ и онъ самъ, и чтобы не утомлять её серьезными упражненіями, Колесниковъ придумывалъ разные мыльные пузыри и игралъ ими передъ глазами Салынина, который съ горячностью подхватывалъ ихъ, давалъ имъ сущность, силу и жизнь, со всей искренностью своего горячаго воображенія, своей молодой, безхитростной натуры. Салынинъ наполнялъ пустоту одинокой и лѣнивой жизни посѣдѣлаго поручика; онъ былъ нѣкоторое занятіе для его досужей мысли, между сномъ и обѣдомъ; разсуждать съ Салынинымъ сдѣлалось для него привычкой; унимать пылкость его сужденій, охлаждать мечтанія, сдерживать воображеніе и незамѣтно управлять волей, было такъ обыкновенно для Колесникова, что завести другія, новыя отношенія, привыкать къ новому порядку, привыкать къ другому человѣку, рѣшительно стало невозможно для него. Растолковавъ съ самаго начала Николаю Григорьичу, каковъ долженъ быть по его мнѣнію Салынинъ, предсказавъ ему будущее, распредѣливъ заранѣе планъ всѣхъ его дѣйствій, Колесниковъ ни за что не хотѣлъ спустить сво-

его друга съ той веревочки, на которую привязалъ его своей идеей.

Основаніе многихъ дружескихъ отношеній полагаетъ идея, а не чувство; особенно пріязнь людей, подобныхъ Колесникову, всегда заключаетъ въ себѣ идею, которую они преслѣдуютъ внимательно. Какое дѣло имъ, будетъ ли счастливъ ихъ пріятель, лишь бы дѣйствіями своими онъ оправдалъ идею, которую придали они ему. Они дѣлаются заклятыми врагами всѣхъ тѣхъ, которые стоятъ на дорогѣ ихъ идеи и могутъ помѣшать ея исполненію. Человѣку съ душой, съ богатымъ воображеньемъ, съ стремленіемъ облагородить свою натуру и просвѣтить умъ, нѣтъ ничего легче какъ попасть въ руки Колесниковыхъ. Въ комъ такой богатый источникъ поэзіи, тому легко опоэтизировать ложную мудрость Колесникова, легко плѣниться противоположностью, которая такъ рѣзка между способностію очароваться и холоднымъ разоблаченіемъ всякой вещи. Пылкіе характеры всегда характеры тревожные, и для нихъ наслажденіе, когда жесткая рука бросаетъ ихъ съ облаковъ заповѣдныхъ мечтаній на землю, — потому-что каждый быстрый переходъ есть для нихъ наслажденіе!

Съ неба своей счастливой любви только не хотѣлось однако упасть Салынину, поэтому онъ ни слова не говорилъ Колесникову про Улимову и никогда даже имени ея не вспоминалъ. Это не мѣшало ему однако говорить поручику часто о любви своей, но только иносказательнымъ образомъ. Николай Григорьичъ краснорѣчиво описывалъ счастіе любви, онъ иногда рисовалъ образъ любимой женщины, какъ созданный имъ идеалъ;

онъ повторялъ цѣлыя сцены изъ прошлаго въ живомъ разсказѣ, но облекалъ самый разсказъ свой въ форму мечтаній, и приправлялъ его неизбѣжными *если бы*, *когда бы*, *я представляю себѣ, что*.... Колесниковъ слушалъ, и шутилъ повидимому съ большой искренностью надъ этимъ романическимъ бредомъ, надъ пламенной фантазіей своего пріятеля, но въ головѣ у него совсѣмъ не то было. Онъ подозрѣвалъ и хотѣлъ убѣдиться. Случай однако не представлялся, а Колесниковъ серьезно сталъ искать случая. Между тѣмъ часто находила на Салынина непобѣдимая тоска, и на вопросы Колесникова: что съ нимъ?—онъ отвѣчалъ улыбаясь: — любить хочется, любить не кого и я потому скучаю.

Исполняя обѣщаніе, данное княжнѣ Волжиковой, Салынинъ ѣздилъ иногда въ деревню къ Волжиковымъ, и сначала это сбило нѣсколько поручика въ его предположеніяхъ. Впрочемъ любовь къ Олимпіи Колесниковъ былъ готовъ одобрить въ Салынинѣ, расчитывая, что если уже онъ и начнетъ слишкомъ съ ума сходить, какъ выражался Колесниковъ, то въ такомъ крайнемъ случаѣ можетъ кончиться все свадьбой. Въ княжнѣ поручикъ видѣлъ приличную партію для Салынина, а онъ допускалъ охотно все то, что могло увеличить блескъ свѣтскаго положенія его пріятеля, выгадывая и для себя тутъ какіе-то лучи, какое-то пріятное отраженье. Не долго однако заблуждался Колесниковъ; увидѣлъ онъ по нѣкоторымъ соображеньямъ, что Салынинъ ищетъ вниманія княжны, но что чувства его заняты вовсе не ею. У Волжиковыхъ бывали балы; они жили открыто, и какъ разстояніе ихъ имѣнія отъ города было

полтораста верстъ, то на большіе балы пріѣзжали многіе изъ города. На одинъ какой-то особенно-великолѣпный балъ поѣхали Пленчаниновъ и Качуновъ; возвратясь, Пленчаниновъ передалъ Юліи Михайловнѣ подробности бала и всѣ мелкія происшествія его.

Благодаря Пленчанинову, она узнала, что Салынинъ танцовалъ цѣлый вечеръ съ княжной, съ ней носился въ мазуркѣ, подлѣ нея сидѣлъ за ужиномъ, рѣшительно не оставлялъ бѣлокурой Олимпіи ни на минуту, и Олимпія, повидимому, ни чуть не пренебрегала его вниманіемъ. Улимова выслушала всѣ разсказы; она пришла къ разнымъ грустнымъ заключеніямъ на счетъ судьбы всѣхъ чувствъ своихъ — но старалась думать какъ можно меньше о себѣ и о своемъ будущемъ. Качуновъ сказалъ, что познакомились они тоже съ удивительнымъ человѣкомъ, съ Колесниковымъ, другомъ Салынина, который живетъ съ ними вмѣстѣ. Пленчаниновъ особенно восхищался начитанностью, глубокой ученостью Колесникова, его презрѣніемъ ко всему, его оригинальностью.

— Да гдѣ же вы познакомились съ этимъ *удивительнымъ человѣкомъ*? спросила Улимова.

— А мы къ Салынину заѣзжали — отвѣчалъ Пленчаниновъ.

— Салынинъ самъ скоро будетъ сюда съ Колесниковымъ, сказалъ Качуновъ — вѣдь кажется, онъ говорилъ, что имъ командировку сюда даютъ какую-то? прибавилъ онъ, обращаясь вопросительно къ Пленчанинову.

Лучъ радости мелькнулъ на лицѣ Юліи Михайловны, она съ трудомъ могла скрыть свои ощу-

щенья; къ счастью, ни Пленчаниновъ, ни Качуновъ ничего не замѣтили.

— Я никогда не видѣлъ Салынина такимъ веселымъ, ну просто бѣшеная была въ немъ веселость — сказалъ Пленчаниновъ.

— Онъ носился вихремъ съ княжной — прибавилъ Качуновъ.

— Какъ вы находите княжну? спросила Улимова равнодушно.

— Она иногда очень не дурна — отвѣчалъ Качуновъ.

— Ростъ славный — сказалъ Пленчаниновъ; въ мазуркѣ, какъ стала она подлѣ Салынина, то выше подбородка ему, а вѣдь для женщины это очень много.

— Такъ она выше меня — замѣтилъ Качуновъ.

— Большой ростъ въ женщинѣ хорошъ, если она величественна — сказала Улимова — но княжна Волжикова приняла какую-то небрежность во всемъ и имѣетъ манеру вовсе невеличественную.

— У ней всѣ пріемы гризетки — сказалъ Пленчаниновъ.— Видно она нравится однако Салынину; я самъ слышалъ, какъ онъ сказалъ ей: — «какъ вы думаете, вѣдь парочка не дурна!»

— Да, да, — подхватилъ Качуновъ — они стояли тогда другъ подлѣ друга и Олимпія вмѣсто отвѣта ударила его слегка по губамъ и убѣжала.

— Наивно! — сказала Улимова.

— Они росли вмѣстѣ, что-ли — сказалъ Качуновъ; вообще обращаются нецеремонно.

Этотъ разговоръ вскользь произвелъ нѣкоторое впечатлѣнье на Юлію Михайловну, но мысль, что Салынинъ скоро будетъ, прогнала мрачное на-

строенье духа. Колесниковъ ее занималъ; не въ первый разъ слышала она уже имя этого человѣка, ей хотѣлось увидѣть его. Салынинъ любилъ его — этого было достаточно, чтобы сдѣлать Колесникова предметомъ чрезвычайнаго интереса для Улимовой.

Колесниковъ имѣлъ вліяніе на Николая Григорьича, и какъ бы ни было мало вліяніе это, въ глазахъ Юліи Михайловны оно придавало поручику особенность. И ей представилось, что Колесниковъ оригиналъ, но чудныхъ правилъ, глубоко чувствующаго сердца, что это драгоцѣнный камень въ грубой корѣ, что любовь его къ Салынину сама нѣжность, сама заботливость, само снисхожденье. Представилось ей, что Колесниковъ любитъ Салынина за благородство сердца, за юность нравственныхъ силъ, за ясность души, горячность и искренность натуры, что онъ стражъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ началъ въ Салынинѣ, что онъ хранитъ его отъ свѣтскихъ предразсудковъ, насмѣшкой удерживаетъ отъ мелочности, а словомъ жесткой правды отъ заблужденій. Представилось ей, что Колесниковъ чуждъ всякой лжи, всякой хитрости, всякой мелочности, что свѣтъ ему смѣшонъ, что на людей онъ глядитъ какъ истинный философъ, видитъ въ нихъ взрослыхъ дѣтей, гордъ въ раздачѣ своихъ привязанностей, необыкновенная личность, высокая нравственность, человѣкъ, презирающій всегда своими личными выгодами, — человѣкъ съ достоинствомъ и съ правилами. Словомъ, Колесниковъ въ заключеніяхъ Улимовой былъ герой нравственности, и, вообразивъ его такимъ, Юлія Михайловна внутренно радовалась такому выбору друга для Салынина.

Когда бъ она могла знать истинное значеніе Колесникова, настоящую цѣну этого характера, его взгляды, огромность его вліянія, отношенія къ Салынину, основанныя на тщеславіи, а вовсе не на привязанности, на скукѣ, а не на потребности имѣть существо, которое бы онъ могъ любить и въ дружбу котораго могъ бы вѣрить; когда бъ она могла предвидѣть, что онъ начерталъ планъ дѣйствій для Салынина и готовъ столкнуть и уничтожить каждаго, кто станетъ на его дорогѣ — не было бы въ Юліи Михайловнѣ ни желанія встрѣчи съ Колесниковымъ, ни убѣжденій въ пользу его нравственнаго вліянія и характера.

Вмѣсто вѣчности, которую предсказывалъ Салынинъ, вѣчности разлуки для себя и для Улимовой, прошло едва ли два мѣсяца, и снова онъ летѣлъ увидѣть ее. Нѣтъ, сердце его еще не измѣнилось, и именно наканунѣ бала у Волжиковыхъ, узнавъ отъ Колесникова, что полковникъ назначилъ обоихъ неразлучныхъ пріятелей послать за какими-то заготовленьями, туда, куда стремился онъ давно нетерпѣливой мыслью и горячей душой, онъ не могъ преодолѣть своего веселья. Одного только боялся онъ, что Улимовой быть можетъ не застанетъ, что у ней были проекты какой-то поѣздки неизвѣстно куда, неизвѣстно зачѣмъ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ городу, тѣмъ чаще приходила ему мысль, что Юлія Михайловна уѣхала, что онъ ее не увидитъ, и онъ становился грустнѣе и задумчивѣе. Колесниковъ, молча, наблюдалъ его, заговаривалъ, старался развлечь; Салынинъ и самъ старался не выдавать себя, но въ немъ было слишкомъ много искренности, и онъ предавался поочередно то порывамъ необык-

новенной веселости, то молчанію и грустной задумчивости.

Они пріѣхали передъ самымъ вечеромъ, отыскали квартиру, устроились. — Салынину хотѣлось увѣриться, что Юлія Михайловна въ городѣ — но какъ это сдѣлать? Колесниковъ тащилъ его въ театръ, онъ сослался на усталость, и Колесниковъ остался для него дома. Нетерпѣніе его и досада росли часъ отъ часу; онъ курилъ молча и думалъ о многомъ, не совсѣмъ весело.

— Что жъ, мы ужинать не пойдемъ? спросилъ наконецъ Колесниковъ, поднимаясь съ дивана, на которомъ лежалъ весь вечеръ, и лѣниво потягиваясь.

Салынинъ обрадовался.

— Пойдемъ къ Дюмаре — сказалъ онъ, бросая въ уголъ недокуренную папиросу.

Надежда встрѣтить Гриневича, Качунова, Трасси, Тименецкаго, или Пленчанинова и узнать отъ нихъ объ Юліи Михайловнѣ оживила его. Онъ весело вошелъ къ Дюмаре и, точно, столкнулся тамъ съ многими знакомыми лицами; его и Колесникова окружили, къ ихъ столику подсѣли, дошла очередь и до шампанскаго, которое очень любилъ Колесниковъ — только никого изъ привычныхъ посѣтителей Улимовой не было какъ на зло. Потомъ Салынинъ узналъ, что гдѣ-то на дачѣ былъ устроенъ праздникъ молодежью для двухъ едва прибывшихъ дебютантокъ театра, праздникъ съ фейерверкомъ, съ пѣсенниками, съ оркестромъ военныхъ музыкантовъ: ему стало въ тысячу разъ досаднѣй, что они не пріѣхали нѣсколько раньше. Съ досады онъ рѣшился не отставать отъ Колесникова и не пугаться лишняго бокала. Просидѣли они до

поздней ночи, а все же результатъ вышелъ тотъ, что Салынинъ легъ спать недовольный, да еще въ-добавокъ съ сильной головной болью. Колесниковъ на слѣдующее утро не могъ его добудиться и отправился купаться одинъ; идучи домой, онъ встрѣтился съ Пленчаниновымъ, который, какъ водится, чрезвычайно ему обрадовался, засыпалъ вопросами, жалъ ему нѣсколько разъ руки и замѣтнымъ образомъ набивался къ нему въ пріятели. Колесниковъ былъ чрезвычайно въ этомъ отношеніи счастливъ, онъ умѣлъ производить впечатлѣніе на молодежь и разнаго сорта людей собиралъ вокругъ себя.

Пленчаниновъ шелъ къ Юліи Михайловнѣ разсказать ей по обѣщанью подробности вчерашней пирушки, и разсказывать было о чемъ, потому-что Качуновъ поссорился съ какимъ то юношей и дѣло какъ будто грозило кончиться дуелью. Пленчаниновъ любилъ придать всему удивительную важность, слѣдовательно спѣшилъ съ свѣжимъ разсказомъ къ своей кузинѣ; Улимова ждала его, она скучала, время до пріѣзда Салынина казалось ей такъ долгимъ, что она рада была чѣмъ нибудь сократить его.

Пленчаниновъ вошелъ, какъ всегда, съ шумомъ и суетливо. Поцѣловавъ руку Юліи Михайловны десять разъ кряду, онъ сѣлъ въ кресла и сталъ протирать свои очки.

— Ну, кузиночка, заговорилъ онъ своимъ густымъ басомъ — я пришелъ къ вамъ и сейчасъ исчезаю, мнѣ совершенно некогда сегодня — Колесниковъ пріѣхалъ. Юлія Михайловна вздрогнула.

— Одинъ? спросила она.

— Нѣтъ, съ Салынинымъ, только я Салынина

еще не видѣлъ, Колесниковъ не чета Салынину, хоть они и друзья; я люблю Салынина, онъ добрый малый и не глупъ, но все не то, образованъ какъ всѣ, на все смотритъ съ обыкновенной точки общихъ понятій, а Колесниковъ — это глубина! я наконецъ сознаю, что могу сойтись съ Колесниковымъ; у него должны быть глубокія воззрѣнія на жизнь и человѣка, въ умѣ его должна быть истина, то есть идеалъ истины, то, что можно назвать идеально-реальнымъ воззрѣніемъ. Салынинъ ему не отвѣчаетъ, Салынинъ мальчикъ для него, славный малый конечно, но принципъ всѣхъ идей не тотъ въ Колесниковѣ. Словомъ, кузина, мнѣ очень хочется сойтись съ этимъ человѣкомъ.

— Мнѣ бы хотѣлось его видѣть — сказала съ раздумьемъ Улимова.

— Въ немъ бы вы наконецъ нашли нѣчто отвѣтное, нѣчто по себѣ, я убѣжденъ, — сказалъ Пленчаниновъ. Вообще я смотрю на васъ не такъ, какъ на другихъ женщинъ: у васъ чрезвычайно образованный умъ и нѣкоторыя, хоть положимъ и тёмныя, понятія о философіи; но женщинѣ дальше пойдти невозможно, довольно и этого. Я не удивляюсь, что изъ людей, окружающихъ васъ, вы никого не выбрали по сердцу, эти господа всѣ слишкомъ мелки для васъ, а я съ вами почти отъ колыбели, слѣдовательно мы присмотрѣлись другъ къ другу.

Юлія Михайловна не могла скрыть улыбки.

— Слѣдовательно вы убѣждены, Поль, что я бы въ васъ влюбилась, если бы не это обстоятельство. Вы можетъ быть очень ошибаетесь на мой счетъ, слишкомъ много глубокаго находите въ моемъ умѣ, а онъ, какъ всѣ женскіе умы, чуж-

дается учености, любитъ естественность, прямоту и позволяетъ только игру фантазіи и поэтическое настроеніе.

— Полноте, полноте, я только Колесникова нахожу достойнымъ васъ.

Улимова воспользовалась тѣмъ, что онъ снова назвалъ поручика.

— Вамъ Колесниковъ просто голову вскружилъ, вамъ не сидится, вы сбираетесь улетѣть къ нему — проговорила она, стараясь подстрекнуть Пленчанинова.

— Ваша правда, — сказалъ онъ — я лечу къ нему прямехонько.

— И на улицѣ кто нибудь остановитъ васъ, заговоритъ, а потомъ вы Колесникова не застанете. Я думаю, что онъ пріѣхалъ не для того сюда, чтобы сидѣть въ своей квартирѣ.

— Нѣтъ, кузина, я черезъ пять минутъ буду ужъ у него, я нигдѣ не остановлюсь.

— Пришлите мнѣ Салынина, если онъ не нуженъ вамъ для умозрительныхъ бесѣдъ. Скажите ему, Поль, что если хочетъ онъ меня видѣть, то пусть тотчасъ пріѣдетъ, черезъ часъ я должна выѣхать со двора.

— Хорошо.

— Не забудьте же — прибавила Улимова, выходя на крыльцо съ своимъ ученымъ кузеномъ.

— Представьте: я забылъ сказать вамъ, что Качуновъ, кажется, завтра стрѣляется — проговорилъ Пленчаниновъ, сдѣлавъ ужъ нѣсколько шаговъ и остановясь — исторія преуморительная: поссорился съ молоденькимъ чиновникомъ, съ юношей, съ мальчикомъ, потому-что тотъ на зло Качунову не отходилъ отъ актрисы и напѣвалъ ей

разныя любезности. Ужасный жанръ, кузина, не правда ли?

— Право, вы не дойдете сегодня до Колесникова — сказала Улимова, стараясь смѣхомъ прикрыть свое нетерпѣніе — вы на улицу выйдете, встрѣтите знакомаго, заговоритесь и забудете даже, куда идете....

— Нѣтъ, нѣтъ, это отъ васъ только уходишь и не уходишь. Но я иду, иду, лечу.... И въ доказательство, что долетѣлъ во время, пришлю вамъ Салынина сію же минуту.

Въ самомъ дѣлѣ Пленчаниновъ вбѣжалъ черезъ нѣсколько минутъ въ комнату двухъ пріятелей.

— Здравствуйте, Салынинъ, и прощайте — произнесъ онъ запыхавшись. Вы должны мнѣ оказать услугу, вы должны немедленно отправиться къ кузинѣ и сказать ей, что вы меня видѣли и что я здѣсь давно: она считаетъ меня говоруномъ какимъ-то и человѣкомъ безъ воли, я просто впередъ будутъ держать съ ней пари и выиграю.

— Ничего не понимаю — сказалъ Салынинъ, обрадовавшись появленію Пленчанинова и тому, что онъ посылалъ его къ Юліи Михайловнѣ такъ настойчиво.

— Пожалуйста, ступайте сейчасъ къ Жюли, она вамъ разскажетъ; если опоздаете, не застанете ее — она съ визитами ѣдетъ. Я сказалъ ей, что пришлю васъ и докажу, что меня нельзя заговорить и что память у меня превосходная. А вы никуда не пойдете? — спросилъ онъ Колесникова.

— Нѣтъ — отвѣчалъ онъ — мы только у Дюмаре будемъ обѣдать вмѣстѣ.

— Такъ и я съ вами. Что же вы нейдете, Салынинъ?

— Иду, иду, только мнѣ надо еще зайдти....

— Да ужъ это потомъ, успѣете, вѣдь она тоже не будетъ сидѣть дома долго.

— До свиданія, Пленчаниновъ. — Въ половинѣ третьяго я у Дюмаре — сказалъ онъ Колесникову, и вышелъ.

Неоцѣненный человѣкъ этотъ Пленчаниновъ — думалъ Салынинъ, все болѣе и болѣе ускоряя шаги. — Или это Жюли придумала? она умница — удивляться нечему. Боже мой, какъ изобрѣтательны женщины....

На углу онъ взялъ дрожки и въ минуту былъ у крыльца Улимовой; невольно онъ взглянулъ въ окно, онъ хотѣлъ опередить, если можно, минуту свиданія — и точно увидѣлъ сквозь тусклое стекло Юлію Михайловну — она ходила по комнатѣ скорыми шагами и выраженіе живѣйшаго восторга озаряло лицо ея, самыя радостныя мысли вились надъ ея головой.

Салынинъ вошелъ.

Онъ не подалъ ей руки, остановился передъ нею и, сложивъ на груди крестообразно руки, глядѣлъ на нее улыбаясь. Все въ немъ было полно одной мысли; глаза, улыбка, все говорило, все хотѣло сказать: — Итакъ мы снова увидѣлись; — только вымолвить слова какъ будто онъ былъ не въ силахъ. Юлія Михайловна любовалась имъ, счастливая выраженіемъ любви и счастія въ его глазахъ, на его лицѣ, въ его краснорѣчивой позѣ, во всемъ этомъ миломъ, дорогомъ существѣ.

Они такъ давно не видѣлись и столько разныхъ мыслей прошло за это время въ головѣ ихъ, столько

новыхъ воскресло при одномъ взглядѣ другъ на друга, что они не знали сами, съ которой начать, которую прежде выразить, какое слово могло полнѣе передать, что чувствуетъ сердце. Вдругъ Салынину представился приходъ Пленчанинова, его торопливость, его настойчивость, — онъ невольно засмѣялся и привлекъ тихо къ груди своей Юлію Михайловну.

— Это ты послала мнѣ своего мудраго кузена? спросилъ Николай Григорьичъ.

— Разумѣется, я — отвѣчала она, невольно улыбнувшись тоже. — Я дождаться тебя не могла.

— Я чуть было не бросился ему на шею, когда онъ сталъ посылать меня къ тебѣ и торопить. Изъ приличія я было хотѣлъ помедлить, но онъ мнѣ опомниться не далъ.

— Въ первый разъ въ жизни онъ не сдѣлалъ глупости и не перепуталъ порученія — сказала Улимова. — Разсказывайте же мнѣ теперь, Николай Григорьичъ, что̀ дѣлали вы во все это время? продолжала она, садясь подлѣ него и тихо глядя ему въ глаза.

— Долго будетъ, а Пленчаниновъ говорилъ, что ты выѣхать должна: я тебя не хочу удерживать! отвѣчалъ Салынинъ.

— Я сказала это нарочно, чтобы онъ не вздумалъ забѣжать ко мнѣ снова — сказала Улимова, — да чтобы при случаѣ и другимъ передалъ.

— Ты все предвидишь, ты всегда обо всемъ подумаешь. Итакъ мы видимся снова и на нѣсколько часовъ совершенно-свободны! Потомъ ужъ все будетъ не то.... проговорилъ Салынинъ.

— Отчего же?

— Оттого.... — И Салынинъ задумался. — От-

того, — сказалъ онъ, — что я ничего не знаю свободнѣе этой первой минуты свиданія, если только она пройдетъ безъ свидѣтелей. Никто не знаетъ, что я здѣсь, никто не спроситъ, гдѣ я былъ, отчего запоздалъ, у кого засидѣлся. Никто изъ-за меня не смутитъ тебя еще сегодня подозрительнымъ взоромъ и не спроситъ съ злымъ намѣреніемъ — видѣли ль вы сегодня Салынина?

Улимова выслушала его спокойно и взяла ласково за руку.

— А мнѣ, Николай — сказала она, — право все равно теперь, что̀ бы ни думали, какъ бы ни развѣдывали и ни подсматривали за мной! Если какой-нибудь тщеславный разсчетъ заставляетъ тебя краснѣть и прятаться съ твоей любовію, не говори имъ, что ты любишь меня; скажи, что я тебя люблю и что ты только находишь себя не въ правѣ лишать меня счастія тебя видѣть. — Она проговорила эти слова съ неподражаемой гордостію, съ истинной гордостію глубокаго, благороднаго чувства. Салынинъ былъ тронутъ до грубины души ея словами, онъ не могъ не сознать, что женщина эта любитъ иначе, нежели любятъ всѣ обыкновенно, и сердце его исполнилось признательностію и удивленіемъ. Въ эту минуту онъ бы позволилъ застрѣлить себя, если бы могъ предположить, что когда-нибудь будетъ стоить ей вздоха одного, а не только слезъ и невыразимыхъ мученій.

Десять дней невозмутимаго счастія прошли быстро; они стоятъ пера болѣе сильнаго, выраженій поэтическихъ, красокъ яркихъ, но можно ли прослѣдить минуту за минутой всѣ минуты счастія?... Должно написать пламенную поэму, не

иначе; романистъ скажетъ только, что они были счастливы, что всякое утро начиналось для нихъ радостнымъ сознаніемъ непремѣннаго свиданія, что тѣснѣе и тѣснѣе связывалъ ихъ размѣнъ сходственныхъ мыслей, что много общаго возникло между ними, что каждый изъ нихъ столько же вѣрилъ, сколько и любилъ. Страха въ нихъ не было, сомнѣніе было далеко: о будущемъ ни слова, потому-что настоящее было прекрасно, безоблачно, какъ въ весенній день сводъ голубой, въ которомъ можно и взоромъ утонуть и мыслію уйдти глубоко.

Колесниковъ наблюдалъ молча; до-сихъ-поръ онъ ни разу не спросилъ Салынина, куда онъ уходитъ всякій день въ одиннадцать часовъ, и отчего опаздываетъ къ Дюмаре, и почему садится за столъ такой веселый. Колесниковъ видѣлъ, что иногда Николаю Григорьичу до-смерти хотѣлось бы посидѣть одиноко и поговорить съ самимъ собой, но онъ пугался подозрѣній, хотѣлъ избѣжать пытливаго взгляда, и какъ будто старался заглушить себя, отдавался веселости, старался возбудить ее въ себѣ, и веселѣе, шумнѣе всѣхъ бывалъ въ подобныя минуты. Передъ Пленчаниновымъ Колесниковъ нѣсколько разъ изъявлялъ желаніе видѣть Юлію Михайловну и искусно умѣлъ узнать нѣкоторыя черты ея характера; къ тѣмъ же самымъ уловкамъ прибѣгнулъ онъ и съ Качуновымъ, Трасси и Штадтгельмомъ, только съ Гриневичемъ и съ Тименецкимъ никогда не говорилъ онъ объ Улимовой, и благодаря осмотрительности своихъ дѣйствій и искренности той натуры, которую хотѣлъ заглазно изучить, Колесниковъ составилъ себѣ понятіе, довольно вѣрное, объ Юліи

Михайловнѣ. Онъ понялъ, что разочаровывать Салынина на счетъ нравственныхъ достоинствъ этой женщины было бы нерасчетливо, смѣяться надъ любовію Николая Григорьича неосторожно. Но Колесникову становилось страшно, глядя на увеличивающееся чувство своего пріятеля; онъ рѣшилъ не уѣзжать, не разстроивъ, не разрушивъ того міра, который создала любовь Салынина для Улимовой. Колесниковъ приготовился какъ нельзя болѣе къ разговору, котораго планъ обдумывалъ давно.

Салынинъ одѣвался къ театру; Колесниковъ лежалъ на кровати, курилъ папиросу и смотрѣлъ на него разсѣянно.

— Куда это ты сбираешься, Николай Григорьичъ? спросилъ онъ наконецъ.

— А ты развѣ никуда не ѣдешь? спросилъ его Салынинъ.

— Я? никуда; теперь буду спать, а потомъ пойду ѣсть. Бѣда мнѣ съ тобой, не могу пріучить тебя побольше спать и ѣсть, оттого-то ты нравственно боленъ всегда.

— Какъ это я нравственно боленъ, гдѣ ты это видишь?

— Человѣкъ боленъ нравственно, когда дѣлаетъ глупости.

— Ты бранишься, Колесниковъ?

— Готовъ всегда съ тобой браниться, когда дѣло идетъ о твоей пользѣ.

— Что же я дѣлаю?...

— Дурачишься, влюбляешься безпрестанно.

Салынинъ смутился и помолчалъ нѣсколько минутъ. Послѣ серьёзнаго размышленія онъ однако рѣшился говорить.

— Я не влюбляюсь безпрестанно, какъ ты говоришь. ***Влюблялся*** я прежде когда-то, на то было время, но оно далеко. Точно, въ настоящую пору я не живу безчувственно, только я не влюбленъ вовсе.

— Почему же такъ?

— Потому-что въ такихъ женщинъ не влюбляются; значеніе ихъ въ жизни порядочнаго человѣка совсѣмъ другое и надо другимъ словомъ опредѣлить чувство, которое онѣ однѣ способны внушить.

— Вѣдь я не знаю, Николай Григорьичъ, кого ты выбралъ — возразилъ съ важностію Колесниковъ — я только замѣтилъ тебѣ, что состояніе твое очень похоже на состояніе влюбленнаго, а крайность въ этомъ состояніи не должна быть у порядочнаго человѣка, крайность доведетъ его до глупости.

Салынинъ вспыхнулъ, видя, что проговорился самъ, однако онъ зашелъ ужъ слишкомъ далеко и пятиться отъ сказаннаго значило оскорблять Колесникова недовѣріемъ.

— Если ты понялъ, что я люблю, а не влюбленъ, то ты долженъ догадаться, кого я выбралъ — сказалъ онъ. — Блескъ наружной красоты не можетъ ужъ меня увлечь; молоденькія дѣвочки, не смотря на мою молодость, слишкомъ для меня молоды, а тотъ классъ женщинъ, который думаетъ, что имѣетъ право быть безнравственнымъ, слишкомъ ужъ для меня безнравственъ. Я не ханжа въ этомъ случаѣ, но я воспитанъ, какъ самъ ты знаешь, нѣсколько патріархально; цинизмъ на меня непріятно дѣйствуетъ, въ женщинѣ онъ гадокъ, онъ нестерпимъ.

— Я тебя уважаю за строгость чувствъ твоихъ — сказалъ Колесниковъ, пожавъ руку Салынину — хотя смотрю на все съ меньшей горячностію, нежели ты. Что дѣлать, воспламеняться не могу; добромъ восхищаюсь вполовину и злу вѣрю вполовину.

— А когда добро очевидно? спросилъ Салынинъ.

— Не отвергаю его. Впрочемъ я держусь того мнѣнія, что добрый человѣкъ добръ потому, что злымъ не можетъ быть, а злой золъ потому, что добрымъ быть не въ силахъ, оттого добро и зло встрѣчаю равнодушно.

— Но если это добро болѣе нежели отсутствіе всего дурнаго въ человѣкѣ, если это добро способно зажечь чистѣйшій энтузіазмъ въ самомъ равнодушномъ?

— Я неспособенъ къ энтузіазму — отвѣчалъ Колесниковъ холодно.

— А я всегда готовъ поклоняться прекрасному — сказалъ Салынинъ.

— Изъ женщинъ я знаю только одну, въ которой я могу допустить прекрасное, судя по разсказамъ всѣхъ васъ, да и такъ, по предчувствію — мнѣ издали только удалось посмотрѣть на нее. — И Колесниковъ зажегъ вторую папиросу.

Салынинъ притаилъ дыханье и ждалъ.

— Я видѣлъ раза два, три всего, Улимову — продолжалъ Колесниковъ, слѣдя внимательно глазами клубы табачнаго дыма, — но вотъ женщина, въ полномъ смыслѣ этого слова! Это не тѣ бездушныя куклы, которыхъ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу.

— Не правда ли! воскликнулъ Салынинъ обрадовавшись.

— А.... произнесъ протяжно Колесниковъ. — Мнѣ бы слѣдовало догадаться, вспомнивъ, что съ самой первой встрѣчи она произвела на тебя удивительное впечатлѣніе; ты бывало боишься показываться съ этой бѣдной Гастаной, чтобы не попасться на глаза Улимовой и не заслужить ея порицанія. Выборъ хорошъ! Но чтожъ, душа моя, женщины подобныя Улимовой рѣдко платятъ взаимностію!

— Но если платятъ.... Салынинъ не докончилъ и въ нѣмомъ восторгѣ, въ мысленномъ созерцаніи своего блаженства, улыбнулся.

— Такъ ты очень счастливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень несчастливъ — замѣтилъ Колесниковъ, и потянулся изо всѣхъ силъ на кровати.

— Это отчего?

— Счастливъ потому, что испыталъ счастіе быть любимымъ подобной женщиной, счастіе мало кому доступное; а несчастливъ потому.... Нѣтъ, Салынинъ, я больше не продолжаю, это будетъ лишнее. Пожалуйста, побольше ѣшь, да спи! мысль твоя будетъ здоровѣе, и ты тогда лучше поймешь меня.

— Нѣтъ, говори пожалуйста, Колесниковъ — сказалъ Салынинъ, садясь на его кровати.—Мнѣ давно уже хотѣлось поговорить съ тобой объ этомъ, но я не позволялъ себѣ даже передъ тобой произносить ея имя.

— Такъ я тебѣ скажу, несчастливъ ты потому, что встрѣтилъ Улимову не во время — проговорилъ Колесниковъ съ прекрасно сыграннымъ огорченіемъ и даже вздохнулъ.

— Чтò значитъ не во время? спросилъ Салынинъ.

— Не во время для твоей будущности, для твоей карьеры, для твоего имени наконецъ. Повѣрь себя, можешь ли ты теперь остановиться, можешь ли не идти впередъ? спроси, что ты сдѣлалъ, выполнилъ ли семейный долгъ? можешь ли ты, въ правѣ ли ты снять его съ себя и передать кому-нибудь изъ братьевъ? Нѣтъ, братъ, на твое несчастіе, дядю твоего перевели изъ Петербурга! лучше бы было тебѣ уѣхать тогда, когда ты только мечталъ объ океанѣ для рѣки твоихъ мыслей, но не нашелъ еще его.

— Колесниковъ, ты не знаешь этой женщины! Она не изъ числа тѣхъ, которыя мѣшаютъ выполнять долгъ, заслоняютъ будущность и портятъ жизнь.

— Вѣрю, что она способна на самопожертвованіе, но ты не рѣшишься принесть ее въ жертву. Ты пропалъ, Салынинъ, чувство твое поглотитъ тебя, оно само заслонитъ твою будущность. — Въ волненіи Колесниковъ вскочилъ съ кровати и сѣвъ къ столу, подперъ обѣими руками свою большую голову. — Ты не чувствуешь, что уже потерялъ свою независимость, что ты живешь, дѣйствуешь, думаешь подъ вліяніемъ этой любви? — продолжалъ онъ съ чрезвычайной силой убѣжденія. — Николай Григорьичъ, таковъ ли ты какъ былъ? развѣ въ тебѣ ничто не измѣнилось?... Ты зависимъ, вотъ и все, а человѣкъ, который думаетъ что-либо свершить, долженъ быть свободенъ. Не возражай мнѣ, не доказывай, что ты внѣ всякаго вліянія, — что ты не рабъ любимой женщины, я охотно вѣрю, но ты рабъ своего чувства. На любовь твою уходятъ всѣ силы твои — и для будущности ничего уже тебѣ не остается.

— Какая будущность? — сказалъ Салынинъ — каждый человѣкъ стремится къ счастью, а можетъ ли быть высшее счастье, какъ любовь такой женщины.

— Ну такъ! я этого и ожидалъ — проговорилъ Колесниковъ.

— Что же мнѣ дѣлать! воскликнулъ съ отчаяньемъ Салынинъ.

— Надо, чтобы ваши отношенья кончились.

— Послушай, Колесниковъ, наши отношенья таковы....

— Знаю. Но скажи, къ чему эти ежедневныя свиданья? Вотъ какъ велика въ тебѣ потребность быть съ ней, слушать ее, дѣлиться съ ней лучшими мыслями твоими! замѣтилъ Колесниковъ.

— Ты правъ, мнѣ необходимо видѣть ее ежедневно, слушать ее, говорить съ ней! воскликнулъ съ жаромъ Салынинъ.

— И такимъ образомъ къ силѣ чувства ты прибавляешь силу привычки. Николай Григорьичъ, скажи самъ, на что ты будешь послѣ этого способенъ? Ты самъ уничтожаешь свою дѣятельность и забываешь, что тебѣ еще предстоитъ долго дѣйствовать. Какъ робкій дебютантъ ты спрячешься тогда за кулисы и пропустишь свой выходъ. Если ты уважаешь эту женщину, если дорожишь ею — вы должны разстаться, отношенія ваши должны измѣниться. Ты горькимъ сожалѣньемъ и горькой жалобой заклеймишь современемъ свое чувство — сохрани же его лучше неприкосновеннымъ. Теперь вы еще можете и должны разстаться; конечно, лучше бы было, если бы это случилось еще раньше, теперь ты крѣпко будешь страдать, Николай Григорьичъ, да вѣдь му-

жества у тебя запасъ не малый, я это навѣрно знаю. Пойми, что это не можетъ такъ оставаться.

— Невозможно, невозможно — сказалъ Салынинъ. Что я скажу ей?

— Скажи ей правду; она тебя пойметъ и оцѣнитъ, — отвѣчалъ Колесниковъ. Съ такими женщинами лгать не слѣдуетъ.

— Какую правду могу я ей сказать? что я не хочу любви ея, что я боюсь, чтобы она мнѣ не помѣшала добиться какихъ-то блёстокъ будущности? возразилъ Салынинъ съ горечью.

— Нѣтъ, Николай Григорьичъ, вѣдь не для себя ты станешь добиваться будущности, ты не мелкій эгоистъ! на тебѣ лежитъ долгъ, передъ тобой стелется путь, путь, который начертали обстоятельства, — сказалъ торжественно Колесниковъ. Салынинъ глубоко вздохнулъ.

— А наконецъ, вы оба теперь на порѣ самой поэтической любви вашей — еще немного, и поэзія отлетитъ: если ты человѣкъ съ характеромъ, ты съумѣешь во время остановиться и не допустишь исказиться своему чувству. Николай Григорьичъ, я самъ уважаю твою любовь, уважаю, не зная женщину, которая выучила тебя любить такимъ образомъ, и если ты знаешь настоящую цѣну своей любви, ты сбережешь прекраснымъ и свѣтлымъ ея воспоминанье. Надо всегда разстаться въ ту пору, когда намъ еще жаль отказаться отъ любви своей, а не тогда, какъ мы начинаемъ въ ней раскаяваться. Посмотри на себя, тебѣ во всемъ суждено выходить изъ толпы, неужели ты хочешь кончать такъ, какъ всѣ? Пойми, Николай Григорьичъ, что поэзія воспоминаній стоитъ быть куплена дорогой цѣной: вѣдь это для насъ на всю

жизнь. Вы встрѣтитесь современемъ друзьями и другъ другу смѣло подадите руку. Тебя конечно удивляетъ, что я хлопочу для тебя о поэзіи жизни, но я вѣрнѣе тебя самого знаю потребности твоей души: ты живешь, а я смотрю, какъ ты живешь, тебѣ еще некогда наблюдать за собой. У тебя широкая душа, Николай Григорьичъ! Салынинъ сидѣлъ погруженный весь въ самыя грустныя мысли.

— Боже мой! что̀ я ей скажу? повторилъ онъ снова.

— Ничего не говори—сказалъ Колесниковъ,—къ чему объясненія? по-немногу старайся отстать, развлекайся, не ходи ежедневно, не сиди по три часа къ-ряду. Посмотри, на что ты сталъ похожъ? ты худъ, ты совсѣмъ перемѣнился; скажи, что ты боленъ и что тебѣ выходить запретили, а тамъ мы уѣдемъ....

— Нѣтъ, Колесниковъ, это недостойно ни ея, ни моей любви, ни моихъ правилъ. Я не могу ее оставить въ жертву сомнѣніямъ, отдать на муку предположеніямъ; она мужественнѣе меня, она сильная женщина, она перенесетъ, но я скажу ей, что между нами все должно быть кончено. Я не буду объяснять, пусть думаетъ, что хочетъ, но о рѣшимости своей я предварю ее.

Голосъ Салынина прерывался, онъ былъ страшно блѣденъ въ эту минуту и старался не глядѣть на Колесникова.

— Видишь, Николай Григорьичъ — замѣтилъ Колесниковъ съ участіемъ — не правъ ли я, когда говорилъ, что въ женщинѣ надо любить только красоту и не искать сливаться съ ней душой, тому особенно, которому нельзя еще остановить-

ся. Колесниковъ повидимому былъ полонъ чистосердечія. — Я хотѣлъ видѣть въ тебѣ постоянно здоровую мысль, но ты пошелъ дорогой своего воображенія, увлекся — теперь тебѣ тяжело.

— Мнѣ очень тяжело, Колесниковъ — сказалъ Салынинъ, и сталъ ходить изъ угла въ уголъ. Вотъ видишь ли, я представляю себѣ завтрашній день, эту сцену, этотъ разговоръ. Правда, она сильная женщина, вообще это удивительная натура, это что-то необыкновенное! Надо имѣть мои правила, мою волю, мой характеръ, чтобы рѣшиться, чтобы понять, что ты правъ, Колесниковъ. Я долженъ, долженъ, я жертва долга! Чтожъ, пусть и она будетъ жертвой.... Я явлюсь къ ней завтра холоднымъ, разсудительнымъ, сильнымъ, она увидитъ передъ собой человѣка, за котораго никогда не покраснѣетъ. Я принесу ей завтра вѣсть, что все кончено между нами, я разобью своими руками ея мечты и мое счастіе.... Странная роль, Колесниковъ! И онъ остановился передъ Колесниковымъ и глядѣлъ на него горящими ярко глазами.

— Не дюжинная роль — сказалъ Колесниковъ ободрительно.

Поручикъ искусно поддерживалъ блистательную фантасмагорію, устроенную имъ для мысленнаго взора друга. Онъ вздулъ нѣсколько мыльныхъ пузырей для Салынина очень удачно, и игралъ ими лучше нежели жонглеръ играетъ легкими мѣдными шарами, въ глазахъ изумленной публики. Искренность Николая Григорьича и способность его увлекаться подобрали эти мыльные пузыри и придали имъ сущность на нѣкоторое время. Ко-

лесниковъ зналъ, какимъ языкомъ надо говорить съ нимъ; успѣхъ былъ огромный: гордость Салынина ручалась за его мужество. Однако поручикъ не упускалъ ничего, чѣмъ бы могъ утвердить еще болѣе Николая Григорьича въ принятомъ имъ намѣреніи.

— Можетъ быть — произнесъ онъ тихо, прерывая печальное молчаніе, которое хранилъ ужъ нѣкоторое время Салынинъ — мнѣ бы слѣдовало предоставить тебя игрѣ обстоятельствъ, но мнѣ не хочется случайностей, — ты рожденъ съ волей и не долженъ быть управляемъ ими. Теперь ты самъ приходишь къ заключенью, что надо вамъ разстаться, а черезъ нѣсколько времени обстоятельства бы привели къ этому заключенію: лучше же всегда открыть глаза произвольно. Только теперь еще тебѣ, видно, испытанье не по силамъ.

— Чего не по силамъ, мнѣ все по силамъ — сказалъ съ горечью Салынинъ Я вѣдь прошелъ уже небольшой рядъ испытаній, я прибавлю къ нимъ новое — пойдемъ къ Дюмаре, я буду много ѣсть и много пить сегодня. Какъ рано! мнѣ бы хотѣлось, чтобы завтрашній день скорѣй наступилъ.

— Что жъ ты въ театръ нейдешь?

— Не хочу, зачѣмъ лишнее свиданье?... Или нѣтъ, пойду! сегоднишній вечеръ еще мой, я могу смотрѣть на нее и говорить съ ней такъ, какъ смотрѣлъ и говорилъ цѣлые десять дней. Сегодня десять дней! Смѣйся, Колесниковъ, я поступаю повидимому какъ ребенокъ, но увѣряю тебя, это каменная неустрашимость искать встрѣтить женщину, которую я сбираюсь убить завтра. Только нѣтъ, она сильна душой, она все вынесетъ!

— Не смѣюсь я вовсе, я тебя понимаю — ты не въ состояньи ослабѣть — отвѣчалъ Колесниковъ, — ты не смѣшаешься никогда съ толпой.

Однако Салынинъ не совсѣмъ храбро вошелъ въ театръ. Давали Макбета, и второй актъ почти кончался. Онъ занялъ свое мѣсто, не смотрѣлъ на сцену и только не сводилъ бинокля съ Юліи Михайловны. Потомъ пришелъ въ ложу, усиливался быть любезнымъ и веселымъ, но кончилось тѣмъ, что вынужденъ былъ сказать, что чувствуетъ себя больнымъ, и погрузился въ молчаніе. Улимова ничего не подозрѣвала, она его видѣла подлѣ себя и ужъ тѣмъ была довольна; она старалась незамѣтнымъ образомъ развеселить его, но въ этотъ разъ ей ничто неудавалось, и необыкновенный тактъ, которымъ она была одарена, заставилъ ее прекратить всѣ попытки. Такъ въ молчаньи для обоихъ прошли и тѣ нѣсколько минутъ, которыя имъ еще принадлежали. Въ ушахъ Салынина звучали все слова: — ты не свободенъ, ты зависимъ отъ чувства своего, а перенесть мысль подобной зависимости было для него невозможно. Никто въ мірѣ не считалъ себя такимъ свободнымъ человѣкомъ, такимъ независимымъ отъ всякаго вліянія человѣкомъ, и никто не былъ такъ гордъ мнимой своей свободой, какъ Николай Григорьичъ. И что жъ, теперь ему указывали, что онъ не свободенъ, что онъ зависимъ, что онъ въ дѣйствіяхъ своихъ рабъ своего чувства, находится подъ вліяніемъ любимой женщины — въ головѣ у него шумѣло какъ отъ опьяненія.

Онъ посадилъ Юлію Михайловну въ экипажъ, грустно сказавъ ей — до свиданья, и пошелъ къ

Дюмаре. Тамъ Колесниковъ сидѣлъ уже за ужиномъ съ Пленчаниновымъ; Качуновъ и какой-то офицеръ, пріѣхавшій изъ полка, да Штадтгельмъ, дополняли общество. Гриневичъ пришелъ позже, Салынинъ протянулъ ему руку, но избѣгалъ взгляда. Сначала Салынинъ пытался шутить, предлагалъ тосты, шумѣлъ, говорилъ съ жестами, смѣялся и наливалъ бокалы всѣмъ безпрестанно; потомъ вдругъ эта веселость угасла, онъ нагнулъ голову и думалъ. Качуновъ сталъ приставать къ нему — Салынинъ отвѣчалъ брюзгливо и вообще выказывалъ удивительную раздражительность. Колесниковъ заставилъ его опомниться, онъ посмотрѣлъ пристально на Салынина и въ отвѣтъ на какую-то желчную его выходку хладнокровно произнесъ со стороны:

— Николай Григорьичъ, ты не свободенъ!

Сильнѣе всякаго электричества пробѣжали эти слова по сердцу Салынина.

— Ошибаешься, Колесниковъ, — отвѣчалъ онъ гордо — голова моя всегда свободна!

— Да онъ немного и пилъ сегодня — сказалъ Пленчаниновъ.

Гриневичъ пристально посмотрѣлъ на Салынина, но не сказалъ ни слова: онъ подумалъ, что между Улимовой и Николаемъ Григорьичемъ произошла легкая размолвка и что онъ отъ того не въ духѣ. Ничего, помирятся — подумалъ Гриневичъ.

На другой день Улимова по обыкновенію весело встрѣтила Салынина.

— Ты здоровѣе конечно сегодня, Николай! сказала она, пожавъ ему руку.

— А ты здорова? спросилъ онъ, невольно увле-

каясь все еще привычкой говорить другъ другу сердечное ты.

— Я всегда здорова, всегда спокойна — отвѣчала она. Въ самомъ дѣлѣ, во мнѣ такое удивительное спокойствіе, такая ясность духа, что ничто не въ состоніяи возмутить ее.

— Я очень радъ, что нахожу тебя въ такомъ состояніи — сказалъ Салынинъ, садясь въ глубокое кресло — значитъ, съ тобой можно рѣшительно обо всемъ говорить сегодня?

— Я могу спокойно выслушать свой смертный приговоръ даже — произнесла Улимова смѣясь.

Салынинъ невольно вздрогнулъ и молчалъ.

— Ну скажи, что же ты хотѣлъ сказать мнѣ? спросила Юлія Михайловна, прислонясь къ плечу его ласково.

— Ничего, я пришелъ съ тобой проститься — отвѣчалъ онъ тихо.

— Такъ ты ѣдешь?

— Нѣтъ; но мы разстанемся.

— Что жъ это значитъ? — И она подняла голову; она уперла большіе зрачки въ зрачки его глазъ.

— Мы должны разстаться — произнесъ тихо Салынинъ. — Отношенія наши не могутъ оставаться прежними; съ сегоднишняго дня все кончено между нами.

— Нѣтъ, это не можетъ быть! воскликнула Улимова.

— Между нами все кончено—повторилъ онъ— за все счастіе, котораго ты была причиной, благословляю тебя и всегда буду благословлять.

— Не можетъ быть! произнесла Улимова, блѣднѣя, и между тѣмъ читая на его измученномъ лицѣ, что онъ далекъ шутки.

— Мы будемъ видѣться теперь только при свидѣтеляхъ, встрѣчаться въ шумномъ обществѣ, подавать другъ другу руку безъ волненія, говорить *вы*; я буду пріѣзжать къ тебѣ съ визитомъ, говорить всегда съ почтительной любезностью посторонняго человѣка, пока въ тебѣ и во мнѣ сердце не успокоится: а тогда мы станемъ друзьями, тогда ты будешь знать, что у тебя есть другъ, другъ надежный, неизмѣнный до самыхъ дверей гроба. — Голосъ его былъ твердъ, но такимъ напряженнымъ образомъ, что ужъ лучше бы дрожалъ онъ.

— Николай, Богъ съ тобой, ты не шутишь?... Неужели не шутишь? сказала Улимова, вглядываясь въ него съ отчаяньемъ. — Забудь, что ты сказалъ теперь. Николай, вѣдь я люблю тебя! Нѣтъ, это невозможно.

— Должно, должно — проговорилъ онъ, крѣпко сжавъ ей руку. Гордость ея исчезла, женская натура взяла верхъ надо всѣмъ; подъ длинными рѣсницами въ большихъ глазахъ стояли безмолвныя слезы.

— Ради Бога, Жюли, пожалѣй меня! — воскликнулъ Салынинъ, замѣтивъ это. Прошу тебя, ни одной слезы — женщины подобныя тебѣ не плачутъ. Мнѣ кажется, что если я увижу твои слезы, я или съума сойду, или посѣдѣю.

Сверхъестественнымъ усиліемъ Улимова удержала свои слезы, только все болѣе и болѣе блѣднѣла.

— Посмотри, Николай, — прошептала она — посмотри, видишь ли мою борьбу? пойми же ее и вспомни когда нибудь, какъ умѣю я бороться.

Онъ поцѣловалъ ея поблѣднѣвшую щеку и темные, шелковистые волосы.

— Я всегда ожидалъ отъ тебя силы; о, я вполнѣ знаю цѣну тебѣ! — проговорилъ онъ. — Въ послѣднiй разъ сегодня я говорю съ тобой такъ, и позволяю себѣ ласку, — между нами ужъ все кончено.

Она стала ходить порывисто, она зашагала, закружила по комнатѣ. Мысли ея не могли прiйдти въ порядокъ, слова безумнаго горя и любви стыли на языкѣ, гордость удерживала ихъ.

Опять Улимова подошла къ Николаю Григорьичу.

— Нѣтъ, я не вѣрю — произнесла она съ мучительной тоской. — Вѣдь ты любишь меня?

— Я любилъ тебя — отвѣчалъ Салынинъ.

— Любилъ? значитъ, разлюбилъ?... сказала Улимова выразительно.

Онъ грустно улыбнулся и покачалъ головой.

— Николай, а я тебя безумно, безумно люблю— говорила она въ какомъ-то забытьи, и только глаза ея дико горѣли. — Вѣдь я не искала тебя, Николай, я не хотѣла болѣе чувства, я боялась его, я его бѣгала... Зачѣмъ же вы извлекли меня изъ моего оцѣпенѣнiя? Боже, Боже, неужели мнѣ это еще нужно было? — Выраженiе страшной муки разлилось во всемъ существѣ ея.

Салынинъ, вызванный на воспоминанье, обращенный вдругъ къ первымъ днямъ своей любви и подстрекаемый какимъ-то злымъ генiемъ, сказалъ:

— Да, вы не скоро меня полюбили! Что жъ это такъ трудно было вамъ полюбить меня? а я какъ любилъ васъ! Неужели ты думаешь, что гордость мужчины и его чувства такъ легко успокоиваются? моя любовь въ тебѣ встрѣчала холодъ, тебѣ вѣдь трудно было *привыкнуть* ко мнѣ!

— Послушай — возразила Юлія Михайловна — если ты выводишь на сцену гордость, то будь справедливъ и рѣши, чья гордость вынесла большее пораженіе? Ты оскорбился, что я не зная тебя, не рѣшалась любить, а ты — сблизился со мной, узналъ меня, — и тогда *разлюбилъ.* Скажи самъ, кто пострадалъ изъ двухъ насъ болѣе, и чья участь завиднѣе? Я съ каждымъ днемъ болѣе любила тебя, а ты.... Зачѣмъ же ты вызвалъ меня на чувство?

— Тебѣ жаль его для меня!... воскликнулъ съ досадой и упрекомъ Салынинъ.

— Нѣтъ, не для тебя жалѣю я его; мнѣ себя жаль, потому-что теперь ужъ жизнь безсильна создать для меня утѣшенье. Съ твоей любовью для меня все кончилось. Я не спрашиваю, что заставляетъ тебя произнесть такой ужасный приговоръ, довольно съ меня, что ты могъ рѣшиться произнесть его! значитъ, что въ самомъ дѣлѣ все кончено для меня въ твоемъ сердцѣ.

— Я буду твоимъ другомъ, произнесъ Салынинъ.

Юлія Михайловна откинула голову на спинку кресла и болѣзненно захохотала.

— Какое безумье! — сказала она — мы могли бы сдѣлаться друзьями *современемъ*, но при теперешнихъ условіяхъ это невозможно. Я буду стараться не встрѣчать васъ никогда, вотъ все, что я могу сдѣлать.

— А я буду всюду искать тебя — возразилъ Салынинъ.

— Къ чему?

— Не знаю самъ. Но ты отдохнешь, ты утѣшишься.... Я такъ любилъ тебя, что послѣ этого чувства любить для меня ужъ невозможно.

— О, вы себя обманываете! сказала Улимова.

— Сознаніе есть. Такъ не любятъ, какъ я любилъ тебя.

— Вы любили! а я, я все люблю еще васъ! Я знала себя, когда говорила вамъ, что боюсь любить больше, нежели буду любима, во мнѣ адская способность перещеголять каждаго въ чувствѣ, превзойдти каждаго силой любви. — Она глядѣла ему пристально въ глаза. — Что жъ ты думалъ, что любовь моя будетъ шуткой?... спросила она.

Салынинъ невольно улыбнулся на голосъ ея сердечной муки и женскаго нетерпѣнья.

— Все шутка въ жизни, другъ мой! сказалъ онъ ласково.

Это ободрило Улимову, она схватила его руку.

— Скажи, что все это было шутка, что ты шутилъ; жестокая шутка, но я прощу ее, я забуду!— проговорила она.

— Наши отношенья должны измѣниться — произнесъ онъ грустно, покачавъ отрицательно головой.

— Ты можешь жить въ одномъ городѣ со мной, и не видѣть меня?

— Я долженъ. Между нами все кончено.

— Я тебя никогда не увижу? — продолжала она допрашивать его съ мучительнымъ ожиданіемъ.

— Такъ, какъ теперь? никогда; но видѣться мы будемъ пока я здѣсь, мы будемъ встрѣчаться въ театрѣ, на гуляньяхъ, всюду въ обществѣ....

— Ты долго еще пробудешь? — И Улимова невольно вздохнула.

— Не знаю, когда Колесниковъ кончитъ свои дѣла: недѣли двѣ, я думаю. А на что тебѣ?

— Я бы хотѣла, чтобъ ты скорѣй уѣхалъ, я бы сама хотѣла уѣхать, я уѣду! — говорила она, изнемогая отъ тоски.

Салынинъ пожалѣлъ ее и печально прижалъ ея руку къ губамъ своимъ.

— Скажи мнѣ, Жюли, чего ты хочешь?

— Я чего хочу? видѣть тебя. Я хочу любви твоей теперь, Николай; она нужна мнѣ; вѣдь я не хотѣла ея сначала, я долго боролась противъ всего, ты насильно заставилъ полюбить себя. Любовь моя къ тебѣ такова, что ни поэзія, ни философія, ни религія не могутъ осудить ее. Мы свободны оба, слѣдовательно любовь наша не разрушаетъ ничьего счастья, она не подлежитъ осужденію. Ни одного дня не отнимаю я у твоей будущности; я хочу быть подлѣ тебя и съ тобой, но не позволю себѣ никогда отнять тебя у жизни; твоя молодость, твоя широкая будущность — это твое достоянье, я не посягаю на него, не хочу, чтобы ты имъ со мной дѣлился, оно мнѣ не нужно. Я знала, что придетъ время, когда ты перестанешь любить меня, но надо было, чтобы это время пришло само-собой: тогда перемѣна въ тебѣ была бы невольная и мнѣ бы легче было, она пришла бы исподоволь. Больно думать теперь, что ты произвольно отнимаешь у меня любовь, точно какъ будто ты осудилъ меня. За что? я не знаю. Не знаю я, что заставляетъ тебя такъ дѣйствовать, но ты не могъ такъ скоро, такъ вдругъ разлюбить меня. Не заставляй же сердце твое разлюбить меня насильно, оно разлюбитъ само современемъ; искусственное настройство чувствъ не ведетъ къ добру.

Печаль этой женщины была невыразимо тро-

гательна, — но воспоминаніе Колесникова, какъ неотступная тѣнь, стояло между ею и Салынинымъ. Однако твердость его поколебалась, онъ чувствовалъ, что рѣшимость слабѣетъ, онъ всталъ.

— Обѣщаю тебѣ все сдѣлать чего ты ни потребуешь отъ меня — сказалъ онъ, съ нѣжностью цѣлуя ея руки.

— Не уходи, Николай, не уходи, прошу тебя — говорила Улимова, удерживая его: сердце ея чувствовало, что онъ начинаетъ колебаться.

— Прощай, прощай, вѣдь мы увидимся, ты будешь еще меня видѣть, мы будемъ встрѣчаться— говорилъ Салынинъ.

— А если я захочу *непремѣнно* увидѣть тебя хоть разъ такъ свободно какъ теперь, сказать нѣсколько словъ съ глазу на глазъ, ты придешь? спросила она робко и съ невыразимой мукой во взорѣ.

Салынинъ подумалъ съ минуту.

— Я сдѣлаю все, чего ты ни потребуешь—повторилъ онъ, — я обѣщалъ ужъ это тебѣ.

Говоря это, онъ ласково обнялъ ее за талью и прижалъ къ груди своей. Юлія Михайловна не ожидала этого проявленья нѣжности, этой ласки; она долго крѣпилась, но туть не выдержала, двѣ крупныя слезы брызнули и быстро скатились по сюртуку Салынина.

— Ахъ, Жюли, Жюли, ну можно ли это? береги себя—сказалъ онъ глубоко взволнованный и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Она опустилась на кушетку и просидѣла нѣсколько минутъ въ оцѣпенѣньи: сквозь окно нарисовалась на полу еще разъ тѣнь его высокой фигуры, подъ окномъ затихли его шаги. Тогда

только встала она и не оглядываясь бросилась изъ гостиной въ свою комнату: силы ее оставили, она упала на колѣни передъ иконой и плакала навзрыдъ.

— Заблужденье, безумье — говорила она вслухъ, голосомъ, который прерывали рыданья. — Но кто виновникъ этихъ заблужденій? нѣтъ, самъ онъ не изобрѣлъ бы такихъ мученій, не сдѣлалъ бы такой выходки. Такъ вотъ отрада, которую создала мнѣ любовь его? Жаждой отрады я привязалась къ нему, жаждой отрады его полюбила. А онъ.... развѣ это любовь? что все это значитъ? что было со мной? что это такое?... Слѣпецъ, онъ убиваетъ меня и не видитъ этого. Какъ игрушку взяли меня на время, разсмотрѣли и поставили на прежнее мѣсто. Теперь я не стою своего сожалѣнья, я стою своей насмѣшки. Въ мои годы заблуждаться непростительно! и что же я должна сказать себѣ? что до-сихъ-поръ я заблуждалась сама, произвольно, а что теперь меня насильно вовлекли въ это новое, въ это послѣднее заблужденье. Я повѣрила въ возможность отрады для себя, но вѣдь я не искала ея, я только повѣрила. Все кончено! онъ говоритъ, онъ приходитъ хладнокровно сказать мнѣ, что все кончено! Мной управляютъ, мнѣ даютъ чувство и берутъ его обратно такъ, безъ причины, слѣдуя игрѣ фантазіи своей, слѣдуя быть можетъ чьему нибудь совѣту....

Произнося это, Улимова вдругъ остановилась, лучъ истины блеснулъ передъ нею неожиданно; она вспомнила Колесникова. Разъ всего она на гуляньи видѣла этого человѣка, и въ эту минуту пробудившагося въ ней сознанія вдругъ представились ей эта круглая, большая голова,

яркіе черные глаза, длинный черный усъ, плечистая и полновѣсная фигура. Сомнѣнія ея разсѣялись, предположенья мало-по-малу превратились въ убѣжденіе, и горькая улыбка пробѣжала по губамъ.

Однако, если вліяніе Колесникова измѣнило все вокругъ нея, то неужели это вліяніе не опровержимо? Юлія Михайловна могла въ такомъ случаѣ ожидать всего отъ времени, отъ встрѣчъ: она не знала, что Колесниковъ умѣлъ быть бдительнымъ и послѣдовательнымъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Она рѣшилась тайно бороться съ Колесниковымъ, только прежде хотѣлось ей убѣдиться въ справедливости своего заключенія. Съ этой минуты Колесниковъ сталъ постоянно занимать ея мысль.

Улимова не ждала на слѣдующій день Салынина, она уѣхала загородъ; на другой день придумала для себя снова какую-то поѣздку, но въ этотъ разъ возвратясь узнала, что пріѣзжалъ Салынинъ. Быть можетъ чувство одолѣло его заблужденья— подумала она и пожалѣла, что не дождалась Николая Григорьича. За то три утра кряду прождала она его напрасно. Наконецъ онъ пріѣхалъ: обратилъ вниманіе на изнуренный видъ ея, просилъ беречь здоровье, но во весь визитъ старался говорить ей *вы*. Когда онъ уѣхалъ, Юліи Михайловнѣ стало еще тяжелѣе. Черезъ два дня онъ сдѣлалъ ей опять визитъ, пытался ее утѣшить, сказалъ нѣсколько словъ ласки, даже неосторожное *ты* сорвалось съ языка, какъ въ былое время. Юлія Михайловна умирала медленной смертью, ее пытали на медленномъ огнѣ.

Давилъ ее этотъ городъ, душило все окружаю-

щее, черты измѣнялись, лицо носило печать болѣзненной истомы; какая-то блѣдная улыбка была постоянно прикована къ губамъ.

Волжиковы пріѣхали. Улимова узнала это отъ Пленчанинова. Давно ужъ не показывалась она на гуляньяхъ, но странное желаніе пришло ей вдругъ отправиться въ садъ. Первое лицо, попавшееся ей на глаза, былъ Салынинъ; онъ шелъ съ незнакомымъ молодымъ человѣкомъ, слушалъ его и отъ души смѣялся; больно было Улимовой видѣть эту веселость, чувства ея оскорблялись смертельно. Она обогнала Салынина, прошла близко, старалась, чтобы онъ ее замѣтилъ, и сѣла потомъ на скамью, ожидая, что онъ подойдетъ. Салынинъ исчезъ и черезъ минуту явился снова, но въ этотъ разъ ужъ подлѣ княжны Волжиковой. Бѣлокурая Олимпія въ самомъ дѣлѣ была очень высока; невольно вспомнила Улимова слова Салынина, переданныя ей Пленчаниновымъ и Качуновымъ, и вздрогнула. Салынинъ что-то говорилъ княжнѣ: они прошли болѣе пяти разъ взадъ и впередъ передъ Улимовой, и Николай Григорьичъ не поклонился ей, какъ будто нарочно не глядѣлъ въ эту сторону. И тутъ вспомнила Улимова опять, какъ не разъ говаривалъ онъ, что если захочетъ кого увидѣть, то увидитъ непремѣнно: значитъ, онъ ужъ болѣе *не хотѣлъ* ее видѣть.

Такъ всякій день приносилъ ей новое испытаніе, всякая встрѣча прибавляла новое зерно страданій ко всему накопившемуся на сердцѣ у нея. Иногда безумный, дикій смѣхъ вдругъ находилъ на нее, когда сидѣла она одна, въ своей небольшой квартирѣ, никого не поджидая и ужъ ни на что не надѣясь.

Гриневичъ замѣтилъ ужасное состояніе ея души, но не спрашивалъ никогда о причинѣ; онъ сдѣлался только нѣсколько холоднѣе къ Салынину и не совсѣмъ довольнымъ глазомъ смотрѣлъ на него, когда у Дюмаре за ужиномъ или обѣдомъ шумно шутилъ и громко смѣялся Салынинъ.

ГЛАВА IX.

Опять давали Макбета. Не понимаю, отчего такъ часто давали эту оперу, когда публикѣ вовсе не нравилась тогдашняя ея постановка. Театръ былъ пустъ, слѣдовательно на неусловленныя встрѣчи никто не могъ расчитывать, а сцена сама по себѣ не представляла особеннаго интереса.

Юлія Михайловна вовсе не располагала быть въ театрѣ; напротивъ того, ей хотѣлось гулять, потому-что Салынинъ, попавшійся ей утромъ на улицѣ, очень придирчиво допытывался — будетъ ли она на гуляньи? Она не могла думать, что желаніе встрѣтиться съ ней заставляетъ его говорить о гуляньи, — скорѣе, онъ хочетъ избѣгнуть этой встрѣчи, но почему? Задавшись такимъ вопросомъ на цѣлый день, Улимова съ трудомъ дождалась урочныхъ шести часовъ, и пошла отыскивать себѣ товарища для прогулки. Она нашла его въ молоденькой дѣвушкѣ, очень хорошей своей знакомой; вмѣстѣ отправились онѣ къ мѣсту общественныхъ гуляній.

Видно, день былъ хорошъ, потому-что гуляющихъ было много, но между ними не было Салынина. Зачѣмъ же онъ сказалъ, что надѣется видѣть ее на гуляньи? Улимова грустно улыбнулась. Ея спутница шла весело, глядя по сторонамъ, раскланиваясь съ знакомыми, заговаривая съ Юліей Михайловной; но темнѣло и гуляющіе начали расходиться. Онѣ тоже почувствовали усталость.

— Мы домой идемъ, Юлія Михайловна? — спросила молодая дѣвушка, взглянувъ на освѣщенный театръ, мимо котораго онѣ проходили, съ явнымъ желаніемъ тамъ окончить свой вечеръ.

— Домой, душа моя, а развѣ вы хотѣли куда нибудь идти?

— Нѣтъ, но вѣдь сегодня, кажется, Макбета даютъ....

— А вамъ хочется его посмотрѣть?

— Хотѣлось бы!...

Юлія Михайловна остановилась въ нерѣшимости у театра.

— Пожалуй — сказала она — войдемте; мы ложу найдемъ навѣрно.

Онѣ вошли и рѣшительными шагами приблизились къ кассѣ.

— Есть ложа въ бенуарѣ? — спросила Улимова.

— Сколько угодно! отвѣчалъ кассиръ. — Сегодня почти никого въ театрѣ, всего нѣсколько креселъ взято.

Улимова взяла билетъ.

— Пойдемте, — сказала она своей спутницѣ.

Молодой дѣвушкѣ нравилось очень это импровизированное удовольствіе; для Улимовой же было рѣшительно все равно, гдѣ бы и какъ бы ни кончился еще одинъ день въ жизни.

Точно театръ былъ пустъ, и на легкій шумъ, который произвели онѣ, входя въ свой бенуаръ, единственный, занятый рядъ креселъ весь обернулся съ любопытствомъ. Удивленіе Юліи Михайловны было велико, когда она увидѣла Салынина, но онъ удивился еще болѣе, да вдобавокъ нахмурился очень замѣтно.

— Смотрите, смотрите, Юлія Михайловна, Салынинъ здѣсь! проговорила молоденькая дѣвушка, тихонько толкая Улимову.

— Да, вижу.

И Улимова точно видѣла его недовольный взглядъ, даже замѣтила легкое движеніе плечомъ: она вспыхнула и устремила все вниманіе свое на сцену. Ей было обидно потому, что она поняла мысль Салынина; грустно, потому-что она заслуживала лучшей участи; невыносимо, потому-что такъ недавно еще она высоко стояла въ мнѣніи Николая Григорьича и что теперь онъ безъ зазрѣнія совѣсти подвергалъ ее самымъ страннымъ подозрѣніямъ: но невыносимѣй всего было для нея видѣть, что онъ ясно не расчитывалъ на встрѣчу съ ней и ничуть не желалъ этой встрѣчи.

Изъ приличія онъ не могъ однако не прійдти въ ложу, хотя кажется намѣренъ былъ это сдѣлать; съ колкой усмѣшкой Салынинъ пробрался между рядами пустыхъ креселъ и приблизился къ бенуару съ насмѣшливымъ поклономъ.

Сильнѣе прежняго покраснѣла Улимова.

— Какъ-мало сегодня въ театрѣ — проговорила она, не зная сама что сказать.

— Дирекція вамъ должна быть очень признательна, сказалъ иронически Салынинъ, вы ей до-

ставили самую пріятную неожиданность, взяли ложу!

Онъ прочелъ нѣмой укоръ во взглядѣ Юліи Михайловны въ отвѣтъ на свои слова, и ему стало нѣсколько совѣстно.

— Да и мы сами не ожидали, что попадемъ въ театръ — произнесла молоденькая дѣвушка — это значитъ для всѣхъ неожиданность!

— Какъ же это случилось? спросилъ Салынинъ Юлію Михайловну.

— Я разскажу вамъ послѣ; надѣюсь, вы придете въ мою ложу — замѣтила она, напоминая тѣмъ Салынину, что онъ поступилъ неловко, заставляя ее переговариваться съ собой изъ ложи въ кресла.

— Непремѣнно, — отвѣчалъ Салынинъ, холодно кланяясь и отходя.

Точно онъ пришелъ, едва началось представленіе снова. Дѣвушка смотрѣла внимательно на сцену, они могли говорить свободно.

— Не ожидалъ я васъ здѣсь видѣть — сказалъ Салынинъ.

— А я даже убѣждена была, что васъ здѣсь нѣтъ — отвѣчала Улимова.

— Вы были убѣждены? спросилъ недовѣрчиво Николай Григорьичъ.

— Совершенно. Но ей хотѣлось въ театръ, а мнѣ — не все ли равно для меня теперь гдѣ бы ни быть?... — Юлія Михайловна говорила все это съ неподдѣльнымъ простодушіемъ.

Салынинъ пристально въ нее вглядывался.

— Дайте руку вашу — сказалъ онъ ей съ чувствомъ.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что я виноватъ передъ вами и вы сами понимаете, какимъ образомъ; такъ докажите, что прощаете меня.

Ей стало отрадно отъ этихъ словъ, но руки она не дала.

— Дайте же руку! — повторилъ Салынинъ.

— Не надо, смотрятъ на насъ теперь — сказала Улимова — я протягиваю вамъ руку въ умѣ, но на дѣлѣ считаю это лишнимъ, потому-что привлечемъ только общее вниманіе, котораго вы такъ боялись недавно.

Салынинъ молчалъ и глядѣлъ на нее съ грустной лаской. Она тихо покачала головой.

— Что же вамъ показалось? спросила она.

— Вы сами знаете, не спрашивайте. Довольно. вы видите, что я чувствую себя виноватымъ и совѣстно мнѣ, что хоть минутно я оскорбилъ васъ подобной мыслію.

— Мнѣ болѣе грустно, нежели оскорбительно — сказала Юлія Михайловна — грустно, что вы или меня не поняли, или ужъ до такой степени забыли меня. Вы думаете, что я способна стѣснить вашу свободу? Ни вашей и ни чьей не могу стѣснить я ни за что въ мірѣ, потому-что никто лучше меня не знаетъ цѣны свободѣ. Я признаю на себѣ только вліяніе обстоятельствъ, но вліянія человѣка я еще надъ собой никогда не испытала; друзья у меня есть по чувству, но не по вліянію ихъ на меня. Совѣты я выслушиваю, но не подчиняюсь имъ. Мнѣ смѣшно слушать, когда другіе говорятъ о свободѣ, потому-что я еще не встрѣчала человѣка, который бы понималъ, въ чемъ состоитъ истинная свобода. Не смѣютъ ни чувствовать, ни мыслить иначе, какъ съ разрѣшенія постороннихъ зрите-

лей, оглядываются не на себя, а на мнѣніе равнодушнаго и называютъ себя свободными! Я женщина и между тѣмъ суду общему подвергаю свои дѣйствія, но чувства — онѣ мои и только собственный судъ мой важенъ для меня надъ ними. У меня нѣтъ отношеній, которыя бы связывали мои чувства, и потому я смѣло могу говорить о свободѣ. И вы могли думать, что чтя такъ высоко эту единственную свободу, которой долженъ пользоваться каждый человѣкъ, я могла посягнуть на вашу свободу.... Съ этой стороны я только касаюсь мысли вашей; другая же сторона ея оскорбляетъ во мнѣ женское достоинство и такое обвиненіе ниже всякаго оправданія, — слѣдовательно говорить мы о немъ не будемъ. Вы могли перестать любить меня, но перестать уважать меня не за что!

— Кто можетъ не уважать тебя — сказалъ Салынинъ, какъ будто съ прежней любовію, наклоняясь къ ней близко; онъ говорилъ такъ тихо, что Улимова одна могла его слышать. — Жюли, ты меня выучила уважать тебя безконечно; зачѣмъ ты выучила меня этому? А ты хочешь, чтобы я остался въ твоемъ воспоминаніи человѣкомъ дюжиннымъ? Нѣтъ, я хочу, чтобы ты съ гордостію могла вспомнить, что любила меня. По-крайней-мѣрѣ ты знаешь, что я въ состояніи побѣдить себя и свое чувство.

— Такъ вотъ пружина — тщеславіе чувства, какое безуміе, какіе мыльные пузыри! — подумала Улимова со вздохомъ.

Но она ничего не отвѣчала Салынину, ей было грустно слушать его, потому-что новый человѣкъ былъ уже въ немъ, человѣкъ, созданный Колесни-

ковымъ, все это была работа Колесникова. Она поняла, что эти мыльные пузыри были изобрѣтеніемъ Колесникова, и грустно было видѣть, что такая богатая натура какъ, Салынинъ, поддалась обаянію мыльныхъ пузырей; всякій человѣкъ непремѣнно создаетъ ихъ для себя, но не такъ обидно и больно узнать тогда имъ истинную цѣну, какъ узнать всю цѣну мыльныхъ пузырей, созданныхъ намъ другими.

Не могла не сознавать она, что Салынинъ еще любилъ ее, но рѣшился ужъ не любить, рѣшилъ лишить ее своей любви, отнять у ней ея счастіе и разрушить свое. Неужели въ этомъ сознаніи не было муки? была, и гораздо худшая, нежели въ сознаніи измѣны; тамъ гордость, негодованіе, родъ презрѣнія, а здѣсь — никакое изъ достоинствъ любимаго человѣка не рушилось, всѣ тѣ же права на любовь сохранилъ онъ, заблужденіе его возбуждаетъ сожалѣніе, и только горькое чувство утраченнаго блаженства томитъ душу и оковываетъ мозгъ цѣпью совершеннаго безумія.

До-сихъ-поръ казалось, что для сердца полнаго любви нѣтъ выше страданія, какъ измѣна любимаго человѣка, но во всемъ вѣкъ шагнулъ впередъ и люди стали еще изобрѣтательнѣе на страданія! Есть новое страданіе, оно было неизвѣстно ни во времена рыцарскихъ романовъ, ни во времена историческихъ, и еще не показывалось явно въ мѣщанскомъ романѣ: источникъ его все тотъ же, по-прежнему онъ въ любви, и потому пѣвецъ страданій, историкъ нравовъ, можетъ смѣло дать ему мѣсто въ любомъ романѣ нашего вѣка. Оно быть можетъ есть слѣдствіе нашего образованія? или слѣдствіе идей, на которыхъ созидаются об-

щественные нравы? или слѣдствіе необыкновенно развитой въ наше время способности разсуждать? не знаю; только оно даетъ положеніе въ тысячу разъ худшее того, которое создавала обыкновенная *измѣна* любимаго человѣка. Положеніе мучительное, положеніе страшное, положеніе адское! Вы любите всѣми силами существа вашего, а вамъ приходятъ сказать, что пора ужъ перестать любить, отчего? отвѣта не даютъ, потому-что отвѣта нѣтъ, его не доищешься во всемъ запасѣ мудрости влюбленныхъ нашего вѣка. Васъ отдаютъ борьбѣ, обезоруживъ васъ совершенно, ведутъ на битву, отнявъ у васъ все нужное къ бою, и велятъ побѣдить. Кто сочтетъ всѣ безплодныя усилія, кто пойметъ муки ихъ? Подъ тяжестію ихъ падаетъ все сокровище вашего мужества.

Исторія образованія души человѣческой заключена во многихъ блистательныхъ страницахъ, писана великими геніями, и вездѣ, гдѣ только двигателемъ любовь, гдѣ источникомъ страданій любовь, что видимъ мы? страданія разлуки съ чувствомъ, эту вѣчную и неисчерпаемую тэму. Но досихъ-поръ въ чемъ были причины этой разлуки? въ измѣнѣ одного изъ героевъ романа, въ семейной враждѣ, въ предразсудкахъ знатнаго происхожденія, въ порывахъ ревности, въ различіи званія, — и мало ли что не раздѣляло сердца, созданныя одно для другаго. Шекспиръ разлучаетъ Ромео и Жюльету враждой отцовъ, Шиллеръ Фердинанда и Луизу коварствомъ, клеветой — вотъ примѣры, которые мы видимъ на страницахъ безсмертныхъ твореній, а въ жизни теперешняго вѣка и безъ вражды семейной, и безъ клеветы, отрываютъ сердце полное любви отъ сердца такъ же бо-

гатаго этимъ самымъ чувствомъ. Нѣсколько мыльныхъ пузырей искусно брошено коварной рукой, тщеславіе ловитъ ихъ на лету—и дѣло въ шляпѣ! Прежде дѣйствовали на многія чувства вдругъ, теперь дѣйствуютъ только на одно тщеславіе, а для тщеславія не нужно ничего, кромѣ игрушекъ. Если разберемъ чувства человѣческія, то найдемъ, что каждое чувство имѣетъ отвѣтъ болѣе или менѣе положительный, одно тщеславіе дѣйствуетъ въ человѣкѣ безотчетно, одно оно не представляетъ положительнаго отвѣта на дѣйствія, которыя заставляетъ насъ совершать. Родилось оно незамѣтно, растетъ быстрѣе всѣхъ свойствъ, и оно-то превратило вѣкъ нашъ въ вѣкъ мыльныхъ пузырей!...

Иногда и Салынина было жаль; онъ избѣгалъ встрѣчъ съ Улимовой, особенно избѣгалъ разговоровъ наединѣ и всѣхъ поясненій. Онъ старался заглушить въ себѣ чувство, вѣчно готовое проснуться, и только въ суматохѣ и шумѣ холостой жизни, въ какомъ-то одуряющемъ водоворотѣ пирушекъ, подъ гулъ отрывистыхъ и безпорядочныхъ рѣчей, въ чаду хвастовства, подъ полуправдивые разсказы романическихъ похожденій, могъ онъ проводить дни свои, не вспоминая ни разу Юліи Михайловны. Ея образъ заслонялъ другіе, странные образы, мѣсто которымъ должно бы было быть не въ такой душѣ, какова душа Салынина, ея слова, когда-то памятныя и высоко цѣнимыя, глушили рѣчи нестройныя, безъ смысла, безъ цѣли, безъ тѣни какого бы то ни-было добраго чувства. И сталъ хаосъ, совершенный хаосъ въ Салынинѣ! По предписанію Колесникова онъ

много ѣлъ и пилъ, старался много спать — но кажется, послѣднее ему плохо удавалось.

Какъ неотступная тѣнь, Колесниковъ не оставлялъ его ни на минуту. Юлія Михайловна часто встрѣчала ихъ вмѣстѣ, въ двумѣстной каретѣ возвращающимися изъ-загорода, то на улицахъ провожающими другъ друга до угла, словомъ, неразлучными; всякій разъ легкая улыбка пробѣгала только по ея губамъ. Удивительный тактъ этой женщины, или необыкновенная сила ея гордости ни разу не позволили ей сдѣлать Салынину самаго легчайшаго намека на Колесникова,— она даже имени его не произнесла никогда. Только ей хотѣлось, чтобы они уѣхали скорѣй, а Колесниковъ какъ-будто нарочно медлилъ: онъ помнилъ тоску Салынина послѣ свадьбы Оленьки Корневой, свадьбы, которую тоже рѣшился устроить самъ Салынинъ по внушенію его; онъ помнилъ, что сельская природа, уединенная жизнь, сама поэзія охоты, только растравляла тогда тоску его. Теперь чувство было сильнѣе, воспоминаній больше, — Колесниковъ находилъ, что для Салынина гораздо полезнѣе воздухъ городской, нежели деревенскій, въ подобномъ положеніи. Искусно умѣлъ Колесниковъ дѣлать всѣ встрѣчи Салынина съ Улимовой безвредными для его спокойствія, уничтожая по возможности впечатлѣніе этихъ встрѣчъ и изрѣдка, при случаѣ, бросая какое-нибудь тонкое и ѣдкое замѣчаніе на счетъ Юліи Михайловны.

Улимова страдала и наблюдала; каждое наблюденіе увеличивало каждое изъ ея страданій. Если бы она могла разлюбить! если бы забвеніе было возможно!... Иногда отчаяніе ея не имѣло гра-

ницъ и съ невыразимой сердечной мукой говорила она Салынину: Николай, сдѣлай что-нибудь такое, за что̀ бы я могла тебя разлюбить!

Когда на память приходило ей, что сорокъ восемь часовъ добровольнаго отсутствія Салынина приводили ее въ такое негодованіе, когда теперь насчитывала она нѣсколько разъ кряду по сорока восьми часовъ, и должна была скрыть нетерпѣніе свое, тоску, досаду, когда гордость заставляла ее сохранять наружный видъ спокойствія, не искать встрѣчи, не просить свиданія, а для сердца было невозможно знать, что онъ здѣсь, и не желать свиданія — какъ тягостно и нестерпимо шла жизнь ея!... Ей нужно было слышать голосъ его, довѣрчиво принимать ласку, рука съ рукой просиживать часы и слушать разсказы, переносящіе въ тотъ міръ, въ которомъ жилъ онъ и все близкое ему, знакомить его тоже съ своей прожитой жизнью, изучать другъ друга, и ближе, все ближе придвигать душу къ душѣ, и мыслію сливаться съ тѣмъ, который одинъ могъ заслонить собой всѣ образы былаго, всѣ тѣни прошлаго, — и чтожъ?

Ее безжалостно отодвинули....

Улимова пыталась войдти душой снова въ забытое давно спокойствіе; она пробо̀вала прибѣгать къ разнымъ средствамъ. Когда-то въ горестяхъ своихъ она искала развлеченій, она вѣрила еще тогда вліянію внѣшности на человѣка и силѣ всеувлекающаго времени: теперь она понимала, что внѣшность безсильна, а время — время какъ будто остановилось для нея. Это ломкое, хворое существо стало даже недоступно физическимъ страданіямъ, до того нравственная сторона жизни

поглощала всѣ ея способности и силы. Обративъ взглядъ назадъ, на всю пройденную отъ колыбели жизнь, что могла она встрѣтить? рядъ обмановъ, рядъ разбитыхъ вѣрованій, уничтоженныхъ способностей, невозвратно - истраченныхъ силъ. Послѣднее испытаніе однако, по чувствамъ ея, превзошло всѣ остальныя. Не оправясь еще отъ потрясенія, принесеннаго ей исторіей любви къ Желнину, грустной исторіей нечаяннаго разоблаченія этой вознесенной ею до возможной высоты натуры, съ душой истерзанной глубокой, горькой ироніей, она сама не искала ничего, потому-что ужъ мало вѣрила въ прекрасное. Но ей сказали, что отрада возможна! больному, безнадежному страдальцу сказали, что есть еще лекарство, унимающее страданье — и больной протянулъ руку. Въ ней стоицизмъ не дошелъ еще до высочайшей точки своей. Теперь, когда положеніе ея превзошло горечь всѣхъ прежде испытанныхъ горькихъ положеній, она искала только одного, — возвратиться на неохотно-покинутую ею дорогу къ омертвенію чувства. Но она не находила теперь ея; безсильная даже дать себѣ отдохновеніе, она и этого перестала искать, а напротивъ того стала находить наслажденіе въ томъ, чтобы оживлять въ памяти своей воспоминанія прежнихъ обмановъ, прежнихъ страданій. Прильнувъ всѣмъ существомъ, всей душой своей къ Салынину, любовь котораго казалась ей пальмой примиренія съ жизнью, послѣ всѣхъ насмѣшекъ и обмановъ жизни, Улимова не могла вдругъ отвыкнуть отъ радостей любви, къ которой ее насильно пріучили. Въ одномъ только хотѣла она увѣрить себя — что страдала ужъ ровно столько и что на вѣсахъ

ея страданій теперешнія не тяжелѣе прежнихъ. Она ошибалась: только теперь мѣра мученій ея исполнилась. Однако, чтобы поддерживать въ себѣ эту утѣшительную ошибку, чтобы посредствомъ этого убѣжденія повѣрить, что забвенье и спокойствіе еще для нея возможно, Улимова любила встрѣчать лица, стоившія ей муки, мѣста, которыя напоминали ей время обмановъ и мученій.

Часто приходила Юлія Михайловна къ Натальѣ Спиридоновнѣ; ей нравилась эта свѣтленькая гостиная съ бѣлыми занавѣсками, эта чистенькая мебель, каждый уголокъ комнаты говорилъ ей — и здѣсь ты тоже мучилась, страдала, любила!... И здѣсь вѣка томленія переживала твоя любовь, и здѣсь разбивались мечты, падали силы въ нѣмой борьбѣ.

Улимова садилась напротивъ Натальи Спиридоновны и слушала ее, но не слышала. Городскія новости, извѣстія изъ-заграницы отъ Петруши, коментаріи на каждое гаданье, на каждую почти карту — все это придвигало къ памяти картины прошлаго, но настоящаго заглушить не могло. А ей хотѣлось бы все возвратить, все горькое, все оскорбительное, лишь бы заслонить на мгновеніе происшествія, потрясшія теперь существо ея до основанія. Ей отрадно бы даже было встрѣчаться здѣсь, въ этой свѣтлой комнатѣ, въ присутствіи этой добродушной старушки въ бѣломъ накрахмаленномъ чепцѣ, съ баронессой Ш** и видѣть взглядъ торжества, и подсмотрѣть улыбку хитрой радости на тонкихъ сжатыхъ губахъ. Здѣсь она была обманута, но отреклась добровольно и гордо, тамъ же самоуправно разбили душу ея — страданія любви удесятерились страданіями гор-

дости. Такъ вотъ отрада, которую создала для нея эта послѣдняя любовь!...

Со времени свадьбы Желнина вниманіе баронессы Ш** къ Натальѣ Спиридоновнѣ значительно уменьшилось, такъ что старушку она навѣщала раза два, три въ годъ не болѣе, да и Наталья Спиридоновна приглядѣлась видно къ баронессѣ, освоилась съ нею и стала тоже хладнокровнѣе смотрѣть на блистательныя свойства баронессы. Улимова же постоянно сохраняла прежнія отношенія съ Натальей Спиридоновной. Ей случалось отъ тоски зайдти къ старушкѣ, не застать ея дома, велѣть отворить себѣ гостиную, и тамъ въ молчаніи просидѣть часы. — Здѣсь мнѣ было горько, но все же менѣе горько, нежели теперь— говаривала себѣ тогда внутренно Юлія Михайловна.

И въ самомъ-дѣлѣ привѣтливо смотрѣло солнце, пробравшись яркими лучами подъ бѣлыми занавѣсками, и бѣлый цвѣтъ мебели дѣлалъ свѣтлую комнату еще свѣтлѣе; въ углу все тотъ же рояль, только давно ужъ никто не открывалъ его, и на консоляхъ тѣ же вазочки и та же лампа, и на окнахъ тѣ же цвѣты, все то же—только на сердцѣ у Улимовой гораздо хуже, чѣмъ бывало тогда въ самыя даже худыя минуты.

Юлія Михайловна до того привыкла уходить отъ самой себя, теперешней, къ Наталіи Спиридоновнѣ, и слуги Наталіи Спиридоновны до того привыкли къ ея посѣщеніямъ, что безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ растворялись для нея двери этой квартиры во всякое время.

Разъ что-то особенно тяжело, особенно невыносимо было Улимовой. Особенно измучивали мысли,

особенно сжато было сердце сознаніемъ безотвѣтной, обширной пустыни, распространившейся вокругъ нея, безмолвіе которой никогда уже ни чѣмъ не должно быть нарушено. Она надѣла шляпу и бѣжала изъ своей квартиры. Безъ цѣли и безъ участія къ происходившему вокругъ нея ходила Улимова долго, до совершенной усталости. Въ раздумьи она остановилась, не зная куда дѣть себя,—домой ли возвратиться наконецъ, или зайдти къ Натальѣ Спиридоновнѣ. Она предпочла послѣднее.

Улимова позвонила, и не спрашивая, дома ли Наталья Спиридоновна, вошла въ гостиную. Но тутъ пораженная неожиданностію, она невольно сдѣлала шагъ назадъ, — только тотчасъ же пришла въ себя. На небольшомъ диванѣ, съ закрытыми глазами сидѣлъ Желнинъ. Юлія Михайловна совершенно забыла, что Желнины именно къ этому времени должны были возвратиться, и въ первую минуту приняла его за видѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ чрезвычайно измѣнился.

Желнинъ былъ удивительно блѣденъ и худъ. Его правильное и прелестное лицо имѣло выраженіе неподдѣльнаго страданія. Онъ видно дремалъ, но шумъ отворившейся двери разбудилъ его, а видъ Юліи Михайловны смутилъ и замѣтно обрадовалъ.

— Войдите, ради Бога войдите — проговорилъ онъ — не убѣгайте меня!

Она тихо затворила дверь за собой и подошла къ нему съ участіемъ.

— Что это съ вами? отчего вы такъ худы и блѣдны? спросила она.

— Я чуть не умеръ въ дорогѣ — отвѣчалъ

Желнинъ. Вѣдь мы были за границей, срокъ пребыванія кончился, мы возвращались въ Россію, и вотъ на пути я заболѣлъ. Однако, мнѣ хотѣлось доѣхать до Ольховки, я думалъ, что лучше будетъ. — Онъ говорилъ слабымъ и тихимъ голосомъ.

— Такъ вы были ужъ въ Ольховкѣ?

— Да, но недолго. Я вынужденъ переѣхать въ городъ и стараться спасти себя!

— Здѣсь все прежніе, знакомые вамъ доктора— сказала Улимова; — они очень хороши, конечно они не отчаяваются въ вашемъ выздоровленіи?

— Не знаю, вѣдь больному докторъ этого не скажетъ — сказалъ Желнинъ уныло.

— Какъ вы малодушны! Вамъ жить хочется!...

— А вамъ неужели нѣтъ?

— Мнѣ?... — И Улимова задумалась. — Мнѣ умирать не хочется—проговорила она черезъ минуту — меня слишкомъ скоро забудутъ, когда я умру.

— Не такъ легко все забывается, какъ вы думаете — произнесъ Желнинъ, вздохнувъ невольно.

Оба замолчали и поникли головой. Юлія Михайловна подумала въ эту минуту, что Салынинъ, который столько разъ говорилъ ей, что не понимаетъ, что̀ дѣлаютъ люди съ своими воспоминаніями, видно не сохранилъ изъ всего прошлаго взаимнаго ихъ счастія ни одного воспоминанія. Желнинъ смотрѣлъ на ея печально-наклоненную голову и думалъ о прошломъ, и самъ все становился печальнѣй и печальнѣй. Самолюбіе не позволяло ему думать, чтобы въ сердцѣ этой женщины, которая такъ много его любила, кто либо могъ заступить его мѣсто. Живо представилось ему, какъ

въ этой самой квартирѣ онъ, больной, бывалъ окружаемъ ея нѣжнымъ вниманіемъ, какъ заботливо служила она ему, какъ изобрѣтала постоянно развлеченія для него, какъ старалась и какъ умѣла поддержать въ немъ бодрость духа и пріятное расположеніе ума. Лучше тогда было, счастливѣй я какъ будто былъ — подумалъ онъ.

Улимова, замѣтивъ его молчаніе, постаралась прекратить странное положеніе, въ которое оно ее ставило.

— Гдѣ ваша тетушка? спросила она.

— Уѣхала за покупками.

— А жена?

— Къ матери ушла. Мы вчера только пріѣхали, дали знать, и баронесса пріѣзжала навѣстить меня, а сегодня сама что-то нездорова.

Желнинъ все съ тѣмъ же глубоко-грустнымъ выраженіемъ глядѣлъ на Юлію Михайловну.

— Что же вамъ особенно понравилось изъ чужихъ краевъ? — продолжала спрашивать Улимова.

— Парижъ; мы тамъ долго пробыли.... Италія тоже хороша.... — Вѣна мнѣ очень нравится.... да впрочемъ много хорошаго мы видѣли. Помните ли, Юлія Михайловна, я часто мечталъ о поѣздкѣ за-границу въ былое время? мечта моя сбылась, и я доволенъ. Помните, мнѣ особенно хотѣлось въ Парижъ? только нѣтъ, вы ничего не помните....— говорилъ задумчиво Желнинъ.

— Напротивъ того, я на несчастье свое, одарена удивительной памятью, — отвѣчала Улимова.

— Память, память — продолжалъ съ нѣкоторымъ увлеченіемъ Желнинъ — это блаженство и отрава! я часто думаю, что если бы я могъ васъ

не помнить, то я былъ бы счастливѣй — прибавилъ онъ съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ.

Улимова была чрезвычайно удивлена.

— Это вамъ только кажется — произнесла она холодно.

— Нѣтъ, къ сожалѣнью нѣтъ! Посмотрите на меня, что я теперь такое? семейный человѣкъ, я теперь вдесятеро болѣе одинокъ, чѣмъ когда былъ холостъ. Я всегда одинокъ теперь. Прежнія отношенія, прежніе друзья, прежній міръ мой — все разрушено, а новаго ничего нѣтъ. Въ началѣ я не чувствовалъ такой страшной пустоты, я еще не понималъ себя....

Желнинъ говорилъ съ такимъ огорченіемъ, что Улимовой стало жаль его искренно; онъ разсказывалъ ей то̀, что она знала давно по предчувствію; но его разсказъ давалъ составленнымъ ею заключеньямъ грустную дѣйствительность.

— Зачѣмъ же вы говорите мнѣ это? спросила она тихо.

— Затѣмъ, чтобы вы знали, что я наказанъ за васъ — отвѣчалъ Желнинъ. — О, вы любили меня, не отрекайтесь! кто умѣетъ любить такъ, какъ вы? А кромѣ того, гдѣ другая женщина, подобная вамъ?... Существа бездушныя, натуры недостаточныя, души невыработанныя, умы образованные извнѣ, но недоступные ни для чего истинно глубокаго. Вотъ вы умѣете создавать отраду, внушать мужество, вы научите каждаго цѣнить и сознавать въ себѣ человѣка, вы умѣете положить на все яркую краску, а другія только стираютъ ихъ и заставляютъ насъ тяготиться всѣмъ. Я счастливъ, безконечно счастливъ, что вы нечаянно зашли сюда, что случай даетъ мнѣ возмож-

ность говорить съ вами наединѣ. Вѣдь вы бы не пришли, если бы больной попросилъ васъ, какъ прежде, да ужъ больной и не смѣлъ бы просить прійдти васъ теперь! Я радъ, что могу передъ вами высказаться, что вы меня видите достойно наказаннымъ.

Улимова слушала его съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Я выздоровѣю — продолжалъ съ несвойственной ему горячностью Желнинъ — положимъ, выздоровѣю; вамъ будутъ говорить, что я счастливъ, а я хочу, чтобы вы знали правду. Я въ вашихъ глазахъ конечно заслуживаю одно холодное презрѣнье, потому-что я могъ хладнокровно, равнодушно положить вѣчную преграду между вами и собой, и когда же? когда вы меня любили! А теперь я васъ люблю: я цѣлый годъ не видѣлъ васъ; я велъ жизнь шумную, мѣнялъ мѣста, занималъ глаза свои новостью, развлекалъ мысль, но и тамъ представлялись вы мнѣ. Воспоминанье ваше говорило, что все это доставляло бы мнѣ гораздо большее и высшее наслажденіе, если бы подлѣ меня были вы, душа поэтическая, способная научить всякаго чувствовать иначе все прекрасное и находить его всюду, какъ бы скрыто оно ни было. Кто лучше васъ умѣетъ подмѣтить нравы, кто искуснѣе воспользуется забавнымъ происшествіемъ! Такъ въ шумѣ и безпрестанномъ передвиженіи также точно вставалъ передо мной вашъ образъ, какъ въ тишинѣ непосѣщаемой ни кѣмъ Ольховки. И надо было мнѣ еще заболѣть! Тогда-то почувствовалъ я, какая чудная роль для любящей женщины смотрѣть за больнымъ, тогда я понялъ, что не медицинскимъ пособіямъ слѣдовало

мнѣ каждый разъ приписывать свое выздоровленіе, а вашему присутствію. Когда теперь вы вошли и вдругъ, увидѣвъ меня, сдѣлали шагъ назадъ, — я вздрогнулъ! мнѣ страшно стало, мнѣ невыносимо стало отъ мысли, что вы видѣть меня не хотите. Посмотрите, вы и я, мы здѣсь снова; я больной какъ прежде и болѣе достойный сожалѣнья нежели прежде, — вы все та же сильная и чувствующая женщина, которой надо удивляться, которой цѣну узнаешь все больше и больше, черезъ сравненіе васъ съ другими женщинами. Какъ должны вы презирать меня теперь!...

При послѣднихъ словахъ онъ схватилъ ея руку и съ жаромъ поцѣловалъ.

Юлія Михайловна, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, чувствовала, какъ желѣзная рука дѣйствительности сжимала постепенно все болѣе и болѣе ея сердце. Видно все, все, рѣшительно всѣ волненья, всѣ ощущенья должна была испытать она! человѣкъ, который стоилъ ей столькихъ силъ, отвергнувъ и не признавъ ея чувства, призывалъ теперь его тоскливо, а она холодна и безотвѣтна уже была на призывъ голоса, нѣкогда дорогаго, но который какъ чужой звучалъ теперь для ея слуха, и только полная мукъ оскорбленной, не отжившей любви, полная воспоминаній о безжалостно разрушенномъ самовластительной рукой счастіи, думала Улимова въ это самое мгновенье о Салынинѣ, и имъ однимъ жила, хотя жизнь эта была страшно болѣзненна. Однако взоръ ея, упавъ на Желнина, выразилъ глубокое участіе, видя въ немъ истинное чувство и истинную печаль; она ласково взяла его за руку.

— Презирать васъ я не могу — сказала она —

я слишкомъ васъ любила. Я могу слушать васъ безъ волненья, но даже безъ участія слушать васъ не могу, когда вы говорите со мной такимъ искреннимъ языкомъ печали. Желнинъ, старайтесь быть теперь счастливымъ! я пыталась остановить васъ во время, вы тогда меня не послушали, потому-что сочли совѣтъ мой пристрастнымъ; сознаніе, что я люблю васъ, вмѣсто того, чтобы придать ему цѣну въ глазахъ вашихъ, отняло ее. Тогда вы не хотѣли отличить любовь мою отъ обыкновенной любви всякой другой женщины, тогда, если бы вы поняли меня, вы бы сохранили вашу независимость, но вы ее отдали *добровольно*; помните же это, и старайтесь замѣнить какимъ нибудь другимъ благомъ. Не отдавайтесь печали, мнѣ и теперь больно видѣть ее въ васъ! Вы, можетъ быть, ошибочно предполагаете зло тамъ, гдѣ его нѣтъ; меня бы вы никогда не поняли и не оцѣнили, пока я васъ любила. Что дѣлать — прибавила она, грустно улыбнувшись — видно, назначеніе мое быть любимой всегда не во время. Да, я лукавить не буду — я васъ любила, и дорого досталась мнѣ побѣда надъ этимъ чувствомъ, но побѣждать себя въ-половину я не умѣю, — *побѣда была полная.* Возвратъ моихъ чувствъ къ вамъ невозможенъ, да вѣдь оно и къ лучшему: вы благородны душой, у васъ были нѣкоторыя правила — на рукахъ вашихъ теперь счастіе другаго, совершенно безвиннаго существа; грѣшно бы было жертвовать имъ вашему увлеченью!

— Вы говорите о женѣ моей, развѣ вы ее не знаете? Лина осталась тѣмъ же, чѣмъ была. Она добра и послушна, она привыкла ко мнѣ, но о чув-

ствѣ не имѣетъ, и никогда не будетъ имѣть никакого понятія.

— Сила привычки иногда замѣняетъ силу чувствъ, и почти всегда равняется ей — замѣтила Улимова.

— Сила привычки? — возразилъ Желнинъ — привычка, это блѣдный отвѣтъ на чувство.

— Желнинъ, будьте справедливы! развѣ вами руководило чувство въ пору вашей женитьбы?

Онъ нагнулъ голову и молчалъ нѣсколько минутъ.

— Не будемъ анализировать моихъ поступковъ — проговорилъ онъ наконецъ тихо — я чувствую только, что настоящая минута принадлежитъ мнѣ, что свободно могу смотрѣть на васъ, слушать васъ, и мнѣ хочется забыться. Пожалѣйте больнаго, обманите меня, — говорите со мной какъ прежде!

Улимова отрицательно покачала головой.

— Нельзя, сказала она — во мнѣ ужъ ничего прежняго не осталось.

Желнинъ всталъ и выпрямился во весь свой ростъ: блѣдный, худой, изнуренный, но прекраснѣе чѣмъ когда-либо выраженіемъ своей глубокой грусти, стоялъ онъ передъ ней. Она смотрѣла на него съ вниманіемъ и участіемъ.

— Все равно! сказалъ онъ вдругъ, протягивая ей руку — все равно, я хочу думать, что для меня все еще такъ какъ прежде было; дайте мнѣ руку вашу, скажите мнѣ слово, которое бы ободрило меня и утѣшило. Откройте рояль, сыграйте что-нибудь, играйте что хотите — не отказывайте мнѣ, Юлія Михайловна!

Она была такъ поражена его худобой и блѣд-

ностью, что не противясь ни мало, ласково взяла его за руку и подошла съ нимъ къ роялю.

— Вамъ надо серьезно лечиться—проговорила она, открывая инструментъ.

— Я выздоровѣю, когда снова послушаю васъ— отвѣчалъ Желнинъ съ чувствомъ.—И онъ отошелъ къ окну, заложилъ руки за спину и, глядя безъ всякой цѣли на улицу, приготовился ее слушать. Улимова задумалась, стараясь вспомнить какой-нибудь мотивъ, не зная сама, съ чего начать. Желнинъ ждалъ, но она не начинала: въ нетерпѣніи онъ повернулъ блѣдное лицо свое къ Юліи Михайловнѣ и вопросительно взглянулъ на нее. Руки Улимовой коснулись холодныхъ клавишей и раздалось изъ Эрнани «Qui mi trassé amor possente»....

Желнинъ опустился въ кресла и закрылъ лицо руками. Она играла, грустно улыбаясь, она вспомнила прошлое страданье, но сравнительно съ настоящимъ оно было ничтожно, оно было блѣдно. Однако,—думала она, подъ звуки позабытыхъ мотивовъ обнимая душой всю себя и всю жизнь свою—однако, каждый изъ людей, сблизившихся со мной сколько нибудь, можетъ похвастать, что далъ мнѣ однѣ, только однѣ терзанья!

Не отнимая рукъ отъ клавишей, Юлія Михайловна начала пѣсню гондольера, Мендельсона Бартольди, потомъ перешла къ кабалеттѣ изъ Ломбардцевъ «La mia letizia infondere». Звуки знакомые, звуки любимые обманывали душу Желнина призракомъ прошлыхъ дней, и когда Улимова, встрѣтивъ его печальный взглядъ, печально ему улыбнулась и взяла первыя ноты Венеціянскаго Карнавала, Шульгофа, Петръ Дмитріевичъ съ

увлеченіемъ сложилъ руки на груди и произнесъ громко: Вы ангелъ, а не женщина!...

Да, все было какъ прежде! Желнинъ слушалъ ее съ наслажденьемъ; напротивъ ея, на спинкѣ кресла лежала съ утомленьемъ откинутая блѣдная и прекрасная голова его, томное, болѣзненное лицо выражало тихую задумчивость, и одни они были, и такъ же привѣтно свѣтило солнце сквозь бѣлыя занавѣски, такъ же ярко игралъ лучъ его на полу и на свѣтлой мебели, все было такъ же, все было тоже — только въ сердцѣ Улимовой ничего прежняго не было! Казалось ей, что она въ какомъ-то смутномъ снѣ, что-то происходило здѣсь когда-то.... Когда? она даже припомнить себѣ не старалась. Она играла и глядѣла на Желнина, но не о немъ она думала. Она думала, глядя на Петра Дмитріевича: Вотъ этотъ человѣкъ любитъ меня теперь! отчего же прежде такъ трудно было ему полюбить меня? Гдѣ въ эту минуту Николай? если бы онъ могъ видѣть все это, если бы онъ видѣлъ меня здѣсь!... Онъ одинъ слышалъ отъ меня искреннее признанье, искреннюю исповѣдь всей прошлой жизни моей, жизни не только наружной, но и нравственной. Я хотѣла, чтобы Николай зналъ все обо мнѣ, зналъ какова я, узнавъ какой была всегда и въ прежнихъ чувствахъ моихъ. Быть можетъ, это познаніе меня сгубило? Но нѣтъ, мнѣ краснѣть за чувство свое никогда не приходилось. Салынинъ никогда не чувствовалъ симпатіи къ Желнину и даже послѣ ревновалъ меня слегка къ его воспомананью, а вотъ теперь Желнинъ передо мной, и если когда нибудь любилъ онъ меня, то въ настоящую пору. Но я холодна, я мертва ко всему; мысли мои всѣ поглощены

однимъ только предметомъ и ни о чемъ болѣе думать я не въ силахъ. Желнинъ говоритъ мнѣ, что я ангелъ, — Николай тоже часто говорилъ мнѣ, что я добра какъ ангелъ — но пожалѣлъ ли кто-нибудь изъ нихъ меня? Никто еще никогда не пощадилъ ни одного изъ моихъ чувствъ, никто не подумалъ, что и мнѣ нуженъ отдыхъ, никто не спросилъ, нужна ли мнѣ отрада — и вотъ, жизнь прошла, и взгляда не на что бросить, ни одного воспоминанья, которое бы не было затемнено мученьями и терзаньями всякаго рода. Я сильная женщина, я все должна перенесть — вотъ мысль ихъ!... Но сильная женщина и чувствуетъ сильно, и сила чувствъ ея въ безконечной битвѣ съ силой воли. Что влекло ко мнѣ? любопытство; чего добивались они, на что имъ была любовь моя?... Когда къ нимъ обращалась я, ничто въ душѣ ихъ не откликнулось на голосъ мой, а я не могу, не въ силахъ отчуждаться ихъ. Здѣсь нѣтъ любви, такъ участіе есть; а тамъ, тамъ вся жизнь моя, всѣ силы души, весь огонь воображенья! Внѣ моего чувства я жить не могу, Николай!... Если бы ты могъ меня видѣть въ эту минуту, ты бы понялъ меня....

Кончалась мысль ея и кончались, угасали послѣдніе звуки Венеціянскаго Карнавала. Легкій румянецъ покрывалъ блѣдныя щеки Желнина, румянецъ одушевленья; онъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ себя въ прошломъ своемъ, но только болѣе прежняго цѣнилъ свое прошлое.

— Смотрите, я ожилъ — сказалъ онъ Улимовой, когда она встала изъ-за рояля и подошла къ нему.

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она тихо и незамѣтно отодвинулась и сѣла на диванѣ.

— Недостаетъ шаркающихъ шаговъ тётушки Натальи Спиридоновны за стѣной, сказалъ Желнинъ улыбнувшись — и тогда я бы могъ еще болѣе обмануть свое воображенье. Конечно, я знаю, что многое измѣнилось, что въ сердцѣ вашемъ нѣтъ ужъ ничего прежняго, но вы не презираете меня — и это много! Для васъ я не Желнинъ, я просто больной, и въ васъ не любовь, а только легкое состраданіе, все это знаю я, — и однако давно не чувствовалъ я себя счастливымъ даже и въ такой мѣрѣ, какъ въ эту минуту. Скука и чувство утраченной свободы убиваютъ меня. — Вы говорили, что у меня произойдетъ разрывъ со всѣмъ тѣмъ, что составляло до тѣхъ поръ мой міръ; я вамъ не вѣрилъ, а если и вѣрилъ, то думалъ, что гораздо легче будетъ для меня создать на его развалинахъ новый, что можно замѣнить одно другимъ: я не понималъ, что многое незамѣнимо. Теперь во мнѣ пустота, вокругъ меня пустота и ничто не можетъ ее наполнить.

— Ваше свѣтское положеніе .... — начала Улимова.

— Что значитъ теперь для меня свѣтское положеніе, это мишура! — отвѣчалъ Желнинъ.

— Ваше свѣтское положеніе улучшилось — продолжала Улимова, какъ будто не замѣчая вовсе, что онъ прервалъ ее — у васъ есть связи, живете вы бариномъ, имѣніе какъ игрушка, и наконецъ, развѣ вы не осуществили ужъ нѣкоторыхъ вашихъ давнишнихъ мечтаній? вы были за-границей.

— Да, я былъ за границей, *былъ* — это значитъ, что теперь мнѣ и ѣхать не куда, что я засяду надолго дома, а дома что̀ у меня?

— На будущую зиму вы поѣдете въ Петербургъ.... Вы кажется этого тоже желали.

— Поѣдемъ непремѣнно, но до зимы далеко. Тогда мнѣ пригодятся связи и нѣкоторое положеніе, которымъ я теперь пользуюсь.

— А до той поры у васъ Ольховка. Наконецъ, неужели вы сами ужъ ничего для себя не составляете, неужели вы въ самомъ себѣ не можете найдти средствъ отъ тоски, развлеченія отъ скуки, которая вами овладѣла?

— Натура моя видно слишкомъ бѣдна — отвѣчалъ уныло Желнинъ.

Опять они замолчали.

Въ это время послышались шаги въ сосѣдней комнатѣ, только не шаги Натальи Спиридоновны, дверь отворилась и вошла Лина. Желнинъ вздрогнулъ, онъ бросилъ на Улимову одинъ всего взглядъ, взглядъ сердечной, глубокой муки; Юлія Михайловна спокойно встала и подошла ласково къ Линѣ, но серьезное лицо молодой женщины было серьезнѣй чѣмъ когда-либо въ эту минуту, и она сдѣлала надъ собой замѣтное усиліе, чтобы подать руку Улимовой.

— Наталья Спиридоновна возвратилась? — спросила Юлія Михайловна, невольно смущенная такимъ пріемомъ.

— Мы были не вмѣстѣ — отвѣчала Лина холодно и подошла къ мужу. — Мама тебѣ кланяется — сказала она ему.

Уйдти тотчасъ послѣ подобнаго пріема было неловко, и потому Улимова возвратилась на прежнее мѣсто.

— Я думаю, баронесса не наговорится съ вами

послѣ такой долгой разлуки — сказала Юлія Михайловна со всевозможной любезностію.

— Мы не просрочили; мама́ знала, что мы пробудемъ годъ — отвѣчала Лина.

Потомъ глаза ея, серьёзные и испытующіе, устремились на мужа, и видно было, что этотъ взглядъ былъ для него невыносимъ. Улимова также начинала догадываться, что невниманіе Лины не случайное и не безъ намѣренія, тогда кровь ей бросилась въ голову, она съ упрекомъ взглянула на Желнина, какъ будто хотѣла сказать ему — «вотъ слѣдствія показанныхъ вами писемъ моихъ, вы приносили меня великолѣпно въ жертву и теперь вы сами жертва вашего необдуманнаго, тщеславнаго, вашего неблагороднаго поступка».

Надо сказать тутъ, что Желнинъ самъ разсказалъ при случаѣ Юліи Михайловнѣ, какъ ничего онъ не скрываетъ отъ жены, и какъ не скрылъ отъ нея *даже любви* Юліи Михайловны къ нему, и далъ этому поступку видъ исполненнаго долга, нарядилъ его въ пышныя фразы. Тогда ей больно было выслушать подобное признаніе; въ послѣдствіи времени она причла его къ числу мыльныхъ пузырей, которыми тѣшится людское тщеславіе, и простила Желнину. Но въ эту минуту невольно вспомнила она поступокъ этотъ, видя ясно его дѣйствіе, и Желнинъ тоже вспомнилъ, — онъ понялъ ее безъ словъ и схватился за голову.

— Тебѣ дурно! воскликнула Лина.— Мама́ говорила, что надо доктора перемѣнить, и мы его перемѣнимъ, не правда ли?

— Оставь меня — произнесъ нетерпѣливо Желнинъ; онъ не могъ уже болѣе владѣть собой, горькая досада его рвалась наружу.

Молча отошла Лина, и сѣвъ всторонѣ, дулась и злобно поглядывала на Улимову. Стукъ подъѣхавшаго къ крыльцу экипажа вывелъ всѣхъ изъ затруднительнаго положенія. Юлія Михайловна поднялась со стула.

— Вѣрно Наталья Спиридоновна пріѣхала — сказала она, выходя изъ комнаты.

Точно старушка пробиралась прямо въ свою комнату съ цѣлымъ грузомъ разныхъ покупокъ, и Улимова пошла за ней. Лина осталась одна съ мужемъ.

Что, какъ, и о чемъ говорили они, оставшись наединѣ — неизвѣстно. Только, когда спустя полчаса Юлія Михайловна пришла въ гостиную взять шляпу свою и проститься съ Желнинымъ, глаза Лины были красны, а Петръ Дмитріевичъ сидѣлъ, склонивъ голову на руку, еще болѣе блѣдный, еще болѣе утомленный. При видѣ Улимовой Лина вскочила съ своего мѣста и убѣжала изъ комнаты, Желнинъ пожалъ плечами и горько улыбнулся.

— Прощайте, — сказала Юлія Михайловна, пожимая ему руку.

— Прощайте, — отвѣчалъ онъ — вы уходите, унося съ собой впечатлѣніе *моего семейнаго счастія.*

— Бываетъ хуже! — замѣтила она вздохнувъ.— Впрочемъ, какъ бы то нибыло, я бы хотѣла васъ видѣть болѣе довольнымъ вашей судьбой.

— Невозможно. Тяжело жить и имѣть постоянно дѣло съ безтолковыми — сказалъ Желнинъ въ порывѣ негодованья на жену.

— Будьте нѣсколько снисходительнѣй—произнесла тихо Улимова — не дѣлайте сценъ женѣ вашей, особенно изъ-за меня, если вы сколько нибудь меня уважаете.

— Когда она мучитъ меня теперь изъ-за васъ!

— Вѣдь она знаетъ, что вы меня никогда не любили, она должна быть спокойна — замѣтила Улимова.

— Вы хотите отъ нея правильнаго разсужденья?

— Желнинъ, фи, что вы говорите, вѣдь это жена ваша.

— Да, вѣдь я знаю, съ кѣмъ я говорю.

— Это не оправданіе. Линѣ вы не должны удивляться, не должны досадовать на нее; за нѣсколько минутъ передъ этимъ вы отказывали ей въ силѣ чувства, теперь по крайней мѣрѣ вы видите въ ней силу привычки. Она боится, она думаетъ, что я способна пытаться оспаривать права ея на семейное счастіе, она смотритъ на меня со страхомъ и непріязненно, но виновата ли она? Лина бы не отгадала меня никогда, если бы вы меня ей не указали.

— Я самъ надѣлъ на себя цѣпи, страшныя цѣпи на всю жизнь, проговорилъ Желнинъ съ глухимъ стономъ. Сегодня я на минуту заснулъ, видѣлъ волшебный сонъ—но дѣйствительность меня разбудила безжалостно.

— Будьте мужеетвеннѣе и справедливѣе. — Улимова еще остановилась на порогѣ и придумывала, что сказать утѣшительнаго Желнину. — Петръ Дмитріевичъ, — произнесла она, — если бы я могла развернуть передъ вами всѣ страницы моей жизни, вы бы удивились, что я ищу для васъ еще словъ утѣшенія и нахожу силы говорить съ вами языкомъ упованія. Еще была одна борьба, еще одна битва — на нее ушли ужъ всѣ мои силы, а я, видите ли, не ищу участія, и совсѣмъ не потому, чтобы считала его за ничто, а потому, что

на мою долю до-сихъ-поръ не выпадало оно. Мнѣ всѣ говорятъ, что я сильная женщина, и я стараюсь этому вѣрить!

Удивленный взоръ Желнина проводилъ ее, только ни слова болѣе не могъ онъ выговорить.

Улимова возвратилась домой разстроенная какъ никогда еще. Въ изнеможеніи она упала на кушетку и лежала до-тѣхъ-поръ, пока не доложили, что обѣдъ поданъ. Тогда одинокой сѣла она за накрытый столъ. Глаза ея вдругъ остановились на письмѣ, которое на подносѣ лежало возлѣ ея прибора.

— Это что? спросила она.

— Съ почты — былъ отвѣтъ.

Улимова распечатала и на верху прочла «Село Александровка»; взглянула на подпись — письмо было отъ управляющаго старика Улимова и заключалось въ слѣдующихъ строкахъ.

Милостивая государыня,
Юлія Михайловна.

Симъ честь Имѣю васъ Увѣдомить что очень стали нездоровы и Совершенно Слабосильны Юрій Петровичъ и пожелалъ очень васъ видѣть. Даже сами хотѣли писать, но не Смогли и мнѣ Приказать изволили увѣдомить васъ Чтобы вы пріѣхали и очень Попросить. Авдотья Юрьевна были-съ тоже здѣзь, сестрица покойнаго барина, но Уѣхали къ себѣ, потому-что Юрію Петровичу стало Получше, а теперь Опять Похуже-съ Имъ стало, оттого Спѣшу писать къ Вамъ а вы Извольте поспѣшить Пріѣхать если Это вамъ Угодно, На случай тотъ чтобы какого Грѣха Тутъ безъ васъ Не было. Юрій Петровичъ думаютъ что я Давно къ вамъ

Уже написалъ, такъ имъ Показывается Время длинно, а вчера Только въ Первый разъ приказали и теперь все васъ въ Окошко велятъ. Выглядывать Филькѣ, который безотлучно при баринѣ Находится и Можно сказать очень Имъ Усердствуетъ, даже ночи Не спитъ когда Юрію Петровичу бывало Очень Худо. Такъ уже Конечно вы Исполните желаніе Барина Что по препорученію Ихъ вамъ Препровождаю при Семъ. Они все Боятся будто бы вы сердитесь и говорятъ что спокойствія имъ оттого Никакого нѣтъ и Прибытія вашего очень Желаютъ. А докторъ очень малую Надежду можно Сказать Подаетъ, да Авдотья Юрьевна можно сказать очень далеко, врядъ ли Скоро Будутъ, у Нихъ всѣ дѣточки Переболѣли. Удостойте отвѣтомъ, если прибыть не Располагаете. А Только лучше совершить вамъ Прибытіе свое. О чемъ честь имѣю Извѣстить васъ со Всенижайшимъ поклономъ, и Всенижайшимъ почтеніемъ. и Всенижайшимъ моимъ сердечнымъ чуствіемъ.

Вашъ всепокорнѣйшій, нижайшій слуга
Федоръ Пересѣдиноговъ.
Управитель Александровки.

Письмо выпало изъ рукъ Юліи Михайловны; мысленному взору ея представился старикъ, котораго она уважала и любила, который постоянно былъ для нея воспоминаніемъ прошлыхъ дней. Временное неудовольствіе, происшедшее между ними въ послѣднее время, и заставившее Улимову отказаться давно отъ свиданія съ этимъ благороднымъ, прекраснымъ старикомъ, и лишить его противъ воли своей тѣхъ попеченій и той нѣжно-

сти, которыя онъ привыкъ видѣть постоянно отъ Юліи Михайловны, предпочитая присутствіе ея присутствію родной своей дочери, теперь больнѣе еще показалось душѣ ея. Спѣшить примиреніемъ, спѣшить загладить невольную вину, спѣшить увидѣть умирающаго старика — вотъ былъ голосъ ея сердца, и она, не колеблясь, рѣшилась ему слѣдовать.

Улимова встала изъ-за-стола немедленно, аппетитъ у ней пропалъ совершенно. Она тотчасъ отдала приказъ готовить все въ дорогу и собраться въ путь если можно на другой же день. Люди засуетились, началось шумное движеніе, выкатили коляску, и у крыльца привинчивали сундуки, увязывали чемоданъ.

Юлія Михайловна чувствовала, что въ этотъ разъ она уѣзжаетъ на очень долгое время; она въ умѣ своемъ положила не оставлять старика Улимова до послѣдней минуты, или, если возможно, попеченьями своими возвратить ему здоровье и силы, еще на нѣкоторое время. Она обрадовалась, отыскавъ въ жизни своей какой-нибудь долгъ, а для себя отдыхъ въ сознаніи какой-нибудь еще своей полезности въ мірѣ. Она подумала мгновенно, что забвеніе возможно, что будутъ силы даже для внутренней безропотности. Между собой и всѣмъ, что заключало въ себѣ еще всю жизнь ея души, всю силу ея мысли, захотѣлось ей положить видимую преграду.

— Если я возвращусь когда-нибудь сюда, я покрайней-мѣрѣ перемѣню квартиру; въ этихъ стѣнахъ пронеслось все мое счастіе и слишкомъ много было у меня печали. Если мнѣ удастся усыпить себя тамъ, я должна бѣгать всякаго живаго на-

поминанья — говорила себѣ Улимова, ходя изъ комнаты въ комнату и осматривая грустнымъ взоромъ каждый уголъ.

Однако есть какое-то горькое, но нелишенное пріятности чувство, въ сознаніи, что безжалостно надъ собой доканчиваешь дѣло, начатое обстоятельствами, или невнимательной рукой непонявшаго васъ человѣка! Улимова доканчивала начатое дѣло разрушенія всѣхъ призраковъ своей жизни, она прогоняла набѣгающія тѣни прожитыхъ дней, она старалась заглушить милые голоса; дѣятельность души ея преждевременно, насильно должна была прекратиться, эта женщина не по одному наружному только виду сбиралась похоронить себя за-живо. Она подошла къ столику съ портретами, между ними двухъ не было, именно тѣхъ двухъ лицъ, которыя между собой раздѣлили великолѣпныя одежды ея созрѣлой, выработанной, сильной, образованной души. Милыя лица улыбались ей — но они были блѣдны, болѣе яркіе образы затмѣвали ихъ живостью воспоминаній — красокъ, — особенно одинъ.... О, этотъ одинъ образъ стоялъ передъ ней неотступно, всюду видѣла она его, но ярче всего написанъ онъ былъ въ глубинѣ души ея, и не знаю, изображенія ли людей она такъ живо помнила, или то были образы чувства ея, такого яркаго, такого сильнаго, что забвенія для него не было! Напротивъ того, чѣмъ болѣе старалась она отодвинуться отъ любви своей, чѣмъ дальше былъ предметъ, тѣмъ длиннѣе ложилась тѣнь отъ него, раскидывая широкій, темный кругъ далеко передъ собой.

— Аннушка, уложите всѣ эти портреты — ска-

зала Улимова вошедшей въ гостиную горничной — только хорошенько уложите ихъ, надолго; имъ долго, очень долго придется лежать теперь.

Дѣвушка посмотрѣла на свою госпожу съ удивленіемъ.

— А какже съ квартирой будетъ? — робко спросила она.

— Квартиру я сдать велю, у хозяйки найму только тѣ двѣ комнаты, что во флигелѣ, и тамъ велю мебель и вещи поставить, сложивъ все въ кучу. Мы уѣзжаемъ надолго. Юрій Петровичъ крѣпко боленъ.

— Да, я слыхала-съ — отвѣчала Аннушка. Что жъ дѣлать, старики они уже совсѣмъ!

— Мнѣ жаль его. Не говори мнѣ этого, Аннушка.... впрочемъ, я ко всему всегда должна себя готовить, ко всему ужасному, ко всему дурному.

Она въ утомленьи опустилась на свою любимую кушетку.

— Слышь-ты, говорила Аннушка другимъ людямъ; барыня васъ всѣхъ поотпускаетъ, и квартиры держать уже не будемъ; на годъ, а можетъ быть и больше, уѣзжаемъ въ Александровку, пока-то старикъ ноги не протянетъ. А мнѣ! мнѣ и въ Александровкѣ будетъ хорошо, — уже и городскіе мнѣ совсѣмъ то надоѣли, да и городская жизнь, Богъ съ ней совсѣмъ!

— Хорошо — отвѣчала кухарка — и намъ эка бѣда, что барыня отпуститъ! вернется, такъ мы опять ей служить станемъ, всѣ мѣста побросаемъ, да и опять къ вамъ же пойдемъ.

— Нѣтъ, Ѳекла Ивановна, прощай на долгое время — сказала Аннушка и потащила картонку для шляпъ въ дѣвичью.

Окончивъ расчетъ съ хозяйкой дома, устроивъ все какъ предпологала, и объявивъ, что намѣрена у ней подъ сохраненьемъ оставить на долгое время мебель и сундуки съ разными вещами, Улимова докончила день свой въ заботахъ. Справедливость требуетъ сказать, что ее не столько утомили разныя хлопоты, укладка и то̀, что она сто разъ вставала съ своего мѣста и сто разъ садилась, болѣе ста разъ прошла черезъ каждую комнату, какъ слезы, ужасныя, обильныя слезы, пролитыя ею утромъ послѣдняго дня, который она проводила въ этомъ городѣ, въ этихъ стѣнахъ, среди мебели и картинъ и всего, что было покрыто милой пылью прошедшаго. Осудивъ себя добровольно на продолжительное изгнаніе, она вдругъ въ этотъ день поняла вполнѣ, что значило для нея это изгнаніе, и душа ея разбилась. Мыслью, взоромъ, каждымъ чувствомъ она прощалась со всѣмъ и болѣе всего прощалась съ самой собой, съ той женщиной, которая должна была выйдти изъ этихъ стѣнъ съ твердой рѣшимостью никогда въ нихъ уже не возвращаться, никогда не возвращаться къ той точкѣ, съ которой сдвинули ее и отъ которой теперь уходила она сама окончательно.

Мудрено представить себѣ блѣдность ея измѣнившагося лица, измученный взоръ полупогасшихъ глазъ, большихъ и полныхъ нѣмой тоски. Печать борьбы, послѣдствія битвы только теперь ясно отпечатлѣлись на ней, но спокойствіе было невозмутимо, то было спокойствіе совершеннаго утомленія, совершеннаго упадка силъ. Дѣятельность души и ума пресѣклась, уничтожилась въ ней, и безъ волненія уже, безъ всякаго проявленія терзаній ходила она, какъ тѣнь двигалась тихо и

безмолвно. Въ теченіе дня, и именно послѣ тѣхъ обильныхъ, истребившихъ въ ней послѣднія силы, слезъ, она написала къ Салынину записку слѣдующаго содержанія:

«Съ тѣхъ поръ, какъ вы положили конецъ всему между нами, я, слабая женщина, пыталась оживить свиданіями ваше умершее чувство, я искала встрѣчъ съ вами и забывая гордость свою, побѣдивъ свою волю, нерѣдко прямо просила ихъ у васъ. Вы умѣли отказывать мнѣ, умѣли избѣгать исполненія моихъ просьбъ, умѣли быть невнимательны, даже неумолимы ко мнѣ. Муки мои вамъ непонятны, гордость мою вы считали себя въ-правѣ не щадить, — не станемъ разбирать, правы ли вы въ этомъ! Вы со мной разстались, простились, но я до-сихъ поръ еще не разставалась съ вами; сегодня попытаюсь и я это сдѣлать. Умирая для всего и всѣхъ, я хочу проститься съ вами; я уѣзжаю такъ на долго, что подобную разлуку, ужъ по одной продолжительности ея, можно назвать смертью. Нѣтъ человѣка, который бы не смотрѣлъ на волю умирающаго какъ на нѣчто священное, исполните же мою послѣднюю волю. Я *требую*, чтобы вы, безъ всякихъ отговорокъ, безъ созданія всякихъ невозможностей, пріѣхали сегодня ко мнѣ въ 6-ть часовъ, наконецъ въ половинѣ седьмаго. Назначаю вамъ часъ потому, что хочу на свободѣ проститься съ вами: въ этотъ часъ никто не помѣшаетъ мнѣ, ничье посѣщеніе не вынудитъ у меня притворства, на которое у меня нѣтъ сегодня силъ. Но въ половинѣ девятаго, въ восемь даже быть-можетъ, въ дверь мою постучатъ, *изъ приличія*, въ послѣдній разъ, лица, такіе же равнодушные посѣтители какъ и вы ко мнѣ:

всѣ знаютъ, что я уѣзжаю, и нѣкоторые считаютъ себя обязанными проститься со мной. Отчего я пишу къ вамъ и прошу свиданія съ вами? оттого, что я не могу разсчитывать, чтобы вы рѣшились принудить себя сдѣлать что-либо для меня, *хоть изъ пустаго приличія.* Простите мнѣ это слово правды, я не останавливаюсь ни передъ какой правдой, особенно сегодня, и высказываю вамъ, самымъ поступкомъ своимъ, до какой степени вы дороги душѣ моей. Я всему, рѣшительно всему, подвергаю себя, чтобы еще разъ пожать руку вашу какъ слѣдуетъ.

«Если кто-нибудь будетъ васъ удерживать или отговаривать, покажите мою записку, разрѣшаю васъ. Любить, какъ я васъ люблю, я не считаю для себя стыдомъ, — а васъ, не смотря ни на что, считаю до-сихъ-поръ и всегда достойнымъ любви самаго лучшаго, самаго благороднѣйшаго сердца.

Ю.....»

Въ лѣтній день сумерки непродолжительны, но за то предсумрачная пора полна прелести. Косые лучи солнца, поигравъ еще немного надъ землей, вдругъ исчезаютъ, и только въ небѣ держутся долго пурпурныя краски; не такъ густъ синій цвѣтъ свода, онъ ждетъ первыхъ звѣздъ, чтобы стать снова голубѣе, а покамѣсть другіе цвѣта въ немъ и незамѣтно сбѣгаютъ они поочереди. Шесть часовъ пробило — Салынина не было. На бой часовъ вздрогнула Улимова и посмотрѣла въ окно, но тихо все.

— Однако, онъ велѣлъ сказать, что будетъ — сказала она себѣ. — Неужели не придетъ? Нѣтъ, это невозможно.

Не смотря на убѣжденіе, что Салынинъ при-

детъ и не позволитъ себѣ оскорбить её въ конецъ, Улимова начинала впадать въ то страшное, тоскливое состоянiе, которое когда-то такъ хорошо ей было знакомо. Только ожиданiе ея было безъ порывовъ нетерпѣнiя, безъ яду негодованья, — силы ея гасли такъ же постепенно, какъ гасли пурпурныя краски въ небѣ, задержавшiйся отблескъ погасшаго солнца.

Юлiя Михайловна встала съ кушетки, сѣла подлѣ стола, облокотилась на него и положила усталую голову на сложенныя руки. Сердце ея почти не билось, глаза были безсильны проливать слезы, голова была безсильна думать, а душа терзаться, все замерло въ ней повидимому. Въ половинѣ седьмаго дрожки остановились у подъѣзда, медленные шаги Салынина опять раздались близко, но ни знакомый звукъ ихъ, ни стукъ палаша не заставили подняться Улимову. Салынинъ вошелъ и стоялъ уже передъ ней, съ тихимъ поклономъ. Голова Юлiи Михайловны только слегка приподнялась, и онъ увидѣлъ безмолвное и блѣдное лицо, которое пыталось выразить привѣтъ, встрѣтить его улыбкой — но уже не могло.

— Насилу вырвался я — сказалъ онъ, однако довольно спокойно, приближаясь къ Юлiи Михайловнѣ.

Тогда только она поднялась и подала ему руку.

— Я уѣзжаю на годъ, на два, на пять лѣтъ, словомъ я сама не знаю, на сколько именно, но знаю только, что надолго. Вы обѣщали, что исполните мое требованье, каково бы оно ни было, и я рѣшилась написать вамъ, что требую свиданiя съ вами безъ свидѣтелей. Вы послѣ этого могли прiйдти къ заключенiю, что я имѣю сказать вамъ

нѣчто важное, что я хочу чего-нибудь отъ васъ — нѣтъ, не то: я только по привычкѣ, которой еще не могла искоренить въ себѣ, не могу не отдѣлить отношеній своихъ къ вамъ отъ отношеній моихъ къ другимъ, совершенно чуждымъ душѣ моей лицамъ. Зрѣлища изъ себя я дѣлать не люблю, а чтобы избѣжать этого, пришлось бы притворяться. — Сегодня же я притворяться не въ силахъ, итакъ пришлось *требовать* отъ васъ, чтобы вы меня не подвергали необходимости притворяться.

Улимова проговорила все это просто, спокойно и ласково. Въ первый разъ еще Салынинъ замѣтилъ, до какой степени измѣнилась и исхудала она, и въ эту минуту онъ не могъ не понять, что даже и въ нравственномъ отношеніи въ ней произошла перемѣна. Онъ видѣлъ ясно, что душа въ ней перегорѣла, изболѣлась. Сознаніе, что она точно уѣзжаетъ, этотъ экипажъ съ привинченными сундуками, этотъ безпорядокъ въ комнатахъ, двери передней брошенныя нарастворъ, движеніе во дворѣ и отдаленные голоса укладывающихъ и пробѣгающихъ иногда суетливо подъ окномъ людей — все это своей неоспоримой дѣйствительностью подѣйствовало на Салынина. Чувство шевельнулось снова на днѣ души его, онъ былъ самъ не свой.

— Куда же ты ѣдешь? спросилъ онъ Улимову, ласково взявъ ее за плечо и прислоняясь головой къ головѣ ея.

Она не была ни удивлена, ни взволнована этой неожиданной, тихой лаской; видно было, что ни радоваться, ни печалиться она не могла болѣе въ эту минуту, что по изнемогшейся ея душѣ сколь-

зили всѣ впечатлѣнія теперь, не оставляя на ней никакого слѣда.

— Я ѣду къ отцу — отвѣчала она, садясь машинально подлѣ Салынина на кушеткѣ. — Своего отца я не помню, но болѣе уважать и любить его не могла бы, какъ старика Улимова; и онъ тоже меня любитъ. Онъ боленъ безнадежно, хочетъ меня видѣть, а я счастлива, что есть еще на землѣ сердце, которое требуетъ моего присутствія.

— Не говори такъ. Видишь, какая ты! Мало ли ты была любима и развѣ ты думаешь, что мнѣ легко съ тобой разставаться? Но я хочу однако, чтобы ты уѣхала, ты утѣшишься, отдохнешь.... Тогда, когда снова мы встрѣтимся, я буду любить тебя знаешь какъ!...

— Нѣтъ, въ этотъ разъ мы разстанемся навсегда....

— Я отыщу тебя, гдѣ бы ты ни была, мы увидимся!

— Къ чему это, Николай?

Вмѣсто отвѣта онъ внимательно разсматривалъ ея измученное лицо.

— Посмотри, какъ ты похудѣла, какъ измѣнилась. Я просилъ тебя беречь свое здоровье, силы — хорошо ты меня слушаешь!...

— Видно я безсильна сберечь ихъ, отвѣчала Улимова; ты одинъ могъ помочь мнѣ въ этомъ, но ты не захотѣлъ.

— Время меня оправдаетъ, сказалъ Салынинъ.

— Для тебя время значитъ будущность, а я безъ всякихъ правъ на будущность, слѣдовательно время для меня ничего не значитъ; это слово безъ смысла, звукъ безъ отголоска.

— Полно, полно. Тебя видѣть такой и слышать, что ты такъ говоришь, невыносимо для меня.

И Салынинъ не выпускалъ руки ея изъ своихъ рукъ, ласкалъ и нѣжилъ Юлію Михайловну каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ, каждымъ звукомъ своего голоса. Но щеки ея оставались такими же блѣдными, во взорѣ не было одушевленія и ничто, казалось, не могло разбудить въ ней уснувшей жизни.

— Можно ли такъ писать, какъ ты сегодня писала ко мнѣ? — говорилъ Салынинъ. Неужели ты думаешь, что было нужно столько словъ, чтобы заставить меня пріидти къ тебѣ?

— Я не въ первый разъ просила тебя.

— Пойми, что я долженъ былъ поступить такимъ образомъ.

— Ты самъ для себя создалъ долгъ.

— Нѣтъ, душа моя, не я, а обстоятельства.

— Блѣдное слово, но въ немъ отвѣтъ на все — сказала Улимова — обстоятельства! это темное истолкованіе всему, запутанный отвѣтъ оракула.

— Да какъ и чѣмъ болѣе опредѣленнымъ можемъ мы отвѣчать? — сказалъ Салынинъ, нѣжно поцѣловавъ ея наклоненную голову.

— Оставь меня, Николай, я больна сегодня, то есть, я особенно устала сегодня — проговорила Улимова, тихо отклонясь.

— Что же съ тобой было?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь?

— Я перестала наблюдать за собой, себя анализировать, собой заниматься вообще. Вспомни, случалось намъ иногда нечаянно сойтись однимъ, какъ теперь, случалось, что ты, противъ воли

своей, бывалъ ласковъ и нѣженъ, но я не могла ужъ говорить съ тобой о себѣ и мало-по-малу отвыкла отъ этого.

— Правда, ты никогда мнѣ ничего теперь не разсказываешь—сказалъ Салынинъ съ упрекомъ.

Въ эту минуту они замолчали и Николай Григорьичъ, окинувъ взоромъ комнату, невольно замѣтилъ, что они сидѣли такъ точно теперь, какъ въ тотъ день, когда въ первый разъ, въ отвѣтъ на слова любви его, она грустно подала ему руку. И она тоже вспомнила тѐ время, и грустнымъ сердцемъ сравнила свое прошлое съ настоящимъ.

— Знаешь, Жюли, что я вспомнилъ теперь? первое время любви моей къ тебѣ — сказалъ Салынинъ.

— И я тоже, отвѣчала Улимова. — Я была бы счастливѣй, если бы все осталось такъ, какъ было тогда.

— Такъ ты жалѣешь, что любила меня? — спросилъ онъ съ упрекомъ.

— Если бы я могла сказать: любила, вмѣсто люблю, то я бы не жалѣла. Скажи, на что тебѣ была нужна любовь моя?

— На что? — И онъ приподнялъ голову ея и заставилъ посмотрѣть себѣ прямо въ глаза. — На то, что я любилъ тебя и люблю — произнесъ онъ внятно и тихо. Но магическое слово люблю было встрѣчено улыбкой недовѣрья. Оно не произвело ровно никакого впечатлѣнія, и почти можно сказать съ увѣренностію, что если бы вмѣсто люблю Улимова услышала ненавижу, она бы приняла и это слово безъ особеннаго потрясенія. Силы ея пали окончательно и способность чувствовать замрела повидимому навсегда.

— Много здѣсь было счастья для меня и для тебя — продолжалъ онъ, отданный воспоминаніямъ — много было любви.

Онъ говорилъ это задумчиво, рука его обвивала талью Юліи Михайловны; она взяла эту руку и прижала къ сердцу своему.

— А теперь, — сказала она ему — *здѣсь* ни искры отрады.

— Тсъ! не говори мнѣ этого. Мы увидимся, увидимся — твердилъ онъ, тронутый до глубины души ея невыразимой тоской и въ первый разъ, быть-можетъ, постигая, что̀ въ самомъ дѣлѣ происходило у ней въ сердцѣ.

— Нѣтъ, прощай навсегда — отвѣчала Улимова.

— Не говори мнѣ прощай, когда я говорю тебѣ до свиданія.

Улимова улыбнулась невольно.

— Ты пытаешься утѣшить меня, Николай; благодарю тебя. Видишь ли, ты прощался со мной нѣсколько разъ, но я принимала твои прощанія и не говорила тебѣ сама прощай. Теперь же я съ тобой прощаюсь....

— Понимаю, ты хочешь сказать, что ты будешь избѣгать встрѣчъ со мной? Жюли, довольно ли ты сильна для этого?

— Вѣдь вы всѣ называете меня сильной женщиной, отвѣчала она съ горечью; вы всѣ даете мнѣ испытанія, не подумавъ сначала, по силамъ ли онѣ мнѣ! вотъ и я повѣрила, что все могу перенесть, что смѣшно мнѣ обращаться съ силами своими осторожнѣй, нежели другіе обращаются съ ними. Не вынесутъ силы — имъ же хуже, а мнѣ, можетъ-быть, будетъ лучше. Пожалуйста, не подумай, что я пытаюсь испугать тебя мрачными

картинами и этимъ путемъ возбудить твое участіе: сегодня ты и такъ добръ, добрѣе нежели я ожидала; я унесу о послѣдней минутѣ по крайней мѣрѣ доброе воспоминаніе; умирать физически я не собираюсь, даже думаю, что въ глуши деревенской, въ спокойствіи однообразной жизни я поздоровѣю и, очень можетъ-быть, проживу весьма долго. Что же касается до жизни мыслей и души, сегодня я чувствую, что она заснула и, надѣюсь, не проснется во мнѣ. По-крайней-мѣрѣ я на этого мертвеца навалю большой камень вседневныхъ заботъ, серьёзныхъ занятій и не позволю вставать ему, какъ дѣлывалъ онъ это не разъ изъ-подъ холоднаго камня твоего забвенія. Если я могу ждать еще чего-нибудь хорошаго отъ времени, то это убѣжденія, что выходцы, то есть волненія чувствъ, для меня уже невозможны.

Салынинъ выслушалъ ее молча.

— И все, что ты сказала мнѣ, доказываетъ только, что ты до-сихъ-поръ любишь меня — замѣтилъ онъ.

— Люблю, да, такъ люблю — повторила отдавшись на мгновеніе одушевленію своему Улимова — что я бы хотѣла, чтобы ты вездѣ еще глазами читалъ это слово, когда меня уже съ тобой не будетъ. Передо мной, за мной нѣтъ ни слѣда твоего чувства, ты постарался все изгладить, только насильно убить во мнѣ чувство ты не могъ. Ты слишкомъ много понадѣялся на силы моей гордости, но въ этотъ разъ, въ первый еще разъ любовь превозмогла её. Я сказала тебѣ люблю съ полнымъ сознаніемъ того, что произносила въ ту минуту. Вотъ я беру твою руку, прижимаюсь еще разъ къ

твоему сердцу: оно еще не совсѣмъ безотвѣтно для меня, я это знаю. Будь счастливъ, Николай.

Увлеченный горячностью и искренностью ея непоколебимаго ничѣмъ чувства, Салынинъ съ любовью и грустью слушалъ её, приклонивъ голову къ ней на плечо. Юлія Михайловна коснулась рукой волосъ его.

— Вотъ — сказала она, спокойно улыбнувшись и глядя на него съ признательностію — вотъ лучшая ласка твоя и которая всегда составляла мою гордость: глядя на тебя въ подобную минуту, я думала, что любовь моя была твоей силой и твоимъ счастіемъ: блаженно подобное вѣрованіе!

— И ты не ошибалась, сказалъ Салынинъ печально. — Нѣжнѣе и заботливѣе нельзя любить любимаго ребенка, довѣрчивѣе нельзя любить лучшаго друга, слѣдовательно вѣрь и теперь, что если время разлуки сотретъ нѣсколько въ сердцѣ моемъ образъ женщины любимой, то все же на долю твою останется еще не одинъ уголокъ въ этомъ сердцѣ.

Улимова только вздохнула и молча пожала ему руку. Смеркалось очень замѣтно, въ комнатѣ стало почти совершенно темно; Салынинъ всталъ.

— Къ тебѣ начнутъ сходиться посѣтители, сказалъ онъ.

Улимова безъ возраженія сама сбиралась отворить передъ нимъ двери.

— Чтожъ, ты не проводишь меня до калитки? спросилъ онъ.

— Ты не позволялъ мнѣ этого никогда, отвѣчала она....

— А сегодня прошу даже меня проводить —

сказалъ Салынинъ. —Вѣдь ты тысячу разъ увѣряла, что ничѣмъ не рискуешь.

— Конечно, я здѣсь одна совершенно — отвѣчала Улимова. Однако, она стояла какъ будто въ нерѣшимости посреди комнаты, а можетъ-быть отдана была глубокой, печальной задумчивости.

Салынинъ подошелъ и поцѣловалъ ее; не походилъ этотъ поцѣлуй вовсе на тотъ первый поцѣлуй, данный ему женщиной, которая въ ту пору далека была любви, и между-тѣмъ тогда онъ вышелъ счастливый, радостный. Теперь та же самая женщина любила его больше жизни своей, но грустенъ и не горячъ былъ этотъ поцѣлуй: быть можетъ сознаніе было, что эта разлука не такова, какъ всѣ предъидущія разставанія. Случай, счастіе могли еще что-нибудь для нихъ сдѣлать, но сами они, видно было, рѣшились уже не дѣлать болѣе ни одного шага въ пользу любви своей: она— потому-что борьба утомила, уничтожила ее, онъ— потому-что мыльные пузыри еще были цѣлы.

Молча вышли они на крыльцо: крыльцо было съ нѣсколькими ступенями, Салынинъ сошелъ съ нихъ, остановился и удержалъ Юлію Михайловну рукой. Взявъ руки ея въ свои, онъ долгимъ взоромъ окинулъ всю ея небольшую фигуру, вглядывался жадно въ каждую черту, какъ будто хотѣлъ навсегда запомнить, навѣки удержать въ памяти своей малѣйшія подробности ея наружнаго вида.

— Отгадай, отчего я попросилъ тебя выйдти со мной изъ комнаты? спросилъ онъ тихо.

— Не знаю, — отвѣчала простодушно Улимова.

— Здѣсь свѣтло еще; я не хотѣлъ уйдти, не посмотрѣвъ еще разъ на тебя — сказалъ онъ съ

увлеченьемъ.... Безмолвное пожатіе опять было изъявленіемъ ея признательности.

— А теперь тихо, смирно дойдемъ до воротъ— сказалъ онъ.—Думай, что мы увидимся, и береги себя.

Она повиновалась безъ словъ. У воротъ, подавая ей въ послѣдній разъ руку, онъ вопросительно, пристально посмотрѣлъ на нее.

— Я спокойна, Николай — отвѣчала Юлія Михайловна на его мысленный вопросъ.

Онъ переступилъ за калитку и еще разъ обернулся. Улимова смотрѣла на него въ самомъ-дѣлѣ съ каменнымъ спокойствіемъ, но никакое краснорѣчивое выраженіе горя не могло быть тягостнѣе этого спокойствія для чувства человѣка, бывшаго его произвольной, или хоть невольной причиной. Салынинъ хотѣлъ еще разъ ей протянуть руку, но она отрицательно покачала головой.

— Я суевѣрна — сказала она.

— Мы увидимся — повторилъ онъ, стараясь возбудить въ ней и можетъ-быть въ себѣ самомъ погибшее упованіе....

Она возвратилась въ комнату и продолжала укладывать вещи со всею точностію автомата.

Не знаю, увидѣлись ли они, читатель! готовитъ ли имъ еще судьба свиданіе впереди, или по-прежнему, все тѣ же мыльные пузыри занимаютъ Салынина и тотъ же неотступный Колесниковъ держитъ посредствомъ ихъ Николая Григорьича на крѣпкой веревочкѣ своихъ, высиженныхъ въ скукѣ эскадронной жизни, идей. Тутъ намъ придется оставить Салынина, эту, по мнѣнію Улимовой, прекрасную, богатую и до того искреннюю натуру, что коварства онъ никогда подозрѣвать не могъ

въ облеченномъ поэзіей его дружбы Колесниковѣ; хотя и разсказывалъ очень краснорѣчиво о своемъ недовѣріи къ людямъ; теперь придется автору на Салынина уронить покровъ неизвѣстности. Человѣкъ этотъ еще не расквитался со всѣми иллюзіями, и потому онъ весь еще въ будущемъ. Останется ли любовь его къ Улимовой только болѣе яркимъ эпизодомъ въ исторіи его жизни, или будетъ она для него истинной эпохой, съ правильными періодами, и снова выведетъ цѣлый рядъ дѣйствій — какъ отгадать!...

Передъ предразсудками свѣта, передъ голосомъ общественнымъ, передъ насмѣшкой въ особенности, теперь больше мужчина гнетъ колѣни нежели женщина. Въ чемъ для молодежи задача вѣка? быть равнодушными. Салынинъ, боясь впасть въ экзальтацію слова, впалъ именно въ худшую экзальтацію, — въ экзальтацію дѣйствій. Онъ опоэтизировалъ Колесникова и представилъ его себѣ мудрецомъ жизни. Салынинъ хотѣлъ позанять у него холода и лѣни и все потому-только, что теперь общее стремленіе молодежи — потушить въ себѣ способность къ восторженности, какимъ бы то образомъ ни было. Недавно еще было въ модѣ разочарованіе, теперь въ модѣ *постиженіе людей и жизни.* Салынинъ жертва этой моды; онъ могъ бы быть счастливѣй, если бы въ немъ не было стремленія явить себя *человѣкомъ съ правилами,умомъ практическимъ, знатокомъ положительной стороны каждой вещи.* И между тѣмъ, быть можетъ, какое сокровище прекраснаго и какой живой источникъ истинной поэзіи въ Салынинѣ! Положимъ, что онъ точно стòитъ любви лучшей изъ женщинъ, но по ослѣпленію своему, Са-

лынинъ готовъ скорѣе разбить благородное сердце, нежели сдѣлать его счастливымъ. Будемъ думать, что это жаркая и свѣтлая душа, окрыленная всѣмъ прекраснымъ—только столкновеніе съ сухой и неузнанной имъ натурой Колесникова связало эти крылья.

Колесниковъ не Яго вовсе, а просто просвѣщенный и заглохшій подъ плѣсенью времени и уединенной деревенской жизни умъ. Онъ эгоистъ по натурѣ, мелокъ по нравственности, онъ всегда рабъ своихъ привычекъ. Онъ понялъ требованія вѣка и общества, въ которомъ жилъ, и не далъ себя разгадать: вотъ огромная заслуга его проницательнаго, лукаваго ума. Колесниковы важны тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, которое они всегда имѣютъ на образованіе характеровъ и на житейскую мудрость всего какого-нибудь холостаго общества, и нѣтъ почти такого общества, которое бы не имѣло своего Колесникова. Его кормятъ, поятъ, ему проигрываютъ, возятъ его всюду даромъ, слушаютъ съ уваженіемъ и ему одному позволяютъ браниться, принимая жесткость словъ его за доказательство дружбы. Колесниковы хороши со всѣми, умѣютъ быть всегда кстати внимательны, но никто не запомнитъ со стороны ихъ ни одного пожертвованія, и между-тѣмъ каждый вѣритъ, что они способны на величайшія жертвы. Колесниковы вообще типъ мѣстный, и не скоро переведется этотъ родъ людей. Первый камень вліянія кладетъ на нихъ преимущество ихъ книжнаго просвѣщенія надъ просвѣщеніемъ вкуса, которое одно только составляетъ фундаментъ образованія большинства молодыхъ людей въ нашъ вѣкъ; въ свѣтѣ Колесниковымъ нѣтъ мѣста, потому-

что тамъ ихъ некогда слушать, но въ глуши деревенской, однообразной жизни, Колесниковъ немедленно замѣченъ, потомъ кѣмъ-нибудь опоэтизированъ, и наконецъ — вознесенъ. Колесниковъ можетъ служить долго въ одномъ полку, жить безвыѣздно многіе годы въ одной и той же деревнѣ и не жениться вовсе, или по-крайней-мѣрѣ не жениться, пока не переженятся всѣ его пріятели.

На другой день только, около двѣнадцати часовъ коляска Улимовой выѣхала изъ воротъ. Она перекрестилась, набожно взглянувъ на куполъ церкви, мимо которой проѣзжала. Потомъ ее повезли по разнымъ улицамъ, повернули направо, потомъ прямо — и вдругъ поровнялась она съ квартирой Салынина. Домъ былъ угольный, окно его выходило на другую улицу совершенно. Однако она приподнялась въ экипажѣ и посмотрѣла на его окно; день былъ жаркій, оконница приперта снутри, Юлія Михайловна ничего не увидѣла. Впрочемъ подъ окномъ стояло нѣсколько дрожекъ и Колесниковъ входилъ въ ворота....

Улимова подняла стекло въ экипажѣ и продолжала стоять и смотрѣть на угольный домъ, на безотвѣтное окно. Она задыхалась въ своей коляскѣ и была блѣднѣе мертвеца. Къ счастію передъ заставой лошадь распряглась, что-то въ упряжи испортилось — Улимова пошла пѣшкомъ. Готовясь перешагнуть за черту, она еще разъ остановилась и поглядѣла назадъ: она увидѣла дома, дома и дома, нѣсколько куполовъ, нѣсколько шпицовъ церковныхъ, густое облако пыли надъ всѣмъ этимъ и ни одного человѣка, ни одного живаго существа, которое бы можно было раз-

глядѣть и присутствіе котораго бы сказало ей, что тамъ, за нею, не все мертво, не все камень, не все желѣзная кровля — а есть и люди, есть и сердца, есть и мысли.

Она отважно прошла черезъ заставу, и когда дверцы коляски отворились передъ ней, засмѣялась громко, отъ чувства горькой свободы, которое разлилось жгучей отравой по ея сердцу....

Черезъ пять дней забѣлѣли передъ Улимовой крестьянскія избы и съ горы смотрѣлъ на подъѣзжающихъ господскій домъ Александровки.

Онъ тотъ-же былъ, съ башней, бѣлый, двухъэтажный, съ низкимъ и длиннымъ флигелемъ, присоединеннымъ къ нему длиннымъ корридоромъ. Коляска въѣхала въ огромный дворъ, отдѣленный низкимъ плетнемъ отъ конюшеннаго двора, и проѣхавъ подъ окнами, звоня колокольчикомъ, остановилась подъ башней у крыльца.

— Баринъ! Юлія Михайловна, кажись, пріѣхали!... воскликнулъ Филька, обмахивавшій мухъ со спящаго Юрія Петровича, и со всѣхъ ногъ бросился на встрѣчу.

— Куда же ты, куда ты! дай, и я встану.... раздался слабый голосъ больнаго, но подняться онъ не могъ и когда Юлія Михайловна вошла къ нему, старикъ обнялъ ее съ чувствомъ и только проговорилъ: — Что это ты похудѣла такъ, моя бѣдная Юленька!

— Съ дороги — отвѣчала она, садясь подлѣ больнаго.

— Нѣтъ, не съ дороги — возразилъ онъ, повернувъ къ ней лицо, вглядываясь пристально и качая головой. — Но ты теперь у меня, ты поправишься — прибавилъ онъ.

Съ усиліемъ сдержанный глубокій вздохъ былъ ему единственнымъ отвѣтомъ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО ЛИСТКОВЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА УЛИМОВОЙ.

Я кажется слишкомъ понадѣялась на свои силы, онѣ всякую минуту какъ будто сбираются меня оставить, а я между-тѣмъ берегу себя. Вѣдь онъ хотѣлъ, чтобы я себя берегла, онъ говорилъ это, онъ требовалъ — и вотъ по вечерамъ я не выхожу безъ мантильи или шали, я накидываю косынку на волосы, чтобы роса не пала на нихъ, и вдали отъ него я дѣлаю еще тò, чего онъ хотѣлъ. Мнѣ смѣшна моя покорность, и только спрашиваю я часто себя: — когда же придется мнѣ сдавать ему отчетъ въ поступкахъ моихъ и мысляхъ? Мы не увидимся, не увидимся.... Если бы я была слабѣе душой, или хоть однимъ свойствомъ души — гордостію, если бы не совѣстно мнѣ было себя самой, я бы плакала. Но вѣдь я пріѣхала сюда искать силъ и, если можно, забвенья. Гоню мысль, которая можетъ привесть меня въ слезы. Здѣсь однако я часто бываю больна, это мнѣ непріятно, потому-что Юрій Петровичъ всякій разъ перепугается, а я пріѣхала, чтобы помочь ему выздоровѣть, пожить еще нѣкоторое время. Я здѣсь чтобы дать ему спокойствіе, а не разрушать его.

Вчера онъ замѣтилъ, что глаза мои красны, и велѣлъ прервать чтеніе — онъ думаетъ, что они красны отъ чтенія; значитъ, я плакала? Можетъ-быть, когда молилась, только я не очень плакала, а такъ прослезилась нѣсколько, и то потому.... я склоняю голову, закрываю глаза и мнѣ кажется, что въ эту минуту взглядъ вѣчнаго милосердія

обращается на меня: этому взгляду только открываю я свое скорбное сердце.

Не недостатокъ довѣрія заставляетъ меня молчать передъ Юріемъ Петровичемъ: есть мысли, которыя ломаются въ словахъ, есть чувства, которыя покажутся новыми, когда начнешь передавать ихъ, а я сжилась съ ними, и не хочу, чтобы что̀ либо измѣнилось въ нихъ. Если бы отецъ былъ со мной во все время, и могъ бы прослѣдить меня минуту за минутой, я говорила бы о себѣ съ нимъ смѣло теперь, зная, что я ничего не должна пояснить: въ иныхъ положеніяхъ души надо понимать человѣка безъ словъ. Когда я молюсь, молюсь, и потомъ задумаюсь, я знаю, что я понята безъ словъ. Такимъ образомъ я могу простоять нѣсколько часовъ, не поднимаясь съ колѣнъ. Покрайней-мѣрѣ, я встаю примиренная, то-есть думаю только о счастливыхъ минутахъ прошлаго, я вспоминаю только, какъ онъ любилъ меня. Въ такія минуты я бы хотѣла цѣной жизни своей отдалить отъ него всякую тѣнь неудовольствія, во мнѣ только нѣжность и ласка, признательность за его любовь, сознаніе, что онъ любилъ меня.

Но иногда.... Иногда страшнымъ порывамъ я отдана и въ эту минуту другую руку я бы отвела, но стала бы сама противъ него съ наслажденіемъ, если бы можно было.... Что я говорю? что меня вызвали на любовь, что меня насильно заставили полюбить, что изъ меня сдѣлали игрушку.... Онъ говорилъ не разъ, что съ перваго взгляда ему пришелъ вопросъ, могу ли я любить, и *какъ* я могу любить? Значитъ, онъ понималъ, что я не полюблю безотчетно, сама собой, что я могу дать свою любовь и не дать ея? Такъ это было

только трудное предпріятіе, игра тщеславія, минутное любопытство?... въ такомъ случаѣ значеніе мое во всей этой исторіи слишкомъ незавидное, и никогда, никогда не примирюсь я съ своими воспоминаніями, никогда не прощу этого заблужденія своему уму.

Я смѣюсь надъ собой; дикій, адскій смѣхъ одолѣваетъ меня. Что̀ я была въ жизни! полишинель, да еще и одѣтый въ платье арлекина. Всякій рядилъ меня въ тѣ свойства, которыя ему болѣе нравились, и въ награду оставлялъ мнѣ клочекъ чувства: мало-по-малу составилось изъ этихъ лоскутьевъ пестрое платье. Я нахожу себя нѣсколько каррикатурной въ немъ, но дѣлать нечего! Бѣдному полишинелю не было покоя; рука злонамѣреннаго, рука равнодушнаго, рука любопытнаго, а больше всего рука невѣжественныхъ, дергала поочередно веревочку, заставляла его двигаться, плясать, и наконецъ оборвала двигателя — и недвижимъ полишинель теперь!...

Меня забудутъ! до-сихъ-поръ меня уже забыли!... въ этой мысли вся горечь неумолимой правды. Салынинъ забылъ меня еще когда я была тамъ; насильно врывалась я въ область памяти его, но нѣтъ — онъ меня живую схоронилъ и покрылъ тяжелымъ камнемъ своего забвенья. Какъ онъ боялся, чтобы въ немъ не ожило чувство! Значитъ, онъ радъ былъ отнять его у меня, онъ рѣшилъ, что я его не стою?... Никто еще никогда такъ жестоко не оскорбилъ души моей. Я знаю жизнь, я слишкомъ давно живу, слѣдовательно я была готова къ естественному ходу дѣла. Онъ измѣнился, когда бы самое чувство его ему измѣнило; не такъ ужасно это, потому-что не оскор-

бительно: тамъ просто горе, здѣсь еще горе и оскорбленіе. Человѣкъ принадлежитъ всегда своему чувству; чувства нѣтъ — и человѣкъ въ-слѣдъ за нимъ уходитъ отъ васъ: но мнѣ, собственно мнѣ, еще принадлежало его чувство, и онъ взялъ его добровольно у меня!... Изъ тысячи женщинъ едва ли есть другая, которая бы находилась въ такомъ положеніи. Душа моя разбита, но разбейте зеркало и смотритесь въ него; каждый отдѣльный кусокъ покажетъ вамъ лицо ваше, изображеніе ваше отражается разомъ въ двадцати обломкахъ; такъ и душа моя воспроизводитъ разомъ въ двадцати разныхъ видахъ любовь мою и память любви его....

Въ ненарушимомъ молчаніи, которое окружило меня со всѣхъ сторонъ, которое здѣсь отъвсюду идетъ и сжимаетъ меня въ своихъ безжизненныхъ объятіяхъ, я снова должна взяться за перо. Я ставлю себя опять передъ глазами своими, не для того, чтобы повѣрить себя, и не для того, чтобы въ себѣ найдти отраду и утѣшеніе. Не для того также, чтобы удержать за крыло летящую жизнь и дать себѣ время разсмотрѣть ее; когда-то, прежде, эта идея руководила мной и заставляла вести журналъ дѣйствіямъ, чувствамъ, мыслямъ. Теперь я даю продолженіе этому журналу, но не для того, чтобы удержать жизнь, заключивъ ее въ нѣмыя страницы — она сама уже остановилась. Лица не проносятся мимо меня, лицъ для меня нѣтъ — есть одно лицо, одинъ образъ, одинъ человѣкъ; его изображеніе отражается въ каждомъ обломкѣ души моей.

Я любила когда-то нашъ прудъ, эту старую грушу и вѣковые дубы.... вербы, посаженныя надъ прудомъ, очень разрослись. Когда я была ребенкомъ и меня привозили сюда, террасы эти казались мнѣ широкими чрезвычайно.

Нельзя не оцѣнить высшей утонченности чувствъ въ этомъ полу-угасшемъ уже человѣкѣ. Онъ не говоритъ со мной никогда о сынѣ, онъ понимаетъ, что теперь у меня долженъ быть иной міръ новыхъ терзаній, и не хочетъ поставить рядомъ съ ними блѣднаго привидѣнія давно прошедшаго времени. Сегодня онъ мнѣ сказалъ, что убѣжденъ, что я не встрѣтила еще ни разу человѣка, который бы стоилъ моей любви. Мнѣ стало больно за Николая. Вѣдь отецъ не знаетъ, можно ли говорить такимъ образомъ!... Онъ бы любилъ его, если бы зналъ, какъ много въ немъ прекраснаго и сколько силъ въ этой душѣ. Если онъ былъ для меня источникомъ страданій, или далъ мнѣ ихъ, то потому, что не повѣрилъ, чтобы я могла такъ страдать! Ему даны самыя странныя понятія о женщинѣ и онъ слѣдовалъ имъ. Его выучили смотрѣть на любовь какъ на слабость, словомъ — его окружили цѣпью предубѣжденій. Не скоро опытъ разсѣетъ этотъ мракъ; но я имѣю убѣжденіе, что придетъ время, когда онъ оглянется назадъ и вздохнетъ обо мнѣ.

Едва просыпается день, едва сѣрый, боязливый свѣтъ начинаетъ раздвигать мглу ночи — я тихо встаю. Принимаюсь за книгу, потому-что надѣюсь чужими мыслями подавить и заглушить свои — напрасно! иногда именно чужая мысль от-

воритъ дверь для самыхъ неудержимыхъ моихъ мыслей. Я надѣялась многаго отъ перемѣны мѣста, но въ тишинѣ моей теперешней жизни я все слышу голоса, которымъ пора бы замолчать. Перемѣнить мѣсто—этого слишкомъ мало, надо безконечно, безпрестанно мѣнять мѣста. Жанъ-Поль Рихтеръ сказалъ, что путешествіе можетъ сдѣлать человѣка холоднымъ: я думаю почти какъ онъ, то есть я полагаю, что путешествіе помогаетъ намъ отрываться душой отъ всего, отдѣляться постепенно даже отъ себя самой, отъ того, что̀ было жизнію нашей. Жанъ-Поль посылаетъ путешествовать своего пламеннаго Альбано, а Байронъ своего холоднаго Чайльдъ-Гарольда — кто стремится оковать неподвижностію душу свою, тотъ долженъ путешествовать, какого бы свойства ни былъ онъ какъ человѣкъ. Перемѣна мѣста не имѣетъ вреднаго вліянія на умъ человѣческій, когда, опечаленный обманами, онъ пытается создать для себя отечество внѣ обществъ, въ которыя соединился и которыя составилъ людской родъ. Жить между людей не сживаясь съ ними— счастливъ тотъ, кто выполнитъ эту задачу! Я здѣсь одна и умираю въ своемъ добровольномъ изгнаніи, въ своемъ глубокомъ заточеніи; въ страницахъ этихъ я ищу убѣжища отъ своего одиночества: изъ этого я вижу, что страшно состарѣлась душой, потому-что въ природѣ человѣка избѣгать болѣе всего того, къ чему онъ ближе, а ближе всего къ одиночеству старость. Было время, когда я видѣла сны, принимала ихъ за дѣйствительность... иногда однако дѣйствительность превосходитъ силу сна, но это случается только въ терзаніяхъ нашихъ, въ испытаніяхъ, — онѣ ярки! Или у че-

ловѣка такъ развита способность страдать? Какъ бы то ни было, а нѣтъ насмѣшки болѣе горькой, какъ внутренняя насмѣшка надъ отцвѣтшимъ своимъ могуществомъ. Нѣтъ, я не хочу болѣе сновъ; я представлю для себя, на этихъ самыхъ страницахъ, картину своей дѣйствительности, своей внѣшности, и буду смотрѣться въ нее, какъ въ зеркало, каждый день, пока она не отразитъ меня совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Вотъ я смотрю на себя: лицо мое блѣдно, гл. за безъ огня, улыбка не оставляетъ побѣлѣвшихъ губъ, но она не говоритъ никому, что на сердцѣ у меня весело. Въ чемъ же источникъ этой улыбки? не понимаю! даже не въ этой грустной ироніи, которая облила ядомъ своимъ каждый цвѣтокъ моей мысли, — улыбка безпричинная и безсмысленная. Нарядъ мой небреженъ, въ одномъ только нельзя упрекнуть его, въ недостаткѣ опрятности; но я забыла, что у меня есть другія платья, точно также, какъ забыла, что въ жизни есть еще краски и цвѣта кромѣ чернаго. Въ сумерки, когда дремлетъ обыкновенно послѣ обѣда въ своемъ кабинетѣ мой больной, я хожу, хожу, хожу, по большой пустынной залѣ. Все тотъ же рядъ поблеклыхъ отъ времени стульевъ въ ней, въ концѣ все тотъ же диванъ съ круглымъ столомъ и стѣнные часы въ близкомъ сосѣдствѣ съ диваномъ. Маятникъ стучитъ однообразно какъ мое сердце, въ урну времени падаютъ безотрадныя минуты. Минуты, часы все это идетъ постоянно въ одну сторону, а люди сойдутся какъ будто для того, чтобы почувствовать потомъ, что значитъ слово — разойтись. Между-тѣмъ, было время, когда рука съ рукой и въ одну сторону направивъ шаги своихъ

идей, шли тѣ два существа, которыя такъ безпричинно разошлись потомъ....

Голосъ больнаго зоветъ меня, потомъ вносятъ въ кабинетъ двѣ свѣчи. И больной мой тоже съ каждымъ днемъ блѣднѣе, слабѣе, мы не обманываемъ другъ друга надеждой. Я бы хотѣла вызвать въ душѣ своей силы сердечнаго веселья, или хоть перемежающійся огонекъ остроумія, чтобы развлечь его и помочь донести до назначеннаго мѣста, съ большею легкостію, тяжесть жизни, — но не могу. Мнѣ, мнѣ досадно на себя за свою неразговорчивость и неизобрѣтательность. Мы такъ давно не видѣлись, я жила въ свѣтѣ; старикъ ждалъ отъ меня неистощимыхъ разсказовъ о тысячѣ вседневныхъ происшествій, на которыя тамъ у насъ уходятъ цѣлые дни. Онъ бы хотѣлъ насильно мыслью отдѣлиться отъ ожиданія послѣдней роковой минуты; но я все забыла, все, кромѣ того, что оживъ даже въ равнодушномъ разсказѣ, можно дать ему слишкомъ сильное потрясеніе. Итакъ, я мало разнообразія принесла ему, переселившись сюда; присутствіе мое должно отодвинуть отъ него впрочемъ хоть нѣсколько чувство одиночества.

Оба мы — развалины прошлаго времени: онъ наружнымъ своимъ видомъ, но въ самой душѣ своей сохранилъ еще болѣе свѣжести и болѣе упованія, нежели сколько ихъ во мнѣ. Прекрасная жизнь этого человѣка догараетъ тихо на моихъ глазахъ.

Вчера я готова была разсказать Юрію Петровичу исторію Желнина, но я остановилась передъ вопросомъ: имѣю ли я право говорить о поступкахъ человѣка, когда поступки эти въ сознаніи

моемъ лишены достоинства и благородства? Я знаю, что онъ пожалѣлъ бы его и простилъ, въ той же мѣрѣ, въ какой я пожалѣла и простила его — но тѣмъ не менѣе надъ нимъ бы былъ произнесенъ еще одинъ судъ кромѣ моего суда; я не должна подвергать его даже суду догорающаго старика. Одинъ разъ я безпримѣрно увлеклась, одному человѣку отдавая безъ всякаго колебанія себя и душу свою на судъ любви. Я назвала Желнина; но тогда еще мной управляли чувства, и они-то ослѣпили меня.

Однако я бы хотѣла изобрѣсть что-нибудь, чѣмъ занять Юрія Петровича и отвлечь его вниманіе отъ зрѣлища моей безмолвной тоски, но умъ отказывается отъ усилій. Счастіе мое, что онъ любитъ музыку и что мнѣ удалось привесть въ порядокъ старый рояль. Этому старому другу много лѣтъ; я не помню, когда его купили и поставили въ гостиной: десять лѣтъ никто не открывалъ его, клавиши нѣсколько пожелтѣли. Я иногда играю Карнавалъ Шульгофа и пѣсню Гондольера Мендельсона, и играю ихъ спокойно. Теперь мнѣ приходится жалѣть, что никогда, никогда Николай не заставлялъ меня играть ему — звуки удивительно вызываютъ воспоминанія, тѣни прошлаго. Музыка въ этомъ случаѣ одарена всѣмъ могуществомъ Аендарской волшебницы. Мнѣ кажется, что я бы приблизила его мысль къ себѣ хоть на мгновеніе посредствомъ звуковъ. Какъ далеко онъ долженъ быть теперь отъ меня! его отодвинули далеко, увлекли въ странный водоворотъ пустой и шумной жизни. Онъ спрашивалъ не разъ, что дѣлаютъ люди съ своими воспоминаніями, — я бы хотѣла знать, что сдѣлалъ онъ съ ними, какъ по-

ступилъ? отогналъ какъ докучливое видѣніе, или старается заслонить ихъ другими декораціями?... Въ самомъ дѣлѣ, что такое воспоминанія, эти слѣды чувства и жизни для большинства людей? декораціи, ихъ легко переставляютъ и передвигаютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по вдохновенію: на сценѣ постоянно одинъ и тотъ же актеръ, человѣкъ, только въ разныхъ позахъ. Современный вкусъ указываетъ ему, которая поза гармонируетъ болѣе съ какой декораціей.

Юрій Петровичъ самъ заставилъ меня играть, и однако въ первый разъ, когда знакомые звуки коснулись его слуха, я увидѣла двѣ безмолвныя слезы, которыя выкатились изъ-подъ его рѣсницъ и застыли на щекахъ. Плакалъ ли онъ надъ собой, плакалъ ли надо мной? если надо мной, то эти слезы равняются нѣмой молитвѣ, а я вѣрю въ силу молитвы за другаго. Пусть плачетъ онъ, его слезы призовутъ на меня милосердіе, и я еще быть можетъ увижу....

А онъ думалъ, что я отдохну и утѣшусь. Николай, я умираю, что не вижу тебя, но не сдѣлаю шагу, чтобы тебя увидѣть, вотъ то необъяснимое и страшное положеніе, въ которое ты меня поставилъ!

Молчаніе моей жизни нарушаютъ слезы больнаго старика, а я уже не плачу; я сказала Николаю, что я спокойна, и не солгала. Если бы онъ хоть во снѣ меня видѣлъ и повѣрилъ, что это невозможно, что надо мной именно можно заплакать.... А можетъ-быть, эти слезы дань памяти сына и тѣхъ дней, когда Юрій Петровичъ видѣлъ передъ собой счастіе двухъ дорогихъ ему существъ и считалъ его упроченнымъ.

Или, не плакалъ ли онъ какъ музыкантъ, сознавая живѣе чѣмъ когда-либо свое безсиліе? мнѣ кажется, что я видѣла какъ полупотухшіе глаза его остановились болѣзненно на покрытомъ почтенной пылью футлярѣ его любимой скрипки.

Бѣдный старикъ! еще въ душѣ не угасло ни одно чувство, и потому для многихъ страданій открыта эта душа. Я не спросила, о чемъ онъ плачетъ, я предпочла притвориться, что ничего не вижу, но слезы эти упали на мое сердце и прожгли его. Сегодня я измучивала умъ свой, придумывая, чѣмъ занять отца, я много говорила, старалась смѣяться.... за то теперь изнемогаю.

Въ сумерки я ужъ не смѣла оставаться одна въ залѣ, отъ усталости меня клонило ко сну и я обрадовалась. Если бы я могла много, много спать! но нѣтъ, мысль не спитъ, она будитъ меня....

Меня позвали чай разлить; жаль, что нельзя разливать чай цѣлый день, это единственное занятіе, къ которому я теперь способна.

Больной находитъ, что я веду сидячую жизнь; сегодня мнѣ привели верховую лошадь, хорошенькую, легкую, прекрасно выѣзженную. Разговоръ о сидячей жизни былъ прелюдіей къ этому подарку. Чтобы показать отцу, что ему удалось меня потѣшить, я должна была велѣть осѣдлать ее и поѣхала кататься. Какъ, неужели я та же самая женщина, которая воображала себя, когда-то, какой-то средневѣковой владѣтельницей замка, мечтала о соколиной охотѣ, о турнирахъ!... Тяжесть тоски моей какъ будто была чувствительна и гордому животному, конь мой умѣрилъ шагъ, измѣ-

нилъ свою живую поступь, не позволялъ себѣ болѣе ни одного граціознаго, полнаго жажды воли движенія, видя, что имъ вовсе не занимались. Онъ шелъ опустивъ голову и наконецъ посреди дороги вдругъ безъ всякой причины остановился. Мнѣ стало совѣстно, мнѣ показалось, что я оскорбила его. Когда наступитъ осень, я стану ѣздить на охоту, не на соколиную, а на обыкновенную охоту, смотрѣть какъ гонятъ зайца. Когда-то я любила это занятіе и принимала въ немъ дѣятельное участіе; тогда мнѣ некуда было дѣть своей отваги, теперь мнѣ некуда дѣться отъ моей тоски. Я повернула лошадь домой, и въѣхала во дворъ шибкимъ галопомъ. Юрій Петровичъ былъ очень доволенъ: видно, Желнинъ не исключенье, каждый человѣкъ любитъ обманывать себя, возстановленіемъ внѣшности—я вѣрю, форма можетъ сохранить сущность, но что, если сущность утрачена?...

Сегодня отецъ сказалъ мнѣ, что старый пасѣчникъ живъ. Очевидно Юрій Петровичъ преслѣдуемъ идеей насильно возвратить меня на дорогу хоть прежнихъ моихъ вкусовъ; онъ еще надѣется для меня и за меня. Я хочу помогать ему обманываться, и потому не отказываюсь ни отъ одного развлеченія, которыя онъ въ заботливой своей нѣжности изобрѣтаетъ для меня.

Я поѣхала въ пасѣку; по привычкѣ я привязала у плетня свою лошадь. Собака кинулась на меня съ лаемъ; это была незнакомая собака, прежней видно нѣтъ.

Пасѣчника въ хатѣ не было, онъ грѣлся на солнцѣ, сидя неподалеку отъ ульевъ. Онъ не узналъ ни меня, ни моего голоса, и мнѣ пришлось будить его лѣнивую, совсѣмъ заснувшую память.

Тогда только онъ сталъ изъявлять свою радость, желать мнѣ здоровья и счастья, и призывать на меня благословеніе Божіе. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ и, получивъ отвѣтъ на каждый, черезъ нѣсколько минутъ повторилъ ихъ снова. Я позавидовала его безпамятству. Итакъ, есть же люди, которые перестаютъ помнить, видно разучиться можно!

Отчего же я такъ помню все, все, до мельчайшей подробности: въ какую минуту какое было выраженіе лица, какъ смотрѣли глаза, какъ звучалъ голосъ?... Утѣшиться я не могу, отдыхать не умѣю.

Я сѣла на траву, прислонясь спиной къ какому-то старому дереву. Полевые цвѣты на тонкихъ, высокихъ стебляхъ вдругъ всѣ разомъ припадали къ землѣ, когда налеталъ на нихъ горячій, предвечерній вѣтерокъ. Пчелы жужжатъ вокругъ меня пѣснь торжества вѣчнаго труда своего, и небо Украйны опять надо мной, синее, глубокое. По счастію для меня то не было время сѣнокоса, осень зарумянила давно спѣлый, налитый колосъ, и во всѣхъ ароматахъ листьевъ и травъ не было ничего, что̀ бы напомнило мнѣ запахъ свѣжескошеннаго сѣна....

Пойду къ пасѣчнику, спрошу его, какимъ образомъ можно разучиться помнить. Развѣ смотрѣть постоянно на небеса, искать и видѣть въ нихъ Бога, и если можно, ни разу не кинуть взгляда на себя. Помню, я всегда любовалась безмолвной созерцательностію пасѣчника, его спокойствіемъ, медленностію движеній, а тайна спокойствія его оставалась до-сихъ-поръ для меня неразгаданной, но теперь понимаю ее; гдѣ тотъ человѣкъ, кото-

рый, созерцая себя, можетъ-быть спокоенъ?... сѣдой пасѣчникъ не слышитъ себя въ этой тишинѣ, онъ движется, но не замѣчаетъ своего движенья; слухъ его свыкся съ жужжаньемъ пчелъ, и любитъ онъ это неумолкаемое жужжанье, онъ встаетъ и пробирается подъ деревья, чтобы ихъ слушать, уходитъ, сливая молитву свою съ неумолкаемой пѣснью. Иногда только украинская душа его просыпается, слухъ оживаетъ и чутко слушаетъ отдаленную свирѣль чумака, который далеко, на большой дорогѣ, лежа па одномъ изъ возовъ своихъ, наигрываетъ заунывную пѣсню, неизвѣстно когда сложенную про неизвѣстнаго Грица. А если вмѣсто унылыхъ строфъ Грица, чумакъ заведетъ такъ называемую *безконечную*, нѣчто въ родѣ трепака, плясовую, но по мысли своей короткую, лѣнивую пѣсню, пасѣчникъ также внимательно будетъ слушать, и отслушавъ, проговоритъ себѣ также точно на малороссійскомъ нарѣчіи: — Вотъ какъ *что-то* играло!

Что-то!... для пасѣчника нѣтъ какъ будто людей, *кто-то* не существуетъ для него; вмѣсто его есть *что-то*, неопредѣленное существо, замѣнившее всѣ другія существа. Его ничто не вызоветъ изъ пасѣки на большую дорогу. *Что-то* играло, *что-то* летитъ надъ головой, *что-то* пріѣхало къ нему, *что-то* ходитъ у него въ пасѣкѣ — словомъ, существо живое, но которое на столько призываетъ его вниманіе, на сколько оно нарушаетъ временно тишину вокругъ него. Но возстановленная тишина вытѣсняетъ всецѣло это минутное впечатлѣніе, и снова пасѣчникъ не помнитъ ничего. Видитъ небо надъ собой, вокругъ себя на тонкихъ стебляхъ нѣжные, душистые цвѣты, слы-

шитъ перелетъ пчелъ своихъ — и не обращаетъ внутрь себя взгляда никогда.

Я возвратилась только къ самому чаю; отецъ думаетъ, что я еще умѣю наслаждаться.

Получено письмо отъ Гриневича, нѣсколько строкъ всего: онъ пишетъ о себѣ, что думаетъ жениться; считаетъ меня еще въ числѣ живыхъ существъ и почувствовалъ вдругъ необходимость заговорить со мной. Онъ кончаетъ, однако, не сказавъ ничего, а между тѣмъ письмо его для меня неоцѣненно — это голосъ изъ области живущихъ въ памяти моей и въ самомъ дѣлѣ живыхъ существъ. Онъ будитъ меня въ моемъ мертвомъ снѣ, и какъ будто призываетъ къ жизни. Гриневичъ пишетъ, что Тименецкій заглаза даже ведетъ себя въ отношеніи ко мнѣ какъ человѣкъ, который сбирается на мнѣ жениться.

Вотъ натура, заслуживающая однако нѣкотораго вниманія — онъ можетъ до гробовой доски преслѣдовать одну и ту же идею съ удивительнымъ постоянствомъ, онъ не умѣетъ отказываться ни отъ одного изъ своихъ плановъ. Гриневичъ говоритъ мнѣ о всѣхъ, и каждый ярче, опредѣленнѣе встаетъ передъ мысленнымъ взоромъ моимъ. Штадтгельмъ напримѣръ — человѣкъ, который представилъ, что добиться любви моей невозможно, и не пытался никогда добиться ея; Качуновъ, смѣсь поклонничества и вражды; Трасси, хорошенькая игрушка по наружному своему виду, женственный во всѣхъ пріемахъ своихъ: для него я была только предметъ, соединяющій въ себѣ нѣкоторыя условія его вкуса. Онъ спосо-

бенъ любить женщинъ, подобныхъ мнѣ, воображеньемъ, издали только. Итакъ о всѣхъ мнѣ говоритъ Гриневичъ, о Салынинѣ только молчитъ. Онъ не можетъ однако предположить, что я его забыла; но избѣгая говорить о немъ, онъ или не хочетъ оживлять воспоминаній, и безъ того негасимыхъ, или боится въ себѣ самомъ возбудить упрекъ за ошибочный взглядъ свой на человѣка. Но не ошибся онъ ни мало, Салынинъ стóитъ прекрасной, сильной любви по свойствамъ своимъ, онъ умѣетъ даже достойно отвѣчать на нее, но— не умѣетъ сбросить съ себя цѣпей чужаго вліянія. До-сихъ-поръ я знаю только себя, которая имѣла привязанности, но не отдавала имъ своей свободы, умѣла быть другомъ, но никогда не была рабой дружескихъ мнѣній. Въ этомъ отношеньи я могу высоко держать голову, я имѣю истинную гордость, я поняла истинную свободу — а онъ могъ думать, что я когда-нибудь могу стѣснить его свободу!... Если я здѣсь умру, умру, не видѣвъ его, память его, потрясенная этимъ извѣстіемъ, пробудится и страшное отчаянье прожжетъ его душу: но развѣ я не изъ тѣхъ существъ, которыхъ цѣна узнается только тогда, когда ужъ возвратить ихъ невозможно?

Жизнь уходитъ, что день, то меньше силъ, видимымъ образомъ уноситъ ихъ отъ меня волна воспоминаній. Эта почта принесла мнѣ также письмо Пленчанинова, онъ самъ говоритъ за себя; говоря съ другими, онъ говоритъ только о себѣ и слушаетъ себя съ такимъ нѣжнымъ вниманіемъ, что забываетъ посмотрѣть, не заснули-ль его слушатели.

Должна ли я отвѣчать на эти письма, или не

должна? Съ Гриневичемъ я боюсь черезъ-чуръ разговориться, потому-что и я чувствую необходимость говорить съ нимъ. И однако, что я ему скажу? я нахожусь въ такомъ состояніи, что для меня было бы отрадой его видѣть, совершенной невозможностью съ нимъ говорить. Если бы я встрѣтилась съ самимъ Салынинымъ, то слова не нашла бы, — слова безсильны, и къ тому же не мнѣ пытаться ими возстановить свои права! Краснорѣчивѣй всѣхъ словъ разсказываютъ обо мнѣ болѣзненный видъ, печать изнуренія, страдальческій взглядъ; мнѣ не надо говорить съ Салынинымъ, но мнѣ бы хотѣлось ему показаться— и тогда положить на вѣсы правды и его чувства, права свои и права Колесникова.

И здѣсь тоже есть сердце, которое читаетъ на лицѣ моемъ тоску, и пугается ея. Я не могу не отдать преимущества характеру мужскому въ этомъ случаѣ передъ женскимъ,—такъ мало женщинъ умѣющихъ выказать участіе чуждое любопытства! Имъ нужно знать причину горя, а вотъ человѣкъ, который имѣетъ терпѣніе видѣть мое постоянное горе и не смутитъ меня никогда вопросомъ о причинѣ этого горя. Онъ поступаетъ какъ извѣстный намъ докторъ, говаривавшій мнѣ всегда: «Мнѣ не нужно знать, отчего вы заболѣли, довольно съ меня, что вы больны, я долженъ придумать средство вылечить васъ». И этотъ докторъ меня вылечивалъ каждый разъ, не знаю удастся ли отцу вылечить меня отъ тоски. Тоска! что за страшное слово! Не даромъ въ русскихъ пѣсняхъ говорится всегда о змѣѣ-тоскѣ, которая

всосалась въ сердце, и грызетъ его, и сушитъ. А въ здѣшнихъ нашихъ пѣсняхъ слышишь въ самыхъ звукахъ тотъ краснорѣчивый «*жаль*», для котораго не созданы вѣсы и мѣра, какъ и въ пѣснѣ говорится, и едва ли не этотъ страшный «жаль» во мнѣ. «Жаль»—это чувство печали и оскорбленія вмѣстѣ, и оно-то змѣей-тоской обвивается вокругъ сердца, ядомъ своимъ поитъ его, кровь сосетъ, точитъ жизнь. Украйна, Украйна, мнѣ слѣдовало не покидать тебя! не искать борьбы, не идти на битву, а познакомиться съ нашими помѣщицами, вывѣдать у нихъ тайну соленій и вареній, выучиться кушать и спать на славу.... Кто это и кому совѣтовалъ ѣсть и спать побольше? а, помню, это Колесниковъ Салынину, опять Колесниковъ, всюду онъ.... Но если бы я вовремя послѣдовала его системѣ, быть можетъ я о сю пору была бы дородной хуторянкой, лѣнивой какъ всѣ малороссіяне, спокойной какъ пасѣчникъ.

Теперь ужъ не время дѣлать для себя нѣкоторой эпохой ярмарки нашего уѣзднаго города и только для нихъ покидать иногда сельское уединенье; теперь не время пересоздавать себя, — смерть можетъ застигнуть на полудорогѣ. Было время, когда во мнѣ были стремленія ко всему далекому, въ даль просилось воображенье, куда бы то ни было, лишь бы въ даль, и сверкая своими чудными красками, рисовалась въ этой дали для меня Италія. Теперь заснуло каждое стремленіе, мысль стоитъ не шевеля своимъ крыломъ, и не спитъ, только въ сердцѣ моемъ этотъ страшный, этотъ невыносимый «жаль». Напрасно я стараюсь забыть его и отворачиваю свое лицо — оно подлѣ меня всегда и всюду, мое печальное привидѣніе.

Четыре мельницы видны изъ окна, а вокругъ нихъ шепчутъ колосья спѣлой нивы, вокругъ далеко поля засѣянныя хлѣбомъ. Я люблю ходить къ мельницамъ и оттуда смотрѣть на усадьбу: это самый неэфектный видъ ея, окна, вытянутыя въ одну линейку, смотрятъ на меня какъ равнодушные глаза бездушнаго человѣка. Мы переглядываемся, потому-что я тоже смотрю на нихъ изъ своей дали и глаза мои почти такъ же безжизненны. А устану смотрѣть, встаю и пересаживаюсь, такъ чтобы глядѣть въ противоположную сторону; въ этой противоположной сторонѣ что? тянется далеко, до черты горизонта, спѣлая нива, и темная кайма, опушка густаго лѣса кончаетъ ее. Воздухъ опьяняетъ окончательно мою усталую голову, а на слухъ странно дѣйствуетъ шепотъ колосьевъ, и еще страннѣй деревянный стукъ мельницы. Все одно, да одно; не разнѣжится слухъ, да и глазамъ не весело глядѣть, какъ глупо машутъ деревянныя крылья, но въ однообразіи жизни моей я ищу всего того, что увеличиваетъ ея однообразіе.

Я могу сидѣть часъ, два, три часа: устанетъ одна рука подпирать голову, подопрусь другою. А если возы покажутся изъ за-лѣса и какъ строй гигантскихъ жуковъ ползутъ медленно по дорогѣ, если ближе они подойдутъ и заскрипитъ немазанное колесо — развѣ это появленіе оживитъ пейзажъ, или этотъ звукъ сдѣлаетъ стукъ моихъ мельницъ, менѣе деревяннымъ? Возы могутъ идти впередъ и уходить изъ глазъ, мысль моя тоже можетъ идти впередъ, но тотъ же деревянный видъ равнодушія сохраню ненарушимо.

Чѣмъ была я? сначала бѣдной дѣвочкой, которая повѣрила, что судьба приготовила для нея

счастливую жизнь. Мнѣ предложили эту жизнь, я её приняла, я начинала любить признательностью, потомъ другаго рода чувствомъ человѣка, который взялъ меня за руку, чтобы ввести въ свѣтлый кругъ, душа моя развивалась, и что поразило эту душу? зрѣлище разрушенья въ дорогомъ существѣ лучшаго изъ даровъ Божьихъ. Я прослѣдила это разрушенье, и впечатлѣнье было такъ сильно, что первое пробужденіе воли заставило стараться заслонить, задвинуть это впечатлѣніе другими: забвенья мнѣ не дано.

Чѣмъ дальше я была? женщиной, въ которой пробудились силы этой не въ пору прерванной любви и жажда возрожденья. Я создала идеалъ прекраснаго въ человѣкѣ — но самый этотъ человѣкъ разрушилъ мой идеалъ. Подъ гнетомъ поразившаго меня открытія болѣзненно свернулась въ клубокъ, сжалась душа: но забвенье мнѣ не дано.

Ко мнѣ подошли, дотронулись горячей рукой до сердца, разбудили душу и окрылили ее жаждой отрады. Я страдала, а меня призывали къ счастью! Глазамъ моимъ показали любовь такую, какою развитая и выработанная вполнѣ душа моя могла совершенно довольствоваться. То не былъ уже созданный мной идеалъ, меня подводили къ нему, и я его отталкивала; то была дѣйствительность чувства сильнаго, прекраснаго, достойнаго отвѣта. Полнымъ отвѣтомъ было и есть до-сихъ-поръ на него все мое существованіе, всѣ силы мои. Но.... зачѣмъ мнѣ не дано забвенье?

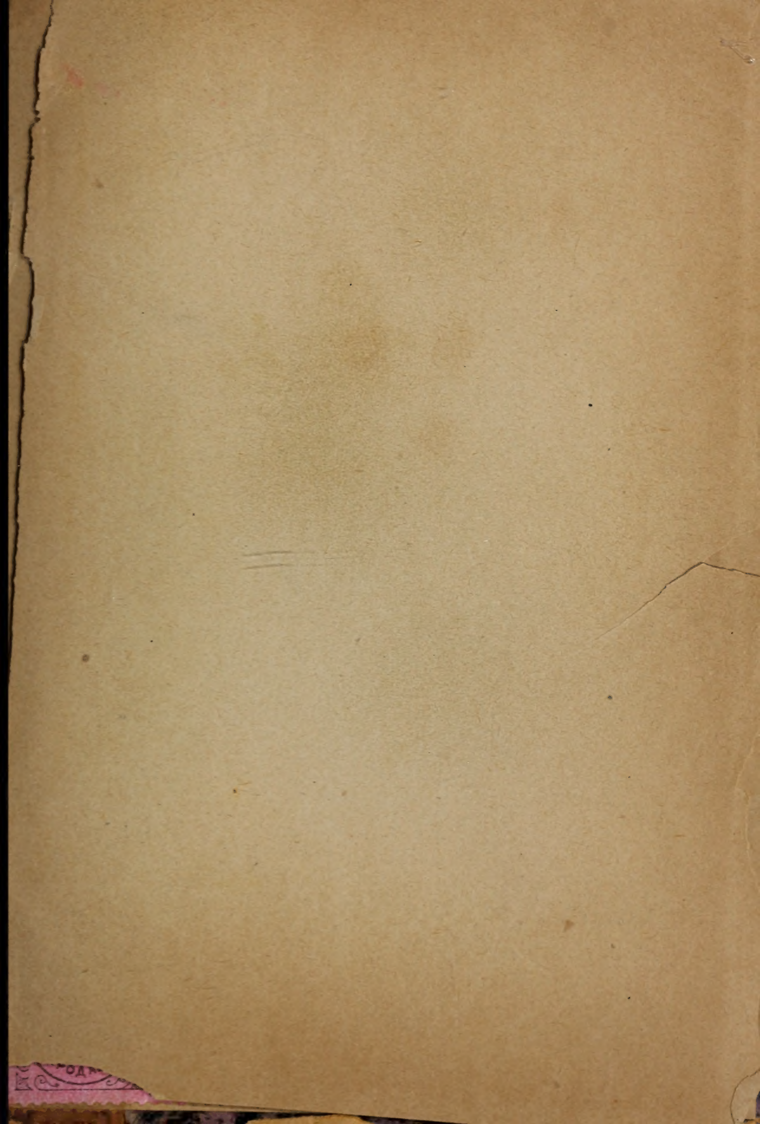
Я женщина, не знающая забвенья!

Нѣтъ, скажите мнѣ въ самомъ дѣлѣ, что это со мной было? Отчего я не могу успокоиться и никогда не успокоюсь? Я женщина, и давала себѣ отчетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ, а встрѣчала дѣйствія безотчетныя. Почему погибло, или прекратилось одно чувство, откуда возникло другое? у меня на каждый изъ этихъ вопросовъ есть отвѣтъ. Разбили идеалъ человѣка, и погибло чувство къ нему; измученная душа томилась жаждой отрады, повѣрила въ возможность ея — вотъ откуда произошло другое. Мое чувство было прекрасно, оно меня привело къ человѣку, оно заставило полюбить его больше жизни, и назвать его самого жизнью своей. Покрайней мѣрѣ побужденья Желнина обыкновенны, дорога извѣстна, путь общій: я сама себѣ дала этотъ мыльный пузырь, — разочарованіе истребило его. Но Салынинъ.... отчета нѣтъ, отвѣта нѣтъ на всѣ его дѣйствія, самъ онъ не отыщетъ ни въ чемъ на нихъ отвѣта. Гдѣ онъ? какими мыльными пузырями забавляетъ его въ настоящую пору Колесниковъ? этотъ человѣкъ взростилъ и воспиталъ въ немъ врожденное самолюбіе, а у насъ теперь вѣдь вѣкъ тщеславья, вѣкъ мыльныхъ пузырей.

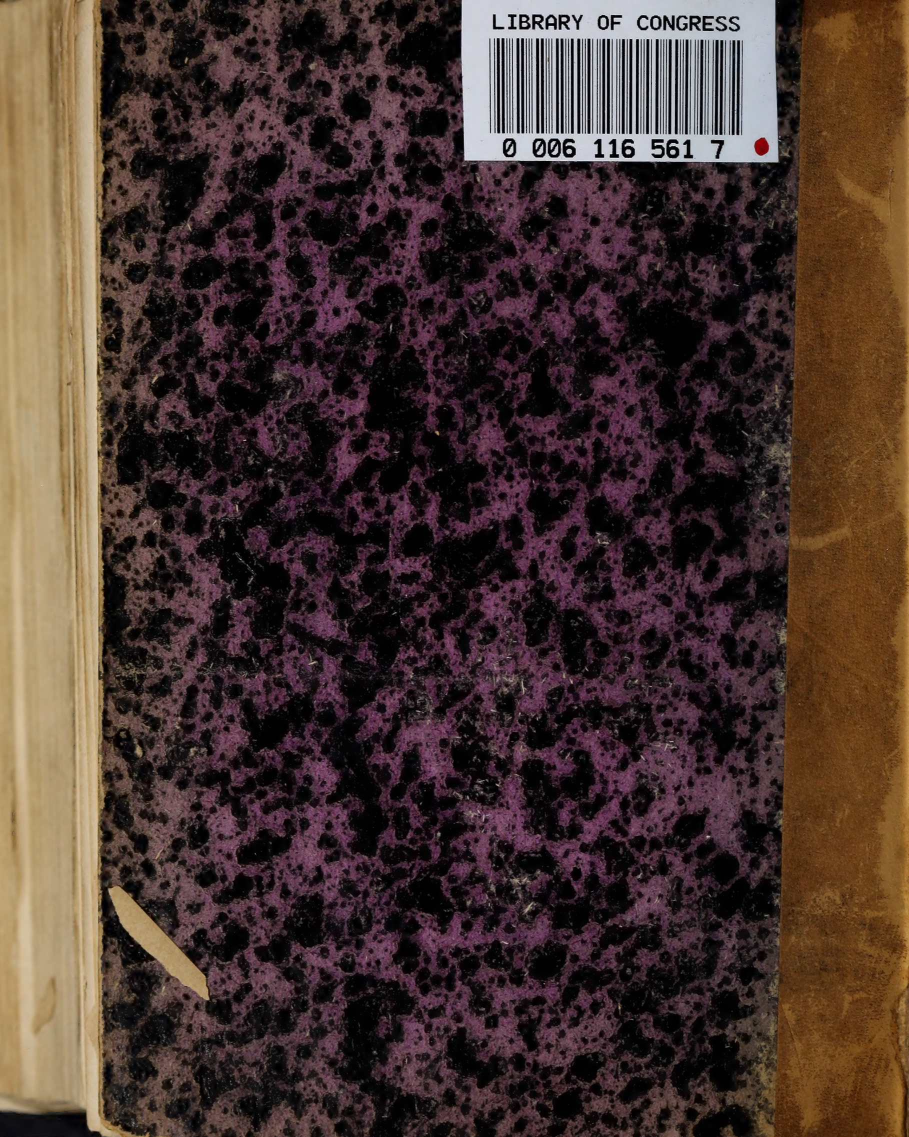
Радости жизни, идеалы прекраснаго, счастіе отвѣтнаго, благороднаго, сильнаго чувства! васъ обыкновенно называли мечтой, снами, призраками.... но мечта исчезаетъ не рѣдко, вытѣсненная другой мечтой, слѣдъ ея стирается тотчасъ, сонъ разсѣевается и уходитъ, призракъ гаснетъ, все это не оставляетъ слѣда. Нѣтъ, васъ надо назвать мыльными пузырями! въ васъ есть и призматическіе цвѣта, и фантастическія зданія, вы сами блестящи и легки, движетесь передъ нами и

маните взоръ нашъ, и дразните чувства, но быстрѣе мечты, легче сна, неуловимѣе призрака исчезаете и разсѣеваетесь вы: только слѣдъ остается, неизгладимый слѣдъ,—мутная, холодная капля падаетъ на сердце и тамъ лежитъ, тамъ говоритъ она непрестанно, что было время, когда человѣкъ не зналъ тоски, не былъ отравленъ ядомъ грустной ироніи.

КОНЕЦЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 006 116 561 7